ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга представляет собой посмертное издание работ известного исследователя опричнины П. А. Садикова.

При всем огромном значении опричнины, как одного из важнейших этапов в процессе образования Русского централизованного государства, — что подчеркнуто в постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. о кинофильме «Большая жизнь», — Опричнина до сих пор принадлежит к числу наименее разработанных вопросов истории России XVI века.

Одной из причин такого положения дел является исключительная бедность источников по истории опричнины, что чрезвычайно осложняет и затрудняет ее изучение. Исследователю опричнины приходится изучать ее, в значительной степени, по отдельным упоминаниям в источниках, по следам, которые оставила опричнина в тех или иных конкретных событиях, случаях или обстоятельствах. Лишь таким путем оказывается возможным выяснить характер политики опричнины по важнейшим социальным вопросам и составить себе представление об опричнине как учреждении.

Исследование П. А. Садикова может служить наглядным примером того, с какими трудностями связано изучение истории опричнины. Вместе с тем, работы П. А. Садикова показывают, насколько плодотворным может быть изучение опричнины, если не убояться трудностей и не пожалеть времени и сил для разыскания источников, их обработки и анализа.

П. А. Садиков рассматривает опричнину как сознательно проводимую политику Ивана Грозного, направленную против враждебной ему феодальной знати и имевшую своей целью укрепление основ централизованного Русского государства.

Наиболее существенной частью исследования П. А. Садикова являются его выводы в отношении земельной политики опричнины; установление истории образования территории опричнины, наконец, анализ форм и методов управления в опричнине. Особое внимание П. А. Садиков уделил исследованию финансового аппарата опричнины: «четей» и связанных с ними приказов. Наконец, П. А. Садиков дал и общий очерк истории опричнины, как бы подводящий итоги многолетним исследованиям автора по истории опричнины.

Характерной чертой исследований П. А. Садикова является использование автором новых, впервые вводимых им в научный оборот, источников. П. А. Садиковым было опубликовано значительное количество актового материала, относящегося к истории опричнины. В настоящем издании также публикуются документы, извлеченные П. А. Садиковым из архивных собраний и относящиеся к тем вопросам истории опричнины, которые составляют содержание его «Очерков».

Посмертный характер издания работ П. А. Садикова обусловил некоторые особенности настоящей книги.

Она включает в себя как те работы П. А. Садикова, которые сохранились в его архиве и публикуются впервые (Опричнина Ивана Грозного; Уточнение дат перехода в опричнину некоторых земель; Опричнина и население севера Московского государства; Приказ Большого Прихода; Чети конца XVI — начала XVII в.), так и те исследования П. А. Садикова, которые уже были в свое время опубликованы в различных изданиях (К истории управления в опричнине, Журн. «Дела и дни», 1921, кн. 2; Опричнина и церковь. Там же; Из истории опричной территории. Сб. «Исторический Архив», кн. III, Л., 1940;

Кормленые дьяки и вопрос о происхождении четей. Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову, П., 1922; Опричные чети. Сборник «Исторические записки» АН СССР, т. 10, М., 1941; Чети в земщине. Там же).

Следует отметить еще одну особенность настоящей книги. Работы П. А. Садикова, вошедшие в ее состав, писались автором на протяжении более 20 лет (с 1921 по 1941 г.). Это не могло не наложить известного отпечатка на их содержание. По отдельным вопросам истории опричнины взгляды автора претерпевали изменения. С другой стороны, разновременность написания имела своим последствием наличие ряда несогласованностей или повторений, имеющихся в некоторых из очерков (особенно это относится ко второй части «Очерков»).

Все эти моменты были бы легко устранимы, если бы издание было подготовлено к печати самим автором. Но в посмертном издании с наличием их приходится мириться.

Как правило, редакция считала необходимым сохранить в неприкосновенности авторский текст, ограничиваясь внесением редакционных уточнений и исправлений лишь в самых необходимых случаях. Лишь в одном случае, в очерке «Из истории опричной территории» редакция сочла целесообразным исключить из издания вводную часть этого очерка, в значительной степени дублирующую соответствующие страницы вводного очерка «Опричнина Ивана Грозного».

К изданию приложены географический и именной указатели, а также список использованной автором литературы.[1]

В работе над подготовкой настоящего издания принял участие Б. А. Романов, которому принадлежит предваритель-

---

[1] Наличие списка литературы позволило сократить аппарат примечаний, в которых издания цитируются сокращенно. Однако их полные наименования легко восстановимы по библиографическому списку.

ная редакция текста, а также уточнение и унификация аппарата примечаний.

Издание документов произведено под наблюдением и под редакцией В. Г. Геймана.

Окончательнаа редакция текста принадлежит И. И. Смирнову.

Часть первая

ОПРИЧНИНА

1. Опричнина Ивана Грозного

К началу 1560-х годов Московское государство очутилось в очень напряженной международной обстановке при довольно сложном внутреннем положении; сам Иван Грозный стоял перед вопросом — в какие формы должна была отлиться дальнейшая его деятельность как в области внутренней политики, так, в особенности, в развитии политики внешней.

Правление «избранной рады» 1550-х годов, казалось, способствовало блестящим успехам в деле строительства Московского государства. Отмена системы «кормлений» и снабжение служилых людей по их «достоинству» денежным жалованьем давали возможность широко развернуться местному земскому самоуправлению и в то же время должны были сосредоточить в руках центральной власти большие денежные ресурсы, вполне достаточные для осуществления задуманной внешней наступательной политики. Издание «Судебника» и «Стоглава» обеспечивало единообразие и законность судопроизводства. Ряд военных мероприятий (указы о «разрядстве» полков и воевод, устроение правильного, регулярного стрелецкого войска, уточнение служб с вотчин и поместий, организация своеобразного гвардейского отряда — «тысячи лучших слуг») сулил успехи в военных операциях. Наконец, в период правления «избранной рады» были проведены и крупные

земельные и податные реформы: уравнение поместных «дач», введение новых кадастровых единиц и налогов. Все это, повидимому, позволяло в дальнейшем широко использовать возможности в деле строительства и укрепления сильного централизованного государства с явно выраженной уже тенденцией превращения его в государство многонациональное благодаря присоединению и предстоящему освоению земель на Волге, по заволжским просторам и предгорьям Урала.

Однако и во внутренних, и во внешних отношениях далеко не все было решено.

Прежде всего в силе еще оставалось одно из основных противоречий московского строя: самодержавие московского царя попрежнему сталкивалось с претензиями феодальной верхушки на власть, попрежнему крупные феодалы выходили на войну с огромными отрядами своих собственных вассалов — «людей» и «детей боярских», феодальная верхушка могла в любую минуту поднять бунт против своего сюзерена — великого князя.

Крупные феодалы были сильны старинными связями с населением своих огромных наследственных вотчин, горды, если это были «княжата», своим происхождением от «государства корени». Они свысока, с презрением, смотрели на «смердов» — свободного мелкого землевладельца севера, среднего и мелкого феодала центра и юга, постоянно находившегося в военных походах, и, с развитием в стране товаро-денежных отношений, всегда нуждавшегося в средствах и в рабочих руках, которые могли бы обрабатывать его «землицу». Уничтожение политической роли крупного феодального владетеля путем ликвидации его экономической базы — конфискации земли и достигавшегося, благодаря такой мере, разрыва его отношений с населением, — выдвижение к верхам власти среднего феодального слоя — детей боярских и дворян, несших всю тяжесть борьбы за расширение пределов государства — являлись совершенно необходимыми мерами для решения насущной задачи момента. Служилый человек среднего ранга и сам громко заявлял о своих нуждах и же-

ланиях, предлагая для их осуществления вполне определенные меры.

Мысль, что основа государственного быта и могущество московских государей должны быть построены именно на этом слое служилых людей, широко пропагандировалась в московской публицистической литературе уже в 40—50-х годах XVI в. В 1536—1537 гг. в Москве появился некий «выходец», побывавший в Литве, Венгрии, Валашской земле и, наконец, вернувшийся на родину. Это был сын боярский Иван Семенович Пересветов. Получив в Москве поместье в награду за некоторые усовершенствования в воинском вооружении, он подал в 1547—1548 гг. царю две челобитных, а затем составил несколько сочинений: «Сказание о царе Константине Ивановиче» (последнем византийском императоре), «Сказание о Махмете-султане» (Магомете II, султане Турции, захватившем Византию), «Предсказания философов и докторов» (о самом Иване IV, его внутренней и внешней политике) и некоторые другие. Творения Пересветова — написаны ли были они все им лично или, как полагают некоторые исследователи, в них следует видеть творчество многих чисто московских сочинителей, а фамилию «Пересветов» считать только бродячим псевдонимом — проникнуты ярко выраженной антикняжеской и антибоярской тенденцией. «Вельможи», «ленивые богатины», повествует Пересветов, очаровали царя Константина Греческого, захватили у него всю власть и неправедно вели себя; по-иному держал себя Махмет-султан: он «грозно» правил государством, а «просудившегося» судью-вельможу «взведет его на высокий скат, да и пхнет его взашею надол». «А иных и живых одирают», — прибавляет, не смущаясь, Пересветов. Царь вообще для врагов своих всегда должен быть грозен, потому что, «как конь под царем без узды, так царство без грозы». Под греческими и турецкими «вельможами» нетрудно было узнать современных Пересветову московских князей и бояр, своевольничавших и грабивших население в годы детства и юности Ивана IV. Рекомендуя против них самые решительные и жестокие меры, автор

прямо указывает царю ту силу, на которую он должен опереться в своей борьбе против «вельмож», именно — на простых «воинников», которые должны и могут достичь высоких ступеней своей личной службой; при этом не следует обращать внимания на происхождение «воинников» — «какова отца они дети»: не знатность, а личные достоинства ведут к почестям и богатству. Идеальный порядок, по мнению Пересветова, слагается следующим образом: «Кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меншего колена, и он [царь] его на величество поднимает, и имя ему велико давает, и жалования ему много прибавливает, ростит сердце воинником своим». Необходимо также уничтожить всякую зависимость воинников от вельмож, т. е. освободить мелких вассалов, служивших у крупного феодала, и поставить их в непосредственную зависимость от самодержавной власти. Пересветов, устами Махмет-салтана, очень колоритно рисовал значение подобного состояния: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга несмелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: «Однако [все равно] есми холоп — иного мне имени не прибудет». У царя Константина первоначально все «лутчие люди» были порабощены вельможами, и хотя отряды последних были «конны и доспешны» (хорошо вооружены), однако «крепкого бою» не выдерживали, разбегались, наводили тем панику и давали плохой пример остальным войскам. Когда же Константин «дал им волю и взял их к себе в полк, и они стали у царя храбры, лутчие люди, которые у велмож царевых в неволи были; и как учали быти в воли, в цареве имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов разрывати, смертною игрою играти и чести себе добывати». Пересветов шел еще дальше и проектировал даже полное уничтожение холопства, предлагая последовать мудрому Махмет-салтану, который приказал «перед себя книги принести полныя и докладныя (т. е. такие, где записывались кабалы на

холопов) да огнем велел их пожещи», а также установил, что выкупленный из вражеского плена человек должен отрабатывать в уплату за выкуп не более 9 лет. Такие заявления звучали демагогически, но надо помнить, что и большое количество холопов и бывшие пленные, отрабатывавшие свои долги, могли находиться только у крупных феодалов, «ленивых богатин», поэтому-то и освобождение их было желательно для помещика-дворянина, давая ему надежду на получение для своего хозяйства столь необходимой рабочей силы.

В сочинениях Пересветова есть и еще одна подробность, прямо рассчитанная на внимание царя: Ивашка несколько раз подчеркивает, что «вельможи» всячески будут стараться отвлечь царя от принятого им решения «ловлением враждебным» и «кудесами всякими прелестными», т. е. чудесами и чарами, в которые царь Иван искренно верил, как истый сын своего времени, когда вера в волшебство и процессы кудесников и ведьм широко были распространены.[1]

Памфлеты Пересветова получили большое признание в старинной московской книжности, читались, переписывались и дополнялись. Безусловно знакомы они были и Ивану IV, хранившему в одном из «ящиков» своего архива какой-то «список черной» Ивашки Пересветова.[2]

К этим сочинениям были близки и некоторые другие, хотя, в силу своей меньшей памфлетической заостренности, они, быть может, и менее широко обращались среди московского образованного общества.

Таково было одно из произведений некоего «Ермолая Прегрешного», священника московской церкви «Спаса на Бору» (у самого Кремлевского дворца), затем постригшегося в монахи под именем Еразма и работавшего в литературно-богословской области под руководством митрополита Макария.[3] Сочинение Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие» представляло собою своеобразный

[1] В. Ф. Ржига, Чтения, 1908, кн. 1.
[2] АЭ, I, № 289, ящ. 143.
[3] В. Ф. Ржига, ЛЗАК, вып. 33.

политико-экономический трактат, посвященный различным вопросам, но также пропитанный явной противобоярской тенденцией. Еразму позавидовали какие-то влиятельные люди, оклеветали его перед царем и называли безумным: «Веси (знай), господи, превеликий царю, — писал он в специальном «Молении» Ивану IV, — яко в прежняя дни рекоши ти о мние, яко тебе непотребен есмь, раб твой, и недостоен никое же смысла: иногда же пред тобою и позорна нар[е]коша мя и бесна (бесноватым), своея ради зависти». От насильства высокопоставленных врагов Еразм ждал защиты только у царя: «Их же един ты (царь) многий взразити (отразить), а ин никто же».

В «Правительнице» (т. е. «Руководстве») Еразм предлагал ряд мер по введению новых поземельных окладных единиц, по отмене таможенных пошлин для торговых людей, по закрытию корчем и т. п. Некоторые из них действительно были осуществлены в 1550-х годах, хотя и в иной форме. Но важно то, что автор являлся противником сосредоточения больших богатств у «бояр» и «воевод», считая необходимым ограничить их земельные имущества известной, строго определенной мерой, никак не выше восьмикратной основной площади, назначенной для служилого человека низшего разряда. Для успешного ведения войны и необходимой быстрой военной мобилизации Еразм предлагал концентрацию военных сил в городах, чтобы «воинство противу ратным во един день собиралось, подобно есть ему (царю) всем воином повелети в селех и в весех (имениях) не жити, но жити во градех». Наконец, «Правительница» предусматривала также для удовлетворения различных нужд царского хозяйства «принятие» царем на себя во всех «градех» ряда земельных угодий.

Самое любопытное, чем проникнуто все сочинение Ермолая-Еразма, — это забота о «ратаях», о земледельцах-крестьянах, черезмерно угнетаемых непосильными денежными налогами. Автор прямо ставил крестьян выше всех «вельмож»: «Велможа бо суть потребни, но ни от коих же своих трудов доволствующеся: в начале же всего потребни суть ратаеве, от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех трудов

главизна. . ., вся земля, от царя и до простых людей, тех труды питаема». А между тем крестьяне отягчены разными денежными налогами, отчего «всегда в волнениях скорбных пребывающе». Для избавления крестьян от излишних тягот Еразм предлагал брать с них не деньги, но натуральный оброк в размере $^1/_5$ урожая.

Подобная забота о низших классах московского общества так же характерна для сочинений Еразма, как и вопрос об уничтожении холопства для Ивашки Пересветова.

Из круга тех же книжников, что и Ермолай-Еразм, группировавшихся около митрополита Макария, вышло и еще одно (анонимное) сочинение памфлетического характера: «Повесть некоего боголюбива мужа. . . царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси».[1] Цель «Повести» — предостеречь царя от неверных «синклит» (советников), которые стали бы склонять его верить своим чародейским книгам. «Повесть» рассказывает, как некий царь (подразумевалось — Иван IV), который ранее «по всей вселенней яко солнце преславно сияюще и окрестным и сопротивным страшен являшеся», а воины его всех врагов побеждали («яко огнь попалящ лица противных, никому же мощи зрети против его»), дождался не только восстания на него, «окрестных град», но и прямой измены посланных против «сопротивных» своих «ужиков» (близких) и воинства. Последние вместо отражения врага, «приложишися к супротивным на царя и яко волци нещаднии пририщуще нагло», хотели взять столицу и убивали окрестных жителей. Только решительно разорвав с чародеями-советниками и лично выступив против врага, царь добился, что его «ужики» и воинство вновь перешли на его сторону и совместными усилиями разбили врага наголову. «Чародея-синклита» с единомышленниками царь осудил и велел сжечь «и потом царствова в тишине и в покое безмятежно».

Все сочинение било на веру царя в колдовство и под видом советников-чародеев прозрачно разумело его сотрудни-

[1] «Москвитянин», 1844, № 1, стр. 246—249.

ков по «избранной раде», стремясь доказать необходимость для него и государства осуществления подлинного, ни от кого не зависимого «самодержавства».

«Повесть некоего боголюбива мужа» составила как бы дополнение, сказочно-аллегорическую иллюстрацию к предостережениям И. Пересветова относительно возможности «уловления» Грозного «кудесами» со стороны льстивых сотрудников из княжеско-боярского лагеря.

В такой идеологической атмосфере Грозный вошел в 60-е годы. К этому времени он уже резко разошелся с кружком своих советников 40-х—50-х годов. На это толкали его как причины личного характера, так и расхождение в понимании дальнейших задач (в области внешней политики). Поведение попа Сильвестра и Ал. Адашева, этих двух самых близких к Грозному людей, во время царской болезни (в 1553 г.) ставших на сторону крупного феодального княжья и боярства, готовых посадить на царство кн. Владимира Андреевича Старицкого вместо младенца царевича Дмитрия, никак не могло быть забыто и прощено. Иван, воспитанный митрополитом Макарием в убеждении, что самодержавная власть принадлежит ему по праву, исповедывавший принцип, что «жаловати своих холопей он волен, а и казнити волен же», остро чувствовал, как «избранная рада» во всем «снимает» с него эту власть.

Последней каплей, переполнившей чашу его терпения и вызвавшей окончательный разрыв, было какое-то столкновение «рады» с нелюбимой ею, уже смертельно больной царицей Анастасией во время ее «пути» из Можайска в Москву осенью 1559 г. Весной 1560 г. Адашев уже находился в почетной ссылке при войске, отправляющемся в Ливонию, а протопоп Сильвестр «добровольно» удалился в монастырь. Царь взял с оставшихся членов «рады» клятву не сообщаться с удаленными, но, повидимому, обещание это не было выполнено: друзья и советники Сильвестра и Адашева продолжали делать попытки возвратить им прежнее значение и влияние. Смерть Анастасии (в августе 1560 г.) была впоследствии истолкована Грозным

как террористический акт со стороны «избранной рады», приписана колдовству или отраве. Последовавшее кратковременное вдовство, а затем новая женитьба (в 1561 г.) Ивана на крещеной кабардинской («черкасской») княжне Марии Темгрюковне сильно изменили весь привычный, внешне чинный и размеренный ритуал московского дворца, наполненного теперь шумною и разгульною толпою царских приближенных, и отталкивали от царских потех и забав ревнителей «древлего» московского благочестия.

К этим мотивам личного порядка присоединилось и полное расхождение царя с «радой» в понимании задач дальнейшего развертывания внешней политики. Иван вполне сознавал необходимость для успехов московской торговли и установления тесной связи с заграницей приобретения свободных гаваней на Балтийском побережье; туда же устремлял свои взоры и мелкий феодальный люд в чаянии получения богатых населенных поместий, но «ленивые богатины», княжье и боярство, явно предпочитали отсиживаться дома или вести наступление на юг, в сторону Крыма, где на «диком поле» открывались широкие перспективы к освоению больших черноземных участков и где у некоторых из них (кн. Мстиславского, боярина И. В. Шереметева) имелись уже целые «городки» с вооруженными отрядами и огромные вотчины; да и старинные, бывшие когда-то «удельными» владения массы княжат расположены были к югу от Москвы, в «заоцких» и «украинных» уездах, постоянно находившихся под угрозой набегов крымцев. Война из-за Ливонии все же началась в 1558 г., но к 1561 г. Москве пришлось уже бороться не со слабым орденом рыцарей «Меченосцев», а с его новыми покровителями, получившими значительные части бывшей орденской территории, — Литвою и Швецией. «Ливонский вопрос» становился европейским, и Москва широко выходила на арену общеевропейской политики.

Разрыв с боярством, назревший в начале 1560-х годов, отмечен глухою борьбой. Боярство, стоявшее во главе полков, или действовало очень вяло, или прямо изменяло — перебе-

гало в стан врага («отъезды» кн. Д. И. Вишневецкого, Вл. Заболоцкого) и даже ходило в отрядах неприятеля на московские границы. Грозный отвечал репрессиями. В 1562—1563 гг. расправа постигла кн. И. Д. Бельского, арестованного, но скоро выпущенного по ходатайству митрополита Макария (собиравшиеся с Бельским бежать служилые люди были подвергнуты наказанию), кн. Д. И. Курлятева (пострижен в монахи вместе с семьей), видного члена «избранной рады» и крупного землевладельца в родовом Оболенском «уделе». Кн. М. И. Воротынский, один из лучших московских воевод, был сослан с семьей на Белоозеро. С бояр брались особые «записи», скрепляемые круговою порукой и уплатой поручителями огромных денежных сумм, с обязательствами о «неотъезде» в Литву и к другим «государям». В 1563 г. Грозный лично сам разработал план наступления уже непосредственно на территорию Литвы, провел поход блестяще и взял важный стратегический пункт — Полоцк. Но вскоре были получены известия, что воеводы намерены изменить и сдать литовцам другой, давно уже принадлежавший Москве, также значительный в стратегическом отношении город-крепость — Стародуб в Северской области.[1] На выручку были двинуты войска, а находившиеся в Стародубе родственники Адашева, умершего еще в 1561 г., были арестованы, привезены в Москву и казнены вместе со всеми своими близкими. Поступил также донос и на кн. Владимира Андреевича Старицкого о том, что он и его мать чинят царю «многие неисправления и неправды». Произведенное тщательное следствие подтвердило обвинение, но улики все же оказались настолько слабыми, что Иван ограничился только мягкими мерами: заменил всех бояр и слуг кн. Владимира Андреевича своими, а мать его приказал постричь в монахини; посредником между царем и князем и ходатаем за последнего был очень уважаемый обоими и обоих учивший митрополит Макарий. Временно кн. Владимир, живший с 1553 г. под подозрением царя как

[1] Разрядная книга Полоцкого похода. «Витебская старина», IV, стр. 65—66.

постоянный возможный ему соперник — кандидат на царский престол — отделался благополучно, но это не научило его ни осторожности, ни искренней лояльности.

С 1563 г. Иван стал, повидимому, готовиться к назревавшим реформам, так как продолжение войны все настоятельнее требовало упорядочения и финансового хозяйства, запутанного управлением приказных дьяков, и какого-то решительного поворота в отношениях между верхушкой феодального класса, его основной массой, дворянством — «воинниками», и лично Грозным — носителем самодержавной власти. Иван во время своих ежегодных поездок по монастырям «на богомолье» и «по потехам» тщательно присматривается к хозяйственному строительству в своих собственных дворцовых селах, знакомится с положением дела в гуще «удельных» княженецких вотчин по «заоцким городам», заглядывает постоянно в настоящий «удел» кн. Владимира Андреевича, разъезжает с ним по его вотчине и «выменивает» у него немедленно по приезде в Москву понравившиеся, очевидно благоустроенные хозяйственно, земельные единицы.[1]

Все эти подготовительные мероприятия и замыслы были, однако, сбиты развернувшимися событиями, и «реформы» приняли спешный и бурный характер, вылившись в форму опричнины.

1564 г. был годом больших испытаний для Московского государства и Ивана IV. В январе русские войска потерпели крупное поражение под Улою и Оршей; литовско-польские войска вторглись в собственно московские границы и «пустошили» земли даже до Смоленска и Пскова. В поражении были повинны московские воеводы (кн. П. И. Шуйский, убитый в сражении, и другие), которые двигались, не принимая необходимых мер предосторожности. В самой Москве конфликт между царем и боярством достиг последней степени напряженности. Казнь кн. М. П. Репина за отказ принять участие в веселом царском маскараде и убийство на пиру кн. Д. Ф. Овчинина-Оболенского, давнего противника Ивана,

[1] См. очерк «К истории управления в опричнине».

из-за ссоры с царским фаворитом Ф. А. Басмановым, сыграли роль решительного толчка. Боярство, все приверженцы «старины», во главе с новопоставленным после смерти Макария митрополитом Афанасием, вздыхавшие о временах «избранной рады» с ее благолепным придворным бытом, подняли открытый протест и демонстративно заявили Ивану о необходимости «образумиться».[1] Надо думать, что и замыслы Ивана о подготовке каких-то новых реформ не могли оставаться неизвестными боярству. Грозный был до крайности поражен боярской демонстрацией, временно приостановил всякие репрессии, но продолжал готовиться к решительному наступлению на всех своих «недругов». А весною, 30 апреля 1564 г., из Дерпта (Юрьева), можно сказать, с самого театра военных действий, сбежал в Литву вместе с несколькими другими служилыми людьми главный московский воевода кн. А. М. Курбский, находившийся в почетной ссылке после неудачного сражения под Невелем. Курбский пытался, повидимому, оправдаться перед царем в своей оплошности и лично сам и через митрополита, но в то же время вел переговоры с королем Сигизмундом-Августом и гетманом Радзивиллом. Он покинул Дерпт тайно ночью только тогда, когда получил от последних заверения в милостивом приеме, обещания больших наград и пожалований и специальную опасную грамоту — словом, явился в Литву не случайным беглецом под влиянием панического страха, а преднамеренным и совершенно сознательным изменником. Из Литвы Курбский прислал царю письмо, полное грубых и дерзких обвинений, сильно уязвившее Ивана IV, который до той поры, несмотря на объявленную князю опалу, настолько доверял ему, что поставил его во главе действующих в Ливонии военных сил. Грозный отвечал ему огромным посланием, в котором бросал язвительные упреки по адресу боярства и выразил всю горечь, накопившуюся у него, начиная с его сиротливого детства и безрадостной юности.

[1] Новое известие о России времени Ивана Грозного Сказание Альберта Шлихтинга. Под ред. А. И. Малеина, Л., 1934, стр. 17—18.

Лето 1564 г. прошло спокойно. Грозный был занят своей полемикой с Курбским; военных действий не ждали, и дворянское ополчение в основной своей массе разошлось по поместьям. Лишь «на берегу» (по р. Оке) в городах стояли незначительные отряды, «легкие воеводы», да в Вязьме находилось войско под начальством служилого касимовского хана Шиг-Алея. В конце сентября сам Грозный с женою и старшим сыном Иваном (первенец его, царевич Дмитрий, умер еще в 1554 г.) отправился в обычный «объезд» в Троицкий монастырь, а оттуда в Суздаль на праздник (1 октября) в монастырь Покровский.

В Москве оставался с боярами лишь малолетний царевич Федор. Неожиданно пришла весть о появлении большого литовско-польского войска у литовской границы. Бояре приказали двинуться полкам из Вязьмы, но не прямо к осажденному Полоцку, а к Великим Лукам, где они и остановились в бездействии. В польском войске одним из воевод шел изменник кн. Курбский, ставший уже открытым интервентом. Одновременно с нападением на западную окрайну крымские татары по прямому сговору с Литвою вторглись в пределы Рязанской области, так как гарнизоны городов, расположенных к югу от Оки, были или совсем слабы, или ушли вместе с Шиг-Алеем по его приказанию. Рязань, имевшая ветхие укрепления, давно уже не видавшая татар, была почти беззащитна. Крымцы жгли села, безжалостно избивали жителей и переправились уже через Оку, намереваясь итти далее к северу. Спасли Рязань, организовав защиту, боярин Алексей Басманов с сыном Федором, находившиеся поблизости в своем имении и составившие наспех отряд из своих холопов, сбежавшихся окрестных крестьян и некоторых помещиков. После четырехдневной осады татары, узнав, что литовские войска ушли из-под Полоцка, также повернули обратно, уводя с собою большое число пленных и опустошая и сжигая по пути селения. Бояре смогли из Москвы двинуть на помощь рязанцам только «государев полк», да и то он явился уже после ухода крымцев. Царевича Федора отправили к отцу в Суздаль.

При первых же сведениях о двойном нападении, Грозный с «великою нужею» (из-за наступившей распутицы) поспешил к Москве, а жену и детей отправил в Александровскую слободу, откуда легче было в случае опасности пробираться по прямой дороге далее на север. В Москве Иван деятельно принялся распоряжаться, двинул все наличные войска на берега Оки, сам собираясь затем отправиться туда же, и отдал приказание открыть военные действия против литовского городка Озерища, так как вестей из Полоцка не приходило. После получения сведений о снятии осады с Полоцка и Рязани он отложил свой поход против крымцев, вызвал семью в Москву, а сам отправился на охоту в свои подмосковные села.

Известия, полученные царем Иваном о настроениях служилой поместной массы были весьма неудовлетворительны: дворянское ополчение не тронулось с места даже в минуты грозной опасности; боярское командование действовало очень вяло, стратегически неоправданно, и средние и мелкие феодалы явно не склонны были долее терпеть господство «ленивых богатин» и из-за них подвергаться смертельной опасности, предпочитая лучше отсиживаться дома в родных углах. Надо было предпринять, очевидно, немедленные и решительные меры.

Ивану приходилось проводить издавна подготовлявшуюся им реформу в самом спешном порядке, может быть, даже не совсем ее продумав до конца. Ряд мыслей о необходимости создать вокруг себя верную дружину телохранителей для защиты своей семьи от всех возможных случайностей и опасностей был навеян Ивану, по сказаниям источников, его женой Марией Темгрюковной и ее родичами, кн. Черкасскими, а также двумя представителями старомосковского боярства, оттесненного служилым княжьем на второстепенное место — А. Д. Басмановым-Плещеевым и В. М. Юрьевым, происходившим из родственной Ивану и жестоко ненавидимой княжатами и «избранной радой» фамилии Захарьиных. Оба они, особенно только что вернувшийся из Рязани Басманов, и сообщили, вероятно, Грозному о настроениях дворянской массы.

Грозный вернулся с охоты в Москву к началу так называемого «рождественского» поста (14 ноября), а 3 декабря 1564 г., после торжественной службы в Успенском соборе и не менее торжественного прощания с боярами и придворными людьми, он с семьей в сопровождении обоза с вещами домашнего обихода и «святостью» (иконами и крестами), забранною из московских монастырей и церквей, двинулся в «поход» сначала к Троице, а оттуда в Александровскую слободу — старинную великокняжескую летнюю дачу-резиденцию. Ему сопутствовало также с семьями некоторое количество избранных придворных лиц: кн. Аф. И. Вяземский, И. П. Чоботов, П. В. Зайцев и другие, и вооруженный отряд детей боярских. С дороги, остановившись из-за дождей и непогоды, Иван послал в Москву сказать, что бросает царство и идет «куда его бог наставит», а затем, приехав в Слободу, приказал ее окружить стражей и превратил ее в вооруженный лагерь.[1]

В Москве известие о царском решении произвело огромное впечатление. В начале января 1565 г. были привезены и обнародованы две грамоты — воззвания царя Ивана: первая к духовенству, князьям и боярам, приказным и служилым людям, и вторая — к «гостям и к купцам и ко всему православному христианству града Москвы». В первой грамоте Грозный прежде всего делал краткий обзор всех «измен» княжья и боярства, начиная со смерти Василия III и до «его государеву возрасту» (т. е. до собственной возмужалости Ивана), а потом бросал «изменникам» и конкретные обвинения: 1) они казну государеву «тощили», а «прибытков никаких не делали»; 2) собрали себе «великие богатства», «земли государские» захватили и раздавали их своим друзьям и родичам; 3) имея богатые вотчины и поместья и получая хорошее «кормленое» жалованье из казны, стали уклоняться от службы, «о государе и его государстве и о всем православном христианстве не хотели радеть», в особенности же принялись «насилие крестияном чинити»; 4) не пожелали, наконец, оборонять страну от «Крымского и Литовского и немец» (явный намек

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 391 сл.

на только что пережитые набеги литовцев и татар). Митрополит и все высшее черное духовенство (монахи) обвинялись в том, что стакнулись с боярами, дворянами и приказными людьми и стали покрывать виновных, когда царь желал их наказывать (также намек на демонстративный протест бояр и митрополита в 1564 г.). Иной характер носила грамота к населению Москвы, прочтенная публично на площади: царь объявлял москвичам свою милость, «писал им, чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Все управление в Москве временно сосредоточивалось в руках митрополита Афанасия, к которому и обратились за посредничеством боярская дума и приказные люди. Посадские люди особенно были обеспокоены своей судьбою и просили Афанасия добиваться от царя, чтобы тот «государьства не отставлял и их на расхищение волком не давал, наипаче же от рук силных избавлял» («волки» и «сильные» — боярство и приказные); посадские выражали полную готовность лично расправиться с изменниками: «А хто будет государьских лиходеев и изменников, — недвусмысленно заявляли москвичи, — и они за тех не стоят и сами тех потребят».

Митрополит отправил для переговоров делегацию в составе новгородского архиепископа Пимена и чудовского архимандрита Левкия, а за ними в Слободу по собственной инициативе тронулась масса духовенства, боярства и приказных людей. Узнав о депутации, туда же поехали и посадские люди. В Александровской слободе депутаты просили царя разрешить им явиться и были приведены во дворец под конвоем. Грозный после переговоров согласился вернуться, но на известных условиях, которые обещал прислать митрополиту с Пименом и Левкием, удержал у себя главу боярской думы, своего троюродного племянника кн. И. Д. Бельского и еще нескольких бояр, а остальных отправил обратно, приказав им «править государство по прежнему обычаю». Рассказывают также, что он дал и напутствие: «Судите праведно, наши виноваты не были бы».[1]

[1] Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 86.

В присланном с депутацией указе[1] Грозный прежде всего обеспечивал за собою всю полноту самодержавной власти. Он заявлял, что принял «челобитье» о возвращении своем к государствованию «на том, что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (всякого рода имущество) имати», Этим как бы снималось с подданных всякое право протеста против проявления государевой воли в делах будущих «изменников». Затем декларировалось установление новой реформы по управлению — выделение государю «опришнины». Последнее слово (от «опричь» — «кроме») было распространено в удельное время и означало выделенный вдове умершего князя некий земельный участок — несколько городов, волостей и сел. Теперь Грозный применял этот термин к своему новому хозяйству. Он заводил себе «особный двор», в который собирался подобрать весь особый придворный и управленческий штат. Таким путем устраивался тот «обиход», каковой наблюдал Иван в течение нескольких лет при своих поездках по дворцовым селам. На содержание себя, своей семьи и всего «особного двора» царем выделялась чрезвычайно большая территория, почти все доходы с которой шли в его «особную», «опричную», казну; в самой Москве ряд улиц и слобод также был забран в опричнину. В опричнину были взяты огромные волости в Поморье (Двина с Холмогорами, Устюг, Каргополь, Вологда, Белоозеро, Вага), ряд городов с уездами в центре (Можайск, Вязьма, Ростов, Ярославль, Суздаль, Шуя, Галич «с пригородками», Юрьевец Поволжский и др.) и на юг от Москвы (Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец Малый, Медынь и др.), также ряд дворцовых волостей и сел в разных уездах. В Новгородской земле в 1565 г. взяты были важный торговый пригород Старая Руса и две волости. Впоследствии в оприч-

[1] Указ не дошел до нашего времени: имеется только изложение его в Летописи (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394 сл.) да упоминание о хранении его в XVI в. в бумагах царского архива (АЭ, I, № 289, ящ. 191).

нину были взяты и еще многие уезды (Кострома, Дмитров, Переяславль и т. д.). В общем, опричная территория клином, с севера на юг, врезывалась в толщу московских земель и разбивала их надвое, оставляла за «земщиной» только окраины. Часть всех этих земель (северная) имела большое торгово-промышленное значение, а часть (центр и особенно южные уезды) была полна старинными, «удельными», княженецкими и боярскими вотчинами. В отобранных землях (кроме крайних северных) предполагалось раздать поместья «опришным» служилым людям, а прежние вотчинники и помещики оттуда должны были быть «выведены» и получить замену в иных, неопричных, или, как стали их называть, «земских» уездах. В указе об образовании опричнины число таких «опричных» служилых людей определялось в 1000 человек, но с течением времени это количество было увеличено до многих тысяч. Точно также и из московских слобод и улиц были выселены все, кто не попадал в число «государевых особных людей», и на их дворах размещались опричники. На первоначальное свое обзаведение, «за свой государев подъем», Грозный накладывал на земщину единовременный налог — контрибуцию в 100 000 руб. (т. е. не менее 600 000—700 000 зол. руб.).

Возвращение Грозного из Слободы в первой половине 1565 г. сразу же было отмечено казнями нескольких виднейших представителей княжья — старого боярина кн. А. Б. Горбатого-Суздальского с сыном, близкого приятеля Сильвестра и, по всей видимости, — кн. А. М. Курбского; также родственника Горбатых окольничего П. П. Ховрина-Головина, нескольких кн. Оболенских и других лиц. Князья П. А. Куракин-Булгаков и Д. И. Немого-Оболенский, один из видных деятелей времени «избранной рады», были насильственно пострижены в монахи. Некоторые из бояр, вяло и бесталанно руководившие военными операциями против крымцев и Литвы, осенью 1564 г., как, например, И. П. Яковлев, Л. А. Салтыков и кн. В. С. Серебряный-Оболенский, были арестованы и выпущены только после новой присяги на верность и денежного поручительства на огромные суммы со стороны ряда служи-

лых людей. Опале подпал очень видный воевода кн. П. И. Горенский; посланный действовать против литовского отряда, произведшего под непосредственным руководством изменника Курбского набег на великолукские местности, он пытался скрыться в Литву, предварительно «сославшись», подобно Курбскому, с вражескими военачальниками. Горенский, однако, был пойман на границе, привезен в Москву и здесь жестоко казнен вместе с братом и 50 слугами.[1] Многие из детей боярских и дворян также подпали опале, и все имущество их было конфисковано; другие с женами и детьми были сосланы «на житье» в Казань, т. е. должны были стать помещиками Казанского края.

Окончив эти первые проявления своей власти, обусловленные переговорами с боярами и указом об опричнине, проявив свое «государство», царь Иван с Ал. Басмановым, кн. Аф. Вяземским и П. Зайцевым занялся организацией опричного корпуса и забираемой на его содержание территории. В Москву вызывались все служилые люди из «опричных» уездов, и из них производился отбор. «Четверо из каждой области, — рассказывают современники,[2] — должны были в присутствии самых знатных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен, и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу». Отобранные становились «опричными», «своими» государевыми людьми, которые приносили особую присягу: «Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, и не молчать о всем дурном, что я знаю, слыхал или услышу, что замышляется против царя и великого князя, его государства, молодых князей и царицы. Я клянусь также не есть и не пить вместе с земщиной и не иметь с ними ничего общего. На этом целую я крест». «Списки родства» опричников хра-

---

[1] Сб. РИО, 71, стр. 322; стр. 36; М. Г. Рогинский. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. РИЖ, 8, П., 1922, стр. 35; «Синбирский сборник», стр. 13, 15.

[2] М. Г. Рогинский, ук. соч., стр. 35.

нились в царском архиве. Вводилась и особая форма для опричников: черные кафтаны из грубого сукна, подбитые мехом, а под ними богатая нижняя одежда, и черные же островерхие шапки; на шее лошади привязана была собачья голова, а у колчана со стрелами — нечто вроде кисти или метлы в знак того, что опричники обязаны грызть как собаки «государевых изменников» и выметать «измену» из Московского государства.

Из опричного войска был выделен отряд особо доверенных лиц, составивших специальную свиту — охрану Грозного и его семьи.[1] Несколько позднее Иван в Александровской слободе образовал из этого отряда род «духовного братства», где сам разыгрывал роль игумена, кн. Аф. Вяземский — келаря, а Малюта Скуратов был пономарем. В переходах от молитв к пирам и казням «изменников» проходило время «братства»; но это была только внешняя сторона опричного царского «обихода», только прикрывавшая и затемнявшая его настоящую сущность и назначение.

Организация забираемой в опричнину территории происходила следующим образом. В предназначенные к выделу уезды и волости посылались специальные межовщики для установления опричных и земских границ, а в некоторых случаях (особенно там, где среди вотчинников много было княжат) — и для составления специальных описей княжеских земель. На основании таких «описных» книг и решался вопрос, кто из вотчинников мог оставаться на старых местах и кто подлежал немедленному оттуда выселению (необходимо отметить, что, хотя тот или иной город, составлявший административный центр уезда, и забирался на содержание царского «особного» двора, но не всегда и не везде непременно все земельные владения в уезде поступали в опричную раздачу — сплошь и рядом уезд представлял собою очень сложную чересполосицу земель опричников и земских; сплошными опричными округами можно считать с самого же начала

[1] Новое известие. . ., стр. 19.

лишь северные поморские уезды, где не было частного светского феодального землевладения).

Весь 1565 год, можно сказать, был наполнен лихорадочно быстрым опричным строительством: перебором земель, ломкой сложившегося старинного землевладения, «выводом» старых и «испомещением» новых государевых слуг.

Была произведена частично и чистка командного состава в действующих войсках: ряд полковых воевод, стоявших по городам, близким к «Дикому полю» и пограничным с Литвою, был отозван и вместо них назначены новые.[1] Осенью к г. Болхову вновь подошли крымцы, и на помощь осажденным, кроме обычных войск, впервые были двинуты опричные полки со своими воеводами из «опришнины». В общем, операция прошла удачно, но среди «земских» воевод произошли неурядицы между «заместничавшимися» в боевой обстановке кн. И. А. Шуйским и выдающимся военачальником кн. П. М. Щенятевым, что и вызвало жалобу на них со стороны всех остальных воевод. В результате этого «дела» Щенятев подвергся опале, вотчины его были конфискованы, а сам он, желая, очевидно, избегнуть дальнейшего возможного наказания, без разрешения царя постригся в монахи. (Черный клобук, однако, не спас Щенятева: когда весною следующего года Грозный лично побывал в Болхове и ознакомился там с обстоятельствами осенней осады, то по приезде произвел расследование и подверг Щенятева жестокой пытке, от которой тот и умер в монастыре в августе 1566 г.).

К началу нового 1566 г. опричный порядок настолько глубоко уже пустил корни, что можно было без особого опасения подвергнуть опричной ломке и самого крупного из феодальных владетелей, настоящего «удельного князя», Владимира Андреевича Старицкого. Он также лишился старого отцовского удела со всеми вотчинными и поместными землями своих служилых людей, получив новые, с которыми не имел никаких связей (гг. Дмитров, Звенигород и некото-

[1] Разряды под 1565 г. см.: «Синбирский сборник», стр. 6—15, и в «Др. Росс. Вивл.», XIII, стр. 377—398.

рые другие), да и обязался жить не в вотчине, а в самой Москве. Старица была забрана в опричное ведомство, там было пересмотрено служилое землевладение, а самый город скоро стал одной из постоянных резиденций Ивана.

Можно было, с другой стороны, рискнуть и на вторую меру, которая казалась своего рода уступкой земщине, но в сущности была вызвана тем, что после казни кн. Горенского и опалы кн. Щенятева их место как ратных воевод в предстоящих походах в Ливонию и против крымцев должно было быть заполнено каким-то крупным, равным им, военным талантом. Царь поэтому решил вернуть из ссылки кн. М. И. Воротынского, который в апреле 1566 г. и дал на себя обычную теперь клятвенную запись в верной службе, получил обратно все свои старые вотчины, даже еще с добавкой, и занял прежнее место среди «земских» бояр.

Весною царь Иван с отрядом опричников отправился осматривать южные опричные волости, где много было конфискованных владений княжат (именно тогда-то он и посетил Болхов),[1] а в его отсутствие произошло событие, грозившее большими осложнениями: якобы по болезни сложил с себя сан и ушел в монастырь глава московской церкви митрополит Афанасий. Вопрос о его преемнике в разгар острейшей борьбы между помещичье-дворянской опричниной и княжеско-боярской феодальной знатью, был очень сложен. В зависимости от того или иного его решения можно было ожидать, на чью сторону станут влиятельные духовные феодалы — на сторону ли княжат и бояр или поддержат царя в его укреплении своего «самодержавства». Жестокая расправа с только что постригшимся кн. Щенятевым не способствовала, конечно, сглаживанию углов, что и ощутил немедленно Грозный. Первоначально выдвинутый кандидатом на место Афанасия архиепископ казанский Герман очень резко поставил в разговорах с царем вопрос о дальнейшем существовании опричнины — и был с позором согнан Иваном с митрополичья двора, куда он уже переселился. На его

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 401

место царь вызвал из далекого Соловецкого монастыря игумена Филиппа Колычева.

Филипп пользовался большою популярностью как очень энергичный организатор, широко развивший и устроивший монастырское хозяйство. Известен он был и лично Грозному, с которым встречался несколько раз во время своих приездов в Москву в 1550-х годах. Кандидатура Филиппа была, по видимости, приемлема для всех: на митрополичий престол вступал человек, принадлежавший к старому боярскому роду, несколько членов которого (Ф. И. и В. И. Умного-Колычевы), однако, заслужили честь быть принятыми в число опричников умело возглавлявший крупнейшую духовную сеньорию, но по своему положению на отдаленной северной окраине несвязанную кровно с судьбами княжеско-боярского землевладения и интересами его хозяев; прямолинейный в словах и поступках, может быть, несколько жесткий, но в личной жизни — безупречный.

Такие соображения (если они существовали) далеко разошлись с действительностью. Филипп еще молодым человеком ушел из Москвы в 1537 г., спасаясь после «дела» кн. Андрея Ивановича Старицкого, отца кн. Владимира Андреевича и дяди Грозного, пытавшегося поднять открытое восстание против правительства великой княгини Елены, опираясь на Новгород и новгородских помещиков. Среди последних находилось много родных Филиппа — Колычевых; трое из них в последовавшей жестокой расправе со сторонниками кн. Андрея Ивановича были повешены, а родной дядя подвергся временной опале. Связи с Новгородом у Филиппа сохранялись все время. И, отправляясь в Москву по царскому вызову в 1566 г., он поехал не прямою дорогою, а через Новгород. За три версты до города его встретила депутация от «граждан» с просьбою «заступиться» за «свое отечество», по выражению «жития» Филиппа,[1] так как разнесся слух, что

[1] «Житие» составлено было уже в конце XVI в. и при некоторых исторических неточностях, однако, является очень важным историческим источником. Извлечения из него см.: Начертание жития митрополита Филиппа. М., 1860.

царь «гнев держит на град сей». Действительно, Новгород мог уже чувствовать близость и тяжесть опричнины: на «особный царский двор» были взяты еще в 1565 г. Старая Руса — на юг от Новгорода, волость «Порог на Волхове» — к северу от него, и селения по р. Оште, впадающей с юга в Онежское озеро у истоков Свири. Новгород, таким образом, оказывался зажатым в своих торговых путях, а Грозный еще до опричнины, летом 1564 г., в своей полемике с Курбским с нескрываемой злобой и сарказмом вспоминал о детях боярских, «изменивших» вместе с кн. Андреем Ивановичем в 1537 г.: «Ино которых хвалиши! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!». Да и от Соловков опричное хозяйство находилось не так уж далеко — на Двине и в других областях Поморья, жители которых с 1565 г. стали вносить все подати и ведаться в опричной «четверти», резко эмансипировавшись от каких-либо платежей в «земщину» и позволяя себе в этом отношении даже прямое нарушение закона.[1] Наконец, в Соловках кончал свои дни и ярый противник всех новых царских порядков — бывший протопоп Сильвестр, немало, конечно, обо всем происходившем беседовавший со своим земляком (по Новгороду) игуменом Филиппом.

Так явился в Москву новый кандидат в митрополиты: новгородец по происхождению и связям, с достаточным запасом «антиопричных» настроений и несомненным фамильным благорасположением к семье погибшего кн. Андрея Ивановича — его сыну Владимиру Андреевичу и его ушедшей по приказанию царя в монастырь вдове. На первых же свиданиях с Грозным он и поставил, как и Герман, решительным условием для принятия сана — уничтожение опричнины. Дело вновь грозило разрывом. Лишь посредничество всего высшего духовенства привело к соглашению — компромиссу: Филипп дал обещание не настаивать более на своем требовании и в царский «домовый обиход» не вступаться, т. е. не затрагивать ни личной жизни, ни личных поступков Грозного;

[1] См. очерки «К истории управления в опричнине» и «Опричные чети».

а царь соглашался, в свою очередь, на старинное «советыванье» с митрополитом, как это происходило при вел. кн. Иване III и Василии III.

25 июня 1566 г. Филипп стал митрополитом, а около этого же времени произошло крупное демонстративное выступление большой группы служилых людей против опричнины.

Еще в конце июня — начале июля состоялось совещание Ивана с «освященным собором», боярской думой и рядом дворян, приказных и купцов по вопросу о перемирии с Литвою (Земский собор 1566 г.). На соборе все декларировали продолжение войны. Но часть, по крайней мере, присутствовавших на этом собрании, из среды дворянства «1-й и 2-й статьи», которых особенно затрагивала опричная земельная ломка, обратилась к Грозному (уже после «собора») с просьбой прекратить насилия опричников, указывая на свои заслуги в деле обороны страны. «Просьба» была заявлена, видимо, довольно решительно, а количество участвовавших в ней было велико. Ответом были суровые репрессии от смертной казни до «торгового» наказания палками; из числа казненных известны кн. В. Ф. Пронский, И. Ф. Карамышев и Крестьянин Бундов — все участники «собора» 1566 г.[1]

Это выступление было последним открытым протестом. Наступила пора тайного заговора.

Заговорщики вступили в сношения с польским королем Сигизмундом-Августом и «панами-радою». Бывший слуга кн. М. И. Воротынского, его «паробок молодой» (очевидно, «сын боярский»), И. С. Козлов, эмигрировавший в Литву во время опалы своего господина в 1562—1566 гг. и женившийся там на шляхтянке, был тайно послан в 1567 г. от короля и панов с «листами» к знатнейшим московским боярам, возглавлявшим боярскую думу, — кн. И. Д. Бельскому, кн. И. Ф. Мстиславскому, кн. М. И. Воротынскому

[1] Новое известие..., стр. 38—39; Gvagnini, стр. 33; М. Г. Рогинский, ук. соч., стр. 43. — Христиан Будно — конечно Крестьянин Бундов, как Ivan Karmissin — Иван Карамышев; они казнены, повидимому, в конце 1566 г. (Сб. РИО, 71, стр. 465).

и И. П. Федорову. В «письмах» выражалось, во-первых, сожаление о положении московского феодального люда, «какова есть нужа над... всеми, как великими людми, так середними и меншими» при господстве над ними Ивана IV и «разделении» государства на «опришнину» и «земское»; затем предлагалось «податься» королю со всеми своими «удельными» отчинами и уговаривать о том же и других московских бояр; наконец, давалось обещание «держать» изменников наравне с остальными «удельными» польско-литовскими вассалами (герцогами прусским и курляндским, князьями Слуцким и Курбским, которому «в держание» король пожаловал местечко Ковель). Для полного успеха Сигизмунд обещал помочь и военными силами. Козлов, однако, был схвачен в Москве; от имени четырех указанных выше бояр летом 1567 г. были составлены резкие ответы, которые и предполагалось с тем же Козловым переслать обратно авторам предложений; Грозный думал, что на этом будет все покончено. Заговор, однако, далеко не исчерпывался простой перепиской с иноземным государством. Заговорщики решили использовать предстоящий осенью поход Ивана против Литвы и известили короля, что как только русские войска войдут в соприкосновение с литовскими, царь Иван будет схвачен и выдан королю. Сигизмунд-Август поэтому, действительно, с армией в 60 000 человек вышел навстречу и остановился в м. Радошковичи (в 24 милях от Вильны).

Среди заговорщиков-бояр, повидимому, не было единства в конечной цели заговора: некоторые хотели посадить на царство кн. Владимира Андреевича, другие — прямо передаться на литовскую сторону, отторгнув часть московской территории.

В начале октября 1567 г. Грозный вместе с царевичем Иваном и кн. Владимиром Андреевичем выступил во главе опричного отряда в Великий Новгород, обычную базу для дальнейших военных действий. Оттуда по присоединении «земских» полков первоначально предположено было итти к литовскому рубежу. Но уже на пути 12 ноября под Великими Луками Иван спешно созвал главнокомандующего

кн. И. Ф. Мстиславского и других воевод на военный совет, на котором и поставил вопрос — не изменить ли план и не повернуть ли на Запад в Ливонию, «к немецким городам», или даже совсем отложить поход, так как артиллерия, которую должны были подвезти вслед за войском из Новгорода, сильно отстала, а «посошные люди» (крестьяне, обязанные везти артиллерийский парк и обоз) также многие не явились; из прибывших же часть дезертировала, а у других лошади были очень заморены из-за плохой дороги во время осенней распутицы. Оказалось, что и с запасами для войска дело обстояло очень плохо. Двигаться далее в таких условиях значило подвергать себя почти наверное полному разгрому со стороны врага. На совете и было решено: поход отложить, главное войско оставить в Великих Луках и Торопце, а царю, царевичу и кн. Владимиру Андреевичу возвращаться немедленно в Москву. На ямских лошадях они помчались в Великие Луки, а оттуда, минуя Москву, прямо в Александровскую слободу, куда прибыли уже 21 ноября. Причиной такого бегства было то, что кн. Владимир Андреевич, испугавшись очевидного провала заговора (он сам был в нем участником), вместе с кн. Мстиславским, спасая себя, открыли все, что знали, царю. Король Сигизмунд также был, повидимому, извещен о неудаче и, прождав напрасно под Радошковичами, распустил войско и вернулся в Гродно.

Когда в Москве узнали об отступлении королевского войска, то среди заговорщиков произошло смятение. К вернувшемуся кн. Владимиру Андреевичу примкнул и кн. И. Д. Бельский; они затребовали у И. П. Федорова «запись» заговорщиков под предлогом, что к заговору хотят присоединиться еще некоторые лица из княжья и боярства, и передали ее Ивану. Был составлен список всех участников и подозреваемых, начались следствие и пытки.[1]

Главою заговора являлся боярин И. П. Федоров, чрезвычайно богатый и пользовавшийся большим влиянием человек;

---

[1] Новое известие..., стр. 21 сл.

в отсутствие царя он часто оставался в Москве в качестве начальника особой боярской комиссии «Москву ведать»; о Федорове говорили, что он единственный из боярства, который судил «праведно», без посулов и взяток. Вместе с тем он был старый, опытный конспиратор, политик и демагог: в 1546—1547 гг. принимал какое-то участие в волнениях новгородских «пищальников», за что подвергся ссылке, и был одним из вожаков народного восстания в Москве в июне 1547 г. против насилий царских родственников кн. Глинских; но он же в 1553 г. во время царской болезни передавал царю разговоры, которые вели с ним бояре-заговорщики, очевидно, заранее подготовляя себе возможность перехода на сторону Грозного в случае его выздоровления. Иван, однако, не совсем доверял Федорову и в 1566—1567 гг. держал его как бы в почетной ссылке — воеводой в Полоцке, откуда и вызвал его немедленно по своем возвращении из похода и предал жестокой казни. По мере развертывания следствия казни вообще захватили очень большой круг лиц (между прочим, был «посажен на кол» и неудачливый гонец Сигизмунда Иван Козлов; сам кн. Воротынский, совсем недавно возвращенный из ссылки и милостиво «пожалованный» царем, участия в заговоре, по всей видимости, не принимал).

Факт и размеры заговора настолько поразили Ивана, что у него (в 1567 г.) мелькнула было мысль о выезде вместе с семьей за границу, и в этом направлении он завел даже переговоры с английской королевой Елизаветой.

Но вместо этого он энергично принялся за искоренение всех своих «изменников». Он сам лично с опричниками разъезжал по многочисленным вотчинам Федорова и предавал там все огню и мечу.

Перед началом этого «п о х о д а» он обратился за «благословением» к митрополиту Филиппу — так, как делал это обычно при выступлении в военные экспедиции, и получил от митрополита не только резкую отповедь, но и публичное обличение в церкви. Назревал новый острый конфликт. Сам Филипп, по всей видимости,

стоял вне заговора, но на его сочувствие как новгородца и человека, родичи которого Колычевы старинными узами были связаны с домом старицких князей, заговорщики смело могли рассчитывать. И действительно, Филипп еще в самом начале следствия воспользовался своим правом «совета» и уговаривал наедине Ивана прекратить преследование, чем только еще больше его раздражал. На публичное обличение (в начале 1568 г.) царь ответил репрессиями против митрополичьих бояр и слуг; они тоже были привлечены к «изменному делу»; многие из них, а также из рода Колычевых оказались замешанными и были казнены. Филипп резкими нападками возбудил против себя многих видных опричников, а среди окружавшего его высшего духовенства произошел раскол. Пимен новгородский явно мечтал сам о митрополичьей кафедре, другие старались держаться нейтрально, третьи были обозлены суровыми дисциплинарными мерами, которые предпринял против них Филипп; наконец, почти все, спасая свои вотчины, власть и жизнь, встали на сторону царя. На основании показания лжесвидетелей и пристрастного расследования в Соловках Филипп был обвинен в порочной жизни, 8 ноября с позором был изгнан, осужден «собором» и боярской думой и сослан под стражей в заточение в тверской Отроч монастырь.

На место строптивого митрополита по приказанию Грозного был избран Кирилл, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. Таким образом, Пимен новгородский ошибся в своих расчетах, что и заставило его изменить свою политику и искать сближения с той группой заговорщиков, которая безусловно имелась в Новгороде: торговое и феодальное население последнего еще живо помнило те времена, когда, спасаясь от московских князей, оно вело переговоры о переходе в подданство к литовским великим князьям. А новгородские помещики в частности не забыли также и виселиц, на которых от самой Москвы и до Новгорода болтались тела их отцов и дедов в 1537—1538 гг. после неудачного восстания кн. Андрея Ивановича.

К началу 1569 г. выяснилась действительная роль во всем деле и сына последнего — кн. Владимира Андреевича. Он был отравлен Грозным вместе с женой и одной из дочерей; тогда же была казнена и его мать-монахиня со всем штатом прислужниц. Но корни измены разветвлялись так широко и глубоко, что захватывали самые разнообразные слои, не исключая даже и верхушки самого «особного» царского двора — «опричнины», проникали в недра московского центрального управления.

В январе 1569 г. пришла весть о внезапном захвате пограничного укрепленного псковского пригородка Изборска, важного для дальнейших действий на Ливонском театре военных действий. Захват был произведен отрядом литовцев при активном участии московских беглецов Сарыхозина и Тетерина, изменивших родине одновременно с кн. Курбским.

Крепость была взята при подозрительных обстоятельствах: подошедшие враги якобы «вопрошались опричниной» и тем обманули защитников, немедленно открывших им крепостные ворота; через две недели Изборск был, правда, отвоеван обратно настоящими опричниками, но было установлено, что Феллин, Тарвас и Мариенбург (ливонские городки, занятые русскими) также подготовлялись к передаче врагам. В этих замыслах главное участие принимали приказные люди, сидевшие в крепостях у дел; они были казнены.[1]

Все это заставляло Грозного, во-первых, очень подозрительно относиться ко всему, что происходило по новгородско-псковскому рубежу, а во-вторых, — следить внимательно и за деятельностью лиц из московской приказной администрации и даже за поведением некоторых лиц из опричнины. Уже в марте 1569 г. из Новгорода было «сведено» к Москве 150 семей, наиболее, очевидно, влиятельных и внушавших опасения, а из Пскова — 500.[2] Подобная необходимая мера не могла, однако, еще более не озлобить оставшихся, и старое «нелюбье» между Новгородом и Москвою получало новую пищу.

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 94.

[2] Новгородская летопись, стр. 129.

Расследование новгородско-псковского участия в «изменном деле» временно было приостановлено, так как все лето 1569 г. было наполнено тревожным ожиданием, — во что выльется давно подготовлявшаяся крымцами и турками экспедиция к захвату Астрахани, а в случае удачи — даже и Казани. Из донесений московских послов в Крыму Ивану хорошо было известно, что и «астраханские люди» и казанцы все время находились в сношениях с врагами и готовили восстания, чтобы облегчить им вторжение.[1] В Крыму сама московская власть издавна держала на «жалованье» ряд приближенных к хану мурз, которые и доносили в Москву о намерениях и планах крымцев, «служили, — как они сами выражались, — царю крымскому одним плечом, а московскому — другим». Существование подобной же агентуры враждебных государств естественно можно было предположить и в Москве тем более, что со стороны Литвы она там несомненно была. Подозрение вызывала деятельность главы дипломатического ведомства И. М. Висковатова, посылавшего в Крым к турецкому азовскому паше какие-то грамоты и по поручению царя, и по собственной инициативе. Когда в ноябре 1569 г. окончательно выяснился полный крах крымско-турецкого похода под Астрахань, Грозный немедленно во главе опричнины выступил в карательную экспедицию против уличенных к тому времени в «измене» новгородцев и псковичей, причем им ставилась в вину и поддержка, в свое время, заговора с целью посадить на царство покойного кн. Владимира Андреевича.

Обстоятельства этого, по летописной терминологии, «государева разгрома», последовавших затем казней в самой Москве и сохранившаяся до нашего времени формулировка обвинения позволяют заключать, что дело шло не только о прямой измене самих новгородцев, но и о том, что в процессе следствия обнаружилось новое обстоятельство — явное попустительство со стороны московской приказной администрации новгородцам (и в первую очередь — духовным новгородским феодалам, «дому св. Софии», т. е. архиепископу и

[1] ЦГАДА, «Крымская посольская книга», №№ 13—14.

монастырям, а также рядовому духовенству) в неправильной и недостаточной мобилизации денежных средств для дальнейшего развертывания наступления в Ливонии. Новгород и Псков, повидимому, платили мало и в этом отношении пользовались покровительством московских дьяков и других «сильных людей» даже из среды самой опричной верхушки.

Выслав вперед особый отряд, Грозный с опричниной двинулся в поход, устанавливая всюду «заставы», чтобы никто из земщины не мог узнать направления похода и предупредить новгородцев. Некоторые местности подвергались особым репрессиям; так, например, в Твери и Торжке произошли буквально погромы населения, причем в первую голову избиению и конфискации подвергалось богатое духовенство (в Твери, между прочим, по приказу царя, Малюта Скуратов, начальник царских опричных телохранителей, удушил и бывшего митрополита Филиппа). Подступив к Новгороду, уже оцепленному и занятому посланными вперед опричниками, Грозный начал суд и расправу, длившуюся в общем около шести недель. Архиепископу Пимену при первой же встрече Грозный публично бросил обвинение в намерении передать новгородскую землю Польше, затем приказал его арестовать и, подвергнув всенародному «позорованию», отправил в Москву (а оттуда впоследствии в далекий южный монастырь, где Пимен и умер). Затем конфискованы были все архиепископские и монастырские ценности; так же поступили и с имуществом богатого купечества, а далее репрессии перекинулись уже в Новгородские пятины, причем опричники во многом действовали уже «без государеву указу», по собственной инициативе. Казни новгородцев шли все время, особенно много избито было приказных; число казненных не поддается точному учету, но было громадно; многие были под стражей посланы в Москву. Уже по уходе самого Грозного, на «правеже», т. е. на ежедневном публичном избиении с требованием уплаты денег, еще долго «стояли» новгородские попы и другие представители духовенства, пока осенью 1570 г. их, наконец, не сняли с правежа; а из новгородской провинции, из

монастырей и других мест оставленные для такого же «правежа» опричники свозили добытую «государеву казну» чуть ли не в продолжение целого года. Псков, куда Иван отправился из Новгорода, отделался сравнительно легко уплатой большой контрибуции и несколькими казнями заподозренных. Особенно тяжело пришлось населению выполнять также царский указ — готовить запасы и дороги к предстоящим походам в Ливонию. Псковская летопись с горечью записала: «Еще же к сему повеле правити посоху под наряд (мобилизовать людей и лошадей под артиллерийский обоз и пушки), и мосты мостити в Ливонскую землю в Вифлянскую, и зелейную руду (селитру для пороха) збирати, и от того налогу и правежу вси людие новгородцы и псковичи обнищаша и в посоху поидоша сами, а давать стало нечего, и тамо зле скончашася нужно от глада и мраза и от мостов и от наряду; а во Пскове байдаки и лодьи болшии посохой тянули под Ливонские городы... и, немного тянув, покинули по лесом, и тут сгнили, и людей погубили».[1]

В феврале 1570 г. Иван со своим опричным карательным отрядом был уже в Москве. Сюда же привезли и многих «опальных» новгородцев, очевидно для уличения их московских сообщников, так как следствие еще продолжалось и кончилось только к началу июля, захватив не только «земских», но и опричных людей. Среди последних оказались такие близкие к Грозному и стоявшие на самых опричных верхах люди, как кн. Аф. Вяземский и оба (отец и сын) Басмановы. Они были подвергнуты пыткам, «торговой» казни (тяжкому телесному наказанию), затем сосланы и все умерли в том же году. Конкретно в вину Вяземскому, шурину казначея Н. А. Фуникова-Курцова, ставилась попытка его предупредить новгородцев о готовящемся на них походе, т. е. несоблюдение государственной тайны и сношение с государственными преступниками; в чем запутались Басмановы — неизвестно.

25 июля 1570 г. в Москве состоялась публичная в присутствии царя и царевичей казнь, в которой в качестве палачей

[1] ПСРЛ, IV, стр. 318.

участвовали не только виднейшие опричники (Малюта Скуратов, кн. В. И. Темкин-Ростовский и др.), но и желавшие высказать свою непричастность к заговорщикам люди из «земского» (боярин И. П. Яковлев), что, однако не спасало их от смерти при обнаружении их собственной вины в дальнейшем.

Первым был подвергнут печатник И. М. Висковатов, обвиненный в предательских сношениях с королем польским относительно передачи ему Новгорода и Пскова, также в переписке с турками и крымцами, в результате чего и состоялся набег последних на Астрахань в 1569 г.; Висковатов, кроме того, и ранее много раз заступался за казнимых бояр, очевидно зная о готовившемся заговоре. Затем был казнен казначей Н. Фуников, явно попустительствовавший расстройству финансового хозяйства в Новгородчине. Далее были обезглавлены дьяки важнейших земских приказов: Посольского, Поместного, «Большого Прихода» и других; были казнены и приведенные из Новгорода «опальные», а часть их разослана в ссылку по городам. Казни и пытки продолжались много дней спустя, захватив и часть населения Москвы, так или иначе связанного с главными виновными. Были казнены и пленные ливонцы и высланные из завоеванных ливонских городов жители. Наконец, в 1571 г. Грозный приказал забрать в опричнину «Торговую» сторону Новгорода и две «пятины» — Бежецкую и Обонежскую; помещики последних, не попавшие в число опричников, были выселены в пограничные с Литвою Себеж, Нещерду, Озереще и Усвят.

Этими массовыми казнями и карами закончилось следственное дело о великой боярской измене, начавшееся еще в 1567 г. Казалось, все корни заговора были уже вырваны и боярская оппозиция разгромлена вполне.

Но весною, в мае 1571 г. центральные и южные области Московского государства подверглись тяжкому бедствию: крымский хан Девлет-Гирей подошел к самой Москве, зажег посады, и Москва сгорела почти вся, кроме Кремля. Пути к Москве были указаны московскими изменниками — детьми боярскими Кудеяром Тишенковым и другими, встретившими

хана по дороге, на «Злынском поле», а также некоторыми рядовыми опричниками из служилых татар, явившимися с вестью, что Грозный «всех людей и в опришнине и в земщине» «выбил» и основные войска оттянуты в Ливонию, так что большого сопротивления ожидать нельзя. Крымцам стало известно также, что сам царь с небольшим отрядом опричников отступил в Ростов; после того как некоторая часть опричнины, высланная вперед под командою Я. Волынского, была разбита, Грозный не принял боя с превосходящими во много раз по силе татарскими войсками. Московские земские воеводы (кн. И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский и др.) не только не сумели не допустить хана до Москвы, но заняли с войсками позиции в самом городе, где среди почти сплошь деревянных извилистых улиц было очень затруднительно маневрировать сколько-нибудь успешно. Московские войска гибли вместе с жителями во время пожара. Бельский, по рассказам, задохся от дыма на своем дворе. Такая более чем странная военная диспозиция в связи с безусловным предательством Тишенкова и других невольно наводила на мысль о новых «изменах», новых заговорах; длительные последующие розыски как будто подтвердили это предположение.

В июле 1572 г. набег был повторен, но был отбит кн. М. И. Воротынским при с. Молодях на р. Лопасне (в 50 верстах от Москвы). Крымцы на этот раз потерпели решительное поражение.

На западном фронте, в Ливонии, дела складывались также не совсем удачно. С августа 1570 г. и до половины марта 1571 г. русские войска вместе с отрядами герцога Магнуса безуспешно осаждали Ревель. Не помогли и отряды опричнины, которые вместо энергичных боевых операций занимались главным образом грабежом населения. В результате воеводы — опричник В. И. Умного-Колычев и «земский» И. П. Яковлев были арестованы и высланы в Москву, где после следствия были казнены. А когда осада Ревеля была снята, то изменили и перебежали к королю Сигизмунду двое немцев-авантюристов, служившие Грозному в опричнине,

бывшие у него особо доверенными дипломатами и щедро им награжденные: это были составители известных мемуаров — И. Таубе и Э. Крузе. По дороге в Литву они пытались захватить Дерпт, подняв там восстание немецких наемных войск Ивана, но безуспешно. Их побег-измена также чрезвычайно поразили Ивана.

Все эти обстоятельства требовали, с одной стороны, какой-то реформы в отношении самой опричнины, а с другой — расследования непрекращавшихся предательств опричников и «земских» людей. Грозный и провел то и другое одновременно.

Вслед за казнями 1570 г. было приказано произвести разборку всех судебных тяжб по долгам между опричниками и земскими, и опричникам пришлось выплатить сполна все, что они насилием «вымучили» у земских. «Это решение пришлось не по вкусу опричникам», замечает в своих записках опричник Штаден и связывает с ним начавшиеся затем репрессии против недовольных и ропщущих опричников. Само название «опричнина» исчезло из документов, начиная с 1572 г., и было официально заменено словом «двор» государев и «дворовые люди». За упоминание слова «опричнины» подвергали битью кнутом. Термины «земское» и «земщина» продолжали существовать вплоть до смерти Грозного, когда обе половины — и дворовая и земская — были вновь объединены. Еще более радикальным шагом было возвращение «земщине» старинных вотчин, отобранных в опричнину и «запустошенных» опричниками. Опасности большой от такой меры не ощущалось, так как в основном опричная перетасовка была уже закончена, многих из старых вотчичей не было уже в живых, а другие, получив новые владения, далеко не все хотели и могли вернуться на старые обезлюдевшие и разоренные пепелища. Недовольство бывших опричников связалось каким-то путем с еще неизжитыми попытками собственно «земских» людей вернуть себе былое значение, не останавливаясь при этом даже на путях измены, и вылилось во второй «заговор», участники которого постепенно, но систематически, истреблялись Грозным, пока дело не кончилось новы-

ли массовыми казнями. Из бывших опричников в этот период (начиная с 1571 г.) погибли кн. М. Т. Черкасский, В. И. Умного-Колычов, З. И. Очин-Плещев, кн. В. И. Темкин-Ростовский, кн. Н. Р. Одоевский и многие другие. Из «земских» — кн. И. Ф. Мстиславский был арестован после московского пожара 1571 г., признался сам, что со своими «товарищами» «изменил» и «навел» хана на Москву, но под поручительство в огромной сумме денег был выпущен и прощен по ходатайству митрополита и «освященного собора», хотя и лишился вслед за тем части своих огромных вотчин. Следствие по этому делу, однако, продолжалось еще в 1573—1574 гг. и, повидимому, именно благодаря этому расследованию погиб и кн. М. И. Воротынский, один из самых талантливых московских полководцев, обвиненный в злоумышлении против Грозного и в преднамеренной порче артиллерии все в тот же злосчастный набег 1571 г.[1]

Финал всего «дела» нашел отражение в следующей летописной записи: «Того ж году (1574) царь Иван Васильевич казнил на Москве у Пречистой на площади в Кремле многих бояр и архимандрита Чюдовского, и протопопа, и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского».[2]

После окончательной ликвидации этого «заговора» стала очевидной необходимость назначить во главе «земщины» особо доверенное лицо, «высокое» по происхождению, но нейтральное, так сказать, в борьбе между «самодержавством» царя и все еще не сломленной, казалось, княжеско-боярской оппозицией. В этом направлении Грозный сделал и ранее некоторые шаги, поставив с 1572 г. во главе земской боярской думы крещеного бывшего астраханского «царевича» Михаила Кайбуловича, умершего в 80-х годах XVI в.[3] Его преемником стал другой татарский выходец, также принявший православие, бывший хан касимовский, Симеон Бекбулатович. Он уже давно и верно «служил» царю Ивану, которому прихо-

[1] С. К. Богоявленский. Допрос пленных, стр. 26—33.

[2] «Сокращенный временник до 1691 г.» (РОГПБ, IV, № 149).

[3] См. очерк «К истории управления в опричнине».

дился по его второй жене царице Марии Темгрюковне племянником, а женитьбой своей на дочери Мстиславского вошел в родство опять-таки с Иваном IV (Мстиславский был сыном его двоюродной сестры) и с знатнейшими московскими боярскими фамилиями. По обстоятельствам момента Грозный произвел при этом некоторый политический маскарад — дал Симеону титул «великого князя всея Руси», «а сам назвался, — говорит летописец, — Иваном Московским и вышел вон из града (т. е. из Кремлевского дворца) и живяше на Петровке и весь свой чин царской отдаде ему, Симеону; а царь Иван Васильевич ездил просто, что боярин, в оглоблях, человек; и как приедет к царю Симеону, и ссажался от царева места далече, з бояры»... Непосредственную связь поставления в «великие князья» Симеона Бекбулатовича с предшествующими казнями подчеркивал и сам Грозный в разговоре с английским послом Дан. Сильвестром в ноябре 1575 г.; записал это со слов современников и приехавший в то же самое время в посольстве германского императора некий Даниил Принц: «Незадолго до нашего прибытия он (Грозный) лишил жизни сорок дворян, которые во второй раз составили заговор на его жизнь, и по причине подлости подданных, как бы слагая с себя власть, управление передал Симеону.... возложив на него через митрополита также диадему, как это мы узнали из рассказов некоторых». Однако послам императора этого «домашнего царя» не показали, и их принимал сам Грозный, постаравшись блеснуть на приеме всем своим пышным «царским величеством».

Фактическая власть, действительно, находилась у князя «Ивана Московского», хотя он и писал Симеону притворно уничижительные челобитные, прося разрешения «перебрать вновь людишек», как повелось «у удельных князей»» — отпустить от себя из земщины тех, которые ему, «холопу» Симеона, окажутся «годны», и принять в великое княжение неугодных. Результатом таких челобитных было новое «поимание» «во двор» ряда территориальных единиц, на этот раз расположенных на литовско-ливонской границе: Порховского

уезда, Шелонской пятины, откуда были выселены все служилые землевладельцы, которым «государь князь Иван Васильевич Московский в своем уделе быть не велел», также городов Себежа, Красного, Опочки.

Новым «перебором» земель и людей не ограничились задачи, возложенные Грозным на Симеона Бекбулатовича. Сохранились глухие указания, что вел. кн. Симеоном были произведены попытки некоторой секуляризации вотчин духовных феодалов; затем при нем был проведен и очень важный закон о координировании поместного землевладения с служебной припиской помещика к тому или иному провинциальному обществу. До той поры обычно средний и мелкий феодал обязан был являться на государеву службу в составе определенного уездного дворянского ополчения, «с городом вместе», но владеть поместной дачей мог и в совершенно ином уезде.

При смотрах провинциальных дворян, при наделении их за службу поместным окладом, при учете того, с каким количеством своих вооруженных слуг должен был явиться на войну сын боярский, такой порядок очень мешал и давал повод к большим злоупотреблениям. При Симеоне Бекбулатовиче и был издан указ, чтобы «детей боярских испомещевать в однех городех, кто откуда служит».[1] Указ этот, однако, так противоречил всей московской практике, что скоро был забыт и не применялся.

Симеон просидел «великим князем» очень недолго (с половины 1575 г. по август 1576 г.), а затем был «сведен» Грозным на «великое княжение» в Тверь и Торжок, где и оставался на положении вассала подобно тому, как сидели его родичи «ханами» в Касимовом городке.

Но все эти мероприятия могли быть, конечно, проведены и без увенчания Симеона саном «великого князя всея Руси», без превращения Грозного в простого «удельного» московского князя. Объяснение подобного маскарада едва ли не надо искать во внешне-политической конъюнктуре. В Польше

---

[1] С. В. Рождественский. Служилое землевладение, стр. 311.

и Литве как раз в это время, после бегства избранного короля Генриха Валуа, наступило тягостное и смутное «бескоролевье». Царь Иван и сам желал и имел довольно большие шансы быть избранным (при поддержке литовской шляхты, тогда как панство было настроено против московского «тирана»). Для облегчения, очень возможно, взаимоотношений между соединенными в будущем личной унией Литовским и Московским государствами и был придуман Иваном весь эпизод с разделением Московского царства на «великое княжение всея Руси» и «удельное Московское княжество». Когда вполне определилось избрание в Литве и Польше Стефана Батория, исчез с горизонта и «великий князь всея Руси Симеон».[1]

«Великим княжением» Симеона Бекбулатовича кончилось, в сущности, бурное строительство опричнины-«двора», время массовых заговоров и казней. Последующие годы характеризуются уже только отдельными репрессивными мерами против представителей московской феодальной верхушки или изменников, да все нараставшая потребность в средствах для продолжения внешней борьбы превращала «государев двор» в орудие по усиленому выжиманию из населения необходимых ресурсов.

В течение своего многолетнего существования и в первый период (1565—1572 гг.) под именем собственно «опричнины» и во второй — в виде «двора» (1572—1584 гг.), «опричнина-двор» в своем внутреннем строе пережила ряд модификаций.

Первоначально управление «опричным», «особным», хозяйством по мысли Грозного должно было быть построено по старинным «удельным» образцам — так, как наблюдал он это во время разъездов по своим дворцовым селам и в настоящем «удельном» хозяйстве кн. Владимира Андреевича. «Опричнина» — архаизм в деловом языке XVI в. — была царским «уделом», что и было подчеркнуто Грозным десять лет

[1] См. очерк «К истории управления в опричнине»; так же: И. С. Рябинин. Показание польского шляхтича. . ., стр. 1—16.

спустя после ее учреждения во время правления Симеона Бекбулатовича.

Забирая себе в самой Москве улицы и слободы, Иван также как бы получал старинный удельный «жеребий», который имели все удельные князья московской линии. Соответственно с таким пониманием опричнины для нее нужна была и удельная резиденция. Вне Кремля, за Неглинной, был поэтому выстроен особый опричный дворец, богато украшенный и обнесенный крепкими стенами. Когда он сгорел в 1571 г., то, повидимому, Грозный его возобновил где-то на Петровке и там принимал в 1575—1576 гг. английского посланника Сильвестра. Провинциальной любимой резиденцией служила Александровская слобода, переименованная, по рассказам современников, из села в город, сильно укрепленный и наполненный богатствами, особенно после новгородского погрома. В конце 1560-х годов Иван часто проживал в г. Вологде, укрепление которой каменными надежными стенами начал еще в 1565 г. и куда свез огромное количество разных ценностей. В 1570-х и 1580-х годах опричным центром сделалась Старица, удобно расположенная на путях к театру военных действий. Там, в живописной местности на высоком мысу, образуемом рр. Волгой и Старицей и доминирующем над Старицким посадом, заволжскими слободами и небольшим Успенским монастырем, был построен царский дворец, хозяйственные и служебные помещения, каменный собор и т. д.; все опять-таки было обнесено крепкими стенами; остатки фундаментов всех этих сооружений сохранились до настоящего времени. При «удельных» царских «дворах» существовали и различные хозяйственные «дворцы», находящиеся в заведывании соответствующих слуг, высшее наблюдение за которыми имели опричные дворецкий и казначей.

Наряду с органами чисто хозяйственного управления в опричнине учреждены были и органы управления государственного — бояре, окольничьи, стольники, постельничьи и другие придворные «чины», также «особные», опричные дьяки. Во главе всего управления стояла опричная боярская

дума, «опричный совет», как называли ее иноземцы.[1] Существовала и особая судебная боярская комиссия — «суд бояр в опришнине». Но кроме боярской опричной думы и упомянутых выше дворецкого и казначея, на первых порах незаметно каких-либо других органов центрального опричного управления, тогда как в 1565 г. в остальной части государства существовала уже довольно сложная приказная система. Вполне очевидно, что по проекту Грозного управление его «уделом» должно было строиться по старинному образцу, на основании личного «приказа»-поручения, быть строго централизованным.

Однако величина опричной территории, сложность управления ею и настоятельная необходимость озаботиться наилучшим снабжением и удовлетворением нужд опричного корпуса повлекли к тому, что в опричнине постепенно образовались такие же параллельные приказы, как и в «земщине». Особенно заметны становятся они в источниках 1570-х годов. В связи с одной из задач опричнины — пополнения расхищенной боярами и дьяками государевой казны — особое значение приобрел опричный казначей, в ведение которого, в дополнение ко многим другим делам, из земщины была переведена «четверть». Последняя представляла собою приказ, собиравший с посадского и крестьянского населения опричнины все главнейшие доходы и ведавший это население высшим судом и управою. Расходовала собранные деньги четверть на содержание опричников, выдавая им определенное «четвертное жалованье». В 1570-х годах «четверть» (получившая теперь название «дворовой») стала основным финансовым учреждением «государева двора» и была отделена от ведомства казначея. В конце этого десятилетия, ввиду огромной потребности концентрации средств для продолжения войны с Литвою и Швецией и в связи со все углублявшимся экономическим кризисом, «дворовые четверт-

---

[1] Сб. «Торговля и торговый капитал в Московском государстве». Л., 1926.

ные дьяки» стали заведывать и переведенным из земщины важнейшим общегосударственным финансовым приказом — «Большим Приходом», получившим также наименование «дворового». Государев «особный двор» с этого времени превратился в основной пресс по выжиманию денежных ресурсов из населения всего государства.[1]

Местное управление в опричнине-дворе было оставлено прежнее — и выборное и «приказное». По немногим сохранившимся указам, вышедшим из опричного центрального аппарата, можно заключать, что население земщины и опричнины строго разграничивалось с известной правовой окраской; «опришные» люди резко отделялись от «земских», представляли нечто единое, тогда как земские считались по отношению к ним «иногородцами».

Органы центрального и провинциального опричного управления должны были в случаях необходимости действовать «за один» с органами земщины. Опричнина вовсе не была построена на принципе беззаконного насилия; но при существовавшем бытовом разрыве между привилегированными «опришнинцами» и заподозренными в потенциальной «измене» земскими людьми, при возможности полной безнаказанности для опричного, «близкого» к царю человека, подобное идеальное равновесие очень часто нарушалось грубейшими и кровавыми эксцессами, вызывавшими отпор в лучшем случае, а при слабости сил — глухую ненависть, выливавшуюся сплошь и рядом в прямое истребление отбившихся от своего отряда опричников. Рекомендованное свыше «одиначество» в провинции превращалось в настоящую гражданскую войну между опричными и земскими людьми.

Таким образом управлялся весь огромный государев удел, сохранив внешне всю московскую «лестницу чинов» — от «боярина» до «убожайшей чади», холопа и крестьянина. Эта социальная сложность отразилась отчасти и на составе

---

[1] См. очерки: «К истории управления в опричнине»; «Приказычетверти в опричное время».

собственно опричного корпуса. Основная его масса состояла из феодалов среднего и низшего рангов — из рядового, поместного преимущественно дворянства, причем при первых же наборах в 1565—1566 гг. в число избранных «верстали» не только явившихся к смотру «служилых» и «неслужилых» детей боярских, но в случае пригодности и одобрения Грозным — даже людей из их слуг, холопов и крестьян, наделяя их соответственными поместной «дачей» и денежным «жалованьем» и обусловливая непременной и неукоснительно исправной военной службой. Само собою разумеется, что дети боярские — «послужильцы» крупных княжат и бояр, выходившие ранее в составе дружины своего сеньера, теперь переходили на непосредственную службу самого «великого государя». Для «воинника», героя «сказаний» Ивашки Пересветова, в опричнине открывалась широкая дорога, которая давала ему возможность дойти до высших ступеней, лишь бы он «играл смертной игрою», храбро и беспрекословно исполнял волю царя, поддерживая его «самодержавство». Примером могут служить хотя бы Малюта Скуратов, провинциальный сын боярский из очень «захудалых» Плещеевых, ставший «думным дворянином» (членом опричной боярской думы) и шефом отряда царских телохранителей; его родич Богдан Яковлевич Бельский, достигший огромного влияния и также думного дворянства под конец жизни Грозного; В. Г. Грязной — алексинский «сынчишко боярский», в ранней молодости служивший в «ловчих» у кн. Владимира Андреевича, но быстро ставший одним из самых приближенных к Грозному людей и опять-таки заседавший в опричной думе, К. Поливанов, И. Блудов и многие другие. Однако среди «воевод из опришнины», «бояр» и «окольничих» встречаются и представители высокоаристократических фамилий: титулованные (князья А. П. и В. И. Телятевские, Д. Ф. и А. Ф. Хворостинины, Аф. И., Ал. И., Д. И. и Гр. И. Вяземские, Ос. Ф. и М. Ф. Гвоздевы-Приимковы-Ростовские, В. И. и И. В. Темкины-Ростовские, Б. Д. Тулупов-Стародубский, Ю. И. Токмаков-Звенигородский, Н. Р. Одоевский, Ф. М. Трубецкой,

Шуйские, Скопины, Барбашины-Суздальские, Пронские, Сицкие, Щербачевы-Оболенские и др.) и из старых боярских «честных», но второстепенных московских родов (Умного-Колычовы, Очины-Плещеевы, Басмановы, Чоботов, Борисовы-Бороздины, Олферьевы).

Первые, являясь зачастую талантливыми стратегами и водя опричные полки в бой, жили, однако, в опричнине как бы под постоянным политическим присмотром, и все же, несмотря на всю высказываемую внешне лояльность, многие «дошли до государевой опалы» и жестокой казни. В опричнину пробились, вероятно, они или по собственной инициативе, пытаясь сохранить тем от возможной конфискации свои вотчины, или были взяты Грозным именно как крупные военные специалисты. Вторые находили в опричнине дорогу к власти, так как в земщине они оттеснялись на второй план княжатами и представителями «больших» и более удачливых родов. Но и те и другие, располагаясь в своих отношениях друг с другом по местническому старшинству, «по степеням» и «по породе» (по выражению наблюдательного опричника-мемуариста Г. Штадена), должны были все время терпеть постоянное сотрудничество и равенство с такими «молодыми» (незнатными) опричными людьми, вознесенными на одинаковую с ними «степень», которые в доопричное время на них и «глядеть бы не смели».

Находившиеся в составе опричного войска казачьи и стрелецкие отряды комплектовались обычным порядком «по прибору» из разного рода тяглых людей, но в опричные стрельцы могли свободно записываться без согласия своих господ и холопы опричников и крупных феодалов — князей и бояр.[1]

Наконец, среди опричников — служилых людей попадались и разного рода авантюристы и искатели приключений и наживы иноземцы, достигавшие иногда очень значительного положения (напр., известные Иоганн фон-Таубе и Элерт

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 146.

фон-Крузе, по происхождению ливонские дворяне, или Генрих Штаден, сын ветфальского бюргера). Легко становясь опричниками, изменяя прежнему отечеству и меняя зачастую вероисповедание, они так же легко вновь изменяли, смотря на «Московию» и ее народ только как на объекты личного обогащения. Возвратясь на родину тем или иным путем, некоторые из них (Штаден, Таубе и Крузе, А. Шлихтинг) составляли «отчеты» о своих подвигах и «тирании» московского царя и предлагали проекты военной оккупации и подчинения Московского государства.

Опричники, как мы знаем, должны были покидать свои прежние владения в земщине, чтобы получить новые в опричных уездах; об этом иногда отправлялись даже специальные «высыльные грамоты». Однако на практике далеко не всегда зачисленные в «государев удел», особенно наиболее зажиточные землевладельцы, склонны были бросать свои старые места, и стремились лишь получить к ним добавку в опричнине. Изгоняемые же при «переборе людишек» в «земщину» зачастую лишались не только своих земельных имуществ, но и всего почти движимого имущества; целыми семьями тянулись такие невольные переселенцы в неизвестные для них окраинные участки с тем, чтобы там стать колонизаторами-проводниками московского влияния среди местного населения (как это было с выселенными в 1565 г. в Казанский край или с новгородскими помещиками, в 1571—1572 гг., размещенными по литовскому рубежу) и защитниками против нашествий внешнего врага. В первую голову удар пришелся по княжеско-боярскому землевладению. Чтобы успешно бороться с политическими притязаниями потомков бывших «удельных» князей и крупных нетитулованных феодалов-бояр, необходимо было ликвидировать всякую возможность поднять население против центральной власти царя, а для этого вырвать у крупного феодала его экономическую базу — наследственную вотчину.

Опричнина с 1565 г. и стала действовать среди имевших густую княжескую прослойку уездов Суздаля, Ярославля,

Белева, Перемышля, Ростова, Стародуба («Ряполовского»), Оболенска и других центральных уездов. Большие вотчины, лишенные старых хозяев, дробились на мелкие поместные участки; в гнездах «ленивых богатин» стали усаживаться худородные «воинники», готовые во всем поддерживать царя, «смертною игрою играя» и «чести себе добывая». «Ленивые богатины», если массами не выселялись в определенный край (а таких случаев было немного), ждали возмещения потерям помногу лет, если опять-таки не успевали во-время «приискать» себе где-либо из «порозжих», т. е. не имевших пока почему-либо владельцев, поместий. Иногда, впрочем, взамен отобранной вотчины правительство давало участок земли также «в вотчину», а многие так и оставались без возмещения, сохраняя лишь те крохи былых владений, которые находились в «земских» уездах. Но и подобные счастливцы не очень дорожили своими новыми владениями, будучи далеко не уверенными, что новая волна конфискации, очередной опричный «вывод», вновь не захватит их. Поэтому они продавали свои вотчины, полученные «против» старых, или отдавали их «на помин души» в монастыри, выговаривая себе право жить в них «до живота», т. е. до смерти.[1] Многие из боязни конфискации пробовали прибегнуть к защите самих же опричников: «Большое число богатых торговых людей, — откровенно рассказывает опричник Штаден, — много бояр и богатых гостей из земских — те, что не служили на войне — закладывались вместе с вотчинами, женами и детьми, и всем, что у них было, за тех опричников, которых они знали; продавали им свои вотчины, думая, что этим они будут ограждены от других опричников». Однако подобные расчеты оказывались жестоко ошибочными — опричники, пограбив «закладчиков», выгоняли их, ссылаясь на свою присягу.

Земельная мобилизация захватывала таким путем огромные пространства государства. Решив вновь вернуть «зем-

[1] См. очерк «Из истории опричной территории».

ским» их старинные вотчины, Грозный, однако, провел очень серьезную меру, чтобы все же в максимальной степени сохранить за собою все крупные, в первую очередь княжеские, вотчины. 9 октября 1572 г. состоялся совместный приговор «освященного собора» и боярской думы, подтвердивший ранее изданный указ 1562 г., опиравшийся в свою очередь на старинное постановление времен Василия III. По указу 1562 г. княжата строго ограничивались в распоряжении своими наследственными вотчинами. Они не могли их ни продавать, ни менять, ни отдавать в приданое за дочерьми или сестрами: «а которого князя бездетна не станет (т. е. если он умрет) — и та вотчина имати на государя». Дочери не являлись даже и наследницами родительских вотчин; право наследования было ограничено лишь самыми близкими родственниками умершего князя в пределах тех степеней родства, в которых церковью запрещался брак, — и то после доклада духовного завещания царю, который мог не разрешить и такого наследования: «и государь того посмотря, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ свой учинить». Жена после мужа имела право владеть только небольшой его вотчиной до своей смерти; если же «вотчина будет великая, и государь о той вотчине указ учинит». Все это было подтверждено в 1572 г.[1]

Права бояр не-княжат также были сильно урезаны: они могли распоряжаться вотчинами только в пределах ближайшего родства — завещать братьям, детям, внукам и племянникам; во всех других случаях земля отбиралась в казну. Даже свои неродовые, а пожалованные вотчины бояре не имели права свободно отказывать по наследству — все ставилось в зависимость от условий, какие были указаны в «жалованной грамоте»: «а не будет у кого государевы грамоты, и такие вотчины после того, кого не станет — на государя, хотя у кого и дети будут». Наконец, указом 1572 г. запрещено было давать вотчины в «большие» монастыри; уже

[1] АИ, I, № 154; С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 121 сл.

переданные вотчины приказано было возвратить «вотчичам», «чтобы земля из службы не выходила». Последним постановлением пресекались всякие попытки служилых людей укорониться в дальнейшем за богатым духовным феодалом в надежде, что минует и вихрь опричнины, и тяжелая и разорительная государева служба при все усложняющихся военных операциях. Даже в «малые монастыри» разрешалось отдавать земли лишь с особого доклада царю и боярской думе.

Указ 1572 г. должен был сыграть большую роль при возвращении вотчин прежним владельцам после «отставки» опричнины: очень многие княжеско-боярские владения так и остались «в отписке за государем», потому что все ближние родичи главного виновника во время казней 1560-х годов «истреблялись всеродне», как с ненавистью отмечал в своей «Истории великого князя Московского» кн. А. М. Курбский, и вотчина поневоле становилась выморочной. А страшный пожар 1571 г., истребивший огромное количество приказных документов и утрата подлинных грамот при бурных проявлениях опричной политики часто делала и для простых бояр невозможным доказательство всех своих прав даже на «выслуженные вотчины». Уцелевшие и пережившие опричнину «вотчичи» еще в XVII в. усиленно хлопотали о восстановлении своих, нарушенных опричниной, прав на когда-то принадлежавшие им владения.

Законы 1562 и 1572 гг. очень ревниво соблюдались властью по отношению к вернувшимся на старые места князьям-вотчичам; при первом же известии о случаях нарушения этих законов и открывавшейся благодаря этому возможности для государевой казны получить новое приращение земельного фонда принимались соответствующие решительные меры.[1] Предпринятая якобы Симеоном Бекбулатовичем ревизия земельных владений духовных феодалов коснулась, конечно, в первую очередь тех вотчин, которые попадали монастырям в обход указа 1572 г.

---

[1] См. очерк «Из истории опричной территории».

Крупная владельческая вотчина, забираемая в опричнину, дробилась на мелкие поместные участки. Вместе с этим дробились и разбивались и крестьянские «миры», сидевшие и работавшие на этих землях. Крестьяне уходили также, и вотчина пустела. Вполне понятно, что явившиеся новые помещики-опричники стремились захватить как можно скорее предназначаемое им владение со всем тем, что там находилось, и прежде всего с живым «инвентарем» — с холопами и крестьянами, чтобы иметь «жилое», а не пустое поместье, с которого можно было бы нести исправно «государеву службу», так строго с них требовавшуюся. В погоне за рабочими руками для развития собственного хозяйства опричники-землевладельцы не останавливались перед прямым насилием над соседом-земским. Крестьяне, юридически еще имевшие право перехода в «Юрьев день осенний» (26 ноября ст. ст.), фактически уже в значительной степени его лишились; «выход» сменялся «свозом» крестьянина после уплаты за свозимого долгов прежним его господам. Но и те, кто свободно мог передвигаться на новое место, далеко не всегда желали устраиваться в хозяйстве опричника-помещика. Поэтому, по словам опричника-помещика Штадена, «кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех эти последние вывозили насильством и не в срок. Вместе с тем увозились или сжигались и крестьянские дворы».[1] Русские документы также дают красочные примеры буквальной охоты за рабочими руками крестьян, которая шла между соперничавшими опричными и земскими землевладельцами.

Постоянно занятый службою и нуждающийся в деньгах, помещик-опричник не отступался и перед прямым резким нажимом на крестьянство. В одних случаях нажим этот выражался в экспроприации части крестьянской земли в пределах собственного поместья для увеличения помещичьей запашки или в чрезвычайном увеличении помещичьих сборов; в других — превращался в прямой грабеж крестьянских

---

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 96.

«животов», в насильственную пауперизацию крестьянства, без заботы о дальнейших последствиях. Набеги опричников, сопровождаемые убийствами и мучительствами, распространялись очень широко и производились часто без всякого разрешения центральной власти. «Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия», — говорит Штаден. Опричные грабежи сельского населения особенно усилились, повидимому, во время и после «государева разгрома» Новгородской области и расположенных по пути к ней областей в 1570—1571 гг., когда один только что упомянутый Штаден, предпринявший подобную свою собственную экспедицию, вернулся из нее в сопровождении 22 нагруженных всяким добром возов.

Результатом подобной «политики» явилось еще большее запустение когда-то населенной земли и еще бо́льшая мобилизация земельной собственности: крестьяне бежали от насильства, а опричники, «запустошив» поместье, били челом о пожаловании нового, мотивируя просьбу полной невозможностью дальнейшей исправной службы с пустой, лишенной рабочих рук, земли.

Получив в опричнине полнейшую возможность хозяйствовать по своей воле, захватив вотчины крупного феодала, рядовой помещик-дворянин вовсе не склонен был щадить и оберегать «ратаев-земледельцев» или уничтожать «рабство» (холопство) у себя лично, как когда-то рисовали картину будущего дворянского, помещичьего государства Пересветов и Еразм. Советы последних выполнялись только в отношении опальной земщины. Так, например, в 1572 г., после опричного новгородского разгрома, царь приказал вблизи Новгорода, в Холынской волости на р. Волхове, устроить «свою (т. е. опричную) слободу», куда приказано было вызывать («кликати») на поселение всех зависимых людей с обещанием свободы и податных льгот: «Которые люди кабальные и всякие и монастырьские, чей хто ни буди, и они бы шли во государьскую слободу на Холыню, и государь дает по

пяти рублев, по человеку посмотря, а лгота на пять лет».[1]

Так, за счет крестьянства, за счет его разорения устраивались в собственном «государеве уделе» представители дворян-помещиков, которые целиком поддерживали стремление Грозного утвердить «самодержавство», ликвидировать все остатки былой удельной раздробленности, и, наведя «порядок в феодальном беспорядке», создать централизованную монархию с сильною царскою властью во главе.

Отношение к опричнине и ее деятельности со стороны людей других «чинов» Московского государства было менее четким. Представители духовных феодалов — епископы и монастырские «власти» — не выработали, повидимому, единства действий, не координировали своих сил, подобно княжатам и боярству. Когда возможность крутого поворота, приведшего к опричнине, еще только назревала, тогдашний глава русской церкви митрополит Афанасий пытался было в 1564 г., как мы знаем, противиться суровой политике Грозного. Роль Афанасия в событиях начала 1565 г. была двойственной. К Афанасию и ко всему «освященному собору» бросились московские опальные обитатели с просьбами о посредничестве, по образному выражению летописи, «наипаче велием гласом молиша его со многими слезами, чтобы... подвиг свой учинил и плач их и вопль утолил, и благочестивого государя и царя на милость умолил, чтобы государь царь и великий князь гнев свой отвратил, милость показал и опалу свою отдал...». Но Афанасий, еще недавно бывший «протопопом Андреем», духовником Грозного и учеником митрополита Макария, «книжник», составитель «Книги Степенной царского родословия», прославлявшей весь род московских государей, дипломатически уклонился от путешествия в Слободу под формальным предлогом необходимости оставаться во главе смятенной Москвы «для градского бережения, что все приказные люди приказы государьские

[1] «Новгородская летопись», стр. 121.

отставиша и град оставиша никим же брегом». Вместо себя он отправил двух лично близких к Грозному людей: хитрого интригана и дипломата Пимена, архиепископа новгородского, и архимандрита Чудова монастыря Левкия, ярого «осифлянина», которого идеолог боярской партии кн. Курбский не мог вспомнить иначе как с проклятиями и бранью. По учреждении опричнины Афанасий держался в отношении ее вполне лояльно, но в мае 1566 г. ушел в отставку под предлогом, якобы «немощи велей» и проживал простым монахом в Чудове монастыре еще несколько лет. Сменивший его Филипп вмешался в политическую борьбу и погиб, как мы знаем, в столкновении с опричниной, лично, может быть, и не участвуя в боярском заговоре, но, вероятно, о нем зная и открыто и резко протестуя против наступившего вслед за раскрытием заговора опричного террора. Митрополиты: Кирилл (1568—1572 гг.), Антоний (1572—1581 гг.), бывший архиепископ полоцкий, и Дионисий (1581—1586 гг.), — из игуменов новгородского Хутынского монастыря, — ничем не проявили себя в отношении опричнины и всего «домовного обихода» Ивана, покорно исполняя его волю и не протестуя против эксцессов, которым подвергалось духовенство в некоторых случаях; они милостиво разрешали Грозному в его личной жизни самые грубые нарушения церковных догм в вопросе о браке. Пассивен был в массе и митрополичий совет, «освященный собор», состоявший из высших представителей черного духовенства. В «деле» митрополита Филиппа особенно выделились, как ярые противники последнего, Пимен новгородский, Пафнутий, епископ суздальский, духовник царя протопоп Еленферий и архимандрит Левкий. Первый из них дважды (после ухода Афанасия и по низложении Филиппа в 1568 г.), видимо, метил на занятие митрополичьей кафедры и оба раза просчитался. Неудачи, конечно, и толкнули его на участие в заговоре, заставив возглавить новгородское духовенство с его сепаратистскими тенденциями. Елевферий и Левкий были ближайшими участниками веселой опричной компании царя и его интимными совет-

никами; Елевферий подвергался со стороны Филиппа даже какому-то церковному наказанию и жестоко ненавидел митрополита, а Левкий был одним из тех «вселукавых мнихов осифлян», против которых так восставали представители светской крупной феодальной знати. Филиппа поддерживал один только Герман казанский, сам происходивший из старого боярского рода и бывший одно время (1552—1555 гг.) игуменом Старицкого монастыря, когда Старица еще представляла собою столицу удела кн. Владимира Андреевича. Через два дня после низложения Филиппа Герман был найден мертвым на московском своем подворье, и молва приписывала его смерть опричникам.

Резко оппозиционно было новгородское духовенство, еще неизжившее, очевидно, воспоминаний о совсем недавней самостоятельности «Господина Великого Новгорода». Даже после 1570 г. оно с трудом мирилось со ставленником Москвы архиепископом Леонидом, сурово проводившим меры по упорядочению церковного богослужения и хозяйства, и вступало с ним в публичные пререкания, кончавшиеся иногда открытым неповиновением архиепископу. Недаром в Новгороде все кары Ивана IV и опричнины обрушились в первую очередь на «духовный чин».

Крупные духовные феодалы центра и севера Московского государства относились к опричнине более чем снисходительно. Правда, в некоторых случаях, когда их владения оказывались охваченными опричными землями, часть монастырских сел отписывалась в опричнину, но эти потери с лихвой возмещались (напр. у Кирилло-Белозерского или Троице-Сергиева монастыря) новыми пожалованиями «против» (взамен) отобранного, а выдаваемые из опричного управления «жалованные грамоты» предоставляли ряд очень выгодных льгот. Некрупные монастыри (напр. Симонов московский, Спасский ярославский, Шаровкин перемышльский и проч.) прямо переходили в опричнину, становились «опричными государевыми богомольцами». В своих крепких стенах духовные феодалы скрывали и опальных княжат, и бояр, и оприч-

ников, равно принимая от тех и других богатые вклады «на помин души» (в Иосифовке-Волоколамском монастыре были установлены постоянные «кормы» братии и поминанье по Малюте Скуратове, убитом при штурме г. Пайды в Ливонии 1 января 1573 г.; сам он и весь его род был погребен в монастыре). Мирились монастыри и с вмешательством в непосредственный, чисто монастырский, распорядок со стороны Грозного, заявлявшего, как сделал он это, например, в известном своем «учительном» послании 1573 г. в Кириллов монастырь, что сам считает себя «полумонахом» и потому имеет полное право наставлять на путь истины своевольных и погрязших в «мирских» привычках чернецов. В общем, церковь, не затронутая сильно опричной ломкой, шла по старой «осифлянской» традиции, поддерживая самодержавие московских великих князей взамен исходивших от них милостей.

Подобную же позицию по отношению к опричнине заняло и посадское население, особенно богатые торгово-промышленные его верхи. Москвичи, так горячо выразившие в 1565 г. свою готовность расправиться с «государевыми изменниками», страдали, конечно, от опричного размаха, грабежей и насилий. Но эти бесчинства, очевидно, не так уже отличались от того, что выносили они и до учреждения опричнины во время господства «сильных людей». Среди участников заговоров нет имен торговых людей, сравнительно немного их и в сохранившихся «синодиках» (поминаньях) казненных опальных людей (за исключением, конечно, пострадавших в 1570 г. новгородцев, псковичей, новоторжцев, и тверичей). На Земском соборе 1566 г. торговые люди решительно встали на сторону царя и безапелляционно высказались за продолжение войны. Открывавшиеся возможности вести торговлю с заграницей через прибалтийский рынок и порты манили московский посад, и разгром стоявших на этом пути новгородских, псковских и тверских торговых людей-конкурентов был московским торговым людям только наруку.

Самый подбор земель, взятых в опричнину с первых моментов ее существования, показывает, что Грозный, строя

хозяйство своего «особного двора», рассчитывал на поддержку торгового и промышленного севера Московского государства. На содержание опричного корпуса и для пополнения опричной государевой казны были взяты все наиболее торговые города и все главнейшие торговые дороги, идущие от Москвы, с стоявшими по ним торжками. За земщиной оставались лишь окраины да великий Волжский торговый путь. В начавшейся с 1570-х годах реорганизации опричнины, некоторые посады (Кострома, Шуя и др.) также вернулись обратно из «дворовых» в «земское», но таких городов было сравнительно мало, да и убыль компенсировалась хотя и страшно разоренным, но быстро оправившимся Новгородом и Выгозерским торговым путем, пролегавшим по опричной Обонежской пятине и выводившим к далекой Коле, которая с 1560-х годах стала оживленным торговым пунктом по сношениям с разнообразными государствами Западной Европы. Вполне понятно, что посадское население, целиком сохранявшее свое внутреннее самоуправление, не было настроено против той администрации, которая теперь владела уездными землями. А то, что опричнина во многих случаях давала возможность стирать исстари сложившиеся таможенные грани, являлось лишним побудительным толчком к поддержке посадом опричной власти несмотря на все внешние «ужасы» ее приемов. Недаром такие люди, как Строгановы, сами со всею своей огромной вотчиной напросились в опричнину и в 1566 г. туда была взята Соль Вычегодская, старинная колыбель их благосостояния; в 1569 г. и английская торговая «Московская» компания выхлопотала себе обширнейшую привилегию, в одном из основных пунктов которой значилось подчинение компании «опричному совету». В 1573—1575 гг. сама Александровская слобода представляла собою бойкий рынок, куда собиралось много купцов, в том числе и иностранных (из Польши, Турции и т. д.); сами опричники заводили постоянные торговые связи даже с отдаленными районами Севера.[1]

[1] АЗР, III, № 58, стр. 166 сл.

Опираясь, таким образом, на среднего феодала — помещика, охранявшего жизнь царя от покушений и заговоров, активно боровшегося на военных фронтах и хозяйничавшего в конфискованных в «опричнину» вотчинах, строил Грозный свое «самодержавство» при поддержке, в общем, духовных феодалов и посада и применяя любые средства для достижения основной цели своей борьбы — вывести «измену» феодальной верхушки, навести порядок среди постоянно готовых к бунту или даже прямо бунтующих вассалов, укрепить централизованную национальную монархию в момент ее превращения в многонациональное государство. Свою «опричнину» поэтому Грозный ставил очень высоко и принадлежность к ней считал особой милостью, хотя полагал ее своим домашним делом, не любил показывать ее иноземным послам и даже приказывал прямо отрицать существование какого-то раздела государства на «опричную» и «земскую» половины в наказах отъезжавшим за границу русским посланникам. «А ныне есте ни в земском, ни в опричнине, — писал он своим послам, уехавшим в Крым еще до 1565 г. и потому не записанным ни в земские, ни в опричные списки, — и вы б нам послужили, чтоб вам к нам приехати, оже даст бог, к нашей милости. А ныне есмя вас пожаловали для ваших нуж послали... своего жалованья из опричнины. И вы б нам послужили, во всяком деле нашем порадели..., а мы вас и вперед хотим своим жалованьем жаловати...».[1] Однако Грозный, награждая и оберегая «своих» «близких» людей — опричников, не останавливался перед жестокой расправой с ними, даже с самыми интимными фаворитами (как, например, с Ф. А. Басмановым), когда видел, что «близость» их перерождается если не в прямую измену, то, по крайней мере, в пренебрежение своим долгом и обязанностями. «Опричники», «дворовые» в подобных случаях так же «доходили»» до государевой опалы и казни. Не останавливался Иван и перед саркастической из-

---

[1] ЦГАДА, «Крымские посольские книги», № 13, лл. 427 сл., грамота А. Ф. Нагому от июня 1571 г.

девкой над оплошавшим, показавшим себя неудачливым воином, опричником; он, например, зло потешался над своим любимцем В. Г. Грязным, взятым в плен крымцами, и называл его в письме к нему «неженкою», «женкою» и зайцем, попавшим в торока к охотнику. Грозный давал опричникам власть и богатство, но все же не смог преодолеть окончательно старых представлений о «чести» рода, распределял своих «особных» людей согласно родословно-наместническому принципу и под злую руку презрительно обзывал их «страдниками», которых только допустил к своей особе, «хотячи от них службы и правды». Сами опричники смотрели на царя как на своего единственного повелителя: «Ты, государь, аки бог — и малого делаешь великим», отвечал на укоры упомянутый В. Г. Грязной. Если противники из княже-боярского лагеря, как Курбский, играя словами «опричь» и «кроме», называли опричников «кромешниками», а опричнину — «тьмою кромешною» (т. е. адом), то в устах опричников опричнина звучала «государевою царевою светлостью», и этот явно бытовавший в «опричном» населении термин попадал иногда даже в литературные произведения и официальные документы.[1]

Опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным историческим фактором, но в самой себе она таила уже острые социальные противоречия. Не могло быть — и не было — единства между помещиком-дворянином и посадским ремесленником или купцом; между «опричниками» из таких знатнейших фамилий, как князья Шуйские или Одоевские, и только «поверстанным» рядовым — «воинником» из бывших холопов тех же княжат. Резкий классовый антагонизм вскрывался в отношениях опричника-землевладельца и зависимого от него населения его поместья — крестьянина и кабального холопа — и временами уже выливался в настоящие крестьянские восстания; классовая борьба принимала характер хотя

[1] См. очерк «Из истории опричной территории».

еще и не повсеместной, но во многих случаях открытой гражданской войны. Дорвавшееся до власти в опричнине поместное дворянство совершенно отмело лозунги, которые за несколько лет перед тем провозглашали в памфлетическо-полемической литературе его представители — охрану земледельца — «ратая» и отмену холопства. В отношении последнего если и делалось что-либо, то только постольку, поскольку это касалось, как мы видели, холопов земских людей да еще некоторых возможностей холопам опричников записываться в опричные стрелецкие отряды. Массовые казни вызывали большое стремление «слуг и служанок» (как называет их Штаден), заподозренных в измене бояр и других людей из «земского», освободиться путем доносов на своих господ;[1] голод и моровые поветрия создали также большое количество бродячего и беглого люда из бывшего холопства. В конце-концов против всей этой массы в 1582 г. был издан «боярский приговор», скрепленный Иваном IV, по которому ложных доносителей подвергали жестокой казни.

Опричнина в общем достигла своей цели. Княжеско-боярская аристократия если и не была уничтожена ею целиком, «всеродне», то во всяком случае разгромлена так, что не являлась уже политически опасной для самодержавной власти московского царя. На первый план вместо нее вышел второстепенный слой феодального класса — поместный дворянин и сын боярский, который и стал хозяином в политике при царях Федоре и Борисе. В опричных репрессиях исчезли остатки феодальной раздробленности, и Московское царство становилось централизованным государством с сильной монархической властью во главе. Другим результатом опричных порядков было то, что, благодаря лихорадочно производимой усиленной мобилизации землевладения, разрушалась не только благоустроенная крупная вотчина с налаженным хозяйством путем превращения ее в мелкие поместные владения, но для образования последних часто привлекалась и масса

---

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 96.

«дворцовых» и «черных» земель. Крестьянское население всех этих новых поместных дач все более и более нищало, испытывая разнообразный гнет своего нового господина-помещика, бежало и «пустошило» его владения, что в свою очередь вызывало стремление помещика закрепить крестьянина за собою путем хотя бы временного введения «заповедных лет», когда отменялось право смены владельца и запрещалось передвижение, т. е. отменялся уже юридически «Юрьев день». Наконец, прямое наступление на крестьянство дворянина-опричника, выражавшееся в грабеже крестьянских «животишек», вело ко все большему развязыванию уже настоящей крестьянской войны, которая в начале XVII в. и разразилась в Московском государстве. Этому еще более способствовал и опричный приказный аппарат, примененный в качестве пресса по выжиманию из населения необходимых средств для успешного проведения внешней политики, направленной преимущественно в интересах все того же помещика-дворянина.

---

2. К истории управления в опричнине

Опричнина ликвидировала крупное княжеское и боярское землевладение со всеми его привилегиями. Но форма опричнины как известного государственного учреждения все еще не может считаться достаточно изученной. Не вдаваясь в историографические подробности, отмечу, что исследователи сходятся во взгляде на самое название «особного двора» Грозного: термин опришнина» во второй половине XVI в. — уже безусловно архаизм удельного времени; но С. Ф. Платонов отмечал, что и по существу своему «особный двор» царя Ивана, по крайней мере в 70-х годах, «не есть уже опричнина в смысле удельного двора»: в связи с ростом ее территории «в сознании творцов опричнины она изме-

нила свой первоначальный вид».[1] Так осторожно высказывается мнение, противоположное взгляду В. О. Ключевского, который видел в опричном дворе царя «высшую полицию по делам государственной измены», устроенную в виде «целого корпуса в 6000 человек, на содержание которого было взято много земель в государстве» и управляемую, согласно архаическому названию, по старым удельным образцам; однако развития и обоснования последней мысли мы не находим у покойного русского историка.

Прежде всего, для освещения вопроса нам следует попытаться выяснить официальный правительственный взгляд на опричнину. При решении этой задачи приходится считаться с крайней скудостью документальных данных, прямо относящихся к опричнине: последняя была, так сказать, домашним делом московской жизни и ее государя, а известно, что старая русская действительность протекала в значительной степени в русле обычая и практической необходимости момента; поэтому в актах приказной практики мы найдем чрезвычайно мало данных для разъяснения поставленного нами вопроса, официального же указа об учреждении опричнины до нас не дошло, и мы имеем лишь не совсем удачный, по всей видимости, пересказ его в Московской летописи.

Однако существует еще одна категория исторического материала, которая может пролить некоторый свет на понимание опричнины самим московским правительством, хотя этот материал, казалось бы, и не должен был совершенно отражать столь интимной реформы Грозного — я говорю о документах дипломатических сношений московского правительства с иностранными державами.[2] Опричнина, столь резко и шумно установленная Грозным, самые внешние обстоятельства отъезда его из Москвы, торжественное возвращение с манифестом к народу — все это такие факты, которые не могли не

---

[1] Ср.: В. О. Ключевский. Боярская дума, стр. 336; С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 142. — Объединяющий характер носит мнение проф. М. К. Любавского (Лекции, стр. 251—256).

[2] Известно, что опричнину от иностранцев скрывали.

привлечь внимания иноземных наблюдателей московской жизни. Действительно, мы узнаем, что уже 13 января 1565 г. некий З. Фелинг доносил из Новгорода датскому королю Фредерику II, что Грозный, испуганный внезапным набегом крымского хана 3 декабря 1564 года, захватив жену, детей и всю казну, бросился спасаться в хорошо защищенное Белоозеро. Здесь, очевидно, описывается знаменитый «государев поезд», выезд царя из Москвы, когда он, лихорадочно прометавшись по подмосковным селам, наконец, нашел отдохновение в Александровской слободе и оттуда дал знать об отказе от «государствования» и о возможности возвращения к нему только на условии устроения себе «особного двора». Точна у Фелинга даже дата отъезда — 3 декабря, неверно лишь объяснение причины да место, где укрывался Грозный. О необычайном выезде царя Фелингу сообщил, вероятно, кто-либо из русских людей, который, конечно, не смог в столь короткий срок точно определить причины события. Но подобный факт проникновения за границу слухов и толков о новой реформе царя не мог не встревожить ее инициаторов, желавших скрыть ее от чужих взоров. Особенно опасались, что новое мероприятие царя может как-либо использовать в дурную для Москвы сторону враждебная Московскому государству Литва, и московское правительство тщательно подбирало в наказах послам в Литву все предполагаемые вопросы, каковые могли бы задать литовские паны-рада, и давало для посольских ответов соответствующие указания. Вот эти-то, облеченные в очень глухую и осторожную форму, указания правительства и позволяют хотя бы отчасти определить взгляд самой власти на опричнину.

В первые годы, когда опричнина была новинкой, очень сильно ударившей по княжатам и боярству, московская дипломатия как-будто не считала возможным отрекаться от нее целиком; результаты ее в виде казней и опал были явны и известны, и в посольских наказах (В. М. Желнинскому осенью 1565 г. и боярину Ф. И. Умного-Колычеву в феврале — апреле 1567 г.) нет желания скрыть самого факта отъезда

Грозного в Слободу в декабре 1564 г.; более того, история переговоров царя с духовенством и затем казней по приезде в Москву также сохранена в них, и только не упомянуто самое слово «опричнина».[1] Но уже рано в наказах стремятся доказать, что все якобы новые порядки в государстве исконны, что «опричнины» никакой не существует. Так, когда в апреле 1566 г. приехал из Литвы гонец Фед. Юрша, то назначенным к нему приставам предписывалось отвечать на возможный вопрос его об опричнине, что «у государя... никоторые опришнины нет; живет государь на своем царском дворе, и которые государю дворяне служат правдою, и те при государе и живут блиско; а которые желали неправды и те живут от государя подале».[2] Самый слух об опричнине приказано было объяснять «мужичьим» невежеством: «нечто будет, не зная того, мужичье называют опришниною, и мужичьим речам чему верити?» Очевидно, для разъяснения пребывания Грозного в Слободе приставы должны были заявить, что «волен государь, где похочет дворы и хоромы ставить, туто ставит; от кого ся государю отделивати?» Повидимому, в Москве сильно опасались, что иноземцы обратят особое внимание именно на последнее обстоятельство, на пребывание Грозного вне Кремлевского дворца. В последующие годы наказы продолжали отрицать существование опричнины, а пребывание царя в Александровской слободе объясняется (в 1569 г. наказ гонцу в Литву Ф. И. Мясоедову), что в том «государьская воля, где хочет, тут живет, а то село близко Москвы, а государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе».[3] Точно такое же опасение вызывала в московских правительственных кругах и постройка нового царского двора (в 1567 г.) в опричных улицах Москвы: в 1571 г., в наказе князьям И. М. Канбарову, Г. Ф. Мещерскому и Г. В. Путятину да дьяку П. Протасьеву

[1] Сб. РИО, 71, стр. 324 и 466.
[2] Сб. РИО, 71, стр. 331.
[3] Сб. РИО, 71, стр. 591.

считали возможным, вероятно за давностью лет, совершенно отрицать самый факт отъезда Грозного в Слободу в 1564 г., но оборудование новой резиденции объясняли опять свободой царя ставить себе «для прохладу» дворы, где ему «надобе ставити» — боялись, как бы не возник у литовских панов вопрос, «что государь дворы ставит розделу для или для того — кладучи опалу на бояр».[1]

Таким образом, московская власть постепенно пришла к возможности отрицать обстоятельства учреждения опричнины, но очень боялась, что иностранцы усмотрят в пребывании царя в опричных дворцах символ какого-то раздела государства. По мнению московского правительства, объяснить это обстоятельство можно было или тем, что царь волен жить, где хочет, и что одних он за заслуги жалует, а других казнит и велит им жить «от себя подале», или же «мужичьим невежеством» изобразить это как «раздел»: «а государю от кого ся отделивати?» — с достаточной степенью наивности должны были спрашивать московские дипломаты. Незначительность факта проживания Грозного вне Кремлевского дворца так старались подчеркнуть, что невольно зарождается мысль, что это-то и было, напротив, самым существенным, по мнению современников, в опричнине; толкование же этого факта «волею» царя, стремлением царя к «прохладам», тем, что царь может жаловать близостью к себе угодных ему служилых людей, было лишь не совсем умелой попыткой затемнения истинного смысла опричнины — «раздела».

Итак, можно думать, что какой-то «раздел» государства являлся для московского правительства, в своих дипломатических приемах всегда исходившего из реальных обстоя-

---

[1] Сб. РИО, 71, стр. 777 и 775. — Любопытно, что в одной из известных грамот 1567 г. кн. Михаил Иванович Воротынский, отрицая существование опричнины — «у государя нашего опричнины и земского нет», — сейчас же, однако, прибавил: «А ведь же и в вашей земле есть земское, и дворное, и кралевское, гетманы и подскарбии и иные чиновники» (там же, стр. 516) — сравнение с польско-литовскими надворными и коронными должностями.

тельств,[1] результатом выезда царя на житье в новую резиденцию и определял собою сущность опричнины.

Современный исследователь едва ли вправе придавать этому «разделу» какой-либо идеальный смысл отделения верховной власти от неугодных ей элементов общества; гораздо ближе, думается, к исторической действительности будет связывать «раздел» с дроблением территории государства на две части — опричную и земскую. В других памятниках поясняется, как смотрели московские люди на такой раздел: опричная часть царя была его «уделом».

О государстве-«уделе» дошли до нас два указания— одно косвенное, другое прямое. Именно, в 1567 г. 12 мая в Торокманов стан Московского уезда был отправлен указ с запрещением брать подати с вновь купленной запустелой вотчины Ив. Вас. Шереметьева-Большого. Вотчина до покупки Шереметьевым принадлежала М. Аргамаковой (с 1567 г.), а ранее была поместьем Ив. Аф. Ергольского, за которым и была записана в книгах А. Лодыгина 7059 (1550—1551) г. и кн. Дм. Гагарина 7067 (1558—1559) г. При даче льготы опрашивали крестьян о причинах запустения, и те ответили, что вотчина запустела давно, лет с десять, помещик же Ергольский докончил своим управлением обезлюденье, «а сам деи вышел в удел».[2]

Уделов в царствование Грозного было два: родного его брата кн. Юрия Васильевича и двоюродного — кн. Владимира Андреевича. Первый, болезненный и скудоумный, умер еще 24 ноября 1563 г.,[3] второй — с 1554 г. обязался записями не принимать к себе служилых людей и жил под постоянным подозрением в измене, а в 1563 г. попал под царский суд,

---

[1] А. И. Заозерский. К характеристике московской дипломагии XVII в., стр. 335.

[2] РИБ, II, № 37. — Документ напечатан по дефектному списку, и цитируемое место восстанавливается по списку, хранящемуся в Рукоп. отделении ГПБ, под шифром А I, 17, л. 757 об. (сама грамота находится там же, на лл. 755—758).

[3] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 372.

причем мать его была пострижена; с тех пор положение кн. Владимира Андреевича все ухудшалось. Едва ли в уделы этих князей мог уйти Ергольский, и не естественнее ли видеть здесь государев «удел» — опричнину, которая, повидимому, очень рано, возможно сейчас же по возникновении, стала действовать в соседних вотчинах и поместьях Московского уезда. На такую мысль наводит и то, что крестьяне не назвали, к какому именно князю ушел их господин, а знать это они были бы должны, тем более, что и «удельных»-то князей всего было двое.

Другой документ, писцовая книга 1576 г. опричной части Шелонской пятины, составленная по приказанию «князя Ивана Васильевича Московского», уже прямо определяет эту часть пятины как «государев удел».[1] Таким образом, «раздел», о сокрытии которого так заботились московские дипломаты, по всей видимости заключался в образовании особого, «опришного» государева «удела».

Для «удельных» земель нужна была и «удельная» резиденция — Александровская слобода сначала, Вологда и Старица — затем. Когда отобраны были в опричнину улицы в самой Москве, был построен и особый царский двор на Арбате: Грозный как бы получил старинный удельный жребий в Москве, как получали его все князья московской княжеской линии.[2] До времени Иван правил государством, по удачному выражению посольского наказа, на «Москве и в Слободе», как царь и как удельный князь, перебирая «людишек» и их земли. В 1575—1576 гг. он попробовал остаться только на уделе, поставив во главе земщины вел. кн. Симеона Бекбулато-

[1] НПК, V, стр. 571.

[2] Об опричных улицах в Москве см.: С. Ф. Платонов, Соч. III, стр. 134; И. Е. Забелин. Опричный дворец царя Ивана Васильевича, стр. 399—416. — В этом царском жеребье было, вероятно, особое управление от остальной Москвы; по крайней мере, так можно думать о таможенном управлении: в 1570 г. царь приказал литовским гостям продавать товары у себя «в опришнине», безусловно для выгод своей опричной казны (Сб. РИО, 71, стр. 651). Ср. сбор таможенных пошлин в опричной Торговой стороне Новгорода 1571 г. (АЭ, I, № 282).

вича.[1] Это был уже не первый его опыт в таком направлении: в начале 70-х годов (1571—1572 гг.) во главе боярской думы при приеме послов упоминается крещеный астраханский царевич Михаил Кайбулич; последний, как глава царской «ближней думы»,[2] в документах упоминается всегда особняком от кн. И. Ф. Мстиславского, стоявшего во главе государевой думы «всех бояр». Поставление Симеона Бекбулатовича великим князем всея Руси с точки зрения опричного-удельного «государя князя московского» и было, повидимому, окончательным подтверждением произведенного им за десять лет перед тем «раздела» государства. В этом отношении княжение Симеона Бекбулатовича нельзя расценивать как «игру или причуду, смысл которой неясен»: опричнина пережила ряд модификаций, с 1572 г. переименовавшись во «двор»; в состав ее входили и выходили оттуда обратно в земщину разные местности, но общий характер ее как государева удела остался неизменным; 1575—1576 годы и были временем, когда этот характер был Грозным почему-то особенно подчеркнут.[3]

---

[1] Характерно, что в это время Грозный сам подчеркнул, что смотрит на себя как на удельного князя; в известной челобитной своей 1575 г. на имя Симеона Бекбулатовича он пишет: «А которых людишек примем, и ты б, государь, милость показал, вотчиннишок у них отнимать не велел, как прежь сего велось у удельных князей» (РИБ, XXII, № XI, стр. 76—77; ср.: М. А. Дьяконов. Власть Московских государей, стр. 303).

[2] Сб. РИО, 129, стр. 219, 221, 224, 226, 228. — О значении «ближней думы» см.: С. Ф. Платонов. Боярская дума — предшественница Сената, стр. 461—465. — Мы не останавливаемся на явно спутанных известиях иноземцев о поставлении в 1565 г. во главе земщины царя Семена Казанского (Н. М. Карамзин, IX, прим. 137).

[3] Ср. стр. 41—44. — Следует отметить, что Грозный и в другое время отказывался на короткий миг от царского титула, именно вслед за убийством царевича Ивана, сохранив лишь наименование «великого князя» — см. грамоту Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (АИ, I, № 214) и письма Грозного боярам в 1581 г. в «Деле о приезде Пассевина», изд. Н. П. Лихачевым, стр. 273—239. Не лишены значения, по всей вероятности, и внешние обстоятельства политики Грозного: как раз в момент правления Симеона Бекбулатовича в земщине, в Польше

Зато крупные перемены произошли в течение всего промежутка 1565—1584 гг. в управлении «особным» государевым двором и его территорией. Переезжая в Слободу в 1565 г., а затем устраивая особый опричный дворец в Москве, царь заводил новое хозяйство. В этом хозяйстве летопись отметила ряд хозяйственных «дворцов» (Хлебенный, Сытный и др.) с ключниками, подключниками, поварами и тому подобными дворовыми людьми; дворецкие, также «особные», ведали, вероятно, всеми этими придворными службами и дворней. Из других хозяйственных учреждений у Грозного были в опричнине и особые конюшни с конюхами; наконец, там существовало, по всей видимости, и подобие тюрьмы, где могли содержаться провинившиеся в чем-либо люди.[1] Словом, царь устраивался в опричнине в тех же формах быта, в каких жил он и в Кремлевском дворце, как жили, вероятно, настоящие удельные князья Юрий Васильевич и Владимир Андреевич в своих резиденциях в самой Москве.

Наряду с органами чисто хозяйственного управления летопись упоминает, что царь учинил в опричнине и органы государственного управления — бояр, окольничих, стольников и других служилых придворных людей, казначеев, дворецких и дьяков.[2] До нас дошло несколько известий о действительном существовании в опричнине (а затем во «дворе») особой, от-

---

наступило тягостное бескоролевье после бегства Генриха Валуа, и в Литве образовалась сильная партия, желавшая избрания Грозного или, если он сам не пожелает, его сына Федора. Сам Грозный, видимо, не прочь был сделаться польско-литовским государем; нет ли связи в поставлении Симеона Бекбулатовича с этим обстоятельством — стремлением облегчить предполагаемое объединение Руси и Литвы? (Ф. М. Уманец. Русско-литовская партия в Польше 1574—1575 года. ЖМНП, стр. 233—269; Ф. Вержбовский, стр. 208—242).

[1] Сб. РИО, 71, стр. 565—566 (упоминается «конюшня земская»); там же, 129, стр. 195. — Раздел имущества царя на «опришное» и «земское» доходил, по всей видимости, до мелочей: так, в царском архиве хранился, например, «список судов серебряных, которые отданы в земское» (АЭ, I, № 289, стр. 349, ящ. 191).

[2] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394.

личной от земской, боярской думы, собирающейся иногда вместе с земскими боярами для решения тех или иных дел. Состав такой думы был, повидимому, аналогичен составу земской думы, т. е. включал в себя обычные думные чины — бояр, окольничих, думных дворян.[1] Точно так же в опричнине, видимо, существовал и такой же, как в земщине, «суд бояр»; по крайней мере, в одной грамоте 1567 г., данной из опричнины Симоновскому монастырю, читаем: «А кому будет чего искати на самом архимандрите и на старцех и на их приказчике, ино их сужу яз царь и великий князь или наша бояре в опришнине».[2]

Кроме дворецкого и казначея, при опричном дворе на первых порах не наблюдается каких-либо других органов центрального управления, в то время как в 1565 г. в остальной части государства существовала уже довольно сложная приказная система. Казначею и дворецкому были подчинены, по всей вероятности, указанные уже придворные чины и слуги, а также дьяки, наличность которых свидетельствуется и актовым материалом.[3] Но от тех же первых лет существования опричнины дошло до нас несколько жалованных тарханных грамот монастырям на вотчины в опричных землях; из них видно, что высшей судебной инстанцией в таких случаях был не суд дворецкого, как то было в Московском государстве до выделения из него царского удела (и в земщине после 1565 г.), а старинный суд «боярина введеного»; так, например, в тарханной грамоте 1566 г. Симонову монастырю на его

---

[1] Сб. РИО, 71, стр. 666. — Интересны перечни придворных чинов в 1581 г. при торжественном государеве столе в Старице в честь Поссевина: участвовали отдельные наряды тех и других лиц — «стряпчие» (дворовые), «стряпчие же из Земского», «стряпчие с чеботы» (дворовые), «жилцы дворовые», «столники дворовые», «столники ж из земского», «стряпчие ж из земского с чеботы», «жилцы из земского» (Н. П. Лихачев. Дело о приезде А. Поссевина, стр. 44—46); в разрядах 1577 г. — «столники» и «столники ж из Земского», «Военный журнал», стр. 143—144.

[2] Ист. Арх., стр. 210, № 19.

[3] Таков был, вероятно, и дьяк Дружина Володин в 1567 г.; ср. ДАИ, 1, № 118.

московские вотчины, отошедшие в опричнину с целым округом («уездом») Вышегородским, читаем: «А кому будет чего искати на их приказщиках, ино их сужу яз царь и великий князь или боярин мой введеный в опришнине»; также в грамоте 1567 г. относительно симоновских вотчин в Можайском уезде и в приводимой В. О. Ключевским грамоте 1571 г. Стефанову Махрищскому монастырю.[1] Едва ли в этих словах можно усмотреть консерватизм терминологии актов: ниже мы покажем, что в документах, вышедших из опричного управления, также упоминается о подсудности монастырей в опричном «дворце», когда это ведомство окончательно, повидимому, сформировалось. Более правильно полагать, что «удел» царя должен был и управляться по-старинному, «особный двор» со своими дворецкими, казначеями, слугами, дьяками и хозяйственными «дворцами» должен был вместить в себе и всю сложность приказной системы покинутой земщины.

Однако быстрый рост царской опричной вотчины и ряд обстоятельств привели к тому, что с начала же опричнины в ней уже были задатки для образования специальных центральных учреждений; на примере опричнины повторилась, как бы в миниатюре, история развития приказного строя всего Московского государства: с накоплением обязанностей у дворецких, казначеев и их дьяков начали образовываться и соответствующие приказные избы, параллельные по ведомству таковым же «земским» учреждениям.

Сведения относительно таких опричных учреждений идут большею частью[2] от второго периода в истории государева «удела», когда он из «опричнины» был переименован во «двор», т. е. от 70-х и 80-х годов. Но уже от 1565 г. дошло одно любопытное известие, что царь Иван «боярем и князем и дворяном велел в Слободе ставити и избы розрядные,

---

[1] ГИМ, Собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 185—187; Ист. Арх., стр. 213, № 20; В. О. Ключевский. Боярская Дума, стр. 337.

[2] Исключение составляет «чети», о них см. очерк «Опричные чети».

и нача в Слободе жити со всеми бояры своими, а к Москве стал приезжати не на великое время». Правда, памятник, сохранивший это известие (так называемый Морозовский летописец), не может считаться очень доброкачественным источником, но сам по себе факт постройки домов опричников и приказной избы так явно соответствует историческому моменту (учреждению опричнины) и вместе с тем столь несложен как историческое данное, что сомнений не вызывает.[1] Постройка Разрядной избы обусловливалось, очевидно, назревшими

---

[1] РОГПБ, IV. 228 — выписка у Карамзина, IX, прим. 138. Общий характер манеры подбора известий в Морозовском летописце определен С. Ф. Платоновым: это — поздняя компиляция, с дословной выпиской известий из разных сказаний о смуте; в сказаниях об опричнине летописец буквально переписывает сведения из краткой редакции «Повести» кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского (ср.: Н. М. Карамзин, IX, прим. 3, 137 и 148 и РИБ, XIII, стр. 561, 628); но интересующего нас цитированного известия нет ни в «Повести», ни в других сочинениях о смутном времени: видимо, оно взято из какого-либо другого источника, и притом сделано это так же, как написан и весь летописец, т. е. не искажая известия, а лишь механически скрепляя его с другими (С. Ф. Платонов, Соч., II, стр. 422—423). Хронология данного факта может несколько возбуждать сомнения; далее с тем же 1565 г. летописец связывает и переселение Грозного в новый двор на Воздвиженку, что неверно (С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 134). Для нас, однако, интересен сам факт постройки Разрядной избы в опричнине, даже если неверна хронологическая дата этого события (ср.: Н. М. Карамзин, IX, прим. 610, 617). Двояко можно толковать и место, где, по летописцу, была построена Разрядная изба: это, во-первых, Александровская слобода («а к Москве стал приезжати»), во-вторых, гораздо более вероятно, — опричный жребий в самой Москве: тот же летописец в рассказе об убийстве царевича Ивана под «Слободою» разумеет явно не Александровскую слободу, а московские опричные местности: «В лето 7090 в Москве в Слободе на Воздвиженской улице [следовательно, в опричном дворце на Арбате] не стало царевича Ивана Ивановича и несоша его в град [т. е. в Кремль] и погребоша его у Архангела Михаила» (Н. М. Карамзин, IX, прим. 612). Памятник официального происхождения, Никоновская летопись (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395) говорит, что царь вывел из московских опричных улиц обывателей и велел там строиться опричным служилым людям. В этих-то улицах и слободах находились, вероятно, и означенные приказные строения.

в том потребностями; действительно, в противоположность мнению В. О. Ключевского, что «в опричнине не любили ни родословных людей, ни родословных счетов»,[1] можно насчитать по разрядам достаточное количество местнических столкновений опричников между собою.[2] Опричники из родословных московских фамилий (а представители таковых в опричнине были — и в порядочном количестве)[3] близко принимали к сердцу свои местнические неудачи: так, например, Мих. Андр. Безнин-Нащокин, проиграв дело с другим опричником Вас. Гр. Зюзиным, «от той боярской обвинки хотил постритца»; царь заступился за своего любимца, «того дела смотрел и Михаила пожаловал, велел дать на Василья правую грамоту».[4] Грозный, повидимому, вмешивался иногда лично сам в местнические споры; по крайней мере, некоторые грамоты довольно ясно носят следы личных государевых соображений по разрядам и родословцам.[5] Круг дел, которыми ведал Опричный разряд (подобно Земскому), не ограничивался, конечно, только местническими счетами: опричный служилый корпус проходил службу с теми же обязанностями и в той же обстановке, что и в земщине; так же расписывался он по полкам с «воеводами из опришнины» во главе в походах;

---

[1] В. О. Ключевский. Боярская Дума, стр. 337.

[2] «Синбирский сборник», Разрядная книга, стр. 22 (в 1568 г. — кн. Осип Гвоздев-Ростовский и Роман Алферьев), стр. 23 (в 1569 г. — Н. Ив. Очин-Плещеев и В. И. Умного-Колычев), стр. 24 (кн. А. Телятевский и Фед. Алекс. Басманов-Плещеев), стр. 32 (в 1572 г. — кн. В. А. Сицкий и Замятня Ив. Сабуров), стр. 40 (в 1573 г. — кн. Дм. Ив. и Ив. Охлябинины и кн. Ф. М. Троекуров и т. д.). Все эти лица в той же разрядной записаны в числе опричных воевод.

[3] См. пред. прим. и: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 148, так же в Разрядной книге «Синбирского сборника» в числе воевод из опричнины.

[4] «Синбирский сборник», стр. 81.

[5] Там же, стр. 43—44. — Слог этой грамоты (местническое столкновение И. Шереметьева и князей Ю. Куракина и А. Хованского), мало напоминает общую приказную форму таких грамот; некоторые же выражения прямо заставляют предполагать, что документ редактирован самим Грозным.

так же, вероятно, нес он службу и в мирное время. Кроме того, наряду со служилыми людьми высшего слоя, в опричнине были особые стрелецкие и, может быть, казацкие отряды как у государя в Москве, так и по «дворцовым» городам.[1] Это профессиональное войско, как и в земщине, нуждалось, особенно в провинции, в центральном органе управления.[2] В опричнине, наконец, и прямо заметны следы ведения особых, отличных от земских, разрядных списков походов; так, например, в 1593 г. кн. Андрей Елецкий, местничаясь с кн. И. М. Вяземским, заявил, при ссылке последнего на разряд 1568 г., что такого разряда не упомнит, «а хоти будет таков разряд и был, и та была государева воля, в опричныне, в том государь волен».[3] Значит, земские служилые люди не отрицали существования особых опричных разрядов, лишь не считая их обязательными, так как велись они во многом, вероятно, по воле государя, а не согласно родовой чести местников. С другой стороны, служилые люди из земского «утягивали», когда это было им выгодно, бывших опричников теми же разрядами в опричнине: так, в 1599 г. кн. Г. А. Долгорукий спорил с кн. М. Ф. Гвоздевым-Ростовским и подал среди других документов память о разряде 1568 г. «как были воеводы в Колуге из Опричнины»; оба местника в этом случае «слались на Розряд», т. е. на официальную разрядную книгу, но оказалось, что «в Розряде 7076 году такова розряду из Опришнины не написано». Очевидно, разбиравшие дело дьяки справились лишь с земскими разрядами, оставив в стороне опричные разрядные списки, так как в некоторых частных редакциях разрядных книг такой разряд 1568 г.,

---

[1] «Военный журнал», № 11, стр. 98, 99, 100. — О стрельцах см. так же ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395.

[2] В земщине, как известно, существовал в это время уже особый приказ — «Стрелецкая изба»; сведений о подобной избе в опричнине не имеется; ее функции тогда должны были сосредоточиться в главном военном приказе — Опричном разряде.

[3] РИС, II, стр. 116.

действительно, записан.[1] Сами опричники указывали, что в земских разрядах они не помещались: тот же кн. М. Гвоздев заявил в ответ на ссылки кн. Долгорукого на разряд 1572 г., что «был он князь Михайла тогды у государя в опришнине» и потому «розряду в 80 году не помнит».[2]

Итак, в известиях об опричнине можно уловить, что при «особном дворе» Грозного был известный комплекс лиц, дел и документов, которыми в земщине давно ведали Разрядный приказ и его дьяки. Кроме того, как мы видели выше, есть сведения и о раннем существовании в опричнине особого помещения, где ведались и решались эти дела.

От 70-х годов, когда «Опричнина» переименована была в «Двор», мы знаем и разрядных «дворовых» дьяков. В 1574—1576 гг. таковым дьяком «Розряду дворового» был Андрей Шерефединов, сопровождавший царя в Старице и других загородных резиденциях (Олешня).[3] В 1578 г. в мае месяце в «Дворцовом разряде» сидел уже не простой дьяк, а приказный судья, окольничий М. Т. Петров вместе с дьяком Стахеем Ивановым.[4] Существование опричного («дворового») Разрядного приказа можно заметить и в 80-х годах; так как в это время упоминается еще «Земский разряд» — значит, разделение ведомства на два приказа продолжало существовать.[5]

---

[1] РИС, II, стр. 123, 128; «Синбирский сборник», стр. 22.

[2] РИС, II, стр. 132—133.

[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, 466—469; так же Н. В. Мятлев. Родословные разведки, прил. III, стр. 30.

[4] АЭ, I, № 302; арх. Досифей. Описание Соловецкого монастыря, ч. III, стр. 31—32 (грамота в последнем издании напечатана по неисправному списку). — Интересно, что исследователь истории Разряда и разрядных дьяков, Н. П. Лихачев, совершенно не обращает внимания на этот документ, хотя и знает его: он почему-то считает упомянутый «Дворцовый разряд» отделением Большого дворца (Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 36).

[5] А. И. Юшков, Акты, № 220; по другому списку: Н. П. Лихачев, Сборник актов, вып. 2, XV, стр. 247, очевидная ошибка — «Ямской» разряд вместо «Земский» разряд.

Нахождение во главе опричного приказа думного, хотя бы и «дворового» чина указывает, что приказ этот был учреждением отдельным от Земского: «честь» думного человека не позволили бы ему быть в каких-либо отношениях к тогдашнему думному разрядному дьяку Земского разряда В. Я. Щелкалову;[1] и в позднейшее время, когда могущество Щелкаловых достигло своего апогея, даже такие неважные служилые люди, как Мих. Игн. Татищев, презрительно высчитывали «великим» дьякам их генеалогию, незавидную с точки зрения родовитости.[2] С другой стороны, в источниках нет абсолютно никаких данных, чтобы считать и В. Щелкалова подчиненным, а таким он только и мог быть, как «дьяк» — «судье» окольничему Петрову. Таким образом, на истории Разряда в это время сказываются, по нашему мнению, противоположение опричных и земских учреждений и независимость их друг от друга.

Но как в экстренных случаях обе боярские думы — опричная и земская — сходились на совместное совещание и постановляли общий приговор,[3] так и приказным людям иногда предписывалось действовать сообща: в ноябре 1579 г., когда царь был в походе в Великом Новгороде, а на Москве «в Московской осаде» остался кн. А. П. Куракин с другими служилыми и приказными людьми, посылались грамоты «воеводе... князю Ондрею Петровичу Куракину да окольничему... Михаилу Тимофеевичу Петрову да дьяком... Ондрею

---

[1] Т. е. товарищем в едином общеземском приказе при двойном (опричном и земском) штате служащих, как полагает С. Ф. Платонов (Соч., III, стр. 144—146).

[2] Родословие Щелкаловых по челобитью Мих. Татищева в 1598 г.: «А дьяки, государь, и дьячти дети на нас холопей твоих глядеть не смели — знали свою братью поповых детей... А Васильев (Щелкалова) отец был подьячей — сидел в Розбойном приказе, а прадед его был барышник на конской площадке и дед смолода, да под старость был православной поп» (Н. В. Мятлев. Челобитная Мих. Татищева, стр. 5—6). Такое родословие Щелкаловых принимает и Д. Ф. Кобеко (Дьяки Щелкаловы, СПб., 1908).

[3] Сб. РИО, 71, стр. 666, 716; 129, стр. 216.

да Василью Щелкаловым да Стахею Иванову». Здесь земские и опричные люди расположены в строгом местническом распорядке: «земский» Куракин, конечно, был неизмеримо выше «честью» опричника Петрова, как «земские» же Щелкаловы выше дьяка Стахея Иванова. Куракина грамота упомянула потому, что он был в это время главным московским осадным воеводою, и пропуск его значил бы, вероятно, для «великих» дьяков Щелкаловых известное местническое подчинение опричнику М. Т. Петрову. В действительности указ был направлен обоим разрядам и затем хранился в одном из них (вероятно, в Земском).[1]

Известны и другие приказы в опричнине. Так, при существовании Опричного разряда и нахождении в царском «Дворе» огромного количества земель и служилых людей необходимо было позаботиться о способах сообщения между отдельными частями опричной территории и управляющими ею провинциальными органами власти. Постройка и содержание ямов и ямщиков в Московском государстве издавна лежали на населении, а в Москве ведались Ямской избой. В опричнине мы видим такое же параллельное земскому учреждение. К сожалению, мы не имеем возможности, хотя бы в самых общих чертах, обрисовать возникновение этого опричного приказа — о нем дошло, кажется, только единственное указание: так, в декабре 1579 г. отправлен был в опричный Ярославский уезд в Гавриловский ям приказ ямскому сборщику Третьяку Окорокову о неправеже ямских охотников с вотчины Спасского Ярославского монастыря; список со старой жалованной грамоты приказывалось прислать «на Москву в наш дворовой ямской приказ к дьяком Стахею Иванову да к Меньшому Башеву».[2] Ст. Иванов,

---

[1] Н. П. Лихачев. Дело о приезде Антония Поссевина, стр. 181. Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 366.

[2] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № L. — Дьяк Ст. Иванов служил и ранее, кажется, в опричнине: 11 марта 1575 г. за его приписью была отправлена грамота кн. Петру Даниловичу Пронскому и Ив. В. Шереметьеву относительно дворов казаков Троице-Сергиева мо-

как мы только что видели, сидел за месяц перед тем в Дворовом разряде в качестве подчиненного приказному «судье» лица; перейдя в другой опричный приказ, он стал там первым дьяком (судьи в Дворовом Ямском приказе не было).

Характеризуя опричнину как государев удел, мы имели уже случай сказать, что судебно-административное управление в ней, по всей видимости, носило черты «удельного»; по старине «бояре введенные» являлись высшей судебной инстанцией для тарханщиков-иммунистов. Однако наряду с этим в опричнине развивался и суд дворецкого, у которого, по-видимому, очень рано образовалась и своя приказная изба с дьяками: так, уже от 1565—1566 гг. есть известия, что существовал «Большой земский дворец»;[1] значит, ведомство уже делилось на два учреждения, и был «Дворец» — приказ опричный. В начале опричнины, в 1560-х и отчасти 1570-х годах дворцовым опричным дьяком был, возможно, Петр Григорьев, за чьей подписью выдавались из опричнины грамоты монастырям, который принимал от них челобитья, делая пометы, и сносился по существу просьбы с «земскими» приказами. От 1570-х годов мы можем, правда предположи-

настыря в Холуе (монастырь жаловался, что «бояре и дьяки... те у них козачьи дворы отьимают, норовя царевичу Михаилу Канболовичю, чтоб им под суд ему их дати», и положил перед царем иммунитетную грамоту); 16 числа этого же месяца была отправлена новая грамота, за приписью дьяка Кирея Горина, во Владимир Ив. Гр. Кореневу (очевидно, местному приказному человеку, городовому приказчику или губному старосте) с приказанием ехать в Холуй и распорядиться о ненарушении льгот этих монастырских «казаков» (М. А. Дьяконов. Акты, вып. 2, № 23). Не была ли послана первая грамота из опричной избы (кн. П. Д. Пронский — опричник, неодобрительное отношение к царю Мих. Кайбуличу, недавнему члену «ближней» думы и, может быть, главе земщины), а вторая — из Земского приказа (дьяк Кирей Горин — «земский»).

[1] М. А. Дьяконов. Дополнительные сведения, стр. 195, прим. 3; ссылка на Грамоты Коллегии экономии по Тульскому у., № 1-12308, 7074 г.; упоминание о Большом земском дворце см.: А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского с 1606 г. 19 мая по 17 июля 1610 г. (№ 4, стр. 6).

тельно, назвать и опричного дворецкого — таковым был, по всей видимости, кн. Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский: в 1572 г. он разбирает дело по челобитью игуменьи суздальского Покровского монастыря Василисы о свозе монастырских крестьян приказчиком суздальских царских «накладных и посопных» сел;[1] в 1574 г. осенью он вместе с упомянутым уже дьяком П. Григорьевым по приказу Грозного зачитывает Строгановым, ведавшимся в опричнине уже с 1566 г., купленные ими для царя товары в «ширинки» в число тех денег, которые следовало бы «имать» на них, т. е. ведает личное имущество царя.[2] В 1575 г. кн. Токмаков, видимо, был близок к Грозному: польский шляхтич Кр. Граевский, описывая свою аудиенцию в Александровской слободе, рассказывает, что «великий князь» пришел на заседание боярской думы в сопровождении Токмакова — его одного он называет по имени.[3]

В 1580—1581 гг. в «Дворцовом приказе» сидели дьяки Постник Сулдошев и Богдан Дементьев, разбиравшие дела того же Суздальского монастыря (игум. Леониды) о вывозе из-за монастыря крестьян, и посылали приказчику дворцового с. Симы, Юрьевского уезда (Юрьев-Польский — опричная

---

[1] «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова», отд. 1, № 45.

[2] А. А. Дмитриев, «Пермская старина», вып. 6, стр. 134. — Дворецкие в земщине (Б. Дворца) известны; это были: с 1566 г. — кн. Ф. И. Хворостинин (А. А. Федотов-Чеховской, I, № 81, стр. 222—1576 г.), Н. Р. Юрьев — с 1576 г., с 1584 г. — Г. В. Годунов (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 36, 55, 60). Тем же дьяком П. Григорьевым подписана в Слободе в 1574 г. жалованная грамота Строгановым Сибирского царства, т. I, стр. 87—90, прим. — Ср. А. А. Дмитриев, ук. (Г.-Фр. Миллер. Описание Сибирского царства, т. I, стр. 87—90, прим. — Ср. А. А. Дмитриев, ук. соч., стр. 133, вып. 5, 1894, стр. 124.

[3] Ив. С. Рябинин. Показание, стр. 11. — Кн. Ю. И. Токмаков мог быть известен Граевскому еще потому, что был одним из устроителей вновь завоеванных Грозным местностей по литовскому рубежу (ПКМГ, ч. I, отд. 2, стр. 429); Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, I, ч. I, стр. 563—564. — Некоторые исследователи считают показания Граевского апокрифичными (Ф. М. Уманец, ук. соч., стр. 263—265).

волость) указы о присылке им в Москву сыскных списков на свезенных крестьян;[1] дворовым дворцовым дьяком Посн. Сулдошев записан и в разрядах в апреле 1581 г.[2] Но уже в июле того же года грамоту о ведении Спасского Ярославского монастыря в «Дворцовом дворце», а не в «розных приказех» подписал новый дьяк Фирс Лазарев.[3]

Казначей в опричнине играл бо́льшую роль, чем в земской половине государства. Образование опричного удела царя было вызвано, как известно, не только стремлением разрушить феодальное княжеско-боярское привилегированное землевладение, но и чисто финансовыми заботами о восстановлении «потощавшей» царской казны, расхищенной боярами в их управление; самый подбор земель, забранных на особный царский двор, показывает, что в опричнину поступили богатейшие области Московского государства.[4] Понятно поэтому, что органы финансового управления должны были приобрести в опричнине большое значение. К сожалению, нет возможности выяснить точно всех лиц, которым в опричнине вносились государевы подати. Уже в 1567 г. мы видим, что опричный дьяк Дружина Володин собирает таможенные пошлины,[5] которые в земщине были подведомственны недавно отделившемуся от Казенного двора Большому Приходу; но

---

[1] «Описание актов Уварова», отд. I, № 53; Н. П. Лихачев, Сборн. актов, вып. I, № XIX, стр. 63 — о Юрьеве-Польском в опричнине.

[2] Архив ЛОИИ, Рукоп. Археогр. ком., Разрядная книга, № 241, л. 446 (по старой нумерации листов): в 1581 г. были расписаны в поход с государем — «дворецкий кн. Ф. И. Хворостинин, Иван Стрешнев, Афонасей Демьянов, Ондрей Шерефединов, Ондрей Арцыбашев, Курбат Григорьев; дворцовой (зачеркнуто «Гаврило Михеев») Посник Сулдешев да из земского дворцовой Гаврила Михеев. В яселничево место Елизарей Шемякин сын Благово, конюшенной — Микита Чермной». Следовательно, Посник Сулдешев был дворцовым дьяком не «из земского». Гаврила Михеев, может быть ранее, в 1574 г. также служил в опричнине (АЭ, I, № 286).

[3] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № LII.

[4] С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 139 сл.; ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395 сл.

[5] Ист. Арх., стр. 210, № 18.

где в опричнине они платились — судить не беремся: как предположение, можно лишь высказать, что — в ведомстве опричного казначея. Ничего определенного нельзя извлечь и из известий 1569 г. о том, что с московских сел Симонова монастыря по переходе их в опричнину было приказано платить все подати в опричнине, а не в земщине, в Большом Приходе.[1] Во всяком случае, все поступления в опричную казну едва ли могли миновать государева удельного казначея, имевшего, как было сказано выше, очень широкий круг ведомства, подтверждающий впечатление о господстве старинного порядка вещей в государевом опричном уделе. Так, известно, что следов деятельности особого Поместного приказа в опричнине не имеется; его функции, по старине, оказывается, нес опричный казначей, подобно тому, как это было в первой половине XVI в. до выделения Поместной избы из ведомства казначеев. Это находит подтверждение и в указе Грозного от 12 июня 1569 г. своему казначею Угриму Львовичу Пивову, чтобы тот «велел записать... в опришнине в книги за Кирилловым монастырем и вступатися у них не велел ни во что»[2] (разумеется вновь приобретенные монастырем земли в Поморье): подобные книги («вотчинные») и подобные обязанности в земщине давно сосредоточивались в Поместной избе.[3] Казначей обязан был «велеть» записать в книги монастырские вотчины, конечно, подчиненным ему

[1] Ист. Арх., стр. 234, № 36 — Сборы с дворцовых сел, отчисленных в опричнину, поступали, по всей видимости, не в земщину, а в опричнину, в опричный Большой дворец (Ист. Арх., стр. 184, № 3).

[2] Ист. Арх., стр. 235, № 37. — Казначеи 60-х годов известны: это Ф. И. Сукин, Х. Ю. Тютин и Ник. Аф. Фуников-Курцов (Сукин осенью 1565 г. — С. А. Шумаков, Обзор, III, стр. 5, № 13/3815. — Х. Ю. Тютин казнен в конце 60-х годов, а Н. А. Фуников — в 1570 г.), следовательно, Угрим Львович Пивов — казначей в опричнине. Фамилия Угрима Львова восстанавливается по челобитью М. Н Татищева (Летопись Истор. родосл. общ. в Москве, 1907, вып. 1).

[3] РИБ, т. II, № 39. Ср.: Н. А. Рожков. Книги записные вотчинные Поместного приказа; А. И. Андреев, рец. на С. А. Шумакова, Грамоты и записи «Дела и дни», 1920, кн. I, стр. 455—456.

дьякам, каковые и несли обязанности поместных в опричнине. Таковым, например, можно считать дьяка Никиту Титова, который 27 января 1570 г. дал память в земский Поместный приказ об испомещении «в опришнине» некоего Михаила Корешкова сына Ильина.[1]

Итак, в опричнине существовали главнейшие приказы: Разряд ямской, Дворец государев, Казна; некоторые же органы государственного управления, например Поместная изба, Посольский приказ в опричнине, повидимому, отсутствовали — в последнем не было нужды, так как опричнина была, так сказать, учреждением домашним и иноземцам ее не показывали.[2] Большой Приход также был, повидимому, единым для всего государства учреждением.[3] Опричные приказы появились вследствие естественного накопления в оприч-

---

[1] Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, I, стр. 160.

[2] Любопытно, однако, что в Старице, опричной резиденции Грозного, было особое отделение Посольской избы с дьяком, который при переезде царя в Слободу отдавал документы в Главный приказ в Москве. Точно так же и в Александровской слободе была особая изба для приема послов (впрочем, вероятно, это было скорее одно только помещение, чем канцелярия). — Н. П. Лихачев. Дело о приезде, стр. 138; он же. Библиотека и архив московских государей, стр. 68—69, прим. 1. — Нет следов существования в опричнине и некоторых других приказов, например Стрелецкой избы, хотя стрельцы дворовые и были, так же Разбойного приказа; в последнем случае, вероятно, суд и расправа отправлялись кем-либо из доверенных опричников, может быть, при личном участии царя (о присутствии Грозного на допросе и суде и страшных казнях заподозренных в измене существует много рассказов иноземцев и некоторых русских второстепенных летописцев; ср. очень интересный и характерный для Ивана IV документ — протокол допроса возвратившихся из крымского плена московских людей в 70-х годах XVI в., по которому царь лично «на пыточном дворе» руководил допросом, ставил вопросы и, чтобы добиться желаемых показаний, несколько раз приказывал «пытати, огнем жечи» допрашиваемых (С. К. Богоявленский. Допрос, стр. 26—33).

[3] Большому Приходу и его отношению к опричнине ниже посвящается особый этюд; поэтому отмечу здесь только один документ, указывающий, что означенный приказ действовал одинаково и в опричных (дворовых) и в земских местах (АЭ, I, № 317; РИБ, XXX, № 300).

нине дел, которыми в земщине ведали уже не лица, как в удельную старину, а учреждения; в этом отношении новый государев «удел» хотя и пародировал старинное управление, но не избег влияния государственного устройства опальной земщины: приказная система несла, очевидно, несравненно бо́льшие удобства, чем управление «бояр введенных», дворецкого и казначея, как то было в удельную пору. Недаром даже в настоящих «уделах» заводили приказы: так, известна грамота кн. Владимира Андреевича от 20 марта 1568 г. Николо-Пасношскому монастырю, по которой последний был обязан вносить определенный оброк за ямские и приметные деньги в княжескую казну «в Большой Приход дьяком Якову Григорьеву да Ивану Гаврилову или по них иные дьяки будут».[1]

На первоначальный план ввести в опричнине упрощенное управление указывает и очерченная выше роль казначея, совместившего в себе те функции, которые в Московском государстве давно были уже поручены разным учреждениям.

В заключение упомяну еще об одной группе органов власти, также оказавшейся в высшем заведывании опричного казначея. Это — чисто местные финансовые кассы по сбору того налога, «кормленого окупа», который, по летописи, и составил главный бюджет опричнины, именно — «чети».[2] В упомянутом уже указе царя казначею Угриму Львовичу Пивову 1569 г., кроме записи за монастырем его новых владений в вотчинные книги, приказывалось еще выдать на монастырские земли жалованную грамоту: «Да и грамоту бы еси

[1] Хр. Лопарев. Описание рукописей, стр. 321—324. — Дьяки Большого Прихода в 1568 г. известны: Ив. Булгаков и Парф. Родионов. (РОГПБ, А I. 16, лл. 42 и об.); значит, Яков Григорьев и Иван Гаврилов сидели в аналогичном удельном приказе.

[2] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395 сл. Кроме «кормленого окупа» в опричнину, как известно, впоследствии шли и другие, обычные в Московском государстве, подати и налоги; лишь доходы Большого Прихода (засечные, ямские, приметные, за городовое дело деньги) в основной своей массе взимались в этом общегосударственном, так сказать, приказе.

им жалованную нашу дал на те их новые купли и на закладные дворы, велел дати такову ж, каковы у них жаловалные грамоты на иные их монастырские земли и угодия». Казначею приказывалось «велеть дать» грамоту, и последняя была дана, 26 августа 1569 г., очевидно, по приказанию Угрима, из Четверти, за приписью дьяка Кургана Лапина.[1] Таким образом, чети в опричнине на первых порах действуют в зависимости от опричного казначея, через которого идут им царские указы. В 70-х и 80-х годах этот порядок в документах уже не ощущается: в опричнине, или, по новой терминологии «дворе», сложилась к этому времени целая приказная система, и казначей отошел, повидимому, на второй план.[2] Опричные чети помещались «во дворовой стороне» Москвы, т. е. в опричных московских улицах (по крайней мере, это можно сказать относительно одной из них — Двинской — в 1576 г.[3]).

Что касается устройства местного управления в опричнине, то сведения о нем более чем скудны. Из актового материала больше всего сведений дают два документа — таможенная грамота опричной Торговой стороне в Новгороде 1571 г. и губной Белозерский наказ того же года, — но и в них, как и в остальных документах, направленных в опричные волости, мы не видим каких-либо особых властей, действующих только в опричнине, таких, которых не было бы в земщине: в «опришных» местностях, городах и волостях действовали обычные власти как приказные (напр. в Новгороде), так и выборные (на Белоозере).[4] Любопытно, однако, строгое,

[1] Документы, № 14. Ср.: Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, прил. 1, стр. XVIII.

[2] История четей в опричнине, как и в Большом Приходе составляет предмет особого очерка и потому здесь не излагается. Отмечаем лишь факт существования в опричине независимых от земских четвертей — приказов, подчиненных вначале казначею. Чети не появились впервые в опричнине, но некоторые из них попали туда как территориальные приказы благодаря переходу в «особный двор» царя их территории с «кормленым окупом».

[3] РИБ, XXV, № CX, IV.

[4] АЭ, I, № 281 и 282.

с известною правовою окраской, различение опричных и земских людей. Уже в Новгородской таможенной грамоте 1571 г. чувствуется отличие в податном отношении «опришничных гостей и... купцов, которые живут в государевой опришнине в Новегороде на Торговой стороне и в дву пятинах, в Бежицкой и в Обонежской пятине», от гостей и торговых людей «Софейские стороны и трех пятин, Деревские и Шелонские и Водские», если последние вздумают торговать в опричной Торговой стороне. Белозерский губной наказ прямо устанавливает особые судебные округа для «опришнинцев» и особый вид подсудности опричников и «земских»; если опричнинца «изымают» в земском, то земский губной староста едет в опричнину и там судит вместе с опричным старостой и, наоборот, если попадается в лихих делах земский человек в опричной местности, то соответствующее путешествие должен предпринять опричный губной староста; в обоих случаях суд совершается обеими властями, «а с суда и статков оговорных людей опришнинским губным старостам имати опришников в опришнину, а земским губным старостам имати земских в земское». «Невеликие дела смесные» приказано делать сообща, точно также и посылать из земщины в опричнину и обратно свидетелей на суд, если бы это потребовалось ходом процесса. В приведенном отрывке ясен старинный «смесный суд» и притом, кажется, в наиболее чистом его виде: полный паритет сторон, так что обе они являются вполне независимыми друг от друга. В этом отношении любопытно, что нет и помину о праве преследовать разбойников за пределами судебного округа места преступления со стороны власти, что предписывалось по Белозерскому судному регламенту — общей губной грамоте 1539 г.: подсудность вводилась строго территориальная, а не личная.[1] Подобное обстоятельство становится понятным лишь в том случае, если видеть в этом стремление власти обособить «опришных» от «земских». Люди «государева удела» — не подданные «земщины»: они все

[1] Грамота 1539 г., АЭ, I, № 187.

вместе составляют одно целое, а остальные являются «иногородцами».[1] Но управление провинциальное подобно центральному, строится на принципе мирного сотрудничества обеих властей: общегосударственной и государевой.[2]

Бурная жизнь опричного двора, однако, показывает, что такое сотрудничество не всегда осуществлялось на деле, и «земские» оказывались беззащитными против «опришнинцев», чувствовавших себя на своей территории как бы застрахованными от наказания за проступки; так, например, в 1571 г. крестьяне деревни Пергносарь, Теребужского погоста, Водской пятины, на обыске показывали про своих сбежавших односельчан: «. . .Крестьянин Обрам Курыханов да дети ево Якушь да Ивашко вышли за Русина за Волынсково о Юрьеви дни семьдесят восмом году; и из-за Русина подьячий Петр Григорьев хотил его вывезти опять назад в цареву великово князя деревню, в Юрьевское помистье, а тих крестьян, приехав из опришнины, из Михайловского погоста, крестьяне Офромико Кузьмин сын, да Фетко Васков сын Фалков, да Шабанко Дмитров и с ыными со многими людми у Петра и у старосты и у цоловалников выбили и вывезли их в опришнюю в Михайловский погост в Пороскую волость за пол третье недили до Мясново заговина, без отказу и без пошлины. . .».[3] Здесь приказный человек и мирские власти не могут вернуть свезенных крестьян из опричной волости не потому, очевидно, что физически не имеют возможности наказать насильников: Михайловский порог на Волхове, взятый в опричнину еще в 1565 г., был окружен земскими волостями, но ввиду территориальной подсудности виновных их собственным опричным властям (относительно установления смесного суда, как на

---

[1] Определение «земских» «иногородцами» по отношению к «опришным» выявляется еще из некоторых документов — см. очерк «Опричные государевы богомольцы».

[2] О деловых сношениях властей опричных и земских см. очерк «Опричные государевы богомольцы»; сотрудничество опричных и земских властей, в том числе и провинциальных обрисовано см.: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 146.

[3] Д. Я. Самоквасов, ук. соч., II, № 22, стр. 48—50.

Белоозере, здесь мы не имеем сведений): въехать в опричнину они, очевидно, не смели и принуждены были помириться с потерею тяглецов.

Так, задуманная в качестве государева удела, управлялась опричнина — первоначально государевыми дворецким и казначеем с подчиненными им дьяками, а затем — с осложнением дел и с увеличением территории — и особыми опричными приказами, параллельными земским и действовавшими с последними «по нужде» «за один». Кроме того, на появление и развитие приказов в опричнине повлияли, повидимому, и пример земщины, и пример других «уделов» (кн. Владимира Андреевича), и, наконец, перенесение из земщины некоторых территориальных приказов (четей): старинное удельное управление совершенно уже не подходило к московской жизни XVI в. В провинцию опричнина не ввела новых властей и пользовалась обычными приказными и выборными органами власти, но, по всей видимости, строго отделила «опришнинцев» от земских в правовом отношении как подданных двух различных государственных образований: Московского государства («земшина») и «государева удела» («опричнина»). Можно думать, что на местах это противопоставление не удержалось в равновесии, влекло временами за собой резкие и грубые эксцессы, и, может быть, повлияло на то представление об опричнине, какое вынесли ее современники и ближайшие их потомки: якобы царь разделил свое государство нелепым образом на две части и одной из них заповедал грабить и насиловать другую.

---

3. Опричнина и церковь

(Опричные государевы богомольцы)

В опричнине, как известно, находились люди «всех чинов»: и бояре «из опришнины» и крестьяне — «опришнинцы», служилая дворня и приказные «дворовые» дьяки, «опришные»

воеводы в полках и рядовые служилые люди — дворянское ополчение и люди «по прибору», казаки и стрельцы «государевых городов», торговые иноземцы (английская компания) и свои отечественные «капиталисты» (Строгановы). «Государев удел» по социальному составу населения ничем не отличался от остального государства. Свое место там должен был иметь и «освященный чин» — духовенство в лице своих рядовых представителей. Но особенности характера царя, известные подробности его интимной жизни в Александровской слободе, допускавшей кощунственную пародию на монашеский обиход, наконец, столкновение с главою русской церкви — митрополитом, завершившееся насильственной смертью Филиппа — все это, казалось бы, не должно было привлекать духовенство к опричной резиденции и к опричным порядкам.

Однако есть возможность наблюдать, что крупные духовные земельные собственники — монастыри, владений которых не затронула (или почти не затронула) перекройка земельных отношений во взятых в государев удел уездах, не только не гнушаются вести дела свои через государеву опричнину, но даже прямо предпочитают делать это. Так, например, часто посещаемый царем Иваном Кирилло-Белозерский монастырь, по сохранившимся расходным книгам, в одном только 1568 г. чуть не каждый месяц посылал кого-нибудь «в Слободу к царю государю»; в некоторых случаях это обычная в московском быту посылка «со святою водой» к тому или иному празднику (хотя и здесь не лишена интереса подробность, что старцы не брезгают посещать Слободу), но в других случаях посещение опричного двора связывается уже прямо с хлопотами о тех или иных материальных выгодах.[1] В делах Кирилло-Белозерского монастыря можно найти несколько примеров, как в таких случаях опричное правительство списывалось с земским. Но прежде чем привести их, позволю

---

[1] Архим. Иаков. Извлечения, стр. 150, ср.: Н. К. Никольский, ук. соч., Прилож., стр. OXCIX, OCXVIII, OCXXII (1581—1582 гг., Старица).

себе отметить положение кирилловских владений, поскольку их затронула опричнина. В этом отношении монастырю посчастливилось: он оставался в ведении земского правительства, его земли только отчасти были «пойманы» на царя (Чарондские села), причем тотчас же было дано и возмещение, пожалуй, даже более выгодное для монастыря.[1] Однако ряд монастырских владений очутился в опричных уездах, где все подати должны были поступать в опричную казну царя. Так, когда Кириллов монастырь приобрел массу земель в опричном Поморье, он был принужден выхлопотать себе грамоту из опричной чети, подчиненной опричному казначею. Свои владения кирилловские старцы всячески оберегали, и опричные власти не раз гарантировали монастырю полную нерушимость их старинных прав и привилегий: когда, например, Вологда и вологодские дворцовые села, откуда шла в монастырь руга, были забраны в опричнину, игумен Кирилл выхлопотал грамоту на имя Дружины Нефорева («или по нем иный хто на Белеозере будет, кому велят наш хлеб в розход оброчником давати»), каковой приказывалось давать монастырю ругу «против старые руги» из белозерских дворцовых земель, конечно, гораздо более близких и удобных для монастыря.[2] В 1577 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил даже специальную тарханную грамоту на свои вотчины, расположенные в «дворовых» городах и уездах, так как опричные городовые приказчики и «всякие пошлинные люди» прежних грамот, очевидно, выданных общеземскою властью, не признавали («рудили») их и «прошали» «жаловалных грамот ежегод».[3] Подобным образом монастырь добивался охраны своих прав, если их так или иначе затрагивало опричное

[1] См. очерк «Из истории опричной территории».

[2] Ист. Арх., № 3, стр. 184.

[3] Любопытно, что грамота эта, выданная из опричнины (подписал дьяк Андрей Шерефединов, известный своею близостью к Грозному, заведывавший «Дворовым разрядом». — С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 161, 182), оставляет, однако, Кириллов монастырь в ведомстве Большого дворца.

управление или вотчины монастыря оказывались в опричных местностях. Но и для земель, остававшихся еще «в земском», хлопоты через опричный двор, повидимому, оказывались более успешными и выгодными, и здесь-то мы и можем хоть отчасти присмотреться к деловым сношениям обоих правительств — опричного и земского.

В один из приездов Грозного на богомолье в Кириллов монастырь старцы обратились к нему с просьбой дать им на вновь приобретенные земли «в розных местех» Белозерского и Пошехонского уездов жалованную грамоту. Царь из монастыря (или с Вологды, куда направился затем) послал 3 июня 1567 г. в Поместную избу дьякам Путилу Михайлову и Вас. Степанову указ за прописью бывшего при нем дьяка Ив. Дубенского со сведениями, когда и кем даны были вотчины в монастырь. По возвращении Грозного в Александровскую слободу монастырские власти снова били ему челом, прося дать жалованную грамоту и на села, пожалованные «против» отобранных на царя в Чаронде, и на прибылые после первого челобитья (в монастыре) земли. 4 февраля 1568 г. из Слободы за приписью опричного дьяка Петра Григорьева вновь пошла грамота к поместным дьякам с напоминанием, что старцев уже пожаловали, «велели в книгах написати к Кирилову монастырю и жалованную грамоту приписати, которая преж сего им велено дати»; одновременно, повидимому, в Поместный приказ переслали из опричнины и монастырскую челобитную. Из приказа последовала в Слободу дьячья отписка с перечислением записанных за монастырем вотчин и справкой о времени дачи за Чарондские села. Наконец, 13 февраля была выдана и жалованная грамота, в которой и изложены вышеописанные подробности сношений опричного и земского управлений.[1] Точно также, когда Кириллову монастырю были даны села в Кашинском уезде, монастырские власти просили царя, очевидно, в Александровской слободе, переменить их

[1] РОГПБ, AII. 47, лл. 180—191; другой список в рукописях того же собр. AI. 17, лл. 207 об. — 212.

в виду отдаленности, на дворцовое село Яргомыж, Белозерского уезда. Из Слободы была отправлена грамота за приписью знакомого уже нам дьяка Петра Григорьева к дьяку Путилу Михайлову с приказанием учинить мену. Поместная изба исполнила приказ, и монастырю 25 ноября 1568 г. выдали жалованную грамоту на Яргомыж.[1]

Кириллов монастырь на Белоозере, хлопоча о благах земных через опричнину, оставался в земском, хотя с некоторых его вотчин, расположенных в «дворовых» уездах и городах и записанных в вотчинные книги у опричного казначея, и шли доходы на царской особный двор.[2] Но мы можем заметить, как другой «государев богомолец», старинный московский Симонов монастырь постепенно втягивался в опричнину, пока, наконец, не предпочел целиком, «со всею вотчиной», перейти в царский удел, сделаться тем, что можно назвать «опричным государевым богомольцем». В этом отношении история перехода в опричнину вотчин Симонова монастыря не лишена интереса: в мелочных подробностях ее можно вскрыть и мотивы самого перехода духовного вотчинника в страшный для многих из современников государев «особный двор».

Ко времени учреждения опричнины, т. е. к 1565 г., вотчины Симонова монастыря располагались в уездах: Московском, Городецком (Бежецкий Верх), Владимирском, Переславском, Дмитровском, Можайском, Рузском, Волоцком, Ржевском, Юрьевском, Малоярославецком, Муромском (Стародуб Вотский), Углицком, Галицком, Коломенском, Нижегородском и Белозерском.[3]

---

[1] РОГПБ, AII. 47, лл. 273—276 об.

[2] Точно также, например, и Троице-Сергиев монастырь, никогда не ведавшийся в опричнине, платил, однако, подати со своих вотчин в опричных уездах «в Слободе» (Ист. Арх., стр. 266, № 59: грамота «с прочетом» 20 марта 1572 г. в Гороховец Мих. Лысцову о невзимании с вотчин Троице-Сергиева монастыря податей).

[3] См. крепости на земли в этих уездах в рукоп. отд. ГИМ, Собрание документов Симонова монастыря, № 58; Н. П. Попов, Собрание рукописей московского Симонова монастыря, стр. 92—132.

До 1569 г., — времени окончательного перехода монастыря «со всею вотчиною» в опричнину, — к последней уже были приписаны уезды Можайский, Малоярославецкий и Галицкий (в 1566 г.), Ржевский (до августа 1567 г.), возможно, и Переяславский; в 1565 г. взят был на государя и Вышгород с «уездом» в Московском уезде.[1]

В то время как Кирилло-Белозерский монастырь оставался в земском, хотя часть его вотчин и находилась в опричных землях и высшей инстанцией для Кириллова монастыря, даже для вотчин, расположенных в «дворовых городах», оставался приказ Большого дворца,[2] симоновская братия поступила иначе: почти тотчас же, как только владения монастыря затрагивались опричниной, монастырь начинал хлопотать о принятии данной вотчины в ведомство именно опричным правительством. Так, 18 февраля 1566 г. монастырь получил жалованную грамоту из опричнины за приписью Петра Григорьева на село Дикое в волости Сохне, Вышегородского уезда. Грамотою давались почти полные финансовые и судебные льготы (наместник мог судить монастырских людей лишь в случае «душегубства» и «разбоя с поличным»), устанавливался смесный суд, назначался и особый «данный» пристав для сроков монастырю, Яков Потапов, в случае, если «кому будет на их людех и крестьянех или их людем и крестьяном искати в опришнине»; «а кому будет чего искати на их приказщиках, ино их сужу яз царь великий князь или боярин мой введеный в опришнине», добавлялось в грамоте.[3]

Льготы эти были для монастыря, видимо, настолько существенными, что 30 апреля того же года он выхлопотал аналогичную грамоту на села Литвиново и Акуловское в другой замосковной волости, Раменице.[4] В грамоте, по обычаю, из-

---

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394—395.

[2] См. тарханную грамоту (выданную из опричнины) 9 марта 1577 г. на вотчины Кирилло-Белозерского монастыря в «дворовых» городах и уездах (Ист. Арх., стр. 280, № 72).

[3] Ист. Арх., стр. 182, № 2.

[4] Там же, стр. 187, № 6.

ложено и челобитье монастырских властей; старцы просили дать им «жаловалная грамота такова ж, какова же им дана... жаловалная грамота ис опричнины за приписью диака... Петра Григорьева» (на село Дикое), «потому что то селцо Литвиново да селцо Окуловское з деревнями в земском, а не во опричнине». Действительно, сравнивая льготы, дарованные той и другой грамотой, мы видим, что грамоты буквально повторяют одна другую.[1] Разница лишь та, что все дела относительно Литвинова и Акуловского приказано вести «в земском», да данный пристав другой (Савлук Мих. Романов). Раменице — новая царская вотчина, только что вымененная им (в марте 1566 г.) у кн. Владимира Андреевича;[2] монастырь, таким образом, чрезвычайно быстро успел добиться царского жалованья, причем прямо указал на желательность получения льгот, подобных данным из опричнины; более того, он даже не просил заверить старые свои жалованные грамоты (вел. кн. Василия Васильевича 1447 г. и кн. Владимира Андреевича, своего бывшего государя по этим селам, 1546 г.),[3] а именно дать новую, «такову ж», как и из опричнины: нахождение части монастырских земель в опричном ведении, очевидно, не составляло для монастыря тяжелого бремени, являясь, пожалуй, скорее желательным в экономическом отношении, так как это было выгодно для торговых людей — английской компании и Строгановых. Вслед за этими первыми грамотами симоновские старцы начинают добиваться жалованных грамот и на другие свои земли в опричных уездах. Так, 27 августа 1567 г. по их челобитью и по представлении старых жалованных грамот вел. кн. Василия Ивановича и самого Грозного (возможно, впрочем, что была только одна грамота Василия III, лишь подписанная затем на

---

[1] Любопытно, что грамота из опричнины на село Дикое приведена целиком, видимо, в качестве документального основания — прецедента жалуемых льгот.

[2] СГГД, I, № 188.

[3] ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 106—107 об.

царское имя) была дана несудимая грамота из опричнины на слободку Рожковскую, «что у нас в опришнине во Ржевском уезде в Кличенской волости». Грамота предоставляла монастырю сравнительно меньшие финансовые льготы, чем то было по жалованным грамотам на подмосковные вотчины, но зато давала монастырским старцам очень широкие судебные привилегии: наместник судит монастырских людей только в случае одного душегубства, а высшей судной инстанцией является по приказу царя вместо него самого даже не боярин введенный, а судная боярская коллегия, то что в земщине мы знаем под именем «суда бояр»: «А кому будет чего искати на самом архимандрите и на старцех или на их приказщике, ино их сужу яз царь и великий князь или наши бояре в опришнине».[1] Наконец, 18 сентября того же 1567 г. Симоновым монастырем была получена грамота и на село Ватолино, Можайского уезда.[2] Землями этими, Ватолинским лесом, монастырь владел еще с XV в.: постепенно здесь образовался сначала одноименный поселок, а затем село с рядом приписных деревень, на которые у монастыря имелся ряд разного рода документов.[3] 23 марта 1566 г. архимандрит Феоктист выхлопотал грамоту от кн. Владимира Андреевича об освобождении крестьян сел Ватолина и Чернецкого (Рузского уезда) от уплаты мытной пошлины с привозимых в монастырь хлеба и дров.[4] Бив челом царю, старцы заявляли, что у них уже есть на то село и деревни «грамота жалованная великого князя Ивана Васильевича», лишь не подписанная на царское имя, причем представили и самую грамоту, прося, однако, не подписать ее, а дать новую: прежнею, вероятно, не давалось

---

[1] Ист. Арх., стр. 212, № 19. — Монастырь обязан был платить ямские деньги, нести посошную службу и городовое дело.

[2] Там же, стр. 213, № 20.

[3] ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 524 об. — 525 (грам. 1484 г.); лл. 518—522 (грам. 1500 г.); лл. 530—532 об. (грам. 1504 г.); лл. 527 об. — 528 (грам. 1542 г.); л. 524 (грам. 1543 г.).

[4] Там же, лл. 522 об., 523.

всех желаемых льгот.[1] Выданная из опричнины тарханная грамота оставляла за можайским наместником право суда не только в случае душегубства и разбоя, но и при татьбе с поличным: в этом отношении симоновские власти не добились почему-то тех привилегий, каковые им в этом же году даны были из опричнины на села в Ржевском уезде — финансовые льготы для Можайской вотчины, может быть, оказывались по местным условиям более выгодными.

Таким путем Симоновский монастырь систематически добивался льгот от опричного правительства для тех земель, которые находились уже в составе «государева удела», получая на них новые акты правительственной власти и делая последние образцами для грамот из «земского».

Можно отчасти догадываться и о причинах подобной тяги к опричнине со стороны монастыря, причинах, прежде всего, конечно, экономического характера. Опричнина являлась единым по своей организации округом, хоть в ней и существовало исстаринное деление на уезды, волости и т. д. «Государев удел» в податном и судебном отношениях отделялся от земщины: это видно на примерах провинциального управления в опричнине; еще резче это отделение сказывается в истории двух монастырских сел, Дятлова и Демьянова, Костромского уезда.

14 февраля 1567 г. по поводу этих сел была отправлена грамота к Соли Галицкой Ивану Лугвицину Мичурину ввиду следующего челобитья симоновских старцев: села Дятлово и Демьяново «были» в Костромском уезде, но «ныне» (в момент челобитья) приписаны к Галицкому уезду, в опричнину; однако когда крестьяне «приезжают к Соли Галицкой с хле-

[1] Грамота вел кн. Ивана Васильевича, которую представили старцы, по всей вероятности, его «данная» (по терминологии Н. П. Попова, ук. соч., стр. 114), около 1473 г. — Трудно понять, почему монастырь не предъявил ее при Грозном ни разу для подписи: ни в начале его правления, ни после приговора Стоглава о монастырских вотчинах, когда в мае 1551 г. монастыри в огромном большинстве заверяли перед правительством свои документы.

бом и з дровы и з животиною и себе купити соли и всякого запасу», то усольские богородицкие попы, Петр с братьею, и таможники берут на них пошлины «как с-ыногородцов с приезжих людей». Мичурину из Москвы приказывалось распорядиться взимать с крестьян налоги «как с-ынных людей Галицкого уезду по галицкой таможенной уставной грамоте, а не как с-ыногородцов. . ., будет те их монастырьские два села Дятлово да Демьяново ныне в нашей опричнине, в Галицком уезде, а не в земском».[1] Таким образом, нахождение сел в опричнине гарантировало им известные повседневные налоговые льготы; люди опричных уездов рассматривались как свои, а не как «иногородцы»; конечно, «припись» двух сел из земского Костромского уезда к опричному Галицкому была сделана по просьбе монастырских властей, так как едва ли для правительства была какая-либо выгода перечислять два села из одного уезда в другой.[2]

И в другом отношении для монастыря важна была близость к опричному двору царя — в отношении закрепления за собой вотчин, даваемых на помин души служилыми людьми, которых касался закон 1562 г. о княжьих вотчинах. В этом случае самое ведение монастыря в опричнине разрешало сомнения власти, и спорная вотчина оставалась за ним. В 1569 г. имел место подобный случай, когда переход Симонова монастыря в опричнину «со всею вотчиною» оказал быстрое влияние на переход к монастырю вотчины княгини Евфросиньи Стародубской. Именно 7 марта 1569 г. владимирскому городовому приказчику Григ. Домнину была отправлена грамота за приписью дьяка Василия Степанова (из Поместной избы) с приказанием отказать «в дом Пречистые Богородицы

[1] Ист. Арх., стр. 202, № 11.

[2] Села Дятлово и Демьяново, таким образом, никогда не отбирались на государя: они лишь переменили земское управление на опричное, как и другие вотчины Симонова монастыря (иное мнение: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 552, со ссылкой на Грамоты Коллегии экономии Галицкого у., № 3365/35; цитир. мною грамота та же; ср.: Н. П. Лихачев, «Библиотека и архив», стр. 103, прим.).

в Симонов монастырь» село Кувезино с деревнями, в Стародубе Ряполовском. Пожалованье было произведено по челобитью самого монастыря, которому село завещала вдова кн. Семена Стародубского, кн. Евфросинья, инокиня Настасьина монастыря. В изустной своей памяти она, дав Кувезино в монастырь по душе своей и мужа, однако, предусмотрела возможность применения к ее вотчине закона 1562 г. о княжьих владениях: в случае, если царь возьмет Кувезино на себя или отдаст вотчичам, кн. Евфросинья просила государя дать симоновским старцам с той вотчины ее приданое, 120 рублей. Действительно, в январе 1569 г. Григ. Домнин отписал Кувезино на государя и составил селу отписные книги. Симоновские старцы немедленно били челом государю, представив ему и условия кн. Стародубской. Челобитная, очевидно, была подана в опричнине, так как на ней сделана помета (7 февраля) знакомого уже нам опричного дьяка Петра Григорьева об удовлетворении просьбы монастыря и затем переслана по обычаю в Поместную избу, которая и послала городовому приказчику грамоту об отказе вотчины.[1] Но еще 18 февраля тот же Григ. Домнин и его товарищ Третьяк Мозолев получили грамоту с запрещением собирать подати с принадлежащих Симонову монастырю сел Зиновьева-Петряева, Владимирского уезда, и Кувезина в Стародубе Ряполовском, так как царь «в семьдесят седмом году велел... взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину и ямские (и) приметные денги и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и всякие... подати велел... с их монастырьских сел имети в опричнине ж».[2] Таким образом, монастырь обратился в опричнину с челобитьем 7 февраля, очевидно потому, что к этому времени он уже

---

[1] Ист. Арх., стр. 232, № 34. Подлинник среди Грамот Коллегии экономии Суздальского у., № 11835. Ср.: С. В. Рождественский. Служилое землевладение, стр. 119.

[2] Ист. Арх., стр. 231, № 33. Подлинник среди Грамот Коллегии экономии Владимирского у., № 1823/46.

«со всею вотчиною» находился в ведении царского удельного правительства. Повидимому, сейчас же после перехода монастыря на положение опричного царского богомольца всем вотчинам его, с которых подати еще взимались в земское, было приказано платить их впредь не в земские приказы, а в опричные.[1]

В случае с селом Кувезиным не лишено примечательности то обстоятельство, что Кувезино в грамоте 18 февраля объединено с монастырским селом Зиновьевым: Кувезино, спорная вотчина, отписанная на государя в январе 1569 г., поставлена рядом со старинной монастырской вотчиной, которой старцы симоновские владели еще с 1501 г.[2] Видимо, эта последняя грамота — результат того же челобитья монастыря 7 февраля, что и грамота из Поместной избы, но вышла она из опричного управления: с одной стороны, дьяк П. Григорьев, сделавший помету на монастырской челобитной, послал память в Поместную избу, чтобы оттуда по закону отдали приказ местному городовому приказчику отказать монастырю

---

[1] См., напр., грамоту 16 марта 1569 г. выборному старосте Московского у. Ист. Мишакову и целовальнику Мих. Иванову с товарищи о невзимании никаких податей с села Грайворона, так как царь велел «взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину, а оброк за дань и за посошный корм и за ямские денги и за городовое дело и всякие... подати с их монастырьских сел и з деревень велел... имать в опричнину ж» (Ист. Арх., стр. 234, № 36). — Село Кувезино, следовательно, подобно селам Демьянову и Дятлову, не отбиралось на царя, вопреки данным так называемой «духовной» Грозного и мнениям позднейших исследователей; лишь очень короткое время до решения дела в опричнине оно побывало в отписи за государем, как подлежащее действию закона о вотчинах 1562 г., именно с января по первую половину февраля 1569 г. Указания «Духовной» (села Демьяново, Дятлово и Кувезино числятся за государем) заставляют предполагать, что составление данного документа шло долгое время, вбирало в себя не совсем проверенные сведения (ср.: С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 179—180, 201—202), и желать вообще подробного анализа этого крайне любопытного памятника московской письменности.

[2] См. данную 1501 г. на село Петряевское жены Фед. Прок. Зиновьева, ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, л. 420.

вотчину кн. Стародубской, с другой — непосредственно из опричнины отправил указ тому же приказчику, причем принадлежность вотчины монастырю была для опричного управления уже безусловно очевидной: вотчинник — опричник, бивший челом в опричнине и пожалованный опричным государем, явно получал возможность осуществлять пожалование, не дожидаясь до конца официальной приказной земской волокиты; дело кончилось быстро и к обоюдному удовольствию: и вотчинника-монастыря, приобретавшего новое земельное владение, и государевой опричной казны, спешившей предупредить местные власти, чтобы они не сбирали податей с нового «опричника», так как все налоги будут платиться впредь «в опричнине ж».

Так, Симонов монастырь сделался в начале 1569 г.[1] тем, что можем назвать «опричным государевым богомольцем».

---

[1] В грамотах сказано, что государь пожаловал монастырь, взял его в опричнину «в нынешнем в 77-м году»; таким образом, симоновские старцы могли сделаться опричными богомольцами, начиная с 1 сентября 1568 г. Однако в обоих указах (18 февраля и 16 марта) поводом к их появлению выставлена платежница местных властей, видимо, за 7076 г., так как запрещалось брать подати, идущие в Большой Приход, на 7077-й, текущий год; время, когда доходы Большого Прихода собирались на местах, можно установить в известной степени — это декабрь месяц; в промежуток 25 декабря — 6 января подати (ямские, приметные, за городовое, емчюжное, засечное дело, деньги составлявшие в главной своей массе именно доходы Большого Прихода) должны были получаться уже в Москве (ДАИ, 1, №№ 93, 94. «Описание актов Уварова», отд. 1, № 39). Таким образом, если бы монастырь сделался опричным еще в начале 7077 г., т. е., скажем, в сентябре—октябре 1568 г., то доходы Большого Прихода за 7076 г. не могли бы миновать опричной казны и не было бы смысла рассылать грамоты в феврале и марте 1569 г. о том же в предупреждение потери доходов для «удельной» казны царя на 7077 г. Значение эти грамоты приобретают лишь тогда, когда даны они непосредственно за вступлением нового плательщика в опричное ведение, т. е. если монастырь стал опричным не ранее января 1569 г. («Платежницы», упомянутые в указах 18 февраля и 16 марта 1569 г., — по всей видимости, отчетные документы местных властей, а не сметные платежные книги. — К. Н. Зайцев. К вопросу о платежных книгах и платежницах, стр. 14—16).

Как видно из вышеизложенного, разные обстоятельства толкали монастырскую братию на этот путь: мелкие местные столкновения и отношения влекли к тому, что выгоднее было находиться в одном только государственном образовании того времени — или «в земском» или в «государевом уделе», а ведаться именно в последнем было выгоднее по многим причинам: во-первых, иммунитетные льготы давались опричным правительством шире, чем в «земском»; во-вторых, близость к опричной власти позволяла быстро устраивать свои земельные дела и отношения. Последнее обстоятельство должно было казаться особенно привлекательным: постановления Стоглава и закон 1562 г. о княжьих вотчинах можно было в таком случае легче обойти, прибегнув непосредственно к опричному царскому двору. Монастырь впоследствии получал, повидимому, без затруднений со стороны правительства, большое количество земель;[1] так называемый «земский» указ о вотчинах 1573 г., постановления Собора 1580 г. и, наконец, та, правда, мало поддающаяся историческому учету и оценке экспроприация монастырских вотчин «земским» великим князем Симеоном Бекбулатовичем, сведения о которой мы имеем у иностранцев-бытописателей московской жизни, легче проходили мимо «опричного» государева богомольца, чем мимо оставшихся «в земском» монастырях.

Симонов монастырь, повидимому, не один находился в ведении опричнины: были и другие обители, которые оказались в «дворовом» управлении. Таков, вероятно, упомянутый уже нами Стефанов-Махрищский монастырь, близкий к опричной резиденции — Александровской слободе;[2] Спасский ярослав-

---

[1] Документы Симонова монастыря по цитир. «Описанию» их Н. П. Попова.

[2] Любопытно было бы выяснить, в каких отношениях к опричной власти стоял небольшой Успенский монастырь в другой любимой «удельной» резиденции Грозного — Старице; к сожалению, документов в монастыре не сохранилось и едва ли можно решить этот вопрос (О старицком Успенском монастыре см.: И. П. Крылов. Старица, стр. 16 сл.).

ский монастырь в 1581 г. 15 июня получил грамоту, что его будут впредь ведать во всем в «Дворцовом дворце», т. е. по терминологии, принятой до 1572 г., когда опричнина переименовалась, как известно, в «двор»— у опричного государева дворецкого. О мотивах перехода этого монастыря судить не беремся; кроме общих, о которых говорилось выше, конкретным поводом послужило челобитье монастыря о неудобствах подчинения его «розным приказам», чем, конечно, чрезвычайно тяготились как все другие крупные вотчинники духовного звания, так и ярославские спасские старцы.[1]

---

4. К истории опричной территории

Одна из первых мер правительства Ивана Грозного после установления опричнины заключалась в организации территории будущего «удела». Там, где в опричнину зачислялся целый территориальный комплекс, производилось отмежевание его от «земских» владений. Это был исконный прием при выделении всякого настоящего «удельного» владения в Московском государстве XVI в.[2] Только размежевание «опричных» и «земских» земель происходило, повидимому, с бóльшим нажимом на население и в обстановке, которая сразу же внушала тревогу и опасения. Наиболее слабые элементы ока-

---

[1] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № LII.

[2] См., напр., указание на «разъезд» межей между Кашинским у. и Ростовским при выделе первого в 1504 г. в удел кн. Юрию Ивановичу, сыну Ивана III (СГГД, I, № 137), межевую грамоту тому же князю при получке им городов Кашина и Дмитрова (там же, № 138), города Звенигорода (№ 139); установление рубежей Дмитровского, Рузского и Звенигородского уу. с Московским (№ 140) и их же с Можайским и Клинским уу. В 7075 г. (1566—1567 гг.) особые писцы Ф. И. Бутурлин и подъячий М. К. Тукмачев «учинили межу в Стародубском уезде меж царя и великого князя земли Стародубского уезда и меж государя князя Володимира Ондреевича земли Стародубского ж уезда, что ему дано в вотчину в мене» (Л. М. Савелов. Князья Пожарские, II, Приложения, X, стр. 61).

зывались страдающей стороной и должны были уступать произволу межовщиков; более социально сильные сами тянулись к опричному управлению и уже оттуда получали подтверждение своих прав. Одно из позднейших судных земельных дел сохранило нам очень интересную картину опричного межевания, на фоне которой становятся ясными и некоторые другие указания документов. Именно, у Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря шел давний, чуть не весь XVI в., спор с крестьянами дворцового подклетного села Борисовского о лугах по р. Нерли. Несмотря на то, что борисовцы были своего рода привилегированными людьми как жители царского подклетного села, они несколько раз проигрывали иск. В 1585 г. они вновь подняли тяжбу перед суздальскими писцами кн. Д. М. Борятинским «с товарищи» (а затем дело было перенесено на суд дворецкого Гр. В. Годунова) о луге «Веретее», который спасский игумен Иов называл «Задним Боровым» и принадлежавшим монастырю. Крестьяне утверждали, что монастырь владеет этим лугом «силою» уже 16 лет, монахи же в подтверждение своих прав ссылались на ряд письменных документов: на старинную жалованную грамоту вел. кн. Василия Васильевича, на судебный приговор писцов А. В. Лодыгина с товарищи (7063 г., т. е. 1554—1555 гг.), «на писцовые на межевые книги Игнатья Борисовича Блудова с товарыщи, а писал он промеж межу Суздаля и Володимеря», на книги Ивана Огарева и, наконец, на писцовые книги суздальских «валовых писцов» 1577—1578 гг. кн. Гр. В. Звенигородского «с товарыщи». По словам спасских старцев, крестьяне во всех этих случаях ни разу не били челом о спорном луге. Борисовцы объясняли прежде всего причину своего молчания до 1585 г.: «Молчали мы посяместа потому, что Суздальской уезд был в опричьнине, а наше село Борисовское было в земском, и мы ждали времени, как государю побити челом, да не лучилося». Затем крестьяне отвели ссылки монастыря на старых писцов, заявив, что во время работы последних они «Веретеей» владели, а спорили тогда с монастырем о другом луге за р. Печюгою.

«А как Игнатей Блудов писал, — добавили борисовцы, — и отмежевал в опришнину, и ему тогда была воля, что хотел, то писал, и отписал у нас тогда Игнатей луг за рекою за Нерлью против села Мордаша, а ставитца на нем сена 300 копен; да Игнатой же отмежевал у нас лесу Бору по ту же сторону Нерли 80 десятин, и тот лес отдал в Суздальский уезд к селу к Батыеву, а ныне то село за Савою за Фроловым». Суздальским писцам Ив. Огареву и кн. К. Звенигородскому они были челом о луге Веретее, но «князь Григорей Звенигородцкой да Иван Огарев челобитья их не слушали, а отказали им, что у них дворцовым селом Володимерского уезда книг нет и писати им дворцовых сел не велено».[1]

В этом подробном рассказе борисовских крестьян о старых опричных временах очень выпукло обрисованы приемы межовщиков-опричников: Игнатий Блудов, один из виднейших опричных деятелей, «что хотел, то и писал» в опричнину, потому что получил, очевидно, в своем писцовом наказе особые специальные полномочия.

В современных актах есть прямые указания на подобные писцовые и межевые книги. Так, упоминаются книги «письма и меры и межевания» опричного окольничего кн. В. И. Вяземского, брата известного оружничего Грозного кн. Аф. Вяземского. В. Вяземский и подъячий Сувор Васильев отмежевали и отписали, между прочим, ряд земель «от земского города от Одоева к опришному городу к Белеву». Перемышльский Шаровкин монастырь, перешедший в опричнину, ввиду того, что межевание затрагивало и его владения, выхлопотал себе из опричнины 19 сентября 1566 г. новую тарханную грамоту.[2] При таком же, повидимому, размежевании произошла и приписъ сел Симонова монастыря Дятлова и Демьянова от земского Костромского к опричному Галицкому уезду. Так как на месте галицкие опричные власти почему-то не учли этого

[1] А. А. Федотов-Чеховской, I, № 83, стр. 230—235; ср.: № 56, стр. 86—92; № 67, стр. 133—144.

[2] Ист. Арх., стр. 280, № 7.

обстоятельства, то Симонов монастырь был вынужден в 1567 г. добиться специальной грамоты «с прочетом».[1]

Содержание этих «книг», повидимому, заключалось не только в установлении рубежей между опричными и земскими владениями, но они представляли собою и «письмо» тех земельных владений уезда, которые должны были (или могли) попасть в опричнину. Таковы были, например, упомянутые выше книги кн. В. Вяземского. Там, где среди землевладельцев особенно густа была «княженецкая» прослойка, составлялись особые книги для этих владений. Примером таких «книг» можно считать книги подьячего Максима Трифонова, в 1565—1566 гг. описавшего вотчины стародубских князей, которые частично и потеряли свои вотчины при опричнине.[2]

---

[1] Ист. Арх., стр. 202, № 11.

[2] Ист. Арх., стр. 244, № 43, и стр. 209, № 17. — «Письмо» М. Трифонова безусловно было связано с «отпиской» на государя княжеских вотчин. Но в Стародубе Ряполовском отношения были очень сложными. Он несколько раз менял владельцев основного городка: то Стародуб становился вотчиной кн. М. И. Воротынского, то давался Грозным своему двоюродному брату кн. Владимиру Андреевичу. В меновной грамоте последнему (1566 г., марта 11, СГГД, I, № 188, стр. 531—532) книги М. Трифонова упоминаются в ряде других, также, повидимому, специальных описаний: «Да к Стародубу ж Ряполовскому судом и данью вотчины и купли и монастырские и церковные земли, по книгам писца Юшки Обрасцова лета 7072-го, село Сарыево; да по книгам писма подьячего Максимка Трифонова лета 7073-го села: Павловское, Чмутово, Федоровское, Мынчаково, Олферовское, Медветково, Иваново, Старые Зименки, Мазолово, Васильевское, да полсела Никольского, да полсела Ромоданова, да треть селца Василева, да селцо Михеево, да треть полуселца Троетцкого, да селцо Зименки, деревня Косаево и иные; да по книгам писма князя Дмитрия Болховского да подьячего Третьяка Шарапова лета 7074, село Алексин, да по книгам Ляпуна Ковезина дияка лета 7064 село Дубакино: все те села вотчинные и монастырские с приселки и з деревнями и с починки, опричь иных Стародубских же вотчинных земель, которые в сей меновной писаны, а раздаваны иные в поместья, а иные в вотчины, и опричь государевых царевых и великого князя дворцовых сел и деревень и всяких земель, которые в сей меновной не писаны ж». Кроме этих «книг», в Стародубе известны и еще «отписные» книги: «Да по отписным книгам подьячего Третьяка Шарапова лета 7072-го

Этот же подьячий в том же 1565 г. отписывал вотчины и у князей ярославского дома. Характер его работы по отписи узнаем из одного земельного дела, возникшего в результате жалобы в конце 1565 г. Ярославского Спасского монастыря. Ярославские княжата задолго до учреждения опричнины стали терять свои родовые земли, отдавая их в монастыри, а с 1562 г. — подверглись действию и указа о княжих вотчинах.

В числе последних были и некоторые вотчины кн. Засекиных; но в отдельных случаях для некоторых вотчин делались особые изъятия из общего правила. Так, 9 октября 1563 г. в Ярославль была послана грамота старостам и целовальникам, «которым приказано на... царя и великого князя ведати в Ярославском уезде княж Даниловская Засекина вотчина, Сандыревского села деревни», с приказанием «отказать» Спасскому монастырю на основании завещания вотчича, кн. Дан. Фед. Засекина, пять деревень по р. Роге.[1] В 1563 г. на те же деревни монастырские власти получили по царскому указу и данную грамоту от душеприказчиков кн. Засекина.[2] Дело, казалось, было исчерпано, и монастырь

городище Стародуб Ряполовской и посад и село Ряполово с приселки и з деревнями и с починки; да по отписным книгам подьячего Гриши Левонтьева 72-го ж году, княж Дмитреевскую вотчину Хилкова, село Ивановское с приселки и с деревнями и с починки» (стр. 530). Такое обилие разных «отписных» книг связано, очевидно, с тем, что, кроме упомянутого уже там же перехода Стародуба к кн. Владимиру и М. И. Воротынскому, это гнездо «княженецких» вотчин подвергалось особым описям и в связи с законом 1562 г. Многие из стародубских князей сохраняли свои вотчины и во времена опричнины и свободно ими распоряжались (см. акты их у Л. М. Савелова, князья Пожарские и его же, князья Ковровы, «Сборник статей, посвященных М. К. Любавскому», СПб., 1917); другие потеряли их — Ист. Арх., стр. 209, № 17; ДАИ, I, № 222, «Духовная» Ивана IV; часть упомянутых там вотчин, забранных непосредственно на царя, значится как раз в приведенном выше отрывке из «отписных книг» М. Трифонова. Возможно, что часть стародубских княжат стали опричниками и тем сохранила свои земли.

[1] И. А. Вахромеев, Исторические акты, I, № XXXIII.

[2] ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Ярославского у., № 14767/19.

спокойно вступил во владение деревнями (Петрушиным починком, Копосовской, Зубаревым, Хреновской и Муравьевым).

Но когда в Ярославль явился со своей специальной задачей Максим Трифонов, у него с монастырем произошли столкновения. Монастырь в качестве юридического обоснования своих прав на деревни указывал, что вотчину ему «дал» сам князь Данило и что он владеет по княжеской «данной», а не по царскому указу душеприказчикам князя. Максим Трифонов, с своей стороны, не разобрался в юридических тонкостях и вынудил монастырь к жалобе на свои действия. Спасский архимандрит Кирилл бил челом, что подьячий пять деревень по р. Роге «отписал назад ко княж Даниловской вотчине к селу Сандырову, как отписывал вотчины ярославских князей», и приказал крестьянину Левке Ананьину заведывать ими. 1 ноября 1565 г. Левке Ананьину и был по монастырскому челобитью послан указ «отказать» спасским старцам деревни обратно, «по данной их грамоте»; «а в отписных книгах, — прибавляли из Москвы, — подьячего Максима Трифонова лета 7073 году деревня Зубарево, деревня Хреновская, деревня Копосовская, деревня Петрушинская написаны за Спасским же монастырем».[1] Вполне ясно, как развернулось дело. Максим Трифонов, посланный с особой задачей «отписи» княженецких вотчин для нужд опричнины, явно встал втупик перед тем, как рассматривать деревни по р. Роге: исконная родовая вотчина Засекиных, с. Сандырево,[2] уже перешла к царю в силу закона 1562 г. о выморочных княжеских землях,[3] но обладание монастырем частью приписанных к селу деревень нарушало, в глазах Трифонова, и этот закон и собственные полномочия подьячего по «описи» засекинских всех вотчин. Трифонов побоялся счесть монастырь незаконным

---

[1] И. А. Вахромеев, Исторические акты, I, № XXXVII.

[2] Среди кн. Засекиных был кн. Дмитрий Владимирович, по прозвищу Сандырь, от которого пошло и прозвание его «удельного» жеребья (А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси..., стр. 100).

[3] «...А которого князя бездетна не станет, и те вотчины имать на государя» — (АИ, I, № 154, XVIII).

владельцем, в свои книги записал деревни за монастырем, но de facto отобрал их и поручил ведать особому лицу, предоставив монахам хлопотать и жаловаться, а центральной власти распутывать дело. Тесная связь составленных М. Трифоновым «отписных книг» с учреждением опричнины видна и из того употребления, которое получили они впоследствии, когда на них ссылались только пострадавшие от опричнины княжата, добивавшиеся при польском королевиче Владиславе в 1610—1611 гг. возвращения своих прежних владений; и приказным дьякам эти книги явно служили только для выяснения, какие княжеские вотчины были когда-то взяты Грозным в его государев удел.[1]

Составление «отписных книг» однако еще не решало судьбы самих владельцев земель. Это можно видеть на примере хотя бы князей стародубского дома, значительное число которых (кн. Ромодановские, Ковровы и др.) продолжали сидеть в своих родовых гнездах спустя много лет после того как были составлены отписные книги их вотчинам. Решающим моментом в срыве землевладельца с его земли был физический, можно сказать, «перебор людишек» в Москве (или в Слободе и других резиденциях Грозного), производившийся (на первых порах, по крайней мере) лично самим Иваном Грозным.

В этом процессе формирования опричного корпуса следует различать два момента: именно — набор людей в охранный царский отряд и собственно «перебор» провинциального служилого люда.

Специальный состав царского «удела» по смыслу как предварительных переговоров Грозного с приехавшими к нему представителями «всех чинов людей», так и по последовавшему затем «указу об опричнине» должен был быть, в сущности, таким же как во всем остальном Московском государстве; подчеркивалась лишь «особность», непосредственная,

---

[1] Л. М. Сухотин, Чтения, 1911, стр. 1—5; он же. К вопросу об опричнине, ЖМНП, 1911, XI.

тесная зависимость будущих опричников от Грозного. «А бояр и околничих, и дворецкого, и казначеев, и дьяков, и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и столников, и стряпчих, и жилцов учинити себе особно», — читаем мы в летописном рассказе об условиях, на которых Иван соглашался вернуться; «и на дворцех: на сытном, и на кормовом, и на хлебенном — учинити клюшников, и подклюшников, и сытников, и поваров, и хлебников, да и всяких мастеров, и конюхов, и псарей, и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно». «А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, — излагает далее та же летопись указ об опричнине, — и детей боярских, дворовых и городовых, 1000 голов, и поместья им подавати в тех городах с одново, которые городы поимал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел из тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повелел учинити себе особно». Точно такую же характеристику опричников дает и Штаден: «Опричники были его, земские же — весь остальной народ... Князья и бояре, взятые в опричнину, распределялись по степеням не по богатству, а по породе».[1] Удержав, таким образом, всю московскую «лествицу чинов», основанную по старине на признании «чести» рода,

[1] Г. Штаден, стр. 38—39. — Действительно, если посмотреть «разряды из опришнины, то можно насчитать большое количество среди опричников титулованной и нетитулованной знати. В составе «опришной» боярской думы, например, были бояре: кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, Ив. Я. Чоботов, Ф. И. Умного-Колычев, окольничий В. И. Умного-Колычев; «да дворяне, которые живут у государя з бояры»: И. Ф. Воронцов, П. В. Зайцев, И. С. Черемисинов, В. Гр. Грязной, Малюта Скуратов-Бельский (Сб. РИО, 71, стр. 665—666) — 2 князя, 4 представителя старого московского боярства (Чоботов, Колычевы, Воронцов), 2 — из второстепенных, но тоже «честных» родов (Грязной и Малюта, происходивший по преданию из очень «захудалых» Плещеевых) и 2 (Зайцев и Черемисинов) — из высшего слоя провинциального дворянства, записанного в 1550 г. в число «тысячников» (ср.: Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга, стр. 112, 248).

опричнина с первых же шагов своего существования стала нарушать предположенный порядок, наполнять эту служебную иерархию в значительной степени новым содержанием. Те же из «знатных», которые все-таки были приняты в опричнину, должны были встретиться там с такими «страдниками», по выражению Грозного в его письме к опричнику Василью Грязному, которые в земщине на них «и смотреть не смели», были по сравнению с ними слишком «молодыми» (т. е. незначительными) людьми, но в опричнине, благодаря «приближенью» к царю, поднялись «высоко». Дорога для мелкого феодала, дворянина или сына боярского в опричнине открывалась широкая...

Особенно следует сказать про это основное ядро опричнины, тот отряд телохранителей в 500 человек, мысль о котором выросла в интимном семейном кружке царя Ивана. Состав этого опричного «братства» определился прежде всего политической пригодностью «прибираемых» в него кандидатов — для выполнения главной задачи — охраны царской семьи и царя от «изменников». Такими были и Федор Басманов, и Василий Грязной, и Малюта Скуратов, и Афанасий Вяземский, и Константин Поливанов и Генрих Штаден (по-московски «Андрей Владимирович»), и кн. Василий Темкин-Ростовский, и многие другие...

Более сложной и тщательной была переборка уездных «людишек»», которая, начавшись в 1565 г., продолжалась с перерывами до самой смерти Грозного. Здесь организовывалась служилая опричная масса, и к подбору ее подходили осторожно, а в основу клались совершенно определенные признаки, характеризующие достоинства уездного феодала прежде всего как служилого человека. Иноземцы-наблюдатели, сами бывшие опричниками, оставили нам красочное описание всей процедуры.

«Вот что делал великий князь, — пишет Штаден, — он перебирал один за другим города и уезды и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались оприч-

никам. . .».[1] Таким образом, документальным основанием для отбора послужили обычные в подобных случаях материалы Разрядного приказа — «смотренные списки», разборные и верстальные десятки, а из землевладельцев кара постигала тех, кто являлся в «нетях», не служил со своих «вотчин», хотя уже в 50-х годах XVI столетия служба с вотчин была признана необходимой и требовалась правительством неуклонно к исполнению. Это указание Штадена очень ценно, так как еще раз вскрывает перед нами причины спешного образования опричного корпуса в зависимости от условий военной обороны страны: очевидно, осенние неудачи 1564 г. обнаружили невозможность быстрой и точной мобилизации феодальной массы, прочно засевшей на зиму в медвежьих углах и тяжелой на подъем даже в минуты грозной опасности.[2]

С новых землевладельцев-опричников, расположившихся в вотчинах уже не в качестве наследственных вотчичей, а всего только временных обладателей-помещиков, прежде всего потребовали точного соблюдения военной повинности. Таубе и Крузе, подводя итоги своим многолетним впечатлениям от опричнины, резко подчеркнули и малое умение опричников справиться с ведением хозяйства в их новых поместьях и строгую ответственность их при несоблюдении всех требований по военной части: «Когда те, кто были привычны ходить за плугом и вдобавок не имели ни полушки в кошельке, должны были выставить в поле сто и больше лошадей, стали брать они с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет.

Огромные имущества были разрушены и расхищены так быстро, как будто бы прошел неприятель, и все-таки эти люди не могли, как им подобало, выступить в поле.

---

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 86.

[2] См. очерк «Опричнина Ивана Грозного».

И кто тотчас же не явился на службу, соответствующую количеству его владений, тот был обезглавлен или брошен в тюрьму».[1]

Вполне понятно, что первые «переборы» сделаны были самим Грозным, а в дальнейшем с ростом опричнины действовала, вероятно, обычная система поуездного разбора и верстания.

«На следующий день,[2] — передают Таубе и Крузе, — приказал он, великий князь, выписать в Москву всех военных людей областей Суздаля, Вязьмы и Можайска.[3] Когда они прибыли, сел он. рядом со своим советом, Алексеем Басмановым, кн. Афанасием Вяземским и Петром Зайцевым,[4] и приказал каждому отдельному отряду воинов, число которых

---

[1] М. Г. Рогинский, ук. соч., стр. 36—37.

[2] В начале февраля 1565 г. после приезда в Москву из Александровской слободы.

[3] Иван IV не случайно остановился в первую голову на этих именно городах, весь подбор городов и уездов сложился у него во многом, видимо, на основании личного знакомства с ними. Так, незадолго до опричнины, в мае 1563 г., он самолично объехал Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев старый, Белев, Козельск, Воротынск (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 368), с 21 сентября по 1 ноября того же года побывал в Можайске, в Старице у кн. Владимира Андреевича, причем вместе с последним объехал дворцовые села князя, перебрался затем с ним в Верею и Вышгород и там осмотрел княжеские дворцовые села; вернувшись в Москву, Грозный сейчас же «выменял» у Владимира Андреевича Вышгород с уездом и в Можайском у. волости Олешню, Воскресенскую и Петровскую (26 ноября 1563 г., там же, стр. 370—372); 7 мая 1564 г. Грозный уехал с семьей в Троицо, а оттуда в Можайск и Олешню. В этот объезд, длившийся до 8 июля, он побывал также в Переяславле и «в селах своих, в Слободе, в Озерецком да в Можайску и в Можайском уезде в новых селах и в Вяземском уезде, в Круговых селах, в Верее, в Вышегороде» (там же, стр. 384); наконец, осенью 1564 г. он прожил в Суздале довольно долгое время. Большинство осмотренных местностей и было сразу же зачислено в опричнину.

[4] У Таубе и Крузе имеется неясное «Soytt», которое М. Г. Рогинский оставляет без толкования; расшифровываем это слово именем «Зайцева», Петра Васильевича, — одного из видных впоследствии опричников.

было 6000,[1] явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение.[2] Четверо из каждой области должны были показать после особого допроса происхождение рода этих людей, рода их жен и указать также, с какими боярами или князьями они вели дружбу. После того, как он осведомился об этом, взял он к себе тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен со знатными родами... Если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же 100—200 или 50—60 и больше гаков земли...[3]

Другие из тех же областей, представители знатных родов, были изгнаны безжалостным образом из старинных, унаследованных от отцов, имений и так, что они не могли взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений.

Эти бояре[4] были переведены на новые места, где им были указаны поместья; и мне разрешалось возвращаться домой, жены и дети были также изгнаны, и они должны были

---

[1] Такое количество «воинов» с трех уездов указывает, что явились на сбор служилые люди не одни, а «конны, людны и оружны», со своими холопами и крестьянами.

[2] Любопытно, что в Описи царского архива (времен Грозного) значится «ящик 200, а в нем сыски родства ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников и помясов и всяких дворовых людей» (АЭ, I, стр. 350, № 289). Здесь речь идет, конечно, о слугах по хозяйству, но выяснение социальных связей своих непосредственных окружающих характерно для подозрительного Грозного.

[3] Верстание в служилые люди «разных чинов людей», лишь бы они были к «государевой службе годны» вне зависимости от их происхождения, было совсем не таким уже необычайным явлением в Московском государстве, как казалось, видимо, Таубе и Крузе. Особенно часто практиковалось это в «украинных» (пограничных) городах, где служилые люди были особенно нужны.

[4] Здесь, конечно, следует подразумевать не «чин» боярский, а общеродовое понятие «служилого человека»; точно также, как известно, вотчины у провинциальных служилых людей «поимались» не только «у знатных» — ср. вышеприведенное свидетельство Штадена об отобрании вотчин у всех тех, кто с них не служил.

итти пешком и упрашивать, пока им не разрешали явиться к мужьям».[1]

По русским источникам мы также знаем массовое переселение землевладельцев, не попавших в опричнину,[2] но в других случаях, как не раз указывалось выше, часть их продолжала сидеть на своих прежних местах, хотя самый «город» и переходил уже в опричное ведомство. Повидимому, формулу, которую обыкновенно употребляли акты опричного времени, определяя характер понимания владения у его хозяина — «с городом вместе, а не в опале», — следует понимать с упором внимания на переход собственно города как торгово-промышленного центра, как источника денежных доходов для удовлетворения насущных нужд опричной казны;[3]

[1] М. Г. Рогинский, ук. соч., стр. 35—36. — Штаден дает почти буквальную картину, лишь несколько расширяя ее во времени, тогда как Таубе и Крузе безусловно списывают непосредственный, первый перебор людишек, сейчас же за учреждением «особого» царского удела: «Князь или боярин, не включенный в список, который пересылался князю [Ивану] Дмитриевичу Бельскому и прочим земским боярам с тем, чтобы взамен вотчины ему было дано имение где-нибудь в другом уезде. Это случалось редко. А когда случалось и великий князь перебирал уезды, а опричники отбирали от земских их вотчины, то отбирали они все, что в этих вотчинах находили, не оставляя ничего, что им полюбится» (Г. Штаден, ук. соч., стр. 93—94).

[2] Ср., напр., переселение новгородских детей боярских из взятых в опричнину в 1571 г. Обонежской и Бежецкой пятин в пограничные местности: Себеж, Нещерду, Озерище и Усвят (ПКМГ, II, стр. 540—566); также из Шелонской пятины в 1576 г. была выслана большая часть помещиков — те «которым в государеве уделе быть не велено» (Писцовая книга 1576 г. Шелонской пятины, составленная по приказу «князя Ивана Васильевича Московского», НПК, вып. 5, стр. 571).

[3] О сборе в опричнину разных налогов говорит, напр., любопытная грамота (Ист. Арх., стр. 210, № 181) «на Чаронду Аргуну Иванову сыну Захарьину и во все городы... опричнины таможником и мытчиком, которые емлют с купцов всякую... пошлину» (Ист. Арх., стр. 210, № 18); от более позднего времени, когда опричнина была переименована в «двор», см. тарханную грамоту 1577 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на вотчины «во всех дворовых городех» (Ист. Арх., стр. 280, № 72); также грамоту «с прочетом» 1567 г. в Соль Галицкую (Ист. Арх., стр. 202 № 11 и стр. 266, № 59).

но переход города не значил еще обязательного перехода всего уезда. Особенно ярко заметно это на примере Белоозера. В 1568—1569 гг. оттуда были «высланы» вотчинники Семен и Нечай Васильевы дети Ергольские и Андрей Иванов сын Бурухин, а вотчина их была «взята с городом вместе».[1] Таким образом, в Белозерском уезде стала действовать опричнина.

Однако через некоторое время мы видим, что не только в уезде, но даже и на посаде существуют и «земские» и «опришные» люди, которые и подчинены в губных делах особым губным старостам — опричным и земским (последним сохранился наказ от 21 марта 1571 г.).[2] В 1576 г., 2 апреля, городовой приказчик на Белоозере Леонтий Ошанин получил грамоту от «земского» великого князя «всея Руси» Симеона Бекбулатовича с извещением крестьян Кириллова монастыря, что «их государь князь Иван Васильевич Московской пожаловал, оторханил Кирилова монастыря вотчину ото всяких податей»; в грамоте Симеона (в клаузуле «прочета»), как обычно, упоминаются и «наши иные приказные люди»,[3] а в выданной 11 марта 1577 г. тому же Кириллову монастырю тарханной грамоте Белоозеро и Белозерский уезд значатся в «городех нашего государства», а не во дворовых.[4] В Московском уезде среди земских владений не только были вкраплены целые опричные волости, но даже вотчинники теряли свои владения, отбираемые у них на царя (см., напр., потерю Иваном Семеновым и Молчаном и Василием Васильевыми детьми Паховыми их деревни Дедернина).[5] Таких примеров по разным уездам можно было бы привести и еще несколько.

[1] Ист. Арх., стр. 289 сл., №№ 74 и 75.

[2] АЭ, I, № 281.

[3] АЭ, I, № 292, также «Архив П. М. Строева», I, № 261.

[4] Ист. Арх., стр. 285, № 73.

[5] См. послушную грамоту 1567 г. на вотчины Паховых, пожалованные «против» их подмосковной дер. Дедернина (Ист. Арх., стр. 203, № 12); об опричных волостях в Московском у. (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395).

Равным образом и служилые люди, зачисленные в состав опричников персонально, продолжали сохранять иногда свои владения в «земском», несмотря на то, что «опришнинцев», как правило, в свою очередь должны были «высылать», о чем в «земщину» отправлялись и специальные грамоты.[1]

Лишенные своих владельцев земли должны были составлять опричный земельный фонд, из которого опричники и получали наделы — не вотчины, но поместья.[2] Указания на такие массовые дачи опричникам сохранились в целом ряде документов. Так, например, Старицкие вотчины Луки Степанова сына Житова были розданы разным лицам, а часть не взял никто — осталась «в отписи за государем».[3] То же отмечено и по вотчинам Сахара-Прохора Константинова сына Писемского и семьи Зубатых в Костромском уезде, розданным по «даче» 7075 (1567) г., когда Кострома сделалась опричной.[4]

Иногда опричники не дожидались официальной «дачи» и «отдела» им в поместье соответствующим агентом власти на месте и захватывали имения «без государева указа». Это можно наблюдать на примере вотчины упомянутых уже нами Ергольских и Бурухина, которою завладел Иван Головленков, человек, записанный в разрядах в ряду лиц, причислен-

[1] См., напр., показание крестьян о Ю. А. Нелединском, помещике Вотской пятины: «А про Юрья, государь, про Ондриева сына Нелединского ведомо нам, как из Новгорода привезли заповедную грамоту и высыльную в великое говино в лети 7070 осмом году, а велили опришных высылать из жемщины» (Д. Я. Самоквасов, II, стр. 50). Г. Штаден в своих записках рассказывает, как он продолжал сохранять свои дворы в земщине, хотя уже и служил в опричнине, и даже указывает, какие пограничные знаки делали опричники, чтобы отделить свои имения от земских.

[2] О наделении опричников «поместьями» сохранилось любопытное указание официального документа, наказа «валовым писцам» 7131 (1621—1622) г. «Да писцом же смотреть того накрепко, которые вотчины у вотчинников иманы в опричнину и раздаваны были в поместья...» (В. Н. Седашев. Очерки, стр. 160).

[3] Ист. Арх., стр. 273, № 64.

[4] Ист. Арх., стр. 276, № 67 и стр. 280, № 71.

ных к опричным служилым людям. Землею — неизвестно, в качестве ли вотчины или поместья — Головленков владел, повидимому, несколько лет, пока ее не выпросил себе Кирилло-Белозерский монастырь.[1]

Сорванные со старых мест вотчинники, которым «в государевом уделе быть не велено», не могли рассчитывать, что власти действительно быстро наделят их «против» их земель, отобранных «с городом вместе». «Это случалось редко», — замечает Штаден.[2] И сами «земские» даже много лет спустя, когда дело шло уже о возврате им их старых владений, выражали по поводу неполучения их целиком в прежнем объеме горькие сетования и сомнения в прочности своих владельческих прав.[3]

В горячие же первые дни после опричной конфискации приходилось устраиваться как-то самим — использовать обычный «прииск», т. е. отыскать по знакомству, родству или по собственной инициативе соответствующее количество земли «черной», «дворцовой» или бывшей владельческой и затем начинать хлопоты по получению ее от правительства.

---

[1] Ист. Арх., стр. 289 сл., №№ 74 и 75.

[2] Г. Штаден, ук. соч., стр. 93—94.

[3] Так, в «памяти» о совместной даче в Троицкий монастырь своих владений А. С. и М. К. Зубатые в 1578—1579 гг. писали: «А которая наша вотчина за осподарем, и бог нас помилует, осподарь пожалует, старую ли нам вотчину отдаст или в прииск где против тое вотчины пожалует нас, и нам та вотчина делити пополам» (Ист. Ар., стр. 294, № 79); И. В. Будаев, продавая свою и своего дяди Г. И. Синцова-Вельяминова костромскую вотчину Д. И. Годунову, рассказал в купчей историю первоначальной потери ее в 1567 г.: — «И ту вотчину дяди моего и мою купленную другую половину села Исаковского з деревнями и с пустошьми взял государь на себя з городом вместе, а не в опале, как государь взял Кострому в опричну, а дяде моему и мне государь велел против тое вотчины в-ыных городех дати, где приищем» (там же, стр. 297, № 81). Кажется, Будаев и Вельяминов так ничего и не «приискали» себе, так как далее, в той же купчей Будаев высказывает возможность «против» с. Исаковского все-таки приискать иную вотчину и в таком случае обязывается дать Годунову «иная купчая».

Документы позволяют более конкретно познакомиться с тем, как пробовали устроиться вотчинники на новые места, причем в некоторых случаях можно проследить и последовательные этапы подобных попыток.

Особенно много сведений и документов сохранилось от фамилии Зубатых, целым гнездом сидевших в Костромском уезде. Все они потеряли свои вотчины в феврале — начале марта 1567 г., когда в Костромском крае появилась опричнина.[1] Вдова Марья Степановна Аргамакова, рожденная Зубатая, была, пожалуй, одной из первых представительниц фамилии, которая устроилась на новом месте и которая быстрее других постаралась выгодно ликвидировать часть своего нового имения. Она «приискала» в Московском уезде вотчину (90 четей «средней» земли в поле и лесу пашенного 33 чети с двумя «третниками»), принадлежавшую за несколько лет перед тем в качестве поместья И. А. Ергольскому, который запустошил и бросил его, чтобы поступить в число служилых людей «государева удела» — опричнины.[2] Эту часть Аргамакова сейчас же, как только получила, продала боярину И. В. Шереметеву-Большому за 200 руб. Вторую часть она нашла себе в Коломенском уезде, в виде бывшего поместья своего родича Петра Шестакова сына Романова[3] — два жеребья деревни Запкиной (158 четей «доброй земли»), и эту половину она сохранила за собой. В третий жеребей той же деревни переселились

---

[1] Время перехода в опричнину Костромы определяется очень точно промежутком 14 февраля — 9 марта 1567 г. Именно от 14 февраля дошла до нас грамота по челобитью Симонова монастыря в Соль Галицкую, уже опричную; из грамоты видно, что приписанные при опричном размежевании к Галицкому у. монастырские села Дятлово и Демьяново продолжали еще считаться попрежнему в земском Костромском у. (Ист. Арх., стр. 202, № 11); с другой стороны, 9 марта М. С. Аргамакова не только уже потеряла вотчину в Костроме при опричной ломке, но и получила даже возмещение.

[2] Об И. А. Ергольском см.: РИБ, II, № 37.

[3] В числе многочисленных Зубатых, упомянутых в купчей Аргамаковой, значится и Петр Шестаков сын Романова, по рукоприкладству же — просто «Петр Шестаков» (Ист. Арх., стр. 206, № 15).

другие вотчинники, потерявшие земли в Костромском уезде, из близкой, повидимому, Зубатым фамилии Бестужевых (также вдова Елена, жена Басенка Бестужева с детьми Гришей, Кудашем и Нефедком) и Барык Князев.

Конечно, «прииск» был удачен потому, что на него указал сам бывший помещик — Петр Шестаков. Последний вместе со своим племянником Петром Меньшим и целым выводком других костромичей (также Бестужевыми: Осипом, Иваном и Ларионом Васильевыми детьми — и Шастинскими: Атаем Ивановым и вдовою Ивана Ульяною с сыновьями Василием, Миней, Уларом и Андреем) поселились всей группой в Белозерском уезде, в Надпорожском и Заозерском станах.[1] Илья Антонов сын Цaрегородцев, купивший у своей сестры Василисы, вышедшей замуж за Ивана Зубатого, часть ее костромской вотчины, нашел себе возмещение вместе с детьми, сестрою и племянниками в Быкове и Коровине станах Московского уезда.[2] Наконец, о дяде и племяннике Зубатых-Федчищевых нет точных сведений, получили ли они где-нибудь «против» своих вотчин; документы рисуют их уже вернувшимися в 1570-х годах на свои старые костромские пепелища.

Другие костромичи также потянулись на Белоозеро: в Рабозерской волости устроились Михаил Яковлев сын Путилов[3] и его «брат» (родственник) Федор Никифоров сын Олгов;[4] а иные приискали себе возмещение за потерянные вот-

---

[1] Ист. Арх., стр. 220, № 25.

[2] Ист. Арх., стр. 246, № 44.

[3] Ист. Арх., стр. 218, № 23.

[4] Ист. Арх., стр. 217, № 22. — Неизвестно, где получила возмещение его родственница Екатерина, жена Федора Олгова с детьми Сусом, Кислым, Никитою, Десятым и Замятнею; их конфискованные вотчины до 8 марта 1569 г. еще не нашли себе охотников среди опричников и были отданы местному монастырю (Никольскому — Строевы Горы) взамен отписанных к дворцовому селу Писцову монастырских деревень (Ист. Арх., стр. 234, № 35); в «Материалах» напечатан неисправно документ, стр. 114 (для истории сел, церквей и владельцев Костромской губ. Отд. третий для Костромской и Полеской десятин Костромского у. XV—XVIII вв., вып. 5, М., 1912). Грамоту монастырю подписал дьяк

чины в других уездах. Петр-Шестой Григорьев сын Кренов, например, устроился в Меретском стане Кашинского уезда,[1] Исак Иванов сын Колтырин-Раков — во Владимирском,[2] а И. Д. Воронцов — в Городецком стане Бежецкого уезда.[3]

Родич И. Д. Воронцова, В. Ф. Воронцов, впоследствии служивший в опричнине, смог, конечно, легко найти себе и своей матери возмещение в Дмитровском уезде с января 1566 г. поступившем в удел кн. Владимира Андреевича, когда они потеряли свои вотчины в Пошехонье; у Воронцовых в Дмитровском уезде была старинная вотчина, село Ольявидово; по соседству к нему-то и приискали себе «дачу» Воронцовы.[4] В том же Дмитровском уезде получил вотчины и И. Ю. Грязной, взамен отошедшей в опричнину земли в Ярославце Малом.[5] Наоборот, другим дмитровцам, как Г. И. Заболоцкому, пришлось переселиться в далекий Новосильский уезд и там получить нераспаханные угодья в «диком поле».[6]

Осип Ильин, один из опричных «деятелей» (Г. Штаден, ук. соч., стр. 97, 142, 134).

[1] Ист. Арх., стр. 230, № 32. — Очень вероятно, что Кренев не лично «приискал» себе поместье в Кашинском у., а попал в число массовых испомещений детей боярских, выведенных из уездов, вышедших в опричнину; в позднейших известиях есть упоминание на раздачу именно в 1567 г. черных земель: «И в книгах письма и меры кашинского городового приказщика Ивана Воробьева да подьячево Якова Елисеева лета 7075-го в Суходальском стану написано: а что были черные деревни, а осталися за роздачею у детей боярских, у костромич да у суздальцев, у Кудаша Боровсково, дер. Хирино, дер. Денисово, дер. Митяево, Меньшое, дер. Огрысково, дер. Самойлово-Матасово, и всего 5 деревень, пашни середние земли 122 четверти (Л. М. Сухотин. Земельные пожалования, стр. 12). Эта раздача помещикам черных земель очень любопытна; Кудаш Боровской, очевидно, также был одним из выведенных из опричных Костромы или Суздаля.

[2] Ист. Арх., стр. 250, № 46.

[3] Ист. Арх., стр. 239, № 39.

[4] Ист. Арх., стр. 250, сл., №№ 55 и 56. Дмитров с уездом был выменен Грозным кн. Владимиру в обмен на Старицу в январе 1566 г. (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 400).

[5] Ист. Арх., стр. 253, № 49.

[6] Ист. Арх., стр. 252, № 48.

Можайские вотчинники Кишкины получили «против» их отобранных вотчин земли в Белозерском уезде. В истории их переселения любопытны два момента: во-первых, в Можайском уезде (у Ивана и Василия Яковлевых Кишкиных детей) отобраны даже заложенные у них кем-то вотчины, и они привезли с собою старые «закладные кабалы», которые и отдали заимодавцу, закладывая полученные ими новые белозерские имения за 100 р.,[1] во-вторых, отец только что упомянутых братьев, Яков Молчанов сын Кишкин, два раза потерпел от опричнины: первый раз в 1565 г. ,когда в опричнину был взят Можайск, он, лишившись своих старых владений (в 1566 г.), перебрался в только что вымененную Грозным у кн. Владимира Андреевича Старицу и здесь получил «против» можайских потерь новое имение; во второй раз — когда и Старица, повидимому, в ближайшее же время была забрана в «государев удел»; Кишкин получил тогда вотчину в Белозерском уезде в Надпорожском стане, которую и поспешил продать уже 2 октября 1567 г.[2]

Его сыновья не прошли, так сказать, через «старицкий этап» мытарств и прямо переселились вместе с отцом в Надпорожский стан.

Подобное же двойное переселение испытал на себе и кн. Р. И. Гундоров. Лишившись еще в 1565 г. своей родовой стародубской вотчины (Гундоровы происходили от стародубских княжат), он получил возмещение по соседству во Владимирском уезде, — целую волость Вешкирц. Но и она была отобрана в опричнину, и ему были даны бывшие поместные земли И. Ф. Воронцова (служившего в опричнине) в Московском уезде, в Пехорском и Васильцове станах; это бывшее поместье составлено было из разного рода деревень — «черных», «псарских», «бортных» и «конюшенной». Однако получение подмосковной являлось, очевидно, далеко

---

[1] Ист. Арх., стр. 222, № 26; — о другой части той же вотчины братьев Кишкиных, проданной ими за 50 руб., — см. там же, стр. 219, № 24.

[2] Ист. Арх., стр. 215, № 21.

не блестящим приобретением (недаром из него ушел и опричник Воронцов), и Гундаров продал деревни Константину Юрьевичу Греку.[1]

Из таких же поместий мелких служилых людей и оброчных земель получали вознаграждение в Московском уезде и другие вотчинники. Так, упомянутые уже выше Паховы получили 58 четей («в поле, а в дву по тому же») из бывшего поместья конюха Герасима Быкасова в Лукомском стане, в деревне Федотовской-Шелудяково.[2] В остальной части того же владения, в деревне Васюнине-Поповском, всего на 19 четях уселись братья Хомяковы, Иванко да Гриша Борисовы дети, получившие возмещение по послушной 25 февраля 1567 г. «против» их боровской вотчины, трех жеребьев деревни Елизаровой.[3] Их родственник Иосиф Владимиров сын Хомяков за боровскую потерю получил в том же Лукомском стане еще более мелкое владение: жребий в дер. Сидоркове — 9 четей с полуосминою, которые в январе 1570 г. он дал вкладом в Симонов монастырь.[4]

Федор Григорьевич Желтухин получил взамен своей вышегородской вотчины бывшие поместья двух дьяков, Лаши Зиновьева и Ив. Гаврилова, причем в «послушной» грамоте были точно указаны как размеры потерянной вотчины, так и количество новой «дачи».[5]

---

[1] Ист. Арх., стр. 209, № 17; стр. 248, № 45; стр. 251, № 47.

[2] Ист. Арх., стр. 203, № 12.

[3] Ист. Арх., стр. 204, № 13. — Боровск, «город», посад и «станы около города»: стан Домля, Вешки, Онеги Спасские и Юрьевские, Ярцово, Тарасово, Песочна, Ефимово, Горбово, Коренево, Косиково, Турьи горы, Тереховская, Ловышино, Сосновец, Кшема, Козлов брод — в феврале 1566 г. Грозный отдал кн. Владимиру Андреевичу, отобрав у него Алексин, городище Любуцкое и Волково (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 400). В остальных частях уезда стала действовать, видимо, опричнина, от которой пострадали и Хомяковы. Еще раз получилось интереснейшее переплетение царских «удельных», т. е. опричных и настоящих удельных земель Владимира Андреевича.

[4] Ист. Арх., стр. 243, № 42.

[5] Ист. Арх., стр. 185, № 4.

Подробное перечисление всех угодий особенно интересно в «отдельной отписи», выданной пяти суздальским вотчинникам Краснослеповым, целым родственным гнездом, во главе с Афанасием Мордвиновым сыном, переселившимся в Муромский уезд. Это были очень мелкие землевладельцы (в сентябре 1566 г. им отмерили «против» прежних 72 четей в поле 2 деревни с 4 дворами и 4 крестьянами в них). «Не дошло их меры» 3 чети, за что они получили 30 копен лишнего сена и 3 десятины пашенного леса. В новой вотчине Краснослеповых находились государевы бортные «ухожаи», и Краснослеповым и их крестьянам было строго запрещено как-либо портить «государев лес бортной» или пользоваться медом для себя.[1] В 1571—1572 гг. Никита Афанасьев Краснослепов, сын старшего из вотчинников, оказавшийся, очевидно, единственным наследником всего земельного участка, поспешил отделаться от неудобной вотчины, продав имение за 83 руб. Бажану Никитичу сыну Хвостову, который через три года, в свою очередь, перепродал («дал» за 80 руб.) «вотчину» Троице-Сергиеву монастырю.[2]

Сам Бажен Хвостов также происходил из семьи бывших суздальских вотчинников, потерявших владения в результате опричной ломки. История устройства Хвостовых на новом месте крайне любопытна. Их было три брата, которые еще при жизни отца Никиты Яковлевича наметили уже по его «духовной» раздел между собою суздальской вотчины «по третем».

Однако сделать это они, кажется, не успели, когда их застал опричный «вывод» из Суздаля. Пришлось перебраться вместе со своими земляками Краснослеповыми и, может быть, другими вотчинниками, не принятыми в опричнину, в соседний Муром и делить в 1566—1567 гг. уже новую

---

[1] Ист. Арх., стр. 198, № 8.

[2] Ист. Арх., стр. 265, № 58. — Характерно, что ни Н. А. Краснослепов в своей «записи купчей», ни Б. Н. Хвостов ничем не обмолвились о судьбе бортных угодий.

свою «дачу». Старик-отец был казнен Грозным,[1] и во главе семьи оказалась его вдова Марья Ивановна. Хвостовы поделили «божее благословение» (иконы и другие принадлежности культа), «животы» (движимое имущество) и вотчину, а также и всех холопов — «людей». Последних делили по семьям, но некоторых женщин и девушек (14 «голов», а 15-я «голова» оставалась «вопчей») отдали своим незамужним сестрам, заботы о дальнейшей судьбе которых взяла на себя их мать и старший брат Бажен. Взамен уступленных девочек братья выменивали у сестер «парней», которые приходились почему-либо на долю сестер; беглых холопов, вероятно, воспользовавшихся моментом выселения своих господ из Суздальского уезда Хвостовы обязались между собою, поймав, также поделить «на трое».[2] В 1567—1568 г. умер второй брат, Богдан-Петр, оставивший «духовную»,[3] из которой мы узнаем, что Хвостовы затеяли в Муроме какое-то «церковное строение», но потерпели крах и были даже «отданы на поруку» «от Малыгиных из опришнины»,[4] причем ездить в Москву, ходить там по

---

[1] Он записан в известные «синодики» Грозного (С. Б. Веселовский. Синодик.). Из Хвостовых, потомков когда-то боярского рода, но сильно измельчавших и опустившихся в ряды дворянства, многие также были казнены.

[2] Ист. Арх., стр. 200, № 10.

[3] Ист. Арх., стр. 225, № 28.

[4] Малыгины были ярославские вотчинники; один из них, Образец Третьяков сын, старался всячески увеличить свои достатки. Будучи сам очень некрупным землевладельцем (за ним, его матерью Прасковьей и братьями Никитой, Вторым, Федором и Гришкою в 1568—1569 гг. числились вотчины в Ярославском у., 4 деревни с 71 четями средней земли, 200 копнами сена и 18 десятин лесу непашенного). Образец старался получить бывшую вотчину дьяка Никиты Мотовилова (127 четвертей середней земли, 42 худой, 4 четверти перелогу, 500 копен сена и 1/2 десятины леса): «Вотчина, что была дияка Микиты Мотовилова, — записано было в писцовой книге Ярославского у., — в тое вотчины, сказывают, на Москве перед бояры искал на Никите из Опришнины Образец Малыгин, и ту вотчину велено отписати на царя и великого князя ярославскому городовому прикащику Мурзе Карачинскому до государева указу» (ЦГАДА, Писцовые книги, № 7785, лл. 16—17, 18 об.).

приказам, нести убытки, «проедать» прожитки и терпеть «волокиту московскую» пришлось Богдану. В итоге эта борьба с опричниками кончилась печально и для него: он также был казнен.[1] Из «духовной» видно, что Богдан Хвостов обладал библиотечкой духовных книг, которые приказывал раздать по церквам, а вотчину свою завещал дочери, жене и будущему своему ребенку; им же предназначены были и холопы, из которых только один «кабальный человек» отпускался на свободу, а другой получал по 1 рублю на члена семьи и приказ: «живи у жены моей». Скоро, повидимому, умер и третий брат, Иван Никитич, сестры были выданы замуж, а Бажен и его мать Марья постриглись — стали «старцем Никоном» и «старицей Маремьяной». Несмотря на явно выраженный в документах достаточный вкус к жесткому и отнюдь не склонному мирволить «людям» хозяйствованию, несмотря на стремление округлить прикупкою свою новую Муромскую вотчину, «старец» Никон-Бажен и «старица» Маремьяна Хвостовы чувствовали себя мало уверенными на своих новых землях: недаром они испытали «порухи» от опричников Малыгиных, и их рода коснулись опричные казни. Это вполне объясняет то, что главы семьи, «старица» Маремьяна и «старец» Никон, обратились к местному монастырю Борисоглебскому на Ушне, надеясь получить там помощь. Они дали в монастырь некий денежный вклад (очевидно, за себя), а новую вотчину свою отдали туда же, за 300 руб., на которые и должны были три молодые женщины кормиться и «устрои себе чинити» — готовиться или к выходу замуж или также к постригу в монахини.

Пришлось, однако, разочароваться; архимандрит Самуил не исполнил обещанного, хотя вотчину в ведение монастыря и принял: «И борисоглебской архимарит з братьею нам солгали, — не удержался и гневно записал в новом акте Бажен-Никон, — тех денег, с вотчины скупа, не дали». Вот-

---

[1] С. Б. Веселовский. Синодик, стр. 355.

чину Хвостовы дали на тех же условиях в 1574—1575 г. Троице-Сергиеву монастырю.[1]

С Суздалем связан и еще один любопытный эпизод. Потерявший свои старинные вотчины при переходе в опричнину Переяславля Пятый Андреев сын Тумский, в 1581—1582 гг. дал вкладом в суздальский Спасо-Евфимьев монастырь свою вотчину, пустошь-селище Лапицу, в Опольском стане Суздальского уезда. Тумский был специалистом писцового дела, приказным человеком, этим, возможно, и объясняется, что он смог получить возмещение в опричном городе. Возможно, впрочем, и иное, более вероятное предположение, что Суздальский уезд, как и многие другие, не был сплошным «удельным» опричным округом, и часть земель в нем оставалась за земщиной, тем более, что и получал-то Тумский, видимо, не очень завидную «дачу»: вместо двух «селец» с деревнями — пустошь, хотя бы «и с пашнею, и с луги, и с лесы, и с отхожими пожнями, и со всякими угодьи»; за половину этой пустоши, однако, монахи согласились вернуть Тумскому денежную «кабалу» (его и его брата и племянников) в 100 руб.[2]

Во Владимирском уезде нашел себе возмещение за потерю родовых ярославских вотчин кн. Д. И. Засекин. Когда затем в опричнину попал Переяславль, Засекин прибрал «против» этой потери в том же Ильмехотском стане новые деревни.[3] Но возмещение за ярославские имения все еще не было, повидимому, полным; сверх того, кн. Засекину вновь пришлось

---

[1] Ист. Арх., стр. 273, № 65. Скоро, однако, они помирились с архимандритом Самуилом, дали новую данную (там же, стр. 277, № 68), в которой не только замолчали весь скандальный эпизод, но даже сумели заставить Самуила подписать в качестве послуха «данную».

[2] Ист. Арх., стр. 299, № 82. — Пятый Тумский «дозирал» земли в Костроме (в 1578—1579 гг.) в Нижнем Новгороде (1575—1576 гг.) и в Муроме (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, II, стр. 603, 610, 611).

[3] Ист. Арх., стр. 270, № 62. — В Боголюбовском стане того же Владимирского у. получила возмещение «против» переяславской своей вотчины и кн. А. П. Нагавицина-Засекина, затем променявшая новое владение дьяку А. Я. Щелкалову (Ист. Арх., стр. 240, № 40 и 264, № 57).

расстаться с частью своих имений, когда вслед за казнью кн. Владимира Андреевича (в начале 1569 г.) принадлежавший последнему Дмитровский уезд перешел в состав опричнины и «земский» вотчинник Засекин не мог сохранить свои дмитровские земли. Поэтому в 1576 г. он от вел. кн. Симеона Бекбулатовича «всея Руси» получил остаток (хотя все же «не дошло» против ярославской вотчины 67 четей пашни, 150 копен сена, 10 десятин лесу пашенного и 10 же десятин непашенного).[1] За это время получил он возмещение и за дмитровские вотчины и в 1576—1577 г. дал их вкладом в Троице-Сергиев монастырь.[2] Все возмещения своих потерь он, конечно, присматривал себе сам, основавшись в новом своем гнезде в Ильмехотском стане Владимирского уезда, и все-таки значительную часть их поотдавал в монастырь очевидно надеясь в качестве крупного вкладчика найти себе там пристанище в трудную минуту.

Со Старицким уездом связана была судьба старинных местных землевладельцев Житовых (из рода тверских бояр Бороздиных). С переходом Старицы в опричнину[3] Житовы также лишились владений. Андрей Петрович, потерявший не только старицкие вотчины, но и ярославские владения, приобрел новые в Шахове-стане Московского уезда, которые он, став монахом Симонова монастыря, под именем Арсения, и передал (совместно со своими сыновьями Захаром, Богданом-Максимом и Федором) 2 июля 1569 г. Симонову же монастырю.[4]

---

[1] АЭ, I, № 290.

[2] Ист. Арх., стр. 279, № 70. — Впоследствии кн. Д. И. Засекин служил боярином у царя Симеона Бекбулатовича; неизвестно, когда Засекин получил довольно приличное поместье в Угожском стане Звенигородского у. — одно село, 18 деревень, да пустошь, пашни середней и худой земли 420 четей без полуосмины (в поле), сена 672 копны, лесу пашенного 12 четей, непашенного 35 четей (ПКМГ, I, стр. 709—710).

[3] О поступлении Старицы в опричнину и произведенной там переборке людей, зачисленных в опричники «по степеням» см.: Г. Штаден, ук. соч., стр. 134—135. — Любопытно, что опричник Штаден получил при этом в придачу не только новые поместные дачи, но и вотчину.

[4] Ист. Арх., стр. 237, № 38.

Татьяна Ивановна Житова владела вместе с сыном Дмитрием Никитичем в Старицком уезде половиною села Михайловского с деревнями: «против» них она получила в Волоколамском уезде вотчину, которую также на помин души «в наследие вечных благ» передала местному крупнейшему монастырю Иосифову в 1568—1569 г.[1]

Ее совладелец по селу Михайловскому, Лука Степанов сын Житов, вотчину которого в Старице роздали в поместье ряду опричников, получил, повидимому, вотчину в Коломенском уезде, в Скульневском стане, деревню Верткову на р. Северке (63 чети пашенной «середней» земли, 207 четей с осминою перелогу и кустарем поросло 100 четей, сена 150 копен, с осминою, кроме непашенного леса).[2] Он был счастливее своих родичей, сохранил на время свою старую «дачу» и сумел в 1570-х годах вернуться в старое свое имение.[3]

Выгнанные из опричнины «земские» вотчинники мало дорожили своими новыми вотчинами. Этот факт уже отмечен в исторической литературе — выявлен усиленный наплыв вкладов в монастыри как раз во время наиболее интенсивной опричной земельной мены.[4] Такой прием был или замаскированной продажей, способом приобретения денежного капитала, столь необходимого уже для московского служилого человека второй половины XVI в., или же стремлением как-то спрятаться за спиною крупного феодала от дальнейших возможных перебросок и передряг. Владеть новою вотчиною приходилось часто на довольно шатких основаниях — «по старым крепостям» на уже утраченные имения и по новым «послушным» («ввозным») грамотам и отдельным, дожидаясь настоящего обмера и межевания и записи в писцовые книги иногда много лет. Земельные акты времен опричнины отразили этот

---

[1] Ист. Арх., стр. 229, № 31.
[2] ПКМГ, I, стр. 451.
[3] Ист. Арх., стр. 273, № 64.
[4] С. Б. Веселовский. Село и деревня, стр. 137—138.

процесс перехода новых «земских» вотчин в монастыри. Наблюдается по ним и развитая, повидимому, прямая продажа (см., напр., продажу вотчин М. Аргамаковой, Ис. Ив. Колтыриным-Раковым, кн. Р. И. Гундоровым). В иных случаях эта купля-продажа носила определенный спекулятивный характер, причем можно усмотреть и конкретных лиц, подобными операциями занимавшихся.

Двое таких дельцов орудовали среди вотчинников, которые получали возмещение в Белозерском крае. Оба они принадлежали к видным представителям московской администрации — служили дьяками центральных московских приказов, но по размаху спекулятивной деятельности первенство принадлежит дьяку Мясоеду-Константину Семеновичу Вислому.

Это был типичный московский делец-дьяк. К интересующему нас моменту (1567—1568 г.) Мясоед-Вислый достиг уже преклонных лет. Происходя из служилых людей Белозерского уезда, где у него была родовая вотчина, Мясоед на Белоозере же, повидимому, начал свою служебную карьеру, будучи там в 1530-х годах городовым приказчиком. За продолжительное время своей службы он долго был дьяком в Дворцовом приказе, служил вместе с Вас. Щелкаловым в Разбойной избе и накопил крупное состояние, заключавшееся в богатом доме в Москве, хорошем капитале и большом количестве всяких ценностей.

Деньги Мясоед-Вислый не держал у себя и, повидимому, пускал их в оборот, давая в долг боярам и дьякам. Даже свой московский дом он завещал после смерти своей продать со всем находящимся в нем имуществом, а вырученные деньги раздать по монастырям и церквам. Дьяк был очень благочестив, как и подобало «истинно-московскому» человеку, хранил, приобретал и раздавал по церквам иконы и прочую «святыню» в драгоценных окладах, жертвовал колокола и обладал очень недурной библиотекой богослужебных и других церковно-учительных книг. Наконец, чтобы дополнить характеристику, можно прибавить, что он был бездетен, но женат, по некоторым известиям, на молодой и красивой,

видимо, женщине, которая погибла трагически и была косвенной причиной гибели и своего старика-мужа.[1]

Таков, в общих чертах, был человек, с именем которого главным образом и связывается эпопея скупки имений у вотчинников, пострадавших от опричнины.

2 октября 1567 г. Мясоед-Вислый купил вотчину у Я. М. Кишкина за 30 руб.,[2] 1567—1568 г. у Ф. Н. Олгова — за 70 руб.,[3] у М. А. Путилова — за 80 руб.,[4] у Ив. и Вас. Як. детей Кишкиных-Молчановых — за 50 руб. (им же он дал под заклад другой части их вотчины 100 руб.),[5] всего, следовательно, на 230 руб. (или, считая с «закладными» — на 330 руб.). Сверх того, он приобрел у другого «спекулятора», дьяка Рахмана Житкова, всю его добычу.

Рахман-Парфений Иванов сын Житков пошел иными путями: он, может быть, не располагал столь крупными наличными средствами, как Вислый, и потому был более скромен: выменял у двух Шестаковых-Романовых, дяди и племянника, шести Шастинских и трех Бестужевых (по одной общей меновной) их белозерскую вотчину на свою, частью купленную, а частью также, видимо, вымененную, в Юрьев-Польском уезде.[6] На этом Житков и остановился, продав все Вислому за

---

[1] Сведения о Мясоеде-Вислом см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 194, 266, 272; — его «духовные» 1568 и 1570 гг., в которых он дает полное описание своих богатств, помещены: АЮ, № 421—II (также РИБ, XXXII, №№ 238 и 243). — Альберт Шлихтинг рассказывает, что Грозный приказал похитить жену Вислого в 1569 г. и повесить перед дверями мужнина дома; 20 июля 1570 г. опричники отрубили голову по приказу царя и самому Мясоеду (Новое сказание..., стр. 37, 44). Казнь Мясоеда-Вислого засвидетельствована также Гваньини и синодиком Кирилло-Белозерского монастыря (А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского, стр. 202).

[2] Ист. Арх., стр. 215, № 21. Докладная купчая перед боярином Василием Юрьевичем Траханиотом (подпись дьяка Рахмана Житкова).

[3] Ист. Арх., стр. 218, № 22.

[4] Ист. Арх., стр. 218, № 23.

[5] Ист. Арх., стр. 219, № 24 и 222, № 26.

[6] Ист. Арх., стр. 220, № 25.

300 руб.[1] Можно думать, что вообще вся операция Житкова явилась результатом его участия в составлении первого документа для Вислого — подписи им докладной купчей 1567 г. на покупку у Кишкина; дьяк-делец почуял возможность обделать выгодное дельце и выступил на этом поприще самостоятельно; «заработав» кое-что, он уступил затем полученное за хорошую сумму своему клиенту-сопернику.[2]

Сличая подписи послухов на всех перечисленных выше документах, можно притти к одному определенному выводу: все акты составлялись безусловно в Москве (не говорим, конечно, о докладных купчих — они в другом месте и составлены быть не могли), в непосредственном присутствии всех заинтересованных лиц. А отсюда невольно возникает догадка-вопрос: да не являлся ли и весь «прииск» вотчин в Белозерском уезде чисто канцелярским, так сказать, приемом? Толкаясь в Москве по приказам в ожидании «государевой милости», костромские и другие дети боярские нашли человека, который смог им в этом деле «помочь»; указав на свободные, ему, конечно, хорошо как местному уроженцу известные земли, провел все дела по приказам,[3] выправил самые необходимые документы («ввозные» или «послушные» грамоты), а затем предложил избавить их от будущих, совершенно неведомых, очень возможно «лежащих в пусте» владений, вручив столь нужную в то время для сына боярского приличную денежную сумму. На такую мысль невольно наводит и то обстоятельство, что, передавая при продаже все документы новому владельцу, продающие, ни один, не упомянули в своих купчих об «отдельных» грамотах, т. е. актах,

---

[1] Ист. Арх., стр. 223, № 27. Докладная купчая.

[2] Сам Рахман Житков был не крупным старинным землевладельцем Дмитровского у. (ПКМГ, I, стр. 768); в 1569—1570 гг. он уже умер, и по его «душе» родные давали вклады в монастыри (С. А. Шумаков. Обзор, вып. 3, стр. 17—18).

[3] В число послухов на большинстве цитируемых документов фигурирует и Степан Никитин сын Верещагин, подьячий Поместной избы, т.е., очевидно, тот, кто оформлял непосредственно все акты.

которые следовали за фактическим вступлением землевладельца во владение имением и которые составлялись уже местными приказными властями. При таком очень вероятном допущении чисто спекулятивный характер сделок становится особенно выпуклым и ярким.

Мясоед-Вислый не оставил себе приобретенных вотчин; верный своему принципу накопления денежного капитала и ценностей, он немедленно же и продал вотчины за 400 руб. местному духовному феодалу — Кирилло-Белозерскому монастырю.[1]

К сожалению, на этом и обрываются находящиеся в нашем распоряжении сведения о дальнейшей судьбе вотчинников, расставшихся с новыми своими землями, полученными взамен отобранных у них в опричнину старых владений, и не успевших, повидимому, не только оценить хозяйственную значимость этих земель, но даже весьма возможно, и просто взглянуть на них хозяйским глазом.

Начало 1570-х годов ознаменовано было в опричной политике временным, но крупным переломом. Из русских источников мы знаем, что в это время «государь опришнину отставил» и некоторых из изгнанных вотчинников велел «опять пустити» на старые места в прежние уезды, причем, если почему-либо прежняя вотчина не могла быть возвращена, то «противу» нее давалось новое владение, но в том же уезде.[2] Известно также, что с 1572—1573 г. самое название «опричнина» действительно исчезает из документов, заменяясь терминами «двор», «дворовые люди», «дворовые» учреждения, города и т. п.; термин «земское» и «земщина» продолжают

---

[1] Ист. Арх., стр. 228, № 30.

[2] Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине, стр. 57, — челобитная И. А. Долгово-Сабурова; Сабуров не мог получить прежней вотчины, так как она была обращена в «раздачу»; поэтому он и был пожалован «противу старых вотчин» в том же Ярославском у. селом Гавшинским, которое ранее было вотчиной кн. Сонцовых, а затем дано Сабурову в качестве поместья (очевидно, «противу» вотчины?). — Это утверждение оспаривал старый вотчич села Гавшинского, кн. Ив. А. Сонцов-Засекин.

существовать до самого конца жизни Грозного. В глазах иноземцев-современников идентичность нового «двора» царя и старой «опричнины» была несомненна. Так, Лев Сапега, литовский посол, 26 (16) апреля 1584 г., сообщая о попытке Б. Бельского произвести дворцовый переворот с помощью стрельцов, писал, что Бельский хотел воздействовать на царя Федора, чтобы тот не отменял «двора» и «опричнины» своего отца («aby dwor i opritczyne chował tak jako ociec jego»).[1]

Самое точное описание этих перемен в опричнине мы находим у Штадена. Здесь его свидетельства особенно интересны и должны быть особенно достоверны, так как он был человеком, непосредственно испытавшим, как видный опричник, все последствия «отставки» опричнины.

Штаден связывает перемены в опричных порядках с набегами крымцев 1571—1572 гг. Действительно, во время этих опустошительных погромов, когда в 1571 г. сгорела и сама Москва, опричнина как воинский отборный корпус не только не оказалась на высоте положения, но среди ее рядовых членов нашлись и прямые «изменники», перебежчики к хану. Наконец, только что был завершен последний акт «розыска» по большому изменному делу, который был начат еще в 1567 г. разбором обстоятельств «боярского заговора» и окончен новгородским погромом и последовавшими затем казнями в Москве и земских и виднейших опричных служилых людей. Все это заставляло пересмотреть создавшееся положение и, в частности, пополнить ту страшную людскую убыль — «пустоту» в уездах, которая обнаруживалась все более и более после непрерывных войн и разорительного для крестьян хозяйничанья опричников в временных поместных «дачах».[2]

---

[1] Scriptores, p.p. 174—175.

[2] Яркую картину этого «разгрома крестьянского хозяйства и экспроприации значительной части крестьянских земель в пользу феодалов»-опричников, в результате чего классовая борьба в отдельных случаях начинала принимать форму уже настоящей гражданской войны между опричниной — поместным дворянством — и крестьянами дал: И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне, стр. 59—73.

Опричнина, хотя и хорошо была продумана Грозным ранее, учреждалась в обстановке и под впечатлением неудач московских войск против литовцев и крымцев при набеге последних на Рязанскую Украину в 1564 г. и кончила первую фазу своего существования в обстановке, создавшейся в результате нашествия тех же татар.

«С этим[1] пришел опричнине конец, — повествует Штаден, — и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками».

«Когда эта игра (отражение крымцев), — читаем мы у него же в другом месте, — была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь далее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья».[2]

Радикальный «перебор людишек» на этот раз коснулся опричников. Но уступки «земщине» были только временные, и в ближайшие же годы начались новые «переборы»; в этих случаях менялось только название города, уезда и люди брались не в опричнину, а во «двор». Когда «великим князем всея Руси» был сделан Симеон Бекбулатович, то состоялся

---

[1] Набег хана Девлет-Герея 1572 г., окончившийся отражением татар в битве 1 августа при Молодях. О степени опустошения окрестностей Москвы после первого набега (в 1571 г.) яркое представление дает опубликованная в Историческом Архиве грамота № 52 на стр. 257.

[2] Г. Штаден, ук. соч., стр. 110, 151—152. — Штаден говорит и о других мерах, предпринятых в это время: 1) о составлении новых «смотренных списков» опричных князей и бояр и выделении служилых иностранцев в особый список (стр. 152); 2) О смене всех начальников в опричнине: «Потом все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе» (стр. 145) и 3) об уплате опричниками земским их долгов по «вымученным кабалам» полностью, на всю якобы занятую земскими сумму (стр. 96).

и прямой указ о таком «переборе», правда, облеченный в очень своеобразную форму — известную челобитную «Иванца Московского», якобы «холопа» вел. кн. Симеона.[1]

Трудно сказать, много ли нашлось охотников из «земских» возвращаться в запустошенные старые вотчины.[2] Многие, продав или вложив в монастырь свои новые дачи, вероятно, и формально потеряли права на свои родовые владения, так как не смогли вернуть пожалованных «против» них участков. Другие уже прочно осели на новых местах.

Документы дают несколько иллюстраций к такой редукции вотчинных земель прежним владельцам, начавшейся с 7080 (1572) г.,[3] причем два случая следует считать «сепаратными», так сказать, возвращениями, обусловленными особым положением, которое занимали сами возвращающиеся.

Первый случай наблюдается по Старице — с возвратом вотчины Луке Степанову сыну Житову. 31 мая 1574 г. ему было «отказано» полсела Михайловского с деревнями, недавно еще розданного в поместья детям боярским — опричникам, а частично оставшегося за раздачею «в отписи за государем»; владеть он должен был «по старине, опроче тое половины, чем владела Никитина жена Житова Татьяна да сын ее Дмитрей»; последние, как мы видели уже, отдали монастырю свою новую дачу, пожалованную им против этого их жеребья в Михайловском, и потому, очевидно, не имели

---

[1] Челобитную см. РИБ, XXII, № XI, стр. 76—77.

[2] Указания о том, насколько запустели бывшие вотчины после нескольких лет пребывания в опричных руках, можно найти в рассказах Штадена, Таубе и Крузе, и в русских источниках (ср. отрывки из описания вотчин в Ярославле по книгам М. Трифонова 7073 г. и по книгам «Письма и меры» Меньшого Колычева и Темиря Кайсарова 7086 г.). — Л. М. Сухотин. Земельные пожалования, стр. 1—2. — А ведь Ярославский уезд не подвергался за это время никаким другим испытаниям: ни военным действиям, ни особому «опричному правежу», как это было, например, в Новгородской области.

[3] В этом году были, например, возвращены братьям Таратиным старые вотчины в Переяславле (Ист. Арх., стр. 275, № 66).

права на претензию получить обратно родовое владение.[1] Лука Житов был, повидимому, какими-то нитями тесно связан с последним старицким удельным владетелем, кн. Владимиром Андреевичем, и его семейством: много лет спустя мать Луки, в то время уже монахиня «старица Пелагея», составляя перед смертью «изустную память» (завещание), прощалась в ней с дочерью кн. Владимира — «била ей челом» и «душу свою приказывала» «государыне своей королеве — старице Марфе Владимировне»». Все имущество, в том числе и полсела Михайловского, старуха Житова завещала Троице-Сергиеву монастырю, оставив сыну Луке всего 4 деревни (Медведково, Маслово, Щеколдину и Починск);[2] повидимому, она-то именно и была фактической владелицей и распорядительницей всего имущества, и номинальное возвращение вотчины ее сыну — результат именно этих давних связей Пелагеи Житовой с семьею старицких князей, у которых она состояла, вероятно, в числе боярынь при одной из дочерей. На близость к семейству Владимира Андреевича указывает и дата «отдельной» Л. Житову — 1574 г. Действительно, после казни в 1569 г. кн. Владимира, его жены и дочери Иван в начале 70-х годов изменил отношение к оставшимся в живых их детям: женил сына, княжича Василия, и выдал замуж в 1573 г. его дочь Марию за своего «голдовника» (вассала), «короля Ливонского» Магнуса.[3] Вот эти-то события безусловно и повлияли на положение Пелагеи Житовой и были причиной возврата ей (а юридически — ее сыну) старинной вотчины в первоначальном объеме. Ту вотчину в Коломенском уезде, которую они получили «против» старицких земель, Житовы вернули, и она в 1577—1578 г. числилась по писцовым книгам вотчиною некоего М. С. Андреева.

---

[1] Ист. Арх., стр. 273, № 64.

[2] ГБИЛ, Собр. рукоп. Троице-Сергиева монастыря, № 532, лл. 363—364.

[3] ПКМГ, I, стр. 451. — О судьбе Марии Марфы Владимировны см.: Д. Цветаев, Мария Владимировна и Магнус датский.

Другой подобный случай представляет собою возвращение в 1575 г. в старинную костромскую вотчину Сахара Константинова сына Писемского. Основанием послужило особое пожалование выдающегося родича Писемского — Федора Андреевича. Этому крупному дипломату, проведшему много лет послом в Крыму, а затем ездившему и в другие страны, Грозный писал еще в Крым, обращаясь к нему и его товарищу А. Ф. Нагому: «А ныне есте ни в земском ни в опришнине, и вы б нам послужили, чтоб вам к нам приехати, оже даст бог к нашей милости. А ныне есмя вас пожаловали для ваших нужд, послали с Севрюком Клавшовым своего жалованья из опричнины... А мы вас и вперед хотим своим жалованьем жаловати».[1] По приезде Ф. А. Писемский, действительно, занял очень близкое к царю положение и был зачислен во «двор» и сразу же получил, надо думать, возможность не только распоряжаться своим родовым земельным имуществом, но и помочь в этом отношении своим родичам».[2] В декабре 1573 г. он получил и жалованную грамоту о возвращении его роду всех вотчин; пожалование было сделано «в Слободе», почему и послушная грамота Сахару Писемскому была подписана «дворовым» (опричным) дьяком Андреем Шерефединовым.[3] Писемские сохранили свои родовые имения в Костромском крае в продолжение всего существования царской России.[4]

---

[1] ЦГАДА, Крымские посольские книги, № 13, лл. 427—431 об., грамота А. Ф. Нагому и Ф. А. Писемскому от июня 1571 г. — Смысл этой фразы тот, что оба посла не были зачислены ни по земскому списку, ни в опричнину, так как последняя была учреждена, когда они оба были в Крыму. Грозный считает пребывание в опричнине и посылку оттуда жалованья своей особою «милостью» и обещает и впредь далать то же.

[2] «Данная» 1571 г. М. В. и Ф. А. Писемских Троице-Сергиеву монастырю, Ист. Арх., стр. 302, № 11.

[3] Ист. Арх., стр. 276, № 67.

[4] Известный писатель А. Ф. Писемский владел имением в Костромской губ.

Значительно менее уверенными чувствовали себя те, кто вернулся на старое пепелище обычным порядком путем челобитья. Уже было упомянуто выше о подобном настроении Ивана Васильева сына Будаева, который еще в 1578—1579 г. предполагал, что новая волна конфискаций может затронуть и его, и вновь ему придется «прииськивать» вотчины.[1] Вполне вероятно, что, опасаясь нового выселения, он и продал возвращенное имение своему влиятельному родичу (по Вельяминовым), Д. И. Годунову; последний, опираясь, конечно, на игравшего уже в то время крупную роль при дворе кравчего Бориса Федоровича Годунова, благополучно сохранил за собою вотчины до 1589 г., когда отдал их вкладом «по всех своих родителях,... по Годуновых и по Сабуровых и по Вельяминовых» в Ипатьевский костромской монастырь; в «данной» его не был упомянут почему-то только последний владелец имения — Будаев.[2] В «истории» Будаево-вельяминовской вотчины очень любопытна еще одна деталь: дело в том, что в самый момент, можно сказать, учреждения опричнины, в 7073 (1564—1565) г. и незадолго до «поимания» в опричнину Костромы (1567 г.), бабка Будаева и мать Гр. И. Синцова-Вельяминова, Евдокия, дала эти же вотчины (кроме «жеребья» Федора и Ивана Васильевичей детей Болвановых-Вильяминовых) в тот же Ипатьевский монастырь «по духовной грамоте» и «по приказу» своего сына Григория Ивановича Синцова — следовательно, уже к тому времени умершего.[3] Из сопоставления этих документальных данных можно заключить, что у Ипатьевского монастыря были отобраны при начале опричных порядков на Костроме вотчины Гр. Ив. Синцова-Вельяминова, и Ив. Будаев выхлопотал их себе обратно уже из опричнины-двора, когда задумал возвра-

---

[1] Ист. Арх., стр. 297, № 81.

[2] «Данная» 1589 г. боярина Д. И. Годунова Ипатьевскому костромскому монастырю (Ист. Арх., стр. 303, Приложения, № III).

[3] «Данная» 1564—1565 г. Евдокии Ивановны Вельяминовой костромскому Ипатьевскому монастырю (Ист. Арх., стр. 301, № 1).

титься на родину. Такие случаи отписки в опричнину земель, переданных уже монастырям отдельными вотчинниками, можно наблюдать по нашим документам и еще в некоторых случаях: так, например, даже у столь близкого к Грозному монастыря, как московский Чудов, были отобраны вотчины Чешка Нечаева сына Житкова (в Костромском уезде) и Гаврилы Тарасовского (в Старицком уезде), давших свои земли «по своим душам в наследие вечных благ»; чудовский архимандрит Левкий, которого Курбский вспоминает с ненавистью как одного из ближайших приспешников царя,[1] получил возмещение за потерю из «порозжих» поместий в Московском уезде (кн. Ив. Лыкова-Оболенского, кн. Ив. Туренина-Оболенского и Алексея Михайловича Старого).[2] Повидимому, нечто подобное произошло и с вотчинами Г. И. Вельяминова-Синцова; Ив. В. Будаев, получив вотчины обратно из опричной отписки, не вернул вклада своей тетки Ипатьевскому монастырю, предпочтя превратить его в деньги путем продажи, и только богатый Годунов выполнил первоначальное желание Евд. И. Вельяминовой.

Из других вернувшихся вотчинников можно назвать и некоторых представителей фамилии Зубатых, именно, Алексея Степанова сына и его племянника Михаила Кудашева сына Зубатого-Федчищева с матерью Маврою. Кажется, первым вернулся Алексей Степанов, который уже в 1573—1574 г. поспешил обеспечить себе более или менее спокойное существование в старом гнезде тем же способом, как сделали это муромские вотчинники Хвостовы: он заложил вотчину Троице-Сергиеву монастырю, получив «сдачи» с монастыря 100 руб.

---

[1] Сочинения кн. Курбского, I, стр. 269—270.

[2] Ист. Арх., стр. 226, № 29; — А. М. Старого-Милюков служил сам в опричнине и наводил порядки после «государева» погрома 1570 г. в Велецком Новгороде; однако он был казнен Грозным (не ранее 1575 г. — см.: С. Б. Веселовский. Синодик): ср. также отписку в опричнину к селу Чаронде деревень Кириллова монастыря, «против» которых монастырь получил деревни села Ирдомы в том же Белозерском у. (Ист. Арх., стр. 186, № 5).

и обусловив себе полную хозяйственную самостоятельность: «А жити мне Олексею и доходом владети тою вотчиною до своего живота, а вон меня Олексея из тае вотчины не выслати, ни в доходца мои не вступати тое мое вотчины».[1] Однако Ал. Зубатый, повидимому, не владел никакими документами на вотчину и не учел других претендентов-вотчичей на нее — племянника Михаила с матерью. Поэтому в 7085 (1576—1577) г. последовал «отдел» той же вотчины обоим, дяде и племяннику, а затем была выдана общая «послушная» грамота.[2] Сейчас же племянник, — человек, знавший приказные порядки и писавший свои документы лично, — не обращаясь к профессионалам-подьячим, вместе со своею матерью сделал вклад «своего жеребья» в тот же Троицкий монастырь, также выговорив себе проживание в вотчине до смерти («до живота»).[3] Последовавшее вскоре, повидимому, примирение с дядею вызвало новую вкладную («данную»), на этот раз уже с оговоркою, что «дали есмя ту свою вотчину с дядею с Олексеем Степановым сыном Зубатого вместе».[4] Все же Михаил Кудашев счел необходимым в следующем году составить с дядею особое обязательство («память») о записи общей вотчины у будущих костромских писцов за Троицким монастырем и о совместном челобитье перед архимандритом «чтобы. . . . обеих по. . . живот ис тое вотчины вон не выслати и владети до. . . живота», и, наконец, о разделе-

---

[1] Ист. Арх., стр. 271, № 63. — Документ называет себя «данной».

[2] Ист. Арх., стр. 280, № 71. — Неизвестно, получил ли что-либо «против» своей вотчины Федчищевы-Зубатые, когда их вотчина была конфискована в 7075 г. в опричнину; надо полагать, судя по их документам, в которых об этом нет и намека, что им ничего не было дано.

[3] Ист. Арх., стр. 292, № 76.

[4] Ист. Арх., стр. 292, № 77. — Тогда же Михаил Зубатый, в предотвращение возможности в дальнейшем разных судебных волокит, сделал, вероятно, и приписку на «данной» дяди (там же, стр. 271, № 63), что и он, Михаил, дает вместе с дядей Алексеем эту свою вотчину в Троицкий монастырь, хотя в самой «данной» и есть специальная оговорка: «А до тое вотчины моя роду моему и племяннику Михаилу Кудашеву дела нет».

нии вотчины между собою «повытно». Так как получили Зубатые-Федчищевы не сполна столько, сколько потеряли от опричной конфискации в 1567 г., то пришлось сделать и оговорку: «а которая наша вотчина за осподарем, и бог нас помилует, осподарь пожалует, старую ли нам вотчину отдаст или в прииск, где против тое вотчины пожалует нас, и нам та вотчина делити пополам».[1] В ближайшее же время дядя и племянник сумели «приискать» недостающее «из порозжих земель» бывшей вотчины своего родственника Пятого Зубатого[2] и также разделили ее пополам, выхлопотав из Поместной избы от дьяка Игнатия Зубова указ костромским писцам 7085 г. об «отказе» им этого их «прииска».

Новая придача была очень незавидна — пустошь, что было село Шипово, «в нем церковь была Никола-чюдотворец, пусто без пенья», да две пустоши Иканово и Высокое (тоже, вероятно, бывшие деревни), всего пашни «середней» земли в поле 128 четвертей.

Так как по произведенному разделу всей вотчины этот «жеребий» достался Михаилу Кудашеву (дядя Алексей получил все ранее им освоенное — 2 сельца и 6 «живущих» деревень, 134 чети доброй земли в поле), то Михаил немедленно же и дал (вернее, продал за 150 рублей, взятых будто бы для уплаты долгов) свою часть Троицкому монастырю, уже не вводя в составленную «данную» никаких обязательств о пожизненном проживании в вотчине: он явно сдавал позиции и уступил место дяде.[3]

Во всех этих мелочных перепетиях «борьбы» между дядей и племянником, вернувшимся после «отставки» опричнины в родные костромские места, примечательно то, что основное ядро объекта их первоначальных споров, сельцо Заречье, деревни Бараново и Налескино, не являлись, в сущности, их

[1] Ист. Арх., стр. 294, № 79.

[2] Дети Пятого Зубатого были в числе послухов при совершении купчей М. Аргамаковой (Ист. Арх., стр. 206, № 15) среди других многочисленных представителей этой фамилии.

[3] Ист. Арх., стр. 295, № 80.

«старыми» вотчинами — оно когда-то принадлежало представителям другой ветви той же фамилии Зубатовых и было именно у них отобрано в опричнину в 1567 г.[1] Но эти истинные вотчичи уж не только получили возмещение, а и использовали его — отдали в Чудов монастырь. Вероятно, все это знал Алексей Зубатый, когда возвращался в Костромской уезд. Был, конечно, и расчет на другое обстоятельство, если бы вдруг появились настоящие вотчичи: на исчезновение необходимых актов в Поместной избе во время пожара 1571 г. и на невозможность ввиду этого доказывать свои права документально (все акты свои по земельным делам «земские» обязаны были записывать в «земских» вотчинных книгах, а опричники вели регистрацию их «в опришнине»).[2] Этим отсутствием приказных данных объясняется, почему и из Поместной избы легко выдали указ костромским писцам 1577 г. о признании вотчины «старинной» Федчищевых-Зубатовых и свободно отделили им часть бывшей вотчины и другого их родича — Пятого Зубатого: приходилось поневоле действовать, доверяя челобитчикам, так как «сыскати было нечем».[3]

---

[1] Ист. Арх., стр. 246, № 44 («данная» И. А. Царегородцева и Ивана Степановича Зубатого).

[2] Указания на записи актов в особые «земские» вотчинные книги см. Ист. Арх., стр. 250, № 46 («очищальная запись» 1570—1571 г. Исака Колтырина-Ракова) и № 47 («духовная» 1570—1571 г. Константина Грека). Запись «втчин» и «других земель» в «опришнине» была сосредоточена у опричного казначея (см. Ист. Арх., № 37, грамоту опричному казначею У. Л. Пивову о записи вотчин Кирилло-Белозерского монастыря: «И ты б те купли... и дворы, что им давали за вклад... велел записаты у нас в опришнине в книги...»; подробнее см. очерк: «К истории управления в опричнине».

[3] На утрату в пожар 1571 г. многих вотчинных документов см. указания в позднейшей челобитной ярославца Ив. Долгово-Сабурова, обвиненного вотчичем ярославского села Гавшинского кн. Ив. Солнцевым как раз в незаконном пользовании родовой вотчиной кн. Солнцевых: «...и как, государь, в Московской пожар в помесном приказе погорели книги и дачи в 79-м году, и оне, государь, потому бьют челом, што сыскати нечем» (Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине, стр. 57).

Не вполне ясно, почему Алексей и Михаил Зубатые-Федчищевы не взяли своей личной вотчины — возможно, что она была не изъята из опричной раздачи 1567 г., т. е. в ней продолжали еще сидеть новые владельцы, опричники-помещики, хотя вообще Костромской уезд и даже самый город Кострома были возвращены в 1570-х годах в «земское» (в 1576 г. в городе распоряжался «великий князь Симеон Бекбулатович всея Руси»).[1]

Значительно сложнее обстояло дело с возвращением в старые вотчины прежних владельцев в таком уезде, который был наполнен в доопричное время потомками местного удельного князя. В наших документах есть один акт, связанный как раз с именем одного из таких потомков князей ярославских — князем Иваном Фед. Жировым-Засекиным.[2]

Последний в 1578 г. проживал уже в своей старинной вотчине, но только в части ее: центр имения, село Прокшино, ему не было дано, и приказано Грозным «ведати к нашему селу к Давыдкову». Возвращено, следовательно, было не все, хотя никем и не было занято в поместной раздаче. Сам владелец еле уцелел и в оставшихся ему двух деревнях, так как до Москвы дошел слух, что он передал их «в приданые» за дочерьми Вас. Кафтыреву и кн. Гр. Борятинскому, чем нарушил указ 1562 г. о княжьих вотчинах. Лишь доказав,

---

[1] Ист. Арх., стр. 278, № 69 («купчая» по наказу Симеона на «немецкий двор»). — Грамоты от имени царя Симеона за время его пребывания «великим князем» представляют большую редкость: в исторической литературе их насчитывается изданными всего пять (Н. В. Лилеев. Симеон Бекбулатович хан касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь тверской, Тверь, 1891, стр. 25, 30; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 472). Эта «купчая» увеличивает, таким образом, их число еще одною; невольно встает вопрос: не имеем ли мы здесь дело с последующим изъятием подобных актов, когда Симеон был сведен Иваном IV с «великого князя»? — Упоминаемый в грамоте «немецкий двор» — очевидно, двор, куда были поселены сосланные Грозным из Ливонии (Г. Штаден, ук. соч., стр. 87).

[2] Ист. Арх., стр. 293, № 78.

что в «вотчино сам жив» Жировой остался на прежнем месте.[1]

Почти все рассмотренные нами документы, связанные с земельной мобилизацией, относятся к людям «из земского». Но один акт[2] заставляет предполагать, что он вышел из рук рядового деятеля опричнины. Именно, некий Андрей Радков продал в 7078 (1569—1570) г. московскому архангельскому протопопу Григорью Иванову «с братьею» вотчину своей жены Пелагеи, полученную ею взамен ее костромской родовой («приданой») вотчины. Но это новое земельное владение находилось в Боровском уезде, часть которого поступила в удел князя Владимира Андреевича еще в начале 1566 г., а в другой хозяйничало опричное правительство, и вотчинники оттуда выселялись. После смерти князя Владимира (январь 1569 г.) и его часть была, повидимому, включена в состав «государева удела». Уже эти обстоятельства заставляют предполагать, что получить в Боровском уезде «дачу», а тем более сохранить ее и ею свободно распоряжаться, мог скорее всего человек, сам ставший опричником. На подобное предположение наводит и то наименование опричнины, единственное пока известное в актовом материале, которое дано ей в «очищальной записи» Радкова: «...ту ее выть, вотчину в Костроме государь взял в свою царьскую светлость в опришнину». Титулование «государева удела» «царской светлостью» в напряженнейший момент опричнины, в разгар ее репрессивной деятельности, — очень характерно в устах человека, «своего» Грозному, «живущему близко» около него.[3]

---

[1] Остались за Толгским монастырем и данные ему в 1555—1556 г. отцом кн. Ивана Жирового другие две деревни.

[2] Ист. Арх., стр. 242, № 41.

[3] Это бытовое наименование опричнины, повидимому, существовало именно в эти года, но в официальных документах не употреблялось. Так, например, в «Новгородской летописи» по «архивному списку» (конец XVI — начало XVII в.), Новгородской второй после рассказа об опричном погроме Новгорода в 1570 г. и последовавшей в 1571 г., поимки в опричное ведение двух пятин (Обонежской и Бежецкой) и «Торговой» половины самого города занесено было следующее изве-

Таковы те общие, хотя часто и мелочные, наблюдения, которые можно сделать относительно мены земли в опричное время по сохранившимся актам, оставаясь в пределах только их изучения. Привлечение иного, частью уже известного, частью еще остающегося неизданным материала, особенно данных писцовых книг и тому подобных документов, конечно, должно расширить и углубить эти наблюдения и привести уже к определенным выводам и заключениям.

III

Среди использованных нами документов насчитывается довольно большое количество связанных с положением и отношением к опричнине духовных феодалов-монастырей. В специальном очерке, посвященном «государевым опричным богомольцам», уже было обрисовано, как один из таких монастырей, московский Симонов, переходил в ведение опричнины.[1] Поэтому, не повторяя сказанного, останавливаемся лишь на тех документах, в которых отражается отношение к опричнине других монастырей.

Большой интерес представляет жалованная тарханная грамота «Шаровкина монастыря, что в Перемышле в опришнине», выданная «в Москве в опришнине» 19 сентября 1566 г. за подписью дьяка Петра Григорьева, постоянно скрепляв-

стие, относящееся как раз к территории опричнины: «Да того же лета 1571-го месяца июня в 26, в петров пост на третей недели вторник, горело на Торговой стороне, в государевой светлости, в поле, на Бордове улици, а згорело дворов 20, иные разметали; того же дни на мосту на великом решотки замкнули, людей не пущали с Софийской стороны из земщины в торг, доколе у Софии поблаговестят, а дворов згорело двадцать» (Новгородские летописи, стр. 105). «Земщина», к которой принадлежал сам новгородец-летописец, переживший опричный «правеж», не удостоилась от него все же никакого столь специфического наименования, как опричнина.

[1] Ист. Арх., стр. 182, 185, 186—193, 202, 210—215, 232, 235, №№ 2, 3, 5, 6, 11, 19, 20, 34, 36.

шего подобные грамоты из опричнины.[1] Шаровкин монастырь не был очень крупным вотчинником, его земельные владения замыкались Перемышльским и соседними уездами. Монастырь, очевидно, сразу же учел все выгоды нахождения в опричнине и потому, когда производилось размежевание между земским Одоевым и опричным Белевым, он перевел свои одоевские деревни в Белевский опричный уезд: этим разрешались все хозяйственные осложнения, которые могли возникнуть, если бы часть монастырских крестьян оказалась в числе «иногородцев», подобно тому, как это случилось с крестьянами Симонова монастыря в его селах Костромского и Галицкого уездов. Сделавшись поэтому «опричными государевыми богомольцами» с самого, можно сказать, момента возникновения опричных порядков в Перемышле (т. е. с 1565 г.), шаровкинские старцы быстро ощутили преимущества этого положения: кругом пустели земли тех, кого из опричнины высылали, и монастырские власти могли уже в августе 1566 г. подобрать себе несколько деревень из поместий, еще в книгах 7072 (1563—1564) г. записанных владельческими. Наконец, самая выдача «тарханной» полной грамоты со всеми финансовыми и судными льготами являлась для монастыря немалым достижением.

К сожалению, мы не располагаем другими документами того же монастыря как-либо связанными с опричниной. Из частностей, которые можно наблюдать в тарханной грамоте, следует отметить, во-первых, указание на «суд» «боярина введеного в опришнине» — указание, известное и из других аналогичных грамот и лишний раз подтверждающее, что управление в «государевом» опричном «уделе» предполагалось вначале строить действительно по староудельному образцу; во-вторых, «данный пристав», которым жалуется монастырь, является лицом также прикосновенным к клиру — это «певчий дьяк» Яков Потапов, специально «кормившийся» «в неделях в опришнине» и отправлявший те же обязанности

---

[1] Ист. Арх., стр. 193, № 7.

по приставству также и в отношении Симоновской вотчины села Дикого, находившегося в опричном Вышгородском уезде;[1] в-третьих, грамота выдана из опричнины «на Москве», т. е., видимо, в опричном царском дворе. Наконец, среди принадлежащих монастырю деревень невольно возбуждает интерес название одной: «Долгуша Гриши Малютина». Если учесть, что ряд деревень этого монастыря носит прозвание, связанное с именем своего основателя или первоначального владельца (напр. село Сюлюменевское),[2] то чрезвычайно соблазнительно и это название связать с именем Григория Лукьяновича Малюты-Скуратова. При этом надо принять во внимание, что Перемышль, равно как и Одоев, и Белев, и Воротынск и другие «заоцкие города» были старыми «удельными» гнездами княжат Воротынских (владевших известное время и Перемышлем), собственно Перемышльских, Белевских, Одоевских и многих иных, менее значительных. Любопытно, что вторая фамилия Малюты — «Бельский» — опять-таки заставляет обращать взор к опричному Белеву: среди «тысячников» 1550 г. известен некий Скурат Григорьев сын Скуратов, из новгородских детей боярских; вполне допустимо, что новый слуга царя Ивана, также Скуратов Малюта, принял добавочное прозвание «Бельский» — «Белевский», чтобы отделить себя от своих однофамильцев новгородцев.[3]

Из грамот других монастырей следует отметить некоторые, относящиеся к опричнине (а затем к «дворовому» управлению) по Кирилло-Белозерскому монастырю. Этот крупнейший духовный феодал оставался все время в «земском» ведении, но его владения, раскинутые повсюду, входили и в такие уезды, где хозяйничали опричные власти, а потому кирилловские

[1] Ист. Арх., стр. 182, № 2 (грамота 18 февраля 1566 г.).

[2] Чтения, 1861, кн. I, стр. 15.

[3] Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга, стр. 32; — примечательно, что и другой крупный опричник, Вас. Гр. Грязной, был из «детишек боярских» соседнего «Алексинского уезда». Местом погребения рода Скуратовых-Бельских был Иосифо-Волоколамский монастырь, находившийся недалеко от Белева (Чтения, 1863, кн. IV, смесь, стр. 2).

ские старцы очень скоро принуждены были войти в непосредственное общение с опричниной. В конце 1565 г. у них к опричному селу Чаронде были отмежеваны несколько деревень, и монастырь бил челом о возмещении. Результатом челобитья были акты об отделе новых земель монастырю от Белозерского дворцового села Ирдомы и о неправеже с нового пожалования «мелкого дохода и посопного хлеба».[1] В 1567 г. монастырю, ведшему крупные торговые операции, пришлось вновь хлопотать — на этот раз о нарушении чарондским опричным таможником Аргуном Ивановым сыном Захарьиным привилегий монастыря в торговых делах. Давая грамоту «с прочетом» по этому поводу на имя Аргуна, опричные власти распространили ее действие и на «все городы нашие опричнины», запретив брать с «купленого товару» (на монастырский обиход) какие-либо таможенные пошлины.[2] От 1569 г. мы имеем очень редкую грамоту[3] — единственную, пока известную, — опричному казначею Угриму Львову Пивову о записи «в опричнине» в книги за Кирилловым монастырем новых монастырских приобретений в опричном Поморье. Казначею предписывалось велеть выдать и жалованную грамоту на новые кирилловские вотчины; грамота по приказу Угрима Пивова была дана из опричной Четверти дьяка Кургана Лапина.[4]

В 1577 г. Кириллов монастырь решил заново оформить все свои тарханные права, так как «городовые... приказщики и всякие... пошлинные люди на них и на их на монастырских крестьянех и на слугах» правили всякие подати и «посохи» нарушая прежние тарханные грамоты и требуя новых

---

[1] Ист. Арх., стр. 186, № 5, и стр. 199, № 9. — Точно также когда в опричнину были забраны Вологда и вологодские дворцовые села, откуда монастырю шла хлебная руга, то монастырским властям пришлось хлопотать о получении ружного хлеба из дворцовых сел Белозерского у. (там же, стр. 184, № 3).

[2] Ист. Арх., стр. 210, № 18.

[3] Ист. Арх., стр. 235, № 37.

[4] См. ниже, ч. III: «Документы», № 18.

«ежегод». Нажим и усиленный сбор всяких податей вполне понятен — это были самые напряженные моменты борьбы за Ливонию, и средства необходимы были как «государевой удельной» — «дворовой», так и общеземской казне. Но монастырь выставил не менее веский аргумент в качестве довода о необходимости выдать ему привилегии заново: «И от тово... их монастырская вотчина досталь пустеет». Угроза «пустоты» в то время, действительно, нависла над Московским государством, и монастырю были даны две обширные тарханные грамоты: первая от 9 марта 1577 г. во все «дворовые» города, за приписью «дворового» дьяка Андрея Шерефединова, а вторая — во все города «нашего государства», за приписью дьяка приказа Большого Прихода Степана Лихачева — два дня спустя, 11 марта 1577 г.[1] Этими двумя актами Кирилло-Белозерский монастырь утвердил за собою свои права феодала-«тарханщика» на все время существования «раздела» Московского государства на «дворовую» и «земскую» половины.

IV

Остается рассмотреть еще две группы документов, рисующих уже совершенно частные эпизоды эпохи опричнины, но достаточно красочных в бытовом отношении и являющихся дополнительной иллюстрацией к некоторым возможным теоретическим построениям.

Из документов первой группы один, датированный 13 февраля 1571 г. и называющий себя «купчей», переносит читателя на тот «суд бояр» в опричнине, о котором имеются упоминания и в других актах.[2]

Суд производился в самом начале февраля комиссией опричных бояр под председательством кн. Михаила Темгрюковича Черкасского; истцом выступал старый митрополичий

---

[1] Ист. Арх., стр. 280—289, №№ 72 и 73.

[2] Ист. Арх., стр. 256, № 51, и стр. 210, № 19.

дьяк Никита Авксентьев сын Парфеньев,[1] а ответчиком — один из виднейших опричников, кн. Василий Иванович Темкин-Ростовский. Разбиралось два дела: об уголовном преступлении, убийстве Темкиным сына Парфеньева («о сына своего убитой голове»),[2] и о взыскании Парфеньеву с князя долга в 600 руб. Первое дело окончилось присуждением Темкина к трехсотрублевому штрафу, замененному конфискацией княжеской вотчины; второе тоже было проиграно князем, он был присужден к уплате 600 руб. В уплату он предложил и свою вотчину, в Переяславском уезде, сельцо Храбтово с 21 деревней, недавно полученную им, в свою очередь, «за бесчестье» (вместо 600 руб. штрафа) от печатника Ив. Мих. Висковатова. По первому делу Парфеньев получил «купчую», о втором мы узнаем из «послушной», которая была выдана ему 4 февраля 1571 г.[3]

Часть той же вотчины «за свой иск» в 150 руб. получил с кн. Темкина некий В. И. Волков, который продал ее вскоре Троицкому монастырю за 200 руб.[4]

«Купчая» от 13 февраля подписана дьяком Василием Яковлевичем Щелкаловым, видимо, присутствовавшим и на самом судебном заседании в качестве думного дьяка. Но этот же дьяк через месяц, 15 марта 1571 г., получил жалованную вотчинную грамоту, в которой рассказывается история приобретения им вотчины: он искал своего «бесчестия» все на том же Висковатом, и ему было присуждено 200 руб., вместо

---

[1] В качестве дьяка московских митрополитов Парфеньев известен еще в 1559—1563 гг. (С. А. Шумаков. Обзор, вып. 4, стр. 252—254).

[2] Термин «убитая голова», впрочем, может покрывать (по старинной фразеологии) только и попытку к убийству, причинение тяжелых увечий.

[3] Ист. Арх., стр. 254, № 50. — Никита Авксентьев в том же году вотчину дал вкладом в Троицкий монастырь, указав в «данной»: «А и купчюю есми грамоту на ту вотчину дал... которую купчюю со государева ведома кн. Михайло Темрюкович с товарищи дал за 600 рублев за дьячьею приписью государева дьяка Василья Щелкалова» Ист. Арх., стр. 258, № 53; — «сдачи» от монастыря Никита Парфеньев получил 200 руб.

[4] Ист. Арх., стр. 259, № 54.

которых Висковатый отдал Щелкалову свою вотчину. Однако лучшая часть ее («три жеребья»), с «боярскими» двором и садами, отошла к кн. В. И. Темкину в уплату «его бесчестья» (это та часть, которую Темкин уступил Никите Авксентьеву).[1]

Одновременно с разбором дела между кн. Темкиным и Никитой Авксентьевым в «земщине» шло также заседание «суда бояр», во главе с боярином Василием Петровичем Яковля, посвященное разбору дела подьячего Улана Айгустова, обвинявшегося в том, что он «доводил» на дьяка Василия Щелкалова «многие лихие дела». Подвергнутый пытке по приказанию Грозного, Айгустов признался, «что он составливал на Василья многие дела по науку князя Михайла Черкасского». С Улана было присуждено Щелкалову «и в жены ево бесчестья 600 руб.», а в уплату также пошла вотчина и выдана подписанная 12 февраля 1571 г. дьяком Дружиною Володимеровым «купчая».[2]

Все эти дела безусловно должны быть как-то связаны между собою, особенно если вспомнить некоторые обстоятельства, им предшествовавшие и вскоре последовавшие. Именно, Василий Щелкалов был тем лицом, которое выступило незадолго перед тем в качестве представителя обвинения в Новгородском «изменном деле» 1570 г.: он вычитывал на месте казни всем осужденным их вины, а в отношении Ив. В. Висковатого, вотчины которого он уже получил и поместья вскоре добился, принял и прямое участие в казни — бил его три раза плетью по голове, приговаривая при этом пункты обвинения; князь же В. И. Темкин-Ростовский сыграл и активную

---

[1] АИ, I, № 180—I. — Интересно, что 6 апреля 1571 г. тот же Вас. Щелкалов получил «послушную» и поместье казненного Висковатого (там же, № 180—II).

[2] АЭ, I, № 280 (РИБ, XXXII, № 246). — Следует отметить, что в 1560-х годах Я. Щелкалов был дьяком Разбойной избы вместе с Мясоедом-Вислым, а в 1573 г. в той же избе начальствовал дьяк Дружина Володимиров (Ист. Арх., стр. 267—270, № 60 и 61).

роль палача наряду с Малютой Скуратовым и другими опричниками — собственноручно рубил головы.[1]

С другой стороны, в ближайшие же месяцы и годы были казнены и многие из лиц, упомянутых в документах: кн. М. Т. Черкасский, кн. Вас. Ив. Темкин, Вас. П. Яковля, дьяк Дружина Володимиров. Уцелели лишь некоторые дьяки: Василий Щелкалов сделал блестящую карьеру, Никита Авксентьев вышел из дьячества у митрополита и занялся приказной службой по родному Переяславлю; даже «пытанный» Улан Айгустов был произведен в дьяки, перешел на службу в «дворовое» управление и заседал там в качестве второго дьяка одной из четвертей.

Из сказанного можно, думается, вывести заключение, что все документы, упомянутые выше, отражают собою какой-то общий клубок интриг, а нити его невольно тянутся все к тому же «изменному делу» 1570 г. Дело кн. В. И. Темкина, по которому была выдана публикуемая «купчая», едва ли также не является одним из последних отзвуков этого большого политического процесса.

Вторая группа документов[2] вводит в провинциальный дворянский мир, в усадьбу крупного боярина феодала XVI в. В Коломенском уезде в Большом Микулине стане, была расположена большая и, видимо, довольно благоустроенная вотчина боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, известного шурина по первой жене Ивана IV. В центре вотчины, селе Степанове, находилась (по описанию 1577—1578 г.) каменная церковь с двумя приделами, «а середи села 2 пруда с рыбою, а на пруде же мелница немецкая»; кругом села по речке Песоченке раскинулись «отхожие» луга, рощи и деревни;

---

[1] Новое известие... стр. 48.

[2] Ист. Арх., стр. 267—270, №№ 60 и 61. — Акт № 60 в отрывках напечатан у Карамзина, т. IX, прим. 819; оба акта напечатаны в не вышедшем в свет и представляющем большую библиографическую редкость сборнике документов кн. М. А. Оболенского (ч. I, вып. 1, №№ XXVII и XXVIII): так же Акты, относ. до Юрид. быта (ч. II, СПб., 1864, № 230, II—III).

всего в вотчине числилось «в живущем» 2 села, 4 деревни и 2 пустоши, пашни паханой середней земли 335 четей, перелогу 565 четей, перелогу «кустарем поросло» 189 четей, всего 1089 четей (в поле), сена 935 копен, лесу-«рощи» 53 десятины, да непашенного леса-«кустаря» 20$^1/_2$ десятин.[1] Имением управлял «человек» Н. Р. Захарьина — Никифор Собычаков, надо думать — холоп из «детишек боярских», так как с ним вместе проживали не только мать, брат с семьей и свояченица, но брат владел также и собственными «людьми» — 14 душами «мужиков и женок и девок». Семья жила зажиточно и имела лошадей, запас платья, «кузни» (золотые и серебряные вещи) и «низанья» (драгоценные ожерелья, жемчуга). В осеннюю ночь, с 7 на 8 ноября 1572 г., все Собычаковы оказались «убитыми до смерти» вместе со своими людьми, а имущество, на очень приличную сумму 650 руб. с полтиною, — похищенным (угнаны были и лошади). Совершить преступление, конечно, могла только организованная шайка — «многие люди», по выражению документов. Местные расследования дали, очевидно, лишь подозрение, как на вожака нападавшей шайки, на коломенского же сына боярского Романа Богданова сына Волжина, которого в конце мая 1573 г. и было приказано специально посланному из Разбойной избы сыну боярскому А. М. Колупаеву арестовать, а «двор его и животы, статки переписав, запечатати и приказать беречи тутошним людям до государеву указу». Затем Колупаев должен был произвести повальный обыск на большом протяжении вокруг вотчины о «товарищах» Волжина и всех оговоренных, под хорошей охраной и в оковах, доставить в Москву со всеми материалами следствия.

Относительно главного лица всего происшествия, Романа Волжина, можно дать кое-какие справки. Он был сыном помещика (того же Большого Микулина стана) Богдана Остафьева сына Волжина. Имущественное положение послед-

[1] ПКМГ, вып. 1, I, стр. 378—379. — Хотя описание сделано 3—4 года спустя после описанного в наших документах события, хозяйственная характеристика вотчины едва ли резко изменилась за это время.

него было очень убого. Когда по даче 7086 г. поместье его было уже за другим лицом, писцовые книги этого года отмечали: «...в поместье было за Богданом Остафьевым сыном Волжина — сельцо Воловичи на речке на Шелоковке, пусто, а в нем пашни и перелогу середние земли 103 чети, да перелогу ж кустарем поросло 25 чети в поле»; сена на отхожем лугу и по оврагу ж 35 копен.[1] Вот и все. Впрочем, в волости Раменской ему принадлежали 3 пустоши, что были деревни, с пашенной и переложной «худою» землею в 15 четей, перелогом, поросшим лесом, 34 четями, 50 копнами сена, 3 десятинами леса пашенного и 6 непашенного. В 1577 г. эту часть поместья никто не взял, и она лежала «порозжей».[2]

Сам Богдан не значится в числе помещиков, хотя числился «коломнитяном». Конечно, с пустого отцовского поместья нести государеву службу он не мог.

Характерно, что, видимо, первый «обыск» Колупаева не дал никаких результатов, и он, вернувшись в Москву, 12 июня направился с новою памятью производить розыски уже в самом городе Коломне, на посаде. Очевидно, «многие лихие люди» явились откуда-то со стороны.

Весь этот эпизод едва ли простой разбой. Повидимому, здесь мы имеем одну из картин той борьбы, которая кипела в недрах Московского государства и которую так красочно изобразил в своих записках Штаден. Недаром и местное население не указало никого из сообщников Волжина: очевидно, это был один из отрядов «государевых людей», которых затрагивать было более чем опасно; ограничились лишь указанием на предводителя (может быть, впрочем, простого «наводчика»), бедняка-дворянина, поступившего в «опричнину» или приставшего к бродячему отряду опричников, подобно отряду Штадена, и вместе с ними поживившемуся

---

[1] ПКМГ, I, Отд. I, стр. 353.

[2] Там же, стр. 522. — За их родственником И. Г. Волжиным значилось в 1577 г. «отца его поместье — 4 пустоши, что были деревни, пашни-перелогу худой земли 42 чети с осминой, лесом поросло 72 чети, сена 120 копен, напашенного леса 13 десятин (там же, стр. 590).

за счет погрома хозяйства виднейшего «земского» боярина. Во всяком случае, этот эпизод очень характерен для эпохи, богатой примерами борьбы рыцарей-голышей с могущественными феодальными сеньорами при поддержке или молчаливом укрывательстве городского и крестьянского населения.

---

5. Уточнение дат перехода в опричнину некоторых земель

Предлагаемые заметки касаются истории состава опричной территории, главным образом, датировки времени «поимания» Грозным в опричнину той или иной местности. Л. М. Сухотин, основываясь на новых актах, касающихся земельных пожалований при «царе» Владиславе, сделал исправление в датировке перехода в опричнину города Ярославля, отнеся этот переход на промежуток с 7073 по 7077 год, т. е. 1565—1568—1569 гг.[1] К своему выводу Сухотин пришел путем тщательных разысканий и остроумных догадок и все же дал, в конечном итоге, разницу в 3—4 года. Актовый материал, между тем, дает возможность сделать это несколько точнее. Уже С. В. Рождественский и С. Ф. Платонов сделали свои наблюдения над актами князей Засекиных, потомков местной ярославской княжой династии;[2] они обратили внимание на указание источников, что у кн. Данила Ивановича Засекина вотчины были отписаны на государя «с городом с Ярославлем вместе» и

---

[1] Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине; стр. 63. К данным Л. М. Сухотина можно прибавить еще одно документальное свидетельство, именно: 2 июля 1569 г. старец Симонова монастыря Арсений, в миру Андрей Житов, с детьми дал в свой монастырь свою подмосковную вотчину в Шахове стану, которую получил «против... старецкие и ярославские вотчины». Таким образом, до июля 1569 г. некоторые вотчинники Ярославского у. не только лишились своих старинных владений, но уже успели получить взамен последних новые (Ист. Арх., стр 237, № 38).

[2] С. В. Рождественский. Служилое землевладение, стр. 169—170; С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 134—155.

что «против» них он получил земли (в 1576 г.) во Владимирском уезде. Другие Засекины стали землевладельцами Коломенского и Рязанского уездов.[1] Потери князьями родовых вотчин связаны с переходом Ярославля в опричнину, но потери эти не явились новостью в истории их землевладения. Князья ярославского дома задолго до учреждения опричнины (1565 г.) отдавали свои вотчины на помин души в монастыри, а с 1562 г. подверглись и действию указа о княжих вотчинах. Владения князей Засекиных также до 1565 г. перешли уже отчасти в руки правительства. Так, 9 октября 1563 г. от царя была послана грамота старостам и целовальникам, «которым приказано на меня царя и великого князя ведати в Ярославском уезде княж Даниловская Засекина вотчина, Сандыревского села деревни», с приказанием «отказать» Спасскому Ярославскому монастырю по духовной князя Данила пять деревень по р. Роге (Петрушин починок, Копосовскую, Зубарево, Хреновскую и Муравьево).[2] Это были вотчины кн. Данила Федоровича Засекина. В 1563—1564 г. на те же деревни монастырские власти получили по царскому указу и данную грамоту от душеприказчиков кн. Засекина.[3] В истории этого пожалования ясно видно применение указа о вотчинах 1562 г., но монастырь считал, что вотчину ему «дал» сам кн. Данила и что он владеет по княжеской «данной», а не по указу царя душеприказчикам Засекина, и московский подьячий при секвестре княжеских вотчин в Ярославле своим поведением принудили монастырь подать жалобу на нарушение его прав.[4] Это-то именно столкновение монастыря с правительственным агентом и дает возможность довольно точно приурочить время «поимания» вотчин ярославских князей в опричнину. В конце 1565 г.

---

[1] АЭ, I, № 290; ПКМГ, I, стр. 546; С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 169—170.

[2] И. А. Вахромеев, Исторические акты, I, № XXXIII.

[3] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 170.

[4] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XXXVII.

архимандрит Спасского монастыря Кирилл с братьею бил челом государю, заявив, что подьячий Максим Трифонов пять деревень по р. Роге «отписал назад ко княж Даниловской вотчине к селу Сандыреву, как отписывал вотчины Ярославских князей» и приказал заведывать ими крестьянину Левке Ананьину. Монастырь сослался при этом, как на документ, дающий право владения, на данную грамоту кн. Д. Ф. Засекина. 1 ноября 1566 г. Левке Ананьину был послан из Москвы указ «отказать» старцам деревни обратно «по данной их грамоте»; «а в отписных книгах, — прибавляли из Москвы, — подьячаго Максима Трифонова лета 7073 году деревня Зубарево, деревня Хреновская, деревня Копосовская, деревня Петрушинская написаны за Спасским же монастырем».[1] Здесь прежде всего останавливает внимание указание на «отписные» книги 7073 г. княжеских вотчин. Тот же подьячий Максим Трифонов и в том же году составил подобные книги и для вотчин князей Стародубских:[2] отписка, как видно, была произведена не у одних только ярославских княжат.

В каком же смысле нужно понимать термин «отписывать»? Очевидно в том, как поняли его власти Спасского монастыря и как употреблен он в грамоте Левке Ананьину, т. е. в смысле перехода вотчины от старого владельца к новому. Видимо, в данном случае подьячий, посланный со специальной задачей переписать и записать за государем ярославские княжие вотчины, встал втупик, как рассматривать монастырские деревни: засекинская исконная, родовая вотчина, с. Сандырево,[3] уже перешла к царю в силу закона 1562 г. о выморочных княжеских землях, но владение частью приписанных к селу деревень монастырем нарушало, видимо, в глазах Трифонова и только что приведенный закон и его

[1] И. А. Вахромеев. Исторические акты, № XXXVII.

[2] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 175.

[3] Среди кн. Засекиных был кн. Дмитрий Владимирович Сандырь, давший, по всей видимости, и прозвание селу, — см.: А. В. Экземплярский, ук. соч., II, стр. 100.

собственные специальные задачи по «отписи» засекинских всех вотчин. Монастырь не мог предъявить на деревни царской жалованной вотчинной грамоты, рассматривая их как данные самим кн. Данилом; подьячий побоялся окончательно счесть монастырь владеющим незаконно, записал деревни в книги за монастырем, но de facto отобрал их и поручил ведать особому лицу, предоставив старцам хлопотать и жаловаться, а центральной власти распутывать дело.

Эти подробности в истории землевладения монастыря дают возможность заключить, что в 7073 г. в Ярославском уезде княжие вотчины отбирались на государя, для чего составлялись особые книги. Примечательно, что когда с книгами М. Трифонова справлялись при пожаловании землями служилых людей в 1610—1611 гг., они явно служили приказным дьякам только для выяснения, какие княжие вотчины были взяты Грозным в опричнину; на них же ссылались только потерпевшие от опричнины ярославские князья (Солнцев-Засекин).[1] Таким образом, ко времени составления книг М. Трифонова в 7073 г., т. е., до 1 сентября 1565 г. и следует относить переход (по крайней мере части) вотчин ярославских князей в опричнину.[2] Но мы знаем уже, что ярославские вотчинники потеряли свои земли «с городом вместе», следовательно, к тому же 1565 г. можно приурочить «поимание» царем и вообще г. Ярославля. С последней датой вполне согласуются как данные Л. М. Сухотина, так и известие, что уже в 1569 г. некоторые из ярославских землевладельцев не только получили возмещение за потерянные старинные вотчины, но и могли свои новые владения отдавать на помин души по монастырям.[3]

---

[1] Л. М. Сухотин. Земельные пожалования, стр. 1—5.

[2] Я говорю «части», так как в знаменитой духовной Грозного говорится о вотчинах, которые он «не имал» и у ярославских князей (ДАИ, I, № 222). Духовная сама ждет еще специального исследования как чрезвычайно сбивчивый и путанный памятник.

[3] «Земский» указ о княжих вотчинах по-моему вполне правильно истолкован. См.: Л. М. Сухотин, ук. соч., стр. 63.

Соседняя с Ярославлем Кострома попала в опричнину несколько позднее и задолго до смерти Грозного, до окончательной ликвидации его «особного двора», опять перешла в земщину. Сведений о служилых людях, которым были даны новые вотчины «против» их старых костромских, можно найти несколько: так, третий жеребий дер. Занкина, Московского стана Коломенского уезда, был отдан Елене Бестужевой, ее детям Грише, Кудашу и Нефедку Басенковым и Барыку Князеву «против Костромские их вотчины в вотчину ж»;[1] в 7075 г. Сем. Як. Головин продал Ив. Вас. Шереметеву-Меньшому вотчину своего дяди Третьяка Васильевича и двоюродных братьев Василия, Поярка и Григория Федоровича Головиных 8 деревень в Васильцове стане Московского уезда, данных им вместо их костромской вотчины, с. Банева с деревнями.[2] В том же 7075 г. у братьев Зубатых была взята вотчина на государя вместе с городом Костромою; значит именно тогда последняя стала опричною.[3] К сожалению, мы не знаем точно месяца, когда совершилась экспроприация земли у Зубатых, и, основываясь на глухом указании документа, должны считать Кострому опричною с 1 сентября 1566 г. Другие документы той же фамилии Зубатых разъясняют дело. До нас дошли два крепостных акта: купчая и очищательная записи дочери Степана-Третьяка Конст. Зубатого, Марьи (жены Мих. Тим. Аргамакова) на проданные ею боярину Ив. Вас. Шереметеву-Большому подмосковные деревни в Торокманове стану, пожалованные ей «против» ея старинной вотчины, «что у меня взял государь приданую мою отчинку на Костроме в опричнину, в Елецком стану селцо Волосково з деревнями».[4]

Сделка эта заключена была в начале 1567 г.: 12 марта Ив. Вас. Большой Шереметев записал уже свои новые владения в вотчинных книгах Поместной избы.[5] Аргамакова

---

[1] Ист. Арх., стр. 205, № 14.

[2] А. Барсуков, I, прилож. к стр. 300.

[3] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 269, 135—136.

[4] Ист. Арх., стр. 206, №№ 15 и 16.

[5] РИБ, II, № 37.

продала свои владения сейчас же, как получила их: всего лишь 9 марта была послана относительно нее послушная грамота крестьянам подмосковных деревень, а 12 марта, как указали мы только что, они окончательно уже были закреплены за Шереметевым.[1] Таким образом, до 9 марта 1567 г. вотчинники уже были выведены из Костромского уезда. С другой стороны, еще 14 февраля 1567 г. Кострома, повидимому, находилась в земщине; этого числа была послана в Соль Галицкую грамота по жалобе Симоновского монастыря на неправильное взимание с крестьян монастырских сел Дятлова и Демьянова явчей пошлины; монастырь заявлял, что оба эти села были ранее в Костромском уезде, а в момент челобитья уже «приписаны» в государеву опричнину к Галицкому уезду; старцы просили поэтому с их крестьян брать таможенные пошлины, как с галичан, а не как с иногородцев. Челобитье монастыря было предписано удовлетворить в случае, если «будет те их монастырские два села Дятлово да Демьяново ныне в нашей опричнине, в Галицком уезде, а не в земском».[2] Очевидно, нахождение сел в Костромском уезде для власти еще значило подведомственность их земской части управления. На этот-то промежуток — 14 февраля—19 марта 1567 г. — следует относить взятие Костромы в опричнину.

Заслуживают, думается, внимания и некоторые обстоятельства при возмещении бывших костромских вотчинников новыми землями взамен потерянных при введении опричнины на Костроме. Как кажется, новые вотчины получили они путем обычного прииска. На это указывают слова послушной грамоты крестьянам Аргамаковой: «И вы б. . . вдовы Марьи Аргамаковы слушали. . . до тех мест, покаместа Марьину Аргамаковы старую ее Костромскую вотчину и нынешнюю Московскую и Коломенского уезда вотчину опишут и изме-

---

[1] Ист. Арх., стр. 205, № 14.

[2] Ист. Арх., стр. 202, № 11 (подлинник в Грамотах Коллегии экономии, Галицкого у., № 3365/35); Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии, стр. 103, прим.

ряют писцы наши или болшие мерщики и учинят за нее в той ее вотчине против ее Костромские старые вотчины пашни, и сена, и лесу, и всяких угодей по нашему наказу». Упоминание о больших писцах и мерщиках мы еще встретим далее при анализе подобных же грамот относительно вновь жалуемых земель вотчинникам Боровского и Московского уездов, но в данном случае интересно обещание власти измерить и старую и новую вотчины. Едва ли была бы в том необходимость, если бы новые вотчины были отведены Аргамаковой самим правительством, а не подысканы ею лично.[1] Кроме того, за последнее говорит и факт быстрого возмещения данных вотчинников за их костромские потери, и разряд земель, из которых они получили новые владения — пустые поместные земли. Коломенскую вотчину Аргамаковой — два жеребья деревни Занкина, составляло бывшее поместье Петра Шестакова, вероятно подписавшего в качестве послуха ее купчую (Петра Шестакова сына Романова, по рукоприкладству же просто Петра Шестакова).[2] Если это так, то очень характерно появление в Коломенском уезде костромитян-вотчинников (Аргамаковой и Бестужевых) на бывшем поместье одного из членов их дворянского общества.

Уже через несколько лет в Кострому стали возвращаться вотчинники на свои старые места: в 7085 (1576—1577) г. вернулись братья Зубатые, 24 мая 1575 г. в с. Фатьяново на р. Письме с деревнями (Шабельского стана, Костромского уезда) была послана крестьянам грамота с извещением, что эта вотчина, отобранная у Сахара Писемского и отданная в поместье И. Салманову, вновь возвращена Сах. Писемскому. Грамота была подписана еще опричным дьяком Андреем Ше-

---

[1] Не явилось ли результатом подобного приписка стремление правительства, чтобы суздальские вотчинники Краснослеповы при получении, по переходе Суздаля в опричнину, новых вотчин в Муромском у. — получили именно столько, скольким владели в Суздале? (В. О. Ключевский. Боярская Дума, стр. 107; ср.: С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 551.

[2] Ист. Арх., стр. 205, №№ 14 и 15.

рефетдиновым.[1] Случаи эти, думается, надо связывать с обратным переходом в земщину и самого Костромского уезда.

Действительно, от 7 июля 1576 г. до нас дошел документ, показывающий, что в это время в Костроме распоряжалось земское, а не опричное правительство; это — купчая «государева посланника» Вас. Никиф. Кочюрова, который «по государеву и великого князя Семиона Бекбулатовича всея Русии наказу за приписью дьяка Кирея Горина» продал «на Костроме на посаде немецкой двор Ивановской Агафонова Климу Левотьеву сыну Юрюпину со всеми хоромы и с огородом, со всем по старине, чем владел Иван Огафонов».[2] Тот же земский дьяк Кирей Горин подписал в 1577 г. и тарханную грамоту Никольскому монастырю в Костромском пригороде Лухе.[3] Очевидно, что с 1575—1576 г. как Кострома, так и ее уезд вернулись «в земское». Вотчинники, лишившиеся своих владений «вместе с городом», одновременно с обратным переходом города получали вновь свои старые земли.

Некоторые исправления в датировке перехода в опричнину можно сделать и относительно других местностей Московского государства. Так, Пошехонье, ставшее опричным, по мнению С. Ф. Платонова, лишь в 70-х годах (в указе 1577 г. оно названо в числе «дворовых городов»),[4] кажется, было взято на государя в действительности несколько ранее, именно, в 1565—1571—1572 гг.: от 7080 (1571—1572) г. дошли до нас два варианта купчей Воронцовых (Евфросиньи с детьми Василием, Федором и Иваном Федоровичами) на проданные ими Троице-Сергиеву монастырю деревни Горки, Окулово и другие, которые «государь пожаловал дал в нашие вотчины место села Никольског[о] до села Краснаг[о] пошехонские».[1]

---

[1] А. Маркевич. О местничестве, ч. I, стр. 448. (Ссылка, на документы Моск. архива Мин. юст., Московского стола, общ. № 17, частн. 3

[2] Ист. Арх., стр. 278, № 69.

[3] «Описание Николаевского Луховского костромской епархии третьеклассного мужского монастыря», М., 1836, стр. 47—48.

[4] С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 134.

Интересно, что деревни Горки и Окулово, данные Воронцовым взамен их отписанной в опричнину пошехонской вотчины, находились в Дмитровском уезде, тоже «дворцовом»; по указу 1577 г. Дмитровым до смерти своей (1569 г.) владел кн. Владимир Андреевич; очевидно, только после его казни могли быть раздаваемы земли в его уделе. Другой пример возмещения в Дмитрове служилого человека, потерявшего свои вотчины от опричнины, — Ив. Юр. Грязной. В 1571 г. он дал своей жене Марье «да по Исаке» на помин их душ свою дмитровскую вотчину на р. Сестре с. Якисино с деревнями, прибавив в данной: «а мне Ивану та вотчина дана против моей старой вотчины, что в Ерославце в Малом» (взят в опричнину в 1565 г.[2]). Из Воронцовых Иван Федорович был одним из видных опричников: в 1570 г. он значился в числе думных дворян «из опришнины» и был казнен вместе с Аф. Ив. Вяземским и другими в 1571 г.[3] Курбский обвиняет его в убийстве собственного отца боярина Федора Семеновича.[4] Его брат Василий погиб в 1578 г. в битве под Кесью. В разрядах он также упоминается иногда среди лиц, принадлежность которых к опричнине несомненна.[5] Но относительно третьего Воронцова нет, кажется, указаний на причастность его к опричнине. Ив. Юрьев Грязной, хотя и одного роду с знаменитым Вас. Гр. Грязным, любимцем Грозного, также не был служилым человеком в «особном дворе». Едва ли поэтому можно считать получение ими земель в Дмитровском уезде как «испомещение» опричников. Я не говорю о том,

---

[1] Грамоты Коллегии экономии Дмитровского у., №№ 3837/153 и 3841/154; С. А. Шумаков. Обзор, вып. 3, стр. 47.

[2] Ист. Арх., стр. 253, № 49. Подлинник в Грамотах Коллегии экономии Дмитровского у., 3835/15; С. А. Шумаков, ук. соч., II, стр. 5.

[3] Сб. РИО, 71, стр. 666; С. М. Соловьев. История России..., II, стр. 175—176.

[4] РИБ, XXXI, стр. 304.

[5] Ср., напр., разряд 7076 г., где Вас. Ф. Воронцов записан «в других головах» вместе с Игн. Блудовым, Конст. Поливановым и кн. Осипом Щербатым. — РИС, V, 1842, М., стр. 90—91; «Синбирский сборник», стр. 67.

что Воронцовы, например, получили гораздо менее, чем потеряли (им даны деревни вместо двух сел). Если бы это было возмещение опричника, то ему наверное дали бы гораздо больше из огромного запаса лишенных владельцев вотчин. Факт владения вотчинами «против» старых, взятых на государя, для Дмитровского уезда нужно рассматривать так же, как и другие подобные случаи, т. е. совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело просто с указанием на возмещение за отобранные вотчины служилых людей независимо от того были ли они на службе по «дворовому» или по «земскому». Из сказанного ясно, что Дмитровский уезд в 1571—1572 г. еще был в земщине. Опричным он стал в промежуток с 1571—1572 г. до 1576 г.,[1] а не вслед за смертью кн. Владимира Андреевича, как предполагал С. Ф. Платонов.[2]

Зато на 60-е годы следует отнести переход Переяславля Залесского. Упомянутый уже Ив. Юр. Грязной завещал в 7088 г. своему сыну Василию бежецкую вотчину в Городецком стане село Кузьмодемьянское с деревнями, прибавив в духовной: «а пожаловал меня государь тою вотчиною против моей Переславские вотчины села Шубина».[3] По Кирилло-Белозерской тарханной грамоте 1577 г. Переяславль значится «дворовым», следовательно, благодаря поступлению города во «двор» и потерял свою старую вотчину Грязной. Но селом Кузьмодемьянским он уже владел в 1574 г.; 2 февраля этого года кн. Даниил Андреевич Друцкой и дьяк Кирей Федорович Горин дали ему льготы на пять лет, так как его бежецкая вотчина запустела «от поветрея и от хлебного недорода». По затребованной писцами выписи из Большого Прихода в бежецкой платежнице 7081 (1572—1573) г. Кузьмодемьянское значится уже вотчиною Грозного. То же самое было и

[1] 1 марта 1576 г. в Дмитров уже посылались грамоты «государя князя Ивана Васильевича Московского». — Акты Юшкова, № 204. — Упоминаемый здесь Гр. М. Елчанинов был сам старинным землевладельцем Дмитровского у.

[2] С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 134.

[3] Н. П Лихачев, Сборник Актов, вып. 1, СПб., 1895, XVII, стр. 58.

в выписи с писцовых книг Матвея Могутова 7082 г.[1] Таким образом в 1571 г., когда составлялась платежница на 1572 г., Грязной, повидимому, уже получил новые земли взамен взятых в опричнину переяславских сел. В опричнину Переяславль взят был в 1565—1571 гг.[2] Если же вспомнить, что возмещение потерпевших землевладельцев новыми вотчинами шло туго [тот же Ив. Юр. Грязной дожидался, как мы видели, получки за свои малоярославецкие вотчины не менее четырех лет, а Григорий Васильчиков, правда не вотчинник, еще в 7085 (1576—1577) г. не получил ничего «против» переяславского и вяземского поместий],[3] то этот срок, думается, следовало бы сократить, отодвинув время «поимания» царем Переяславля к самому началу действия опричнины вскоре после 1565 г.[4]

Старица, где Грозный прожил много времени, была наряду с Александровской слободою одним из центров опричнины. Но когда она туда поступила, известий не имеется. Косвенные указания можно найти в следующих документах. 2 июля 1569 г. старец Арсений (в миру Андрей Петрович Житов) со своими детьми Захарьем и Максимом («прозвище з Богданом») дал в Симонов монастырь дер. Беляеву на р. Желетовке в Шахове стану Московского уезда (с припущенными к ней в пашню 6 другими деревнями), «что нас государь православный царь князь великий пожаловал теми деревнями против наше Старецкие и Ярославские вотчины». На это свое «данье» Житовы вложили в монастырь и «крепости старинные и новую государеву жаловалную ввозную грамоту».[5] Другие Житовы: Татьяна Ивановна, жена Никиты

[1] М. А. Дьяконов, Акты, II, № 21.

[2] Так же и кн. Д. И. Засекин в 1573—1574 г. мог уже дать Троицкому монастырю земли во Владимирском у., полученные им против переялавской вотчины, с. Козлова с деревнями (С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 169). Если Засекин так долго не получал за потерю в Ярославле, то едва ли быстро получил он и за Переяславские вотчины.

[3] Л. М. Сухотин. Земельные пожалования, стр. 30—31.

[4] Вязьма взята в опричнину в 1565 г.

[5] Ист. Арх., стр. 237, № 38.

Ивановича, и дочь Ивана Павл. Кошкарова и ея сын Димитрий — дали в том же 7077 (1568—1569) г. Иосифову-Волоцкому монастырю «свою вотчину, что нас пожаловал царь и государь князь великий Иван Васильевич всея Русии в отмен против нашие вотчины Старитцкие села Михайловского з деревнями, в Волотцком уезде в Сестринском стану Покровског[о] села деревню Фролкова да деревня Собинина»...[1] Старица лишь в январе 1566 г. была выменена царем у кн. Владимира Андреевича;[2] следовательно, на промежуток 1566—1568—1569 гг. падает и время перехода ее в опричнину; вероятно она была взята вслед за выменом ее у князя Владимира. Интересно, что в 1573—1574 г. одному из той же фамилии Житовых, Луке, была возвращена его вотчина, отобранная у него, вероятно, при переходе уезда в опричнину и розданная в поместье разным лицам.[3] Не стал ли Лука Житов опричником, так как Старица всегда была опричной и относительно нее очевидно не могло случиться того же, что с Костромой, которая опять возвратилась в земское.

Лежащий выше Старицы по Волге г. Ржев С. Ф. Платонов, судя по карте опричных земель, приложенной к его труду,[4] считает «земским». Однако уже 27 августа 1567 г. царь пожаловал симоновского архимандрита Феоктиста, дал ему жалованную тарханную грамоту на старую монастырскую вотчину слободку Рожковскую, «что у нас в опришнине во Ржевском уезде в Кличенской волости».[5] В 1576 г. в том же уезде были испомещены несколько Безобразовых, против их алексинского поместья, по указу от имени «князя Московского». Был ли Алексин, украинный город, в опричнине неизвестно. Но из Безобразовых один, Владимир

---

[1] Грамоты Коллегии экономии Волоколамского у., № 2461/611 (С. А. Шумаков, ст. III, стр. 160).

[2] ПСРЛ, XIII, ч. II, стр. 400.

[3] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 136, прим.

[4] С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 134. См. также карту № 4 в его «Учебнике русской истории».

[5] ГИМ. Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 568—570 об.

Матвеевич, служил во «дворе» Грозного.[1] Во всяком случае, это наделение землями напрашивается на сравнение с случаями, приведенными выше — с возвращением вотчины Л. Житову в Старице и с испомещением Гр. Васильчикова в Ярославском уезде.

Несколько любопытных черточек дает история мены вотчин при переходе в опричнину Боровска. В феврале 1566 г. Боровск посад и некоторые волости в уезде были отданы кн. Владимиру Андреевичу.[2] Остальная часть уезда была, видимо, взята в опричнину. Так, в январе 1570 г. Иосиф Владимирович Хомяков дал в Симонов монастырь «свою отчину в Московском уезде в Лукомском стану в деревне в Сидоркове свой жеребей пашни девять четвертей с полуосминою в поле, а в дву по тому ж, что меня государь пожаловал велел мне отделити по своей государеве грамоте губному старосте Ивану Милюкову в нашие место боровские вотчины».[3] Другие Хомяковы также потеряли вотчины и получили возмещение в том же Лукомском стане. 25 февраля 1567 г. была послана послушная грамота в дер. Басюнино-Поповское с извещением крестьян, что она пожалована в вотчину Федору, Ивану и Григорью Борисовичам Хомяковым «против боровские их вотчины трех жеребьев деревни Елизарова, что у них взята в опричнину». Деревня Басюнино была в поместье за Иваном Молчановым сыном Голохвостовым, затем отдана в поместье же конюху Герасиму Быкасову и, наконец, отписана на государя.[4] В другую часть бывших поместий этих лиц дер. Федотовскую-Шелудяково, «да к ней же снесено селищо Курово», были пущены по послушной грамоте от 24 февраля вотчинники Иван, Семен, Молчан и Василий Васильевы дети Паховы, получившие земли «против подмосковные ж их вотчины деревни Дедернина».[5] И Хомя-

[1] Акты Юшкова, № 205 и 206.

[2] ПСРЛ, XIII, ч. II, стр. 400.

[3] Ист. Арх., стр. 243, № 42.

[4] Ист. Арх., стр. 204, № 13.

[5] Ист. Арх., стр. 203, № 12.

ковы (Федор с братьями) и Паховы должны были владеть новыми вотчинами «по старым своим крепостям», по которым владели старыми, отобранными на царя землями: старые крепостные акты да, вероятно, послушная крестьянам — вот все, чем мог защищать свои права землевладелец, которому вотчины были даны «против» старых. Правда, в послушных грамотах крестьянам Хомяковых и Паховых сказано, что они владеют до тех пор, «доколе за ними ту деревню отпишут и измеряют писцы наши или болшие мерщики и учинят за ними пашни по нашему указу». Но Московский уезд был описан (и то не знаем весь ли — Лукомского стана в отрывке писцовой книги нет) лишь в 7082 (1573—1574) г.: дожидаться укрепления земель писцами приходилось 6—7 лет.[1] Останавливает внимание еще один факт. Что вотчинники получали взамен прежних земель новые подмосковные — это мы уже видели. Так было с Аргамаковой, Хомяковыми, Головиными. Но Паховы сами были коренными землевладельцами Московского уезда. Без особой натяжки можно указать их родовое гнездо — с. Пахово на р. Пахре в Шахове стане, данное в 1568—1569 г. Симонову монастырю Пелагией Ивановной, женою Григория Гавриловича Пахова, и Поником-Вас. Гр. Паховым.[2] Однако часть их вотчины, владение Ивана, Молчана и Василия, дер. Дедернино, была взята в опричнину, и новые вотчины были даны им в том же уезде «против подмосковные ж их вотчины»: значит, действие опричнины на территории Московского уезда коснулось не только дворцовых волостей и сел, как можно заключить из летописи,[3] но Московский уезд стал обычным опричным уездом, вероятно,

---

[1] ПКМГ, I, стр. 1—39.

[2] ГИМ. Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 201—202 об. — В 1535—1536 г. в том же Шахове стане выкупили у одного из Паховых Меншика, его жеребий родовой дер. Пахова-Зубцова, другие владельцы — Мария Гаврилова Пахова с детьми Григорьем, Иваном и Богданом (там же, л. 203).

[3] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394—395.

только с большей чересполосицей земель «дворовых» и «земских».[1]

Север Московского государства, Поморские земли, в большинстве были взяты в опричнину в 1565 г.[2] Но поступление в опричнину Чаронды С. Ф. Платонов на основании грамоты Коллегии экономии по Белоозеру № 118/319 относит, без указания месяца, лишь к 1566 г.[3] Однако можно считать, что Чарондская округа была взята на государя не позднее конца 1565 г. 13 февраля 1568 г. Кириллову Белозерскому монастырю была дана жалованная грамота на ряд вотчин «в разных местех» Белозерского и Пошехонского уездов, и из обстоятельств ее выдачи мы можем сделать вышеуказанное заключение.[4] В бытность Грозного на богомолье в Кириллове монастыре старцы обратились к нему с просьбой дать им на вновь приобретенные земли жалованную грамоту. Царь из монастыря (или с Вологды) послал 3 июня 1567 г. в Поместную избу дьякам Путилу Михайлову и Василию Степанову грамоту за приписью бывшего с ним дьяка Ивана Дубенского со сведениями, когда и кем даны были вотчины монастырю. По возвращении Грозного в Александровскую слободу, монастырские власти снова били ему челом, прося дать жалованную грамоту и на села, данные монастырю «против» отписанных на царя к Чаронде, и на прибылые после первого челобитья земли. От царя 4 февраля 1568 г. опять пошла из Слободы

---

[1] Любопытно пожалование 29 марта 1567 г. кн. Р. И. Тундорову черных, псарских, бортных и конюшенных деревень Пехорского и Васильцова станов Московского у. взамен отобранной в опричнину его волости Вешкирца Владимирского у. (Ист. Арх., стр. 209, № 17).

[2] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394—395: С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 133. — Об опричных волостях на севере, на р. Вашке и Малой Немьюшке по р. Немьюге см.: М. М. Богословский. Земское самоуправление..., I, стр. 17. — По этому известию выходит, что и Пинега с Мезенью были в опричнине.

[3] С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 133 и 551. — Грамота эта: указная на Белоозеро от 28 ноября 1566 г., см. Ист. Арх., стр. 199, № 9.

[4] РОГПБ, Рукоп. СПб. Дух. акад., АII/47, лл. 180—191; другой список в рукописи того же собрания, АI/17, лл. 207 об. — 212.

память, за приписью опричного дьяка Петра Григорьева, к поместным дьякам с напоминанием, что старцев уже пожаловали, «велели в книгах написати х Кирилову монастырю и жаловалную грамоту приписати, которая преж сего им велено дати». В ответной «даче» дьяков Путила Михайлова и Василия Степанова было написано, что царь дал уже монастырю деревни «против» отобранных к Чаронде, а на челобитной старцев, очевидно пересланной в Москву 4 февраля, сделана помета Путила Михайлова, что еще 25 января 1566 г. «у Благовещения на обедне бил... челом старец Кирилова монастыря Никодим Брудков, и.... царь и великий князь в Кирилов монастырь тех против их монастырских деревень велел дати». В отписке дьяки перечислили и записанные монастырем в Поместном приказе его вотчины, полученные по данным. Наконец, 13 февраля дана была монастырю и жалованная грамота. Заявление дьяков, что вотчины, взамен отобранных от монастыря к Чаронде, уже даны ему по челобитью 25 января старца Никодима Брудкова, было совершенно справедливо; у монастыря не было на них лишь жалованной грамоты, но уже 17 апреля 1566 г. был послан указ Белозерскому губному старосте Якову Гневашеву сыну Стопнина об отделении монастырю из дворцовых земель пяти деревень, «против» взятых на царя к селу Чаронде. Пожалование это было сделано по челобитью именно этого старца Никодима, на которого в 1568 г. сослались дьяки Поместной избы.[1] Из указа 28 ноября 1566 г. белозерскому городскому приказчику Матвею Григорьевичу Бухарину о невзимании с этих новых владений монастыря некоторых податей видно, что царь взял старые монастырские деревни к Чаронде «себе в опричнину».[2] Если уже 25 января 1566 г. старцу Никодиму Брудкову пришлось бить челом государю о возмещении вотчин, приписанных к опричной волости Чаронде, то очевидно, что последняя едва ли могла стать «дворовой» в 1566

[1] Ист. Арх., стр. 186, № 5.
[2] Ист. Арх., стр. 199, № 9.

же году; требовалось время на то, чтобы и вотчины отписать от монастыря и монастырскому посланнику поехать в Москву бить государю челом «на обедне». Чаронда видимо попала в опричнину в то время, когда к ней отошло большинство волостей Поморья, т. е. в 1565 г.[1]

Из истории хлопот монастыря о жалованной грамоте мы видим, как ссылалось опричное правительство с земским, если к нему обращались по земельным делам лица, находившиеся «в земском». Когда тому же Кириллову монастырю были даны села в Кашинском уезде, то монастырские власти просили царя, очевидно в Александровской слободе, переменить их, ввиду их отдаленности, на дворцовое село Яргомыж, Белозерского уезда. Из Слободы была послана грамота за приписью известного нам уже опричного дьяка П. Григорьева к дьяку Путилу Михайлову с приказанием учинить мену. Поместная изба приказ исполнила, и монастырю 25 ноября 1568 г. дана была на Яргомыж жалованная грамота.[2] К сожалению, мы не имеем на списке ее указания на подпись дьяка ее выдавшего, а потому и не можем судить, из какого земского приказа она вышла. Обычно, кажется, это был Большой или Казенный двор. Но если дело касалось тех земель, которые лежали в опричной территории, порядок был иным. В 1569 г. царь был на богомолье в Кирилло-Белозерском монастыре. Игумен Кирилл с братьею бил ему челом, чтобы царь велел, «к монастырю дрьжати» вновь приобретенные монастырем земли в Каргопольском уезде, а также приказал брать с них подати как и с иных монастырских земель в том же крае. Грозный с Вологды послал указ опричному казна-

---

[1] В 1567 г. Чаронда прямо называется опричной, причем таможенные доходы с нее по всей видимости идут на опричный двор Грозного: 20 апреля этого года был послан указ Аргуну Ив. Захарьину «на Чаронду и во все городы нашие опричнины таможником и опричником, которые емлют с купцов всякую нашу пошлину», с приказаниями не брать пошлины с товаров Кирилло-Белозерского монастыря. Архив ЛОИИ, сб. № 112, отд. III, № 48, стр. 443—445.

[2] РОГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., AII/47, лл. 273—276 об.

чею Угриму Львовичу Пивову «записати у нас в опришнине» в книги «за Кирилловым монастырем» его купли и земли по вкладным грамотам и приказать брать пошлины «по прежнему нашему наказу и по нашим жаловальным грамотам». «Да и грамоту бы еси им жаловалную нашу дал на те их новые купли и на закладные дворы, велел дати такову ж, каковы у них жаловалные грамоты на иные их монастырские земли и угодия», — писал царь в указе.[1] Жалованная грамота с указанными льготами дана была монастырю 12 июня 1569 г. из опричной четверти дьяка Кургана Лапина.[2] Об избе Поместной нет упоминания: в опричнине ее функции видимо были возложены на казначея, который вел у себя, как и земские поместные дьяки, записные вотчинные книги, а жалованные грамоты выдавались из подчиненной ему четверти.

Когда перешло в опричнину само Белоозеро, сведений не имеется. Некоторые вотчины Кирилло-Белозерского монастыря, как только что мы заметили, были отписаны к опричной Чаронде по всей вероятности еще в конце 1565 г. В 1576—1577 г. монастырь просил царя дать ему три деревни с. Никольского в Надпорожском стану (Кнутово, Кудиново и Пирогово) и в ответ на челобитье получил 7 апреля 1577 г. послушную грамоту крестьянам означенных деревень,[3] а 18 ноября и грамоту жалованную.[4] Деревни ранее были в вотчине за Семеном и Нечаем Васильевичами Ерголькими и Андреем Ивановичем Бурухиным, но в 7078 (1569—1570) г. они были «из Белозерского уезда высланы», а вотчина их была отписана на государя «з городом вместе». Таким образом, в 1569—1570 г. у белозерских вотчинников владения уже были приписаны к опричнине. 12 марта 1571 г. царь пожа-

---

[1] Ист. Арх., стр. 235, № 37.

[2] Интересно, что и земская Поместная изба имела некоторую связь с казначеями. — С. А. Шумаков. Сотницы, вып. 5, № 17.

[3] Ист. Арх., стр. 289, № 74.

[4] Ист. Арх., стр. 290, № 75.

ловал всех Белозерских посадских и уездных людей, дал им губной наказ.[1] В числе пожалованных значатся между другими князья, дети боярские и «все служилые люди», крестьяне сел «княжных и боярских... и вотчинников и помещиков». Наказ этот[2] был дан из земского и земской части Белоозера; относительно «опришнинцев» устанавливается особый суд и у них есть свои губные старосты. Очевидно, что указания государевой грамоты на взятые вотчины у Ергольских и Бурухина «з городом вместе» в данном случае нельзя рассматривать, как «поимание» всего Белозерского уезда на особный двор Грозного: часть Белоозера была в опричнине, часть в земщине. Интересно, что сведения о количестве пашни в деревнях Кнутове, Пирогове и Кудинове при их пожаловании монастырю были даны «по памяти за приписью дьяка нашего Андрея Клобукова», в этих годах сидевшего в опричной чети.[3] А в 1578 г. тяжбу монастыря о селе Мегре и о («прописанном» старцами как «неведы») погостце Чалексе разбирала земская четь Вас. Щелкалова и Сапуна Абрамова.[4] «Земские» волости ведались в некоторых отношениях в земских приказах, опричные — в дворовых.[5]

До сих пор из летописи было известно, что в 1571 г. Грозный «пожаловал» Великий Новгород, взял «в опришную две

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства».

[2] Подписали его дьяки Угрим Андреев сын Горсткина и Гаврило Михеев сын Станиславов, в этом (1571) году очевидно бывшие в Разбойном приказе.

[3] Ергольские — коренные Белозерские вотчинники; — Н. К. Никольский Кирилло-Белозерский монастырь до первой четверти XVII века, вып. 2, прилож., стр. X, IV; один из Ергольских почему-то назван Н. К. Никольским князем. А. Ив. Бурухин — «честнаго» рода: за ним была сестра Дм. Григ. Плещеева (Н. П. Лихачев. Сборник актов, вып. 1, № XI). О грамотах 7 апреля и 18 ноября 1577 г. см. упоминание в цитир. труде Н. К. Никольского, прилож., стр. XIV.

[4] См. ниже, часть III, «Документы», № 27.

[5] Мы не знаем, кем были подписаны грамоты 7 апреля и 18 ноября 1577 г. Сравнивая их с указанием, что Сах. Писемскому вотчина его, взятая в государеву опричнину, была возвращена по послушной

пятины, Обонескую да Бежицкую пятину».[1] Несколько ранее были взяты к государеву двору и другие, отдельные, местности в Новгородской земле.[2] Теперь, после издания Новгородских писцовых книг, можно добавить к упомянутым летописью пятинам еще одну опричную — Шелонскую, по крайней мере ее часть. В V томе Новгородских писцовых книг помещен отрывок книги письма Владимира Безобразова 1576 г.[3] Начальные листы книги утрачены, и заглавие ее в издании таково: «. . .князя Ивана Васильевича Московского наказу за приписью псковских дьяков Инозема Жихорева да Третьяка Петрова Володимер Матвеевич Безобразов да с ним Вешняк Мшолин да подьячей Петруша Иванов, приехав в Порхов на посад и в окологородье и в Порховской уезд, писали государевы дворцовые, и помещиковы, и монастырские и церковные села, и деревни, и посадцкую пашню». . . и т. д.[4] Здесь останавливает внимание прежде всего уже титул Грозного: в 1576 г. во главе земщины стоял Симеон Бекбулатович, а Иван IV стал лишь «государем князем Московским»,[5] Едва ли можно предполагать, что в утраченном начале писцовой книги были слова: «По государеву цареву и великаго». . . —

крестьянам, подписанной опричным дьяком А. Шерефетдиновым, можно думать, что и они вышли из дворового управления — пожалование землями лиц в земском на опричной территории шло, как мы видели уже при разборе известий о пожаловании Кирилло-Белозерского монастыря землями в Каргопольских местах, через опричного казначея и дворую четь.

[1] «Новгородские летописи», стр. 105.

[2] С. Ф. Платонов, ук. соч., стр. 133 (Старая Руса, Ладожский порог на Волхове, р. Ошта). — Видимо к Ладожскому порогу тянул и Михайловский погост на Волхове, где все земли «помещиковы и своеземцовы и церковные и монастырские отмежеваны в государеву опришнину к Порогу» (Д. Я. Самоквасов, «Архивный материал» II, М., 1909, стр. 363—364, 48—50, 51).

[3] НПК, V, стр. 571.

[4] Порховский у. занимал часть Шелонской пятины. О распределении погостов ее, описанных Безобразовым, по «уездам» новгородских пригородов см.: Андриашев. Материалы. . ., I, стр. 1—124.

[5] О времени пребывания Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» см.: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 147.

тогда не могло бы быть и в имеющемся у нас тексте наименование Грозного «Московским» вместо обычного и столь строго соблюдаемого в официальных документах «всея Русии». И далее, в самой книге нет нигде названий «царево и великого князя» село, пашня и т. п., а просто пишется «государево» село, «государева» пашня, например: «И та деревня у Истомы взята и приписана к государеву дворцову селу к Фролову»... (стр. 578); «В Карачюницком погосте помещиковы, которые села и деревни остались за государевою за десятинною и хрестьянскою пашнею» (стр. 582); «Село Фролово, а в нем государева десятинная пашня...» (стр. 582); «И всего взято в государеву десятинную пашню село да 5 деревень живущих...» (стр. 587), и т. д. Книга составлялась очевидно по наказу опричного «государя князя Московского». От 20 мая 1576 г. до нас дошел указ последнего из Старицы в Порхов и именно писцу Влад. М. Безобразову по следующему поводу: Грозному бил челом Иван Тимофеевич Петров, заявив, что в его поместье в Карачунском погосте Шелонской пятины с. Страмницах с деревнями остались неубранными хлеб и сено; Безобразову приказывалось велеть рожь «пожать и складсть и покрыть и огородить тем же крестьяном, которые похали, да отдать тое рожь Ивановым людем, а в той ржи взять отпись спору для».[1]

[1] Акты Юшкова, № 206. Заботливость опричного правительства о засеянном Петровым на своей бывшей земле хлебе возможно объясняется его близостью к особному двору Грозного: повидимому, брат Ив. Тимоф. окольничий Мих. Тимоф. Петров в 1579 г. заведывал Дворовым разрядом (АЭ, I, № 302). Помещики, взятые в государеву опричнину, старых поместий лишались — см. НПК, V, стр. 489, 508, 509, 511—512. (Книга 1571 г. другой части Шелонской пятины). Ив. Тимоф. Соловой-Петров получил поместье в Карачунском погосте по государевой грамоте в 7083 (1574—1575) г., после В. И. Умного-Колычова (кроме этого владения — еще поместье, также после Колычева в Ляцком погосте Шелонской пятины). — Д. Я. Самоквасов, «Архивный матерьял», I, стр. 66, 68, 79. — Таким образом И. Т. Петров потерял поместье почти сразу же после того, как его получил. Его брат окольничий также был помещиком Шелонской пятины, получив 29 июля 1574 г. бывшее поместье дьяка Ив. Дороф. Собакина в Щепоцком погосте (там же, стр. 64—65).

Петров в момент челобитья, видимо, уже не владел своим поместьем, так как в грамоте оно названо «бывшим». Конца описания Карачунского погоста в книге 1576 г., к сожалению, недостает. Но из сохранившихся описаний других погостов мы можем заключить, что большинство помещиков действительно уже потеряли до письма свои владения. При описании отдельных сел и деревень часто значится: «двор был помещиков», «двор помещика... пуст»; например: «Деревня Кеново, а в ней был двор помещиков, князя Василия Засекина, а ныне двор пуст», «Деревня Белошкино, а в ней был двор помещиков пуст Никиты Шишкина» (стр. 575), «Село Сырковичи... 2 дворы помещиковы пусты...» (стр. 579), «Село Керебеж... двор помещиков Пороши Лазорева пуст» (стр. 582) и т. д. В некоторых дворах вместо помещиков жили крестьяне: так, в поместье Ушатого Азарьева отмечена «деревня Остров, а в ней двор был помещиков, а ныне во дворе живут крестьяне Гриша Тарасов да Иешка Наумов, да Дмитрейко Власов, да Сенка Максимов» (стр. 593); «двор был помещик Федор Зверев, а ныне во дворе крестьяне Захарко Игнатьев» (стр. 596). Исчисляя оброк, следуемый с крестьян помещику, писцы часто записывают его в книги, употребляя глагольную форму в прошедшем времени: «а оброку давали...» (напр., см. стр. 578, 581, 583, 588, 591, 592; «бобыли... а делали на помещика 2 дни в году», стр. 593, 595, 597 и т. д.).

Большой пустоте крестьянской, которая также наблюдается по книге 1576 г., соответствовала, если можно так выразиться, и большая пустота среди дворянского населения. Причина последного явления вскрывается в объяснении писцов, почему при описании каждого поместья не означался и оклад его владельца: «А про оклад... детем боярским в книгах не писано, потому что старые помещики, которым государь в уделе быти не велел, и те помещики до писма ис тово погоста выехали и про оклад сказати некому, а старосты и крестьяне про оклад детей боярских сказати не ведают». Заявление это повторяется в конце описаний погостов Порховского Окологородья (стр. 582), Пожеревицкого (стр. 621),

Бельского (стр. 636), Дегожского (стр. 650), Михайловского на Узе (стр. 667), Опоцкого (стр. 693). Погосты Карачунский и Ручеевский не имеют окончаний своих книг (стр. 612, 696), погост Рождественский был весь пуст «и про земли роспросити в том погосте не у кого, потому что попов, и детей боярских, и крестьян нет» (стр. 638). Высылка помещиков произошла, очевидно, по приказу того же государя князя Ивана Васильевича Московского, по «наказу» которого составлена и самая книга. Термин «удел» в настоящем случае равен термину «опричнине» (или «двору»).[1] Какова была судьба высланных, мы не знаем; других новгородских детей боярских, помещиков, взятых на государя, Бежецкой и Обонежской пятин постиг жалкий жребий. Несколько помещиков еще оставалось в поместьях; в Смолинском погосте были большие земли опричника Василия Григорьевича Зюзина — 9 деревень и 1 починок (стр. 650—653), Афанасия Васильевича Бельского — 1 село, 3 деревни и 7 починков (он же владел в Опоцком погосте селом и 18 деревнями — стр. 655—657, 681—684); в погосте Михайловском-Юрьевском огромное поместье другого Бельского, знаменитого Богдана Яковлевича («усадище») — 17 деревень и 20 починков — почти весь погост (стр. 660—663).[2] Почему остались они, а также

[1] Ср. РИБ, II, № 37.

[2] Вот приблизительный список оставшихся помещиков по погостам:

Погосты		
1) Порховское Окологородье	1) Богдан Палицин	1) Александр Пантелеев 2) Никифор Мягково
2) Бельский	1) Иван Хлопов 2) Петр Косицкий (И. Б. Косицкий)	1) Иван Селиванов 2) Мосей Евреев 3) кн. П. В. Белосельский (Влас Харламов)
3) Дегожский	1) Ив. Борис. Огарев 2) Сидор Палицин	1) Григ. Ив. Огарев 2) Матрена Огарева 3) Дан. Борис. Огарев 4) Иван Сеславин 5) Григорий Сеславин 6) Юрий Тыртов

(Продолжение сноски на стр. 185).

и несколько других более мелких помещиков — сказать трудно.

Возможно, впрочем, что это лица, которым Грозный «велел быти» в своем новом «уделе», т. е. опричники; на последнее указывают и имена В. Г. Зюзина и Б. Я. Бельского.

Но основная масса земель, взятых у владельцев, в раздачу опричникам не поступила; да и трудно было ожидать, чтобы на опустелые поместья, где в некоторых «хоромы развалялися», деревни были пусты, а пашня «лесом поросла», нашлись охотники, когда к услугам была масса конфискованных вотчинных земель в центральных уездах. Некоторые «порозжие» поместья были прямо отписаны на государя к дворцовым селам, также находившимся в этой части опричной территории Шелонской пятины (см., напр., стр. 578, ср. стр. 613—618).

К дворцовым селам приписывалось и много «крестьянских вытей розных поместей, которыми вытми государева десятинная пашня пахати» (стр. 587 и сл., ср. стр. 582).

4) Смолинский	1) В. Гр. Зюзин 2) Аф. Вас. Бельский	1) Григорий Татаринов
5) Михайловский-Юрьевский	1) Богд. Як. Бельский	
6) Михайловский на Узе	1) кн. Юрий Костров	
7) Дубровинский	1) Степан Истомович Щеголев 2) Ив. Сем. Нащокин (Паук Ив. Косицкий) (кн. Юр. Костров)	1) Илья Борис. Косицкий 2) Бор. Ив. Караков (Карасов) 3) Илья Ив. Караков (Карасов) 4) Власий Харламов
8) Опоцкий	1) Паук Ив. Косицкий (Аф. Вас. Бельский)	

В левом столбце перечислены те владельцы поместий, которые, по словам писцовой книги, «нынеча», т. е. во время описи, имели еще свои земли; также те, за кем записан в книге усадебный двор, а крестьяне не записаны как «дающие» оброк. В правом — те помещики, которые хотя и значатся, но о которых ничего неизвестно, или записано, что крестьяне «давали» помещику, или же, наконец, употреблена смешанная формула — «дают» и «давали». Лиц, помещенных в левом столбце, думается, можно считать несомненно оставшимися, а в правом — только условно. Вотчинники монастырей, ямские приказчики и охотники в таблицу не внесены.

Так, в разное время переходили в опричнину отдельные области Московского государства. Различным образом устраивались выселенные из них служилые вотчинники и помещики. Но среди землевладельцев оказывались и такие, у которых вотчины находились и в опричных и в земских уездах. Таковы, например, монастыри Кирилло-Белозерский и Московский Симонов. Первый, хотя и получал государевы крепостные грамоты на свои земли в опричнине из «дворового» управления, оставался, однако, в ведении земского правительства.[1] Второй сам предпочел перейти целиком в государев «удел». Вотчины Симонова монастыря ко времени учреждения опричнины, к 1565 г., располагались в уездах: Московском, Городецком (Бежецком Верхе), Владимирском, Переяславском, Дмитровском, Можайском, Рузском, Волоцком, Ржевском, Юрьевском, Малоярославецком, Муромском (Стародубе Вотском), Углицком, Галицком, Коломенском, Нижегородском и Белозерском.[2] До 1569 г., — времени окончательного перехода монастыря «со всею вотчиною» в опричнину, — к опричнине уже были приписаны уезды Можайский, Малоярославецкий и Галицкий (в 1565 г.), Ржевский (до августа 1567 г.), возможно и Переяславский. В 1565 г. взят был на государя и Вышгород в Московском уезде.[3] Вотчины в этих уездах также попали в ведомство опричного двора, и Симонов монастырь систематически добивался для них тех же льгот, какие имел до опричнины.

В Можайском уезде монастырь владел еще с XV в. Ватолинским лесом, в котором в конце столетия основался сначала одноименный поселок, а затем село с рядом приписанных к нему деревень.[4] 23 марта 1566 г. архимандрит Феоктист

---

[1] Подати с вотчин, записанных в опричнине, Кириллов монастырь платит в опричных четях.

[2] См. крепости на земли в этих уездах в рукоп. ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58. — Н. П. Попов, Собрание рукописей московского Симонова монастыря, стр. 92—132.

[3] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394—395.

[4] ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 524 об. —

выхлопотал грамоту от кн. Владимира Андреевича об освобождении крестьян с. Ватолина и Чернецкого (Рузского уезда) от уплаты мытной пошлины с провозимых в монастырь хлеба и дров.[1] 18 сентября 1567 г. монастырь получил тарханную грамоту и от царя. Архимандрит Феоктист в челобитье своем заявил, что «на то де село и з деревнями у них грамота жаловалная великого князя Ивана Васильевича на... царево и великого князя имя не потписана, да и грамоту жаловалную архимандрит Феоктист на то село з деревнями передо... царем и великим князем клал»; старцы просили царя «пожаловати велети им на то село и на деревни дать своя жаловалная грамота».[2] Представленная при челобитье монастырем грамота «жаловалная» Ивана III, по всей видимости его «данная» (по обозначению Н. П. Попова, ук. соч., стр. 114), около 1473 г. Трудно понять, однако, почему монастырь не предъявил ее ни разу при Грозном для подписи ни в начале его правления, ни после приговора Стоглава о монастырских вотчинах, когда в мае 1551 г. монастыри в огромном большинстве заверяли свои документы перед правительством. И в 1567 г. симоновские старцы просили не о подписи старой, а о выдаче новой грамоты; в прежней, вероятно, не давалось всех льгот, желательных для монастыря. Тарханная на можайские села обычна по своему содержанию, но имеет одну интересную подробность: высшей инстанцией для монастыря в исках на него является опричное управление: «а кому будет чего искати на монастырьских людех, ино их сужу яз царь и великий князь или боярин введеной в опричнине», — читаем в грамоте.

Таким образом в опричном Можайском уезде и монастырская вотчина перешла в опричное ведение. Ввиду этого, вероятно, и симоновский архимандрит решил представить царю еще

---

525 (грам. 1484 г.), лл. 518—522 (грам. 1500 г.), лл. 530—532 об. (грам. 1504 г.), лл. 527 об. — 528 (грам. 1542 г.), лл. 524 (грам. 1543 г.).

[1] Там же, лл. 522 об. — 523.

[2] Ист. Арх., стр. 213, № 20.

ни разу на протяжении более полувека не подписанную старинную грамоту на села, окруженные массой владений опричнины. Такие же грамоты получены были монастырем и для других сел, расположенных в опричных уездах: 27 августа 1567 г. царь пожаловал симоновских старцев, дал им тарханную грамоту на слободку Рожковскую, «что у нас в опришнине во Ржевском уезде в Кличенской волости». Старцы также представили старую грамоту вел. кн. Василия Ивановича и прежнюю самого царя (возможно, впрочем, что была одна грамота Василия III, лишь подписанная на имя Грозного). Вместо опричного боярина введеного высшей судебной инстанцией для монастыря являлась, видимо, судная опричная боярская комиссия, то, что в земщине мы знаем под именем «суда бояр»: «а кому будет чего искати на самом архимандрите и на старцех и на их приказчике, ино их сужу яз царь и великий князь или наша бояре в опришнине».[1] Грамота на Ржевскую слободку дает монастырю менее преимуществ в податном отношении по сравнению со льготами на земли в Можайском уезде; со Ржевской слободки монастырь обязан был давать ямские деньги, нести посошную службу и городовое дело; зато монастырь судил своих людей во всем, «опричь одного душегубства», тогда как за ржевскими наместниками оставались и разбой и татьба с поличным.

В Вышегородском «уезде» Симонов монастырь владел селом Диким в Сохне с деревнями. 18 февраля 1566 г. симоновский архимандрит Феоктист с братьею получили на Дикое тарханную грамоту из опричнины, за приписью дьяка Петра Григорьевича.[2] Грамотою монастырю жаловался особый пристав Яков Потапов, «кому будет на их людех и крестьянех или их людем и крестьяном искати в опришнине». В случае иска на монастырских приказчиках судит царь или введеный боярин опричный. 30 апреля того же года монастырю была дана грамота на села Литвиново и Акуловское в другой

---

[1] Там же, стр. 210, № 19. О том, что представлял собою «суд бояр» см.: С. Ф. Платонов, Соч., I, стр. 460—461.

[2] Ист. Арх., стр. 182, № 2.

замосковной волости — Раменеице.[1] В грамоте по обычаю изложено и челобитье монастырских властей; старцы просили дать им «жаловалная грамота такова ж, какова им дана... жаловалная грамота ис опричнины за приписью дияка... Петра Григорьева» (на с. Дикое), «потому что то селцо Литвиново да селцо Окуловское з деревнями в земском, а не во опричнине». Действительно, сравнивая льготы, дарованные той и другою грамотою, мы видим, что грамоты буквально повторяют друг друга. Разница лишь та, что все дела относительно сел Литвиновского и Акуловского приказано вести «в земском», да данный пристав другой (Савлук Мих. Романов).

И Вышгородский «уезд» и Раменейце — бывшие владения кн. Владимира Андреевича, выменённые у него Иваном IV: Вышгород — в 1563 г., а Раменейце — в марте 1566 г.[2] Промен вотчин у кн. Владимира в январе — марте 1566 г., таким образом, не обусловил их переход в опричнину: опричной стала, по всей вероятности, Старица, замосковные же волости остались в земском.

Интересно то обстоятельство, что монастырь бил челом сейчас же по переходе Раменской волости к царю, но просил не заверить старые жалованные грамоты вел. кн. Василия Васильевича (1447 г., в жалованной грамоте 1566 г. приведена целиком) и кн. Владимира Андреевича (1546 года),[3] а дать новую грамоту, аналогичную выданной из опричнины; нахождение части монастырской территории в опричном ведении, очевидно, не составляло для монастыря тяжелого бремени, являясь, пожалуй, скорее желательным, как это было для англичан и для Строгоновых. Причина этому вскрывается отчасти в истории других монастырских сел в Галицком и Костромском уездах: Галич в 1565 г. попал в опричнину, а с ним, повидимому, и симоновские вотчины Галицкого уезда. Два села,

---

[1] Ист. Арх., стр. 187, № 6.

[2] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 400; СГГД, I, № 188.

[3] ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 106—107 об.

Дятлово и Демьяново Костромского уезда были приписаны к Галицкому уезду, вероятно, по просьбе самих симоновских старцев: едва ли для правительства была какая-либо выгода перечислять два села из одного уезда в другой. Дело объясняется тем, что Кострома была еще в земском. 14 февраля 1567 г. по поводу этих сел была отправлена грамота Соли Галицкой Ивану Лугвицыну Мичурину по следующему челобитью симоновской братии: села Дятлово и Демьяново «были» в Костромском уезде, но «ныне» (т. е. в момент челобитной) приписаны к Галицкому уезду в опричнину; однако когда крестьяне «приезжают к Соли Галицкой с хлебом и з дровы и з животною и себе купити соли и всякого запасу», то усольские Богородицкие попы, Петр с братьею, и таможники берут на них пошлины «как и с ыногородцов с приезжих людей». Мичурину из Москвы приказывалось распорядиться взимать с крестьян налоги, как «с-ынных людей Галицкого уезду по галицкой таможенной уставной грамоте, а не как с -ынногородцов. . ., будет те их монастырские два села Дятлово да Демьяново ныне в нашей опричнине, в Галицком уезде, а не в «земском».[1] Из последних слов указа, думается, можно заключить, что для московского опричного правительства люди, живущие и действующие «в земском», по отношению к подведомственным опричнине были «иногородцами». А с этим связывались определенные невыгоды в податном и отчасти административном отношении;[2] понятно, что для Симонова монастыря «припись» двух сел из Костромского уезда в опричный Галицкий была желательной.[3]

---

[1] Ист. Арх., стр. 202, № 11.

[2] Ср. таможенную грамоту опричной Торговой стороны Новгорода 1571 г., АЭ, I, № 282, и бѣлозерск. губную грамоту 1571 г. — «Наместничьи, губные, и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 74—78.

[3] Ср. указанное выше челобитье монастыря о выдаче «такой же» жалованной грамоты из «земского», какая дана была на село в опричной волости «из опришнины». — Толкование текста указа 1567 г. Ив. Мичурину «иногородцы» — люди «из земского» — находит подтверждение в том факте, что хотя на самой опричной территории оставалось старин-

Полное уравнение всех вотчин Симонова монастыря, в смысле объединения центральным опричным ведомством и ухода части их «из земского», произошло в 1568—1569 (7077) г. Именно, 7 марта 1569 г. владимирскому городовому приказчику Григорию Домнину была отравлена указная грамота за приписью дьяка Василия Степанова (из Поместной избы) с приказанием «отказать в дом Пречистые богородицы в Симонов монастырь» село Кувезино с деревнями в Стародубе Ряполовском. Пожалование было произведено по челобитью самого монастыря, которому село завещала княгиня Ефросиния Стародубская, постригшаяся и умершая в Настасьине монастыре. В своей изустной памяти она, дав Кувезино в монастырь по своей душе и мужа, однако предусмотрела возможность применения к ея вотчине закона 1562 г. о княжих владениях: в случае, если царь возьмет Кувезино на себя или отдаст вотчичам, кн. Евфросиния просила государя дать симоновским старцам с той вотчины ее приданое, 120 рублей. Действительно, в январе 1569 г. Григорий Домнин отписал Кувезино на государя и составил селу отписные книги. Симоновские старцы немедленно били челом государю, представив ему и условия кн. Стародубской. Челобитная была, видимо, подана в опричнине, так как на ней сделал помету (7 февраля) знакомый уже нам дьяк Петр Григорьев. Результатом челобитья была грамота из Поместной избы (7 марта) об «отказе» монастырю Кувезина.[1] Случаи обращения к царю через более близкий к нему опричный двор

ное доопричное административное устройство с разделением на волости, уезды и т. д., однако как монастырское челобитье, так и указ Мичурину, подчеркивают не это разделение опричной территории, а именно разность положения людей в «земском» и людей «в опричнине». — Села Дятлово и Демьяново никогда от монастыря не отбирались на государя: они лишь переменили земское управление на опричное, как и другие вотчины Симонова монастыря (иное мнение см.: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 552, со ссылкой на Грамоты Коллегии экономии Галицкого, у., № 3365/35; цитир. мною грамота та же: ср.: Н. П. Лихачев, Библиотека и архив, стр. 103, прим.).

[1] Ист. Арх., стр. 232, № 34. Подлинник в Грамотах Коллегии эко-

нам уже известны; известно и то, как поступало в таких случаях опричное правительство; разбираемая грамота есть очевидно результат «памяти» дьяка Григорьева поместным дьякам. Но дело осложняется еще одной указной грамотою, 18 февраля, посланной тому же городовому приказчику Григорию Домнину, о невзимании с сел Симонова монастыря Кувезина и в Малом Рогу Владимирского уезда Зиновьева-Петряева никаких податей, так как царь «в . . . семьдесят седмом году велел. . . взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину и ямские (и) приметные денги и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и всякие. . . подати велел. . . с их монастырьских сел имети в опричнине ж».[1] Таким образом монастырь обратился в опричнину очевидно потому, что к моменту челобитья (предположительно 7 февраля 1569 г.) для него высшей инстанцией являлось уже опричное, а не земское правительство. Интересно, что в этом указе с. Кувезено, которое еще числилось за государем (только этого числа дан указ об отказе села монастырю), считается уже бесспорною монастырскою вотчиною, наравне с с. Зиновьевым, которым монастырь владел еще с 1501 г.[2] Объяснение может быть одно: грамота 18 февраля была дана вследствие того же челобитья 7 февраля, но из опричнины.

Общий приказный ход дела предположительно был таков: после отписки в силу закона 1562 г. с. Кувезина на государя, около 7 февраля 1569 г. монастырь бил челом в опричнине, которая для него уже являлась верховным учреждением, о том или ином исполнении воли кн. Стародубской. В ответ на челобитье была послана, во-первых, память из опричнины к поместным дьякам с извещением, что монастырь царь пожаловал: велел записать за ним село (подобно тому, как это

номии. Суздальского у., № 11835 (см.: С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 119).

[1] Ист. Арх., стр. 231, № 33. Подлинник в Грамотах Коллегии экономии Владимирского у., № 1823/46.

[2] См. данную 1501 г. на с. Петряевское жены Фед. Прок. Зиновьева: ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, л. 420.

было с Кирилловым монастырем, когда тот бил челом не «в земском», а в опричнине), и с приказанием дать соответствующее распоряжение (об отказе вотчины монастырю) местным властям, владимирскому городовому приказчику — результат этой памяти указ 7 марта из Поместной избы; во-вторых, из опричного управления с своей стороны отправили грамоту тем же приказчикам с запрещением взимать с села подати «в земском», причем рассматривалось село Кувезино уже как монастырское владение: запись в книги «в опришнине» (если таковая была произведена — Кувезино было, повидимому, отписано «в земское», как подлежащее закону 1562 г.) конечно была сделана скорее, да и для вотчинника-опричника, бившего челом в опричнине, самый факт удовлетворения просьбы мог быть достаточным правом на владение — «отказ» по грамоте из Поместного приказа являлся лишь формальностью. Так, стародубское с. Кувезино сделалось монастырским, побывав очень короткое время (не более одного месяца) государевым; вместе с другими вотчинами Симонова монастыря оно ведалось в опричнине и никогда от монастыря, повидимому, не уходило в руки иного владельца. Этому обстоятельству противоречат лишь указания духовной Ивана Грозного, где село названо в числе государевых. Но сам-то этот документ требует еще специального изучения и писан явно частями и в разное время.[1]

Что касается времени перехода в опричнину всех вотчин Симонова монастыря, то оно определяется 7 февраля 1569 г. как термином ante quam. С другой стороны, монастырь стал опричным, повидимому, именно в начале этого, а не в конце 1568 (7077 г., начиная с 1 сентября 1568 г.). 16 марта 1569 г. московский уездный выборный староста Истома Мишаков с целовальниками был извещен, что симоновские вотчины взяты в опричнину, а потому все подати должны старцами вноситься туда же, а не в Большой Приход, куда они поступали прежде. Указ был дан на основании пред-

[1] Ср.: С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 179—180.

ставленной выборными властями «платежницы».[1] В известном уже нам указе 18 февраля 1569 г. из опричнины владимирским городовым приказчикам относительно сел Владимирского уезда Зиновьева-Петряева и Кувезина причиной выдачи указа также выставлена плательщица приказчиков, очевидно за 7076 год, так как далее в грамоте приказчикам приказывалось, чтобы они «на нынешней на семдесят седьмой год и вперед наших ямских и приметных денег и за городовые и за засечные и за ямчюжное дело и всяких наших податей в земских не имали». Подати, перечисленные также в обычном порядке приказной практики, составляли бюджет Большого Прихода; только с владимирских монастырских сел они, вероятно, поступали туда через городовых приказчиков, тогда как с московской вотчины монастырь сам непосредственно, повидимому, платил их в приказ. Вместе с своими платежницами местные власти представляли деньги в Большой Приход в промежуток 25 декабря — 6 января каждого последующего за податным года;[2] таким образом, очевидно, что в конце 1568 г. (и, может быть, даже начале января 1569 г.) симоновские вотчины еще числились в земском: если бы монастырь стал опричным в конце 1568 г., т. е. в начале 7077 г., то подати Большого Прихода (вместе с платежницами городовых приказчиков) за 7076 г. поступили бы не туда (в срок 25 декабря — 6 января 7077 г.), а в опричное управление, едва ли где упустившее возможность их получить.

Подведем итоги вышесказанному.

1. В Ярославле опричнина начала действовать, повидимому, с 1565 г.

2. Кострома стала опричною в промежуток 14 февраля — 9 марта 1567 г.; в 1575—1576 гг. она снова вернулась «в земское».

---

[1] Ист. Арх., стр. 234, № 36.

[2] О значении платежницы — М. А. Дьяконов. Городовые приказчики.

3. Пошехонье взято в опричнину в 1565—1571/72 гг.

4. Дмитров взят в опричнину в 1571—1572/76 гг.

5. Переяславль взят в опричнину в 1565—1571 гг.

6. Старица взята в опричнину в 1566—1568/69 гг.; вероятно, в 1566 г., вслед за выменом ее у кн. Владимира Андреевича.

7. Кроме известных ранее опричных городов, опричным был еще и Ржев (в 1567—1576 г., по крайней мере).

8. Часть Боровского уезда, не отданная в 1566 г. кн. Владимиру Андреевичу, стала опричной.

9. Московский уезд также подвергся действию опричнины. Здесь она коснулась не только дворцовых земель, как предполагалось ранее, но и вотчин служилых людей.

10. Чаронда стала опричной не позднее конца 1565 г.

11. Белоозеро стало опричным в 1569/70 г.

12. Кроме известных из летописи двух опричных Новгородских пятин — Бежецкой и Обонежской — в опричнину взята была в 1572—1576 гг. еще и Шелонская (по крайней мере ея часть — Порховское окологородье).

13. Симонов монастырь в опричнину входил постепенно. Части его вотчины, оказавшиеся в опричных уездах, ведались в опричнине; льготы, данные из последней, заставляли старцев хлопотать о таких же и в земщине, т. е. опричнина для монастыря никоим образом не являлась бременем. Монастырские села Дятлово и Демьяново никогда не отбирались от монастыря, а были лишь приписаны из земского Костромского уезда к опричному Галицкому, опять-таки потому, что это давало известные преимущества монастырю. Село Кувезино было отписано на царя в силу закона 1562 г. о княжих вотчинах, состояло в числе государевых земель (вероятно «в земском») очень короткое время, а затем во исполнение воли бывшей его владелицы, кн. Стародубской, было отдано царем Симонову монастырю, с подведомственностью опричнине, так как в это время монастырь уже ведался в последней. Вошедшее в состав монастырской вотчины Кувезино от монастыря уже более не уходило.

Вся вотчина Симонова монастыря была взята в опричнину, повидимому, в январе 1569 г., до 7 февраля.

---

6. Опричнина и население на севере Московского государства

В опричнину Ивана Грозного попало много земель Московского государства, в которых была произведена коренная перетасовка крупного феодального, княжеско-боярского землевладения. На смену гордым потомкам «удельных» князей или «извечных» московских бояр, выходивших с своих огромных наследственных вотчин на «государеву службу» в сопровождении целых отрядов вооруженных слуг — вассалов, явился рядовой дворянин-помещик, в опричном «особном дворе» государевом добывавший себе «чести», славы и материального благосостояния. На содержание этого опричного корпуса было забрано также большое количество областей с торгово-промышленным, посадским и крестьянским населением. Это тоже были «опришные» государевы люди, которых Грозный, учреждая опричнину, готов был «жаловать», так как против них «у него гнева не было» и опалы на них он возлагать не собирался.[1] В состав опричных волостей вошли и значительные части поморских земель. За «земщиной» оставались лишь самые окраинные восточные и западные области Поморья, основные же («город Устюг со всеми волостьми, город Двину, Каргополь, Вагу», также Тотьму) царь Иван приказал ведать «на свой государев обиход» еще в январе —

[1] Летопись, рассказывая об «отъезде» в 1564 г. Ивана IV в Слободу, и о последовавших вслед за тем царских опалах и учреждении опричнины, отметила: «К гостем же их купцом и ко всему православному крестиянству града Москвы царь и великий князь прислал грамоту с Костентином Поливановым, а велел перед гостьими и перед всеми людми ту грамоту прочести дьякон Путилу Михайлову да Ондрею Васильеву: а в грамоте своей к ним писал, чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет» (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 392). Подобное «милостивое слово», обнародованное на площади дьяками, стало, конечно, широко известно всему населению нового «государева удела» — опричнины.

феврале 1565 г.[1] Новые «опришнинцы» почувствовали себя, видимо, на особом привилегированном положении, и под покровом опричнины новую силу получили их старинные междуволостные споры, в которых «государевы» люди откровенно сводили свои счеты с оставшимися в «земском» соседями. Эта сторона жизни опричного населения очень мало отражена в современных ей документах. Тем больший интерес поэтому представляют материалы, связанные с переписью («дозором») 7082—7083 (1574—1575) гг. крайних северных областей Московского государства, сохранивших некоторые отзвуки такой борьбы.[2] Но для того, чтобы яснее представить ее развитие, необходимо прежде всего остановиться на значении самой переписи в ряду других, ей непосредственно предшествовавших.

«Дозор» 7082—7083 гг. был произведен писцами Василием Третьяковым-Дементьевым сыном Агалиным и подьячим Степаном Федоровым сыном Соболевым и охватывал ряд волостей на северо-западе и северо-востоке московского Поморья по Кольскому полуострову и по Пустоозерской окраине в нижнем течении р. Печоры. Писцы, надо думать, начали с описания кольских волостей, а затем уже перешли на Пустоозеро.

Подлинные «дозорные» и «писцовые» их книги по Кольскому полуострову не дошли до нашего времени и известны только по сохранившимся «сотным» выписям из них[3] да по упоминаниям и выдержкам, которые вошли в состав позднейших (7116, 7117 и 7119 гг.) писцовых кольских книг Алая Михалкова и

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 394—395.

[2] Материалы эти: 1) «Опросные речи» Антониево-Сийского монастыря перед писцами В. Агалиным и подьячим С. Соболевым о причинах запустения Варзужской волости Двинского у. и 2) «Платежница» с Пустозерских дозорных книг В. Агалина и подьячего С. Соболева см. ниже, ч. III, «Документы», № 20 и № 21.

[3] «Сотная» на волость Кереть — Сб. ГКЭ, II, № 138; «сотная» на волость Варзугу — «Сб. материалов по истории Кольского п-ва в XVI—XVII вв.», Л., 1930, № 6; «выпись» на погост Норицкий — там же, № 5.

дьяка В. Мартемьянова.[1] Пустозерский же «дозор» Агалина и Соболева был известен до сих пор только по упоминаниям в позднейших документах,[2] и публикуемая нами «платежница» представляет, кажется, единственный документ, составленный целиком на основании этого «дозора» и непосредственно за ним. Пустоозеро впоследствии вообще не подвергалось ни «письму», ни «дозору» вплоть до 7187 (1678—1679) г., когда там была произведена перепись стольником и воеводою Гавр. Тухачевским, «книги» которого сохранились в подлиннике.[3]

Непосредственными предшественниками Агалина и Соболева по описанию этих местностей были «двиняне» Яким Романов и Никита Пятунин, которые в 7071 (1562—1563) г. описали Кольский уезд,[4] а в следующем 7072 (1563—1564) г. произвели описание и «уезда» Пустозерского (вместе с Усть-Цилемской слободкой). «Книги» Я. Романова и Н. Пятунина послужили для Агалина и Соболева «приправочными», т. е. такими, которые должны были лечь в основу их собственного «письма» и которые необходимо было только «дозрить» (проверить устаревшие данные и внести в них соответствующие изменения). Для некоторых волостей Кольского полуострова (напр. Keретской) Агалину и Соболеву в качестве «приправочных книг» служили также и книги специального «дозора» Третьяка Зайцева, который «дозирал» эти волости, повидимому, в 7078 г.[5]

---

[1] О судьбе «книг» Агалина и Соболева по Кольскому п-ву см.: А. И. Андреев. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г., стр. 139—140; С. Б. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 51—52.

[2] С. Б. Веселовский, ук. соч., I, стр. 52—53.

[3] С. Б. Веселовский, ук. соч., II, М., 1916, стр. 621.

[4] От этих «книг» сохранились также только «сотные грамоты»: на волость Варзугу, выданная 15 июня 1563 г. (Сб. ГКЭ, I, № 165) и волость. Кереть (там же, II, № 137), выданная 11 июля 1563 г.; обе «сотные» подписаны дьяком приказа «Большого Прихода» Меньшим Мелентьевым.

[5] Сб. ГКЭ, II, № 137.

Как «дозор» Агалина, так и «письмо» Романова и Пятунина вызваны были, конечно, не случайными обстоятельствами; к сожалению, за отсутствием прямых указаний приходится только строить догадки о причинах, их вызвавших.

Описание Якима Романова и Никиты Пятунина явилось, надо полагать, едва ли ни первым, произведенным по приказанию московских властей; по крайней мере сведений о более ранних писцовых книгах этих местностей неизвестно. Романов и Пятунин, таким образом, фиксировали старинные отношения, сложившиеся на Двине и в Заволочье еще во времена новгородского владычества. К началу 60-х годов XVI в. уже очевидно становилось невозможным отсутствие строгого учета всех богатых промысловых угодий, раскинувшихся среди становищ и пастбищ местного населения «крещенной» и «некрещенной» «лопи» и «самояди»; нельзя было довольствоваться только теми данными, которые сообщали сами владельцы этих промыслов, когда выхлопатывали себе в Москве на них те или иные «жалованные грамоты», гарантирующие определенные права и налагающие известные обязанности фискального порядка.

Характерно, что такое закрепление итогов многолетнего хозяйничанья на северных промыслах было произведено не посланцами из центра, а лицами местного происхождения, «двинянами», конечно хорошо знавшими все местные условия и особенности . Конкретным поводом для проведения этого письма послужили, думается, неурядицы в деле правильного и неукоснительного взимания «государевых даней и оброков», возникших к исходу 1550-х годов на самой Двине. Государственное финансовое хозяйство в Двинской области, в 1556 г. получившей права самоуправляющейся общины, пришло в явное расстройство, и уже в 1557 г. из Москвы с двинян грозно требовали наведения полного порядка в сборе и взносе податей. В 1558—1559 гг. поэтому была произведена и новая опись всего Двинского уезда писцом Вас. Гагиным, в результате которой около 1562 г. в Москве решили вернуть верховное административно-финансовое управление Двиною от дьяка

Путилы Михайлова по старине в руки государевых казначеев, сохранив, однако, за Двинскою землею право на самоуправление.[1] Безусловно для продолжения этой описи Гагина и были отправлены уже непосредственно с Двины описывать Кольские и Пустозерские волости Я. Романов и Н. Пятунин. Оба писца были действительно коренными «двинянами» и людьми, видимо, далеко не последними в двинском обществе: «Яким Романов, сын «Великой Головы», уже в 1540-х годах выступал в качестве «послуха» при совершении различных земельных сделок, причем иногда и сам писал необходимые документы, являясь, таким образом, лицом, которому хорошо были знакомы все приказные навыки,[2] а семейство Пятуниных владело издавна угодьями на о. Солоткове, и некоторые представители этой фамилии бывали лично в Москве, добившись в 1556 г. у государева дьяка Василия Андреева подтверждения своих прав.[3] Подобные люди, знавшие приказные порядки, и были выбраны для производства описи части (восточной) [4] волостей Кольского полуострова и далекого Пустоозера. Однако оброчные земли, описанные ими, находились в ведении не казначеев, а приказа Большого Прихода, куда и были отправлены составленные ими «книги» и откуда уже в первой половине 1563 г. выдавались с этих книг сотные грамоты.

---

[1] См. очерк «Кормленые дьяки и вопрос о происхождении четей».

[2] Сб. ГКЭ, I, № 110, 111, 112, 133, 148, 150: — отец его Роман Павлов «Великая Голова», значится в акте 1532 г. (там же, № 71).

[3] Там же, 87, 89, 96 (грамота 1542 г., Нечаю и Истоме Петуниным, подтвержденная в 1556 г.).

[4] Западные волости Кольского п-ва (Кемскую, Подужемскую, Масло озерскую и Пебоозерскую (одновременно с ними в 1562 г. описывали писцы, видимо, отправленные из Москвы: Никифор Харламов и подьячий Иван Рухотин; в 1553 г., параллельно письму на Двине И. П. Заболоцкого и Д. И. Темирева (1552—1553 г.), эти волости описывали Пятый Карташев, Василий Морев и подьячий Дий Подосенов (А. А. Савич. Соловецкая вотчина в XV—XVII в., стр. 17, 61). — Трудно сказать, почему Романов и Пятунин не описали всех кольских волостей и туда направили переписчиков из центра.

С образованием опричнины богатые промыслы на Кольском полуострове и в Пустозерье остались «в земском». Опричные двиняне сразу же учли свое «особное» положение, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Так, на Пустоозере они (вместе с жителями волости Пинеги) обязаны были платить налоги согласно выданной им «царевой и великого князя грамоте», давая со своих «тонь» в «казну» пустозерским властям «оброку по шти рублев на год»; да сверх того «с тех же тонь с улову десятную рыбу семгу, чем хто ни уловит»; «а в откупу, — прибавляли впоследствии пустозерские таможники, рассказывая о поступках двинян и пинежин, — та десятая рыба с пустозерского тамгою — вместе».

Будучи, таким образом, тесно связанными с местными откупщиками, дивняне и пинежане с образованием опричнины в 1565 г. сразу же разорвали эту невыгодную для них зависимость, о чем не сочли даже нужным вполне точно информировать пустозерских таможников. Дозорщики Агалин и Соболев в 1574 г. смогли поэтому только записать по поводу поведения опричных поморов: «А пустозерские таможники Третьяк Коровин с товарыщи и целовалники сказали про ту десятую рыбу, что у них в волости теми тонями владеют двиняне и пеняжене, а в государеву казну за ту десятую рыбу оброку не дают тому десять лет; а про оброк не ведают же — дают ли они государю в казну с тех угодей по шти рублев на год, что в книгах написано; а сказали, что учали двиняне и пеняжене тот оброк платити в четверть дьяка Дружины Володимерова, как Двиньская земля приписана была к государеве опричнине».[1]

Но пустозерские промысловые угодья отстояли далеко от Двинской земли; двиняне поэтому не были особенно заинтересованы в них, тем более, что откупная операция по самому ценному промыслу — «красной рыбе семге» — находилась не в их руках; наконец, по размерам своим эти «тони», видимо,

[1] Публикуемую ниже «платежницу» см. ч. III, «Документы», № 21.

не были очень велики. Иное представляли собою угодья на Кольском полуострове и в первую очередь по географически самой ближней и исстари связанной с Двиною, известной своими природными богатствами р. Варзуге. Здесь двиняне — «опричники» не ограничились одним только самоуправным переходом в новую платежную инстанцию, а стали на путь прямых насильственных действий по отношению к местному населению, результатом чего было сопротивление коренных варзужан и жестокая карательная экспедиция из московского опричного управления, беспощадно подавившая возникший протест.

Уже из «книг» Я. Романова видно, что двиняне на промыслах Кольского полуострова сами выступали в качестве откупщиков-предпринимателей, брали на откуп в Москве взносы за «десятую рыбу семгу», следуемые с варзужан и жителей более отдаленных кольских волостей Кемской, Умбской и Шуйской: «А откупают тое десятую рыбу семгу двиняне на Москве с кемскою и унбьскою десятиною вместе, а с реки с Кеми и с реки с Шуи и с тонь с морских, которые тянут к Кеми и к Шуи, откупу идет царю и великому князю в Казну за десятую рыбу семьдесят рублев денег. И всего откупу идет в цареву и великого князя казну с реки с Варзуги и з сторонних речек, которые тянут к Варзуге, и с морских и с речных тонь, и с реки с Унбы, и с реки с Кеми и с реки с Шуи и с тонь с морских и речных, которые тянут х Кеми, и к Шуи и к Унькбе за десятую рыбу семгу двесте семьдесят пять рублев».[1]

Но двинян привлекали к Варзуге не одна только описанная откупная операция, дававшая двинянам возможность широко эксплоатировать зависящих от них ловцов ценной семги. Двиняне интересовались варзужскими промыслами и

---

[1] Сб. ГКЭ, I, № 165, стр. 170. — «Десятая рыба семга» — десятая часть улова, которую следовало вносить в царскую казну: переведенная по предварительному расчету на деньги, внесенные в Москве за целую волость «откупщиком», она затем собиралась последним с населения.

как прямые в них участники-владельцы, причем их доли были тесно переплетены с долями местных жителей, русских и лопарей, что, конечно, вызывало постоянные споры и столкновения: «По морскому ж берегу, — читаем в сотной 1563 г., — от Варзуские межи от речки от Каменки в Мурманской конец реки и тони, а владеют ими изстари двиняне: половина речки Каменки, а в ней заборишко, а другую половину тое речки Каменки ведают Варзужа[ня]. . ., речка Пялица, а в ней заборишко, половина тое речки двиняном, а другую половину тое речки ведают Терские лопари. И всего дватцать девять тонь, да четыре речки, да ручеек. А ловят на тех на всех тонях и в речках двиняне красную рыбу семгу, а царю и великому князю дают с улова десятую рыбу, по тому ж, как и варзуженя, а сверх тое десятые рыбы дают они царю и великому князю в казну с тех рек и тонь оброк з двинскою данью вместе по двинским книгам, а тое десятую рыбу откупают двиняне на Москве с варзуской десятиною вместе».[1] Таким образом, двиняне, держа на откупе улов семги чуть ли не на всем Кольском полуострове в своих непосредственных вотчинах в Варзужской волости были независимы в податном отношении от последней, так как все вносили они сообразно тому, как исчислялось и было записано за ними в их собственных «двинских книгах».

Этот порядок с наступлением опричного времени, однако, был поневоле сбит: с Двины, как мы видели, доходы стали взиматься в опричную четверть дьяка Дружины Володимирова,[2] а оброки с волостей на Кольском полуострове, очевидно, должны были попрежнему вноситься в общеземской Большой Приход. Это обстоятельство безусловно еще более запутало отношения и повело к открытой междоусобице.

О последней сохранился рассказ (правда, не совсем ясный) в записках голландского путешественника — купца Симона ван-Салингена, много лет проведшего на Кольском полуострове

---

[1] Сб. ГКЭ, I, № 165, стр. 171—172.

[2] О чети Дружины Володимерова см. очерк «Опричные чети».

по коммерческим делам, и бывшего близким наблюдателем всего происходившего. «В 1568 г., когда началась опричнина (Aufrissung), — пишет Салинген, — жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине (Ufrissung) великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной, отчего произошел раздор, описывать который здесь нет надобности или было бы слишком долго. Тогда из Москвы был отправлен некто по имени Басарга Федорович (Bassarga Feodorovitz) с несколькими дворянами и челядью оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую (Suyen), Кемь (Kieni), Кереть, Кандалакшу и Умбу за то, что они не предупредили раздора, происшедшего между жителями Холмогор и варзужанами, и упомянутый Басарга собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень».[1]

Экзекуция Басарги ураганом прошла по кольским волостям; население о ней долго помнило и ставило наряду со стихийными бедствиями. Несколько лет спустя другой иноземец — опричник Штаден, описывая пути в Московию, кратко, но выразительно заметил о Шуе: «Шуя Карельская — бухта и незащищенный посад: опустошен опричными»;[2] а относительно Керети записали Агалин и Соболев: «...Запустели Керецкой волости дворы и места дворовые пустые и варницы и всякие угодья от лета 7076-го году от лихова поветрия и от голоду и от Басаргина правежу и от Двинского иску».[3] Опустошение было настолько велико, что вслед за Басаргою, когда он еще не окончил даже всей своей карательной экспедиции, из «земщины» был отправлен специальный «дозорщик» Третьяк Зайцев, который и констатировал для некоторых волостей (напр. Керецкой) как огромную убыль населения, так

[1] А. М. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI веке, стр. 304—305.

[2] Г. Штаден, ук. соч., стр. 64. — Шую в 1568—1569 гг. описывали (до «правежа» Басарги) С. В. Коречов и подьячий Никифор Семенов (А. А. Савич. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв., стр. 17); о запустении этой волости от Басарги — см. там же, стр. 74.

[3] Сб. ГКЭ, II, № 138, ст. 461, ср. ст. 454 и 458.

и разорение промысловых угодий, почему и пришлось частично «сложить» с волости следуемый с нее ежегодный оброк.[1]

Двиняне воспользовались приездом Басарги с опричниками не только для того, чтобы сломить варзужан и поддерживавших последних жителей других кольских волостей, но направили его «правеж» и на взыскание долгов вообще со всех своих старых и неисправных должников. Такой, например, оказалась зажиточная торговая Сумская волость, принадлежавшая Соловецкому монастырю. Получить (очевидно с лихвой) все следуемые платежи с вотчины богатого соседа — феодала «опричные» двиняне смогли особенно легко именно в это время, так как Соловецкий монастырь в связи с делом митрополита Филиппа и обнаруженными в монастыре его сторонниками находился в «государеве опале».[2] Поэтому Басарга, окончив, повидимому, «правеж» в кольских волостях, произвел взыскание в 7078 (1569—1570) г. и на сумцах, выдав им, как сидевшим на земле хотя и опального, но все же очень крупного духовного вотчинника, соответствующую расписку: «По государеву наказу Басарга Федоров сын Леонтьева взял на Соловецкого монастыря крестьянех Сумские волости

---

[1] «А давали они (Керетчане) преж сего царю и великому князю оброку, по Якимову письму Романова, со штидесят дворов по осьми алтын и по две деньги з двора на год: а по Третьякову дозору Заицова давали они оброк з девятинатцати дворов по тому ж, по осьми алтын и по две деньги з двора на год: и убыло из живущего в пусто по Третьякову дозору Заицова перед Якимовым письмом Романова сорок один двор, а оброку сложено десять рублев и восмь алтын и две деньги на год: а ныне по Васильеву письму Агалина да подьячего Степана Соболева вышло ис пуста в живущее перед Третьяковым дозором Зайцева двадцать два двора, а были те дворы в пусте от лета 7070 осьмого по обыску три года, а запустели те дворы от Босаргина правежу и от голоду. . .» (Сб. ГКЭ, II, № 138 ст. ст. 453—454). — В Керецкой волости также числилось в 1563 г. 45 «луков» промысловых угодий, по дозору же Тр. Зайцева «убыло» 15 луков и сложено было 3 руб. оброка, «а были те луки в пусте и запустели от Басаргина правежу и от мору; соляных варниц ранее числилось 44, по дозору Зайцева убыло 28» (там же ст. ст. 457—458).

[2] А. А. Савич, ук. соч., стр. 52—54.

у старосты у Ивана у Федорова сына Щетны да у Семена Гаврилова сына Попова да у Филиппа у Степанова сына Тинды... и у всех крестьян Сумские волости исцовых исков двинян Истомы Бачюрина с товарищи и боярских пошлин и царевых великого князя прогонов 290 рублев денег, их жеребья. Да у них же взято в исцовые иски с монастырских же луков Соловецкого монастыря с варзуских с полутретьятцати луков и с полулуком и с рыбные ловли 10 рублев денег».[1]

Таким образом сумцы принуждены были не только заплатить в пользу двинян свои долги вместе с падавшею на их долю частью «боярских пошлин» и «царевых прогонов», но и все то, что причиталось тем же двинянам с Соловецкого монастыря как одного из участников в промыслах в «мятежной» Варзужской волости.

Из приведенной расписки сумцам, можно уловить, кто стоял во главе всей «агрессии» двинян по отношению к варзужанам. Это были, конечно, верхи промышленников-поморов и среди них — старинная крупная двинская фамилия Бачуриных, не раз выдвигавшая своих членов в местную выборную администрацию.[2] Сам представитель «исцов» — двинян Истома — Петр Васильев сын Бачурин был владельцем довольно значительных земельных участков,[3] а через несколько

---

[1] А. А. Савич, ук. соч., стр. 60, прим.

[2] Родоначальником Бачуриных следует считать Алексея Григорьева сына «Бачюру», в 1525—1526 гг. давшего деньги под заклад «деревни» на Лукине острове», а затем купившего ее за 14 рублей «московских» (Сб. ГКЭ, I, №№ 57, 59) и окончившего жизнь «иноком Александром» в Чухнечемском монастыре (там же, № 63). К его сыну, двинскому «сотскому», Васюку Бачурину была направлена в 1543 г., января 28, грамота из Москвы от казначеев об отмежевании и отводе Антониеву Сийскому монастырю пожалованного леса и других угодий (там же, № 97).

[3] Истома Бачурин был, повидимому, сыном «соцкого» Васюка; в 1556 г., июля 26, он дал вкладом в Николо-Карельский монастырь «по души по Марьи скимнице да по Иеве по Ковде по Олексееве сыне Вачюрине» (очевидно — по своем дяде, сыне Алексея Бачуры) «деревеньку» в Скрилеве (Сб. ГКЭ, I, № 117); «а та деревня, — прибавлял

лет, к 1576 г., он, как видный, надо думать, местный торговый человек, был уже «переведен» в Москву, но и там не забывал своей родины и жертвовал вклады в двинские монастыри.[1]

Наведший в угоду двинянам грозный опричный порядок Басарга Леонтьев сам также, повидимому, был связан с двинскою торговою «аристократией». Происходя из мелких служилых людей Переяславль-Залесского уезда, вотчины которых были расположены вблизи опричной резиденции, Александровой слободы, он вместе с братом своим Васенковым в 1566 г. пригласил в качестве свидетеля при совершении вклада в опричный Стефанов-Махрищской монастырь представителя такой видной двинской фамилии, как Кобелевы, в ближайшем будущем ставшие московскими «гостями».[2]

в своей „данной" Истома, — была у Козла да у Ивана Шахматникова вместе, и Иван Шахматников тое своеи деревни половины ступился Иеву же Козлу, брату своему, да и отступную грамоту дал, а другую половину деревни тое ж заложил мне Истоме». В качестве послухов на купчей подписались видные лица местного общества — «староста судной» П. И. Вепрев и «дьяк земской» Яков Дмитриев сын. — Истома Вас. Бачурин в том же году, августа 16, подписал вместе с известным нам уже «писцом» Як. Романовым, в качестве послуха, и купчую Троице-Сергиеву монастырю на приобретенный монастырем участок земли (там же, № 150).

[1] Сб. ГКЭ, № 214: «данная» 1576 г., ноября 14.

[2] Сохранилась следующая данная братьев Леонтьевых: «Милостию пресвятые живоначальные троици и молением пречистые святыя богородицы се яз Басарга да яз Басенок Федоровы дети Левонтьева дали есмя в дом живоначалной троице в Стефанов Махрищского монастыря игумену Варламу и келарю Асафу и казначею Олексею и свещенником и всей еже о христе братеи или по нем в том монастыре иныи игумены и старци будут по своих родителех свою вотчину деревню Оксентьево да деревню Дурносопово да селище Хирино с хоромы и з коноплеником и с лесом и с луги, а луги тех деревень на речке на Шерне: луг Березовец повыше Василова против Курбатовы деревни, а другой луг вниз на той же реке Шерне против Красника, да кулига за рекою за Шерною Круглик. А те луги к тем деревням отхожие, чем благословил отец наш Федор Левонтьевич по купчим грамотам, что купи отец наш Федор ту деревню Оксентьево да селищо Хирино у Федосьи у Никитиной жены

После «правежа» Басарги Федоровича Варзужская волость была включена в состав опричных земель. Ее «примежевали» к Двинскому «уезду» кн. Григорий Вяземский и Басенок «Федурин».[1] Оба они были присланы из опричнины. Первый был братом известного фаворита Ивана Грозного, опричного окольничего и оружничего кн. Афанасия Ивановича Вяземского, а в лице второго нельзя не узнать младшего брата Басарги — Басенка Федорова сына Леонтьева.

«Межеванье» это не органичилось только Варзужской волостью. Сохранились позднейшие известия, что ими же были присоединены к Двинской земле две большие волости: Олема по р. Вашке и Малая Немьюшка по правому притоку р. Кулоя речке Немьюге, «что отмежевал от Вычегодского уезду от Удоры к Пенеге и к Мезени кн. Григорий Вяземский

Мещеринова и у их детей, у Семена, да у Меншика, да деревню Дурносопову купил у Якова у Плохово у Васильева сына Конкова да у его детей, у Посника, да у Шереметя да у Померидона, и луги по Шерне по реке. И те деревни и селищо и луги на реке на Шерне яз Басарга да яз Басенок в Махрищьской монастырь по отце своем Федоре и по матери своей Ульяне дали в дом живоначалной троице в наследье вечных благ. И за тот вклад написати отца нашего Федора и матерь Улиянею игумену Варламу з братиею в оба сенаника, в суботной и в вечной, и во вседневной список и поминати им наши родители по всяк день, доколе святая та обитель стоит. А межа тем деревням и селищу и лугам по старым крепостям. И держати им та наша вотчина у собя в монастыре памяти для наших родителей, не продать, ни променить, ни которою хитростью не ухитрити. А на то послуси: Никита Григорьев сын Кротково, да Дмитрей Иванов сын Рязанов, да Юрьи Июдин сын Кобелев. А данную писал Степанец Иванов сын Бакланов лета 700 семдесят пятого». На обороте: «К сей даной Басарга руку приложил. К сей даной Басенок руку приложил. Послух Дмитрей руку приложил. Послух Никита руку приложил». (ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Переяславль-Залесского у., № 8957, 233). — Таким образом, Левонтьевы были детьми боярскими, вероятно находившимися в постоянных общениях с дворцовой челядью, особенно во время наездов великокняжеского семейства в Александрову слободу; когда Слобода сделалась опричной столицей, Левонтьевы, видимо уже давно известные лично Грозному, поступили на службу в опричный воинский корпус.

[1] См. публикуемые «Опросные речи», Документы, № 22.

в опричнину.[1] Если вспомнить указанные выше данные пустозерской «платежницы» о поведении на пустозерских промыслах опричников двинян и пинежан, то напрашивается сам собою вывод, что и жители Пинеги одновременно со своими соседями двинянами не упустили удобный случай включить в состав «тянувших» к ним волостей богатые зверем и рыбою, но мало заселенные «земские» угодья.

Двиняне широко воспользовались своей победой, а Варзуга с тех пор прочно вошла в состав Двинской земли. Когда в начале 1570 г. начался пересмотр опричных и земских владений, а с 1572 г. само слово «опричнина» исчезло из официальной терминологии, будучи заменено прозванием «двор государев», то и Двина, и Варзуга без всяких колебаний были зачислены в «дворовые» волости. Однако именно эта опричная реформа и ряд обстоятельств внешней политики Грозного и вызвали, повидимому, назначение дозора Вас. Агалина.

Нами уже было сказано, что сейчас же за «правежом» Басарги, по горячим, как бы следам, в 1570 г. из Москвы в кольские волости для «дозора» явился Третьяк Зайцев. Но это было время «государева погрома» в Великом Новгороде, сопровождавшегося не меньшим, а, вероятно, даже значительно большим опричным террором в Новгородской области, время ликвидации остатков первого боярского заговора, и «книги» Зайцева, констатировавшие сильнейшую «пустоту», оставались, надо полагать, временно таким фискально-кадастровым документом, который невозможно было использовать. Через 2—3 года обстоятельства изменились. «Запустошенные» опричниками-владельцами земли возвращались их старым владельцам; целые опричные уезды вновь стали «земскими». Сверх того, подготовлялся большой «поход» — наступление в Ливонии, на что требовались, конечно, большие материальные ресурсы, и в приказе Большого Прихода при исчислении следуемых доходов, не могли примириться с печальными ито-

[1] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., I, стр. 17. (Ссылка на писцовую книгу 1623 г.), б. Архив. Мин. юст. (ЦГАДА), кн. 185, л. 438.

гами дозора Третьяка Зайцева. Необходима была новая, более точная поверка в надежде, что «пустота» к этому времени уже превратилась в «жило», и новые тяглецы заменили выбывших «от глада», мора, государевых податей и опричного «правежу». Наконец, постоянные столкновения и споры со Швецией и Норвегией (Данией) из-за рубежей в Лапландии повели к тому, что в Москве было решено установить более или менее точное разграничение владений. В 1573 г., по словам Симона ван-Салингена, в порубежные места прибыли из Москвы «русские бояре или послы» «для расследования местных условий и установления границы с королевством Норвежским», которые и «обревизовали Лапландию», положив рубежом Паз-реку и приказав всем русским удалиться с р. Полной, отданной норвежцам.[1] Нельзя сомневаться, что эта общая «ревизия» Лапландии осуществлена была также «дозором» Вас. Агалина, в соответствии со своими специальными целями охватившими «письмом» не только кольские волости, но и далекое Пустоозеро.

Подводя итоги своей работе, как дозорщика-ревизора, Агалин в своих писцовых книгах коснулся и «деятельности» на Варзуге двинян — скрыть причины разорения кольских волостей он не мог, но сделал это очень осторожно, чтобы, очевидно, не очень задеть людей, принадлежавших к «государеву особному двору». В сохранившейся с его книг Варзужской «сотной» Агалин так резюмировал результаты своего дозора: «Варзужские ж волости луковые угодья, леса и пожни и рыбные ловли от Умской межи, от реки Оленицы, да в Мурманской конець к Святому Носу по речку по Пялицу, сыскав по государеву наказу и по правой грамоте великого князя Ивана Васильевича всея Русии и по государевым грамотам великого князя Василья Ивановича и по нынешним государевым царевым и великого князя Ивана Васильевича всея Русии жаловальным грамотам и по письму и по сотным грамотам прежних Поморских писцов и обыском всей Поморской

[1] А. М. Филиппов, ук. соч., стр. 303.

земли и Каргапольцов и Онежан приезжих торговых людей, реку Варзугу и морские береги по обе стороны реки Варзуги описав, и на варзужан оброк положен из наддачи по тому ж, как они преж сего оброк в государеву казну платили, по триста по тритцати по четыре рубли и по пятинатцети алтын и по четыре денги на год, да с новоприбыльного двора перед Якимовским письмом Романова оброку гривна на год, потому что Двиняне государевых многих доходов перед Варзужанами не додавали».[1]

Так, в конечном результате не совсем ясной и понятной фразой была покрыта «деятельность» двинян на Варзуге. Но совсем иная картина полного разорения волости и откровенного расхищения оставшегося имущества встает перед нами в подготовительных к составляемым «книгам» документах — в публикуемых «опросных речах» некоторых из упомянутых выше «приезжих людей», двух монахов Николо-Корельского и Антониево-Сийского монастырей. Характерны здесь и явно растерянные вопрошания писцов, встретивших небывалые по размерам опустошения и следы полного самоуправства еще спустя 3—4 года после «правежа» Басарги и «Двинского иску», и сдержанно-уклончивые, но поневоле выдавшие истину ответы монахов, которые не посмели целиком скрыть правду, отделившись только одной ссылкой на «слухи». Дело касалось в «опросных речах» основного владения двинян на Варзуге, послужившего яблоком раздора и вызвавшего затем карательную экспедицию Басарги. Но очень любопытен один факт: хотя эти владения были записаны за двинянами еще в книгах Я. Романова и это же подтвердили в своих «опросных речах» и «старцы» Илья и Герман, писцы Агалин и Соболев записали их не за двинянами, а за варзужанами.[2] Не-

---

[1] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 6, стр. 33.

[2] См. «сотную» с книг Агалина в «Сборнике материалов по истории Кольского полуострова», № 6, стр. 37, где читаем: «По морскому ж берегу от речки от Каменки реки и тони: речка Каменка, а в ней забо-

вольно напрашивается вопрос, кто же эти «новые варзужане»? Думается, что под ними следует подразумевать все тех же двинян-победителей, после присоединения к опричнине Варзуги захвативших и растащивших брошенное бесхозяйственное имущество, а затем осевших в новой опричной уже волости в качестве ее постоянных и полноправных обитателей, у которых не могло быть более никаких споров со своими оставшимися на континенте земляками.

Высказанное предположение находит себя подтверждение в дальнейшей судьбе откупной операции с «десятой рыбой семгой», которую, как мы видели с давних пор, крепко держали в своих руках жители Двинской области. Через несколько лет после дозора Агалина этот выгодный промысел был в Варзужской области отдан дьяками «Дворового» (опричного) четвертного приказа совсем иным лицам, причем «варзужане» сохранили за собою откуп только на старинных двинских угодьях в Варзужской волости. Именно, 14 февраля 1581 г. крестьяне Троице-Сергиева монастыря Гриша Крячков и Михалко Лурнин добились себе грамоты на Двину, из которой видно, что они сумели перебить откуп у прежних откупщиков, вытеснив последних на их исходные позиции в борьбе за захват варзужских угодий. «А брати им Крячкову и Дурнину, — читаем в грамоте, — та десятая рыба семга со всяково улова, которые ловят рыбу семгу в реке в Варзуге и в тонях морских и в речных заборех, с улову десятую рыбу семгу, чем хто сколько ни уловит, опричь леших угодей и опричь тех угодей, что по морскому берегу от речки от Каменки, дватцати девяти тонь, да четырех рек, да ручейка: а ловят на тех тонях и в реках Варзужане всею волостью и старцы Соловетцкого монастыря и Корельского красную рыбу семгу всею волостью; а оборку они Крячков и Дурнин

ришко... речка Пялица, а в ней заборишко, половину тое (речки) ведают Варзужаня, а другую половину тое речки ведают Терские лопари, то им межа. И всего дватцать девять тонь да четыре реки да ручеек». Таким образом, перечисленные промысловые угодья безусловно одни и те же во всех «книгах» и «речах».

дают на год по двадцати по пяти рублев».[1] Таким образом, эти «варзужане» 1581 г. распоряжались ловлею семги только на тех местах, которые до событий 1568—1569 гг. принадлежали исстари «двинянам», очевидно сумев доказать в Москве перед дьяками свои старинные на них права. В следующем 1582 г., однако Крячков и Дурнин, «наддав» над старым откупом еще 5 рублей и соблазнив тем московских «дворовых» дьяков, добились получения всего варзужского откупа.[2] Этим распоряжением Москвы и закончилась эпопея борьбы за промыслы, принесшая разорение и запустение нескольким волостям и «поимание» одной из них в «опричнину». Лопарское население, упомянутое в качестве совладельцев промыслов на Варзуге и в приморских луках еще в 1573—1574 гг., в грамотах 1581—1582 гг. уже не называется вовсе, повидимому, оно было вытеснено в более глухие места вскоре после того, как был произведен дозор — «ревизия» В. Агалина.

Все эти передряги на крайнем севере Московии отразились, надо думать, в центре на лицах, которые непосредственно были связаны с наблюдением за сбором и получением государевых доходов: напрашивается само собою вывод, что именно за это мог пострадать жестоко казненный в 1568 г. старый земский казначей Хозяин Юрьевич Тютин, очевидно недоглядевший или попустительствовавший варзужанам и другим жителям кольских волостей,[3] а опричный четвертной дьяк Дружина Володимеров, сумевший крайне сурово «выбить» необходимые деньги из «земщины», но допустивший чересчур серьезное опустошение богатых северных промысловых угодий,

---

[1] Сб. ГКЭ, II, № 236 а, ст. 830.

[2] Там же, II, № 255 а, ст. ст. 831—832: «брати им та десятая рыба семга со всякого улову, которые ловят рыбу семгу в реке в Варзуге, и в тонях морских, и в речных забораз, и по морскому берегу, с улову десятую рыбу семгу со всяких ловцов, с неводчиков, и с харов, и с речных заборов и с переметов, и з поездов, хто сколько ни уловит, з государевых царевых и великого князя крестьян и с княженетцких, и з боярских, и со владычных, и с монастырских, и со всяких ловцов и з грамотников».

[3] О казни Тютина рассказывают Шлихтинг, Таубе, Крузе, Курбский, и синодики «опальных» (С. Б. Веселовский. Синодик, стр. 351).

отделался сравнительно очень легко — был всего лишь переброшен в «земское», где и занял место, соответствующее обнаруженным способностям по сыску и наказанию преступников».[1]

Если для истории варзужско-двинских отношений и опричного «правежа» Басарги Леонтьева публикуемые ниже «речи» имеют важное значение, вскрывая затемненные и завуалированные в составленных дозорщиками В. Агалиным и Ст. Соболевым книгах действительные размеры и характер «правежа» и его последствий, то другой документ — «Платежница» с тех же дозорных книг по Пустоозеру дает много нового для характеристики далекой северо-восточной окраины Московского царства второй половины XVI в.

Пустозерский «острог» вырос в качестве опорного пункта в колонизационно-завоевательном наступлении Москвы в далекий и богатый Сибирский край на самом рубеже XV и XVI вв. Старым путем, проложенным еще новгородцами, прошли московские войска в 1499—1501 гг. под начальством князей Петра Ушатого и Семена Курбского из Двинской земли р. Пинегою, затем волоком в р. Кулой до устья, далее вдоль берега моря до устья Мезени, р. Мезенью в Пезу, волоком в р. Цильму (приток Печоры), р. Печорою, опять притоком последней, Щугором, волоком в рр. Сыгвой и Сосьвой, принадлежащими уже бассейну Оби. В результате этого похода и был «зарублен» Пустозерский «острог», скоро ставший из военно-стратегического пункта центром оживленной промысловой и торговой деятельности.

---

[1] В начале 1570-х годов Дружина Володимеров служил в «земщине», сперва, повидимому, дьяком «в суде у бояр», а затем — старшим дьяком в Разбойной избе. Так, 12 февраля 1571 г. он подписал «купчую», выданную боярином В. П. Яковля после суда дьяку Вас. Як. Щелкалову на вотчину подьячего Улана Айгустова, «доводившего по науку» кн. М. Т. Черкасского на Щелкалова «многие лихие дела» и сознавшегося в этом после пытки (АЭ, I, № 280; также: РИБ, «Архив П. М. Строева», I, № 246); в 1572 г. он записан в разрядах среди земских дьяков, оставшихся в Москве («Синбирский сборник», «Разрядная», стр. 34), а в 1573 г. отмечен уже дьяком Разбойной избы (Др. Росс. Вивл.», XIII, стр. 120; см. очерк «Из истории опричной территории».

К Пустозерскому же «уезду» в XVI в. принадлежала и Усть-Цилемская слободка, возникшая в качестве постоянного поселения в первой половине столетия, хотя уже в конце XV в. место это привлекало внимание московского правительства. Именно, в 1492 г. в виду открытия на р. Цильме серебряных и медных месторождений из Москвы распорядились послать туда «деловцов», «кому руду копати»: из Устюга Великого — 60 человек, с Двины — 100, с Пинеги — 80, пермячей, вымичей, вычежан и усоличей — 100.[1] «Платежница» и относительно Усть-Цильмы дает первое по времени (сохранившееся до нашей поры) описание.

«Дозирать» Пустоозеро Агалин и Соболев явились в 7083 (1574—1575) г. уже по исполнении своей основной задачи на Кольском полуострове. В Пустоозере они отметили полную противоположность опустошению Лапландии: сравнительно с предыдущим «письмом» Якима Романова за 11—12 лет население увеличилось на 47 дворов с 69 проживавшими в них людьми, которые могли бы стать самостоятельными тяглецами — оброчниками. Однако все это было исключительно пришлый народ, работавший у промышленников-аборигенов: «А промыслу у них в угодьях нет никоторых, — записали В. Агалин и Ст. Соболев, — кормятца о старых жилцах, наймуются у них по их промыслом». К сожалению, нет возможности определить, откуда именно явились эти пришлецы; часть из них, конечно, явилась с юга,[2] но относительно основной массы едва ли можно сомневаться, что она образовалась из выходцев разоренных опричным правежом волостей Кольского полуострова и Двинской земли.[3] Кроме этих наймитов отмечены еще «пять дворишков, а людей в них пять человек, и угодья у них никаково промыслу нет, питаютца

[1] А. И. Андреев. Колонизация Севера в XVI—XVII веках. стр. 46; С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в., стр. 19.

[2] В «платежнице» отмечены, напр., два «новокрещена ногайских», «воложанин», «псковитин», «литвин», «волочанин».

[3] «Платежница» отмечает одного «Кулоянина», т. е. пришлеца с р. Кулоя; упомянут также живший в чужом дворе «Чаща сапож-

о мире»: но это были «нищие» (среди них даже «Ромашко пономарь») и, повидимому, местного происхождения.

Особо записаны оброчные тони и ловли, принадлежавшие двинянам и пинежанам, о которых нам уже приходилось говорить ранее.[1] Сверх того дозорщики отметили и эксплоатацию промыслов «наездом». «Да в Пустозерской же уезд на морские острова приходят двиняне, устюжане и пенежане да на море промышляют бьют зверь моржа, а царю и великому князю в казну дают с того своего промыслу десятую кость, зуб лутчей, а емлют у них тое десятину Пустозерские целовалники». Наконец, среди постоянного промыслового народа появлялись и «прихожие люди, казаки», которые «ходят на морской промысел и в Югру з гостьми», т. е. являлись наймитами, несущими, вероятно, обязанности лоцманов, проводников и охранителей торговых людей, отправляющихся с товарами «за Камень», т. е. за Уральский хребет для торга в «Югре» (бассейне р. Оби) с жившими там племенами.

В этнографическом отношении население распадалось на три основных группы: «русаков», коми — «пермяков» (выходцев с верховьев Печоры и из Пермской земли) и ненцов — «самояди» — автохтонов края. «Русаков» числилось сто девяносто три человека в 92 дворах, «пермяков крещеных» — 89 человек в 52 дворах (только способных к тяглу мужчин, не считая женщин и детей, в «письмо» и «дозор» не занесенных). «Самоедь Пустозерская царева и великого князя тяглоя некрещенная» жила «около Пустозерья».

ник» — человека с таким характерным прозванием мы встречаем, напр., в одной из «вкладных» 1569 г., как бывшего владельца двора на Вагинеострове («Игнатий Чаща Кононов сын», Сб. ГКЭ, I, № 76, стр. 181).

[1] Всего за двинянами и пинежанами отмечено 17 тонь, которыми они владели «по государеве и великого князя по оброчной грамоте»; оброку, кроме откупной «десятой рыбы семги», они давали с тех тонь по 6 руб. в год.

Часть вторая

ПРИКАЗЫ

7. «Кормленые дьяки» и вопрос о происхождении четей в Московском государстве XVI века

Редко какое из центральных учреждений Московского государства так привлекало к себе внимание исследователей, как «чети»: имеется ряд статей и заметок, трактующих о их значении и происхождении. И, вместе с тем, нельзя не отметить, что до сих пор нет не только более или менее полной истории развития этих приказов, но даже и самый вопрос о том, откуда и как они возникли, остается спорным. Установлено только, что чети появились в связи с земской реформой Ивана Грозного. Далее выводы исследователей расходятся: одни, как С. Ф. Платонов, считают, что чети были подчинены Разрядному приказу, через дьяков которого Боярская дума первоначально и ведала четвертные дела; другие — М. А. Дьяконов и последователи его мнения — предполагают, что четверти возникли из «ведомства казначеев», но очень рано от него обособились; наконец, одиноко стоят некоторые историки-юристы (М. Ф. Владимирский-Буданов и А. Н. Филиппов), придерживающиеся взглядов А. Д. Градовского о происхождении четей как результат роста территории Московского государства и перенесения в Москву старых удельных центральных управлений.[1]

[1] Подробный обзор литературы о четях см.: Е. Д. Сташевский. К вопросу о том, когда и почему возникли чети, стр. 28; С. А. Шумаков. К истории московских приказов, стр. 511—533.

В задачу этого очерка не входит пересмотр вопроса в его историографическом развитии; тем более, автор не претендует на разрешение вопроса о четях в целом. Поэтому в последующем изложении почти совсем и не найдут себе места какая-либо полемика или опровержение иных построений; целью автора является дать иллюстрацию к тому приему изучения московских приказов — «четей», какой представляется ему необходимым.

Прием этот можно было бы назвать, если угодно, «методом обратного изучения»; заключается он в том, чтобы, определив основные, характерные, функции данного учреждения в его сложившемся, окончательном виде, затем выяснить, где эти функции проявлялись до того момента, когда начинают уже становиться известными главнейшие черты изучаемого.

«Четью», «четвертью», «четвертным приказом» или «избою» в Московском государстве XVI—XVII вв. называлось центральное учреждение с территориально-местным кругом деятельности, собиравшее с населения «четвертные» доходы [1] (в основе их лежал «окуп за наместничь доход и присуд», иначе «кормленый оброк», «белый корм»), ведавшее это население высшим судом и управою и расходовавшее собранные доходы на содержание особого слоя служилых людей, «емлющих государево жалованье из чети», так называемых «четвертчиков».[2] Момент появления двух функций четей определен С. Ф. Платоновым, как упомянуто было выше, совершенно точно: и «окуп на наместничьи доходы» и «четвертчики» — белые кормленщики, содержавшиеся четью — могли оказаться в московском прошлом только после земской реформы Грозного 50-х годов. Летопись в рассказе об отмене кормлений и говорит, что царь приказал окуп собирать своим государевым дьякам «к царьскым казнам», а служилых людей наградил «праведными уроки», «по отечеству и по до-

[1] Исключение составляла позднейшая «Новая» или «Кабацкая» четь XVII в., имевшая и свои специальные доходы.

[2] «Четвертчиков» не имели, по всей видимости, чети Новгородская и «Кабацкая».

родству», — в 4-й или 3-й год денежным жалованьем.[1] В этих «дьяках» с «казнами» видят совершенно ясно и основательно будущих «четвертных» дьяков и «четвертные» кассы. Но ни строго местное, областное ведомство чети, ни судебно-административные функции ее дьяка не вытекают из летописного изложения указа.

Позволительно, конечно, думать, что последние обязанности были возложены на дьяков вновь образованных касс по сбору «белого корма» — тогда чети явятся целиком как следствие земской реформы и плодом, очевидно, сложной теоретической работы правительственной мысли; в таком случае изучение вопроса должно было бы сосредоточиться на анализе изложения летописью указа об отмене кормлений и на бесплодных, наверное, поисках подлинного указа. Можно, однако, следуя предложенному выше приему, повернуть исследование и попытаться поискать, не было ли в Московском государстве еще до реформы, в «эпоху кормлений», таких учреждений или лиц, которым были бы присущи оба интересующих нас признака чети. При подобной точке зрения четверти выросли не в результате реформы местного управления, а в качестве косвенного ее отзвука: они образовались из некоторых старых органов власти, получивших по отмене кормлений новые черты и функции.

Хорошо известно в русской исторической литературе, что представляло собою местное управление в Московском государстве до 50-х годов XVI в. Выяснено также и то, что власть провинциальных управителей-кормленщиков ограничивалась правительством издавна, задолго до окончательной ее ликвидации, путем установления института губных старост, городовыми приказчиками, уставными грамотами населению — регламентацией взаимоотношений управителя и управляемых: все это в целях контроля над деятельностью местного администратора-кормленщика. По уставным грамотам мы почти не можем сказать, кто отправлял такие контрольные обязанности

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 1, стр. 268.

в центре, в Москве; ясно лишь, что все дворцовые волости получали указы из государевых «дворцов», откуда присылались и пристава-недельщики; для дворцовых волостей дворецкие представляли, по всей видимости, и высшую апелляционную инстанцию.[1] Подобные же обязанности вменялись в некоторых случаях и казначеям.[2] Актовый материал дает исследователю достаточно указаний на суд дворецких и казначеев, но для нашей цели важно и достаточно отметить лишь существование контрольных органов по провинциальному управлению кормленщиков, не вдаваясь в подробности вопроса о суде казначеев и дворецких.

Несколько более, чем из уставных грамот, можно извлечь из Судебника 1550 г. Правда, и тут приходится ловить смысл статей законодательства даже в отдельных словах, ставя их, так сказать, на фоне общих условий московского быта и довольствуясь предположениями. Для нас важны две статьи этого памятника.[3] В статье 72-й, относящейся к постановлениям о провинциальном судопроизводстве, говорится о праве челобитчика вчинять иски лишь сообразно своему животу, промыслу «и по размету: сколько кто царевы и великого князя подати дает». Для точного определения этого права Судебник предписывал составить «розметные книги» в двух экземплярах, из которых один оставался бы у судных мужей при наместнике, а другой должен был отсылаться в Москву (ежегодно) «к тем бояром и к дворецким и к казначеем и к дияком, у кого будут которые городы в приказе». Первый

---

[1] См. уставные грамоты: с. Высоцкого, 26 янв. 1536 г. («Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 19—22); с. Андреевского, Звенигородского у. 20 апреля 1544 г. (там же, стр. 30—32); с.с. Афанасьевского и Васильевского, Московского у., 28 февраля 1554 г. (там же, стр. 37—39).

[2] См. уставные грамоты: бобровникам Ихльмехотского стана, Владимирского у., 16 июля 1537 г. (там же, стр. 22—25); Устьянским волостям, 11 сентября 1539 г. (там же, стр. 25—30); Пермской земле, 26 декабря 1553 г. (там же, стр. 32—37).

[3] Судебник цитируется по изд. проф. М. Ф. Владимирского-Буданова в «Христоматии по истории русского права», вып. 2, изд. 4, Киев, 1901.

экземпляр был необходим в провинциальном суде для контролирования прав на иск местными властями — для контроля действий уже этих властей, когда они, найдя иск вчиненным не по праву «будет живота его (т. е. истца) столко нет», — дадут, согласно требованию той же статьи вчинившего на поруку «в цареве государеве пене», возьмут с него, как с виноватого, пошлины «по Судебнику» и пришлют его в Москву. В Москве книги нужны были еще и для проверки иска посадских на своего бывшего наместника: «а которого году староста и целовальники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году им на наместника суда не дати». В уезде, у волостеля, роль розметных книг для определения законности иска играл обыск (по требованию ответчика), а в Москву присылался вместе с «ябедником» обыскной список. Таким образом, в руках приказных людей, получавших с посадских ежегодно «розметные книги», а от уездного администратора — «обыскные списки» повременно, в зависимости от обнаруженного ябедничества, сосредоточена была контрольная власть по кормленому провинциальному управлению, власть, не лишенная и кассационного характера: именно, лишь желанием московского правительства проверять правильность постановки приговора в уже вершенном деле можно объяснить требование присылки в Москву истца, ранее обвиненного в неправомерности иска и понесшего уже наказание от местных властей («и тех истцов в их искех тем и винити, и пошлины имати... ино его обвинити и пошлины на нем взятии...»).

Возможно, что именно эти контролировавшие провинциальное управление приказные люди имели право по статье 75-й Судебника посылать «записи» по наместникам, волостелям, их тиунам и людям, если становились известны «ведомые розбойные дела» кормленщиков, а также по «приказным делам», т. е. делам по службе.

Наш специальный интерес к изучению подобного рода органов центральной власти в Московском государстве половины XVI в. усугубляется еще приведенным уже выше изве-

стием о территориальной основе распределения между ними контрольных обязанностей — «у кого будут которые городы в приказе». Судебник перечисляет все, возможные тогда, категории приказных людей: бояр, дворецких, казначеев и дьяков. Из обзора уставных грамот видно, что у казначеев и дворецких действительно сосредоточивалась контрольная власть над известным количеством местностей; относительно дьяков нам придется еще говорить ниже, но упоминание в этом списке «бояр» едва ли не следует относить к чисто внешней стороне памятника, к редакционным формулам. Участие боярства в это время в приказной администрации (в качестве приказных «судей») не очень велико: «бояре» сиживали, например, в Розбойной избе,[1] в некоторых специальных «приказах» (1557 г. — «приказ» окольничего Ф. И. Умного, 1558 г. — боярина кн. Дм. И. Немого, бояр кн. Ив. Андр. Булгакова, кн. Ф. И. Шуйского), и эти приказы, можно думать, — общегосударственные.[2] В более позднее время, когда «приказ» окончательно стал из личного поручения великого князя уже «избою», учреждением с более или менее оформленной сферою деятельности, тогда действительно появляются в массе приказные «судьи» из «бояр»; несколько ранее, в удельную пору, в XV — начале XVI в., участие думных «введеных» бояр было также обширнее, но время Грозного — время господства у власти его «верников» — дьяков, чем так корили его московские политические эмигранты Тетерин и Сарыгозин. Боярин, «у которого городы приказаны», в сущности, должен был бы быть именно старинным «введеным» боярином

---

[1] См. губные грамоты и наказы в сборнике «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 51—78.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 275—276. — Дополнительные указы к Судебному в «Христоматии по истории русского права» М. Ф. Владимирского-Буданова, вып. 3, стр. 15, 16, 19, 20. — Кн. Д. И. Немой-Оболенский «с товарыщи» обязан был, однако, разослать грамоты «по городам, которые у них в суде», указы о приговоре Думы о делах по долговым обязательствам и закладе вотчин; надо думать, что это был один из предшественников будущих областных судебных приказов.

ном, а таковых к 50-м годам уже сменили, по крайней мере по отношению к привилегированным лицам, тараханщикам-иммунистам, дворецкие государевых дворов. Введеный боярин и дворецкий для этого времени — понятия, кажется, идентичные.[1] Исходя из подобных соображений, мы и решаемся в дальнейшем говорить только о казначеях, дворецких и дьяках, оставляя в стороне «бояр».

С только что разобранными указаниями царского Судебника на существование в Московском центральном управлении органов судебно-административного контроля над действиями провинциальных администраторов-кормленщиков очень любопытно сопоставить статью 47-ю того же памятника. Последняя, будучи частью постановлений о недельщиках, предписывает им, после того как их «пустят в недели», приводить своих «ездоков» и «заговорщиков» к тем дьякам, «которые дияки у кормления будут», и записывать их в книги, «чтоб ся недельщики своих заговорщиков и ездоков не отпирали» — в случае злоупотребления тех и других. «А которого ездока изымают, а тот ездок в книгах у кормленых диаков

[1] Ср., напр., любопытную грамоту 1543 г. Стефанову Махрищскому монастырю, где «боярином введеным» назван безусловно дворецкий великой княгини — «у которого будет матери моей великой княгини дворец в приказе» (этим введеным боярином был, повидимому, кн. П. И. Репнин-Оболенский см.: С. А. Шумаков. Обзор, вып. 4, стр. 481—482, № 1329). Другой не менее интересный документ, относящийся как раз ко времени Судебника, подтверждает высказанное: именно, 20 сентября 1551 г. царь пожаловал своих трех певчих дьяков данным приставством в Троицком и во всех (кроме «Благовещенья, что на Кержаче») приписных к нему, причем пристава обязаны были чинить срок монастырским людям стать перед царем «и перед... бояры и перед... дворецкими тех городов людем, которые городы у которых бояр и у дворецких в приказе будут». Здесь «боярин» несет одинаковые обязанности с дворецким и, следовательно, опять-таки являлся бы старинным боярином «введеным». Терминология акта, изданного сейчас же за введением Судебника 1550 г., без сомнения, взята из него и лишний раз подтверждает, что дипломатические пережитки языка документа при исследовании должны быть подвергнуты специальному разбору (АИ, I, № 157; также: С. А. Шумаков. Обзор, стр. 506, № 1396).

ни у которого неделщика будет не написан», добавляет Судебник, «и того ездока казнити торговою казнию».

В этих словах памятника наше внимание останавливает прежде всего наименование дьяков, которые ведают неделщиков, «кормлеными», — термин, кажется, не встречающийся более нигде в других источниках применительно к приказным людям того времени. Некоторые считают, что дьяки эти звались так потому, что они «кормились» в приказе, приказ был их «кормлением».[1] Но такое толкование не может быть принято. Дело в том, во-первых, что «кормленых дьяков» нельзя отожествлять с дьяками, вообще сидевшими в приказах, — а лишь такое предположение и имело бы некоторое научное значение, так как странно было бы совершенно произвольно выделять каких-то особых приказных людей, специально и исключительно «кормившихся» только при заведывании недельщиками, тогда как другие, вероятно, не менее важные в деловом смысле, оставались бы без подобного «кормления». Наоборот, Судебник, говоря о дьяках, действующих безусловно в центральных учреждениях, нигде не называет их «кормлеными» (ср., напр., ст. 7, 28, 29, 34, 75) в приказе сидит боярин и дьяк (77 и т. д.); можно, с большой долей вероятности, предположить, что их он именует «полатными».[2] Смысл самой 47-й статьи указывает также, что недельщики должны были записываться не вообще у всех приказных дьяков, а у определенных лиц, которые именно в момент записи «у кормления будут». Во-вторых, термин «кормленый» не содержит в себе указания на пользование кормлением как средством вознаграждения за службу. Нам

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия..., вып. 2, стр. 141—142, прим. 102.

[2] Статья 26: — «А дьяком полатным и дворцовым безчестия, что царь и великий князь укажет». Здесь очевидно говорится о дьяках государевых дворцов (Большого и местных) и дьяках других приказов; иное предположение делает В. О. Ключевский («Боярская Дума», стр. 268): «дьяки палатные — всего вернее думные». Чрезвычайно странен тогда пропуск в статье о бесчестии всех других приказных дьяков и упоминание почему-то об одних только думных и дворцовых.

известны случаи употребления этого термина: он определяет те или иные предметы, положения или отношения, связанные с управлением кормленщиков; но нет, кажется, известий, чтобы термин прилагался к самому субъекту, занимавшему кормление. Так были: «кормленые книги», в которых в чети записывалось государево жалованье, получаемое служилыми людьми-четвертчиками (до отмены кормлений имевших на них право); «кормленый окуп» или «кормленый оброк» — деньги, вносимые населением взамен доходов наместника-кормленщика и за право самоуправления; «кормленое верстание» — распределение кормлений между служилыми людьми, но не было «кормленого» служилого человека, «кормленого» боярина или сына боярского, «кормленого» дворянина, хотя бы эти лица и пользовались каким-либо кормлением.

Такое же значение термин этот получает и в интересующей нас статье 47-й Судебника, если только внимательно присмотреться, кем ведали упомянутые там «кормленые дьяки». Недельщик, обязанный записать у них своих вольнонаемных служителей — «ездоков» и товарищей «заговорщиков»,[1] был второстепенным чиновником при центральных правительственных учреждениях. Его обязанности, регламентированные Судебником (ст. 48—54), заключались в вызове на суд ответчиков, назначении им срока явки и даче их на поруки, а также в сыске и поимке татей. Вознаграждением служили «езд» и «хоженое», за прямые обязанности недельщика (вызов на суд) и некоторые судебные пошлины: «полевые» и «избные» (или «избойные») пошлины, «вязчее» (ст. 10—12). Недельщики составляли между собою «заговор» — товарищество с круговой порукою — и назначались по собственному челобитью, на тот или иной срок, из дворян или детей боярских. Из документов несколько более поздних, чем Судебник 1550 г., видно, что служилые люди с большой охотой отказывались от денежного государева жалованья

[1] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 2, стр. 141, прим. 99. — Обязанности недельщика см.: Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций..., стр. 137—140.

и даже от прямого кормления, предпочитая бить челом о «неделях».[1] Конечно, привлекала служилых людей не самая служба на посылках у приказных дельцов, а «езд» и «хожение» недельщика. Обязанности недельщиков правительство и рассматривало, ограничивая право вмешательства их в действия мирских волостей после введения местного самоуправления, как нечто второстепенное сравнительно с получением вознаграждения за «недели»: «А недельщиком, — читаем мы в дополнительных статьях к царскому Судебнику (1556 г.), — с старостами не обыскивати и никоторого дела с ними не делати, а возити грамоты для своего езду.[2] Получение «езда» —

[1] См., напр., в десятне Московского у. 1578 г. ряд случаев в 1578 г., когда о «неделях» взамен жалованья били челом служилые люди с довольно значительными поместными и денежными окладами — по 200 четей, по 12 руб. (стр. 6—7, 10, 11; также стр. 13, 14, 15, 18, 19 и т. д.). Таким образом, для служилого человека, даже хорошо обеспеченного, получить «недели» было, видимо, выгодно, да и само правительство рассматривало службу в неделях как вознаграждение за ратную службу: так, назначая тарханщику-монастырю особого «данного» пристава, обычно писали — «доколе он в нашем жалованьи в неделях побудет». — Если присмотреться к тем случаям (в цит. десятне 1578 г.), когда правительственная власть не выдавала служилым людям жалованья, то их можно разбить на 3 категории: 1) «за неты, что в Розряде не живет»», «на Москве не живет» — дисциплинарное взыскание за проступок по службе [№ 50 (стр. 11), № 73 (стр. 13), № 227 (стр. 26) и др.]; 2) в виду служебной командировки получающего [№ 66 (стр. 13), № 87 (стр. 15)]; 3) когда служилый человек уже получил вознаграждение другим способом. К последней категории нужно причислить детей боярских, которые или посылались в провинцию кормиться — «ведать на государя черные волости», или же назначались получать «езд» и «хожение» в качестве недельщиков [о черных волостях см., напр., № 57 (стр. 12), № 81 (стр. 14), № 86 и 90 (стр. 15); о неделях — № 178 (стр. 22), № 187, (стр. 23), № 203 (стр. 24) и др.]. Из общего количества записанных в десятне 200 с небольшим человек, около 50 сами просили о припуске «в недели», и не явилось ни одного челобитья о даче «черных волостей» (Е. Д. Сташевский. Десятни); так же в Коломенской десятне 1577 г. [В. Н. Сторожев. Десятная и тысячная книга XVI в., № 65 (стр. 13), № 88 (стр. 16), № 93 (стр. 17), № 128 (стр. 21), № 165 (стр. 25), — челобитья о «неделях» и о «дворском»].

[2] М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия, вып. 3, стр. 10.

главное для недельщика. Подобная должность, своеобразная синекура, близко стоит по бытовым условиям к старинным кормлениям, именно к той их разновидности, которую мы знаем под именем «пути» — определенной отрасли управления, отданной в «корм» служилому человеку. Очень характерно, что в наместничьем провинциальном управлении недельщику соответствовал уже чистый кормленщик — «доводчик», должность, уничтоженная с отменою кормлений в 50-х годах, за «поборы» которого население платило «кормленый окуп» наравне с наместничьим (см., напр., уставные земские грамоты — Важскую 1552 г. и Двинскую 1556 г.).

Итак, «кормленые дьяки» статьи 47-й царского Судебника, ведя записи в книги недельщиков, в действительности записывали чиновников с чисто «кормленым» в бытовом отношении характером деятельности. Вполне понятно тогда и наименование дьяков: «кормлеными» они звались потому, что ведали дела по управлению кормленщиками. В данном, конкретном, случае обязанности их заключались в том, чтобы вести записные книги «ездоков» недельщика и его поручителей — «заговорщиков» для контролирования их деятельности, «чтобы ся неделщики своих заговорщиков и ездоков не отпирали; а какову обиду или продажу ездок кому учинит, и уличат его в том, и тот иск взяти на неделщике, от кого тот ездок ездил... А что заговорщик кому учинит какову продажу или обиду, и уличат его в том, и те иски все взяти на всем заговоре...». Таким образом, обязанности «кормленых» дьяков по Судебнику очевидно по существу те же, что и обязанности приказных людей, надзиравших за деятельностью провинциальных кормленщиков и зависимости от того, «у кого будут которые городы в приказе» — и у тех и у других сосредоточивалось высшее ведение по делам кормленого управления, и разница, повидимому, заключалась не в объеме и направлении их власти, а всего лишь в количестве и качестве подлежащих последней объектов.

Осуществлять подобный контроль очевидно можно было не одними только указанными в Судебнике способами: устав-

ная грамота населению, как мы уже упоминали, также определяла законные взаимоотношения населения и кормленщика: обратно, доходный список кормления обеспечивал кормленщику его права по отношению к населению. Выдача того и другого документа могла быть обязанностью кормленых дьяков. У них должно было, вероятно, сосредоточиться и известное количество других «кормленых» дел: выдать, например, кормленщику жалованную грамоту на кормление и записать ее в особые книги,[1] вести книги доходов с тех или иных кормлений, чтобы иметь возможность дать с этих книг кормленщику «доходный список» и определить размер, в случае необходимости, «бесчестия» с обидчика служилому человеку (царский Судебник, ст. 26. — «А безчестия детем боярским, за которыми кормления, указывати противу доходу, что на том кормленью доходу по книгам»).[2] Вероятно на основании таких доходных книг составлялись и «списки к кормленому верстанью», на которые есть глухое указание источников.[3]

Высказанные соображения о компетенции дьяков «кормленых» и дьяков, «у которых городы в приказе», и сближенье их друг с другом — гипотетичны, но гипотезой этой объясняется, кажется, многое в начальной истории интересующих нас приказов. Актовый материал, правда очень скудный, позволяет наметить несколько конкретных лиц с подобными служебными обязанностями. При этом является уверенность,

---

[1] Указание на подобного рода книги находится в ссылке на них Вас. Гр. Зюзина в его местническом деле с Фед. Нагим, и в ответе дьяка А. Щелкалова на царский запрос о жалованной грамоте Щетнева; книги эти, как видно из отписки Щелкалова, впоследствии хранились в четвертях (РИС, стр. 20—21, 23—24).

[2] Ср.: ДАИ, I, № 53. В данном случае, «доходный список» дают провинциальные дьяки (в Новгороде) с своих книг, но по приказанию центрального (дьяка Ив. Михайлова). Новгородское управление в Московское время отличалось в значительной мере самостоятельностью и развитым дьячьим делопроизводством. Едва ли возможно отрицать существование таких книг и у московских приказных; — А. С. Лаппо-Данилевский. Кормленая книга, стр. V.

[3] «Боярская книга» 1556 г., стр. 51.

что на кормленых именно дьяков Московское правительство и возложило сбор «кормленого окупа» и заведывание областями, когда решило заменить прежнее кормленое управление новой системой мирского самоуправления. В дальнейшем наша задача и сведется к тому, чтобы показать на некоторых примерах, как постепенно с реформой местного управления осложнение обязанностей кормленого дьяка сообщало ему новые функции, затем отрывавшиеся от лица определенного приказного человека, чтобы стать уже особым учреждением — «Четвертною избою». Признаки территориальности чети и высшей, контрольной, административно-судебной функции ее дьяка получают обоснование в старых ведомствах «кормленых дьяков».[1]

Одним из первых приказных дельцов, которого можно считать «дьяком у кормления» перед самой земской реформой, был дьяк Юрий Сидоров. Он служил в Казне государевой в 40-х и 50-х годах XVI в., получая там важнейшие государственные доходы, но в то же время исполнял поручения и «по приказу» государева дворецкого: как можно уловить из чтения документов московского приказного делопроизводства того времени, «государевы дьяки» еще не вполне дифференцировались в своих обязанностях и несли их часто по разным, так сказать, министерствам и департаментам тогдашнего центрального правительственного механизма, были, в сущ-

[1] Что касается дворецких и казначеев, как ведающих по ст. 72-й Судебника «городы», то первые, как известно, и после введения самоуправления продолжали быть высшей инстанцией для самоуправляющихся миров в дворцовых волостях; государевы дворцы «Большой» и «местные» являлись для последних четвертью, если так можно выразиться. Но история этих, также областных, приказов слагалась иным образом и не входит в круг поставленной нами задачи. — Казначеи, сидевшие в Казне государевой, где стекались и хранились первоначально все доходы и ценности московских великих князей, заслуживают также с этой стороны их деятельности особого исследования; у них после земской реформы продолжали ведаться некоторые области «во всем» — так было, напр., с Двиною в 60-х и начале 70-х годов, но связывать с ними образование четей нет возможности.

ности, еще «чиновниками особых поручений», старинное начало личного «приказа» еще не потеряло своей силы.[1] О специальных «кормленых» функциях деятельности Сидорова, видимо не связанных совершенно с его основными служебными обязанностями, дошло до нас несколько свидетельств: именно, 25 января 1556 г. он запросил новгородских дьяков, дали ли им «счет» Юрий Манасеин и Иван Тверитинов, кормившиеся от «писчей деньги» в Старой Русе: «И в том их жалованье и в счити в наших пошлинах здесе на Москве дьяк наш Юрьи Сидоров с товарыщи поимал поруки з записми, а ныне оне с нашего жалованья из Русы съехали и сщет сказывают оне вам в нашей казне дали». Если показание бывших кормленщиков о сдаче отчетности не подтвердилось бы, то Ю. Сидоров с товарищами «за тем счетом Ивану Тверитинову записей поручных не выдадуть».[2] Это свидетельство документа ярко обрисовывает обязанности

[1] Сведений об основной службе Юрия Сидорова чрезвычайно много; см., напр., АЭ, I, № 228/1549 г., РИБ, XXXII, № 182; ДАИ, I, № 145; АЭ, I, № 230, РИБ XXXII, № 185; Архив ЛОИИ, Сб. грамот, № 112, отд. IV, № 10, стр. 225 (1549 г.); № 12, стр. 231 (ямские деньги и тамга в 1551 г.); Амвросий, ук. соч., ч. III, стр. 719 (Ямские деньги, тамга и мыто в 1551 г.); Архив ЛОИИ, № 112, отд. IV, № 15, стр. 250 (пищальные деньги в 1551 г.); А. В—н, Грамоты, №№ 1—3, 1551—53 гг. АЭ, I, № 236 (1553 г. ср., №№ 220 и 226). — Ю. Сидоров сидел и в особых специальных приказах: 1) в своеобразной банковой комиссии в 1551 г. — АЭ, I, № 155, ДАИ, I, № 45; 2) в «Полавочной избе» — 1550—1552 г. (Сб. РУО, 59, стр. 334; П. О. Симсон. История г. Серпухова, прилож. II). Указаний на деятельность Ю. Сидорова по дворцовому Управлению так много, что Н. П. Лихачев (стр. 271, прим.) считает его прямо дьяком Б. Дворца в 1551 г. — см. там же ссылки на документы; непосредственно под началом дворецкого, по его «приказу» действует Сидоров, напр. в следующих документах: Архив ЛОИИ, № 112, отд. IV, № 20, стр. 271; АЭ, I, № 91; Амвросий, ук. соч., ч. III, стр. 291—294. — Грамоты монастырям Сидоров подписывал еще в 1561—1562 гг. (С. А. Шумаков. Обзор, вып. 2, ч. 2, № X, ст. 171). В более позднее время у Сидорова, кажется, сосредоточена была специальная получка (в Казне) пищальных денег (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 257 и 269—270, прим.)

[2] Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 270, прим. 1.

кормленого дьяка, намеченные статьей 47-й Судебника 1550 г.: Юрий Сидоров отбирает поручные от кормленщиков среднего ранга и видимо ведет регистрацию их подобно тому, как регистрировались и давали записи поручиков недельщики, чиновники с «кормленым» характером своей деятельности. Тот же Сидоров является перед нами в другом случае и как дьяк, заведующий контролем уже по провинциальному наместничью управлению: в 1553 г., 5 марта, он, по приказу казначея, сделал подпись на уставной грамоте 1539 г. Устьянским волостям с применением новых процессуальных и правовых норм Судебника к старым привилегиям, дарованным грамотою.[1] Подобное изменение содержания документа, регламентирующего отношения местных общества и управителя, очевидно могло быть произведено лишь лицами, действительно ведавшими высшее управление над населением той области, которой дана была грамота. Юрий Сидоров, как в известной степени казенный дьяк, действовавший «по приказу» казначея, в последнем примере рисуется лицом, у которого по статье 72-й Судебника были «приказаны» определенные области. Таким образом, сделанное нами сближение «кормленых дьяков» статьи 47-й Судебника с теми, «у которых городы в приказе», — 72-й — получают на примере деятельности Юрия Сидорова известное основание.

Но Юрия Сидорова, по приведенным свидетельствам, можно рассматривать только как «кормленого дьяка»: сведений, чтобы он ведал области, уже перешедшие на самоуправление, кажется не имеется. Зато другой казенный дьяк, Истома Ноугородов, нес двойные обязанности, так как часть подведомственных ему областей уже откупилась от наместника; для одних областей он оставался поэтому по старому «кормленым» дьяком, «у которого городы в приказе», а для других, вместе с прямыми своими начальниками казначеями, являлся уже предшественником «четвертных дьяков». Так,

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 28—29.

25 марта 1552 г. он подтвердил уставную грамоту 1536 г. Онежской земле (т. е. Каргополю и Турчасову по позднейшей терминологии), еще управлявшейся наместником-кормленщиком,[1] а по известной Важской земской грамоте, 21 марта того же 1552 г., Ноугородову и казначеям шел с важан «оброк за наместничь доход», присылались важскими излюбленными судьями судные списки и «обыски во всяких делех», которых «кончать немочно» без ведома центральных властей, и принадлежало право суда в спорах между важскими жителями и иногородцами.[2] Так как дьяк, ведавший Вагу, Ист. Ноугородов, был «казенным», то с этой области к нему поступал не один только «кормленый окуп», но и другие подати: от 4 августа 1552 г., например, дошла до нас отпись дьяка Истомы в приеме «с Важские земли» денег «за посошные люди».[3]

Наблюдая над тем, как области, подчиненные в начале 50-х годов дьяку И. Ноугородову, затем переходили последовательно к другим дьякам, удается уловить чрезвычайно важный момент образования для этих именно областей особой, специально-местной, приказной избы — «Четвертной». Области, которыми ведал тот или иной «кормленый дьяк», были, видимо, иногда довольно сплоченными территориальными комплексами; поэтому-то и Вага и Каргополь во второй половине 50-х годов, став автономными волостями, оказались после Ноугородова опять в ведомстве одного лица. Важская земская грамота 1552 г. предусматривала уже возможность заведывания Вагою иным дьяком: так, судные списки при-

[1] Там же, стр. 19. — Истома Ноугородов ведал и некоторые другие местности Поморья: он подписал, напр., 24 мая 1552 г., жалованную грамоту самоедам Канина Носа (АЭ, I, № 204); точно также подписана им жалованная грамота 6 февраля 1545 г. Антониеву-Сийскому монастырю, ведавшемуся судом и управою у государевых казначеев (Сб. ГКЭ, I, № 109, стр. 110—112). В издании стоит «Истома Коугородов» — очевидная описка.

[2] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, стр. 109.

[3] АЭ, I, № 233 (РИБ XXXII, № 190).

казано привозить казначеям и Истоме Ноугородову «или иному дьяку, кому яз Царь и Великий князь Вагу прикажу»,[1] причем характерно, что казначеи не предусмотрены в качестве необходимой инстанции. Действительно, 8 марта 1556 г. важские излюбленные судьи Ил. Фелютин, Ив. Иевлев (избранные еще в 1552 г.) и Тараско Павлов (новый) били челом государю по разным вопросам, касающимся заемных дел по кабалам, в которых они «управы чинити без государева ведома... не смеют», так как «у них в их грамоте того не написано» — и разъяснение этих вопросов мирских властей было сделано новым дьяком Иваном Михайловым, заменившим, повидимому, Ноугородова в обязанностях по сбору наместничья дохода и как «кормленого дьяка» над определенным кругом областей. Каргопольская земля (собственно Каргопольский уезд и стан-уезд Турчасовский) стали ведаться тем же дьяком Иваном Михайловым. До нас дошло несколько оброчных, выданных в 1553—1555 гг. каргопольскими писцами Як. И. Сабуровым и Ив. Андр. Кутузовым на разные угодья в Турчасовской области Золотице;[2] в них нет еще упоминания о наместничьем окупе, а оброк приказывается привозить «з году на год в цареву и великого князя казну», следовательно, до 1555 г. (до мая месяца)[3] Каргополь не был самоуправляющейся общиной и вносил деньги в государеву казну, возможно все тому же еще дьяку Ноугородову. Более того, еще в феврале 1556 г., когда была выдана сотная грамота Соловецкому монастырю на его владения в Каргопольском уезде, в перечислении налогов точно также нет оброка за наместничьи доходы и упоминаются по старому «казначеевы пошлины».[4] Но в 1560 г. 11 сентября новые каргопольские писцы, Ник. Гр. Яхонтов с товарищами, выдали золоти-

---

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 109.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», №№ 2, 3, 5, 8. См. также указную грамоту этих писцов 1553 г., «Документы», № 4.

[3] «Документы», № 8

[4] С. А. Шумаков. Сотницы, вып. 3, стр. 18—20.

чанину Григорью Никитину оброчную на места «на морском берегу на Двинской стороне... речку Шидроеву да морскую губу Пушлахту да на море, круг острова Жегжилина, корги морские», причем оброк предписано было высылать уже «к цареву и великого князя дияку к Ивану Михайлову ежегод, с наместничьим с отку(п)ным оброком вместе».[1] Повидимому, и каргопольская область получила самоуправление в эти годы, и доходы с нее стали итти вместе с деньгами за наместничий доход новому лицу, дьяку Ив. Михайлову, который для обеих областей (Ваги и Каргополя), бывших ранее в ведении дьяка Ноугородова, стал нести функции уже «четвертного». Однако тот же Ив. Михайлов для некоторых других местностей отправлял еще обязанности прежнего «кормленого дьяка»: так, в 1555 г. им были отправлены две грамоты новгородским дьякам — 4 августа, с извещением, что царь пожаловал «яселничим» в Новгороде Ф. В. Крюкова под кн. Андреем Гагариным, а 21 августа — с приказанием возвратить ладожскому Васильевскому монастырю корм, незаконно доправленный ладожскому наместнику Ф. Д. Аксакову.[2] 3 февраля 1557 г. он также выдал Вас. Конст. Сухово-Кобылину и грамоту на кормление в Кобыльем Городище.[3]

Дьяк Иван Михайлов — знаменитый Иван Михайлович Висковатов, с 1549 г. начальник Посольского приказа, в 1553—1554 гг. безусловно также и думный дьяк.[4] Сделавшись преемником казенного дьяка Истомы Ноугородова в качестве «кормленого» и собирающего оброк за намест-

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 12.

[2] ДАИ, I, №№ 53 и 54.

[3] А. И. Юшков. Акты, № 181. — Ив. Михайлов подписал в мае 1551 г. цитированную уже нами грамоту 1545 г. Сийскому монастырю, но эту подпись — вслед за постановлением Стоглава о монастырских вотчинах, думается, нельзя относить к его «кормленой» деятельности; за его подписью в это время встречаются и другие грамоты.

[4] В. О. Ключевский. Боярская Дума, стр. 542; С. А. Белокуров. О Посольском приказе, стр. 26; В. И. Савва. О Посольском приказе XVI в.; О думном дьячестве Висковатова, ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 238; ч. II, стр. 529—532.

ничьи доходы дьяка, он, конечно, уже не стоял ни в какой зависимости от казначеев, собирая, вероятно, деньги и ведя дела по управлению «приказанными» ему областями у себя, в своей особой дьячьей «посолной» избе, а не на Казенном дворе.[1] Но в 1561 г. в начале февраля Висковатов получил чин печатника[2] и во второй половине 1562 г. отправился послом в Данию.[3] В Посольской избе его сменил дьяк Андрей Васильев, в 1562 г. также значащийся думным, но не получивший обязанностей Висковатова по кормленым делам и по сбору наместничьего откупа.[4] Для них была образована особая приказная изба: в 7070 (1561—1562) г. каргопольские крестьяне обязаны были оброчные волостные деньги за покосы «привозити к Москве в Четвертную избу к цареву великого князя дьяку к Василию Борисову сыну Козакова с наместничьим откупным оброком вместе».[5] Другое сведение об этом только что образовавшемся приказе еще более уточняет момент его возникновения: именно, от 29 мая 1561 г. до нас дошла сотная черных деревень волости Высокой, Коломенского уезда, выданная писцами кн. Андреем Ивановичем Елецким с товарищи — волощанам приказывалось «привозити... оброчные денги и с пошлинами... самим к Москве и отдавати в цареву и великого князя казну дьяку Василью Борисову сыну Колзакову, а дати им тот оброк впервые на Петров день и Павлов верховных апостол лета 7069 г.».[6] Так

[1] О Посольской избе — у С. А. Белокурова (ук. соч., стр. 25).

[2] Там же, стр. 29; Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 100.

[3] Там же, стр. 101, ПСРЛ, XIII, ч. II, стр. 343.

[4] Н. П. Лихачев. Думное дворянство, стр. 9. — Однако А. Васильев впоследствии нес какие-то, подобные «четвертным» или «кормленым», обязанности: см. его грамоты в Соль Галицкую в 1567 и 1568 гг. — Ист. Арх., стр. 202, № 11, ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 701 об. — 702 об., так же: Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 376; Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 103, прим., там же и ссылка на подлинники означенных грамот.

[5] М. А. Дьяконов. Дополнительные сведения.

[6] Е. Д. Сташевский. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в., вып. 1, стр. XXXIII—XXXIV. — По этой сотной

механически выросла, в промежутке с начала февраля по 29 мая 1561 г. специальная территориальная «четь»; поводом к ее превращению из функций «кормленого дьяка» в особый приказ послужило, вероятно, наряду с случайным — уходом Висковатова — и более общее обстоятельство: благодаря переходу волостей на самоуправление прежнее ведомство кормленых дьяков Ноугородова и Висковатова слишком перегрузилось новыми обязанностями финансового характера; орган судебно-административного контроля постепенно при-

---

крестьяне должны платить оброк не по сошному письму, а с четвертей, одну половину (107 р. 20 алт. 5 ден. «да пошлины с рубля по два алтына») к 29 июня, другую — к 25 декабря каждого года. Очень интересно сопоставить эту сотную с другой, той же волости, выданной в 7062 (1553—1554) г.: в последней исчислена сошная пашня, «а оброку им давати с тое волости з земли за посошной корм и за мелкой доход шестнадцать рублев и четыре гризны, да девет пуд меду, да пошлин дворецкого и ключника и записново с пуда по пети денег» (С. А. Шумаков. Сотницы, вып. 3, стр. 20—24; Е. Д. Сташевский, ук. соч., стр. XI—XV). Следовательно, ранее волость Высокая находилась в дворцовом управлении и, может быть, отдавалась в «корм» мелким дворцовым чиновникам, в роде ключника, а затем, с отменой обложения по сохам и установлением системы обора по четвертям, стала платить оброчные деньги в Четвертную избу, причем можно, кажется, не ошибиться, считая, что в этом случае в оброк вошла и сумма «кормленого окупа» за ключничи и дворецкого доходы — слишком возрос оброк за 7—8 лет и не может быть оправдан только увеличением тяглых жеребьев или переводом натуральных взносов на деньги, а не введением нового налога. На последнее указывает, думается, и размер пошлин в 1561 г. — 2 алт. с рубля, как раз пошлинный оклад при «белом корме» (ср., напр., уставные земские грамоты посадским людям Соли Переславской, 11 августа 1555 г.; переяславским рыболовам, 15 августа того же года; Устюжского у. Усецким и Заецким волостям, 15 октября; Двинской земле, сентября 1556 г.; Царских подклетных (дворцовых) сел Переяславского у., 29 апреля 1556 г. («Наместничьи, губные и земские уставные грамоты», стр. 115, 118, 122, 133, 134). — Любопытно, что эта дворцовая волость почему-то перешла в четь, а не осталась ведаться во Дворце, как это было обычно (ср., напр., упомянутую грамоту подклетных сел, 1553). Ведал ею во Дворце наверное не Висковатов (на сотной 1554 г. — подпись д. Ишука Бухарина). Может быть это объясняется карьерой дьяка В. Б. Колзакова, служившего в 1549—1555 гг. в дворцовых дьяках.

обретал специфические черты органа финансового управления, а прежние его функции, какие выясняются из статей Судебника 1550 г., отступили, с переложением местной власти на самоуправляющиеся миры, на второй план.

К сожалению, мы почти совершенно лишены возможности, по недостатку сведений, сказать, какие области были подчинены этой чети дьяка Василия Колзакова. Можно лишь утверждать, что в ней ведалась Карогопольская земля, Коломенские волости и, возможно, Вага (последнею, как мы видели уже, заведывали и Ноугородов и Висковатов). В дальнейшем изложении эту четь мы и будем чисто условно называть «Каргопольской».

Дьяк Василий Колзаков не был крупным лицом в правительственной среде. В декабре 1547 г. он значится в числе поручителей по кн. И. И. Пронском, причем еще не именуется дьяком.[1] В июле следующего 1548 г. Вас. Колзаков стал уже приказным человеком: вместе с дьяком Чюдином-Иваном Митрофановым Карачаровым он (под началом казначеев И. И. Третьякова и Ф. И. Сукина) действует как ямской дьяк — приводит к крестному целованию выбранных на Тотьму ямщиков и распоряжается выдачею им денег «на ямской расход».[2] Этим, повидимому, и окончилось всякое его отношение к казначеям. В походе на Казань 1549 г. он был уже дьяком «у наряду». В последующее время Колзаков нес обычную дьячью службу в качестве «дворцового» дьяка то отправляясь с царской канцелярией в поход, то исполняя придворные обязанности — походы Грозного на Крымского хана в 1550, 1553, 1555, 1556 и 1557 гг.,[3] встречи литовских послов в феврале 1555 г. и в июне 1558 г.[4] Осенью этого года

---

[1] СГГД, I, № 166.

[2] А. И. Юшков. Акты, № 163.

[3] «Древнейшая разрядная книга», стр. 136, 145, 161, 173, 181, 189; В. В. Вельяминов-Зернов. О касимовских царях, I, стр. 344, 417, 418. — Впрочем в известиях 1555—1557 гг. он уже не назван дворцовым дьяком.

[4] Сб. РИО, 59, стр. 462, 554.

он был отправлен дьяком с осадным воеводою Ф. И. Бутурлиным во вновь завоеванный Юрьев,[1] а с конца января — начала февраля 1561 г., со времени получения Висковатым чина печатника, сделался, как мы уже знаем, заведующим новым приказом — Четвертною избой. Но и «четвертной» уже дьяк, Вас. Колзаков, попрежнему, как его предшественники, нес «кормленые» обязанности (для тех областей его чети, которые еще не откупились от кормленщика): в 1561 г., 21 февраля, он, например, выдал по-старому грамоту на кормление в Гдове Сухово-Кобылину, в 1562 г. разрешив последнему пользоваться кормлением еще один год.[2]

Мы проследили, насколько было возможно, историю образования одной чети «Каргопольской», из ведомства определенного кормленого дьяка (Ив. М. Висковатова). Другими, насколько можно уловить, современными ему и «четвертному» дьяку В. Б. Колзакову, лицами по сбору наместничьего окупа в конце 50-х и начале 60-х годов были: дьяк Поместной избы Путил Семен Михайлович Нечаев и дьяк нового финансового учреждения, приказа Большого Прихода, Угрим Львович Пивов. Известный о их деятельности, как чисто «кормленых» — «четвертных» дьяков, сохранилось немного; почти нет данных, кажется, и о предшественниках их по заведыванию «приказанными» им областями.

Дьяку Путилу Семену Михайловичу Нечаеву с 1556 г. пришлось управлять Двинскою землею, по уставной земской грамоте; сведений о других волостях, которыми бы ведал Нечаев, кажется, не имеется.[3] Трудно сказать и кто из дьяков

---

[1] РИС, V, стр. 128; «Древнейшая разрядная книга», стр. 203. ПСРЛ. XIII, ч. 2, стр. 304, 306.

[2] А. И. Юшков. Акты, № 189. — Просмотр «Городовой книги по Каргополю № 1», хранящейся в ЦГАДА, откуда было извлечено М. А. Дьяконовым известие о чети В. Б. Колзакова, не обнаружил каких-либо новых данных. Означенные справки дружески были сделаны для меня Н. Ф. Лавровым.

[3] О карьере в Поместной избе дьяка П. М. Нечаева — С. А. Шумаков. Экскурсы по истории Поместного приказа, М., 1910; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 262—264. — Впрочем, в 7066 (1557—

являлся для Двинского Поморья «кормленым» до дьяка Путила, кажется, такого и не было, и Двина находилась в непосредственном подчинении у государевых казначеев.[1] Из земской грамоты мы узнаем, что двиняне обязаны были вносить дьяку «за наместничи и за их пошлинных людей и за всякие доходы» по 20 р. с сохи «да пошлин по два алтына с рубля, опрочь ямских денег, и посошные службы и обежные дани и городового дела, и иных... пошлин». Путил Михайлов ведал двинян также и судом, непосредственно докладывая царю, получал «излюбленные списки» выборных властей и приводил последних к присяге. Как видно из только что цитированных слов уставной грамоты, ему шли только «кормленый окуп» и его собственные пошлины, остальные же подати с Двины должны были бы поступать в соответствующие приказные избы: например ямские деньги и за городовое

1558) г. рыбная ловля на р. Яналуксе и 3 лука в Островской переваре Никольского-Сердовольского погоста Обонежской пятины были отданы на оброк некоему Ондрейку Маркову — «а платити ему тот оброк в государеву казну на Москве дияку Путилу Михайлову»... (Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 376). — Островская перевара была «за Корельскими наместники изстари», помещалась вероятно на северном краю Ладожского озера, и, таким образом, возможно, что Путил Михайлов, ведавший Двину, мог давать на оброк земли и в переваре. Или это было обязанностью дьяка, как начальника Поместного приказа? В более позднее время ею ведал думный дьяк Посольской избы А. Васильев — следовательно, это «четвертные» функции?

[1] На ведение Двины у казначеев существует довольно много указаний: см., напр., АЭ, I, № 196 (1542 г.), № 385 (1524 г.); Сб. ГКЭ, I, № 96 (1542 г.), № 97 (1543 г.), № 109 (1545 г.). — Возможно, что ведал Двину казенный дьяк Вас.-Ступа Андреев — по крайней мере его подпись на грамоте АЭ, I, № 196 (1555 г.) и скрепа на сотной 1554 г. с книг Ив. Заболоцкого, Сб. ГКЭ, I, № 138, также С. А. Шумаков. Сотницы, вып. 3, № 1. — Ср. также сотную за подписью Вас. Ступы Андреева, выданную 4 февраля 1556 г. (следовательно почти непосредственно перед Путилом Нечаевым) Соловецкому монастырю на вотчины в Каргопольском у. (С. А. Шумаков, ук. соч., № IV, стр. 18—20). В этом случае подпись Андреевым была сделана не потому, очевидно, что он ведал Каргопольскими волостями, а в виду того, что вотчинник-монастырь ему был подчинен.

дело по правилу следовало бы платить в специальный приказ — Большой Приход. Однако в Двинской области наблюдаются в это время некоторые особенности во взносе податей в центральные учреждения, именно, все они вносились в Казну государеву: осенью 1557 г. выборным властям обеих половин Двинской земли и Большой и Малой Пинег было строго приказано собрать и прислать все государевы дани на текущий 7066-й год к сроку, к 6 декабря (причем для правильности сбора был послан даже особый агент-недельщик), к государевым казначеям Сукину и Тютину и дьякам В. Мелентьеву и Д. Лазареву.[1] «Старина и пошлина» — прежнее заведывание Двиной казначеями — сказывались.

Грамота эта интересна в двух отношениях: во-первых, она хорошо рисует расстройство финансового хозяйства в Двинской области всего через год после получения земской уставной грамоты Нижней половиной и введения там самоуправления (сентябрь 1556 г.); во-вторых, важна та подробность, что казначеевы пошлины не имеют определенного оклада, тогда как пошлины Путила Нечаева точно определены уставной грамотой 1556 г. (по 2 алтына с рубля кормленого оброка). Первые нужно было вносить к 6 декабря, а вторые — к 2 февраля («На сретенье Христово»); и те и другие, очевидно, тесно связывались с соответствующими податями,

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 11. — Все подати и грамоты разделены на три группы: 1) «682 р. 6 алт. 5 денег — за белку и за горностаи и обежную дань и ямские денги и заморский оброк с рек с Терские стороны и с варниц оброк и с тонь морских и с пустошей и с пожен и всякие оброки», также в счет пищальных денег и «загубьского оброка»; 2) деньги за 116 четвертей ржи и 232 четверти ячменя «посошного хлеба» по местной рыночной цене чети; 3) по полтора рубля с сохи (30-обежной — ср. С. Б. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 59—60) — «за посошные люди и за городовое и за засечное дело», по полтине с той же сохи — «за ямчугу», и по полуполтине — «приметных денег». В эти оклады (общий для 1-й группы податей и посошный для третьей) не вошли, надо думать, «пошлины казначеевы, дьячьи и подьячих», которые упомянуты несколько далее, уже при общем перечислении следуемых податей.

т. е., если подати должны были поступать в Казну государеву казначеям — то с ними взимались и «казначеевы и дьячьи и подьячьих пошлины», если дьяку, собирающему «деньги за наместничий корм» — то только «дьячьи и подьячьих пошлины». Отсюда сам собою напрашивается методический вывод: по упоминанию в документах определенных «пошлин» приказным людям очевидно можно, за недостатком прямых данных, заключать и о тех приказах, куда вносились подати, тесно соединенные с этими пошлинами (т. е. казначеям или учреждению, начальником которого был дьяк).

Нескладный характер казначеевых пошлин с Двины, в то время как пошлины дьяка Путила Нечаева имеют строго определенный оклад, показывает, что правительство придавало первоначально более значения новым доходам и новому финансовому центральному органу, т. е. кормленому окупу и дьяку Путилу, чем старой «дани» казначеев. Несколько далее мы увидим, что это ожидание, если оно было, оказалось преждевременным, и старая казна заступила вскоре (для Двины) место особого дьяка по сбору кормленого оброка.

Сохранился ряд платежных отписей в получении разных податей в одной из крайних северных волостей Нижней половины Двинской земли — Лодме: с деревень Борисоглебской церкви («что Борис и Глеб на Матигорах») и с самих лодомских волощан. По этим документам можно сделать, пользуясь высказанным выше предположением о равноценности упоминаний определенных приказных пошлин с упоминанием о самых приказах, любопытные заключения по истории заведывания кормленым откупом с Двины. В 1558 г. мы видим, что «Низовский староста» (всеуездный орган мирской власти) взял у лодомского сборщика «дань... и отвоз и заморской оброк и за хлеб за посопной деньги и за наместнич доход оброк и служебные и пищальные и приметные деньги и за ямчюгу и городовые деньги и Солокоской и загубской и Лойской оброк и диячие пошлины и свой старостин наем и росход старостин, что ездил на Колмогоры, и надельщиков

и данщиков поминок и прогонные деньги».[1] В этой отписи все подати перечислены суммарно: и «казенные» и «четвертные» и местные сборы; казначеевы пошлины совсем не взимались ввиду, вероятно, их неокладного характера, зато есть «дьячьи пошлины», по всей видимости, собиравшиеся с кормленым оброком (в отписи он упомянут). Значит, в 1558 г. кормленый окуп можно считать получающимся в Москве еще у дьяка Путила Михайлова. В 1560 г. «выборная голова» (вероятно «голова излюбленный» Низовской половины) дал лодмянам две отписи: в одной из них он обещался заплатить все подати «на Москв... царевым государевым казначеям сполна», причем упомянуты с определенным уже окладом и «казначеевы, дьячьи и подьячьи» пошлины («с рубля по пяти денег»); [2] по другой отписи он взял с волощан «оброк царя государя великого князя по штидесять алтын (с) сошки» (откуп за наместничий доход) [3] и «боярские пошлины» (вероятно, пошлины Путила Нечаева уставной грамоты).[4] Отдельно собирались подати, платимые в государеву казну казначеям, еще в декабре 1562 г.,[5] но уже в феврале 1563 г., некий Иван Прокофьев, сын Ивойлов, взялся везти с Лодмы в Москву государев оброк (еще «с пошлинными з дьячима») и заплатить «в казну з Двинским оброком вместе». «Казна» в этом случае — Казенный двор: «А не заплачю яз, Иван, тех денег в казну казначеям, — говорится далее в описи, — ... ино

---

[1] РИБ, XXV, № LXXIV.

[2] Там же, № LXXV.

[3] По 60 алтын с сошки составляет 600 алтын с 10-сошечной двинской сохи, т. е. 18 руб. — цифра, близкая к 20-рублевому оброку уставной грамоты 1556 г., а так как на Двине в некоторых местностях «большая» соха заключала в себе больше или меньше 10 мелких «сошек» (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 60, 61), то эта приблизительная цифра может считаться нормальным окладом кормленого окупа с Лодмы. Терминология разбираемых «отписей» также заставляет считать «государев царев и вел. кн. оброк» — «государевым царевым и вел. кн. оброком за наместнич доход».

[4] РИБ, XXV, № LXXVI.

[5] Там же, № LXXX.

то на мне, на Иване, пеня царева...».[1] Таким образом в 1563 г. оброк за наместнич доход поступал уже не в особую «казну» поместного дьяка Путила Нечаева, а в общую Государеву казну казначеев. Как дело обстояло с другой стороной его деятельности в качестве высшей инстанции для Двины, именно, с административно-судебными функциями — из цитированных документов уловить нельзя. Но вероятно и они сосредоточены были в руках казначеев. По крайней мере в более позднее время, когда Двинская земля ведалась уже в опричнине, следовательно, у удельного государева казначея, — на это есть указания.[2]

Замена дьячьего управления Казной государевой произошла на Двине, нужно думать, именно не ранее 1562 г. и была вызвана, возможно, той неурядицей в податном отношении, какую рисует приведенная выше грамота 1557 г. С Лодмы в марте 1558 г. всеуездный низовский староста собирал между прочим «недельщиков и данщиков поминок и прогонные деньги» — двинянам приходилось и задаривать присланных из Москвы недельщика и даньщика, и вносить за свою неаккуратность в платежах государеву пеню «деньги

[1] Там же, № XXI. Ср. также №№ LXXXII и LXXXIII — отписи 1564.

[2] Указания на ведение Двины в Казне во время опричнины — РИБ, XXV, №№ LXXXIV, LXXXV, LXXXVIII, XCI. — О том, что судебная власть дьяка Путила Нечаева в это время также перешла к казначеям, думается, можно вывести из следующих слов духовной грамоты некоего инока Арсения, 12 февраля 1567 г., где инок говорит относительно своих оставшихся еще невершенными гражданских дел (иски по заемным кабалам): «...И яз того на Григорье да на Назаре (бывшие земские судьи Нижней половины Двинской земли) исках и на их товарыщах перед судьями Нижней половины перед Яковом Дмитриевым сыном с товарыщи. И Яков нас в том судил да дал дело наше в доклад к Москве, и нынечи тот список в Казне у царевых великого князя дьяков». (Рукописи архангельского Епархиального древлехранилища, «Списки с древнейших грамот Архангельского монастыря, XVII в.», лл. 102—116, «Список з духовной изустной памяти раба Божия инока Арсения»; цитир. место — л. III, ср. еще л. 112). — О значении казначея в опричнине — см. очерк «К истории управления в опричнине».

из прогонов». Вероятно поэтому в 1558—1559 г. на Двине была произведена новая опись земель писцом Вас. Гагиным; некоторые подати в книгах Гагина положены в том именно складе, в каком их требовали из Москвы в 1557 г. и притом вновь — по предыдущему письму Ив. П. Заболоцкого, 1552—1553 г., эти подати не положены вовсе.[1]

Другой дьяк, ведавший в эти годы по уставным земским грамотам самоуправляющимися мирами, Угрим Львович Пивов, имя которого дало М. А. Дьяконову, между прочим, значительный повод считать чети возникшими из «ведомства казначеев», был довольно видною фигурой в правительственной среде того времени и, вместе с тем, так мало обследован в биографическом отношении, что на подборе известий о его служебной карьере хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Свою службу начал он, повидимому, в качестве дворцового дьяка (1542 г.), а затем в 1549—1551 гг. мы находим его вторым дьяком в Разряде. В 1553—1554 г. Угрим сделался начальником важного финансового приказа, «Большого Прихода», будучи и думным дьяком (1555 г.). В этой должности он пробыл до начала 60-х годов, когда (вероятно в 1561 г., одновременно с И. М. Висковатовым), был назначен вторым печатником. С учреждением опричнины старый испытанный делец оказался в новом «государевом уделе», его опричным казначеем.[2]

---

[1] По грамоте 1557 г. требовалось: за посошные люди, городское и засечное дела — по 1½ руб. с 10-сошечной большой» двинской сохи; за ямчужное дело — по полтине с той же сохи, и приметные деньги — по полуполтине. По письму В. Гагина, сошка платила по 5 алтын за городовое и засечное дела, т. е. с 10-сошечной сохи шло 1½ руб.; за ямчужное дело 10 денег, т. е. «с большой» сохи ½ руб., «полтина», приметных денег — 5 денег, т. е. с сохи ¼ руб., «полполтина»; — С. Б. Веселовский. Сошные письма, I, стр. 116—117; А. И. Андреев. Отступные грамоты, стр. 39—40. — А. И. Андреев считает письмо В. Гагина связанным почему-то с вопросом об оброчных землях.

[2] О фамилии и деятельности Угрима Львова: Н. В. Мятлев. Челобитная Михаила Татищева; Сб. РИО, 59, стр. 149; «Древнейшая

Заведывать откупившимися от кормленщика общинами Угрим Пивов стал, по дошедшим до нас сведениям, еще в 1551 г. когда у него пооброчились крестьяне Плесской волости.[1] По этой «оброчной» (с элементами земских уставных, но не «земской уставной», как именует ее М. А. Дьяконов) грамоте Угриму шел только кормленый окуп, суд же оставался в руках самого царя.[2] В это время Пивов был, как только что мы отметили, вторым разрядным дьяком и, конечно, не имел поэтому никакого служебного отношения к государевым казначеям и их ведомству. Но вскоре затем он сел дьяком в Большой Приход, только что образовавшийся из разделения ведомств Государевой казны на отдельные повытья, в приказ чисто финансового характера, находившийся поэтому еще под известным контролем казначеев. В этом последнем случае служебные отношения по основному приказу неминуемо повлекли за собой и известное подчинение

разрядная книга», стр. 138; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 236—239, 553; Др. Росс. Вивл., XV, стр. 15—19; Описание актов собр. гр. А. С. Уварова, №№ 36 и 37 (Грамоты 1555 г.); С. Б. Веселовский. Акты, I, № 247 (1561 г.). — После этого года нет упоминания об Угриме Львове как о дьяке; между тем проверка местнических данных челобитной М. И. Татищева показывает, что печатником У. Л. Пивов мог стать только в начале 60-х годов — до 1563 г. Ср. ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 331 (о смене печати в феврале 1561 г.). — Угрим Львович Пивов был, по всей видимости, думным дьяком и доверенным царя (рассказ о приеме польских послов в 1555 г. — Сб. РИО, 59, стр. 468—469). — О значении Пивова как опричного казначея — см. очерк: «К истории управления в опричнине». Будучи дьяком Большого Прихода, он участвовал и в ряде случайных междуведомственных, так сказать, комиссий, между прочим возможно по применению государева уложения о большой сохе. — М. А. Дьяконов. Акты, вып. 2, № 18; АЮ, № 209, II, РИБ, XXXII, № 206; Л. Воронцова. Рукописи серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 333—348.

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского Государства», стр. 101—102, — впервые Плесская оброчная грамота напечатана с некоторыми сокращениями; И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси, М., 1860, стр. 73; — издана вторично (целиком) М. А. Дьяконовым в ЖМНП, 1894, № 4.

[2] Ср.: М. Ф. Владимирский-Буданов, ук. соч., стр. 196, прим.

в других областях ведомства дьяка — личное подчинение еще не могло отделиться от служебно-ведомственного, «учреждения» — приказы еще во многом, как было уже отмечено выше, носили характер личного приказания. Отсюда и в некоторых земских уставных грамотах (11 августа 1555 г. — посадским людям Соли Переяславской, 15 августа того же года — Переяславским рыболовам и 15 октября — Устьянским волостям) имя дьяка стоит рядом с именами казначеев Ф. И. Сукина и Х. Ю. Тютина; им троим идут доклады земских властей по судебным делам.[1] Но уже М. А. Дьяконов отметил, что, повидимому, судными вопросами и ограничивалось участие казначеев в управлении означенными волостями — «избирательные списки и оброк предписано было высылать в Москву на имя одного дьяка».[2] 2 марта 1556 г. Пивов, уже думный чин, сделал сам один распоряжение о сборе судных пошлин выборными переяславских рыболовов и о зачете этих пошлин «в тот же оброк в волостелин столнича пути».[3] Если же обратиться к разбору других известий о деятельности дьяка по таким делам, которые подлежали его ведению не как начальника Большого Прихода, не ограничившись одним лишь анализом уставных грамот, то следует признать, что он на практике действовал совершенно независимо от казначеев. Так, в Вологду, где самоуправление было введено не позднее осени 1554 г.,[4] Угрим Пивов в апреле 1555 г. послал указ выборному старосте Ив. Злобину о размежевании владений

---

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 113, 116, 120. См. также призывную грамоту Устьянским волостям 23 мая 1555 г. (М. М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 287, прим. 4). Участие казначеев в суде над Устьяновской обл. объясняется и тем, что при «кормленом» управлении ими заведывал дьяк Ю. Сидоров, вершивший дела по приказу казначея Ф. Н. Сукина; повидимому, здесь играет роль традиция — «старина и пошлина» (Наместн., губн., и земск. уст. грам. Моск. госуд., стр. 28—29).

[2] Там же, стр. 118; М. А. Дьяконов. Дополнительные сведения, стр. 194.

[3] Наместничьи, губные и земские уставные грамоты. . ., стр. 119.

[4] См. ниже, ч. III «Документы», № 7.

Кирилло-Белозерского монастыря; «а списки б еси и книги письма своего и отделу и межные и меновные за своею рукою прислал на Москву к дьяку нашему Угриму Львову с-ыными нашими делы, а не нароком», — приказывалось старосте в этой грамоте.[1] Следовательно, у дьяка Угрима сосредоточены были разные дела по управлению Вологодским уездом, а о казначеях нет ни слова. Указ Ив. Злобину дан был Пивовым, конечно, не как дьяком Большого Прихода, учреждения, не имевшего административных функций, а как лицом, принявшим высшее заведывание областью после упразднения там «кормленого» управления. Видимо одним из подобных «дел» дьяка было, например, выдать 6 августа 1555 г. послушную грамоту в вотчины, жалуемые в Вологодском уезде Кириллову монастырю.[2] Точно также самолично распоряжался он и сбором белого кормленого окупа с ряда местностей: 3 февраля 1556 г., например, он отправил грамоту ярославскому выборному старосте Я. П. Сабурову и целовальнику Дружине Никитину о невзимании с вотчины ярославского Спасского монастыря денег «за наместничь корм и за присуд и за пятной (очевидно — пятно) и «за головщину с сохи по сороку алтын. . .».[3] Аналогичные грамоты Пивовым были отправлены: 25 января 1557 г. — тем же ярославским властям, 12 июня 1558 г. — устюжским земским судьям относительно вотчин Гледенского монастыря.[4] Последнее известие об Угриме Львовиче Пивове как о дьяке, притом ведающем сбор наместничьего откупа, идет с 1561 г.: именно в мае этого года он подписал жалованную грамоту посадским людям

---

[1] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 27.

[2] ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А. I/17, лл. 9 об. 11.

[3] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XXII.

[4] Там же, № XXIV. — Издание это напечатано с весьма неисправных копий XVIII в. и потому грамота № XXII подписана «Дияк Угримов»; относим ее к Пивову, во-первых, потому, что дьяк Вас. Угримов был около этого времени в Новгороде (Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 255—256, прим.), во-вторых, потому, что, грамота № XXIV подписана просто «дьяк Угрим», а в это время другого дьяка с таким именем неизвестно. — РИБ, XIV, Б. — № VI.

Соли Вычегодской; по челобитью вычегжан им был убавлен оброк «за волостелин доход» зачетом в него новой пошлины с судных дел и штрафа с тайных шинкарей («у ково продажное питье вымут») и с потребителей такого вина — «питухов».[1]

Около 1561 г. Пивов стал печатником, оставив Большой Приход и «четвертные» обязанности. Последние функции Пивова выросли точно так же, как это было установлено нами для четвертной избы дьяка Вас. Колзакова, т. е. из ведомства кормленого дьяка; его предшественником в этом отношении по некоторым областям (напр. Устьянским) был, кажется, знакомый уже нам «кормленый» дьяк Ю. Сидоров; сам Угр. Львов, как и другие кормленые дьяки, отправлял обязанности и по «кормленому» управлению, хотя большинство «приказных» ему областей являлось уже самоуправляющимися мирами: 9 августа 1556 г. он послал указ ведать на государя «конюший путь» в Новгороде, освободившийся за съездом кормленщика Г. И. Дмитриева.[2]

Области, над которыми высшую власть имел Угрим Львович Пивов, разбросаны были на большом пространстве: в Поморье — Устьянские волости, Устюг, Соль Вычегодская; близкая к ним Вологда — в Северной части Замосковья; в Замосковском крае — Ярославль, Владимирские волости (Плес) и Переяславские. Эти земли не составили, вероятно, территории особой чети, как то можно было наблюдать относительно «Каргопольской» чети Вас. Колзакова, и не перешли к казначеям целиком, как то было с ведомством П. Нечаева. Некоторые из них попали, вскоре после ухода Пивова из Большого Прихода и из дьяков (1561 г.), в опричнину, другие остались в земщине. Различна была поэтому судьба собиравшегося с них «кормленого окупа», в зависимости от того, куда он поступал — на «особный» ли государев двор или в «земскую» часть государства: в первом случае он сосредо-

[1] С. Б. Веселовский. Акты, I, № 247.
[2] ДАИ, I, № 108.

точивался в опричных приказах-четях, во втором — в «земских» подобных же учреждениях.

Но дальнейшая история четей как существовавших в «государеве уделе», так и продолжавших оставаться в «земском» — уже выходит за пределы задачи, поставленной в настоящем очерке, посвященном вопросу о происхождении этих приказов. Позволим себе лишь заметить, что вполне возможно проследить судьбу «Каргопольской» чети, попавшей в опричное ведомство, а также и образование особой «Двинской» чети там же, в начале 70-х годов.[1] Несколько хуже дело обстоит с «земскими» четями — для них пока не улавливаем непосредственных предшественников в лице того или иного кормленого дьяка.[2]

Подводя итоги, можно сказать, что чети выросли из ведомств тех или иных кормленых дьяков, как предположительно мы наметили их обязанности, через осложнение последних новыми заданиями при переводе подчиненных им «городов» на самоуправление. Понятно, что нет никакой научной обязательности связывать этих кормленых дьяков с каким-либо приказом или ведомством определенно — «у кормления» действовал одновременно и «казенный дьяк» (Ю. Сидоров, Истома Ноугородов), и дьяк приказа лишь отчасти, в виду недавнего выделения из этого ведомства, связанного с казначеями (У. Л. Пивов в Большом Приходе), и

---

[1] «Каргопольская» четь в опричнине управлялась, повидимому, сначала тем же В. Б. Колзаковым, после него дьяками Дружиною Володимеровым и Фед. Рыловым, а затем дьяками Ив. Курганом-Лапиным и Ив. Савиным; за ними последовательно — А. Ф. Клобуковым и Вас. Каладуровым и А. П. Арцыбашевым и Ал. Исаковым. — Четь «Двинская» образовалась около 1572 г., ее дьяками были: А. В. Шерефединов и Улан Айгустов. В конце 70-х годов обе чети были объединены в общую «Дворовую» четь. В опричнине чети сначала поступили в верховное заведывание опричного казначея У. Л. Пивова.

[2] Первое, кажется, сведение о земской чети идет, пока, от 1573 г. — четь В. Я. Щелкалова (И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XLII); другими «земскими» четями (конца 70-х и 80-х годов) были: 1) А. Я. Щелкалова и 2) дьяка Поместной избы Игн. Зубова.

самостоятельные начальники особых «изб» — Висковатов и Нечаев — и второстепенный дьяк другого приказа — тот же Пивов в Разряде в 1549—1551 гг. Дьячество в первой половине XVI в. еще не распределилось, как было нами не раз подчеркнуто, прочно по отдельным учреждениям и личный «приказ» имел большую силу и обширное распространение в деловой практике. Судебник сам предполагал, что «у кормления» «будут» может быть и иные лица — вероятно таких лиц было несколько в центральном управлении Московского государства. Как отбирались из общей массы дьячества такие дельцы, как вообще сложился этот институт дьяков, «которые у кормления» и «которым городы приказаны», кто персонально они были, на каком основании распределялись между ними «городы» — все это, надо думать, вопросы, с разрешением которых станет многое понятнее и в истории центрального московского управления вообще, и в истории образования «четей» в частности.[1] Но все это также иная, особая тема.

Ясно теперь, как следовало бы, по нашему мнению, изучать историю четей. Во-первых, необходимо изучить по возможности все ведомства кормленых дьяков начала 50-х годов XVI в.; во-вторых, проследить платежные инстанции кормленого оброка с отдельных местностей Московского государства и посмотреть в каком отношении находятся местности, ведавшиеся еще крмлеными дьяками, с волостями уже вносящими в Москву кормленый окуп; распространяя такой прием во времени, мы сможем определить возникновение для отдельных комплексов волостей четвертных изб, возникновение очевидно в разные моменты — в зависимости от того, как скоро отдельные волости кормленого дьяка переходили на самоуправление,

[1] На происхождение четей из ведомства кормленых дьяков указывает, думается, и то обстоятельство, что архивы кормленых дьяков затем перешли к четвертным дьякам: так, старая «кормленая» жалованная грамота А. Ф. Шетнева, выданная ему задолго до введения земского самоуправления, в 1576 г. оказалась в чети, где ее и искали, по требованию царя, переданному через А. Я. Щелкалова, «четвертные дьяки». РИС, V, стр. 22—24.

и он присоединял к своим прежним обязанностям новые по высшему заведыванию уже самоуправляющимися мирами. При таком понимании вопроса «четь» В. Б. Колзакова в 1561—1562 гг. перестанет носить для изучающего некоторый налет загадочности: это чисто территориальная, областная, «казна» — касса одного из бывших кормленых дьяков, теперь, с переходом большинства своих областей на самоуправление, севшего в особой «избе». Она была не «единым четвертным приказом», затем разделившимся на «чети», как думают некоторые исследователи, но могла быть, до времени, единственною. Рядом с нею действуют ведомства таких дьяков, у которых «четвертные» функции еще не выступили на первый план, но в дальнейшем и из их круга ведомства могли образоваться подобные же территориальные избы.[1]

---

[1] Сведения, приводимые Н. П. Лихачевым (Разрядные дьяки, стр. 273—274) на основании «Разрядно-родословного сборника» Общ. люб. др. письм., Собр. кн. П. П. Вяземского, № XXI, о Нижегородской четверти в 1558 г. (точно так же, как и о Галицкой чети в 1575 г., из рукоп. того же типа. Собр. гр. А. С. Уварова, № 800 — Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 147) не могут быть приняты: изданный Ю. В. Татищевым подобный «Разрядно-местнический справочник» — поздний по составу (конец XVII в.) и подозрительный по известиям. Оба указания Н. П. Лихачева помещены и в «Справочнике» Ю. В. Татищева. Уместно, думается, было бы сказать несколько слов еще о самом названии «четь» или «четверть». Первая форма названия приказа, какую мы знаем, есть «четвертная изба», — словообразование, которое можно было бы сопоставить со старинным прозвищем одного из князей рязанских XV в., Федора Васильевича «Третной», происшедшим от владений князя, «Трети» Рязанской. Тогда происхождение названия «четвертная» изба, следовало бы искать в каких-либо чисто строительных распорядках приказных изб перед царским дворцом в Кремле (от определенного территориального, так сказать, условия — разделения, например занимаемой приказами площади на четыре части — цифровое наименование). Другое объяснение, едва ли не более вероятное, кроется в выдаче жалованья служилым людям в «четвертной год» (ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 331). Последнее обстоятельство (определение времени выдачи жалования служилым людям) требует, впрочем, еще специального исследования (Ср.: В. Н. Сторожев. Четвертчики, ЖМНП, 1892, № 1; А. С. Лаппо-Данилевский. Преди-

8. Приказ Большого Прихода

Приказ Большого Прихода не раз привлекал внимание исследователей, но до сих пор еще остается не вполне ясным, когда, как и для чего он возник. О Большом Приходе обычно упоминали, решая вопрос о времени и цели происхождения других важных финансовых учреждений центрального управления в Московском государстве — четей. Наиболее ранние указания на существование приказа даны М. А. Дьяконовым и Е. Д. Сташевским; первый в своей статье «Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI века» привел документальное свидетельство о том, что в 7064 (1555—1556) г. в Большой Приход шли уже оброчные деньги с одной монастырской пустоши, и высказал предположение, что приказ возник из «ведомства казначеев» одновременно с четями, т. е. после указа 1555 г. об отмене кормлений;[1] второй — на основании двух грамот от марта 1555 г. в города Романов и на Белоозеро — считает Большой Приход для этого времени «вполне сложившимся учреждением, хотя, может быть, стоящим еще в некоторой зависимости от Казенного Двора»...[2] На разборе указанных Е. Д. Сташевским документов следует, думается, остановиться несколько подробнее.

словие к «Кормленой книге Костромской чети», Русск. ист. библ., т. XV; Л. М. Сухотин. Четвертчики смутного времени). Наконец, возможна связь названия приказа — «чети» с «четью», «четвертью» — земельной единицей в Московском государстве — какая — сказать затрудняемся.

[1] ЖМНП, 1894, № 4, стр. 196—198. Самая грамота, на которую ссылается здесь М. А. Дьяконов, издана им: Акты, вып. 2, № 19.

[2] Е. Д. Сташевский. К вопросу о том, когда и почему возникли чети?, стр. 28. — Мнения И. И. Вернера (О времени и причинах образования московских приказов), которому осталась неизвестной статья М. А. Дьяконова (ср.: Вернер, вып. 1, стр. 96—100), очень противоречивы и неубедительны. Подробная оценка труда П. И. Вернера сделана С. А. Шумаковым. (К истории московских приказов, стр. 511—533). Там же приведена литература вопроса; см. также цитированную статью Е. Д. Сташевского и статью С. Ф. Платонова «Как возникли чети» (Соч., I, стр. 143).

Обе грамоты (подлинные) находятся в собрании гр. А. С. Уварова, изданы в «Описании» его актов и почти дословно сходны между собою.[1] Аналогичная им третья хранится в Археографической комиссии и адресована в Вологду.[2] Она дошла до нас в списке, повидимому, единовременном оригиналу (филигрань — часть «кувшинчика» с буквами — сходна с помещенными в Атласе Н. П. Лихачева под №№ 1955, 2972, 3060—1561—1594 гг.), и является, надо думать, копией, снятой для вологодской приказной избы, так как сохранилась среди документов, составлявших в своем огромном большинстве часть архива последней. Все три грамоты обращены к «выборным старостам» (в Романове к Михаилу Дурову, на Белоозере — к Ивану Медведеву и к целовальнику Васюку Живлеку с товарищи, в Вологде — к Ивану Львову и к целовальнику Ларе Ермолову с товарищи) и предписывают им не сбирать, ввиду челобитья игумена Симеона с братьею, ямских и приметных денег с вотчин Кирилло-Белозерского монастыря, так как монастырь впредь сам будет их платить в Москве, прямо в приказ Большого Прихода дьяку Угриму Львову. На упоминании о каких-то выборных властях в данных местностях нам и следует прежде всего сосредоточить свое внимание.

Точного определения функций ведомства их мы из грамот не видим, а с именем «старост» и с характером правительственного чиновника на весь уезд в провинции действовали два рода властей: во-первых, старосты губные, иногда называвшиеся «выборными головами»,[3] которым принадлежала лишь

---

[1] «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова», №№ 36 и 37. Грамота на Белоозеро (№ 37) сохранилась, очевидно, в дефектном виде и издана, кажется, не совсем точно; см. ниже, ч. III «Документы», № 6.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 7.

[3] См., напр., губные наказы: 27 сентября 1549 г. селам Кирилло-Белозерского монастыря («Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 65—68), тем же селам в сентябре 1551 г. (ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, лл. 381—388); «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. 1, № 45 (Суздаль, 1572 г.) и т. п. — Наиме-

судебно-административная власть, а сбор податей находился обыкновенно в других руках;[1] во-вторых, органы мирского самоуправления, старосты или головы излюбленные, сведения о которых до августа 1555 г. очень скудны. Некоторые сведения о деятельности этих лиц находим только по Вологде: именно, 7 апреля 1555 г. выборному старосте Ивану Львову было приказано отмерить Кирилло-Белозерским старцам определенное количество сел и деревень с угодьями в одном месте, а не чересполосно с землями окрестных крестьян, «чтоб им впредь о тех землех спору не было». Дележ предписывалось произвести, захватив с Вологды двух или трех лучших людей в целовальники да из волостей и станов, «которые обошли около тех деревен и починков верст по пяти и по шести и по десяти», старост и целовальников также и по два—три человека.[2]

В Белозерском уезде в том же 1555 г. в волостях и станах уже действовали мирские выборные власти («земский судья»). Выступают они, как и вологодский староста, Иван Львов, в качестве администраторов, разбирающих земельные тяжбы.[3]

Поэтому едва ли мы погрешим против истины, если признаем старосту Ивана Львова выборным земским органом, получившим вместе с коллегией целовальников (и временными

нование земского старосты (волостного, а не «всеуездного» по терминологии XVII в.) «выборным старостой» в документах иногда встречается, напр.: РИБ, II, № 37 (Акт 1567 г., Московского у.), РИБ, XVI, Б, № 2.

[1] Кормленщика-наместника или городового приказчика — см.: М. А. Дьяконов. Городовые приказчики, стр. 55.

[2] ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/16; другой список в Архиве ЛОИИ, Сб. № 12, отд. IV, № 27 (стр. 301).

[3] При размежевании земель между крестьянами волости Волочка Словенского и черных государевых деревень присутствовали: со стороны крестьян — Кириллова монастыря «соборный старец», данный им по их просьбе игуменом Матфеем с братьею, «а великого князя крестьян сторону выехали на ту спорную землю выборная голова, земской судья Тимофей Старко Лукьянов сын, да староста Волочка ж Словинского Иван Головин с добрыми людьми» (ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/16, лл. 219 об. — 221).

послухами) всю власть уничтоженного в Вологде приказчичьего управления. Организация самоуправления на Белоозере (судя по грамоте) должна была быть такая же; в грамоте 1555 г. в Романов упомянут один только староста, но в следующем 1556 г. 24 марта Кириллов монастырь выхлопотал новую грамоту относительно своих пешехонских вотчин, повидимому аналогичную первой и адресованную уже к коллегиальной местной власти; к тому же выборному старосте Мих. Сем. Дурову и к целовальникам Ивашке Горяинову и Савве Серкову; следовательно и в Романове земские власти получили, хотя, может быть, и не сразу, ту же организацию.[1]

Итак, можно, думается, считать, что в марте 1555 г. в Вологде, Белоозере и Романове действовало уже мирское самоуправление. Уставные грамоты этих местностей до нас не дошли или, по крайней мере, до сих пор не разысканы. Положение земских властей в интересующий нас момент не было еще, кажется, прочным: в грамотах на Белоозеро и в Вологду прямо предусматривается возможный возврат к старой системе управления посредством городового приказчика — списки с грамот старосты обязаны были отдать монастырскому приказчику «и он ее у себя держит вперед и иных для наших выборных старост или приказчиков городовых». Впоследствии, к 1562 г. приказчичье управление вновь сменило старост на Белоозере и Пошехонье, а значит и в Романове; на Белоозере уже в конце 1559 г. действуют какие-то приказные люди.[2] В упомянутом выше вологодском указе от

[1] ГПБ, Q. IV. 113 а, стр. 215—216. (Сб. копий XVII в. с грамот Кирилло-Белозерского монастыря. Грамота 1556 г. записана в реестре грамот, хранившихся в монастырском архиве, но в самом сборнике не переписана).

[2] «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. 1, № 39. РИБ, II, № 36. — Колебание в местном управлении между правительственными и земскими властями очень любопытны: на Белоозере приказчики упоминаются еще в ноябре 1566 г. (Ист. Арх., стр. 199, № 9); в ноябре 1568 г. — вновь «выборные старосты» (см. ниже, ч. III, «Документы», № 17); в июне 1573 г. меновную Кирилло-Белозерскому монастырю выдали

7 апреля 1555 г. правительство очень сурово обращается к местному земскому администратору: в случае «понoровки» сторонам ему угрожала такая кара, какая едва ли постигла правительственного чиновника — «и в том (неправосудии) нас хотя слух дойдет и тебе от меня царя и великого князя безо обыску и безо опросу быти кажнену смертною казнью».[1] Последние слова были вызваны, очевидно, столкновениями монастыря с мирскими властями, только что вступившими на место правительственных. Основание предполагать, что выборные власти только что появились в это время впервые, дает обращение грамот вологодской и белозерской к выборным старостам, тогда как монастырская братия в своем челобитье указывала, что она платила подати городовым приказчикам.[2] Отправлять с данью специальных посыльщиков в Москву не составляло большого удобства для монастыря: нужно было представить деньги точно в срок, в противном случае из Москвы грозились «по вас велети посылати из прогону, велети на вас те денги и прогоны доправливати вдвое».[3] Едва ли к такому способу платежа монастырь был вынужден

---

2 земские старосты, целовальники и добрые люди из посадских (С. А. Шумаков. Обзор, II, стр. 25, № 846/145). В марте 1577 г. на Белоозере опять приказчики (Ист. Арх., стр. 281, № 72). На Вологде также упоминается городовой приказчик Терентий Михайлов в 1560 г. (ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, л. 257 об.).

[1] Такое положение выборного самоуправления тем более любопытно, что к 23 или 24 мая 1555 г., видимо, уже был издан указ об отмене кормлений и введении земских властей. Изложение этого указа заключается в правительственном обращении к Устьянским волостям, напечатанном Е. Д. Сташевским (ук. соч., стр. 34), и по другому списку проф. М. М. Богословским (Земское самоуправление, стр. 287, прим. 4). — Е. Д. Сташевский совершенно ошибочно считал эту грамоту земской «уставной» (кажется и проф. Богословский допускал то же, см. стр. 288 его труда) и неверно датировал ее. На этом построены и некоторые ошибочные замечания в тексте работы Сташевского.

[2] Более раннее по времени появления было, кажется, самоуправление в Романове: в грамоте от марта 1555 г. о городовом приказчике нет упоминания.

[3] «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова», отд. 1, № 39.

и незакономерными действиями выборных властей: городовые приказчики гораздо более теснили народ, чем органы самоуправления, по самой идее своей обязанные никому «не норовити» и «посулов и поминков не имати ни у кого ни от чего»... На городовых приказчиков монастырь впоследствии жаловался, что от них «монастырским крестьяном чинятца убытки и продажи великие».[1] Единственным объяснением поэтому для факта перемены монастырем платежной инстанции в данное время может служить лишь известное сословное местничество, нежелание богатого землевладельца, «государева богомольца», иметь дело с мужицкими администраторами уезда.

Для нас теперь было бы весьма важным установить, хотя бы приблизительно, дату самого челобитья монастыря, так как этим устанавливались бы, во-первых, время возникновения самоуправления в двух, по крайней мере, местностях, именно — Вологде и Белоозере, а во-вторых, дата упоминания интересующего нас приказа Большого Прихода (мы знаем обычай московской приказной практики вносить сокращенное изложение существенных черт челобитной в указ, ее удовлетворявший). Просьбы монастыря получили удовлетворение в марте 1555 г. К сожалению, ни в одном из указов нет точной датировки дня, когда он был издан; все три грамоты оканчиваются словами: «писана на Москве лета 7063 марта в день». Считать ли здесь букву «в» предлогом или цифрой 2 (т. е. с титлом) — сказать трудно (последнее читаем в Белозерской подлинной грамоте, по изданию Катаева и Кабанова, также в Вологодской грамоте по списку XIX в. в сборнике Археографической комиссии № 112, сделанном для К. М. Бороздина; в других списках этих грамот и в грамоте Романовской буква «в» читается как предлог).[2] Во всяком случае челобитье кирилловских старцев было удовлетворено в начале марта,

---

[1] Там же.

[2] В упомянутой выше описи монастырских грамот, хранившихся в одном из ящиков казенной кельи, грамота в Романов помечена также неопределенно: «Лета 7063 марта в день» (ГПБ, Q. IV. 113 а, стр. 216).

так как игумен Симеон, имя которого в грамотах упоминается, уже 17 марта был поставлен епископом в Смоленск.[1] Таким образом челобитье монастыря, не пожелавшего мириться с новой податной инстанцией, едва ли могло состояться ранее половины января (считаем срок $1^{1}/_{2}$—2 месяца минимальным для отправки челобитной в Москву и ее удовлетворения в приказе).[2] Но некоторые соображения заставляют отодвинуть его на несколько месяцев ранее. Очевидно, что старцы, решив переменить местную инстанцию платежа на центральную, должны были озаботиться послать челобитную до того, как в Большом Приходе уже были получены ямские и приметные деньги, а тем более до того, как они были бы собраны на местах местными властями. Срок получения в Москве означенных доходов установить возможно: таковым являлся промежуток 25 декабря — 6 января. Так, 27 сентября 1555 г. новгородским дьяком была послана царская грамота с приказанием собрать со всех пятин Великих Лук, Ржева и Пуновичей ямские и приметные деньги «и за посошные люди, и за емчюжное дело, и всякие подати» в Новгород, а оттуда переслать в Москву. Дьяки почему-то не исполнили или замедлили исполнить приказание и вскоре получили вторую грамоту (20 января 1556 г.) за приписью дьяка Угрима Львова, где им указывалось, что они-то чинят «не гораздо»: «а велено вам, —

---

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 1, стр. 253.

[2] В XVII в. путь из Москвы к монастырю был исчислен Ямским приказом через Вологду на «указные версты»: от Москвы до Вологды считалось 420 верст, от Вологды до Кириллова монастыря 90 верст, — всего, следовательно, 510 верст, а «поверстного строку... по государеву указу на 100 верст по неделе и з зады». Таким образом до монастыря исчислялось 5 слишком недель «указного сроку» пути. Приказная волокита была также продолжительна: 22 мая 1569 г. Грозный был на богомолье в Кирилловом монастыре, игумен бил ему челом о жалованной грамоте, но лишь 12 июня была отправлена из Вологды указная грамота опричному казначею Угриму Львову, и только 26 августа дана просимая монастырем жалованная грамота. (Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, I, вып. 1, стр. 41; вып. 2, стр. 235, прим. См. ниже, ч. III, «Документы», № 18).

писали из Москвы, — те наши денги, собрав все сполна, прислать к нам на Москву на Крещенье Христова лета 7063» (очевидная ошибка вместо «7064»).[1] 1 февраля 1556 г. дьякам был послан новый указ (также за приписью Угрима Львова), который грозил им великою опалою и продажею, если они не вышлют деньги (прибавлено еще — «за городовое дело») за 1555 г. (точнее 7063-й), собрав их очевидно в Новгород «потомуж как и в прошлом в 63 году к Рождеству Христову лета 7064».[2] Последнее указание позволяет заключить, что и в 1554 г. сбор означенных податей по Новгороду производился до 25 октября, и подати, судя по грамоте от 20 января 1556 г., были высланы в Москву также в начале января 1555 г. Срок этот (25 декабря—6 января был, кажется, общим для всех местностей: в 1562 г. старцам Кирилло-Белозерского монастыря было приказано присылать ямские деньги и «всякие... подати» с белозерских и пошехоньских вотчин в Москву «на Рождество Христово ежегод безпереводно»;[3] когда тот же монастырь в 1576 г. просил о выдаче монастырской руги, шедшей из Большого Прихода, не в Москве из приказа, а у городового белозерского приказчика из местных сборов ямских и приметных денег, то в указе, данном 12 января 1577 г. белозерским городовым приказчикам, Леонтию Ошанину и Олаю Нелюбу, было сказано, что на текущий 7085 (1576—1577) г. монастырь уже получил ругу по старому из Большого Прихода; челобитье, видимо, запоздало и ямские и приметные деньги, составлявшие первоначально главную статью бюджета приказа были уже получены им с Белоозера. Таким образом, монастырские старцы обязаны были заплатить те подати, о которых просили осенью 1554 г., до середины декабря на местах; если же они желали изменения инстанции платежа, то составлять о том челобитье должны были до этого обстоятельства, т. е., по приведенному выше расчету времени посылки и удовлетворения просьбы в 1½—2 месяца, не позд-

[1] ДАИ, I, №№ 93 и 94а.

[2] ДАИ, I, № 94б.

[3] «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова», отд. 1, № 39.

нее октября — ноября 1554 г. К этому времени и нужно относить возможный крайний срок столкновения Кириллова монастыря с новыми уездными властями и, следовательно, первое известное до сих пор указание на существование приказа Большого Прихода.

Имя дьяка, сидевшего в конце 1554 г. в Большом Приходе, Угрима Львова, дало уже Сташевскому возможность заключить о связи Большого Прихода с Казенным двором, допустив некоторую зависимость приказа от «ведомства казначеев» (в 1555 г.). Действительно, дьяк Угрим Львов, как увидим ниже, в эти годы бывал в некоторых случаях подчинен казначеям. Но одно имя дьяка, думается, не может служить основанием к заключению о связи учреждений. Дело в том, что «государевы дьяки» даже в первой половине 50-х годов XVI в. не были твердо прикреплены в служебном отношении к тому или иному центральному учреждению. Последние, часто еще загроможденные делами самыми разнообразными и неподходящими к общему характеру деятельности приказа, часто случайно возникшие, имели однако внутри себя довольно хорошую канцелярскую разграниченность, свои доходы; в приказах мы видим наличность также и чисто канцелярских различных «записных книг», ведавшихся определенным дьяком. Но сами-то дьяки эти одновременно могли нести обязанности по нескольким приказам; необходимость упорядочить приказную канцелярию для московских людей являлась более существенной, чем необходимость поручать определенному лицу служить по одному лишь ведомству. Иллюстрацией только что сказанного может служить приказ Большой Казны Государевой с его дьяками в 40—50-х годах XVI в. Некоторые наблюдения над деятельностью этого приказа дадут нам возможность подтвердить, на новых основаниях, предположение Сташевского и выяснить, каким путем возник собственно приказ Большого Прихода.

В удельное время государева казна вместе с государевым дворцом заключали в себе все отрасли управления: и административно-судебную, и финансовую, и военную. Отчасти уже

к XVI в., в первой половине его, появляются отдельные ведомства дьяков, отдельные учреждения, с более или менее определенным характером деятельности: Посольская изба, Разряд, приказы Поместный, Ямской, Разбойный. Сфера ведения казначеев в Казне и дворецкого во Дворце государевом (и местных дворецких во «дворцах» Дмитровском, Рязанском, Тверском и т. п.) становится к половине века уже более специальной: в обоих сидят дьяки, часто еще не дающие возможности причислить их по их деятельности точно к казенным или к дворцовым; часто казначеи ведают судом те или иные местности (или даже такие, не относящиеся к прямым своим обязанностям дела, как заведывание холопством), но общий тон, так сказать, учреждений довольно определен: в Казенный двор идут доходы с государства, Дворец («Большой» и местные) ведает судом и управою тарханщиков, иммунистов — землевладельцев, и всеми дворцовыми землями».[1]

Наличность канцелярской разграниченности дел на Казенном дворе можно усмотреть с помощью документальных свидетельств. Так, например, когда в 1551 г. Иван Федорович Воронцов тягался перед царем с Троицким калязиным монастырем о спорных пожнях и в доказательство справедливости своего иска сослался на отобранные в Государеву казну (после казни отца) крепости и жалованную грамоту, то Грозный предложил Воронцову указать, какой именно дьяк давал ему грамоту «и в книгах та грамота написана ли»? По наведении справок на Казенном дворе оказалось, что грамоту

[1] С. Ф. Платонов. Боярская дума — предшественница Сената: Соч. I, стр. 464. — О связи даже уже вполне самостоятельного Пометного приказа с ведомством казначеев еще в 1567 г. см. данную В. Г. Слизнева Саввину-Сторожевскому монастырю (С. А. Шумаков. Сотницы, вып. 5, № 17). Суд казначеев определен в Судебнике 1550 г. и ярко вырисовывается в дополнительных к нему статьях (АИ, I, № 154, III, IV, XV). Суд их при царе Федоре Ивановиче — см., напр.: архим. Досифей. Описание Соловецкого монастыря, ч. III, стр. 37; П. Саввантов. Описание Великоустюжского, Архангельского и приписного к нему Гледенского монастырей (СПб., 1848, стр. 54); — о характере ведомства Дворца см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 271, прим.

выдал дьяк Постник Губин, у которого и запросили о содержании ее.[1] Книги эти, повидимому, были, выражаясь канцелярским языком, реестрами исходящих дел из Приказа. В них записывалось, кажется, только краткое содержание выдаваемых бумаг; по крайней мере, когда в тяжбе Воронцова понадобилась жалованная грамота, выданная его отцу Постником Губиным, то от последнего потребовали не выпись из книг, а подлинный черновик грамоты. Точно такие же приказные книги упомянуты и в просьбе Кирилло-Белозерского монастыря о выдаче ему грамоты относительно беспошлинного торга на Холопьем городке; у монастыря уже была «посыльная» грамота городецким таможенникам от 6 июня 1538 г., подписанная в сентябре 1549 г. дьяками Кожухом Коротким и Юрием Сидоровым, — «и та деи у них наша жаловалная посыльная грамота утерялась, а в книгах деи та грамота у наших дьяков у Юрия Сидорова да у Кожуха у Кроткова написана», говорится в новой грамоте таможенникам.[2] В этом случае записано было очевидно лишь подтверждение грамоты Коротким и Сидоровым, в 1549 г. действительно, как увидим далее, отправлявшими обязанности и по Казенному двору. Образчиком другого рода документов приказного делопроизводства может служить известный сборник государевых грамот, составленный в 1554—1556 гг. в Новгородской приказной избе (обследован Лихачевым в «Разрядных дьяках»), который можно приравнять к «реестру дел входящих».[3] Наряду с такими чисто канцелярскими журналами можно найти указание и на другие книги, ведшиеся в Казне; так, например, известна грамота от 22 июня 1538 г. дмитровскому городовому приказчику, в ко-

[1] Н. П. Лихачев. Сборник актов, вып. 2, № XI, стр. 213—215.

[2] АЭ, I, № 228 (РИБ, XXXII, № 182).

[3] Архив ЛОИИ. Акты Новгородского губернского правления, № 23. — Наличность таких книг в провинциальной приказной избе заставляет предполагать их тем более в центральных учреждениях; в книги в последнем случае могли заноситься пересылочные памяти, донесения из провинций, указы и т. п. — Ср. также РИБ, № 228.

торой ему сообщалось, что великий князь пожаловал троицких крестьян, «велел... троецким крестьяном... свои ямские деньги и примет платити на Москве у книг».[1] Книги эти, думается, следует считать приходо-расходными, т. е. бухгалтерскими. Кем именно из казенных дьяков велись они, мы из документа не видим. Но из того, что собственно канцелярские книги, о которых говорили мы выше, были разделены между разными дьяками, можно предположить, что и прием ямских и приметных денег был поручен определенному лицу, т. е. что разграниченность делопроизводства в приказе была довольно четкой. Подобное, но уже в более резких чертах мы увидим еще в начале 50-х годов, когда отдельные ведомства казенных дьяков готовы были превратиться (а частью и превратились) в самостоятельные учреждения.

Но если можно предполагать, что в государевой Казне существовало распределение обязанностей и ведомств по отдельным лицам, то нельзя сделать того же относительно самой службы «казенных» дьяков: одновременно со службой по Казенному двору у казначеев они во многих случаях являются под началом и у дворецких. Для конца 40-х годов XVI в. (1548 г.) до нас дошел более или менее полный их список, это были: Макар, Одинец Никифоров, Н. А. Фуников-Курцев, Щенок, Юрий Семенович Башенин, Постник Губин-Моклоков, Дмитрий Горин.[2] Что эти дьяки действительно сидели в Казне, можно найти документальные свидетельства (по крайней мере относительно некоторых): так, дьяк Одинец Никифоров подписал 12 марта 1540 г. грамоту Переяславскому наместнику «и в иные городы» о беспошлинном привозе камня, извести и других материалов для постройки у Троице-Сергиева монастыря ограды;[3] 12 марта 1547 г. — грамоту суздальскому городовому приказчику о «непритягивании» к отбыванию тягла вместе с посадом слободки Спасо-

[1] С. А. Шумаков. Обзор, вып. 3, стр. 87.

[2] «Отрывок из расходных книг Софийского дома за 1548 г.». Изв. и. Археолог. общ., III, вып. 1, стр. 49.

[3] АЭ, I, № 190.

Ефимьевского монастыря;[1] в обоих случаях дело шло о податных льготах, ведавшихся «казенными» дьяками. На присутствие в Казне Постника Губина приведены уже указания выше. Никита Курцев-Фуников в июне 1549 г. заведывал получением таможенных пошлин; в грамоте в Дмитров и на Кимру Грише Леонтьеву сыну Оникееву было заявлено, что царь «порудил» многие тарханные таможенные грамоты, а собранные с бывших тарханщиков таможенные пошлины должны быть внесены казначею Ф. И. Сукину и дьяку Никите Фуникову.[2] Вместе с тем дьяки эти несли обязанности и по дворцовому управлению; например вологодским оброчным дворцовым сокольникам в январе 1548 г. было приказано давать оброк (по окончании льготных лет), если не будет соколов «пером» (живых приказывалось отправлять «на нашу сокольню»), «в нашу казну, дьяком нашим Постнику Губину да Одинцу Никифорову»; «судит» сокольников царь или чиновник его Дворца — сокольничий;[3] Никита Фуников, ставший в 1549 г. печатником, как таковой скрепивший известный указ этого года о разрядной службе, подписал в 1549—1551 гг. большое количество тарханных грамот монастырям, которые в огромном большинстве, как известно, ведались дворецкими.[4]

Какими статьями получаемых в Казне доходов ведал каждый из этих дьяков — сказать трудно. Возможно только допустить, что, например, Фуников-Курцев заведывал различными торговыми пошлинами и налогами. К концу 40-х и к началу 50-х годов, в Казенном Дворе, повидимому, произошла смена состава дьяков. О дьяках Макаре, Щенке и Одинце в документах упоминаний не встречается; Дмитрий

---

[1] АИ, I, № 148.

[2] АЭ, I, № 223 (РИБ, XXXII, № 172). — В 1549 г. 29 июня он подтвердил также грамоту (1529 г.) о беспошлинной торговле солью одному монастырю (Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. III, № 6).

[3] АИ, I, № 301.

[4] АЭ, I, № 124 подтв. — сентябрь 1549 г. (РИБ, XXXII, № 56); Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. III, № 11 (подтв. — 12 февраля 1550 г.) и т. п.; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 235—237.

Горин с 1550—1551 г. по 1554 г. был уже дьяком в Новгороде,[1] Постник-Губин в 1555—1556 гг. — дьяком одного из судных или военных приказов.[2] Никита Фуников, став в 1549 г. печатником, лишь как последний участвует в делах Казенного ведомства; в 1550 г. он является и начальником одного очень любопытного учреждения «банковского» характера (впрочем отправлявшего и другие функции), имея подчиненными себе двух дьяков.

Приказ этот возник случайно в 1512 г. благодаря просьбе игуменьи Успенского владимирского монастыря, Марфы, просившей великого князя купить у монастырских стариц их села, так как с них «приходит им мало, прожити им нечем»; в челобитье игуменья с сестрами просили «те... деньги... велети им водити в людех в ростех, да те... росты велети им давати», т. е. устроить в монастыре своего рода ссудную кассу, где можно было бы получать деньги под проценты. Великий князь удовлетворил челобитье, вотчины монастыря купил за 2142 рубля, но сумму эту на руки монастырским властям не выдал, а поручил операции с ней особой комиссии; велел деньги «давати в люди своим диаком Ивану Семенову да Ермоле Давыдову да Ушаку Ортьемьеву да дворцовым диаком Феодору Ходыке да Стромилу, или кто на их место в тех приказех будут иные диаки», проценты же, переведенные уже в ежегодную продуктовую и денежную ругу, приказал платить монастырю. Комиссия была составлена, как видно из документа, из собственно дворцовых дьяков и дьяков, по всей вероятности, казенных, так как если покупка сел произошла прямо в государев Дворец и из него же шла натурою руга монастырю, то самая техника операций с деньгами очевидно должна была быть возложена на более в том

---

[1] Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 7 и 250, прим.

[2] Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 272—273 и по указателю. — Едва ли можно считать его, как делает Лихачев, дьяком Новгородской четверти. О Юрии Башенине сведения приведены в том же труде Н. П. Лихачева (по указателю): также ср.: А. А. Федотов-Чеховской, ук. соч., I, № 71. — Юр. Башенин в 1558 г. — дьяк в суде у бояр.

опытных казенных дьяков. Дьяки комиссии очевидно прочно сидели в своих основных «приказех», и самый ее характер еще носит в 1512 г. налет случайности, она именно временная комиссия. В 1550 г. вместо нее мы видим уже «приказ» дьяков Н. Фуникова, Юрия Сидорова и Федора Семенова. Приказ ведает уже исключительно процентные операции, отдает деньги в «рост» и платит «рост» монастырю, а натуральную ругу монастырь получает прямо от дворецкого и его дьяков.[1] За 38 лет существования временная комиссия превратилась в своеобразное «банковское» учреждение. К этому времени ведомство его осложнилось новыми обязанностями, и оно стало в тесную зависимость от Казенного двора; приказ заведывал контролем весовых единиц в Московском государстве. 21 декабря того же 1550 г. земским властям на Двине предписывалось выслать меру (взамен полученной новой) «на Москву к печатнику и дьяку Миките Фуникову Курцову да к дьяком нашим к Юрью Сидорову и Федору Семенову»; штраф за пользование старыми мерами предписывалось присылать казначеям и им же: «а что тех заповедных денег в год соберете и вы б (двинские старосты) те денги прислали на Москву к нашим казначеем и к печатнику и к дьяком».[2] Сидевший в таком небольшом приказе, зависимом от печатника и казначеев, дьяк Юрий Сидоров играл значительную роль в казенном ведомстве, действуя со своими товарищами (Фед. Семеновым, Кожухом Григ. Короткого, Павлом Никифоровым, Петром Даниловым) независимо от печатника. Мы уже упомянули о ведении дьяками Сидоровым и Коротким книг в государевой Казне в 1549 г. В 1551 г. они ведали торговые пошлины: по Белозерской таможенной грамоте сборщики с Белоозера обязаны были вносить тамгу, пуд, померное, дворовую пошлину с гостиных дворов, анбарщину

---

[1] АЭ, I, № 155. — Дьяк Ушак Артемьев ранее, в 1502—1504 гг., также был дворцовым (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 34—35). — Возможно, что дворцовым был в 1501 г. и дьяк Ермола Давыдов (там же, стр. 33).

[2] ДАИ, I, № 45.

казначеям И. П. Головину и Ф. И. Сукину да царевым дьякам Ю. Сидорову и К. Короткого.[1] 12 сентября 1549 г. Сидоров подписал грамоту (от 15 февраля 1546 г.), разрешающую Кирилло-Белозерскому монастырю покупать и продавать беспошлинно (не взимаются: тамга, мыт, весчее, порядное, гостинное, перевоз, отвоз, побережное, анбарное и «иныя пошлины») 10 000 пудов соли; 17 мая 1551 г. ее подтвердил товарищ Юрия Сидорова — дьяк Кожух.[2] Для получения торговых налогов и пошлин в Казне существовал в эти годы, повидимому, особый подчиненный ей приказ, которым заведывал именно Юрий Сидоров: в 1550 г. известен нам «Полавочные избы подьячей» Калина Дмитреев, а в 1552 г. серпуховские посадские платят полавочную пошлину и анбарщину в дьячью избу Ю. Сидорова: «А оброку им царю и великому князю с тех лавок и мест полавочного и дьячю избу, где сидит Юрьи Сидоров с товарыщи з году на год по семи рублев и по дватцать по четыре алтына, а с анбара» столько-то и т. д.[3]

Кроме торговых пошлин Юрий Сидоров в начале 50-х годов ведал, повидимому, получение в Казне ямских и пищальных денег и некоторых других податей; в марте 1547 г. была дана Кириллову монастырю жалованная грамота с обелением сел монастыря в Дмитровском уезде; 17 мая 1551 г. последовало ее подтверждение за приписью Ю. Сидорова: монастырю разрешалось не давать никаких податей «опричь ямских денег

---

[1] АЭ, I, № 230 (РИБ, XXXII, № 185).

[2] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 10, стр. 225. См. также жалованную грамоту важскому Богословскому монастырю (ДАИ, I, № 44). — Льготную грамоту от 5 окт. 1546 г. архимандриту Симонова монастыря Трифону 17 мая 1551 г. подписал Ю. Сидоров, причем подтверждены были все льготы от податей и суда «опричь тамги: то им дати» (ГИМ, Рукоп. Симонова монастыря, № 52, лл. 735—736 об.). 17 мая 1551 г. К. Короткого подписал грамоту Троице-Сергиеву монастырю о беспошлинной торговле в Переяславле — АИ, I, № 143.

[3] Сб. РИО, 59, стр. 334; П. Симсон. История г. Серпухова. М., 1880, прил. II, стр. 334.

и посошные службы и тамги: то им давати».[1] В тот же день подтвердил дьяк и тарханную грамоту Глушицкому монастырю; по подтверждению, льготы монастыря также ограничивались; он не платил податей «опричь ямских денег и посошные службы и тамги и мыта Царева и Великого князя».[2] В обоих случаях ямская подать связана с таможенной, которой, как только что мы видели, дьяк заведывал безусловно. Тогда же Сидоров подписал еще одну грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю — обельную на монастырский двор в Белозерском посаде от 3 июня 1546 г. По грамоте, выданной казначеем Ф. И. Сукиным, с монастырского двора не брали податей, кроме «сторожи и бражнаго оброку»; в подтверждение Ю. Сидоров уже приказывает «ходити о всем по тому как в сей грамоте писано, опричь пищальных денег»;[3] все подати с Белозерского посада, как видно из выдачи грамоты казначеем, получались на Казенном дворе, в 1551 г. перейдя непосредственно от Ф. И. Сукина к Ю. Сидорову; право делать при подтверждении льгот исключение для той или иной подати или налога очевидно могло принадлежать лишь лицу, которое ведало получением именно этих податей и налогов.[4]

Можно подобрать и еще сведения о деятельности дьяков Ю. Сидорова и Кож. Короткого под началом казначеев; в 1551 г. они давали на оброк пустые земельные участки (29 июля этого года выдали грамоты двум вятчинам на свободные угодья в Вятской земле, причем оброк владельцы должны были платить «в ... казну, дьяком... Юрью Сидорову да Кожуху Григорьеву сыну Короткого или хто по них иные дьяки будут»).[5] В 1553 г. товарищем Ю. Сидорова по отдаче

---

[1] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 12, стр. 231.

[2] Амвросий. История Российской иерархии, ч. III, стр. 719.

[3] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 15, стр. 250.

[4] Возможность сделать подобное заключение, думается, оправдывается примерами из практики тех же дьяков по получению торговых пошлин.

[5] А. В—н. Грамоты и акты Вятского архиерейского дома, №№ 1 и 2.

пустых земель на льготу и по получению оброка стал новый дьяк Павел Никифоров;[1] к ним в том же году поступал и оброк с служилых удмуртских (вотяцких) князьков, «арских князей», ведавшихся издавна в Казне.[2]

Как Ю. Сидоров, так и его товарищи, т. е. «вторые» дьяки, несли подобно дьякам 40-х годов обязанности по дворцовому управлению. Они подписали огромное количество жалованных грамот монастырям, особенно много в мае 1551 г., когда, после запрещения Стоглава покупать вотчины без ведома и доклада царю, монастырские власти массами понесли свои вотчинные документы для засвидетельствования в центральных учреждениях. Грамоты эти касаются высшего управления тарханщиками-монастырями, и в некоторых из них прямо видна связь интересующих нас дьяков с ведомством дворецкого. 17 мая, например, была подтверждена грамота (от 1 июля 1549 г.) Кирилло-Белозерскому игумену Афанасию о невъезде площадных и дворцовых недельщиков: «А подписал царев и великаго князя дьяк Юрьи Сидоров. Приказал боярин и дворецкой Данило Романович».[3] Несудимую грамоту Арсениеву-Комельскому монастырю (1543 г.) 31 мая 1551 г. подписал Юрий Сидоров. Грамота напечатана исследователем[4] плохо; видимо неправильно прочтена скоропись: так, Сидоров превращен в «Куброва», в подтверждении 9 февраля

[1] Там же, № 3.

[2] АЭ, I, № 236. — Арские и каринские татары ведались казначеями — см. АЭ, I, № 220 и 226 (ср.: А. А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке, стр. 54). — На подчиненность Ю. Сидорова казначеям указывает и его подпись на уставной грамоте Устьянским волостям (1539 г.) в 1553 г. (Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства, стр. 28—29).

[3] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 20, стр. 271; см. также ружную грамоту 1540 г. — АЭ, I. № 191. — Кириллов монастырь, которому грамоты заверяли Ю. Сидоров и К. Короткого, ведался судом и управою у дворецкого Большого Дворца. — ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, лл. 80—81 (Грамота 1548 г.).

[4] Амвросий. История Российской иерархии, III, стр. 291—294.

1617 г. значится также несуществовавший дьяк «Ив. Болбинков» — безусловно Ив. Болотников; поэтому несколько трудно выяснить, к какому именно подтверждению относится указание, что грамота заверена в ведомстве дворецкого: в 1550 г. ее подписал дьяк Роман Козаков, причем высшей инстанцией для монастыря является, по подтверждению, дворецкий, «котораго будет дворецкого Рязанской Дворец в приказе»; ниже этого надпись: «Приказ Боярина и дворецкого Данила Романовича», а затем подтверждение грамоты (также с упоминанием о суде дворецкого), подписанное уже Юрием Сидоровым. Хронологическая близость обоих подтверждений, из которых первое (1550 г.) можно считать сделанным в ведомстве дворецкого, позволяет заключить, что и в 1551 г. грамота была заверена по приказу того же дворецкого Данилы Романовича.[1]

---

[1] Грамот, касающихся управления монастырями, подписанных Ю. Сидоровым, как мы уже упомянули выше, очень много; см., напр., Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. III, № 11 (17 мая 1551 г.), №№ 12, 13, 14, 15 (1551 г.); отд. IV, № 6 (1549 г); АЭ, I, № 166 и др.; ДАИ, I, № 45; «Можайские Акты», № 1 и т. п. — Товарищи Ю. Сидорова иногда самостоятельно подписывали грамоты, неся дворцовые обязанности: так, дьяк Ф. Семенов подписал грамоту (1549 г.) тарханную 17 мая 1551 г. Кириллову монастырю (Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 18). Кожух Короткого подписал также много грамот; напр. на жалованной (с торговыми льготами от 20 октября 1528) Иосифо-Волоколамскому монастырю находятся подтверждения: 27 января 1534 г. — дьяка Федорова (Мишурина ? дворцового дьяка в царствование Василия III и начала Ивана Грозного — см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 163), 1549 г. 20 ноября — дьяка Н. Фуникова и Шершня Билибина («а подписал царя и великого князя дьяк Шершень Билибин», также дворцовый — Сб. РИО, 59, стр. 226) и, наконец, К. Короткого 17 мая 1551 г. (ГИМ, по описи грамот № 1727). На грамоте тому же монастырю от 16 февраля 1515 г. на слободку Тимофеевскую с деревнями в Ржевском у. на оз. Селигере, подтверждения — 20 января 1534 г. (Ф. Мишурин), 17 мая 1551 г. — «А у сее подписи на грамоте руки дияка Кожуха Григорьева сына Короткого, а сея подпись на грамоте подписана по приказу дворецкого Василья Андреевича» (ГИМ, по описи грамот № 1726). Так же: Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. III, № 5 (стр. 145). — На отправление обязанностей по дворцовой службе указывает и несудимая грамота

Причиной, почему казенных дьяков привлекали к отправлению обязанностей по дворцовому ведомству, кроме общей, о которой мы говорили выше, может быть и та, что в подтверждаемых грамотах монастырям очень часто давались различные податные льготы, а ведать их следовало, конечно, собиравшим подати и налоги дьякам Казенного Двора.

Собственно дворцовые дьяки за это время известны по документам.[1]

Итак, ведомство Юрия Сидорова (и его товарищей) заключалось, повидимому, в 1549—1553 гг. в получении почти всех главнейших «казенных» налогов и пошлин: торговых, ямских, пищальных денег, оброка. Дьяк сидел начальником в особой «Полавочной избе», был членом особого «банковского» приказа и, наконец, нес обязанности как дьяк дворцовый. С 1554 г. область ведения его (и его товарища дьяка Павла Никифорова) меняется: из суммарного заведывания разными доходами в Казне, совмещаемого еще со службой по двум, можно сказать, министерствам, у него сосредоточилась одна специальная отрасль доходов. Действительно, в августе

(с разрешением строить монастырь) Федору Суморину, выданная 20 февраля 1554 г. за подписью окольничего Алексея Ф. Адашева и дьяков Ю. Сидорова и Павла Никифорова (П. Савваитов, Н. и И. Суворовы. Описание тотемского Спасо-Суморина монастыря, стр. 49—50). — Очевидно, по старой памяти, как дьяк, много лет несший дворцовые обязанности, Ю. Сидоров подписал в 1561—1562 г. и жалованную грамоту Иранской Филипповой пустыни (С. А. Шумаков. Обзор, вып. 2, ч. 2, № X, стр. 171).

[1] Таковыми были, напр., Шершень Билибин в 1550 г., в 1550—1553 гг. Вас. Колзаков, Шестак Воронин, в 1556 г. Мясоед-Вислого, в 1559 г. Иван Никифоров и Второй Дулов («Древнейшая разрядная книга», стр. 145, 161, 181, 213). В записной приходо-расходной книге Ипатьевского монастыря около 1553 г. записано: «Да вдругой ездил к Москве казначей Досифей да с ним два слуги о монастырских делех о земляных и о Кузминском и о обидах, на Москве роздал поминков дьяком дворцовым тремя Захар(ь)е Панфил(ь)еву с товарищи дано им рыбы на два рубля»... Здесь из текста видно, и какие дела были у дворцовых дьяков по управлению монастырями (Н. П. Лихачев. Отрывок из расходных книг костромского Ипатьевского монастыря, стр. 14).

1555 г. — марте 1556 г. дьяки Ю. Сидоров и Петр Данилов Дементьев ведают по Новгороду военные дела и доходы: пищальные деньги, сбор на литье пушек и пищалей, также привод пищальников к крестоцелованию и т. п.[1] Таможенные же пошлины, уже обособившиеся, находятся у другого казенного дьяка — Третьяка Митрофанова сына Карачарова; последний в промежуток 8 ноября 1554 г. — 22 февраля 1556 г. по Новгороду ведает пошлинами с торговых людей, таможенными, пятенными, анбарными, весчими, а также и людьми, их собирающими.[2] «Опасная» грамота на проезд купцов за границу имела силу лишь в том случае, когда она была подписана именно Третьяком Карачаровым; 23 октября 1555 г. новгородским дьякам приказано было не пропускать в Ругодив купцов, «у которых грамот не будет руки дияка Третьяка Митрофанова сына Карачарова».[3] 12 февраля 1556 г. Карачаров подписал жалованную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю «во все городы и волости» о невзимании с монастырских продавцов мытных и таможенных денег, а также грамоту таможенникам в Кашинский уезд и в Бежецкий Верх на Ивановский погост — 14 марта 1557 г.[4] Повидимому, за его подписью была разослана грамота «во все городы и волости... Московского государства и мытчиком, которые емлют за мыт по деньге с рубля, верным и откупным», запрещающая брать торговые пошлины с товара, покупаемого на обиход Спасского Ярославского монастыря.[5] Ведомство

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 257 и 269—270, прим.

[2] Там же, стр. 256 и 273, прим.

[3] ДАИ, I, № 61.

[4] Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 30, стр. 322 и № 32, стр. 392; другие списки, ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, лл. 205—207; ГПБ Q. IV. 113а, стр. 1605—1608 (грамота 1557 г.); Архив ЛОИИ «Акты Белозерские», кор. I, № 7 (грамота 1556 г.).

[5] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, М., 1896, № XXIII. — В этом издании документы напечатаны с плохих, повидимому, копий XVIII в.; подписи дьяков (да часто и самый текст актов) сильно искажены: цитированная грамота, например, значится «за подписью дьяка Третьяка Трифонова», но подобного мы не встречаем в эти годы ни

Третьяка Карачарова в 1554—1557 гг. очевидно составляло часть бывшего ведомства Юрия Сидорова в 1549—1552 гг.

Другая часть государственных поступлений, ведавшихся в эти годы тем же Сидоровым, — ямские деньги и примет, — как мы уже видели, вносилась с осени 1554 г. в особый приказ, Большой Приход: дьяк последнего, Угрим Львов, собирал в 1554—1556 гг. с Новгорода деньги ямские, приметные, за городовое и ямчюжное дело и т. п. Характерно, что он требовал с новгородских дьяков (во второй грамоте от 1 февраля 1556 г.) недоборы податей за определенное, почему-то, количество лет, именно: за 7060—7063 гг., т. е. за годы от 1551—1552 г. и до 1554—1555 г. Зная срок годовых сборов означенных податей для Новгорода (25 декабря — 6 января каждого, следующего за податным, года), мы можем заключить, что недобры за 7060 г. должны были быть высланы в Москву к 6 января 7061 г., т. е. 1553 г. (а собраны в Новгороде к 25 декабря 1552 г.). Дьяк требовал очевидно недоимки со взносов податей за все время своего заведывания поступлением означенных доходов. Дата эта невольно напрашивается на сопоставление с датой первого упоминания деятельности известного нам Третьяка Митрофанова сына Карачарова, получившего в 1554 г. заведывание таможенными пошлинами от Юрия Сидорова. Как видно, в это время (1553—1554 г.) сфера ведения последнего окончательно разложилась на отдельные ведомства; из одного из них и вырос приказ Большого Прихода, первым начальником которого с 1553—1554 г. и следует считать, по нашему мнению, дьяка Угрима Львова.

Является вопрос, в каком отношении стояли эти ведомства (Ю. Сидорова с пищальными деньгами и военными делами, Тр. Митрофанова с торговыми пошлинами и налогами, Угр. Львова — в Большом Приходе с деньгами ямскими, приметными и т. д.) к тому, из которого они выделились, т. е.

в документах, ни в разрядах вообще, а тем более — как ведающего грамоты по торговым делам. Пропуск же при переписке в XVIII в. скорописи XVI в. взметных «Ми» вполне допустим; поэтому мы и решились отнести грамоту к деятельности Тр Митрофанова

к Казенному двору. Можно думать, что общий надзор за ними оставался все-таки у казначеев. Первые два ведомства, Сидорова и Карачарова, вскоре после обособления, как увидим далее, и совсем перестали существовать, будучи присоединены к ведомству Большого Прихода. На зависимость от казначеев Юрия Сидорова в 1554—1556 гг. указывает, думается, заведывание им серебряных дел мастерами (Казна государева ведь была не только приказом, но и складом ценностей, под охраною дьяков и казначеев); [1] также и товарищ Юрия Сидорова в это время, дьяк Петр Данилов сын Дементьева, подписал 31 декабря 1555 г. указ об отставке новгородского старосты, причем последний должен был явиться в Москву к казначеям Ф. И. Сукину и Х. Ю. Тютину.[2] Зависимость от казначеев дьяка Третьяка Митрофанова еще яснее: так, в 1555 г. он подписал грамоту об отдаче на откуп в Новгороде анбарной и пятинной пошлин, причем они должны были итти прямо казначеям, а в 1556 г. 9 июля — грамоту в Бежецкий Верх относительно откупщиков тамги, пуда и померного в селе Веси Егонской, в этом случае высшей инстанцией по всем связанным с откупом делам являются опять те же казначеи.[3] На известную подчиненность государевым казначеям Угрима Львова в делах, касающихся взимания кормленого откупа, мы еще укажем далее. Но им же подписаны и грамоты новгородским дьякам относительно денежного жалованья, отправившимся в поход в 1555 г. татарским отрядам под начальством Д. Г. Плещеева, царя Кайбулы астраханского и Г. Н. Сукина; отчет в выданных дьяками суммах должен был быть прислан к казначеям «с понарочным гонцом» — татарские служилые люди, как мы уже имели случай видеть, ведались действительно казначеями.[4]

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 269.

[2] ДАИ, I, № 86.

[3] ДАИ, I, № 74; см. ниже, ч. III, «Документы», № 10.

[4] ДАИ, I, № 74, грам. II и IV; Архив ЛОИИ, «Акты Новгородского губернского правления», № 28, лл. 231 об. — 232 об

Таким образом можно предполагать, что казначеи и по обособлении главнейших отраслей своего ведомства оставались все-таки высшим для них начальством. Мы не знаем, каково было служебное взаимоотношение этих дьяков и казначеев; по всей вероятности, последние несли контрольные обязанности в отношении первых, хотя, естественно, в различной мере: в одной мере по отношению к Юрию Сидорову, ведавшему пищальные деньги, в другой — к заведывавшему гораздо более важной статьей дохода и торговыми делами Т. Карачарову, и в третьей — к начальнику особого приказа Угр. Львову, получавшему огромный денежный фонд, скрывавшийся под московским термином «ямския и приметныя деньги, за городовое емчужное и засечное дела».

Мы проследили только что, когда и как возник приказ Большого Прихода. Теперь, прежде чем рассматривать историю приказа, следует остановиться на вопросе о причинах его возникновения. Во-первых, нужно, конечно, помнить самую простую — осложнение ведомства дьяка Юрия Сидорова в начале 50-х годов XVI в. В то время, как в 40-х годах мы видим в Государевой казне несколько дьяков, в начале следующего десятилетия Сидоров сосредоточивает в своих руках ведомства большинства их; его, так сказать, деловая перегруженность неминуемо должна была вызвать образование параллельных ему департаментов, подобно тому, как это можно в известной степени предполагать и для 40-х годов. Во-вторых, в Государеву казну к концу первой половины XVI в. и в начале второй стали поступать новые доходы — деньги пищальные и полоняничные. Первыми начал заведывать как раз дьяк Сидоров; относительно вторых — сведений, кажется, не имеется, но впоследствии, как увидим далее, они поступали в Большой Приход.[1]

---

[1] И ямские деньги (малая ямщина XVII в.), хотя и известны в первой половине XVI в., окончательно стали тем важным налогом, каким мы его знаем для XVI в., лишь к половине века. Ср.: С. Б. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 95; — С. Б. Веселовский и П. Н. Милюков («Спорные вопросы») согласно считают, что пищальные деньги возникли

Однако главную причину возникновения Большого Прихода надо, думается, искать в общих земельно-податных реформах, проведенных как раз в начале 50-х годов XVI в.

Мысль о необходимости реформ вообще и, в частности, реформ окладной земельной единицы уже созрела в умах московских людей: прежняя мера «четверть» или «четь» не удовлетворяла, и один очень любопытный проект реформ предлагал заменить ее новой окладной единицей — «четверогранным поприщем», причем правительству указывались и все громадные выгоды проектируемого: «Се убо всякаго мятежа в земных умалитца, писарем умаление зборы перестанут, мзды неправедныя улучатца, о еже землемерителнии и писарию четвертию меряще и ратаем многим скорбем от объядения приносяще. О сем убо тако достоит разумети: скорости ради мерныя и вражды и тяжеб меж их — мерити и отделяти поприщьми».[1] Как бы ответом на такое желание рядового московского человека служит заявление царя Стоглавому собору 1551 г., что он «приговорил» послать писцов «во всю свою землю» переписать все земли и доходные статьи «и в книгах то все поставити», чтобы ввести правильное взимание податей, избежать земельных тяжеб и знать «хто чем нужен». Предполагалось и переустройство торговых пошлин — отмена мыта и увеличение тамги, упорядочение взимания явочной пошлины с товаров,[2] а в 98-й статье Стоглава было постановлено новым слободам духовных лиц и учреждений тянуть тягло с черными волостями. Возможно, что реформа торговых пошлин, на практике неосуществленная, повела к переустройству центрального управления, к обо-

---

лишь к половине XVI в., однако уже в 30-х годах этого столетия они собирались с волостей Поморья в Государеву казну; см. ниже, ч. III, «Документы», № I.

[1] П. Н. Милюков. Спорные вопросы. Прил. II, стр. 176; ср.: М. М. Богословский. Несколько слов об одном проекте реформ XVI в., стр. 1—12. — Напрасно только, кажется, М. М. Богословский относит «проект» ко времени правления вел. кн. Елены Глинской.

[2] И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора, стр. 180, 181, 186

соблению ведомства дьяка Третьяка Карачарова. В таком случае, дело ограничилось лишь переменою в центральном ведомстве; недолгое существование особого ведомства Карачарова, затем соединенного, как увидим, с Большим Приходом, также, думается, говорит, что в нем мы встречаемся с одной из частей проектировавшегося общего реформированного ведомства, когда осуществлено было лишь образование центральной его части, но остались в силе старые способы сбора доходов, составивших его бюджет. Более полно реформа осуществилась в образовании Большого Прихода. Бюджет последнего, как известно, составлял вначале ряд важнейших поземельных податей — деньги ямские, приметные, за городовое, засечное и ямчужное дела, взимавшиеся с сошного письма.[1] Высказанная царем на Соборе мысль о необходимости новой описи земель действительно была проведена в жизнь: было произведено «генеральное», по выражению П. Н. Милюкова, описание «большими писцами и мерщиками»; к этому времени вырабатывается и определенный оклад «большой сохи» (в четвертях).[2] Последнее обстоятельство, т. е. выработка нового вида поземельного кадастра, естественно должно было вести к чрезвычайному осложнению старого финансового органа — Государевой казны; случайные и небольшие дьячьи «избы», возникавшие и ранее в ведомстве казначеев, на которые мы уже указывали выше, не могли, очевидно, исполнить эту роль. Распространение большой сохи в XVI в. С. Б. Веселовский ставит в связь с возникновением в середине века новых налогов (именно ямскими деньгами и др.);[3] новые (точнее получившие новое, важное значение) подати, взимавшиеся с новой единицы обложения, должны были вызвать к жизни и новое же центральное учреждение, без того административно-судебного оттенка,

[1] С. Б. Веселовский, ук. соч., I, стр. 103 сл.

[2] П. Н. Милюков. Спорные вопросы, стр. 47. — На возникновение большой сохи в начале второй половины XVI в. указывает и С. Б. Веселовский (ук. соч., I, стр. 89—98).

[3] С. Б. Веселовский, ук. соч., I, стр. 95.

с каковым являются в актах казначеи, именно учреждение с чисто финансовыми функциями, каким мы и знаем Большой Приход.[1]

Один любопытный документ 1556 г. дает возможность уяснить и роль дьяка Большого Прихода, Угрима Львова, в истории применения новой окладной единицы — большой сохи. В 1556 г. в Серпуховском уезде произведено было упорядочение вотчинного и поместного землевладения. Серпуховскому городовому приказчику В. Ситчину и подьячему Косте Васильеву было приказано ехать в уезд с выписями из книг письма и меры Данилы Григорьевича Фомина и подьячего Ермолы Петрова и спросить архимандрита Высоцкого монастыря Антония с братьею «которые они погосты и деревни, и починки, и пустоши по Данилову писму царю и великому князю сряду отдают и которые погосты и деревни, и починки, и пустоши себе сряду к старым к своим к монастырским землям похотят к монастырю взяти»; затем новые деревни и починки «на царя и великого князя местех» переписать и раздать из них определенное количество четей доброй и середней земли, сенных покосов и пашенного леса детям боярским в поместье, «в их помету», а монастырским старцам за «их роспашь» выделить из новых селений «третей жеребей». Ситчину и Васильеву кроме того предписывалось разменяться с Высоцким монастырем теми деревнями и землями, которые «вмешалися» в царевы, чтобы уничтожить чересполосицу владений. Писцы исполнили приказ и, исчислив новые поместные и монастырские земли в четвертях и вытях, отослали книги своего письма и меры в Москву, по всей видимости в Поместную избу, где дьяками и было отмечено отсутствие в книгах исчисления на сохи: «а сотного (сошного? — *П. С.*) писма не написано». От поместных дьяков Путилы Нечаева

[1] Затрудняемся понять, почему С. Б. Веселовский считает Большой Приход учреждением судебно-административным: «В XVI веке, — говорит он (стр. 325, прим. 1), — некоторые посады ведал (судом и управою), кажется, и Большой Приход». Документального подтверждения такого взгляда у нас нет.

и Василия Степанова была послана память с выписями из книг (в данном случае относительно Высоцкого монастыря) дьякам Ю. Сидорову и Угриму Львову с приказанием — земли, «сметив в сошное писмо, написати по тому государеву указу, как в сей выписи написано» (выше в сотной приведено и содержание указа, присланное, видимо, поместными дьяками в их памяти: «А по государеву указу велено писцом поместных земель в сошное писмо писати добрые земли по осмисот четвертей в соху, а середние земли по тысечи четвертей в соху, а худые земли по тысечи по двесте четвертей в соху, а которая земля добре худа и безугодна и тое земли по тысечи и по триста четвертей в соху. А монастырских земель велено писцам писати в сошное писмо добрые земли по штисот четвертей в соху, а худые земли по осмисот четвертей в соху, а которая земля добре худа и безугодна и тое земли по девятисот четвертей в соху»). Дьяки исполнили приказание, положили земли в сошное письмо и, за приписью Ю. Сидорова, выдали Высоцкому монастырю сотную выпись; из пометы на ея обороте мы можем заключить, что поместные дьяки прислали, видимо, лишь выписи из книг Ситчина, а вся техника обложения была произведена не в Поместной избе: «Сю сотную правил з диячею паметю Путила Нечаева да Василя Степанова да с писцовыми книгами князя Василя Семоновича Фуникова с товарыщи подячеи Булгачко Салков».[1]

Итак, дьяки Юрий Сидоров и Угрим Львов заведывали сошным окладом на основании «государева указа». Очевидно, последний и есть то самое «государево уложение» о большой сохе, существование которого предполагал П. Н. Милюков.[2]

[1] Л. Воронцова. Рукописи серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 333—348.

[2] П. Н. Милюков. Спорные вопросы, стр. 56—58. — На промежуток 1551—1555 гг., думается, следует относить издание этого «указа» — «уложения» о большой сохе. Таким образом улавливается момент возникновения ее, как кадастровой нормы, принятой и распространяемой государством. Другой вопрос — что соха привилась далеко не на всех разрядах земель, и реформа затянулась, как показал в своем труде С. Б. Веселовский.

«Справа» с книгами Фуникова (1551—1552 г.),[1] одного из «больших писцов и мерщиков», повидимому, посланных после заявления Грозного на Стоглаве, показывает, что и эти книги находились у Сидорова и Львова. Сидоров и Львов таким образом рисуются людьми, в руках которых сосредоточены центральные нити в деле введения нового кадастра. Первый участвовал в этом как старый казенный дьяк, недавно еще получивший все подати, а в 1555—1556 гг. пищальные деньги, правда, положенные (по предположению С. Б. Веселовского) в XVI в. подворно.[2] Участие второго, Угрима Львова, вполне понятно: он, как мы знаем, ведал в Большом Приходе как раз получение посошных налогов, из которых деньги ямчужные и за городовое дело были к тому же, повидимому, и новыми.[3] И впоследствии из Большого Прихода выдавались памяти в другие приказы с выписями из писцовых книг, где точно высчитывалось посошное тягло. Таким образом, связь возникновения особого финансового учреждения для сбора податей, положенных в новое сошное письмо, к тому же податей недавно возникших, с возникновением новой окладной единицы — большой сохи, не подлежит сомнению. Накопление новых податей, «генеральное описание» земель как следствие заявления царя на Соборе 1551 г., введение новой сохи, отсюда и необходимость новой техники раскладки податей — вот причины возникновения в 1553—1554 гг. Большого Прихода.

Основной бюджет его составляли, как это не раз приходилось уже нам отмечать, деньги ямские, приметные, за городовое засечное и ямчужное дело. С самого возникновения приказа, кажется, его ведомству подлежало наблюдение и за охудавшими поместными землями: так, первый дьяк Большого Прихода Угрим Львов подписал 6 января 1556 г. грамоту новгородским дьякам о сложении с поместья Захара Некрасова Долгорукова недоимок; помещик заявил, что на

[1] Л. Воронцова, ук. соч., стр. 347.

[2] С. Б. Веселовский, ук. соч., стр. 146, 151, 152.

[3] П. Н. Милюков. Спорные вопросы, стр. 16, 17.

его поместье «залегли две дани», но что платить их ему не с чего, так как поместье его пусто.[1] Позднейшие указания документов дают сведения, что в Большом Приходе служилые люди брали на оброк порозжие вотчинные и поместные земли;[2] для более же раннего времени порядок был, повидимому, несколько иной: пустые поместные земли отдавались на оброк из Поместной избы, а за Большим Приходом оставался, вероятно, лишь контроль над охудавшими поместьями, пример которого был только что приведен выше.[3] Впрочем, в некоторых случаях последнюю обязанность дьяк Большого Прихода был принужден делить, видимо, с дьяками казенными и поместными; можно полагать, что существовала для этого даже особая, так сказать, междуведомственная комиссия дьяков: так, в 1558 г. 9 марта был послан указ на Плесо (Костромской уезд) И. М. Строеву с целовальниками по поводу челобитья Д. Кезомина о сложении с его опустевшего «от хлебные дорогови и от податей» поместья части ямских и приметных денег; Строеву было приказано челобитье проверить и обмерить поместье, а обыскной список и книги прислать «на Москву к дьяком нашим к Угриму Лвову да к Василью Сте-

---

[1] Архив ЛОИИ. Акты Новгородского губернского правления, № 23, лл. 255—256. — Напомним, что термин «дань» иногда покрывал как раз доходы Большого Прихода: ямские, приметные, за городовое дело и тому подобные деньги.

[2] «В Сурожском же стану порозжие поместные и вотчинные земли, которые на оброке за князми и за детми боярскими и за их приказщики и за крестьяны, а имали их на оброк на Москве из Большого Приходу у дьяков и у денежных сборщиков»... (ПКМГ, I, стр. 114. Писцовая книга поместных и вотчинных земель Московского у. 1584—1586 гг.); «в Горетове ж стану оброчныя земли, что имали на оброк на Москве из Большого Приходу...» (там же, стр. 155).

[3] Так, напр., дано было писцом Ф. И. Колычевым на оброк поместье князей Ивана с детьми и Вас. Андомских (в Белозерском у., в волости Лозе), в 1564 г. Мишке Ананьину: «А оброк ему с пошлины привозити на Москву и отдавати в Поместную избу царевым и великого князя дьяком, Путилу Михайлову с товарыщи...» Оброк высчитан писцом «по полтине в год да пошлин пять денег», «а ямские деньги по книгам» — в Большой Приход? (см. ниже, ч. III, «Документы», № 14).

панову да Дружине Лазареву с иными нашими делы не нароком часа того».[1] Последние слова показывают, что дьяки имели ряд дел, подлежащих совместному их рассмотрению; из них У. Львов сидел в Большом Приходе, В. Степанов — в Поместной избе, а Д. Лазарев — под началом у казначеев.[2]

Действительно, от 26 января того же года до нас дошла платежная опись тех же дьяков, выданная ими игумену Кирилло-Белозерского монастыря во взятых с монастырских
Кирилло Белозерского монастыря во взятых с монастырских
сох деньгах «за запас» казанскому архиепископу Гурию и архимандритам казанскому и свияжскому.[3] Участие Угрима Львова в сборах последнего рода, возможно, объясняется тем, что в Большой Приход стали рано поступать разные второстепенные налоги с монастырских земель: в 1555—1559 гг. в этот приказ платил Троицкий каширский монастырь оброчные деньги с пустошей;[4] в 1568 г. дьяку Ивану Булгакову заведывающему тогда Большим Приходом, Кирилло-Белозерский монастырь заплатил недочет «гробничных денег пол-осмнатцата рубля».[5]

Если возможно хотя приблизительно узнать, какие второстепенные статьи дохода дополняли бюджет Большого Прихода с самого его начала, то очень затруднительно выяснить, когда к нему были присоединены впоследствии поступавшие в приказ деньги пищальные и полоняничные. Первые платила Устюжна в приказ уже по сотной 7075 г., т. е. в 1566—1567 гг.;[6] есть прямые указания на платеж пищальных денег

---

[1] М. А. Дьяконов. Акты, № 18.

[2] А. А. Федотов-Чеховской, ук. соч., I, № 74; см. ниже, ч. III, «Документы», № 11.

[3] АЮ, № 209—II, РИБ, XXXII, № 206.

[4] М. А. Дьяков. Дополнительные сведения, стр. 196; он же, вып. 2, № 19.

[5] Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь. Приложение Д., № XXIV — Книги расходные казначея Пимена с ноября 1567 г. по декабрь 1568 г. включительно.

[6] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 147.

в 1570 г. и Серпуховским посадом.[1] Относительно одного из важнейших постоянных налогов XVI в., полоняничных денег, мы знаем, что он поступал в Большой Приход в 1582 г. — с Новгорода; в 1588 г. его платила туда Герасимова-Болдина пустынь (около г. Дорогобужа).[2]

Более точно датируется начало поступления в Большой Приход важных косвенных налогов — таможенных денег. Ими, как мы уже знаем, заведывал еще в 1557 г. дьяк Третьяк Митрофанов, действуя иногда в зависимости от казначеев, а иногда и сами казначеи прямо ведали таможенные дела. Третьяк Митрофанов Карачаров упоминается в разрядах еще в 1559 г. в числе оставшихся в Москве во время царского похода дьяков, как можно судить, в большинстве сидевших по отдельным приказным избам, а не дворцовых или разрядных, отправившихся в поход с Грозным.[3] В этом году его, таким образом, еще можно считать заведующим торговыми пошлинами, но вскоре последние стали поступать дьякам Большого Прихода. В весьегонской таможенной грамоте подробно изложена тяжба Симонова монастыря с приказчиками кн. Прозоровского и посадскими людьми бежечанами и городецкими (Холопья городка на Мологе); последние, откупив на оброк таможню в Веси Егонской, чинили насилия над монастырскими людьми, брали сверх узаконенной тамги «наддачу великую». Монастырь неоднократно жаловался на притеснение откупщиков и получил, наконец, в октябре 1557 г. от казначеев Ф. И. Сукина и Х. Ю. Тютина тамгу на оброк себе. Казначеи решали все тяжбы монастыря по откупным делам до начала 1563 г.; весною 7071 г. («в первую среду Петрова поста») монастырское дело разбиралось уже не ими, а дьяками Меньшим Мелентьевым и Иваном Булгаковым сыном Коренева, сменившими в Большом Приходе

[1] Л. Воронцова. Два документа (XVI в.) из архива серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 175.

[2] АЮ, № 211—1; Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 49, прим. 5.

[3] «Древнейшая разрядная книга», стр. 213.

Угрима Львова: Иван Булгаков 22 апреля 1564 г. направил грамоту пошехонскому выборному старосте Ивану Плюскову и целовальнику Сеньке Малгину с товарищи с приказанием не сбирать с Кириллова монастыря по челобитью келаря Сильвестра ямских и приметных денег, так как монастырь впредь сам будет платить эти подати в Большой Приход.[1]

Так, постепенно за вторую половину XVI в. Большой Приход становился действительно большим финансовым учреждением. Областью его ведения было получение первостепенных общегосударственных доходов, но, как это можно наблюдать и в истории других приказов, этот общегосударственный характер поступлений нарушался двояким образом: во-первых, ряд приказов ведал некоторые местности «во всем» (таковы «чети», Большой Дворец, куда по сообщению Флетчера шли доходы с 36 городов, Казенный двор, родоначальник, так сказать, Большого Прихода, ведавший, например, «во всем» Вятку до 1557 г., Яренский уезд с 1582 г.);[2] во-вторых, часто те подати, которые должны были бы вноситься целиком с данной местности в Большой Приход, в действительности делятся им с другими учреждениями на таких, повидимому, скрытых от взора современного исследователя основаниях, которые никак необъяснимы даже с точки зрения практического удобства.[3]

---

[1] АЭ, I, № 263; Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 39. — Обязанность подписывать грамоты, выходящие из приказов, часто лежала на «втором» приказном дьяке (см. ниже, ч. III, «Документы», № 117) — дьяки Большого Прихода Ив. Булгаков («первый») и Парф. Родионов («второй»), память же подписал Парф. Родионов; (также АЭ, I, № 269); см. еще: АЭ, I, № 262 (май, 1563 г.); АИ, I, № 176. — Ив. Булгаков подписал грамоту в 1565 г. костромским городовым приказчикам о правах Ипатьевского монастыря относительно перевоза через р. Кострому.

[2] Дж. Флетчер, ук. соч., стр. 65; М. М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 11, прим. 2: — «А велено де им (яренчанам) с тех сох всякие наши оброки платить на Казенном дворе и во всем их ведать на Казенном дворе»; А А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке до XVIII в., стр. 9.

[3] Напр., казначеи дают на откуп тамгу во Владимире в 1569 г. (АЭ, I, № 227): РИБ, XXXII, № 241. — О походах чети и Большого При-

Чтобы закончить общий обзор сферы ведения приказа следует сказать еще несколько слов о деятельности дьяков, связанной прямо с их финансовыми обязанностями. Так, дьяки Большого Прихода платили ругу монастырям: например Кирилло-Белозерскому — дьяк Ст. Лихачев (в 1576 г.), Успенскому собору в г. Коломне — по грамоте дьяка Меньшого Мелентьева.[1] Руга выдавалась или из приказа прямо или из местных сборов — доходов Большого Прихода. Последние поступали туда вместе с «платежницами» городовых приказчиков.[2] Как заведывавшие огромным количеством поступлений, дьяки Большого Прихода часто выдавали тарханные грамоты или подтверждали их; мы знаем много грамот подобного рода с подписями дьяков М. Мелентьева, С. Лихачева, Андрея Арцыбашева. Таможенные и другие торговые пошлины, отдаваемые обычно на откуп, давали повод дьякам Большого Прихода выступать и в качестве судей при столкновениях таможенников и откупщиков с населением.

Труднее изучить внешнюю историю Большого Прихода, точную последовательность управлявших им лиц и их служебную карьеру. Учреждение опричнины в 1565 г. неминуемо заставляет решать вопрос, хотя бы и относительно только данного приказа, — о взаимоотношении «опричнаго» и «земскаго» управлений — центральных. При скудости источников выводы, естественно, остаются гадательными.

Первый дьяк Большого Прихода, Угрим, носит в актах двоякое отчество или фамилию — Львов или Левкеин;

хода по Кашире в 1579 г. см.: «Писцовые книги XVI в.», изд. Н. В. Калачовым, II, стр. 1305.

[1] ПКМГ, I, стр. 301. — Возможно, что такая же грамота записана и в «Переписной записи домовым патриаршим документам, составленной при патриархе Иосафе»: «Грамота государя царя и вел. кн. Ивана Васильевича всея Русии 73 году сентября в 30 день, за приписью дьяка Меньшова Мелантева на ржевскую десятину на княж Федоровскую сторону Борисовича»; М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, стр. 84. (Приложение).

[2] См., напр., М. А. Дьяконов. Акты, вып. 2, № 24 (1577 г.); Ист. Арх., стр. 234, № 36.

думается, что это отчество дьяка, так как последнее словообразование происходит безусловно от уменьшительного «Левка»; более подробно с вопросом о фамилии его мы еще встретимся ниже. С уменьшительным, так сказать, отчеством дьяк встречается в документах лишь на первых порах своей службы, как дьяк дворцовый, именно в 1542 г.[1] В 1549 г. мы видим его сопровождающим Грозного в Казанском походе,[2] в эти годы он сидит младшим дьяком в Разряде (скрепа на акте о разрядстве воевод от декабря 1549 г. печатника Никиты Фуникова-Курцова, думного разрядного дьяка Ив. Елиз. Цыплятева, 1-го разрядного дьяка Андрея Васильева и 2-го — Угрима Львова).[3]

В разрядных дьяках Угрим Львов служил, повидимому, по крайней мере до половины 1551 г.: 16 июня 1551 г. была дана жалованная уставная грамота шести псковским соборам, всем попам, церковникам и посадским относительно времени пребывания во Пскове новгородского архиепископа, его кормов и отношений с псковичами, причем на грамоте была подпись И. Ел. Цыплятева, а на сставах скрепа дьяков Андрея Васильева и Угрима Львова.[4] Такое расположение подписей дьяков указывает на то, что во время выдачи грамоты А. Васильев и У. Львов были подчинены Цыплятеву, как дьяки Разряда, а не были лишь случайными лицами, подписавшими грамоту. В 1553—1554 г. Угрим Львов стал начальником Большого Прихода и пробыл там, повидимому, до начала 60-х годов. В 1559 г., во время похода на крымцев, он оставался в Москве; другие дьяки, не поехавшие с госу-

---

[1] Сб. РИО, 59, стр. 149; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 236.

[2] «Древнейшая разрядная книга», стр. 138.

[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 236—239, 553.

[4] Др. Росс. Вивл., XV, стр. 15—19. — Затрудняемся объяснить, чем вызвана выдача грамоты именно из Разряда. В 1555 г. архиепископ Пимен обжаловал грамоту, заявив, что она была дана «неподельно», и не по старине, и выхлопотал новую (27 июля), выданную на этот раз казначеями Ф. Ив. Сукиным и Хоз. Юр. Тютиным.

дарем в поход, в большинстве были приказные.[1] В 1561 г. Угрим Львов еще выдавал жалованные грамоты,[2] а в 1563 г. Большим Приходом, как мы видели уже, заведывали дьяк Меньшой Мелентьев и Иван Булгаков сын Коренева.

Угрим Львов был видной фигурой в управлении Московского государства и, кажется, близким лицом к Грозному, пользующимся его доверием. Так, когда в июле 1555 г. царь стоял на Коломне, ожидая крымцев, а из Польши пришли послы от виленского епископа, то из войска была прислана царская грамота митрополиту с приказанием объявить послам, что царь, «пошел на свое дело, на поле, а бояре государские, ближняя его дума, все с ним» и поэтому «о таком великом деле государском мимо ближнюю думу государьскую советовати нелзе»; на эти переговоры с послами митрополит должен был пригласить казначея Хозяина Юрьевича Тютина и дьяка Угрима Львова, а из других людей приказных прибрать сколько будет «пригоже». Митрополит исполнил приказание в точности и в ответном донесении царю не перечислил никого из других дьяков, которые были с ним перед послами, кроме Угрима.[3] Если «ближняя дума» этого времени действительно могла быть вся с царем, то из «приказных людей» с ним было всего 7 дьяков; из оставшихся выбрали, очевидно, доверенного, который вместе с казначеем

---

[1] «Древнейшая разрядная книга», стр. 212. Среди оставшихся дьяков, напр., были: Путил Нечаев (поместный), Тимофей Горышкин (дворцовый, старый дьяк — упоминается в 1540 г. — А. Федотов-Чеховской, I, № 53, стр. 74), в 1555 г. в Судном приказе? (там же, стр. 190), Казарин Дубровский (казенный, см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки. . ., по указателю), Ю. Сидоров (специально — пищальные деньги), Юр. Сем. Башенин (в суде у бояр), Трет. Митрофанов (специально — торговые пошлины), Вас. Ступа Андреев, Ив. Маунев (ямской, см.: Н. П. Лихачев, там же, указатель), В. Степанов (поместный), Леон. Офутин (в «приказе» кн. Ив. Немого, см.: Н. П. Лихачев, там же, стр. 274—276), Дружина Лазарев (казенный), Шерш. Билибин (дворцовый?), Б. Щекин (Разбойной избы) и другие. «Дворцовые» дьяки по разрядной: Ив. Никифоров и Второй Духов.

[2] С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, № 227

[3] Сб. РИО, 59, стр. 468—469.

(другой, — Ф. И. Сукин, — был в походе), конечно сам, а не митрополит, и подобрал себе соответствующий для аудиенции штат.[1] Наряду с таким указанием на значение Угрима Львова, есть сведения, что он обладал, повидимому, и порядочным состоянием: так, он мог, например, сделать в Кирилло-Белозерский монастырь вклад в размере ста рублей (при игумене Вассиане, 1560—1564 гг.).[2] После 1561 г. упоминаний в актах об Угриме Львове, кажется, не имеется вплоть до 1569 г., когда ему, как опричному казначею, был дан Грозным указ записать за Кирилло-Белозерским монастырем ряд земель в Каргопольском уезде. В указе Угрим написан уже с «вичем» — Угримом Львовичем.[3] Пробел в биографии Угрима Львова восполняет один документ конца XVI в., именно, — челобитная по местническому делу 1598 г. Михаила Игнатьевича Татищева, известного впоследствии деятеля Смуты. Челобитная открывает нам и фамилию дьяка. Татищев местничался с Василием Щелкаловым и, заявляя, что последнему «быт мочно» меньше его, так как он, Татищев, ясельничий, ссылался на прецеденты: «У вас, государей, — писал он, — печатники сиживали за вашими царскими столы у яселничих, а Василей Щелкалов — печатник и дьяк. А у яселничего, государь, у Петра Зайцова печатник Иван Новосилцов всегда сидел и печатники ж, государь, Угрим Львов сын Пивов и Иван Михайлов сын Висковатой всегда сидели у Петра Зайцова и у Василья Дровнина, а Петр, государь, Зайцов и Василей Дровник отечеством меня, холопа

---

[1] «Древнейшая разрядная книга», стр. 173.

[2] Н. К. Никольский, ук. соч., II, стр. 184, прим. 1.

[3] ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А. II/48, лл. 29—31. — Интересно, что Угр. Львова нет в перечислении дьяков, бывших на Соборе 1566 г., ни в 1-й группе их (по всей видимости думных дьяков), ни во второй. Возможно, что это произошло потому, что в это время он уже служил в опричнине. Опричных дьяков, которых для 1566 г. мы знаем, напр. Петр Григорьев (Ист. Арх., стр. 193, № 7), Дружина Володимеров (ДАИ, I, № 118), действительно на Соборе 1566 г., судя по приговорной соборной грамоте, не было (см.: Акты, относящиеся к истории земских соборов, стр. 3, 8 и 12).

твоего, менши».[1] Таким образом, Угрим Львов, по указанию Татищева, носил фамилию Пивов и, очевидно, до своего казначейства побывал печатником. Род Пивовых известен в XVI в.: это были незнатные служилые люди происхождением из Смоленска («окольничьи смоленские»); некоторые из них оказались в «послужильцах» у кн. Ивана Дмитриевича Бельского, другие, как Дмитрий Михайлович, служили дьяками, а Роман Михайлович лишь по своей близости к Грозному получил думное дворянство.[2] Другие местнические ссылки, приведенные Татищевым, достоверны;[3] но в ссылке на разрядное положение Угрима Пивова и Ивана Висковатого сравнительно с ясельничими Дровниным и Зайцевым есть некоторые неточности. Василий Григорьевич Дровнин как ясельничий упоминается в 1539—1559 гг.[4] Петр Васильевич Зайцев ясельничим отмечен в актах в 1559—1562 гг. (его карьера довольно быстро развивалась: в 1563 г. он при приеме польских послов назван членом «ближние думы государевы», а в марте 1564— мае 1570 гг. значится среди дворян, «которые в думе живут

[1] Н. В. Мятлев. Челобитная Михаила Татищева, стр. 4 сл.

[2] Сб. РИО, 71, стр. 503; «Акты земских соборов», стр. 8 (Дм. Пивов, 1556 г. — дьяк); С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 183; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки..., прил., стр. 58; Н. П. Лихачев. Думное дворянство, стр. 15; Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 349—350 (Р. Пивов — «из двора», в 1578 г.). — Происхождение Пивовых из Смоленска несомненно: в 1494 г. упоминается «окольничий» смоленский, пан Вас. Григ. Пивов; его внуки — Васюк, Дмитрий и Роман записаны в качестве детей боярских 3 статьи в «Тысячной книге»; так же и по «Тетради дворовой» они значатся как «в Ерославле же Литва». — Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга, стр. 9, 185—186; П. Н. Милюков. «Тетрадь дворовая», стр. 26. — Угр. Львович и «послужильцы» Бельского были, видимо, другой ветви рода, так как все позднейшие Пивовы («Петрок» Роман, Мих. Вас.) происходят от означенных трех внуков «окольничаго» Василия Григорьевича.

[3] Н. В. Мятлев, ук. соч.

[4] «Древнейшая разрядная книга», стр. 138, 145, 162, 173, 181, 212. В Шереметевском «боярском списке» Дровнин записан впервые под 7048 (1539—1540) г., в последний раз под 7064 (1555—1556) г., когда значится, очевидно ошибочно, умершим (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 31, 40).

у государя»; по Шереметевскому «боярскому списку» в 1563 г. он был уже окольничим).[1] Таким образом, «сидеть» у ясельничего Дровнина И. Висковатый и Угрим Пивов могли лишь в 50-х годах; пример совместной службы их (всех трех) мы действительно знаем по разрядам (в 1549—1550 г. при походе на Казань), но тогда и Пивов и Висковатый были лишь дьяками; Ив. Висковатый стал печатником лишь в начале 1561 г.;[2]

Татищев сделал ошибку, допустив анахронизм, как сделала подобное же и летопись, именующая Никиту Афан. Фуникова-Курцова казначеем в 1554 г., когда он был еще печатником, сдав должность Висковатому только в 1561 г.[3] Ив. М. Висковатова, мы, действительно, видим в товарищах с Зайцевым в 1562—1563 гг.[4] До 1563 г., до того времени, как Петр Зайцев стал окольничим, очевидно должен был с ним «сидеть» и Угрим Львович Пивов как печатник. Мы знаем, что он еще в 1561 г. был дьяком; под 3 числом февраля того же года летописец занес любопытное известие, что государь «переменил» печать «меншую» вел. кн. Василия Ивановича, «а учинил печать новую складную».[5] Нельзя ли видеть в этом указание на какое-то, очевидно, важное для современника событие, долженствующее занять место в официальной лето-

---

[1] Сб. РИО, 71, стр. 92, 98, 196, 666. «Древнейшая разрядная книга», стр. 212, 234. — Зайцев «в суде у бояр» в 1562 г. (Др. Росс. Вивл., XX, стр. 45). В 1575—1576 г. Зайцев «выбыл» (там же, стр. 54). Ясельничим до 1559 г. был В. Г. Дровнин (см. предыдущее прим.), с 1563 г. П. В. Зайцев уже окольничий; следовательно, в чине только ясельничего он был в 1559—1562 (или 1563?) гг.; см.: Н. П. Лихачев. Думное дворянство, стр. 10.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, стр. 341 (выписки из Башмаковской разрядной, принадлежащей Русск. археолог. общ.). — Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 95—102.

[3] ПСРЛ, XIII, ч. I, прим. на стр. 238; Сб. РИО, 71, стр. 26.

[4] Сб. РИО, 71, стр. 196 и др. (по указателю).

[5] ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 331. — О перемене печати в 1551 г. см.: Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевина, стр. 251.

писи — именно на расширение ведомства печатника?[1] Тогда с этим моментом можно было бы связывать и печатничество Угрима Львова; не получилось бы противоречия и с показанием Татищева (о местническом отношении Угрима и Зайцева). Картина была бы следующая: у вновь реформированного ведомства (две печати — два печатника) встали двое из близких Грозному людей: И. М. Висковатов, столь яро вставший на сторону царя в 1553 г. при известном сопротивлении кружка Сильвестра и Адашева во время болезни царя (по скорописным тенденциозным припискам на «Царственной книге») и У. Л. Пивов, доверенное лицо Грозного в 1555 г. и его опричный казначей в 1569 г. Вспомним, что на начало 60-х годов падает и окончательный разрыв царя с членами «избранной рады» и казначейство Никиты А. Фуникова (с 1561 г.), которого Грозный выставлял в 1566 г., как пострадавшего от политики «рады».[2] Назначение усиленного штата казначеев (вместо одного — два), как кажется, связывалось именно с необходимостью дать ход близким царю: так, при казначеях Ф. И. Сукине и Х. Ю. Тютине в разрядах на короткое время (1550 г.) промелькнул Ал. Ф. Адашев.[3] Фуников-Курцов, вероятно родич царского крестного отца — «троецкого старца» Иова Курцова, действительно вместе с Висковатым играл в дипломатических сношениях с другими странами гораздо более видную роль, чем другие казначеи.[3]

---

[1] Обязанности печатника определяется Судебником 1550 г. (ст.ст. 38—40, 43, 44); красочную картину их дал в своем местническом деле печатника Роман Алферьев (в 1583 г.): он был обязан судить вместе с казначеями и прикладывать печати к грамотам, которые ему подносили дьяки и подьячие (Н. П. Лихачев. Местнические дела XVI века. стр. 16—51).

[2] Сочинения кн. Курбского, I, стр. 86.

[3] «Древнейшая разрядная книга», стр. 145. — Впрочем, в 50-х годах было одно время также 3 казначея: Ф. И. Сукин, Х. Ю. Тютин и И. П. Головин.

[4] ПСРЛ, XIII, ч. I, стр. 48 и 51. — (Интересно, что имя старца Иова выскоблено в списке кн. Оболенского Никоновской летописи, как сделано это с именем кн. Влад. Андр. в «Царственной книге». Или казнь

Точно также в 1566 г. на Соборе и Андрей Яковлевич Щелкалов, повидимому, был уже среди тех дьяков, которых можно с большой вероятностью считать думными.[1] После разрыва с кругом Сильвестра и Адашева начиналось владычество новых царских «верников» дьяков, которым впоследствии корили московских служилых людей политические эмигранты Тетерин и Сарыгозин.[2]

Дальнейшее изучение этого вопроса завело бы нас слишком в сторону. Конечно, определение времени печатничества Угрима Пивова с 1561 г. лишь гипотеза. Точно так же можно лишь предполагать, что казначействовать он стал с начала опричнины, когда в земщине благодаря стечению обстоятельств старшим казначеем стал другой близкий Грозному человек, Никита Фуников. Никаких сведений об Угриме ни до 1569 г., ни после — мы не знаем. В общей расправе 1570 г., когда погибли Фуников, Висковатов, Федор и Алексей Басма-

Н. Аф. Фуникова-Курцова отразилась и на памяти его родича?). Очень любопытны следующие известия «Списка надгробий Троицкого-Сергиева монастыря, составленного в половине XVII века»: «Род Курцовых же: Старец Іев Кушник Курцов, преставися 7079 г. сентября в 8 день... Троицкаго Сергиева монастыря Келарь старец Дорофей Курцов, убит в 78 году». Дорофей Курцов в Синодике нижегородского Печорского монастыря значится в числе опальных людей. Таким образом, погибла, очевидно, в 1570 г. вместе с Н. А. Фуниковым целая группа его родичей (А. В. Горский и Леонид. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы Лавры, ч. 2, стр. 92). Родственник царского крестного отца, Фуников-Курцов, с другой стороны, был женат на сестре любимца Грозного кн. Афанасия Ив. Вяземского (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 241), напр., см. Сб. РИО, 71, по указателю. — В Шереметьевском боярском списке (Др. Росс. Вивл., XX), куда, повидимому, занесены лишь старшие казначеи (в 50-х годах нет И. П. Головина, в 60—60-х годах — Х. Ю. Тютина, умершего лишь в конце 60-х годов), Н. А. Курцов записан казначеем лишь с 1566 г., после смерти (в конце 1565 г. — С. А. Шумаков. Обзор, III, стр. 5) Ф. Ив. Сукина. В таком случае Фуникова должно считать старшим казначеем (с 1566 г.) даже сравнительно с Тютиным, начавшим службу гораздо ранее.

[1] «Акты земских соборов», ст. 3. — Дьяки этой группы расположены, в акте собора сейчас же за перечислением членов боярской думы.

[2] Сочинения кн. Курбского, I, стр. 490.

повы, князь Афанасий Вяземский, дьяки Андрей Васильев, Василий Степанов и другие, имени Пивова мы не видим.[1]

В 1563 г., как мы знаем, приказом Большого Прихода уже заведывали дьяки Меньшой Мелентьев и Иван Булгаков сын Коренева, причем Мелентьев, был, видимо, главным, «первым», приказным дьяком. Очень соблазнительно отождествить его с дьяком Василием Мелентьевым, служившим ранее под началом у казначеев; осенью 1557 г. собранная с обеих половин Двинской земли «дань» должна была быть внесена Ф. И. Сукину, Х. Ю. Тютину и дьякам Вас. Мелентьеву и Дружине Лазареву.[2] «Дань» эту составляли деньги «данные» за посошных людей, за городовое, засечное и ямчужное дела и мелкие местные сборы, т. е. то, что с других местностей шло в только что образовавшийся приказ Большого Прихода. Дьяки В. Мелентьев и Др. Лазарев в Государевой казне видимо ведали сборами параллельными доходам Большого Прихода в тех областях Московского государства, которые почему-либо оставались еще в ведении старого центрального финансового органа — у казначеев. Если сопоставить с этим известие, что именно с началом деятельности Меньшого Мелентьева в Большом Приходе туда стали поступать торговые пошлины, до того находившиеся в заведывании казначеев, то тождество обоих дьяков — Василия и Меньшого — становится более или менее несомненно: в Большой Приход в таком случае был назначен «казенный» дьяк, уже имевший навык в сборе аналогичных доходов; от своих прежних прямых начальников — казначеев, он вместе с назначением на должность заведующего отдельным приказом, получил в ведение и сбор торговых пошлин, причем последние остались в Большом Приходе и после того, как Мелентьев покинул приказ.

[1] Н. М. Карамзин, ук. соч., IX, прим. 299.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 11. — В 1558 г. Вас. Мелентьев подписал правую грамоту игумену Кирилло-Белозерского монастыря Матфею, на спорную с Дан. Андр. Рясиным землю с. Хотенова-Теребутунь (А. А. Федотов-Чеховской, ук. соч., I, № 71).

В 1565г., возможно, что он еще был в Большом Приходе;[1] на соборе 1566 г. его нет ни в одной группе дьяков, тогда как И. Булгаков, его бывший товарищ, значится в числе дьяков второй группы. В 1568 г. Иван Булгаков сын Коренева уже прямо указывается в источниках, как первый дьяк Большого Прихода; товарищем его в то время был Парфений Родионов,[2] в 1570 г. Коренев еще сидел в приказе: именно, в этом году 29 января он подписал грамоту Серпуховскому городовому приказчику с запрещением собирать пищальные деньги с «лавчишек», купленных крестьянами Высоцкого монастыря, так как они «полавочное деи с тех лавок и с товару пошлины и сторожевое платят».[3]

В 70-х годах начальником Большого Прихода был дьяк Степан Лихачев. Документы с его подписью встречаются с 1573 г.[4] За время его управления им выдано много тарханных грамот монастырям.[5] В ноябре 1579 г. он сидел уже, кажется, дьяком в Ямском приказе, а в 1581 г. был дьяком в Смоленске.[6] «Вторым» дьяком упоминается в марте —

[1] АИ, I, № 175/1565 г., февраль.

[2] См. ниже, ч. III «Документы», № 18. — В 1563 г. Парфений Родионов был еще подьячим (А. В. Горский. Историческое описание, ч. II, стр. 37—38).

[3] Л. Д. Воронцова. Два документа (XVI в.) из архива серпуховского Высоцкого монастыря, стр. 175.

[4] М. А. Дьяконов. Акты, вып. 2, № 21 (1576 г.), № 24 (1577 г.); И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XLI (1573 г.); АЭ, I, № 300 (1578 г. 18 июня); АМГ, I, № 21 и т. п. Ср.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 148, 471—473 и Указатель, стр. 46. — Все документы касаются податных дел (главным образом ямских и приметных денег).

[5] Напр.: АИ, I, № 188 (1573 г. август), № 200 (1578 г.).

[6] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XLIX. — Лихачевым подписана грамота о ямских охотниках при постройке яма; аналогичные грамоты подписывались ямскими дьяками: напр., 24 февраля 1579 г. — дьяком Вас. Колударовым (там же № XLVII. — Вас. Колударов в Ямской избе в 1579 г. — Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 349—350); 12 декабря 1579 г. — дьяками Стах. Ивановым и Меньшим Башевым выдана грамота из «двороваго» Ямского приказа (там же, № 1). — Памятники дипломатических сношений, X, стр. 40; Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевина, стр. 10.

апреле 1577 г. Осту Власьев; подьячими в Большом Приходе в 1572 г. был Петр Афанасьев и Павел Морышкин, также Прохор Никифорович Сахаров сын Писемской.[1]

Преемником Степана Лихачева был дьяк Андрей Арцыбашев. Время его управления Большим Приходом связано с чрезвычайно любопытными упоминаниями в источниках приказа «Дворового» Большого Прихода и «Дворовой» четверти: дьяк сидел во всех этих учреждениях, повидимому, одновременно; надлежит поэтому так или иначе истолковать эти документальные свидетельства и в пределах возможности решить вопрос.

О взаимоотношении органов центрального управления в опричнине и в земщине нам еще придется подробнее говорить в другом месте.[2] Здесь позволяем себе ограничиться лишь замечанием, что сведений об особенном Большом Приходе в опричнине (т. е. «дворовом») до упоминаний о приказе Андрея Арцыбашева не имеется. В 70-х годах, когда в Большом Приходе сидел Степан Лихачев, приказ ведал, повидимому, и опричные («дворовые») и земские волости: так, например, в феврале 1573 г. в г. Ярославль, с 1565 г. уже бывший в опричнине, был послан за подписью Ст. Лихачева указ губному старосте Горяину Побединскому с запрещением брать крестьян слободки Спасского монастыря в целовальники к «денежному збору».[3] Точно также он выдал жалованную тарханную грамоту Суздальскому епископу Варлааму на архиерейские вотчины, хотя Суздаль с 1565 г. стал опричным городом, а владельцы земель в опричнине не получали иногда тарханы из опричного же управления.[4] Более того, кажется доходы Большого Прихода прямо противопоставлялись оприч-

---

[1] ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А. II/47, лл. 219—222 об.; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 156, 158; С. А. Шумаков, стр. 19, 47.

[2] См. ниже, очерки «Опричные чети» и «Чети в земщине».

[3] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XLI.

[4] АИ, I, № 200. — См. грамоту 1571 г., выданную из опричнины Махрищскому монастырю, на которую ссылается В. О. Ключевский («Боярская Дума», стр. 336—337).

ным доходам: когда в 1569 г. вотчины Симонова монастыря стали ведаться в «особном дворе» государя, то в одну из них, находившуюся в Московском уезде, с. Гравороны с деревнями, был послан выборному старосте Московского уезда указ с заявлением, что прежде монастырь платил с этой вотчины подати в Большой Приход, а с переходом Симонова монастыря в опричнину царь велел «всякие... подати с их монастырьских сел и з деревень... имать в опричнину ж».[1]

Сведения о «Дворовом» опричном приказе 80-х годов очень ограничены: это, во-первых, грамота в старую опричную волость Ростов по вопросу о сбавке податей с вотчины татарского царевича Мих. Кайбулича,[2] во-вторых, грамота также в «дворовую» землю — Двинскую относительно постройки города Архангельска.[3] К ним можно прибавить еще грамоту

---

[1] Ист. Арх., стр. 284, № 36. — Впрочем, в 60-х годах в опричнине бывали дьяки, ведавшие те же статьи в опричных местностях, что и Большой Приход: напр., 20 апреля 1567 г. из Вологды, где тогда был Грозный, был послан указ на Чаронду и в другие опричные города о невзимании с Кирилло-Белозерского монастыря таможенных пошлин, подписанный дьяком Дружиною Володиным, т. е. Володимеровым. (Ист. Арх., стр. 310, № 18). Таможенными пошлинами, как известно уже, с начала 60-х годов ведал Большой Приход, причем за это время (1561—1570) известны и его дьяки: М. Мелентьев и Ив. Булг. Коренев, а затем тот же Коренев и Парф. Родионов. Таким образом, означенный указ, очевидно, долже был выйти из опричного царского двора и от его дьяка, несущего обязанности параллельные, так сказать, Большому Приходу. Дьяк Дружина Володимеров, в июне—июле 1566 г. отправлявший обязанности второго посольского дьяка (Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 109), действительно в августе того же года был в опричнине, именно, подписал грамоту Строгановым о ведении их земель в опричнине (ДАИ, I, № 118), а в ноябре 1567 г. судил двух местников-опричников: кн. Дм. И. Хворостинина и Ив. Д. Колотку — Плещева (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 103—105; воеводами из опричнины они записаны в разрядах в 1568—1569 гг. Синбирский сборник, стр. 22—24). Впоследствии Др. Володимеров, кажется, вернулся «в земское»: в 1573 г. в Разбойной избе сидели печатник Б. И. Сукин, дьяки Др. Володимеров и Иван Михайлов (АЮБ, II, стр. 669).

[2] ДАИ, I, № 225.

[3] РИБ, XXXII, № 306 (АЭ, I, № 318).

из Дворового Большого Прихода в Ярославль в 1582 г.[1] с распоряжениями по поводу перевоза, принадлежащего Спасскому монастырю. Дела, по которым были посланы эти грамоты, действительно подлежали ведению Большого Прихода; местности, куда грамоты были направлены — «дворовые»; следовательно, учреждение, пославшее грамоты, было, повидимому, равносильно приказу Большого Прихода 70-х годов и так же, как и приказ, распоряжалось и на опричных местах. Более того, в некоторых грамотах, направленных в «дворовыя» области, Большой Приход и совсем не именуется «дворовым»: так, например, в 1583 г. 10 ноября А. Арцыбашевым и С. Сумароковым был послан указ дмитровскому губному старосте Ивану Чаплину с заявлением, чтобы он «пустошь Серенина с пустошми в наем с на оброк пашни пахати и косити не отдавал»; если же пустошь Серенино окажется поместной или вотчинной землей, то приказывалось отписать ее в Большой Приход — «и мы о том велим указ свой учинить».[2] Здесь из грамоты, выданной самим интересующим нас учреждением, видно, что даже для старой опричной волости, каковой был Дмитров, приказ Большого Прихода являлся, так сказать, общегосударственным органом управления, без специального названия «дворовый».

На это единство приказа для обеих частей государства — земской и дворовой, в 80-х годах указывает и тот факт, что другие приказы получали из него памяти и ссылались на них при своих распоряжениях так, как будто бы никакого иного Большого Прихода и не существовало. Так, например, в 1582 г. из Пушечного приказа было предписано Кирилло-

[1] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № LV. Повидимому из этого Большого Прихода вышла грамота 10 февраля 1582 г. городовым приказчикам в Ярославле о невзимании архимандритом Спасского монастыря податей с крестьян монастыря Толгского (РИБ, XXII, № 295; АЭ, I, № 313). Грамота подписана Т. Федоровым, а печать ее — с изображением единорога.

[2] Грам. Колл. экон. по Дмитрову, № 288 (3871); С. А. Шумаков. Обзор, вып. 3.

Белозерскому игумену Игнатию с братьею сварить «всею вотчиною» «емчуги добрые» и прислать ее в Пушечный приказ. Указ был дан после справки в Большом Приходе, сколько селитры должен давать монастырь:[1] «А по памятем за приписми дияков наших Большого Приходу написано: Кирилова монастыря вотчины на Белоозере, в Бежетцком верху, на Костроме, в Ростове, в Дмитрове, в Пошехонье, в Клине — всего семнадцать сох с полусохою и полполполчети сохи. А по нашему указу велено... тою Кирилловскою вотчиною варити емчюги тридцать пять пуд, на соху по два пуда».[2] Игумен бил челом, что пропущена вотчина монастыря в Вологодском уезде, и в Пушечный приказ вытребовали дополнительные сведения: «А по памяти за приписью диака нашего Семейки Сумарокова 91-го году, октября в 29 день написано: на Вологде Кириллова монастыря вотчины девятнадцать сох без трети и полполполчети сохи». Сообразно с последней памятью и был высчитан размер следуемой с монастыря селитры.

То, что здесь упомянут именно тот Большой Приход, который мы знаем с эпитетом «дворовый» — сомнений не возникает: дьяк Семейка Сумароков — один из товарищей Андрея Арцыбашева с 1582 г. Интересен и перечень городов, о которых податные сведения сосредоточивались в этом Большом Приходе: наряду с «земскими» (Бежецкий верх, Кострома — в опричнину взята в 1567 г., с 1575—1576 г. опять вернулась в земщину), Углич; сведения даются и о «дворовых» (Ростов, Дмитров, Пошехонье, Белоозеро). Учреждение, пославшее в Пушечный приказ сметы о количестве следуемой с мона-

[1] В Пушечном приказе, таким образом, сосредоточено было управление самим производством продукта; но деньги за него, как мы знаем, платились в Большой Приход с самого возникновения приказа; поэтому там должны были быть известны как денежные оклады «за емчюжное дело», так, очевидно, и высчитано количество ямчуги, за которую вносились эти деньги. Справка в Большом Приходе для Пушечного приказа очевидно была тем более необходима, что Кириллов монастырь, кажется, главным образом платил деньги «за ямчужное дело», а не отбывал повинность натурою.

[2] РИБ, XXXII, № 300 (АЭ, I, № 317).

стырских вотчин селитры, одинаково вело учет податным обязанностям землевладельцев как на земских землях, так и на опричных.

Почему же Большой Приход, приказ попрежнему единый для обеих половин Московского государства (земской и опричной или «дворовой») в 80-х годах в некоторых документах носит специфическое наименование «дворового»? На это, думается, можно дать ответ, хотя и не категорический: дело, возможно, заключалось лишь в том, что дьяком Большого Прихода после Степана Лихачева стал «дворовый» дьяк Андрей Арцыбашев, сидевший уже несколько лет перед тем в «дворовом» же приказе — Четверти. Как таковой, он имел «во дворовой стороне» Москвы свою особую приказную избу; став начальником нового общеземского, так сказать, учреждения, он не покинул и прежнего, опричного. Мы не знаем, где вел все дела Арцыбашев — в старой ли избе приказа против кремлевских палат или же в Четвертной на «дворовой стороне»: возможно, что те грамоты, где Большой Приход назван «дворовым», вышли в силу естественного смешения ведомств, именно из последней, тем более, что они направлены были в «дворовые» местности — на Двину, в Ростов, Ярославль. Кроме того дворовые дьяки, Арцыбашев и Федоров, ездили с царем в его опричные разиденции; с ними была канцелярия, из которой, как бы из Приказа, и посылались грамоты: так, например, указ на Двину, выданный из их «дворовой» чети в 1581 г. «писан в Старице».[1] Выдать грамоту в таких обстоятельствах «дворовому дьяку», находившемуся при «дворовом» царском дворце, грамоту, отправляемую в «дворовую» же волость — и назвать в ней общеземский приказ также «дворовым» — вполне естественно для московского приказного дельца XVI в.[2]

Андрей Арцыбашев пробыл начальником Большого Прихода, повидимому, и некоторое время после смерти Грозного

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 30.

[2] Ср. С. Ф. Платонов, Соч., I, стр. 137, 148, 149.

и ликвидации его «дворовых» учреждений. В июле 1584 г. он еще подписывал грамоты, касающиеся таможенных льгот — подтвердил, например, грамоту 1556 г., выданную Третьяком Митрофановым о невзимании с Ярославского Спасского монастыря таможенных и мытных пошлин, а 2 января 1585 г. подписал грамоту от 25 июня 1584 г.[1] Товарищами А. Арцыбашева по Большому Приходу (и Четверти) были дьяки: Тимофей Федоров Волк и сменивший его в середине 1582 г. Семейка Протасьев Сумароков.[2] В 1586—1587 гг. Андрей Арцыбашев служил дьяком в Новгороде; С. Сумароков в 1586 г. в походе «на свейские немцы» был «у судных дел», а в июне 1587 г. значится первым дьяком в Ямском приказе.[3]

С 1588 г. в Большом Приходе мы видим уже не простых дьяков, а судью, и притом довольно значительного человека — князя Ивана Васильевича Сицкого, правившего приказом видимо до 1598 г. Дьяками в то время были: Никита Яковлевич Румяный (известен в актах 1588—1592 гг.) и Ждан Порошин (1592—1596 гг.), а подьячими были: Фед. Ильин, Михалко Марков, Овдокимко Никитин (1588 г.), Богдашко Федоров (1592 г.), Михалко Нечаев (1589—1595 гг.), Ивашко

---

[1] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, №№ XXIII, LVI. — Грамот с подтвердительными подписями Арцыбашева за это время встречается много, — см., напр., грамоту 1534 г., о невзимании с игумена и старцев (и их людей) Глушицкого монастыря, приезжающих в Москву, мыта, перевоза и подвод (подп. 27 июня 1584 г. — Амвросий, III, стр. 712; в издании испорчено — «Андрей Дацыба»), к тому же монастырю несудимую 1548 г. (подп. 27 июня 1584 г. — там же, стр. 714—723). Ср.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 474, прим. 3 к стр. 473.

[2] В июле 1582 г. грамоты из Четверти подписывает еще Т. Федоров АЭ, I, № 315; в октябре—ноябре уже С. Сумароков — РИБ, XXXII, № 300 (АЭ, № 317), РИБ, XXV, № CXLIV. — О прозвище Федорова — «Волк» — см. РИБ, XXXII, № 292.

[3] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 474; Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 493; И. Я. Гурлянд. Акты Романовской ямской слободы, стр. 3. — В июне 1587 г. межевальные и отдельные книги ярославской ямской пашни приказано прислать «в Ямской приказ к Велизарю [так!] Леонтьевичу Ржевскому да к дьяком нашим к Семейке Суморокову да к Никифору Васелеву. . .».

Семенов (1595 г.), Парфеньев, Запольский, Николайко Новокщен (1596 г.).[1] В 1598 г. место Сицкого вновь занял старый делец времен Грозного и его опричных учреждений — дьяк Андрей Арцыбашев, а товарищем его сделали Василия Нелю-

[1] Трудно сказать кто стал во главе Большого Прихода после А. Арцыбашева непосредственно. Н. П. Лихачев считает таковым дьяка Дружину-Фому Пантелеевича Петелина, в 1582 г. бывшего разрядным дьяком, в 1584—1587 гг. предположительно сидевшего в Большом Приходе, а с 1587 г. ставшего начальником Казанского дворца (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 492—493, прим.). На последнее обстоятельство указывает, повидимому, содержание грамот, подписанных в эти годы Петелиным; напр., кроме цитированных Н. П. Лихачевым документов — грамота 11 октября 1584 г. белозерскому городовому приказчику Добрыне Толмачеву о невзимании с вотчин Кириллова монастыря никаких податей, так как старцы «ямские денги и всякие... подати» сами платят на Москве («Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. I, № 58). Подобного же содержания грамоты: 30 октября 1584 г. на Пошехонье городовым приказчикам Третьяку Зайцеву и Курбату Власьеву (ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад. А II/47, лл. 140—142 об.) и внесенная в опись монастырских грамот Кирилло-Белозерского монастыря: «Государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Вологду дьяку Федору Александрову, что в монастырьскую вотчину городовым приказчиком и губным старостам и розсылщиком не вьезжати и не посылати и к денежным доходам и к тамгам монастырских крестьян в целовалники имати не велети лета 7093. Припись у грамоты дьяка Дружины Петелина» (ГПБ, Q. IV. 113а, стр. 210). — Но как мы знаем, в это время в Большом Приходе еще сидел А. Арцыбашев; так же и грамота 13 августа 1585 г. Корнильеву-Комельскому монастырю о беспошлинной торговле солью в Москве, Вологде, Тотьме, Устюге, Холмогорах и всех городах Московского государства — подписана все тем же Петелиным (Амвросий, ук. соч., ч. IV, стр. 715); с другой стороны, во-первых, такие же грамоты подписывались и дьяком Богданом Ксенофонтовым (напр., 17 января 1585 г. городовым приказчикам, губным старостам и денежным сборщикам в Суздаль, Владимир, Юрьев Польский, Шую, Белоозеро, Переяславль и в Московский у. о невзимании с суздальского Покровского женского монастыря никаких денежных сборов, так как монастырь ямские деньги и другие подати платит в Москве («Описание актов гр. А. С. Уварова», № 57) и подобная же грамота от 15 марта того же года (там же, № 62); более того, деньги за ямчужное дело собирались именно по памятям дьяка Б. Ксенофонтова (там же, № 66); во-вторых, есть указания, по

бова сына Сукова (1598—1602 гг.);[1] в подьячих у них были Иван Симонов (1598 г.) и Вас. Огарков (1601—1604 гг.).[2] В 1603—1604 гг. в Большом Приходе сидел в дьяках Филипп

которым Дружину Петелина, кажется, следовало бы считать с большим правом уже тогда дьяком Казанского дворца: именно, 24 июня 1585 г. было приказано игуменье суздальского Покровского монастыря, Леониде, сделать выпись из монастырских книг о том, сколько было дано по царе Иване «денежные милостыни первые и другие и судов и всякие рухляди и что по опальны[х] да [но] [де] нег»..., где та милостыня, на Москве ли у кого, кто именно принимал ее в Москве и кто давал в монастырь, и прислать выпись в Москву кн. Ф. И. Хворостинину и дьякам Дружине Петелину и Захарью Свиязеву («Описание актов гр. А. С. Уварова», № 64). Такой состав дьяков (Петелин и Свиязев) мы застаем несколько позднее (в 1583 г. — Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 493, прим.) в Казанском дворце; трудно предполагать, чтобы оба дьяка вместе переходили из приказа в приказ (из Большого Прихода в Казанскую избу) — не следует ли скорее думать, что уже в 1585 г. Петелин и Свиязев сидели в том приказе, где мы их видим тремя годами позднее? Кн. Ф. И. Хворостинин — дворецкий (Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 489, прим. 3); повидимому, это была специальная комиссия в составе дворецкого и дьяков Казанского дворца для решения вопросов касательно, так сказать, духовного наследия Грозного, что видно из содержания грамоты (забота о душах, загубленных царем). Во всяком случае, о дьяках Большого Прихода в 1585—1588 гг. затрудняемся сказать что-либо определенное. — АЭ, I, №№ 342, 362, 363, 366; АЮ, № 209, V и VI; № 214, II; Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, №№ 200 и 208; Амвросий, ук. соч., ч. III, стр. 293; ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 491 об. — 492 об. (дьяк Жд. Порошин и подьячий Богдан Федоров в 1592 г.). — Никита Яковлев сын Румяный был приказным человеком при воеводе кн. Андрее Петр. Солнцево-Засекине в Арзамасе в 1582—1583 гг. (С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, №№ 9 и 10).

[1] АЮ, № 214—VI; Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 474, 508—510; «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. I, № 58; И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XIV и № XV; А. А. Федотов-Чеховской, I, № 80, стр. 222; Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 6; ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., I, I/17, лл. 195—196 об.; Сб. РИО, 38, стр. 300—301, 426—427.

[2] АЮ, № 214—VI; «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. I, № 80, ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 195—196 об.

Голенищев,[1] а в марте 1604 г. Василий Борисович Сукин и дьяк Иван Тимофеев (знаменитый автор «Временника»). Из подьячих в эти годы известен Никита Богданов.[2]

Правление лже-Димитрия и Василия Шуйского и последующие события, связанные с польско-шведской интервенцией, вносили в состав приказных дельцов большую пестроту лиц, выдвигавшихся в зависимости от политической обстановки момента. Для учреждения эти смены судей и дьяков не имели большого значения, оно к концу XVI в. стало главнейшим местом, где сосредоточивалось почти[3] все финансовое хозяйство Московского государства и оставалось таковым до времени царя Михаила Федоровича, когда введение «больших ямских денег» и других новых налогов в начале XVII в. подорвало как значение бюджета Большого Прихода (денег ямских — теперь «малой ямщины» и полоняничных), так вместе с ним и самого приказа.[4]

Дьяки Большого Прихода

С 1553—1554 до 1562	Угрим Львов
С 1562 до 1564—1567	Меньшой Мелентьев, Иван Булгаков Коренев
С 1567 до 1571	Иван Булгаков Коренев, Парфений Родионов
С 1571 до 1581	Степан Лихачев
В 1577—1578	Остуда Власьев (вторым дьяком)
В 1572	подьячие: Петр Афанасьев, Павел Морышкин, Прохор Никифоров Сахаров сын Писемский.

---

[1] «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. I, № 80; Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, № 222; Л. Сухотин. Четвертчики смутного времени, стр. 7.

[2] Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 197—198; Л. Сухотин. Четвертчики смутного времени, стр. 8.

[3] Другим центром, куда стягивались доходы Московского государства, были также и чети, как известно. Но доходы их носили характер местный, а не общегосударственный, как у Большого Прихода.

[4] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, II, стр. 523, 546.

С 1581 до 1582	Андрей Арцыбашев (в «дворовом» Большом Приходе), Тимофей Федоров Волк.
С 1582 до 1584	Андрей Арцыбашев, Семейка Сумороков.
С 1584 до 1587	Богдан Ксенофонтов
С 1588 до 1598	кн. Иван Васильевич Сицкий («судья»); дьяки: Никита Яковлевич Румяный (1588—1592), Ждан Порошин (1592—1596); подьячие: Федор Ильин, Михалко Марков, Овдокимко Никитин (1588), Богдашко Федоров (1592), Михалко Нечаев (1589—1595), Ивашко Семенов (1595).
С 1598 до 1605	Андрей Арцыбашев, Василий Нелюбов Суков (1598—1602), Филипп Голенищев (1603—1604), Василий Борисович Сукин и Иван Тимофеев (март 1604 г.); подьячий Никита Богданов.
С 1605 до 1606	Василий Нелюбов Суков
С 1606 до 1607	кн. Борис Петрович Татев; дьяки: Павел Матюшкин, Николай Алексеев.
В 1607	Андрей Арцыбашев
С 1607 до 1610	Филипп Голенищев

9. Опричные чети

Одной из очень важных, очередных для иследования задач в истории Московского государства, выросшего к XVI в. из небольшого удельного княжества северо-восточной Руси до размеров огромного национального государства с сильной центральной властью, является изучение процесса приказного строительства. Если сравнительно легко дать суммарную характеристику приказов вообще и любого из них в отдельности, то довольно мудрено изложить не только связный ход развития деятельности отдельного учреждения, но даже и чисто внешнюю его историю, последовательную смену в нем дьячьего состава и организацию его работы. Причина этого — гибель основной массы архивов приказов за XV—XVI вв. во время страшных московских пожаров 1571 и 1626 гг.

Это особенно ощутимо при наблюдении судеб приказов — «четвертей» или «четей», которые должны были бы стоять в самой гуще классовой борьбы между дворянином — помещиком и посадским и крестьянским населением, захватывая тем или иным путем обе враждующие стороны. Чети доставляли также и необходимые денежные средства для внешней борьбы, для грандиозных военных походов второй половины XVI в. Таким своим назначением чети резко выделяются из остальной нестройной и неуклюжей громады приказов, появлявшихся часто совершенно случайно, вне насущной в них государственной необходимости, и так же незаметно исчезавших.

Еще до отмены в 1550-х годах «кормлений» в Москве над ними существовала известная контрольно-административная инстанция в лице особых «кормленых дьяков», которые «у кормлений будут» и которым «какие городы приказаны». Эти «кормленые дьяки» сидели по разным уже сформировавшимся приказам, и «кормленые» функции были поручены им вне зависимости от основных или деловых обязанностей, на основе личного поручения; поэтому дьяки сохраняли свои «кормленые» обязанности даже и при переходе на службу из одного приказа в другой. «Кормленая» деятельность таких должностных лиц заключалась: в выдаче кормленщику своей области («города») грамоты на кормление, а населению, соответственно, уставной грамоты или «доходного списка» кормления; в производстве вообще между служилыми людьми «кормленого верстания» по заранее составленным «кормленым спискам», в наблюдении за правильностью суда кормленщика путем получения от него «судных списков». Дьяки должны были также рассудить кормленщика с его бывшими подчиненными, когда он «съезжал» с кормления, «счесть» кормленщика в «государевых деньгах», т. е. в той части доходов, какая поступала в государственную казну (если в кормление давалась известная отрасль управления), наконец — «ведать» кормленщика во всяких «приказных делах», поскольку это потребовалось бы при осуществлении «приказанного» кормленому дьяку контроля.

Когда волости, «приказанные» кормленым дьякам, стали откупаться и переходить на самоуправление, то именно к этим дьякам в их «казны» начали поступать и оброчные «за наместничий доход и присуд деньги» (иначе «кормленый окуп»); судебно-административный контроль стал осуществляться кормлеными дьяками и в отношении выборной мирской власти. Постепенный ход всей реформы, не обязательной для населения и не всеобщей, вел к тому, что для одних местностей, где сидел наместник или иной кормленщик, кормленый дьяк по старине оставался только «кормленым», а для других, уже откупившихся, он становился предшественником «четвертного» дьяка. С переходом большинства волостей в число самоуправляющихся, место «кормленого дьяка» заступал особый приказ — «четвертная изба», иногда все еще выдававшая грамоты на кормления и хранившая архив того «кормленого дьяка», из ведомства которого она образовалась.

Таким путем функции четей и по отношению к населению ее территории и по отношению к новому разряду служилых людей — «четвертчиков» вытекали из обязанностей «кормленого дьяка». Изменился лишь характер отношения: прежнего правителя в провинции сменила новая земская власть, бывшие правители оказались на положении пенсионеров этой власти, четь же явилась посредствующим звеном между обоими, для одних став одновременно и высшей судебно-административной и финансово-податной инстанцией, а для других — только кассой, откуда они получали причитавшееся им «государево четвертное жалованье». Вполне понятно поэтому очень большое значение четей в общей приказной системе: сравнительно «молодые», они в ближайшие десятилетия XVI—XVII вв. заняли виднейшее положение среди территориальных приказов, куда стекались, кроме «кормленого окупа», и многие другие мелкие местные сборы и пошлины; правильное их функционирование должно было отражаться и на земщине, и на дворянском слое, при Грозном усиленно рвавшемся к власти и стремившемся захватить ее у крупного феодала, боярина-князя.

Для 50-х — начала 60-х годов XVI в. можно указать несколько «кормленых» по преимуществу и затем, так сказать, «кормлено-четвертных» дьяков. Таковы, например, были Юрий Сидоров (по основной своей службе — «казенный»), еще собственно «кормленый» дьяк; «кормлено-четвертные» — Угрим Львович Пивов (в 1551 г. — «разрядный», затем с 1553—1554 г. — начальник приказа Большого Прихода), Путило Нечаев («поместный»), Истома Ноугородов («казенный») и Иван Мих. Висковатов («посольский»). Преемник последнего, дьяк Вас. Бор. Колзаков, сидел уже в особой «избушке» — «четвертной»; образование этой четверти устанавливается хронологически точно (1561 г.). Область, которою ведал Колзаков: Коломна, Кобылье городище, может быть — Вага, Каргополь (по последнему мы и условимся в дальнейшем именовать эту четь «Каргопольской») — вот, кажется, все скудные сведения, относительно действительной сферы ведомства этой четверти. Она ранее других сложилась из ведомства кормленого дьяка и была, как четверть, некоторое время единственной. Но наряду с ней, и одновременно, продолжали существовать ведомства других «кормлено-четвертных» приказных дьяков, аналогичные ей, лишь не носящие в документах явного наименования их четями: это были ведомства только-что упомянутых Угрима Львова сына Пивова (известны территории, ему подчиненные — Владимирские волости, Ярославль, Вологда, Соль-Вычегодская, Устюг, Белоозеро) и Путила Нечаева (Двина и некоторые местности в Заонежских погостах). Дьяк Путило, однако, в самом конце 1550-х годов (или в начале 1560-х годов до 1562 г.) потерял свои обязанности по заведыванию откупившеюся от кормлений Двиною: там дьячье управление повело к полному расстройству в хозяйстве, отразившемуся на взносе податей, и высшее заведывание Двиною снова перешло непосредственно к государевым казначеям, как это было до введения на Двине самоуправления (казначеи и при дьяке Путиле продолжали собирать с Двины некоторые налоги, с других местностей поступавшие уже в особый приказ «Большой Приход»).

Так, к 1565 г., к моменту учреждения опричнины, сложилось центральное управление провинциальными мирами. Четверти еще только формировались из ведомств того или иного «кормленого дьяка». Принцип личного «приказа» продолжал существовать и в четях. Поэтому мы и видим, что чети продолжительное время почти до самого конца XVI в., очень часто «приказывались» таким дьякам, которые заведывали самыми разнообразными приказами; чети все еще по старине сохраняли характер личной «казны» былого «кормленого дьяка», не носили обычно прозвания, заимствованного от того или иного «города» подведомственной им территории, и назывались в официальных документах по именем и прозвищам своих начальников. Особенно следует это отметить относительно тех четей, которые оказались с 1565 г. в «земской» половине Московского царства. Более четко выкристаллизовались четверти в опричнине.

С образованием в 1565 г. царского «особного двора» в правительственном механизме Московского государства произошли крупные перемены. Врезавшись клином в толщу московской территории, «государев удел» должен был, по мысли Грозного, не только явиться средством для решительной борьбы с феодальными князьями и боярством путем перетасовки их земельных владений, но и организующим ядром в создании возможностей для серьезной борьбы против врагов на внешнем фронте.[1] В последней существеннейшую роль должно было сыграть правильное государственное хозяйствование, исправное пополнение доходами «государевой казны», сильно пострадавшей от боярского правления и хищничества дьяков времен «избранной рады».

Игнорирование государственных интересов, расхищение денежного и земельного фондов, продажность и подкупность московской администрации — приказных дельцов, сидевших в центральных учреждениях — недвусмысленно запечатлены Грозным в его известных грамотах, присланных из Слободы

[1] Об этой стороне вопроса см. очерк «Опричнина Ивана Грозного».

в Москву,[1] а современник, опричник Генрих Штаден, зарисовал не менее яркую в этом отношении картину. Перечислив наиболее выдающихся из приказных дельцов, он о каждом пишет как о крупном казнокраде и, наконец, замечает: «За тем, кто пожелал бы пожаловаться великому князю, за тем внимательно следили и [потом] сажали его в тюрьму. Коли были у него деньги, он мог выйти вон, если же нет, он оставался сидеть, пока волосы не вырастали у него от головы до пупика. Все эти князья, великие бояре — правители, дьяки, подьячие, чиновники и все приказчики были связаны и сплетены один с другим, как звенья одной цепи. И если кто-нибудь из них так тяжко грешил, что заслуживал смерти, то митрополит мошной (своей) мог освободить его и пустить на все четыре стороны... Одним словом, все духовные и мирские господа, всяческой неправдой собравшие добро, говорили, ухмыляясь: „Бог дал" (Boch dal). Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях. Некоторые (из последних) заводили было опричные порядки, но из этого ничего не выходило. Так же повелось и при нынешнем великом князе». Эти порядки и были нарушены, по словам Штадена, опричниной. Из Слободы Грозный прислал строгий приказ: «Судите праведно, наши виноваты не были бы» (Sudite praveda nassi winowath ne boliby).[2]

Управление выделенного «государева удела», «опричнины», строилось первоначально «по старине и пошлине», по действительно «удельному» образцу, с господством преимущественно личного «приказа» различных отраслей управления опричным «введенным боярам» и дьякам. Такое строительство своего нового «особного двора» сложилось у царя Ивана видимо в результате неоднократных и длительных наблюдений как над своим собственным «вотчинным» хозяйством в дворцовых селах, так и над настоящим «удельным» хозяйствованием его двоюродного брата, кн. Владимира Андреевича.

---

[1] ПСРЛ XIII, ч. 2, стр. 392.

[2] Г. Штаден, ук. соч., стр. 85—86

Начиная с 1563 г. Иван усердно знакомится с жизнью и бытом провинции. В мае этого года он объехал Оболенск, Калугу, Перемышль, Одоев старый, Белев, Козельск, Воротынск[1] — все старые «удельные» гнезда князей Одоевских, Оболенских, Белевских, Воротынских, Перемышльских, Козельских. В этих уездах Грозный сам осматривал и «великие отчины» княжат, и свои дворцовые села. Осенью того же года, с 21 сентября по 1 ноября, он побывал в гостях у кн. Владимира Андреевича — в Можайске и Старице, причем объехал и дворцовые села князя Владимира; вместе с последним Иван затем переехал в другие его вотчины, Верею и Вышгород, и здесь также осмотрел княжеские дворцовые села. Вернувшись в Москву, Грозный сейчас же, 26 ноября, «выменил» у кн. Владимира особенно понравившиеся ему Выгород «с уездом» и в Можайском уезде волости Олешню, Воскресенскую и Петровскую.[2] На следующий год, 7 мая, царь вновь с семьей оправился «к Троице», а оттуда — в Можайск и Олешню. В этот свой «объезд», длившийся до 8 июня, он побывал также в Переяславле и «в селах своих», «в Слободе, в Озерецком да в Можайску и в Можайском уезде в новых селах и в Вяземском уезде в Круговых селах, в Верее, в Вышегороде».[3] Наконец, осенью 1564 г. Грозный довольно долго прожил в Суздале, откуда вернулся «на спех», получив тревожные сведения о набеге татар на Рязань.

Все эти поездки дали Ивану, конечно, богатый запас наблюдений над приемами вотчинного, «удельного» хозяйствования с возможностью быстрого и непосредственного вмешательства самого хозяина во все отрасли управления вотчиною, с личным «приказом» доверенным лицам. И когда вслед за тем внешние и внутренние политические обстоятельства сложились так, что спешно пришлось выделять для испомещения образуемого «опричного» войска новую территорию, то в «государев удел» в первую же очередь поступили и почти все

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 368.
[2] Там же, стр. 370—372.
[3] Там же, стр. 384.

осмотренные Грозным в 1563—1564 гг. местности, а управление ими было построено по вотчинному образцу.

Но до конца выдержано подобное управление в опричнине не могло быть никоим образом: приказная система появилась и в опричнине в результате внутреннего роста и развития последней; огромный царский «удел» не мог, конечно, управляться так, как простое частновладельческое имение.[1] Кроме того, с первых же шагов опричной власти она поневоле должна была считаться с наличием некоторых территориальных ведомств: с разными разветвлениями дворцового ведомства, наследием уже настоящей «удельной» старины, и с новообразовавшимися или образующимися из ведомств «кормленых дьяков» четвертями. Если первые естественно сливались, как чисто хозяйственные учреждения, с ведомством опричного дворецкого в «государеве уделе», то «четь», с переходом в опричное заведывание подчиненной ей территории, ее «городов», могла бы сохраниться только в виде передаточной кассы по выдаче «жалованья» своим четвертчикам: очевидно, доходы с волостей поступали бы в «удельную государеву казну» и уже оттуда перечислялись бы в ту или иную четверть, которая и производила бы выплату «четвертного жалованья».

Московская правительственная практика раннего времени не знала случаев разделения центральных органов на собирающие те или иные статьи государственного дохода и расходующие их по отдельным установлениям и потребностям: наоборот, каждый почти приказ обычно жил тем бюджетом, который полностью строился им лично.[2] Поэтому, как увидим ниже, и четь с введением опричнины не исчезла, а была переведена в опричное ведение и в первый период существования «государева удела» (в 1565 — начале 1570-х годов), на основании указанного выше принципа централизации управления

---

[1] Об управлении в опричнине подробнее см. очерк «К истории управления в опричнине».

[2] Этот порядок отметил и Штаден (ук. соч., стр. 83).

в опричнине, была поставлена в зависимость от опричного казначея — главного хранителя и распределителя царской «особной», «удельной», казны. На сохранение четверти в опричнине повлияло, конечно, и то, что она одной стороной своей деятельности предназначена была обслуживать как раз тех, кто в опричнине получил командное положение, т. е. среднего феодала, провинциальное поместное дворянство: «четвертчик», зачисленный в опричнину, только-что наладившийся получать новое государево «четвертное» жалованье, не очень склонен был менять раз усвоенный порядок и вновь привыкать к какому-либо иному способу получения вожделенного вознаграждения.

Летопись, излагая мероприятия Грозного по введению опричного порядка управления и перечислив забранные в опричнину местности, дает вполне ясное показание, что главным источником доходов нового «особного двора» должен был стать как раз «кормленый окуп за наместнич доход», который собирали со своих «городов» «кормлено-четвертные» и «четвертные» дьяки. Эти деньги и должны были быть пущены на удовлетворение интересов вновь набираемого служилого опричного корпуса: «И иные волости государь поимал кормленым окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опринщине». На всякий случай в указе об учреждении опричнины была сделана оговорка о возможности расширения базы этих денежных взысканий: «А с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные городы и волости имати». На земщину возложена была и специальная контрибуция: «За подъем же свой приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублев».[1]

Все обязанности по наблюдению за сбором доходов и вообще по организации хозяйства в «государеве уделе» пали

---

[1] ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 395.

на казначея и подчиненные ему органы (в частности — на чети), и от правильности их работы и бесперебойности поступления «кормленого окупа» зависело многое в жизни опричнины, почему и в число своих «особных» казначеев, и в число их помощников — дьяков Грозный стремился поставить близких к нему, доверенных людей и умелых дельцов-практиков.

Штат «государевых казначеев» в Московском государстве XVI в. не был точно регламентирован; перед началом опричнины насчитывалось трое казначеев: Федор Иванович Сукин (1543—1544 гг., умер 11 ноября 1565 г.),[1] Никита Афанасьевич Фуников-Курцов и Хозяин Юрьевич Тютин, казненный Грозным в 1568 г.[2] Но ни один из них не был казначеем в опричнине, хотя Никита Фуников и был в начале 1560-х годов очень близок к Грозному; он погиб в общей расправе 1570 г. по обвинению в новгородском «изменном деле» вместе с рядом «опричных» и «земских» деятелей.[3]

Опричным казначеем был назначен Угрим Львович Пивов — человек, хорошо известный царю Ивану и пользовавшийся его доверием. Впервые знакомимся мы с ним еще в 1542 г., когда он служил одним из дворцовых дьяков и отчество его было не «Львов», а «Левкеин» (от уменьшительного имени отца «Левка») — знак, что вышел он не из очень значительной по своему социальному положению служилой семьи.[4] Так, лишенный своего городового прозвища, он и проходит перед нами во все время своей карьеры, и только документ более позднего времени вскрывает настоящую фамилию дьяка. Пивовы происходили из Смоленской земли,

---

[1] С. А. Шумаков. Обзор, вып. 3, стр. 5: Вкладная и кормовая книга Симонова монастыря, л. 133 (ГПБ, IV, 348); — перечисление (не совсем полное) казначеев XV—XVI вв. см.: В. Савва. О посольском приказе, вып. 1, стр. 270—280.

[2] О смерти в 1568 г. Хозяина Тютина см.: А. Шлихтинг. Новое известие, стр. 23.

[3] Н. М. Карамзин, ук. соч., IX, прим. 299.

[4] Сб. РИО, 59, стр. 149; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 236.

были «окольничьи смоленские», но в Москве «захудали», спустились до «послужительства» у своих знатных смоленских земляков — кн. Бельских; некоторые из них служили дьяками, и только через близость свою к Грозному один, Роман Михайлович, получил думное дворянство и служил в заменившем опричнину «дворе».[1] В 1549 г. Угрим Львов сопровождал Грозного в Казанском походе; в эти годы (1549—1551) он сидел младшим дьяком в Разряде в компании с такими видными дельцами как печатник Никита Фуников-Курцов, родич царского крестного отца, «старца» Троицкого монастыря Иова Курцова, и дьяк Андрей Васильев, будущий начальник посольского приказа и доверенный царя в 1565 г. (он объявлял московским «чинам» грамоты об учреждении опричнины).[2] Угрим Львов исполнял и обязанности «кормленочетвертного» дьяка, а с 1553—1554 г. стал начальником очень важного, только что выделившегося из ведомства казначеев, финансового приказа «Большого Прихода», которым и заведывал, повидимому, до 1561 г., когда стал вторым печатником, товарищем знаменитого Ивана Мих. Висковатого.[3]

Уже в это время Угрим Львов пользовался особым доверием Грозного и едва ли не был думным дьяком. По крайней мере, в июле 1555 г., когда Грозный стоял с войском в Коломне, ожидая набега крымцев, а из Польши пришли в Москву послы от виленского епископа, то по Московскому посольскому этикету принять их должен был митрополит — конечно с полного одобрения и ведома царя; на переговоры с послами митрополит должен был пригласить казначея Хозяина Юрьевича Тютина и дьяка Угрима Львова, а из других

[1] Сб. РИО, 71; Н. П. Лихачев. Думное дворянство, стр. 15; Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 349—350 (Роман Пивов — «из двора» в 1578 г.).

[2] Акт о разрядстве воевод в декабре 1549 г. был скреплен печатником Н. А. Фуниковым, думным разрядным дьяком И. Е. Цыплятевым, первым дьяком А. Васильевым и вторым — Угримом Львовым (Н. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 236—239, 553); — о походе на Казань — «Древнейшая разрядная книга», стр. 138.

[3] О деятельности Угрима Львова как «кормлено-четвертного» дьяка см. очерк «Кормленые дьяки и вопрос о происхождении четей».

приказных людей прибрать, кого и сколько будет «пригоже». Митрополит исполнил приказание в точности и в ответном донесении царю не упомянул никого из других дьяков, которые были с ним на приеме послов, кроме Угрима.[1] Если «ближняя дума» вся могла быть с царем в походе, то из «приказных людей» с ним было всего семь дьяков; из оставшихся в Москве был выбран, очевидно, наиболее доверенный (другой, — Ф. И. Сукин, — также участвовал в походе), который вместе с казначеем конечно сам (а не митрополит) и подобрал себе весь штат для аудиенции и провел все переговоры.[2]

Дальнейшая карьера Угрима Львова мало известна, и в актах он появляется перед нами уже сразу в роли опричного казначея. Однако один документ конца XVI в. проливает некоторый свет на постепенные этапы его возвышения. Именно, в 1598 г. небезызвестный впоследствии «деятель» времен самозванщины, ясельничий Мих. Игн. Татищев, местничаясь с Вас. Яковл. Щелкаловым, писал в своей челобитной: «У вас, государей, печатники сиживали за вашими царскими столами у яселничих, а Василий Щелкалов, — печатник и дьяк. А у яселничего, государь, у Петра Зайцева, печатник Иван Новосилцов всегда сидел, и печатники же, государь, Угрим Львов сын Пивов и Иван Михайлов сын Висковатой всегда сидели у Петра Зайцева и у Василья Дровнина. . .»[3]

Очень характерно и крайне интересно соединение имен Висковатого, Пивова и Зайцева в указании Мих. Татищева, что все трое «сиживали» за царскими «столами», т. е. приглашались в более или менее интимный круг Грозного, куда, конечно, не было доступа простому дьяку. Что представлял собою Ив. Мих. Висковатый, назначенный печатником в феврале 1561 г., — хорошо известно; П. В. Зайцев, сделавшийся в 1562—1563 г. членом «ближние думы государевы», с 1565 г. вступил в ряды самых активных и виднейших

---

[1] Сб. РИО, 59, стр. 468—469.

[2] «Древнейшая разрядная книга», стр. 173.

[3] Н. Мятлев. Челобитная Михаила Татищева, стр. 4 сл.

опричников — рядом с такими людьми упоминается и Угрим Львов Пивов. Можно полагать, что и печатником он сделался одновременно с Висковатым. По крайней мере, официальная летопись под 3 февраля 1561 г. занесла любопытное известие, очевидно имевшее в глазах современников значение некоей «реформы» и потому достойное мемориальной записи: царь «переменил» печать «меншую» своего отца вел. кн. Василия Ивановича, «а учинил печать новую складную».[1] Произошло какое-то расширение ведомства печатника, и к одной из печатей (при «большой») назначен был новый печатник Ив. Мих. Висковатый (вместо ушедшего в казначеи Н. А. Фуникова-Курцова), а у другой, «меншей», «перемененной», стал второй близкий к Грозному и его постоянным сотрудником человек — Угрим Львов Пивов.

Печатничество очень часто служило ступенью к занятию должности казначея, с которым и до этого печатник находился в постоянном деловом сотрудничестве, выполняя свои обязанности на Казенном дворе. То же было, конечно, и с Пивовым. И когда, вскоре после учреждения опричнины, умер престарелый «боярин и казначей» Ф. И. Сукин, в «земщине» «первым» казначеем сделался такой близкий царю человек, как Н. А. Фуников-Курцов (в обход старого казначея — Хозяина Тютина, оттертого на второй план), а в опричном государевом уделе все доходы стал собирать казначей Угрим Львов. Он не выдвигается, однако, вперед и держится несколько в тени, как и многие другие видные дельцы опричнины. Только в одной грамоте от 12 июня 1569 г. встречаем мы имя казначея Угрима Пивова, но уже как настолько важного, «большого» человека, что в обращении к нему его называли полным отчеством — «вич». По этой грамоте, выданной в Вологде, одной из опричных резиденций Грозного, за крепкими каменными стенами которой у него хранился богатейший запас всяких ценностей, мы узнаем отчасти и об

[1] ПСРЛ, ч. 2, стр. 331. — О перемене печати см. также: Н. Лихачев. Дело о приезде Поссевина, стр. 251.

обязанностях и круге ведомства «опричного казначея». Грамота была дана по челобитью Кирилло-Белозерского игумена Кирилла, обратившегося к Ивану, когда тот был «в своей богомолье в Кириллове монастыре», с просьбой относительно новых монастырских приобретений в Каргопольском уезде и в Турчасовском стану. Угрим Пивов получил от царя приказание записать в «опришнине» «в книги» вотчинные монастырские земли, сделать распоряжение о сборе пошлин с новоприобретенных монастырских угодий и дать на эти владения «жалованную» грамоту.[1] Как видно, сфера ведения казначея в опричнине была значительно шире, чем в земщине, где вотчины и поместья давно уже записывались за владельцами в «вотчинных книгах» особой Поместной избой, выделившейся из «Казенного двора» еще в 1550-х годах. Точно также и различные пошлины и налоги, распределявшиеся уже в Московском государстве по различным приказам, в государевом «уделе» находились еще полностью в ведении казначея, во власти которого было «велеть» их брать или льготить. Наконец, что особенно важно, та «жалованная грамота», относительно выдачи которой монастырю обязан был распорядиться Угрим Пивов, была выдана кирилловским «старцам» из опричной четверти дьяка Кургана Лапина — следовательно, именно казначей являлся верховным начальником этого приказа в опричнине.[2]

О конце деятельности и жизни такого незаурядного опричного дельца, первого «особного», «удельного» царского казначея, каким был Угрим Львович Пивов, мы, к сожалению, ничего не знаем. О Пивове больше нет упоминаний — ни летописного, ни актового характера. В рассказах о массовых казнях Грозного в 1570-х годах, когда погибли и многие прежние «земские» сослуживцы, и такие близкие товарищи Пивова, как Н. Фуников и И. Висковатый, многие видные опричники, имя казначея Угрима Пивова не встречается.

---

[1] Ист. Арх., стр. 235, № 37.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 18.

Итак, по только-что изложенным данным, «чети» в 1560-х годах находились под началом у казначея. Со следами несомненного вмешательства его в «четвертные дела» мы встретимся в дальнейшем изложении истории этих приказов — вмешательства, вытекавшего из того общего «удельного» порядка хозяйствования, который задумал ввести у себя Грозный, разъезжая и осматривая свои дворцовые села еще в 1563—1564 гг.

Разбор сохранившихся свидетельств о четвертях, действовавших в пределах «государева опричного удела», необходимо начать с изучения судеб той единственно известной доопричной четверти, которая условно была названа нами «Каргопольской» и территория которой, повидимому, в основном и была включена в число опричных земель непосредственно в 1565 г.[1]

Этой четвертью ведал еще с 1561 г. дьяк Василий Борисов сын Колзаков.[2] Не совсем ясно, долго ли он оставался во главе своего приказа после учреждения опричнины, т. е. после января—февраля 1565 г. Во всяком случае, в конце этого года его место занял другой человек, а В. Б. Колзаков в 1566 г. служил уже в «земщине», где и был, повидимому, даже старейшим среди всех других «земских» и не «думных» дьяков.[3]

В первые, переходные, моменты, когда опричное управление еще находилось в периоде формировании, четверть была поручена дьяку Федору Рылову. До этого своего назначения он служил на невидном, но «близком» к царскому «обиходу» месте — «конюшенным дьяком» и участвовал вместе с Ива-

[1] Заведывание такими местностями, которые не были взяты в 1565 г. в опричнину (напр. Коломенские волости и Псковские пригороды), с переходом земель Каргопольской чети в опричнину должно было, конечно, перейти к какому-либо иному кормлено-четвертному» дьяку.

[2] См. очерк «Кормленые дьяки и вопрос о происхождении четей».

[3] По «приговорной грамоте» Земского собора 2 июля 1566 г. Вас. Колзаков значился первым среди «дьяков и приказных людей»; он также приложил руку к соборному акту в числе избранных семи дьяков, из которых по крайней мере четырех надо считать думными (СГГД, I, 192).

ном IV в ливонских походах 1559 и 1563 гг. Происходил он из старинной средней руки и достатка провинциальной служилой семьи Рясиных-Рыловых, и в «государев удел», на ответственное место, попал уже пожилым человеком (у него были взрослые дети), повидимому, именно в силу своего постоянного общения с Грозным в его интимном быту.[1]

О деятельности Ф. Рылова в четверти дошло до нас два известия. Так, уже 6 ноября 1565 г. он выдал и скрепил «сотную грамоту» (сохранился отрывок в списке) на некоторые волости Подвинской четверти Важской земли, взятой в опричнину с самого начала.[2] Несколько позднее, в 1566—1567 гг. Рылов подписал и выдал большую «платежницу», составленную, очевидно, в его приказе, по Каргопольским и Турчасовским писцовым книгам Якова Сабурова и Ивана Кутузова «с товарыщи» (1556—1557 гг.).[3]

Федор Рылов очень недолго, однако, пробыл единоличным управителем «чети», уступив первое место в ней лицу, гораздо более важному и более соответствовавшему тому значению, какое приобретала четверть по мере расширения и оформления территории «государева удела» и его центрального

---

[1] «Древнейшая разрядная книга», стр. 212, 236. Рыловы происходили из мелких детей боярских Бежецкого у.; несколько позднее, двух сыновей дьяка мы наблюдаем в числе помещиков Ярославского у., волости Черемхи, причем материальное положение их до возвышения отца было далеко не блестящим (ЦГАДА, Писцовые книги по Ярославлю 7076—7077 гг. Вас. Фомина и Григ. Сукина, № 582, лл. 487—488 об., 496—497 об.); С. Веселовский. Синодик.

[2] Архив ЛОИИ. Акты Спасо-Прилуцкого монастыря, № IV, II, 14. — «Сотная» не имеет начала; относим ее к Ваге на основании указания, что «список с сотные писал Захарко Федоров Ростовской волости церковный дьячек», и упоминания крестьян волостей Кодимы, Сельца (Селецкой вол.) и Нижней Тоймы, расположенных у Северной Двины и издревле входивших (как и волость Ростовская) в состав Подвинской четверти Шенкурской округи Важской земли (см.: М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 5). — «Сотную» в четверти «правил с книгами» подьячий Иванко Савин, четыре года спустя занявший в своем приказе место Фед. Рылова.

[3] ЦГАДА, Городовые книги по Каргополю, № 1, лл. 2—98 об.

управления. 16 августа 1566 г. уже новый дьяк Дружина Володимеров подписал известную грамоту о зачислении в ведомство опричнины «именитых людей» Строгановых (в виду перехода в опричнину центра их вотчин — Соли Вычегодской). Через месяц, 21 сентября, он послал Анике Федоровичу Строганову и Климке Проезжему «с товарищи» в Соль Вычегодскую предписание обмерить у Вондокурских и Пачеозерских ключников оброчный хлеб и продать его «по тамошнему и по усолской цене, почему у Вычегодцкие Соли межя себя ржи и овса и ячмени четверть купять». «А что на том хлебе денег возмете, — добавлялось в последней грамоте, — и вы б те денги все сполна привезли на Москву к нашей казне и отдали в четверть диаком Дружине Володимерову да Федору Рылову».[1] 25 марта 1568 г. все тот же дьяк Дружина скрепил и жалованную грамоту Анике Строганову на земли по реке Чусовой.[2] Дружина Володимеров действительно занял первое место в чети несколько позднее Ф. Рылова: в июне—июле 1566 г., когда Рылов уже с год как хозяйничал в четверти, выдавая подчиненным ей областям грамоты, дьяк Дружина выполнял еще обязанности «второго» посольского дьяка и только после замены его в этой должности дьяком Казарином Юрьевичем Дубровским стал начальником чети.[3]

С этой поры «Каргопольская» четь приобрела вид обычного московского приказа с двумя дьяками — «товарищами» во главе и со штатом подьячьих (одного из них, Ивашку Савина, мы знаем). Впрочем, следует отметить в отношениях между дьяками Дружиной Володимеровым и Рыловым один бытовой штрих, характерный для московской приказной среды и даю-

---

[1] А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 91—92. — Подлинник (ЦГАДА, фамильный архив Строгановых) скреплен печатью с изображением «единорога», а не обычного московского «двуглавого орла»; печать эта в XVI в. употреблялась в опричнине.

[2] ДАИ, I, № 119. Соответственно основной жалованной грамоте (см. там же, № 118) предоставлялась льгота на 10 лет, т. е. до 25 марта 1578 г.

[3] Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, стр. 109—110.

щий возможность предполагать, что управление четью фактически осуществлялось единолично: Дружина Володимеров был близким свойственником Рылова, его зятем,[1] и, конечно, отодвинул в тень своего старика — тестя (может быть и посаженного-то в опричную четь лишь временно и впоследствии покинувшего этот приказ одновременно с дьяком Дружиною). Как мы видели, важнейшие грамоты, вышедшие из чети, заверялись именно Дружиной Володимеровым, а на долю Ф. Рылова оставалась заверка сотных и платежниц.

Из документов, вышедших из чети за время управления ею Дружиной Володимеровым, особый интерес представляет грамота «с прочетом», посланная 20 апреля 1567 г. на Чаронду Аргуну Иванову сыну Захарьина «и во все городы наши опричнины таможником и мытчиком, которые емлют с купцов всякую нашу пошлину и которые вперед иные верные и откупные таможники и мытчики будут».[2] Дело шло о предоставлении Кирилло-Белозерскому монастырю права беспошлинного провоза товара и торга, по старой монастырской жалованной грамоте.

Подобная «окружная» грамота значительно расширяет наши представления как о характере ведомства опричной «четверти», так и об объеме подведомственной ей территории; ее начальник не только распоряжается по всем опричным городам, но и получает вместе с обычными «четвертными» доходами («кормленым откупом») также и важнейшие опричные торговые пошлины.

Если прибавить, что в эту же четверть (по грамоте 15 сентября 1566 г. Строгановым) поступали также и разные второстепенные сборы с оброчных угодий и что наряду с этим там же ведались такие первостепенные плательщики как Строгановы, то широкий охват финансового ведомства приказа не подлежит сомнению: четверть явно становилась главным средоточием всех опричных доходов. Однако четверть была свя-

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, указатель, стр. 16.
[2] Ист. Арх., стр. 210, № 18.

зана с казначеем даже в самых мелких своих поступлениях: деньги за оброчный хлеб привозились «к казне» и затем уже поступали в четверть дьякам.

На фоне этих данных становятся ясными и показания других источников, на первый взгляд, казалось бы, противоречивые и сбивчивые. Вполне понятными становятся, например, известия о центральном административно-судебном ведении и финансовых инстанциях таких огромных опричных «уездов», как Двинская земля. Там, в результате неудачного заведывания областью со стороны «кормленого дьяка» Путила Нечаева, в конце 1550-х — начале 1560-х годов произошло большое расстройство в платеже податей и налогов; около 1562 г. Двина была изъята из ведомства дьяка и вновь, по старине возвращена в непосредственное ведение казначеев.[1] Такой порядок, судя по некоторым документам, целиком сохранился и в то время, когда Двинский уезд в 1565 г. был уже взят в опричнину (с соответствующей, конечно, подменой прежнего общеземского казначея казначеем «особного двора» государева). Подобное заключение можно сделать, следя за упоминанием в сохранившихся платежных «отписях» одной из крайних северных волостей нижней половины Двинской земли — Лодмы о вносимых населением приказных пошлинах: в 1564—1568 гг. лодомские волощане вносили подати («кормленый оброк» и другие) именно в такое учреждение, где главными начальствующими лицами являлись не дьяки, а казначеи.[2] То же можно сказать и относительно центральной судебно-административной власти над Двиною. В одной «духовной» грамоте (12 февраля 1567 г.) завещатель, «старец» Архангельского монастыря Арсений, так выразился по-

[1] См. очерк «Кормленые дьяки».

[2] О возможности по упоминанию в документах судить об определенных пошлинах и о взимавших их соответственных учреждениях — см. очерк «Кормленые дьяки»; Лодомские «отписи» напечатаны в РИБ, XXV, №№ XXXII, XXXIII (оброк за наместничий доход), XXXIV, XXXV (оброк), XXXVII (оброк), XCI (без упоминания о пошлинах и месте платежа в Москве).

поводу своих оставшихся еще невершенными гражданских дел (иски по заемным кабалам): «...И яз того на Григорье да на Невере (бывшие земские судьи нижней половины Двинского уезда) искал и на их товарыщах перед судьями Нижней половины перед Яковом Дмитриевым сыном с товарыщи. И Яков нас в том судил да дал дело наше в доклад к Москве, и нынечи тот список в казне у царевых великого князя дьяков...».[1] Данные кажется, довольно определенные: казначей, сидевший в государевой «казне», и его дьяки должны были вынести свое решение по поводу поступивших к ним «докладных» дел.

Этими «дьяками», зависимыми от казначеев, и для Двинской части Поморья, как и для всех других опричных местностей, являлась все та же упомянутая нами четверть Дружины Володимерова и Федорова Рылова. До нас дошли «Книги Платежница поморские Пустозерские волости с книг писма и дозору Василия Огалина да подьячего Степана Федорова лета 7082; и збирати по ней государеву дань на два года, на 85-й да на 86-й год, данщику Третьяку Асеневу».[2] По этой «платежнице», составленной в 7083 (1574—1575) г. писцы заинтересовались оброком с некоторых описанных ими рыбных ловель по Ледовитому океану и впадающим в него речкам и получили следующее разъяснение от местных властей: «А пустозерские таможники, Третьяк Коровин [3] с товарыщи, и

---

[1] Рукоп. отдел БАН СССР, собрание бывш. Архангельского древлехранилища. «Списки с древнейших грамот Архангельского монастыря XVII в.», лл. 102—116; «Список з духовной изустной памяти раба божия инока Арсения», л. 111, ср. еще л. 112.

[2] Там же, № 28, 6, 61; см. ниже, ч. III «Документы», № 23 — платежница на 43 лл., по листам подписана дьяком Большого Прихода Степаном Лихачевым; на последнем листе (оборот) скрепа подьячего того же, очевидно, приказа: «С писцовыми книгами справил подьячий Тренка Десятого». Тогда же Вас. Третьяков с. Агалин и подьячий Степан Федоров с. Соболев «дозрили» и Колу, острог и уезд (С. Веселовский. Сошное письмо, II, стр. 602).

[3] Вероятно тот же Третьяк «Асенев», для которого в качестве инструкции и была выдана из Большого Прихода цитируемая «платежница».

целовалники сказали по ту десятую рыбу,[1] что у них в волости теми тонями владеют двиняне и неняжене, а в государеву казну за ту десятую рыбу оброку не дают тому десять лет, а про оброк не ведают же, дают ли они государю в казну с тех угодей по шти рублев на год, что в книгах написано, а сказали, что учали двиняне и пеняжене тот оброк платити в четверть дьяка Дружины Володимерова, как Двиньская земля приписана была к государеве опричнине» (л. 32 об.). Таким образом, двинские поморы — рыбаки, промышлявшие по Пустозерскому побережью, сразу же после «поимания» их родных мест в опричнину стали платить и денежный и натуральный оброк в опричную четверть, которая, очевидно, явилась для них главной финансовой инстанцией в Москве. Самая Пустозерская волость осталась в «земском», и попавшие в опричнину двиняне и пинежане настолько почувствовали себя эмансипированными от местных (пустозерских) данщиков и сборщиков, что последние не могли даже дать точный ответ на официальный запрос писцов — не уклоняются ли пришельцы от платежа местных законных оброков и даней.[2]

---

[1] «Десятая рыба» — семга, сбор которой с поморских тоней на царский обиход шел повсюду.

[2] Нахождение Пустоозера в «земщине» несомненно. Однако пустозерские «данщики» вели постоянные сношения с опричниной как служебные, поставляя соболей на государев обиход, так и неофициального характера. В Пустоозере, например, проживал «данщик» Петр Вислоухов, о котором в «платежнице» отмечено: «Да пустоозерский же данщик Петр Вислоухов да целовальники Якуш Шалакуша да Кирилко Кузьмин збирают царя и великого князя дани с Югорской самоеди по шти сороков соболей на год». Вислоухов постоянно бывал в опричнине и имел с опричниками тесные дружественные и деловые связи. Штаден, рассказывая о ненцах, говорит: «Земля их лежит приблизительно в 700 милях от Москвы. Имя теперешнего сборщика дани с (самоедской) земли — Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему (сами) по доброй воле... Я имел дела и дружбу с Петром Вислоухим (сборщиком) на Пустоозере, который собирает годовую дань соболями с самоедов» (Г. Штаден, ук. соч., стр. 117—118, 143).

Личная судьба первых чисто опричных четвертных дьяков — Д. Володимерова и Ф. Рылова — также далеко не безинтересна. Наблюдение за прошлой деятельностью первого из них дает возможность сделать некоторые заключения о том, почему именно ему, а не какому-либо иному приказному дельцу пришлось в опричнине, вместе с казначеем Угримом Львовым Пивовым, ведать пополнение и распоряжаться удельной царской казной. Не надо забывать при этом, что как на Пивове, так и на подчиненного ему «четвертного» дьяка Дружину выпала нелегкая обязанность не только взыскивать обычные «четвертные» и другие доходы с собственно «опричного» населения, но и как-то добыть от «земщины» стотысячный чрезвычайный налог «за государев подъем». Правда, сведений о мерах, предпринятых ими по поводу последнего сбора, не сохранилось, но, во всяком случае, для всех подобных операций были необходимы большая опытность, крупный организаторский талант, а также суровая непреклонность, если того требовали обстоятельства.

О Федоре Рылове мы уже говорили. Это был, по всей видимости, довольно случайный человек в приказном мирке. Иное представлял собою дьяк Дружина. Его следует отождествить с крупным приказным дельцом 1550-х годов — «казенным» дьяком Дружиною Лазаревым, принимая «Володимеров» или «Володин» (как читается его подпись на упомянутой выше «окружной» грамоте Аргуну на Чаронду 1567 г.) за отчество дьяка, а «Лазарев» — за его родовое прозвание («Дружина Володимеров сын Лазарева»).[1] При таком допу-

[1] Такое отождествление обоих дьяков «Дружин» действительно необходимо. Во-первых, этим устраняется совершенно необъяснимая разорванность сведений о первой половине служебной карьеры дьяка Дружины Володимерова (до 1556 г.) и о второй — дьяка Дружины Лазарева. Во-вторых, — и это главное, — сохранилось две грамоты с подлинными подписями обоих дьяков, причем, приняв во внимание хронологическую разницу в 14 лет, необходимо признать, что сделаны они одним и тем же почерком (Архив ЛОИИ, по описи 1927 г., № 221 — грамота «с прочетом» 1558 г. марта 13 и № 328 — грамота «с прочетом» 1572 г. сен-

щении вся карьера дьяка Дружины становится вполне ясной. Это был давний видный деятель под началом у казначеев и участник особых приказных междуведомственных комиссий. Некоторое время он нес обязанности и по дипломатическому ведомству, также ближайшим образом еще связанному с деятельностью государевых казначеев, игравших в это время большую роль в сношениях Московского государства с иноземцами.[1] Поручение управлять четью в опричнине при том обширном характере ведомства этого приказа, какое мы отмечали выше, именно дьяку Дружине понятно: к отправлению новых усложненных обязанностей четвертного дьяка привлечено было лицо, очень опытное в подобных делах. Наконец, явная зависимость опричной чети от власти опричного казначея становится понятной не только из общей структуры опричного управления, построенного по старинному «удельному» образцу, но и благодаря личному знакомству дьяка Дружины с главою опричного казенного ведомства: Угрим Львов Пивов поставил во главе чети хорошо ему известного, опытного, бывшего «казенного» дьяка, с которым приходилось бок-о-бок работать и вместе разрешать междуведомственные вопросы. Значение Дружины Володимерова в опричнине было, повидимому, столь велико, что ему поручались иногда и обязанности опричного разрядного дьяка. Мы знаем, например, подписанную им грамоту от 3 июня 1567 г. по местническому делу таких крупных опричников, как Ив. Дм. Колотка-Плещеев и кн. Д. Ив. Хворостинин.[2]

тября 1). Обе грамоты направлены на Двину, касаются вопроса о ружном хлебе, получаемом Архангельским монастырем, и в монастырском архиве были склеены вместе.

[1] О деятельности Дружины Лазарева под началом у казначеев см. очерк «Кормленые дьяки»; так же Ист. Арх., стр. 293, № 78 (грамота 7074 (1565—1566) г. Толгскому Ярославскому монастырю о вотчине кн. Фед. Жирового Засекина). Последняя дата — последнее упоминание дьяка Др. Лазарева: далее хронологически в документах выступает уже дьяк Др. Володимеров.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 115.

Летом 1569 г. в опричной четверти произошла, однако, смена начальствующего состава. Причиной этого едва ли не послужили большие неурядицы во взимании податей в Поморье как раз тогда, когда шла оживленная подготовка к энергичным наступательным действиям в Ливонии, а Грозный собирался даже нанимать каперский флот для организации отпора шведскому и польскому пиратству в Балтийском море. Для всего этого нужны были средства, и всякие перебои в их поступлении в опричную казну болезненно на ней отзывались. Принятые четвертью крутые меры хотя и дали желательный эффект, но вызвали усиленное «запустение», что едва ли входило в виды московского опричного правительства.

О «смуте» в Поморье дошли неполные и не совсем точные рассказы торгового иноземца — голландца Симона ван-Салингена, проживавшего в то время на севере. «В 1568 г., когда началась опричнина (Aufrissung),[1] — передает Салинген, — жители Холмогор, принадлежавшие к опричнине (Ufrissung) великого князя, пожаловались великому князю на то, что жители Варзуги завладели их вотчиной, отчего произошел раздор, описывать который здесь нет надобности или было бы слишком долго. Тогда из Москвы был отправлен некто Басарга Федорович, с несколькими дворянами и челядью оштрафовать вместе с варзужанами деревни Шую, Кемь, Кереть, Кандалакшу и Умбу за то, что они не предупредили раздора, происшедшего между жителями Холмогор и варзужанами, и упомянутый Басарга собрал несколько тысяч рублей с вышеназванных деревень».[2]

Память об опричном погроме — «правеже» податей в волостях Кольского полуострова — долго сохранялась в умах современников, и известия о нем получили широкую огласку. Население приравнивало «правеж» Басарги к самым страшным

---

[1] Салинген, конечно, ошибается, указывая дату начала опричнины; вероятно здесь надо подразумевать начало опричнины в Варзуге (ср. далее).

[2] А. Н. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI веке, стр. 304—305.

стихийным бедствиям. Описывая пути в Московию, Штаден кратко, но выразительно замечает о Шуе: «Шуя Корельская — бухта и незащищенный посад; опустошен опричными»;[1] а в «сотной грамоте» с книг Вас. Дементьева сына Агалина и подьячего Ст. Соболева 1574—1575 гг. по волости Керети читаем: «...Запустели Керецкои волости дворы и места дворовые пустые и тони и варницы и всякие угодья от лета 7076-го году от лихова поветрья и от голоду и от Босаргина правежу и от Двинского иску».[2] Сами писцы — дозорщики 1574—1575 г., проверявшие платежеспособность некоторых волостей московского севера как «земских», так и «дворовых» (т. е. бывших опричных), должны были констатировать всю неправоту «иска» двинян перед варзужанами и уменьшить наложенный было на Варзугу оброк, предварительно произведя тщательное расследование всеми доступными для них средствами, «потому что Двиняне государевых многих доходов перед Варзужаны не додавали».[3]

Сохранившиеся «опросные речи» некоторых «приезжих людей» настолько красочно рисуют отдельные детали в «споре» двинян и варзужан и так характерны для настроения людей «опричного времени», что позволяем себе привести их текстуально. Допрашивались два представителя монастырей, имевших промысловые угодья на Кольском полуострове: «старец» Антониева-Сийского монастыря Илья и «старец» Герман из Никольско-Корельского монастыря. Дозорщики В. Д. Агалин и Ст. Ф. Соболев, надо полагать, видавшие виды приказные дельцы, и те растерялись перед открывшейся им картиной запустения, разрушения и произвола, которую представляла собой Варзуга спустя 6—7 лет после «Басаргина правежа». Они с тревогой запросили Илью и Германа:

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 64.

[2] Сб. ГКЭ, II, № 138, стр. 461; ср. стр. 454 и 458.

[3] Сборник материалов по истории Кольского п-ва, № 6, стр. 33. — Промышленники-поморы, пользуясь своим «опричным» положением, не очень склонны были к аккуратному внесению оброков за морские промысловые угодья — см. указанные выше сведения по Пустоозеру.

«Скажите, старцы, по своей черной ризы [1] — про Бар[зуж]скую волость и про угодья, от Пороские ямы от волост[и] за 3 версты, и в нем по реке до монастырского устья Варзуге реке, и по монастырскому берегу рыбные тони и сенные покосы и всякие угодья, от Умбские межи от речки Оленицы, а в Мурманской конец до речки до Пялицы, чьи то угодья истари, тони и речки и леса и пожни и всякие угодья? И почему те[м] двиняне ныне владеют, и в реке в Варзуге [у] Пороских ямь забор [2] преж сего бывал лы? И в волости в Варзуге отчего дворы и луки и варницы и мельницы запустели, и куды с тех дворов люди разошлися и в котором году, и хто пустых дворов хоромы разорил, и отчего государева таможная пошлина и жемчюжная десятина залегла? Да в Мурманской конец, по морскому берегу речки и тони, речка Пулонга да речка Кабалья да речка Лиходеева, и меж тех речек всякие рыбные ловли и луки, чьи то истари было и хто теми угодьи ныне владееть?».

Илья и Герман отвечали осторожно и несколько уклончиво, явно опасаясь задеть интересы двинян — насильников, с которыми были связаны, так как их монастыри находились в опричной Двинской земле: «Мы, господине, зазнали за 11 лет, что тою рекою Варзугою и до морского устья и берегом, от Оленицы и до Пялицы, всеми угодьи варзужане владели и до межеванья князя Григорья Вяземского до Басенка Федурина, а у Пороских ямы у варзужан забора не было — был, господине, забор у варзужан повыше волости. И после, господине, межеванья и отводу князя Григорья Вяземского да Басенка Федурина теми всеми згодьи промышляли двиняне, от Порожские ямы до устья и морским берегом по обе стороны реки Варзуге, от речки Оленицы да до Пялицы, а забор, господине, на ямы ниж волости держали двиняне. А в Мурманской конец, речки от Пялицы про те, господине, речки

[1] Т. е. на основании своего «чернечества» монашеского обета показывать правду, без принесения обычной в таких случаях присяги — «крестоцелования».

[2] Особое приспособление для запруды реки.

нам неизвестно, за кем те речки были и хто ныне теми речками владеет. А про Варзускую, господине, волость слышели есми слухом: запустела от гладу и от мору и от Басаргина правежу. А про дворы, господине, неизвесно нам, хто Варзуские волости и дворы секл и розвозил, занеже, господине, мы живем далече от Варзуские волости за морем, за соломянем.[1] То, господине, наши речи, скажем по своей черной ризы».[2]

Монахи сообщили очень ценные подробности, указав на «межеванье и отвод» кн. Гр. Вяземского и Басенка Федурина как на такой момент, после которого двиняне захватили угодья Варзужской волости; вполне очевидно, что «межеванье» это было произведено в результате «победы» двинян над варзужанами, т. е. после «Басаргина» правежа, а Варзуга, главный объект всех происшествий и домогательств, именно с этого времени была «поимана» в опричнину и включена в Двинской уезд, куда она исстари тянула в силу своего географического положения.[3] Из позднейших известий выясняется, что кн. Григорий Вяземский присоединил к Двинской земле не одну только Варзужскую волость, но все его межеванье было предпринято для усиления Двинского уезда новыми территориальными участками вместе с сидевшими на них тяглецами. К Мезенскому стану, например, он присоединил две большие волости — Олему по р. Вашке и Малую Немьюшку по р. Немьюге — «что отмежевал от Вычегодского уезду от Удоры к Пенеге и к Мезени князь Григорий Вяземский в опричнину»,[4] как замечает писцовая книга 1623 г., сохранившая память о самом характере межевания.

«Земские» волости Кольского полуострова были жестоко наказаны; шедшая, видимо, во главе оппозиции их двинянам

---

[1] «Соломя» на северном наречии означает «пролив».

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 21.

[3] М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 15—16. — О ведомстве Варзуги впоследствии в «дворовой» (опричной) четверти см. ниже, стр. 336 сл.

[4] Там же, стр. 17.

Варзуга была присоединена к опричнине; Басарга Федоров «допрашивал» для опричной казны и ее основного финансового органа — «чети» дьяка Дружины Володимерова — огромные «доходы». Но следом за Басаргою по Кольским волостям был послан специальный дозорщик — писец Третьяк Зайцев, который и обнаружил вопиющее запустение в промысловых угодьях: «доход» был куплен, очевидно, очень дорогой ценой.[1] Едва ли не в результате этой двинской «смуты», в виде своеобразной компенсации уже за «расходы» по правежу Басарги, в 1568—1569 г. было произведено отмежевание к опричному Каргопольскому уезду (т. е. в ведомство той же опричной чети), и нового куска «земщины» — Водлозерской волости Обонежской пятины Новгородской земли, которая в 1568 г. числилась еще в «земском».[2]

Все эти передряги на крайнем севере государства отразились, надо думать, весьма неблагоприятно в центре — на лицах, непосредственно связанных с наблюдением за собиранием государевых податей. Напрашивается сам собой вывод, что именно за это в качестве конкретного повода мог пострадать казненный в 1568 г. старый «земский» казначей Хозяин Юрьевич Тютин, очевидно, недоглядевший или попустительствовавший варзужанам и жителям других кольских земских волостей в их «борьбе» против двинян, допустивший самый факт «жалобы» на них, «земских», со стороны «опришных».

Опричный же четвертной дьяк Дружина Володимеров, хотя и сумевший крайне сурово «выбить» необходимые деньги из опальной «земщины», но также допустивший чрезмерное опустошение богатых северных промысловых угодий, отделался сравнительно легко: он был лишь переброшен на службу в «земское», где и занял вскоре место, вполне соответ-

---

[1] Сб. ГКЭ, II, № 138, стр. 453—454.

[2] Об отделе Водлозерской волости см. ниже, стр. 328. Летом 1569 г. данный староста М. Г. Тяполков уже «писал и мерил» отмежеванную волость, а самое решение об отмежевании состоялось, конечно, ранее.

ствовавшее обнаруженным им способностям по сыску и наказанию преступников.[1]

Как бы то ни было, но 26 августа 1569 г., когда по приказанию опричного казначея Угрима Львовича Пивова Кирилло-Белозерскому монастырю понадобилось получить жалованную грамоту на вновь приобретенные земли в Турчасовском стане Каргопольского уезда, по берегам Белого моря, монастырь получил эту грамоту из опричной четверти уже за приписью нового начальника, дьяка Кургана Лапина.[2]

Иван — Курган Васильев сын Лапин не служил, кажется, до того в опричнине. Среди московских дьяков, подписавших соборное определение 1566 г. и участвовавших в самом земском соборе, имени его не встречаем. Не значится он и по разрядам — вероятно он служил где-либо в провинции, на малозаметном и не ответственном приказном деле. Но с июля 1567 г. и до половины июня 1569 г. он неожиданно появляется на крупном посту — едет дьяком в посольстве боярина Ив. Мих. Воронцова и Вас. Ив. Наумова в Швецию.[3] Начальником опричной четверти он сделался очевидно сейчас же по возвращении.

Помощником Кургана Лапина, «вторым дьяком», в четверти был назначен прежний подьячий этого приказа — Иван Савин. Деловая преемственность, таким образом, сохранялась. Четвертные дьяки Курган Лапин и Иван Савин выполняли, по документам, все те же обязанности, что и их предшественники. Так, например, сохранился список с «сотной» грамоты

---

[1] АЭ, I, № 280 (РИБ, XXXII, № 246); «Синбирский сборник», стр. 34; Др. Росс. Вивл., XIII, стр. 120. — Около 1576 г. Др. Володимеров умер — в 1577 г. его вдова была монахиней (Н. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., указатель, стр. 16). — Дьяк Фед. Рылов, ушедший из чети вместе со своим зятем, совершенно исчез со служилого московского горизонта как опричного, так и земского. Как Др. Володимеров, так и Фед. Рылов, повидимому, были казнены: их имена были записаны в известные «синодики» Грозного (С. Веселовский. Синодик).

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 18 (ср.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, I, вып. 2, прил. 1, стр. XLVIII—L).

[3] Сб. РИО, 129, стр. 125, 127—170; ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 407.

«с книг с Каргопольских, что отмежевал Ондрей Иванович Плещев да подьячей Ушак Микитин от Ноугородцкого от земского рубежа от Обонежские пятины к государеве цареве и великого князя опричнине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил те примежеванные земли данной староста Микула Григорьев сын Тяполков с товарищи лета 7070 седмаго». Сотная была выдана 4 марта 1570 г., «а подписал царев и великого князя дьяк Курган Лапин, а назаде по ставом сотные пишет: „Иван Савин к сей сотной грамоте руку свою приписал“, да назаде ж сотные пишет: „Правил подьячей Стефанец Ковезин“».[1] В том же 1570 г. крупнейшие опричники, торговцы Строгановы, заплатили за сольвычегодских крестьян ряд податей («за наместнич доход и присуд», водное мыто, дань, деньги за оброчный хлеб и «всякие подати») «в четвертной приказ дьяку Кургану Лапину да Ивану Савину».[2]

Постепенно, однако, круг ведомства опричной четверти все более расширялся. Так, кроме отечественных капиталистов Строгановых, Курган Лапин наблюдал и за всем торгом английской «Московской» компании, принятой в опричный «государев удел» по привилегии 20 июня 1569 г., причем по статьям 9 и 14 привилегии в опричнине ведались не только

[1] ЦГАДА, Городовые книги по Каргополю, № 1, лл. 292—297. — После Новгородского погрома в опричнину были взяты Обонежская и Бежицкая пятины, но Водлозерская волость, расположенная на северо-запад от Каргополя, вокруг Водлоозера, и в XVII в. делилась еще на две части: одна из них тянула к Заонежским погостам Обонежской пятины, другая — к Каргопольскому у. (М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 14; прил. 1, стр. 5, 13). По «сотной» 1570 г. четь получала все доходы как свои, «за наместнич окуп», так и все мелкие местные сборы и налоги Большого Прихода; только относительно пустых деревень, отданных на льготу (по 28 сентября 1576 г.), замечено, что деньги «вытные в Большом доходе писаны», т. е. очевидно взимались общеземским приказом Большого Прихода. Андрей Плещев «писал» и другие волости Обонежской пятины (Д. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 405—406).

[2] А. Дмитриев. Пермская Старина, вып. 6, «Материалы», № 2, стр. 130—131.

те фактории англичан, которые были расположены на опричной территории, но и вообще все имущество компании, независимо от его местонахождения (дворы в Москве на Варварке и др.).[1] Англичане вскоре попали в «опалу»; привилегия была уничтожена Грозным, и 8 августа 1570 г. Строгановым было предложено строго следить за подчинением английских купцов общим правилам торговли иностранцев в Московском государстве. По склейкам эта грамота была подписана «товарищем» Кургана Лапина — дьяком Иваном Савиным.[2]

Дьячество Кургана Лапина и Ивана Савина совпало с большим переломом в жизни всего «государева удела» — опричнины, которым, как известно, ознаменовалось начало 1570-х годов. После набегов крымцев 1571—1572 гг. «царь опришнину отставил», и самое название ее, по словам современника, «никто не смел поминовать» под угрозой торговой казни.[3] Многие «земские» служилые люди получили обратно свои запустошенные опричниками вотчины, возвращались также и все незаконные, вымученные опричниками по кабалам, деньги. Ряд виднейших опричных «деятелей» 1560-х годов были казнены или подверглись опале. Следует, однако, сказать, что все эти перемены вовсе не означали уничтожения «государева удела»: он продолжал свое существование под новым названием «двора», а прежние «опричные» служилые люди сделались «дворовыми» царскими людьми. Наоборот, «раздел» между обеими частями Московского государства в 1570-х годах одно время был официально подчеркнут: появился «удельный» «князь Иван Васильевич Московский»

---

[1] И. Любименко. История торговых сношений России с Англией, вып. 1, стр. 44—45. — Единственный русский перевод привилегии 1569 г. приведен в сб. «Торговля и торговый капитал в Московском государстве», стр. 83—95.

[2] А. А. Дмитриев, ук. соч., вып. 6, «Материалы», № 2 (стр. 130—131). — Подлинник (с точной датой и подписью дьяка Ив. Савина) хранится в Архиве ЛОИИ, «Строгановские столбцы».

[3] Г. Штаден, ук. соч., стр. 110.

и «земский» «великий князь всея Руси Симеон Бекбулатович». Если исчезли термины «опричник» и «опричный», замененные словом «дворовый», то названия «земщина» и «земский» официально сохранялись. И «опричный порядок» — преследование крупного феодала-вотчинника и укрепление поместного сына боярского, стремившегося захватить новые «землицы» и обеспечить их рабочими руками крестьян, которые прочно сидели бы на этой земле, — в 1570-х годах продолжал развиваться, не меняя своего иногда очень бурного темпа. Грозный, в зависимости от необходимости, по-старому «перебирал» «людишек» и земли; во «двор» забирались новые территориальные комплексы и единицы, а бывшие там выбрасывались обратно в «земское».

Значительные перемены произошли в 1570-х годах в административной машине прежней «опричнины», а теперь «двора государева». Вместо принятого на первых порах упрощенного управления «удельного» образца, во «дворе» появились уже приказы, параллельные подобным же земским учреждениям.[1] Кризис управленческого аппарата наметился даже несколько ранее образования «двора» — сразу же, как только обнаружилась возможность указанной реорганизации опричнины.

Сейчас же по возвращении Грозного из новгородской экспедиции 1570 г. в опричном высшем управлении почуяли, что царская опала на этот раз захватит и опричных дельцов. В опричных «верхах» начался переполох. Штаден дал чрезвычайно любопытную бытовую зарисовку отражения первых шагов опричной реакции в недрах самой опричнины. «Когда великий князь, — пишет Штаден, — пришел в Старицу, был сделан смотр, чтобы великому князю знать, кто остается при нем и крепко его держится... Великий князь поехал в Александрову слободу и распорядился там постройкой церкви. Я же не поехал с ним, а вернулся в Москву. Потом все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были

[1] О развитии приказов в опричнине подробно см. очерк «Из истории управления в опричнине».

прогнаны: каждый, помня свою измену, заботился только о себе. Когда великий князь приводил это в исполнение, в стране еще свирепствовала чума. Когда я пришел на опричный двор, все дела стояли без движения. Начальные бояре косо посмотрели на меня и спросили: „Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли и на твоем дворе?“ — „Нет, слава богу“ — ответил я. Тогда уж они больше не спрашивали меня, что я здесь делаю».[1] Такое полное равнодушие кто и зачем толкается на запретном опричном дворе, в высшей степени показательно для характеристики настроения опричной администрации в то время.

На истории опричной четверти весь этот процесс опричной ломки отразился существеннейшим образом. К сожалению, в виду полного отсутствия документальных данных и невозможности представить хотя бы приблизительно соображения о конкретных причинах и поводах происшедших перемен, приходится ограничиться лишь их констатацией. Наблюдаемые изменения могут быть сведены к следующему.

Во-первых, четверть раскололась, и из нее были созданы две: «Каргопольская» (условное название) и новый приказ, уже в документах получивший наименование «Двинской четверти». Во-вторых, четверти стали вполне самостоятельными приказами, наравне с прочими «дворовыми» учреждениями, и никакой зависимости их в 1570-х годах от «дворового» казначея более не наблюдается. Последний вообще как-то стушевывается и отходит на второй план. В-третьих, «дворовые» четверти получили новый состав дьяков, а подведомственные им территории, в связи с общими «переборами» «дворовых» и «земских» областей, также были несколько перекроены, причем некоторые прежние «опричные» земли оказались теперь в ведении аналогичных же «земских» учреждений. Наконец, необходимо отметить, что «дворовые четверти», сохраняя свое старое значение основных финансовых центральных органов «государева удела»,

---

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 145 (курсив мой. — *П. С.*).

были попрежнему очень гибкими учреждениями и во второй половине 1570-х годов пережили новые «реформы», вытекавшие из тех общеполитических условий, в которые попало тогда Московское государство в своей напряженной борьбе на внешнем фронте.

Дошедшие до нас сведения о «Каргопольской дворовой четверти» очень отрывочны и поддаются группировке и осмыслению с большим трудом. Повидимому, первое и самое раннее документальное упоминание о ней встречается в 1573 г.: Кирилло-Белозерский монастырь просил вследствие притеснений каргопольских сборщиков разрешить ему самому вносить в Четвертной приказ дань и оброк с каргопольских монастырских вотчин и получил на это грамоту от 16 февраля 1574 г. за приписью нового дьяка Андрея Федоровича Клобукова.[1] Был ли последний непосредственным преемником Кургана Лапина — трудно сказать, но во всяком случае Клобуков занял место в четверти не ранее 1572—1573 гг.[2] От 6 января 1575 г. до нас дошла «оброчная», выданная устюжскому Михайло-Архангельскому монастырю, на половину наволока в Устюжской волости, где земским волостным властям приказывалось оброк «привозити к Москве и отдавати в Четвертной приказ»;[3] грамота (в издании) не имеет подписи выдавшего ее дьяка, но относим и ее к той же четверти Андрея Клобукова, так как Устюг (взятый в опричнину еще в 1565 г.)

---

[1] Архив ЛОИИ, сб. № 112, отд. IV, № 62; другой список ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., АII/47, лл. 301 об. — 302 об.

[2] Андрей Клобуков на соборе 1566 г. значится дворянином 2-й статьи; в 1570 г. он еще не имел дьяческого звания, но в 1571—1572 г. служил уже вторым разрядным дьяком — по всей видимости, «в земском разряде» (СГГ и ДІ, № 198; Сб. РИО, 71, стр. 566/1568 г., 626/1570 г.); Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 462—463. — В разрядном приказе (земском) Клобукова сменил, вероятно, дьяк Данило Качалов (Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 470). — В разряде предполагавшегося похода 1572 г. зимою в Новгород, а из Новгорода в «Свицкие немцы» Клобуков указывался дьяком «из земсково» (В. В. Вельяминов-Зернов. О касимовских царях и царевичах, ч. 2, стр. 12—13).

[3] В. П. Шляпин. Акты, ч. I, № CXXXIII, стр. 158—159.

имел волости, настолько тесно переплетенные в тягловом и местно-административном отношении с Сольвычегодским уездом,[1] что, по всей видимости, и центральное их заведывание находилось в одном приказе. Необходимо также отметить, что в доопричное время и Устюг и Соль Вычегодская ведались одним и тем же «кормленым» дьяком, а несколько позднее (1580 г.) мы имеем и прямое свидетельство о ведении Устюжского уезда в «дворовой чети.[2] Очевидно, в качестве «четвертного» дьяка А. Ф. Клобуков в 1577 г. давал по приказам выписи с книг каргопольских писцов Дм. Растопчина и Гр. Чиркова, 1573—1574 гг.[3]

Наконец, последнее дошедшее известие о четверти Андрея Клобукова очень интересно, так как сохранило чрезвычайно редкие для этого времени сведения не о финансово-податных, а о судебно-административных четвертных функциях. Именно 6 июня 1577 г. корельскому воеводе Вас. Конст. Кобылину было приказано сыскать и судить дело по жалобе некоего Гришки Васильевича Роднева «с Вотцкие пятины из Нижные Корелы», на разбои и грабежи. «Да и пошлина бы еси с тех дел, — прибавлялось в грамоте, — доправя на виноватом, прислал к нам на Москву в Четверть дьяку нашему к Ондрею Клобукову».[4] Грамота была подписана Вас. Колударовым, очевидно, в качестве «второго» дьяка.

В этой грамоте внимание останавливается и на той территориальной единице, которая оказалась в ведении четверти дьяка Андрея Клобукова, — на пограничном новгородском пригородке Кореле (позднее Кексгольме), до этой поры находившемся в числе «земских».

---

[1] М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 22—23.

[2] См. раздел «Кормленые дьяки».

[3] Архив ЛОИИ, сб. № 112, отд. IV, №№ 73 и 74.

[4] А. Юшков. Акты, № 208. — В случае невозможности решить дело самому, Кобылину предписано было также выслать в четверть и обоих «исцов» и «судные» «списки» «как корельские и погоские крестьяне восмдесят шестого году с нашими наместнича доходу и с оброчными деньгами поедут к нам на Москву».

Но в 1576 г. в «уделе князя Ивана Васильевича Московского» числится, например, и «Порховский уезд Шелонской пятины».[1] А как раз в 1577 г. в числе «дворцовых» («дворовых») городов наряду с такими «старо-опричными» городами как Белев, Козельск, Перемышль или Лихвин, значатся и пограничные по новгородско-псковскому рубежу Опочка, Красный, Себеж[2] — очевидно «поиманные» на царя в виду их военно-стратегического положения в борьбе за Ливонию. На том же основании во «двор» был зачислен и Карельский уезд, расположенный по северному побережью Ладожского озера, пограничный со Швецией. Его волости примыкали к заонежским погостам опричной Обонежской пятины, и едва ли под «погоскими» крестьянами, которые также упомянуты в грамоте корельскому воеводе, не следует подразумевать обитателей заонежских погостов. В таком случае последние, очевидно, также ведались в «Каргопольской» четверти Андрея Клобукова.

«Вторым» дьяком в четверти некоторое время и при Клобукове продолжал сидеть начавший в ней свою карьеру старый дьяк Ив. Савин, так как упомянутый выше Василий Колударов еще в 1574 г. служил дьяком в Казани.[3] Покинул Колударов четверть вместе с Клобуковым, в 1577 г.,[4] когда и сама «Каргопольская» четверть окончила свое существование, слившись вновь с четью «Двинскою». Но прежде чем говорить об этом этапе в «истории» дворовых четей, следует обратиться к разбору известия о «Двинской» дворовой чет-

---

[1] См. НПК, V, стр. 571.

[2] «Военный журнал», 1572 г., № 2, отрывок из разрядных книг: «Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 г.», стр. 98—99.

[3] Грамота от 4 августа 1574 г. воеводе казанскому боярину кн. П. А. Булгакову и дьяку Вас Колударову (Амвросий. История российской иерархии, VI, стр. 535).

[4] В. 1578—1579 г. Колударов служил уже в «Земском — в Ямской избе. — Др. Росс. Вивл., XIV, стр. 350: «Военный журнал», 1853 г., № 6 — «Ливонский поход царя Иоанна Васильевича в 1577 и 1578 гг.», стр. 101.

верти — другой, выделившейся из единого в 1560-х годах опричного Четвертного приказа.

В уже цитированных нами лодомских мирских отписях, начиная с 1572 г. твердо устанавливается упоминание «дьячих и подьячих пошлин», а упоминание пошлин «казначеевых» совершенно исчезает.[1] Отсюда делаем вывод, что для Двинской земли, где вмешательство в дела со стороны опричного государева казначея несомненно наблюдалось в 1560-е годы, когда Двиною ведала опричная четь дьяка Дружины Володимерова (а затем Кургана Лапина), подобное вмешательство совершенно исключается в 1570-е годы. Двинским уездом стало ведать учреждение, в котором начальниками являлись только дьяки.

С другой стороны, мы не раз также упоминали, что в 1573—1574 г. северные окраины Поморья как «земские», так и «дворовые», были подвергнуты новому описанию — «дозору» с целью точного уяснения обнаружившейся «пустоты» и платежеспособности этих, казалось бы наименее затронутых общим экономическим кризисом, областей Московского государства. Дозорщики Агалин и подьячий Соболев усиленно раздавали на оброк пустые места и промыслы. Книги их дозора не сохранились, но имеются некоторые косвенные сведения, и документы, позволяющие судить, кем направлены были дозорщики. Так, сохранилась, например, уже разобранная нами в другой связи «платежница» 7082 (1573—1574) г. Пустозерского «земского» уезда, выданная из приказа «Большого Прихода», который, видимо, и озаботился самым производством дозора по Пустоозеру и держал у себя дозорные книги для составления необходимых документов.[2]

---

[1] В 1572 г., напр., низовский выборный судья Ерофей Фомин сын Ярыга взял от людмян «оброк царев и великого князя за наместнич доход... с пошлиною з дьячею и подьячих» — (РИБ, XXV, № XCVI); см. также «отписи»: 17 ноября (№ CVI) и 21 ноября 1573 г. (№ CVIII), 23 декабря 1573 г. (№ CIX), 9 декабря 1574 г. (№ CXIII), 1574 г. (№ CXIV), 17 ноября 1575 г. (№ CXVI).

[2] Ср.: С. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 52.

Подлинные дозорные книги всех волостей Кольского уезда,[1] в том числе, как мы также уже знаем, и не отошедшую в 1568—1569 гг. к Двинскому опричному уезду Варзужскую волость, находились в конце XVI в. в Новгородской четверти, ведавшей в царствование Федора Ивановича всем севером России, у дьяков Ивана Вахромеева и Ив. Нормацкого, и были унаследованы ею из архива своей предшественницы — «дворовой» двинской четверти времен Грозного. Действительно, в «сотной» грамоте, выданной 6 мая 1575 г. волощанам Варзужской волости, читаем: «А давати им в цареву и великого князя казну оброку по тому ж, как было преж сего... А платити им тот оброк в государеву казну с тех своих дворов в четверть дьяка Офанасья Демьянова ежегодь».[2] «Сотная» была снабжена царскою печатью, подписана и скреплена назади дьяком Афанасием Игнатьевым сыном Демьяновым: следовательно, в этой именно чети, выдавшей «сотную», и хранились Кольские книги 7082 г., да и составлены они были, наверное, по ее распоряжению. Указывая варзужанам их платежную инстанцию в Москве, Вас. Агалин и Степ. Соболев конечно назвали ту, которая в момент их дозора (1573 г.) являлась фактически действующей. Можно смело считать, что таковою для Варзуги и в этом году являлась уже четверть Аф. Демьянова, а так как Варзужская волость еще с 1568—1569 гг. входила в состав Двинской земли, то и последняя ведалась этой же четвертью.

Справки о служебном продвижении Аф. Демьянова приводят все к той же дате — 1572—1573 г., как к началу его деятельности в качестве «опричного»-«дворового» четвертного дьяка; таким образом, эта дата совпадает с началом деятель-

---

[1] О дозоре 7082 г. Кольского у. см.: А. Андреева. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю, 1556 г., стр. 139—140. — «Сотные» и «выписи» с кольских книг сохранились: на погост Норицкий Кольского у. («Сб. матер. по истории Кольского полуострова», № 5, список), на волость Варзугу (там же, № 6, список) и на волость Кереть (Сб. ГКЭ, II, № 138) подлинник, выданный самими писцами.

[2] Материалы по истории Кольского полуострова, № 6, стр. 33.

ности в «Каргопольской» четверти дьяка Андр. Фед. Клобукова. Афанасий Демьянов, происходивший из средей руки поместного дворянства, в разряде зимнего похода 1572 г. на «Свейские немцы» был записан в числе отправлявшихся с царем дьяков «из опришнины»;[1] поход не состоялся, а Демьянов был назначен заведывать вновь образованным Двинским «опричным» («дворовым») четвертным приказом. Впоследствии (в 1624 г.) его сын Яков, местничаясь с Ив. Прох. Писемским, так характеризовал переход своего отца в дьяческую службу: «... Дед, государь, мой и батюшко служили по Переяславлю Залесскому и по Ярославлю, а из службы батюшка моего государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии изволил взяти к тайным делам во дьячество».[2]

Афанасий Демьянов недолго пробыл начальником чети. В конце 1575 г. он, один из доверенных Грозного, сидел уже в приказе Большого («Земского») Дворца и в качестве дьяка этого приказа подписывал грамоты монастырям.[3] Преемниками его были два очень приметных лица в дьяческой среде 1570—1580-х годах — Андрей Васильевич Шерефединов и Улан Айгустов.

О них известно из «отписи» от 7 ноября 1576 г. «излюбленного судьи» Низовской луки Двинского уезда Никона Ермолина, который обещал лодомским крестьянам, получая с них оброк: «Заплатити мне, судьи, тот царьской оброк на Москве в цареву и великого князя казну в четвертной в Двинской приказ царевым великого князя дьяком Андрею Шерефединову да Улану Айгустову на строк на Дмитреев день Селун-

---

[1] Др. Росс. Вивл., XIII, стр. 422; В. Вельяминов-Зернов. О касимовских царях, II, стр. 12—13.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 156—157.

[3] Там же, стр. 489. — Как дворцовый дьяк он подписывал и жалованные грамоты Важским монастырям: подтвердил в 7083 г. «несудимую» 1548 г. Богословскому монастырю и подписал «жалованную несудимую» Клоновскому монастырю в 1577 г., марта 3 (Сб. ГКЭ, II, №№ 203 и 205). Вага в это время ведалась в земской чети А. Я. Щелкалова.

ского 85-го году».[1] Здесь же кажется, мы впервые встречаем территориальное наименование четверти, сделанное, правда, в акте, вышедшем из-под пера провинциального приказного лица, и потому замкнутое в узких сравнительно пределах местных двинских кругов и не приобретшее признания в документах, отправляемых непосредственно из самого этого приказа.

Дьяк Андрей Васильевич Шерефединов в 60-х годах довольно долгое время состоял на посольской службе,[2] а в феврале 1570 г. был отправлен в Смоленск навстречу литовским послам и пробыл там до 29 июня 1571 г.[3] По возвращении он, по указаниям разрядных книг, был записан в поход 1571—1572 г. на «Свицкие немцы» как дьяк «из земского», а во время второго похода Грозного (1572—1573 гг.) оставался в Москве на Земском дворе, т. е. был одним из главных лиц, обязанностью которых было поддерживать административный порядок в столице.[4] Вскоре он, однако, перешел на службу по «дворовому» ведомству и стал дьяком «Разряду дворового» (в 1574 г.), будучи очень приближенным к царю человеком, сопровождающим его в переездах из одной резиденции в другую (Старица, Олешня).[5] Видимо, Шерефединов выполнял обязанности и думного дьяка в «государевом уделе» — «дворе»: по крайней мере, датский посол Улфельд называет его «канцлером» наравне с несомненно «думным» дьяком в «Земщине», Андр. Яковл. Щелкаловым.[6] Вместе с тем очень возможно, в связи с подготовлявшимся новым «разделом» Московского государства

---

[1] РИБ, XXV, № CXIX.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 466—467; Сб. РИО, 71 по указателю.

[3] Там же, стр. 621—623.

[4] «Синбирский сборник», стр. 31, 34; Др. Росс. Вивл., XIII, стр. 422.

[5] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 467—469; Н. Мятлев. Родословные разведки, прил. III, стр. 30.

[6] «Путешествие в Московию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 году», стр. 30.

на «удел князя Ивана Васильевича Московского» и «великое княжение Симеона Бекбулатовича всея Руси» и новым кардинальным перебором «людишек» и их поместных и вотчинных владений — Шерефединов в мае—июне 1575 г. вершил дела и в «земской» (вернее — общегосударственной) Поместной избе.[1]

Поручение ему заведывания после Аф. Игн. Демьянова Двинскою дворовою четвертью являлось, таким образом, лишним доказательством большого значения этого дьяка в Московском правительственном механизме. Опираясь на свою близость к Грозному, на родство свое с любимой последним фамилией Пивовых, Андрей Шерефединов показал себя как беззастенчивый насильник и самоуправец, от которого тщетно пытались обороняться его соседи по имениям.[2] Едва ли особенно мягким поэтому было и управление подвластным ему, как «четвертному» дьяку, населением.

Помощник его, Улан Айгустов, был в буквальном смысле слова «испытанный» в борьбе против «Земщины» человек: еще в феврале 1571 г. он, состоя тогда в подьячих, был подвергнут пытке и сознался, что доводил «по науку» царского шурина кн. Мих. Темгрюковича Черкасского «многие лихие дела» на Василия Щелкалова.[3] Поплатившись потерей своих земельных владений, Улан Айгустов не только не разделил участи вскоре казненного кн. Черкасского, но даже сделал большую служебную карьеру, перейдя «во двор» и сев вторым дьяком в Двинской чети.

Территориальный объем последней не замыкался северно-поморскими землями. 30 декабря 1576 г. дьяки Шерефединов и Айгустов выдали тарханную грамоту Кирилло-Белозерскому монастырю на села в опричном — «дворовом» Дмитров-

---

[1] ГБИЛ, Собр. рукоп. Троице-Сергиевой лавры, № 530, л. 947; — о поместной избе единой для опричнины и земщины — см. очерк «Из истории управления в опричнине».

[2] А. Юшков. Акты, № 220; Н. П. Лихачев. Сборник актов, вып. 2, № XV, СПб.,1895.

[3] АЭ, I, № 280.

ском уезде,[1] а 9 марта 1577 г. — общую тарханную грамоту тому же монастырю на его вотчины во всех «дворовых городех» и уездах: Вологде, Пошехонье, Ростове, Каргополе, Поморье и «в иных городех».[2] В этом перечне останавливает внимание упоминание Каргополя, которым, как мы уже знаем, ведала другая дворовая четверть — дьяка Андрея Фед. Клобукова. Но 1577 г. с самого начала ознаменовался большим движением среди всего высшего московского служилого люда, в том числе и дьяков. Дело в том, что начались приготовления, а затем и постепенное выступление в большой поход, предпринятый под личным предводительством Грозного с целью «итти очищати свою отчину Вифлянскую землю». В мобилизации участвовали в качестве активных лиц Андрей Клобуков и Андрей Шерефединов, чем и объясняются некоторые на первый взгляд противоречия в документах. Поход этот, потребовавший огромного напряжения всех московских сил и расходования значительных материальных ресурсов, повлек и новое переустройство в опричном «дворовом» ведомстве — обе чети вновь, как в 1560-х годах, объединились в один «дворовый Четвертной приказ», который в таком виде просуществовал до самой смерти Грозного.

Уже 10 февраля 1577 г. была составлена разрядная роспись русского войска, и дьяк Андр. Фед. Клобуков получил очень важное и ответственное назначение — состоять в числе начальников артиллерии, «у наряду».[3] Эти обязанности по подготовке к походу не могли, конечно, не отразиться на мирной деятельности Клобукова по управлению одной из

---

[1] Архив ЛОИИ, сб. № 112, отд. IV, № 66; другой список ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., AII/47, лл. 210—214.

[2] Ист. Арх., стр. 285, № 73. — 11 марта 1577 г. Кириллов монастырь получил аналогичную грамоту и из земщины, за подписью дьяка приказа Большого Прихода Степана Лихачева (там же).

[3] Все последующее изложение основано на уже цитированном разрядном отрывке «Ливонский поход царя Иоанна Васильевича Грозного в 1577 и 1578 гг.» («Военный журнал», 1852, №№ 1, 2, 3, 4, 5; 1853, №№ 5, 6).

«дворовых» четвертей: хотя он юридически еще и числился ее начальником, но на деле ею уже заведывал другой дворовый четвертной дьяк, — Андрей Шерефединов. Этим и объясняется выдача Шерефединовым Кирилло-Белозерскому монастырю общей тарханной грамоты 9 марта 1577 г., несмотря на то, что документы упоминают о существовании чети Андрея Клобукова еще в июне этого года.[1]

Однако в самое же ближайшее время и Андрей Шерефединов был назначен к участию в походе: 8 мая 1577 г. Грозный «расписал свой государев полк, как ему иттить на свое и на земское дело в немцы», и среди «дворовых» дьяков, которые должны были состоять при его особе в походной царской канцелярии, значился и Шерефединов. Сам царь отправился ранее, 21 апреля, сначала к Троице помолиться, затем в Александровскую слободу, а оттуда, «не займуя Москвы», — прямо в Новгород, приказав «людям по росписи. . . быти с собою государем в полку».

Таким образом, оба дьяка должны были выступить в поход, и обязанности их в четях должны были выполнять уже иные лица — хотя бы их «товарищи», вторые дьяки Вас. Колударов и Улан Айгустов. Однако и последние ушли из четвертей вслед за своими начальниками. Андрей Клобуков, как самое деятельное лицо в походе — военнослужащий в артиллерии, двинулся вперед; Шерефединов же смог еще несколько задержаться в Москве; по крайней мере еще 8 октября 1577 г. на Двину была послана грамота с приказанием собрать «всякие четвертные доходы», отправить о том же грамоту в Варзугу и все собранные деньги прислать «на Москву в четверть к дьяку нашему к Ондрею Шерефединову», но по склейкам грамота была подписана уже новым дьяком —

---

[1] А. Ф. Клобукову, кроме хлопот по подготовке артиллерийского снаряжения, поручались в это время и другие дела, связанные с походом (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 475—476). В неудачной битве под Кесью (Венденом) Клобуков в числе других московских воевод попал в плен.

Ондреем Арцыбашевым.[1] Можно предполагать, конечно, что последний в это время был помощником Шерефединова, сменив в таком случае Улана Айгустова, так как скрепа грамот на обороте в Московской приказной практике была обычно делом «вторых» приказных дьяков; однако скорее всего здесь мы встречаем документ, вышедший именно в период «междудьячества»; грамота была написана еще от имени Шерефединова, но заверить ее должен был уже новый начальник чети.

Грамота эта, сохранившаяся только в отрывке (нехватает начала), очень важна для характеристики того финансового напряжения, которое переживала страна в результате длительной непрерывной войны. Она подчеркивает и то значение, которое имела «дворовая» четверть, как один из важнейших правительственных прессов для выжимания необходимых в войне ресурсов из наименее затронутых общим хозяйственным кризисом областей Московского государства. Грамота содержит также конкретные угрозы двинянам, если они не соберут всех требуемых денег и не обеспечат правильного поступления доходов с Варзужской волости, и назначает очень краткие сроки для присылки собранного в Москву; с Двины — «в той же день по Дмитрееве дни Селунского» (т. е. к 26 октября), а с Варзуги — «на Филиппово заговейно» (к 14 ноября).[2]

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 24.

[2] С Двины требовали деньги: «. . . (за ямчужное?) дело, и за поральскую белку и за морской оброк с Терньские стороны, и з церковных земель за обежную дань и за посопной хлеб и всякие оброки, и с пожен и с пустошей и с непашенных дворов и с новых припашей, и за рыбные ловли с рек и с озер и с тонь морских, и загубской оброк, и казначеевы и циячии и подьячих, и анбарные, и пищальные и кормовые денги, и замытные и судовые, и людцкие, и семожные, и пудовые, и пятинные, и померные, и подьемные, и рукознобные, и свалные, и привязные, и з гостина двора поворотные, и банные, и томожные, и явочные пошлины и за десятую рыбу оброчные денги по окладам и верного бранья». Как видно, в четверти спешили собрать все, даже мельчайшие «оброки и дани» с грозным приказанием — «против прошлого 85-го году все сполна,

Бедственное положение двинян и варзужан осложнилось еще более от того, что этот указ попал к ним с сильным запозданием — на другой день после срока, назначенного грамотой уже для поступления денег в самый приказ в Москве.[1] Память о «Басаргине правеже» еще не изгладилась, и приходилось напрягать все усилия, чтобы вновь не подвергнуться грозному московскому правежу. К сожалению, результаты этого требования дворовой чети нам пока, за отсутствием сведений, неизвестны.

Некоторое время Андрей Арцыбашев как будто один ведал объединенной дворовой четвертью. Так, им лично были подписаны 2 апреля 1576 г. две грамоты на Двину (в Холмогоры, в Нижнюю половину, Уну, Неноксу и Варзугу); Николо-Корельскому монастырю — об освобождении его владений от земских повинностей и невзимании оброка, с монастырских соляных промыслов и рыбных ловель,[2] и таможенному двинскому старосте — о ненарушении торговых льгот Кирилло-

---

без недобору, часа того». Предписывалось изыскать и новые доходы, по инициативе двинских местных властей: «А будет которые четвертные доходы по вашему сыску прибудут ис пуста в жило, и вы б и те прибылые доходы збирали на нас в правду, по нашему крестному целованью, да те прибылые доходы и которые неокладные пошлины привезли к нам на Москву на тот же срок». А далее угроза: «А не зберете тех наших наместничих и волостелиных оброчных и данных и ямских денег и всяких доходов... по окладу всех сполна и к нам... не привезете, и нам по вас послати ис прогонов и велети на вас те наши всякие доходы доправити и прогоны взяти вдвое, а самим вам от нас быти в казни; а грамоту б есте меж себя по станом и по волостям посылали не издержав ни часу». В Варзугу приказано было отправить грамоту «о таможных и оброчных и о волостелиных откупных оброчных денгах», «часа того с кем будет пригоже, не издержав ни часу». «А с кем именем отошлете, — строго приказывалось из чети, — и вы бо том к нам отписали; а не отошлете тое наши грамоте в Варзугу часа того и у себя ее задержите и варзужские крестьяне с нашими денгами для того к нам на Москву на срок, которой у них в грамоте писан, не приедут, и нам те оброчные денги и с прогоны велети взяти на вас».

[1] Внизу грамоты помета: «Привез сее грамоту государев посланник Семейка Домнин октября в 27 день».

[2] АЭ, I, № 299; РИБ, XXXII, № 277.

Белозерского монастыря.[1] Но вслед за тем у Арцыбашева появился и помощник — совсем, повидимому, новый человек среди дьяков московских центральных учреждений, так как все крупные дельцы или были с Грозным в походе, или сидели по другим приказам. Именно, 11 мая 1578 г. Каргопольским данным старостам был отправлен указ с приказанием дать Кирилло-Белозерскому монастырю рыбные ловли по р. Онеге, «повыше Корелского Белово острова», исчислить оброк и привозить его «на Москву в четверть дьяком нашим Ондрею Арцыбашеву да Олексею Исакову з данными деньгами вместе».[2] Судя по последним словам грамоты, четь Арцыбашева и Исакова не впервые уже сносилась по разным делам с каргопольскими мирскими властями и была для них постоянной инстанцией платежей, объединив к этому времени, повидимому, обе прежние «дворовые» четверти — А. Шерефединова и А. Клобукова.

Если Алексей Исаков был новичком среди приказных дьяков, то его старший товарищ Андрей Гаврилов сын Арцыбашев давно был на пути к большой служебной карьере. В 1575 г. он служил «товарищем» известного московского приказного воротилы дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова в одном из находившихся под его руководством приказов, повидимому, в «Казанском, Нижегородском и Мещерском дворце».[3] С 5 марта 1576 г. по 3 января 1577 г. он ездил вместе с кн. Зах. Ив. Сугорским в качестве «легкого

---

[1] Архив ЛОИИ, сб. № 112, отд. IV, № 76.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 26.

[3] 12 февраля 1575 г. Арцыбашев подписал вместе с А. Я. Щелкаловым жалованную грамоту на рыбные ловли астраханскому Троицкому монастырю (АИ, I, стр. 359). Возможно, впрочем, что он в это время был одним из дьяков Большого («Земского») Дворца, так как все монастыри обычно ведались в этом приказе, а подпись на грамоте Щелкалова объясняется тем, что в «Казанском Дворце» ведалась Астрахань и, следовательно, те промысловые угодья, о которых шла речь. Подобная заверка грамот в двух инстанциях встречалась в московской практике, хотя и не часто.

посла» к германскому императору Максимилиану II[1] и по возвращении занял место «второго» разрядного дьяка при другом Щелкалове — Василии Яковлевиче.[2] Последняя должность оказалась, однако, слишком скромной для его административных способностей. И когда понадобился энергичный и настойчивый человек, который смог бы в достаточной мере обеспечить денежными средствами военные потребности, заведывать обеими бывшими дворовыми четвертями, — поставили Арцыбашева. «Второй» дьяк четверти, Алексей Исаков, очень недолго прослужил в этой должности и скоро был сменен человеком, имевшим весьма характерное для опричной поры прозвание — дьяком Семеном — Собакою Васильевым,[3] в свою очередь затем уступившим место носителю не менее красочной клички — дьяку Тимофею Федорову сыну Волку.

От времени управления Андрея Арцыбашева объединенною дворовою четвертью дошло до нас сравнительно много документов. В большинстве случаев они аналогичны уже известным нам из обозрения предшествующих этапов «истории» опричных четвертей и вносят кое-какие данные и для характеристики административно-судебных функций четвертных дворовых дьяков. Так, например, 14 февраля 1581 г. и 7 апреля 1582 г. «по государеву цареву и великого князя указу дьяки Андрей Арцыбашев и Тимофей Федоров сын Волк выдавали откупные грамоты крестьянам Троице-Сергиева монастыря на

---

[1] Памятники дипломатических сношений, I, стр. 625—660.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 470—471; АМГ, I, № 21.

[3] В 1578 г., 25 декабря, дьяки А. Арцыбашев и Семен-Собака Васильев «взяли в государеву цареву и великого князя казну в Четвертной приказ с Вычеготцкие Соли с посаду по... жалованной грамоте и по книгам писма Ивана Мичюрина с товарыщи Прилутцкого монастыря с их монастырского двора за наместничь и их пошлинных людей доход и за присуд оброку и ямских и пищальных денег и за поминочные соболи и за поплужную пошлину и соколья оброку и пошлин казначеевых и дьячих и подьячих» 29 алт. 1$^1/_2$ д., также «с их же монастырских з живущих с трех варниц оброку» 1 руб. 32 алт. 4 д. («Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище, 1533—1551», вып. 6, стр. 11, Вологда, 1903).

улов в Двинском уезде, в Варзуге «десятой рыбы семги», причем откупные деньги с новою «наддачею» против прежнего оброка приказывалось платить «в государеве в дворовом в четвертном приказе до своего откупного сроку за два месяца».[1] 7 декабря 1581 г. те же дьяки отдали распоряжение двинянам о взносе в «дворовую четверть... с оброчными деньгами ежегод», откупных за дровяной и квасной промыслы в Неноксе.[2] Антониев-Сийский монастырь, особенно покровительствуемый Грозным, получил от дьяка Тимофея Федорова «оброчную» грамоту «по государеву цареву и великого князя... слову» на две монастырские пустые деревни Горки в Двинском уезде на Матигорах в Верхнем «конце»; оброк монахи обязаны были уплачивать «з данными деньгами вместе на Москве в государеву казну в дворовой четверти государевым диякам Ондрею Арцыбашеву да Тимофею Федорову».[3] В 1581—1582 г. Троице-Сергиев монастырь выхлопотал от того же Тимофея Федорова жалованную грамоту на право беспошлинной торговли и провоза соли на Холмогорах, Двине, Каргополе, Устюге, Тотьме.[4] В Тотьму же 14 июля 1582 г. была отправлена грамота, также за его подписью, Данилу Строганову, о разрешении Троицкому монастырю поставить амбар и двор

---

[1] РИБ, XXXII, №№ 292 и 294 (см. также АЭ, I, № 312, а обе грамоты — в Сб. ГКЭ, II, прил., №№ 236а и 255а).

[2] Архангельские губернские ведомости, 1851 г., № 40 (Ненокские акты из бумаг П. Ф. Кузьмищева, № 5).

[3] Архив ЛОИИ. Акты Сийского монастыря, № 340; — документ (подл.) не датирован, но, очевидно, должен быть отнесен к 1581 г., так как сохранилась подлинная расписка (от 1 января 1583 г.) дьяка С. Сумарокова, преемника Т. Федорова в качестве «второго» дьяка в чети, об уплате монастырем за дер. Горки «в «Четвертной приказ по государеве грамоте за приписью дияка Тимофея Федорова», сразу за два года (7090-й и 7091-й) оброчных денег (там же, № 514); подобная же расписка от 28 декабря 1583 г. (там же, № 524); 12 декабря 1583 г. была отправлена двинским данным старостам и грамота «с прочетом» о неправеже с Горок никаких податей, в виду уплаты их монастырем в Москве; грамота запечатана «дворовою» печатью с изображением «единорога» (там же, № 523).

[4] Сб. ГКЭ, I, № 254; П. Иванов. Описание Государственного архива, стр. 230—232.

для приезда монастырских людей с приказанием их «от обид беречи накрепко».[1]

Есть сведения, что в 1582 г. Соль Вычегодская ведалась «во всем» в «дворовой четверти», и последняя безусловно все та же объединенная дворовая четь Андрея Арцыбашева: в этом же году спор о ямском деле вычегжан с яренчанами, которые ведались в «земском» на Казенном дворе, судила в Москве боярская комиссия во главе с кн. Ф. М. Трубецким, а грамоты подписывались и посылались «товарищем» Арцыбашева, дьяком Т. Федоровым.[2] Он же подписал 7 января 1582 г. ввозную (послушную) грамоту Троице-Сергиеву монастырю на сельцо и пустоши в Балахнинском уезде, в Стрелицкой волости, пожалованные «против» Переяславской монастырской вотчины, которая была отписана к дворцовому селу Тимофеевскому.[3] А 10 февраля 1582 г. эти же дьяки (подпись на грамоте т. Федорова) удовлетворили ходатайство игумена Толгского Ярославского монастыря Феодосия о защите против насилий со стороны архимандрита Спасского монастыря, который мучил на правеже и держал в монастырской тюрьме толгских крестьян. Грамота запечатана была старою «опричною» печатью с изображением «единорога».[4] 2 марта 1583 г., за подписью сменившего Тим. Фед. Волка дьяка Семейки Сумарокова была отправлена в Устюг грамота, подтверждающая независимость крестьян устьянских волостей от жителей Тотемского уезда в податном и административном отношении.[5] Все перечисленные грамоты касаются обычных будничных дел Дворового четвертного приказа, возглавляе-

[1] АЭ, I, № 315.

[2] М. Богословский, ук. соч., стр. 11, прим. 2; И. Гурлянд. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в., стр. 302, Ярославль, 1900.

[3] Д. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 114—115. (Эта же грамота издана А. Кабановым: Материалы по истории Нижегородского края, вып. 3, № 39, стр. 59—60); ср. также: С. Шумаков. Материалы для истории Нижегородского края, вып. 1, стр. 15.

[4] АЭ, I, № 313; РИБ, XXXII, № 295.

[5] М. Богословский. Земское самоуправление, I, стр. 25, прим. 4.

мого Андр. Г. Арцыбашевым и последовательно сменявшимися его помощниками А. Исаковым (1578 г.), Семеном Вас. Собакою, Тимоф. Фед. Волком (до половины 1582 г.) и Семейкою Сумароковым.[1] Но были моменты, когда четверти приходилось осуществлять и гораздо более важные задания. Отражением этого является, надо думать, грамота от 24 августа 1581 г. на Двину и в Варзугу о спешном сборе всех податей и присылке их «на Москву в четверть к дьякам... к Ондрею Арцыбашеву да к Тимофею Федорову». Грамота была писана в Старице, где тогда жил Грозный. Крайне любопытно, что она представляет собою буквальное повторение грамоты, вышедшей еще из четверти Шерефединова 8 октября 1577 г. и подробно нами цитированной.[2] Но последняя явно была вызвана необходимостью быстрой мобилизации средств для предпринимаемого грандиозного, увенчавшегося большими успехами, похода.

Грамота же 1581 г. — результат уже крупных неудач в Ливонской войне, когда были сданы Полоцк, Великие Луки, Озерище, ряд замков в Ливонии, был осажден Псков, а Нарва находилась накануне падения. Очевидно, проживая при царе в Старице, дьяки имели при себе и какую-то часть своего архива, откуда достали «отпуск» (черновую) наиболее «грозной» грамоты, приказали «справить» ее заново подьячему и отправили — на этот раз значительно более во-время — за два месяца до обусловленного срока уплаты требуемых податей. Делались исключительные попытки выжать из опустевшей и истощенной страны все возможные средства для продолжения войны и поправления так несчастливо сложившихся на фронте обстоятельств.[3]

---

[1] Подьячим в чети в 1582 г. отмечается Офонька Варламов.

[2] См. ниже, ч. III, «Документы», № 24. — Грамота от 24 августа 1581 г. сохранилась в отрывке (нет начала), подписана Т. Федоровым, а «правил подьячий Офонка Варламов».

[3] РИБ, XXV, № CXXI; также: CXXVIII, 1578 г. ноябрь; CXXIX, 1579 г. апрель; CXXXIV и CXXXV, 1584 г.; CXXXIX, 1582 г., CXLVIII—CLII, CLVII, CLIX, 1583 г.

Если четвертные «дворовые» дьяки сопровождали Грозного в его «удельных», «дворовых», резиденциях, причем возили с собою и часть своих коробей с документами, то, очевидно, у них там были свои приказные «избушки», как и у дьяков других приказов (например Посольского). Но основное помещение приказа находилось в Москве. Внешнее положение «дворовой четверти» в это время очень хорошо определяет следующее место в «отписи» одного земского судьи Вознесенского стана Двинской земли, данной им в 1582 г.: «И заплатити мне те оброчные деньги на Москве в государеву цареву великого князя казну в дворовой стороне в Четвертном приказе государевым дьяком Андрею Арцыбашеву да Семену Сумарокову».[1] Здесь характерно упоминание не просто «дворового четвертного приказа» или «дворовой чети», а именно «в дворовой стороне» находящегося строения — следовательно, расположенного не в ряду московских приказов в Кремле пртив царского дворца, а где-то в прежнем опричном, теперь «дворовом»», царском «жеребьи», поблизости от сгоревшего в набег крымцев 1571 г. удельного — «опричного» дворца Ивана Грозного.

Дьячество Андрея Арцыбашева во вновь объединенном с 1577 г. Дворовом четвертном приказе совпало с крупнейшими неудачами в области внешней московской политики (срыв наступления в Прибалтике) и с жесточайшим внутренним хозяйственно-экономическим кризисом. В таких условиях сделана была одна очень любопытная попытка концентрации финансового аппарата и средств: Андрею Арцыбашеву «с товарищи» было передано заведывание важнейшим общеземским финансовым приказом, «Большим Приходом», превратившимся в «Дворовый Большой Приход». В сущности повторялось то же, что было предпринято Грозным еще в первые моменты учреждения опричнины: тогда, за свой «подъем», он «приговорил» с «земщины» в счет своей удельной опричной казны перевод 100 тыс. руб.; теперь в опричное

---

[1] РИБ, XXV, № CXLIV.

ведомство перешли определенные, окладные, посошные доходы, собираемые особым учреждением.

Приказ Большого Прихода, выделившийся в 1553—1554 гг. из ведомства государевых казначеев, собирал ряд очень важных прямых и косвенных налогов, введенных в первой половине XVI в. деньги «ямские» и «приметные», за «городовое», «засечное» и «ямчужное дело» (селитряное), также «пищальные», «таможенные», «полоняночные» и ряд мелких оброков и податей; туда поступали иногда оброчные деньги с запустевших поместий, если последние отдавались на оброк, приказ вообще контролировал состояние захудавших поместных земель. Большой Приход часто выдавал и тарханные и другие льготные грамоты привилегированным землевладельцам. Но его функции как учреждения общегосударственного, а не областного характера, в ряде случаев нарушались деятельностью других приказов; в особенности это относится к опричным и «дворовым» местностям, где «чети» в большинстве случаев, как мы имели возможность наблюдать, забирали и такие доходы, которые по правилу должны были бы поступать в Большой Приход. В 1570-х годах старшим, «первым» дьяком Большого Прихода был Степан Лихачев. С его подписью грамоты встречаются еще в июне 1579 г.,[1] но в ноябре этого года Степан Лихачев уже сидел дьяком в земской Ямской избе,[2] а его приказ был соединен с Дворовою

[1] См. подпись на жалованной грамоте Валамскому монастырю от 1578 г., июня 18 (АЭ, I, № 300; также РИБ, XXXII, № 279); ср. АИ, I, № 200; Н. Лихачев. Разрядные дьяки, указатель, стр. 46 — указание на грамоту от 26 июня 7087 (1579) г.

[2] И. Вахромеев. Исторические акты I, № XLIX. — Степан Лихачев подписал грамоту о ямских охотниках при постройке яма; аналогичные грамоты подписывались ямскими дьяками; например 24 февраля 1579 г. — дьяком Вас. Колударовым (там же, № XLVII). Вас. Колударов был в Ямской избе в 1579 г. («Др. Росс. Вивл.», XIV, стр. 349—350). — 12 декабря 1579 г. подобную грамоту выдали дьяки «Дворового» ямского приказа Стах. Иванов и Меньшой Башев (там же, № 1). В 1581 г. Степ. Лихачев был дьяком в Смоленске (Пам. диплом. снош., X, стр. 40; Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевина, стр. 10).

четвертью под руководством дьяка Андрея Арцыбашева. Так образовался Дворовый Большой Приход.

Известны всего четыре документа, упоминающие об этом учреждении, и все они показывают, что Дворовый Большой Приход ничем не отличался в своей деятельности от Большого Прихода 1550—1578 гг. Так, во-первых, 15 января 1581 г. в старую опричную — «дворовую» область Ростов, по челобитью вдовы царевича Михаила Кайбуловича «старицы Огафьи», был отправлен приказ Ив. Мошкову, чтобы он произвел «обыск» ее вотчины, «запустевшей от лихово поветрея и от хлебново недороду и от насилства и от наших податей», и «обыскной список и за печатью прислал к нам на Москву в наш Дворовый Большой Приход к диякам нашим к Ондрею Арцыбашеву да к Тимофею Федорову».[1] Во-вторых, 4 марта 1583 г. была отправлена грамота также в «дворовую» землю — Двину, воеводам П. А. Нащокину и Залешанину Ник. Волохову о постройке г. Архангельска. Воеводам приказано было строить город по одобренным царем «росписи и чертежу» и урегулировать дела с вотчинными землями Архангельского монастыря, которые отойдут «под город и к городу и под посады и для животинново выпуску и для всяких городовых нуж», отделив монастырю соответственное количество земли и угодий. «И что им против того отделите, и что с тое земли, что им против того отделите, — приказывалось воеводам, — в год шло наших всяких доходов каких порознь, и вы б то все велели написати в книги подлинно порознь, да те книги за поповыми и за дьяконовыми и за земских судей и за старостиными и за целовальниковыми и за лутчих людей руками прислали к нам на Москву в наш дворовой Большой Приход к дьяком нашим, к Ондрею Арцыбашеву да к Семейке к Сумарокову... А о наряде о городовом и о железе указ вам учиним часа того».[2] Если к этому при-

[1] ДАИ I, № 225. — Подписал дьяк Тимофей Федоров. По описанию — печать у грамоты «дворцового приказа», т. е., вероятно, с изображением «единорога».

[2] АЭ, I, № 318 (РИБ, XXXII, № 306).

бавить грамоту от 30 декабря 1582 г. в Ярославль с распоряжением по поводу перевоза, принадлежащего Спасскому монастырю,[1] и грамоту «с почетом» в Дмитров от 10 ноября 1583 г. о пустошах Троицкого монастыря, то этим, кажется, и ограничатся наши сведения о «Дворовом Большом Приходе».[2]

Что Дворовый Большой Приход был именно старым «общеземским» Большим Приходом, действительно перешедшим в ведение «государева двора» и дьяков Дворового Четвертного приказа, а не каким-либо новым «дворовым» учреждением, указывает и тот факт, что другие приказы получали из него «памяти» и ссылались на них при своих распоряжениях так, как будто никакого иного Большого Прихода и не существовало. Так, например, в 1582 г. из Пушечного приказа было предписано Кирилло-Белозерскому игумену Игнатию с братьею сварить «всею вотчиною» «емчуги добрые» и прислать ее в Пушечный приказ. Указ был дан после справки в Большом Приходе, сколько селитры обязан давать монастырь:[3] «А по памятем за приписми дияком наших Болшого Приходу написано: Кирилова монастыря вотчины на Белеозере, в Бежетцком Верху, на Углече, на Костроме, в Ростове, в Дмитрове, в Пошехонье, в Клине — всего семнадцать сох с полусохою и подполполчети сохи. А по нашему указу белено.... тою Кириловскою вотчиною варити емчюги тритцать пять пуд, на соху по два пуда». Игумен бил челом, что пропущена вотчина монастыря в Вологодском уезде и в Пушечный приказ вытребовали дополнительные сведения: «А по памяти за приписью диака нашего Семейки Сумарокова

---

[1] И. Вахромеев. Исторические акты, I, № LV. — Аналогичную грамоту послал 1565 г. костромским городовым приказчикам дьяк Большого Прихода Иван Булгаков по поводу перевоза через Волгу, принадлежащего Ипатьевскому монастырю (АИ, I, № 176).

[2] С. Шумаков. Обзор ГКЭ, вып. 3, стр. 88.

[3] В Пушечном приказе, таким образом, было сосредоточено управление самым производством селитры, но при замене непосредственной поставки ее денежным налогом последний, как мы знаем, уплачивался в Большом Приходе с самого момента его учреждения.

91-го году, октября в 29 день, написано: На Вологде Кирилова монастыря вотчины девятнадцать сох бес трети и полполтрети сохи». Сообразно с последней памятью и было высчитано количество причитавшейся с монастыря селитры.[1] Не может быть никаких сомнений, что в этом случае мы встречаемся именно с тем Большим Приходом, который нам известен под названием «дворовый», хотя в грамоте он так не назван: дьяк Семейка Сумароков был «товарищем» Андрея Арцыбашева начиная со второй половины 1582 г.

Интересен и перечень городов, податные сведения о которых сосредоточивались в этом Большом Приходе: наряду с «земскими» (Бежецкий Верх, Кострома,[2] Углич, Белоозеро[3]) сведения даются и о «дворовых» (Ростов, Дмитров, Пошехонье). Учреждение, пославшее в Пушечный приказ сметы о количестве причитавшейся с монастырских вотчин селитры, одинаково вело учет податным обязанностям землевладельцев как на «земских» землях, так и на «дворовых». Самый эпитет «дворовый» прилагался к нему лишь в тех случаях, когда грамота направлялась в «дворовые» земли или касалась лиц, ведавшихся в «государеве дворе». Но, конечно, совершенно невозможно определить, где именно была написана та или иная грамота — в «дворовой» ли чети, помещавшейся в «дворовой стороне» Москвы, или в старом здании приказа Большого Прихода, внутри кремлевских стен: при едином дьячьем штате такое смешение было неминуемо для московских приказных людей XVI в.

Андрей Арцыбашев и Семейка Сумароков просидели в обоих приказах некоторое время спустя после смерти Грозного. Как дьяк Большого Прихода, Андрей Арцыбашев летом 1584 г. подписал подтверждения очень большого количества

---

[1] АЭ, I, № 317 (РИБ, XXXII, № 300).

[2] Кострома была взята в опричнину в 1567 г., но с начала 1570-х годов опять вернулась в «земское».

[3] Белоозеро, опричное еще с 1560-х годов, в начале 1570-х годов частично вернулось в «земское», им в это время ведала четь Вас. Як. Щелкалова.

жалованных грамот монастырям. Грамоты с его подписью встречаются еще в начале января 1585 г.[1] Но из четверти он и Сумароков ушли несколько ранее.[2] Объединение обоих приказов прекратилось. Большой Приход стал попрежнему самостоятельным учреждением, а «Дворовая четверть», как территориальный приказ, была перекроена наряду с другими, «земскими», четвертями. Основная масса северных областей Поморья ушла в четверть дьяка Андрея Яковл. Щелкалова, а Соль-Вычегодская, например, и Устюг с 1584 г. начала ведаться в четверти дьяка Дружины Пантел. Петелина. Уже в декабре 1584 г. сотник Андреяновского стана в Двинской земле обязался отвезти в Москву вместе с податями и деньги «в челобитье государева дияка Ондрея Щелкалова», а в январе 1585 г. другой двинский земский сборщик должен был везти собранные подати «к Москве и заплатити на Москве в государеву казну в четвертном приказе в Двинском государеству дьяку Андрею Яковлевичу Щелкалову».[3]

По старой памяти сборщики продолжали называть «Двинскою» четь А. Щелкалова еще в 1587 г.[4] Впоследствии привычный термин стирается в «отписях» земских властей, и в 1592 г. в них уже просто значится «четверть государева дьяка Андрея Щелкалова».[5] Но история формирования новых

---

[1] И. Вахромеев. Исторические акты, I, №№ LVI, XXIII. — Грамоты с подписями Арцыбашева за это время см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 474, прим. 3 к стр. 473.

[2] Последнее указание на эту четверть имеем при жизни Грозного от 1 февраля 1584 г. (следовательно, до ликвидации его двора). Именно из нее была послана грамота земским судьям Чухнечемской, Ухтостровской, Ровдогорской и Великокурской волостей Двинского у. об урегулировании взносов податей с земель «обнищавшего» «убогого монастырька» в Чухнечемской волости; в случае невозможности решить дело на месте приказано было, чтобы судьи «суда своего и сыску список и обоих исцов и по них записи поручные прислали к нам к Москве в четверть к диаком нашим» (Сб. ГКЭ, I, № 276; АИ, I, № 211).

[3] РИБ, XXV, №№ CLXVI и CLXX.

[4] Там же, № CLXXXVI.

[5] Там же, № CCXIV.

четвертей из территориальных комплексов бывшей «Дворовой чети» А. Арцыбашева и С. Сумарокова и «четей земских» — уже иная тема. Теперь же необходимо перейти к обзору истории «четей в земщине».

---

10. Чети в земщине

Уцелевшие до сих пор документальные сведения о «земских» четвертях настолько скудны и отрывочны, что процесс их развития невозможно представить даже в тех самых общих чертах, как это было сделано относительно «четей» в опричнине. Как уже отмечалось выше, учреждение «государева удела» в 1565 г. застало четверти еще на первом этапе их истории, когда они только-что формировались из отдельных ведомств «кормлено-четвертных» дьяков. Единственная вполне сложившаяся к тому времени «четвертная изба» была включена со своей территорией в опричнину. «Земские» области были расположены главным образом по окраинам государства, где действовали другие приказы, также имевшие территориальный характер (различного рода «дворцы» — Рязанский, Тверской, Казанский и Мещерский). Недаром Штаден,[1] отметив в своих записках ряд «дворцов», не упомянул ни об одной «четверти». Известия о четях в «земщине» приурочиваются в документах уже к следующему десятилетию — к 70-м годам XVI в.; но и в начале раздела Московского государства на две части все же можно указать по крайней мере на одно лицо из дьячего мира, которое безусловно выполняло обязанности земского «четвертного» дьяка, хотя прямо в актах так и не называется. Это был очень видный московский дьяк Посольского приказа Андрей Васильев.[2]

---

[1] Г. Штаден, ук. соч., стр. 79—82.

[2] Об основной служебной карьере и деятельности дьяка А. Васильева см.: Н. Лихачев. Разрядные дьяки, указатель; он же, Библиотека и архив московских государей, стр. 102—109.

С именем Андрея Васильева (в его «четвертной функции») связано несколько документов. Известна грамота с его подписью от 14 февраля 1567 г. в Соль Галицкую И. И. Лугвицыну-Мичурину о правильном взимании таможенных пошлин с крестьян сел Симонова монастыря Дятлова и Демьянова, которые были отписаны от «земского» еще Костромского уезда к опричному Галицкому.[1] Здесь может возникнуть недоумение по поводу того «города» куда был направлен указ: по летописи в опричнину был забран «Галич со всеми пригородки», следовательно, как будто бы в опричнине должна была ведаться и Галицкая Соль. Однако летописные указания слишком обобщают то, что на самом деле происходило при переходе той или иной территории из общего комплекса «всех государств Московского царствия» в особный государев удел: в «поиманых» на содержание последнего уездах далеко не все земли попадали в опричное ведомство, но очень часто существовала сильнейшая чересполосица, от которой страдало население и которая запутывала донельзя правовые и бытовые отношения. То же было и в Галицком уезде: какие-то местности в нем — надо думать, что вся Солигалицкая «волость» — еще находились в земском; да и сам челобитчик, Симонов монастырь, только в 1569 г. «со всею вотчиною» был «пожалован», принят в опричнину, а до той поры испытывал крайнее неудобство от двойного подчинения — опричным и земским властям.[2]

Другая грамота была отправлена Андреем Васильевым в следующем, 1568 г., 24 мая, также «к Галицкой Соли Ване Петрову сыну Мичюрина» по челобитью того же Симонова

---

[1] Ист. Арх., стр. 202, № 11.

[2] В летописи (ПСРЛ, XIII, ч. 2, стр. 304) при перечислении взятых в опричнину в 1565 г. местностей сказано: «Город Галич со всеми пригородки, с Чюхломою, и с Унжею, и с Коряковым, и з Белогородьем». Соль Галицкая в этом перечне не упомянута. О симоновских селах Дятлове и Демьянове, их спорах с Галицкими попами и о переходе Симонова монастыря в опричнину только в 1569 г. см. очерк «Опричнина и церковь, Опричные государевы богомольцы».

монастыря. Дело шло опять о спорах с «опришными людьми». Монастырь имел «у Соли Галицкой» старинное сельцо Борисовское в деревнями, расположенными по реке Вексе, на которой среди своих деревень и на своей земле симоновские монахи поставили «для монастырьские усолские службы» мельницу. Однако эти права их оспаривались чухломскими крестьянами, принадлежавшими к опричному ведомству и исхлопотавшими грамоту к Ив. Ив. Лугвицыну, «а велено... ему та их монастырьская мелница, что на реке на Вексе по... прежней грамоте сыскати да сыскав очистити». «И нынече... Иван Лугвицын тое монастырьскую мелницу велит сметати», — прибавляли челобитчики — симоновцы. Вопрос был очень щекотливый: затрагивались интересы опричнины, а с другой стороны, и Симонов монастырь был один из влиятельных и близких к Грозному московских духовных феодалов. Поэтому Андрей Васильев поступил осторожно: он решил проверить вновь все дело и приказал Ване Мичурину: «И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал, на чьей земле та монастырьская мелница стала и сколь давно и почему ту мелницу ныне Иван Лугвицы хочет сметати и которые наши земли х той мелнице пришли и поруху каких нашим селам или деревням и угодьям от той мелницы нет ли: о том бы еси о всем сыскал подлинно да нам отписал, а мелницы до нашего указу метати не велел».[1]

Кроме Соли Галицкой Андрей Васильев ведал в качестве «четвертного-кормленого» дьяка и другими местностями. 26 октября 1568 г. он выдал, например, грамоту на кормление в г. Ряжском;[2] а по рассказам Штадена ему же в 1560-х годах были подчинены и некоторые местности в Вотской пятине: «Андрей Васильевич сидел в Посольском приказе. Здесь ведались все немецкие и татарские дела и сюда же поступали сборы с Корельской земли».[3] Действительно, сохранились ука-

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 16.

[2] А. Юшков. Акты, № 194.

[3] Г. Штаден, ук. соч., стр. 82.

зания, что в Корельской половине Вотской пятины, в Островской переваре Никольского Сердовольского погоста, «лета 7077 (1568—1569) г. по государеве грамоте речка Яналукса да два лука пустых Левоновские отданы на оброк кудесникам Сенке Окулову да Савке Лаврову сыну Окулову, ямских и и приметных денег имати не велено, платят на Москве дияку Ондрею Васильеву за всякие государевы подати оброку полторы рубли в год».[1]

Вот, кажется, все указания на «кормлено-четвертные» обязанности дьяка Андрея Васильева. В 1570 г. он был обвинен в «Новгородском изменном деле», и, по всей вероятности, погиб во время казней по этому процессу, хотя такие современники, как Шлихтинг или Штаден, безусловно знавшие его лично, не упоминают его имени в числе казненных.[2]

С начала 1570-х годов преемником Андрея Васильева, очень возможно, стал дьяк Василий Яковлевич Щелкалов, сверх других своих многочисленных обязанностей уже заведывавший особою «избою» — «четвертью». Первое свидетельство об этом мы находим в грамоте за приписью дьяка Захарья Олтуфьева от 6 декабря 1573 г., которую получили ярославские городовые приказчики, посадские старосты и мелкие земские власти, с запрещением втягивать слободку «на мозжеельнике», принадлежащую Спасскому ярославскому монастырю, в различные мирские протори и розметы; указ был дан по жалобе спасского игумена Феодосия, который «положил» в чети перед дьяком Вас. Щелкаловым старую монастырскую тарханную грамоту на слободку.[3] Как и в вышеописанном случае с Солью Галицкой в 1567 г. возни-

---

[1] Д. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 376. — В 1557—1558 гг. Яналуксой и луками владел (из оброка же) Ондрейко Марков, который платил оброчные деньги в Москве дьяку Путилу Михайлову, а обежную дань, ямские и приметные деньги — в Новгороде (см. очерк «Кормленые дьяки»). Любопытно указание на «профессию» оброчников Окуловых — «кудесники».

[2] Н. М. Карамзин, ук. соч., IX, прим. 299.

[3] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № XLII.

кает недоуменный вопрос: почему во взятый в опричнину еще в первые годы Ярославль посылают грамоты из чети безусловно «земского» дьяка? Ответом на это может служить, во-первых, то же указание на опричную «чересполосицу»; во-вторых, надо помнить, что известие о чети Василия Щелкалова относится к тому периоду, когда произошла уже «отставка» прежней опричнины и ряд земель был возвращен их прежним владельцам, причем даже некоторые целые уезды вернулись в «земское»;[1] наконец, в-третьих, сам челобитчик, Спасский монастырь, ведался в «земском»[2] и лишь в июне 1581 г., после просьбы о ведении в одном Дворцовом приказе «во всем», «а не в разных приказах», получил разрешение ведаться впредь в государеве уделе — во «Дворовом дворце».[3] Таким образом, в 1573 г. игумен Феодосий вполне мог, не нарушая принципа разделения опричного и земского управлений, «положить» свою жалованную грамоту на слободку в земской четверти Василия Яковлевича Щелкалова.

Точно также, на тех же основаниях, четь Василия Щелкалова распоряжалась на Белоозере в 1578 г., где опричные порядки стали действовать с 1569 по 1570 г., но не захватили территории всего уезда, не коснувшись как вотчины Кириллова монастыря, так и части вотчинных, поместных и черных земель и самого Белозерского посада.[4]

---

[1] Об «отставке» опричнины и «редукции» земель в 1572—1573 гг. см. очерк «Из истории опричной территории»; Л. Сухотин. К истории опричнины XVI в. (специально о Ярославле — стр. 56—59).

[2] См., напр., грамоту 30 ноября 1576 г. из Большого Дворца (земского) от дворецкого кн. Ф. И. Хворостинина и дьяка Гавр. Михеева (А. А. Федотов-Чеховской, I, № 81, стр. 222).

[3] И. А. Вахромеев. Исторические акты, I, № LII.

[4] 16 июля 1578 г. была отправлена за приписью по сставам дьяка Сапуна Аврамова, грамота на Белоозеро Федору Пантелееву с приказанием произвести обыск о спорном «погостце Чалексе», который, по мнению Кирилло-Белозерского монастыря, должен был принадлежать к его вновь пожалованной вотчине с. Мегре. Из Москвы приказано было произвести обыск и «тот бы еси обыск и переписи все и книги за обыскных людей руками и за свою приписью и за печатью прислать

Относительно других местностей, ведавшихся в четверти Василия Щелкалова (до смерти Грозного), можно сказать очень немного. Так, за его подписью мы знаем грамоту, отправленную в 1578 г. в Кашин Федору Корсакову с указанием, что старцы Кирилло-Белозерского монастыря «положили» перед Щелкаловым свои старые тарханные грамоты и что по ним обелен двор, купленный монастырем в Кашине на черной посадской земле.[1] В 1578—1579 гг. четь Вас. Щелкалова собирала доходы с Каширы.[2] Наконец, в 1578—1580 гг. известны грамоты «с прочетом» в Соль Галицкую. В первой из них, подписанной Вас. Щелкаловым 30 марта 1578 г., приказано было не брать с запустевших варниц Симонова монастыря, по его жалованной грамоте, «с пуда и с помытки тамги», хотя бы эти варницы и были отданы монастырем на оброк солигалицким посадским людям, которые собираются, арендовав у симоноцев три пустых варницы, «поставить варницу на монастырской земле, а засол к той варнице хотят привести с нашей земли».[3] Грамота обращена была к Ивану Мичурину (вероятно «Ване Петрову сыну Мичюрину» грамоты 1567 г.), бывшему, очевидно, приказным человеком у Соли-Галицкой и обязанному следить, чтобы не нарушались интересы царских дворцовых сел, с территории которых арендаторы хотели собирать рассол на свою будущую варницу.

к нам к Москве велел, отдати в четверть дьяка нашего Василия Щелкалова часа того, не дожидаяся по себя пристава ис прогонов» (см. ниже, ч. III, «Документы», № 27). В том же 1578 г. Вас. Щелкалов давал справки о доходах с жалуемой Кириллову монастырю в Белозерском у. вотчины, основываясь на книгах Дм. Ростопчина, а дьяк Большого Прихода Степ. Лихачев выдал подобные же справки относительно своих доходов (с «платежниц»); значит, книги Ростопчина находились в четверти Вас. Щелкалова (ГПБ, Собр. рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, л. 319). О «поимании» в опричнину Белоозера и белозерских вотчинников — см. очерк «Из истории опричнины XVI в.», и Ист. Арх., стр. 143—144 и №№ 74—75; так же АИ, I, № 217.

[1] ГПБ, Собр. рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 478 об. — 479.

[2] ПКМГ, II, стр. 305.

[3] См. ниже, ч. III, «Документы», № 25.

Вторая грамота, от 26 мая 1580 г., также направлена была к Ив. Мичурину по поводу челобитья Троице-Сергиева монастыря, который просил дать ему на оброк две мельницы на р. Костроме, этими мельницами владел некий Яков Толстоухов. Монастырские старцы получали обе мельницы с обязательством «старого оброку и с новою наддачею платить в нашу казну, в четверть дьяку нашему Василью Щелкалову по три рубли по двадцати по три алтына по две денги ежегод безпереводно», «порученая запись» в оброке с монастыря также должна быть взята «на Москве» — видимо в той же чети.[1]

Этими сведениями исчерпываются известные нам данные о «земской» чети Василия Щелкалова за интересующий нас период.

Одновременно с нею действовали в «земщине» и другие четверти: четь дьяка Игнатия Зубова и четь, находившаяся в управлении дьяков Приказа Казанского дворца.

Первая известна только из одной грамоты, отправленной из Москвы в Углич в январе (без числа) 1580 г. князю Дмитрию Шелешпанскому, повидимому, писавшему или дозиравшему Углицкий уезд. Кирилло-Белозерский монастырь обратился с просьбою об обмене в Угличе монастырского соляного амбара на пустое дворовое место, которым никто не владеет и с которого никто не платит в казну никаких податей. Кн. Шелешпанский получил приказание произвести розыск об этом месте и исполнил поручение. Тогда из Москвы за приписью по сставам дьяка Истомы Евского .был послан приказ: «И ты

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 29. — Обе грамоты имеют в клаузуле «прочета» любопытную формулировку: вместо обычного «вперед для иных приказных людей» употреблено выражение «для прежних приказных людей». Не скрыто ли здесь указание на возвращение «в земское» и вообще всех галицких «пригородков» (из них Соль Галицкая, повидимому, оставалась все время в «земщине»)? Тогда формула становится понятной: оспаривания прав монастырей следовало ожидать именно со стороны «прежних» опричных властей, обязанных как-то отчитаться за время своего управления, перед новой «земской» властью.

б то пустое место отдал Кирилова монастыря игумену Козме с братьею и в книги бы еси за Кириловым монастырем то место написал, а то бы еси их старое место отписал на меня царя и великого князя; а станет хто о том месте бить челом и прошати то их старое место на оброк и что станет давати с того места оброку, и ты б о том о всем отписал к нам на Москву в четверть дьяку нашему Игнатью Зубову».[1]

Показание это очень интересно. Несомненно, мы имеем здесь дело с особой четью, в которой начальником, «первым» дьяком, сидел дьяк Игнатий Филиппов сын Зубов,[2] а «вторым» его «товарищем» — «приписавший» грамоту по сставам дьяк Истома Дмитриев сын Евский.[3] С другой стороны, по содер-

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 28. — Вслед за грамотой в копийной книге имеется запись о выполнении указа, ясно определяющая положение в Угличе кн. Дм. Шелешпанского именно как писца, а не как какого-либо «приказного» человека.

[2] Об отчестве дьяка см.: П. Долгорукий. Российская родословная книга, ч. 3, стр. 133.

[3] Дьяк Истома Евский не раз, повидимому, сам участвовал в составлении писцовых книг. Так, напр., он, в качестве «молодого» подьячего «Истомки Евского», писал и выдавал оброчные с книг каргопольского писца Никиты Григ. Яхонтова, находясь при последнем во время производства описания. [«Оброчная грамота» от 11 сентября 1560 г. Гр. Ник. Сидорову на рыбную ловлю на берегу Белого моря, выданная Н. Гр. Яхонтовым, за его печатью (см. ниже, ч. III, «Документы», № 12); он же подписал подлинную «сотную о каргопольских книг писма Никиты Григорьевича Яхонтова с товарыщи лета 7070» (ЦГАДА, Городовые книги по Каргополю, № 1, лл. 104—134); сотная за печатью Яхонтова и за подписью в конце подьячего Молчана Григорьева, а по сставам «к сей сотной Истома Дмитриев сын Евского руку свою приложил»]. По окончании этого «письма» Евский стал, подьячим в «Каргопольской» чети, продолжая служить там и по переводе ее в опричнину (в 1565—1566 гг.), при дьяке Ф. Рылове (на упомянутой выше «платежнице» с книг Я. Сабурова и Ив. Кутузова была «зправка подьячего Истомы Дмитриева Евского»). В 1568 г. он выполнял такие же обязанности «четвертного» подьячего, но уже в «земщине», под началом дьяка Андрея Васильева. Наконец, в 1577—1578 гг. Ист. Евский, уже в качестве дьяка, «верстал» вместе с окольничим Б. В. Шеиным детей боярских серпейцев и мещовцев (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, прил., стр. 54). Таким образом, всей своей предыдущей деятельностью Ист. Евский очень под-

жанию своему грамота такова, что могла быть послана не из чети, а из другого приказа, например из Поместного, также ведавшего и отдавшего на оброк запустевшие земельные владения — тем более, что направлена она была писцу. И вот оказывается, что дьяк Игнатий Зубов в эти годы как раз заведывал Поместной избой, сменив в самом конце 1578 или в начале 1579 гг. прежних дьяков этого приказа — Андрея Мясного и Богдана Ксенофонтова, а «товарищем» его в это время был дьяк Яков Андреев сын Витовтов.[1]

Последний еще до своего назначения в Поместный приказ выдавал грамоты, которые по содержанию могли выходить также и из какой-либо «четверти» или от какого-нибудь «кормлено-четвертного» дьяка, подобно тому, как делал это, например, посольский дьяк Андрей Васильев.[2] Из сопоставления этих известий напрашивается само собою предположение: дьяк Яков Витовтов — видимо «кормлено-четвертной дьяк, — сделавшись «вторым» приказным лицом в Поместной избе, сохранил свои прежние обязанности, совместив их с новыми. Образовалась особая «четверть», но уже связанная не с лицом, а с учреждением. Ею и стал заведывать старший «това-

---

ходил к занятию места в четверти, и именно связанной с Поместным приказом.

[1] Сохранилась «память» из Разряда в Поместный приказ дьякам А. Мясному и Богд. Ксенофонтову от 30 сентября 1578 г. («Чтения», 1886, кн. 1, «смесь», стр. 5—6; ср.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 471). — С другой стороны, в каширских писцовых книгах читаем: «В Каширском же уезде во всех пяти станах царя и великого князя порозжие земли, а прежде того были за помещики, а ныне лежат пусты, не владеет им нихто, а по памяти поместных дьяков Игнатия Зубова да Якова Витофтова за его Яковлевою приписью лета 7087 февраля в 25 ден написано: приговорили бояре... те порозжие земли раздати коширянам, безпоместным новикам» (ПКМГ I, отд. II, стр. 1525). В конце декабря 1578 г. Андрей Мясной уже покинул дьячество в Поместном приказе и исполнял обязанности «разрядного» дьяка (Н. П. Лихачев, ук. соч., стр. 487; — об отчестве дьяка Витовтова см. там же, стр. 189).

[2] Так, напр., он подписал 5 июня 1578 г. жалованную несудимую грамоту Коневскому монастырю на волость Горбайлу в Ореховском у. Вотской пятины (ДАИ I, № 122).

рищ» Витовтова по Поместной избе, Игнатий Зубов, и преемник Витовтова в качестве «второго» Истома Дмитриев сын Евский, сам когда-то прошедший школу писцового дела и прослуживший некоторое время подьячим у «четвертных дьяков» сначала в опричной чети у Дружины Володимерова и Фед. Рылова, а затем под началом Андрея Васильева в «земском».

Эта «четь», соединенная с Поместным приказом одним и тем же составом дьяческого персонала, не оторвалась от приказа и тогда, когда Игнатий Зубов ушел от него,[1] а перешла в ведение нового начальника (с 1584 г.) Поместной избы, дьяка Елизара Вылузгина, что отмечено не только в документах русского происхождения, но и записано сторонним наблюдателем московской жизни — англичанином Флетчером.

Вполне естественно, однако, что в случаях, подобных описанному в грамоте от января 1580 г., происходило «смешение ведомств», так как дело касалось таких объектов, которые одновременно подлежали ведению и Поместной избы (закрепление за вотчинником — монастырем его новых владений путем указа о записи этих владений в писцовые книги при самом производстве «письма») и «чети» (производство «сыска» является ли данное дворовое место «белым» или тяглым, и в последнем случае — установление размеров оброка за него или «обеление»). «Нормальные» отношения в аналогичных случаях между Поместной избой и соответственной «четвертью», можно наблюдать по упомянутой грамоте из чети Вас. Щелкалова, от 16 июля 1578 г. Тогда монастырь обратился с просьбой о пожаловании ему «против» вологодской монастырской вотчины села Мегры, Белозерского уезда, в Поместный приказ к дьяку Андрею Мясному, а тот отправил уже от себя «память» в четь Вас. Щелкалова, ведавшую управою и доходами по Белоозеру, с просьбой произвести подробное

---

[1] В декабре 1584 г. Игнатий Зубов не был уже начальником Поместной избы — в это время он «писал» вместе с подьячим Бессоном Иохировым Арзамасский у. (С. А. Шумаков. Сотницы, отд. II, №№ XI—II, XIX).

расследование существа челобитья, так как в Поместной избе не находили в писцовых книгах необходимых данных и потому, очевидно, затруднились произвести желательный монастырю обмен владений.[1]

Если можно предположить, что в известии о «чети» Игнатия Зубова 1580 г. мы встречаемся с приказом в начальный период его образования, — с приказом, в дальнейшем уже связанным с Поместною избою, то ничего определенного нельзя сказать о территории этой чети. Даже неоспоримое на первый взгляд указание на подведомственный ей Углич вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что Углич — один из тех городов, который московские великие князья особенно охотно отдавали в «удел» своей меньшой братии;[2] последний раз Углич был центром особого «княжения» уже при царе Федоре — уделом его младшего брата, царевича Дмитрия (в 1584—1591 гг.). За время нахождения в «уделе» город с уездом не подлежал ведению московских центральных

---

[1] Вот как было изложено в «памяти» дьяка Андрея Мясного все дело: «...Бил нам челом Успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумен Козма з братьею — в нынешнем 86-м году пожаловали есмя их против вологоцкие вотчины в отмен селом Мегрою, что было за Иваном Выротковым, в придачю, и то село Мегра от детей боярских и от белоозерцов и от вотчинников — от Григорья от Гневашева з братьею — землю и лес и покосы изобижено, и ставили-де на Мегорской земле деревни и починки; и как-де писали Белоозеро писцы Юрье Морозов с товарищи, и по челобитью мегорских крестьян сыскали по обыску землю и угодья, от их вотчины отписали на нас; и после-де того те дети боярские тою землею завладели, да к тому же-де селу к Мегре погостец деревня Чалекса истари-де тянула судом и всякими доходы с селом с Мегрою, и как-де они били челом о селе о Мегре — и тут-де деревню погостец Чалексу в челобитной прописали неведы, и нам бы их пожаловати, велети про ту землю и про деревню погостец Чалексу сыскати». Повидимому, в книгах Ю. Морозова были недостаточные сведения о положении всей вотчины, а Чалекса и вовсе не была записана, отчего и потребовался новый «обыск», чтобы произвести мену. Иван Выродков был казнен Ив. Грозным; его имя и его род занесены в списки «опальных» в известных синодиках.

[2] В XVI в. Угличем по духовной Ивана III владел его сын Дмитрий Иванович (СГГД, № 144).

учреждений — хотя бы формально. И в «междукняжье» в Москве существовал особый «углицкий дворецкий», который, правда, потом вместе со своим приказом — «Углицким дворцом» был объединен с Большим дворцом (земским); в XVII в. г. Углич (посад) ведался в Большом дворце.[1] Таким образом, указание на ведомство в четверти Углича в 1580 г. очень интересно; вполне возможно, что в это время ведался в чети только посад, а уезд находился в ведении углицкого дворецкого и его «дворца», если последний к данному моменту не был слит с Большим государевым дворцом. Во всяком случае, в «чети» дьяка Елиз. Вылузгина — преемника по Поместному приказу дьяка Игн. Зубова — Углич, как «удельный» город, уже не состоял.

Столь же сложное взаимоотношение между основным приказом и четью встречаем мы и при известиях о той четверти, которая была объединена в лице дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова с приказом Казанского дворца. Здесь дело осложнялось тем, что и четь и Казанский дворец — оба были приказами территориальными, областными, не охватывали всего Московского государства; а Казанский дворец, по существу, ничем не отличался от четвертей — лишь образовался он совсем иными путями, да и ведомство его вследствие этого было значительно шире, чем у обычных четвертных дьяков.

«Казанский дворец» образован был вскоре после завоевания Казани и Астрахани для управления вновь приобретенными огромными территориями Поволжья и Прикамья, а затем в его ведение стали поступать в XVI в. все новые земли, присоединенные к Московскому государству, расположенные на восток, местности «Сибирского царства». Но еще в самом начале деятельности Казанского дворца к нему были присоединены два других «дворца» — Нижегородский и Мещерский — приказы, возникшие из ведомств соответствующих дворецких,

[1] С. Веселовский. Сошное письмо, II, стр. 636. — Только Углицкий посад ведался в XVII в. Большим дворцом; Углицкий у. в это время находился в ведении сначала Большого Прихода, а затем Поместного приказа.

обязанных после присоединения к Москве княжеств Мещерского (конца XIV—начало XV вв.) и Нижегородского (XV в.) вести наблюдение за интересами Москвы на территории этих областей.

Можно довольно точно установить, кто ведал этот объединенный «дворец» во второй половине XVI в. Так, в 1542 г. Нижний Новгород находился в ведении боярина и дворецкого, властного распорядителя московскими делами в годы юности Грозного, кн. Ив. Ив. Кубенского,[1] казненного в 1546 г. Его преемником был Мих. Ив. Волынский, в «приказе» которого Нижний Новгород состоял в 1560 г.[2] В 1562 г. оброки с владений нижегородского Печерского монастыря поступали в «Нижегородский дворец», а «боярином и дворецким Казанским и Нижегородским и Мещерским» акты в том же году отмечают все того же М. И. Волынского[3] — очевидно к этим годам произошло объединение всех трех «дворцов» под начальством одного лица. В 1565—1566 г. в качестве казанского «дворецкого» отмечен уже боярин Семен Васильевич Яковля, а дьяками при нем в Казанском дворце сидели Петр Шестаков сын Романова и Иван Никифоров сын Дубенской;[4] все трое участвовали в земском соборе 1566 г. и занесены в соборное постановление.[5] С. В. Яковля был привлечен по новгородскому «сыскному изменному делу» и, повидимому, окончил жизнь на эшафоте 25 июля 1570 г.[6] Дьяк Иван Дубенской в 1569—1570 гг. служил, кажется, еще в своей прежней должности,[7] но начало 1570-х годов внесло в администрацию

---

[1] А. Кабанов. Материалы по истории Нижегородского края, вып. 3, № 19, стр. 25.

[2] Там же, № 15, стр. 18.

[3] Там же, №№ 16 и 21, стр. 35.

[4] Там же, №№ 25, 26, 28, 30.

[5] СГГД, I, № 192.

[6] Н. М. Карамзин, ук. соч., IX, прим. 299.

[7] Во время пожара 1626 г. из Разрядного приказа среди других документов была вынесена «десятня 78-го году за приписью дьяка Ивана Дубенсково» по Владимиру (Н. Лихачев. Разрядные дьяки,

приказа радикальные перемены. Во главе приказа стал уже не «дворецкий», а крупнейший приказный делец этого времени — думный дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов.

Андрей Щелкалов в 1570-х годах совмещал много обязанностей. Являясь начальником Посольского приказа, он бывал и разрядным дьяком, отправлял и многие другие постоянные и временные поручения, — был влиятельнейшим и самоуправнейшим представителем московской бюрократии.[1] Со временем управления им Казанским дворцом совпадают и сведения о его особой «четверти».

В «Казанском и Нижегородском и Мещерском дворце» Андрей Щелкалов стал распоряжаться уже в 1570 г.,[2] явно заменив собою, как «думный» человек, «думный дьяк» прежнего «дворецкого», также «думного» казненного боярина С. В. Яковля; в звании начальника этого приказа Щелкалов пробыл долгое время — по крайней мере до половины 1587 г.[3]

прил., стр. 67—68). — О том, что Владимир ведался, возможно, в Казанском дворце, см. ниже, стр. 371, примеч. 3.

[1] О различных сторонах служебной деятельности А. Я. Щелкалова и его исключительных по своему беззаконию и самоуправству, поступках много данных собрано Н. П. Лихачевым (Разрядные дьяки, указатель). Ко времени хозяйничанья в Казанском дворце А. Щелкалова с его помощником следует отнести характеристику, данную Г. Штаденом: «В Казанском и Астраханском приказах или царствах [. . .] они изрядно набили себе мошну [. . .] и в окрестных улусах луговой и нагорной черемисы» (Г. Штаден, ук. соч., стр. 82; — текст имеет пропуски, отмеченные издателем [. . .]).

[2] А. Юшков. Акты, № 198 (1570 г., 29 октября), грамота в г. Василь; № 199 — грамота в Курмыш.

[3] О заведывании А. Щелкаловым «Казанским дворцом» см. АМГ, I, № 18 (1577 г.); А. Кабанов, ук. соч., № 36 (1580 г. июль — грамота в Н. Новгород); АИ, I, № 209—1 (грамота от 1581 г., февраля 24, нижегородскому воеводе Д. В. Сабурову и дьяку Поснику Шипилову о сыске по челобитью суздальского Спасо-Евфимьева монастыря их прав на владение рыбными ловлями по р. Волге); ДАИ, I, № 127 (1581 г. 30 ноября — грамота в Свияжск); А. Кабанов, ук. соч., № 42 (Н. Новгород, декабрь, 1584 г.); № 45 (Н. Новгород, январь 1585 г.); № 51 (1587 г., 17 февраля).

Его «товарищем» по Казанскому дворцу в самом начале 1570-х годов отмечается в документах дьяк Кирей Федоров сын Горин, скрепивший ряд грамот. Так, он подписал 6 августа 1572 г. грамоту Якову и Григорию Строгановым о посылке ратных людей против черемис и других народов Приуралья, производивших набеги по р. Каме; все сведения, собранные Строгановыми о движениях остяков и вогуличей, приказывалось присылать «с кем пригоже к нам на Москву в приказ Казанского дворца к диаком нашим к Андрею Щелкалову да к Кирею Горину»;[1] 5 марта 1573 г. он же подписал жалованную грамоту астраханскому Троицкому монастырю. Астрахань всегда ведалась в приказе Казанского дворца.[2] Но с именем дьяка Кирея Горина связаны уже и такие грамоты, которые необходимо считать вышедшими не из собственно Казанского дворца, а из соединенной с ним «четверти». Грамоты эти относятся в Важской земле.

История этой богатейшей волости Поморья очень туманна. В 1565 г. с первых же моментов действия опричнины, Вага, была «поимана» в «государев удел» и ведалась в опричной четверти дьяков Дружины Володимерова и Федора Рылова. При коренной перетасовке земель, начавшейся после 1572 г., Вага оказалась в числе областей, возвращенных в «земщину». По позднейшим указаниям важане платили доходы «в четверть Андрея Щелкалова» до того времени, когда Вага была отдана «во владение» Бориса Годунова.[3] Основываясь лишь на одном этом известии, можно было бы допустить, что Вага

---

[1] Г. Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 85 (нов. изд. «История Сибири», прил. 4, М.—Л., 1937); та же грамота: ДАИ, I, 120.

[2] АИ, I, № 184.

[3] 3 мая 1607 г. была послана «память» судейкам Тавренской вол. Важского у. о явке их на Верховажский стан с платежными отписями к Фед. Савину, посланному на Вагу со специальной задачей: «...велено ему на Ваге писать, сколко и почему в Важском уезде платили государев оброк и всякие государевы доходы в четверть дьяку Андрею Щелкалову и после того по чему платили Борису Годунову в его владенье дань и оброк и всякие доходы и после Борисова владенья в Казанской и Мещерской дворец» (АЮ, № 337, ср. АИ, II, № 348).

была подчинена чети А. Я. Щелкалова только в 1584—1585 гг., когда, после ликвидации «особного двора» умершего Ивана Грозного, в эту четь действительно поступило очень много областей Поморья, бывших в ведении «дворовой чети» А. Арцыбашева и С. Сумарокова.[1] Однако до нас дошла грамота уже от 14 марта 1573 г. за приписью только что упомянутого выше помощника А. Щелкалова по Казанскому дворцу, дьяка Кирея Горина, «в Важской уезд, на Подвинье, старостам и целовальником» по челобитью игумена северного небольшого Клоновского монастыря Сергия о размежевании монастырских владений с землями подвинских крестьян.[2]

У монастыря были постоянные столкновения со своими соседями, кончившиеся тем, что крестьяне сожгли монастырь в следующем, 1573—1574 г. Хотя Кирей Горин и приказывал местным властям произвести размежевание и «беречь накрепко» монастырь от дальнейших «обид», этот поступок крестьян не вызвал, очевидно, соответствующего наказания «обидчиков» со стороны Горина. Тогда клоновские монахи попытались эмансипироваться от чети Андрея Щелкалова и стали хлопотать в 1577 г. о получении взамен сгоревшей грамоты новой — не в чети, в Большом Дворце, у дьяка А. Демьянова, который совсем еще недавно был начальником «дворовой четверти», ведавшей соседними «дворовыми» Двинскими волостями, и потому хорошо был знаком с подобного рода делами. Попытка окончилась неудачей: Демьянов грамоту

[1] Время пожалования Ваги Б. Годунову можно определить довольно точно: 8 июля 1586 г., явно в виду этого пожалования, была подтверждена «несудимая грамота» от 3 марта 1577 г. Важскому Клоновскому монастырю; подтверждение было подписано А. Щелкаловым, как «четвертным» дьяком, причем было оговорено: «. . . и ни въезжати к ним никому, опроче боярина и конюшева Бориса Федоровича Годунова и его пошлинных людей, для того, что боярину и конюшему Борису Федоровичу Годунову Вага дана в путь» (Сб. ГКЭ, II, № 205). 24 февраля 1587 г. Годунов уже выдавал от себя указные грамоты земским властям Кокшенского стана Важской земли (там же, № 206; также: Чтения, 1896 г., кн. 1, «смесь», стр. 24).

[2] Сб. ГКЭ, II, № 204.

выдал, но подсудность для монастыря оставил прежнюю, и в 1586 г., при передаче Ваги в «путь» Борису Годунову, монастырь принужден был подтвердить свои права у своего «четвертного дьяка» А. Я. Щелкалова.[1]

Все это дело — типичный случай именно для деятельности «четверти», а не какого-либо иного приказа. И здесь безусловно надо усматривать указание на ту «четверть», о которой есть сведения, что она ведала Вагою «до Борисова владения», т. е. на четверть А. Я. Щелкалова, возможно ведшего ряд дел не лично, а перепоручавшего их своим сотрудникам по основному своему приказу — Казанскому дворцу. Столь же характерен и другой документ, подписанный Киреем Гориным и также относящийся к Подвинской четверти Важской земли: судный список по делу о пожнях Троицкой волости, от 24 марта 1574 г.[2] Акт этот был скреплен Гориным, повидимому, уже в момент, когда он собирался покинуть и Казанский Дворец и «четверть», так как был послан производить описание Бежецкого уезда.[3]

---

[1] Там же, № 205.

[2] РИБ, XII, стр. 12.

[3] Он был дьяком при «писце» кн. Д. А. Друцком и поэтому 27 февраля 1574 г. подписал «льготную» И. Ю. Грязному на сельцо Кузьмодемьянское (М. Дьяконов. Акты, вып. 2, № 21). — 11 мая 1574 г. Друцкой и Горин дали также «купчую» И. Т. Загрязскому на вотчину в Московском у. (А. Юшков. Акты, № 201). — Горин видимо еще не совсем покинул приказ и, наезжая в Москву, отправлял свои прежние обязанности; так, он, кроме указанной в тексте грамоты на Вагу от 24 марта 1574 г., послал 16 марта грамоту во Владимир Ив. Гр. Кореневу с приказанием ехать в Холуй и распорядиться о ненарушении льгот «казаков» Троице-Сергиева монастыря (там же, № 23); неизвестно, входил ли Владимир в ведомство чети А. Щелкалова или был подчинен ему как дьяку Казанского Дворца; думаем, что второе более вероятно. По окончании переписи Кирей Горин служил в «земском» у «земского» «великого князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича (Ист. Арх., стр. 279, № 69). С именами А. Щелкалова и К. Горина связан еще один акт — «послушная» от 10 августа 1572 г. крестьянам с. Правдино Углицкого у., пожалованным Иваном Грозным «по душе» кн. И. Д. Бельского в Спасо-Евфимьевский монастырь (АИ, I, № 182; С. Шумаков. Углич-

Но один из его приемников по Казанскому Дворцу, дьяк Семейка Фомин, продолжал ведать Вагу, хотя и посылал также грамоты в местности, подчиненные Казанскому дворцу непосредственно.[1] Так, 18 мая 1577 г. он отправил грамоту «на Вагу [в] Содролинскую волость данным зборщиком и старостам и целовальником» с разрешением Якову Аникиеву сыну Строганову организовать на «пустых болотах» «железное дутье», если эти места никому не отданы на оброк «и земским людей в том тяготы и убытка не будет никоторого».[2]

Итак, из приведенных выше документальных свидетельств можно заключить, что Важская земля в 1570-х годах (и до самого, очевидно, пожалования ее «в путь» Б. Ф. Годунову в 1586 г.) ведалась в четверти А. Я. Щелкалова, которая была соединена с одним из управляемых им в то время приказов, Казанским дворцом, причем непосредственными исполнителями приказаний являлись его помощники дьяки по этому последнему учреждению.

Той же чети Андрея Щелкалова были подчинены и некоторые другие местности севера Московского государства, не

ские акты, стр. 35): Углич-посад ведался в иной четверти, а уезд — там же или в «Углицком дворце». В данном случае вопрос разъясняется из того обстоятельства, что осуществление мероприятия по пожалованию было возложено Грозным персонально на двоих лиц («...по нашему приказу боярин наш Михайло Яковлич Морозов да дияк наш Андрей Щелкалов дали то село»), причем дьяк и оформил его через подведомственный приказ; иными словами, здесь мы явно встречаемся с экстраординарным случаем, а не с общим правилом.

[1] Семейка Фомин подписал 12 декабря 1574 г. ввозную на поместье вдове Марье Аксаковой в Ирженском стане Арзамасского у. (А. Юшков. Акты, № 202), Арзамас ведался в эти годы в Казанском и Нижегородском дворцах (А. Кабанов, ук. соч.; С. Веселовский. Сошное письмо, I, стр. 572). 6 марта 1578 г. за подписью С. Фомина направлена была и грамота в Казань кн. Андрею Ногтеву о незаконности задержки судов Строгановых, причем всех, кто станет жаловаться на людей Строгановых, приказано было давать на поруки, «а за порукою чинити им срок ставитися на Москве в Казанском дворце» (Архив ЛОИИ, Строгановские столбцы, № 22. 3. 5).

[2] А. Введенский. Торговый дом, стр. 97—98.

попавшие в «опричнину» или во «двор» государев. Это следует прежде всего сказать относительно Кольского уезда (волостей Керети, Порьегубы, Умбы и Кандалакши). Туда 17 декабря 1583 г. была отправлена за подписью А. Щелкалова грамота «с прочетом» Максаку Федоровичу Судимонтову об освобождении Соловецкого монастыря и монастырской вотчины, расположенной в перечисленных выше волостях Кольского полуострова, от обязанности доставлять в Колу «острожному делу» стрельцов и посошных людей. Грамота предупреждала: «А будет Соловецкие старцы вступаютца, а называют наших крестьян в тех волостях своими крестьяны, и ты б про тех сыскав к нам тотчас отписал».[1] Такая оговорка очень характерна, и невольно напрашивается сопоставление с приведенными выше грамотами в Важскую землю; во всех них проскальзывает определенное стремление как-то обеспечить не только интересы привилегированных землевладельцев (монастырей, Строгановых), но и охранить, по возможности, от «тягот» и «обид» земских людей, тяглецов и оброчников, иногда даже в ущерб интересам первых. Дело было, конечно, не в «демократической» политике Щелкалова или подчиненных ему дьяков, а объяснялось проще: «пустота», обнищание и неплатеж государевых податей достигали уже таких размеров, что необходимо было позаботиться и о тяглом населении. Недаром в 1572—1574 г. неопричное Поморье «писали и дозрили» Вас. Агалин с товарищи и с такою тщательностью доискивались о причинах запустения; необходимы были большее внимание к тяглой массе и хотя бы минимальное ограждение ее от «сильных людей», чтобы не вынуждать ее покинуть родные места и не допустить «скитаться меж двор», избывая государевых даней и оброков.

Из восточных «земских» областей Поморья в четверти А. Я. Щелкалова ведалась Вятская земля,[2] куда грамоты за

---

[1] «Сб. материалов по истории Кольского полуострова», № 8, стр. 39.

[2] А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке до XVIII столетия, стр. 9; А. В.—н. Грамоты и акты вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1714 гг., № 2 (1582 г.) и № 6 (1590 г.).

его подписью писались с 1580 г. (последние известные нам документы за подписью А. Щелкалова относятся уже к 1590 г.). Очень возможно, что там же ведалось и Пустоозеро, обитатели которого в 1570-х годах терпели «обиды» в платеже оброчных денег за промысловые угодья от опричников — двинян.[1]

Крайне запутаны сведения о ведении Андреем Щелкаловым Пермью Великою. Об этом мы имеем достаточно сведений, но очень трудно установить точно, является ли это ведомством приказа Казанского дворца или собственно «четверти».

Было уже сказано, что предписания Строгановым о посылке ратных людей против вогулов и остяков в начале 1570-х годов исходили от Андрея Щелкалова из Казанского дворца. Когда в 1578 г. истек, очевидно, льготный срок по грамоте, выданной Др. Володимеровым в 1568 г. из опричной чети Якову Строганову на новые вотчины по р. Чусовой, то в 7087 (1578—1579) г. на свои пермские вотчины Никита Строганов получил сотную грамоту за приписью А. Щелкалова.[2] Он же направил 10 августа 1580 г. грамоту в Пермь о неприкосновенности угодьев чердынского Богословского монастыря.[3] Обе эти грамоты можно было бы считать отправленными из «четверти» Щелкалова.

От 1581 г. известно несколько подписанных А. Я. Щелкаловым грамот, связанных с мероприятиями Строгановых по защите границ их приуральских земель. 6 ноября этого года была отправлена Щелкаловым грамота пермскому наместнику кн. Ив. Елецкому и Никите Строганову об оказании помощи Семену и Максиму Строгановым по случаю набега на их слободы и деревни вогуличей.[4] А 20 декабря А. Щелкалов обратился с грамотой «с прочетом» «в Пермь Великую и в Кам-

---

[1] Указанная там «платежница» была выдана из приказа Большого Прихода.

[2] А. Дмитриев. Пермская старина, II, прил. №№ 1—3.

[3] АИ, I, № 207.

[4] ДАИ, I, № 126; Г. Ф. Миллер. История Сибири, I. М.—Л., 1937, прил. № 6.

ское Усолье старостам и целовальником, всем земским людям», в виду челобитья тех же Строгановых о разрешении им набирать «охочих казаков» для борьбы с «Пелымским князем» и вогулами. Грамота разрешала набор: «... которые будут охочие люди похотят итти в Оникеевых слободы, в Чюсовую и в Сылву и Яйву и на их наем, и те б люди в Оникеевых слободы шли и с ними против чюсовских вогулич стояли, острогов и деревень и почников от их войны оберегали, а которые вогуличи на их остроги войною приходят и задоры чинят, и на тех бы вогулич приходили и над ними промышляли смотря по тамошнему, чтоб от войны оберечися и над ними поискати, а войною издосадити и вперед об им не повадно (было) воровать. А вы б всею землею Пермскою с ними сопча стояли за один и промышляли сопча, чтоб на вас вогуличи вперед войною не приходили».[1] Такое воззвание к защите «общих», якобы, интересов пермичей и Строгановых, самое обращение ко «всей земле Пермской», роднит эту грамоту по ее тону с грамотами, вышедшими из «чети» дьяка в другие области Поморья — поэтому мы и относим ее за счет чети, а не Казанского дворца.[2] Все это, однако, область

---

[1] А. Введенский. Торговый дом, стр. 62—63.

[2] Было бы чрезвычайно интересно установить, из какого приказа была послана через 10 дней, т. е. 30 декабря 1581 г., другая грамота «с прочетом» «в Пермь в Великую Василью Пепелицыну» («приказному человеку»). По содержанию она тесно примыкает к цитированной грамоте от 20 декабря и вызвана теми же жалобами С. и М. Строгановых на набеги кн. Нелымского с вогулами; «... и в телеи поры, — прибавляли челобитчики, — из их слобод, из острогов и засады бегают их люди и казаки и жилцы должные в Пермь в Великую, в Чердынь и в Усолье Камское [и] ни с Перми деи, ни з Усолья их людей и казаков и жилцов должных им не выдают». В виду этого В. Пепелицын обязывался наладить выдачу Строгановым их беглых людей, которых они «опознают» в Перми и Усолье, «и крепости на них в службе положат»; «... и ты б сыскав и распрося по крепостям, хто доведетца, тех людей Строгановых отдавал, а на казаков и на жилцов в их долгу давал управу по нашему указу». Резкий тон и категорическое приказание возвращать беглых казаков и кабальных людей прямо противоположны предписанию Щелкалова пермичам и Строгановым действовать «сопча»; пермичи выставлены в гра-

предположений; впоследствии, уже после смерти Грозного, когда Щелкалов перестал ведать Казанским дворцом, «четь» его до самой его опалы в 1594 г. ведала Пермью Великою. Но тогда и вообще произошли большие перемены и полная перекройка территориального состава всех бывших «четвертей» — и «дворовой», и «земских», а сферы деятельности Казанского приказа и «четверти», управляемой его дьяками, были разграничены значительно более четко.

Этого совершенно нельзя сказать о работе во время существования «государева удела» и «земщины». Видимо смешение компетенции обоих приказов («чети» и «дворца»), при местно-территориальном характере обоих учреждений и едином дьячем составе их, было настолько велико, что даже сами дьяки не всегда давали себе в этом отчет и путались в официальных документах. В этом отношении разительный пример представляет акт, вышедший из-под пера одного из помощников Андрея Щелкалова, дьяка Ивана Дорофеева сына Собакина.[1] 20 июня 1575 г. дьяк И. Д. Собакин отправил

моте стороной, нарушающей «государев указ». К сожалению, грамота, судя по изданию ее, не имеет подписи дьяка и потому нельзя отнести ее к деятельности А. Я. Щелкалова (А. Введенский, ук. соч., стр. 63—64).

[1] Дьяк Иван Дорофеев сын Собакин (или «Собака») в 1571—1572 гг. был в числе дьяков, расписанных в поход на «Свицкие немцы», значась в «земском» («Синбирский сборник», стр. 31—32; В. Вельяминов-Зернов, ук. соч., II, стр. 12—13): — в начале 1572 г. он был в Новгороде, где Иван Грозный «на земской стороны взял диака Никиту Щелепина к Москве, а на его место поставил диака Ивана Дорофеева-Собаку («Новгородские летописи», стр. 109, СПб., 1879). Ив. Собакин сравнительно недолго пробыл на этой службе; он вновь перебрался в Москву и устроился в «Казанском дворце» под руководством А. Щелкалова, побывав перед этим и дьяком Ямского приказа (грамоты из Новгорода Собакиным посылались еще 8 августа 1573 г. — Д. Самоквасов. Архивный материал, II, стр. 312; Н. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 54—55). — Собакин, вероятно, сменил в Казанском дворце дьяка Кирея Горина, но, возможно, служил там и одновременно с ним, а затем с Сем. Фоминым. Такой «усиленный» состав приказа (вместо обычных двух дьяков) был вызван, во-первых, тем, что сфера ведомства

в Поместный приказ дьяку А. В. Шерефединову длинную «память» по следующему вопросу. За два года перед этим, 15 июня 1573 г., некий служилый человек, старинный вотчинник Муромского уезда, Рахманинко Дмитриев сын Толызин, бил челом на Агафью Иванову дочь, вдову своего троюродного брата Андрея Васильева сына Зубарева-Толызина и на ее приказчика Андрюшку Нохру; пользуясь отсутствием челобитчика, находившегося на «государевой службе» в Астрахани в продолжение трех лет, Агафья его «обидела» — жила в с. Толызина, вотчине своего покойного мужа и его, Рахманинка, «сильно» взяла при помощи своих людей «живота его из житницы 8 четвертей муки ржаные да 12 сотниц ржи да трои сани да трои колеса». По челобитью Рахманинко Толызина была послана грамота в Муром Дан. Игн. Губину (вероятно — «приказному человеку» или губному старосте) с приказанием «дать Агафью Зубареву на поруки» и «учинити срок стати на Москве в Нижегородцком и в Мещерском дворце». Так как сам истец, Рахманинко Толызин, уже успел вновь отправиться в поход, то Губин и назначил срок явки обоим, и обвинителю и обвиняемой, «как государева Какшажская служба минетца месяц спустя»; в назначенный срок оба явились в Нижегородский дворец, но «после того по их челобитью для государевы службы отсрочи дано им в дважды». В конце-концов Агафья Зубарева была «обвинена». Окрыленный выигрышем этого пустячного, в сущности, уголовного дела, Рахманинко Толызин затеял уже более сложный гражданский процесс — он задумал оттягать у своей родственницы ее долю в родовой вотчине. Дьяк Иван Собакин так

приказа (и соединенной с ним «чети») была очень велика, а, во-вторых, А. Щелкалов был «думным дьяком» и в таких случаях не шел в счет обычной приказной администрации. В том же 1575 г. в Казанском дворце, очень возможно на короткое время, промелькнул в дьяках и Андрей Арцыбашев. В 1576 г. Собакин уже служил в «государеве уделе»: 1 марта этого года он подписал ввозную грамоту «князя Ивана Васильевича Московского» из Старицы Г. М. Елчанинову на поместье в «дворовом» Дмитровском у. (А. Юшков. Акты, № 204).

изложил это в своей «памяти»: «А после обвинки перед дьяком Иваном Собакиным Рахманинко Толызин сказал, что его иск дошел; а искал Рохманин в четверти в Нижегороцком и Мещерском дворце и перед дьяком Иваном Собакиным на снохе на своей на Огафье на Ондрееве жене Зубарева-Толызина брате своего Ондреевы и своее вотчины». Началась судебная волокита. Обе стороны доказывали свои права документами, купчими и духовными, излагали свои родственные отношения. Наконец, Агафья прибегла к последнему средству: она «дала» свою часть с. Толызина (очевидно фиктивно, с правом жить в имении до своей смерти) в Троице-Сергиев монастырь, который немедленно и выступил претендентом в лице «старца» Варсонофия Якимова, предъявившего дьяку Ивану Собакину «данную» Агафьи Зубаревой. В данную было включено условие: в случае желания вотчичей выкупить вотчину у монастыря, уплатить последнему 200 рублей. Рахманинко Толызин отступил перед такой суммой, и дьяк Иван Дорофеев отправил в Поместную избу «судимую память» с предложением записать спорную вотчину за Троицким монастырем «в вотчинные книги по государеву указу, каков государь указ в Поместном приказе о тех вотчинах, которые вотчины в монастыри дают по душам до выкупа». [1]

Несомненно, что и уголовное дело о захвате Агафьей Зубаревой не принадлежавшего ей имущества Рахмана Толызина, и последовавшая затем гражданская тяжба о вотчине должны были разбираться никак не в «четверти Казанского и Нижегородского и Мещерского дворца», так как «четверти» никогда не судили светских феодалов — служили людей разных рангов и степеней и были обращены к ним только одной стороной своей деятельности: выдавали им, своим «четвертчи-

[1] ГБИЛ, Собр. рукоп. Троице-Сергиевой лавры, № 530, лл. 944—947.—1 апреля 1575 г. Ив. Собакин скрепил грамоту «с прочетом» в Нижний Новгород ключникам Ю. Матюнину и Я. Бухвалову по челобитью игуменьи Новодевичьего монастыря о невключении трех монастырских дворов в Нижнем Новгороде в число тяглых (А. Кабанов, ук. соч., № 32).

кам», положенное «государево четвертное жалованье», т. е. служили раздаточною кассою собираемых с «черного» населения налогов. Но в сознании дьяка Ивана Собакина его функции, как дьяка Приказа, ведавшего, очевидно, Муром с уездом «во всем», настолько сливались с функциями дьяка «четвертного», ведавшего обычно «судом и управою» лишь посадское и крестьянское население уезда да собиравшего (уже со всего уездного населения) свои «четвертные» доходы, что он назвал в официальном документе один из управляемых им приказов, «дворец», — «четвертью», хотя отлично знал о существенном различии обоих учреждений.

Следующим «городом» Московского государства, ведавшимся Андреем Щелкаловым в качестве «четвертного дьяка», можно считать Калугу. Туда 7 марта 1579 г. Щелкалов отправил городовому приказчику грамоту «с прочетом», приказывавшую взимать с двора, вновь поставленного Строгановыми «для своего приезду» (прежний их двор был взят «на государя», а общего «гостинного двора» в Калуге не существовало), торговые «приезжие» пошлины, как и с остальных «всяких торговых приезжих людей», и запрещавшую брать с этого двора какие-либо иные налоги, «потому что приезжие пошлины сойдут с них болши податей».[1] Случай этот близок к делу о подобном же «дворе» — складочном товарном амбаре Кириллова монастыря в Угличе, которое было разрешено именно «четвертью» другого дьяка, Игнатия Зубова. Наконец, очень возможно, что уже в это время А. Я. Щелкалов ведал в своей четверти и соседнюю с Калугой Тулу, куда 30 января 1585 г. он послал «осадному голове» грамоту, ввиду челобитья тулян «всем городом» о пожаловании вновь выстроенному в Туле монастырю мельницы.[2] То же самое можно сказать и относительно Суздальского уезда, соседнего с Муромом, кото-

---

[1] А. Введенский, ук. соч. стр. 100—101.

[2] В. Эйгорн. Список с грамоты царя Федора Ивановича тульскому осадному голове о пожаловании мельницы тульскому монастырю Иоанна Предтечи 1585 г. января 30.

рый был подчинен А. Щелкалову; в 1585 г. суздальским приказным людям П. Ф. Колычеву и Аф. Радкову, в связи с жалобами Покровского женского монастыря, был отправлен указ, чтобы они «берегли, чтоб монастырских крестьян нихто не обидел и в монастырские вотчины наши посланники нихто не въезжал; а хто учнет монастырские вотчины обидит и монастырским крестьяном продажи учнут делати, и вы б о том отписывали к нам на Москву в приказ дияка нашего Ондрея Щелкалова».[1]

Этими данными приходится ограничиться при обзоре сферы ведения «четверти» дьяка А. Я. Щелкалова, не выходя из намеченных хронологических рамок «опричного времени» и пределов позволительных допущений. Этими же сведениями приходится закончить и вообще наблюдения над «четвертями», действовавшими «в земской» половине государства Московского на протяжении 1565—1584 гг. Следует, однако, остановиться на разборе еще двух известий о четвертях, намеренно оставленных нами в стороне.

Первое из указанных известий относится еще к 1558 г Именно в одном из частных «родословно-местнических сборников» находится следующее указание: «Род Языковых, 7059 году Низовец Языков был на псарне в пеших псарях при ловчем при Михаиле Степанове сыне Кляпик-Еропкине в охоте у охотника псарного у Федки Усова, а сын его Низовцев 7066 году в Нижегородцкой четверти был в подьячих, а имя ему было Федка Низовцев сын Языков, и ныне судное дело доводное князь Ивана Белевского со князем Данилом Золотым в Посольском приказе цело, ветхо, за его приправою —

---

[1] А. Кабанов и И. Катаев. Описание актов, I, № 59. — Суздаль был взят в опричнину еще в 1565 г., но в 1570-х годах, видимо, был возвращен в «земское», и туда посылались указы «земского» великого князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича. Тем, что он в это время ведался, возможно, четью А. Я. Щелкалова, не объясняются ли отчасти и упоминаемые нами выше грамоты за подписью К. Горина и Андр. Щелкалова? Обе грамоты направлены к удовлетворению интересов Спасо-Евфимьевского суздальского монастыря.

у подьячего у имрека».[1] Второе известие помещено в подобном же сборнике, но в другой редакции: «Род Савиных. Измайло Савин был во дьяцех, сидел в Галицкой чети меньше дьяка Тереха Лихачева 84 году».[2]

Прежде всего следует заметить, что подобные «родословно-местнические сборники» — источник в высшей степени мутный; составляемые служилыми людьми для «утягивания» своих соперников по местничеству, они включали в себя самые разнообразные кляузы, легенды и рассказы, опорачивавшие чужой «род» и «повышавшие» род и местническое достоинство их собирателя, составителя и владельца. Один из таких «сборников», записавший и оба указанных известия о четвертях, в настоящее время опубликован»[3] он — поздний по своему происхождению (конца XVII в.) и очень недостоверен и подозрителен по приводимым там данным.

Затем по поводу первого известия (о Нижегородской чети в 1558 г.) вполне определенно можно утверждать, что в нем мы имеем такое же смещение «Нижегородского и Мещерского дворца» с соединенною впоследствии с ним «четью» дьяка Андрея Щелкалова, которое сделал даже дьяк, сидевший в этих приказах, и которое более чем допустимо было сделать много лет спустя кому-либо из московских служилых людей, стремившихся укорить своих «местников» Языковых незавидною службою их предка. Дело шло, конечно, о «Нижегородском дворце», в котором, очень возможно, служил Федька Языков в качестве подьячего. Характерно, что и документ («доводное дело» между двумя служилыми князьями), на который, как на доказательство правдивости своих известий, ссылается составитель «сборника», хранился в XVII в. в Посольском приказе; последним одно время, в 1570-х годах, вместе с «Казанским, Нижегородским и Мещерским дворцом» ведал как раз Андрей Щелкалов. Наконец, и по содержанию

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 273—274, прим.

[2] Там же, стр. 147, прим. 1.

[3] Ю. Татищев. Разрядно-местнический справочник.

своему это «дело» не могло решаться в четверти, так как касалось, повидимому, какого-то происшествия уголовного характера между двумя служилыми людьми.

Другое известие (о «Галицкой чети» в 1575—1576 гг.) также сомнительно. Не говоря уже о том, что упомянутый там Измайло Савин вовсе неизвестен в документах как дьяк, служивший в каком-либо из приказов, и относительно дьяка Терентия («Тереха») Григорьева сына Лихачева[1] приведены свидетельства явно недостоверные. В эти годы он был занят дипломатической службой (переговорами со шведскими уполномоченными на р. Сестре), сидел много лет в Пушкарском приказе и ходил в походы в качестве артиллерийского чиновника.

Таким образом, оба указанных известия не могут быть приняты, как основанные на недостоверных позднейших преданиях.

Пытаясь подвести некоторые общие итоги сделанному обзору истории четвертей за время наиболее бурного периода царствования Грозного, необходимо признать прежде всего, что обзор этот охватывает только одну сторону деятельности четей. Не сохранились документы, позволяющие обрисовать роль хотя бы одной вполне определенной четверти, как учреждения, обслуживающего тот класс, жизненные интересы которого вызвали образование этих приказов, т. е. московских феодалов — «служилых людей» разных чинов и рангов.

Из документов вполне возможно подобрать достаточное количество свидетельств о раздаче «четвертного жалованья», наблюдать, как простой мелкий «сынчишко боярский», «емлющий жалованье с городом», постепенно вырастает в «четвертчика» и проследить тончайшие детали этого про-

[1] О Т. Лихачеве см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 146—147. Сб. РИО, 29; так же Сб. РИО, CXXXIX, Указатель. — Н. П. Лихачев, однако, принимает без оговорок показание приведенного им источника, не давая никаких соображений о его достоверности.

цесса, но все такие изыскания остаются вне истории учреждений, являясь только материалом для истории самого служилого класса. Как четверть расходовала свой бюджет, как подбирала она своих «четвертчиков», как все это отражалось на «черных» людях — остается неизвестным. История четей представляется поневоле однобокой. Зато не должно быть сомнений, что всю историю их, как органов, собирающих определенные доходы с населения, необходимо рассматривать в зависимости от общих условий, от потребностей «текущего момента», которые испытывала московская государственность.

Выросшие из специальных органов контроля над местным управлением, четверти стали очень важными, финансовыми по преимуществу, учреждениями. «Государев удел» оценил выдающуюся роль главной статьи бюджета четей, «кормленого окупа», и сделал именно его основой своего бюджета.

К отправлению обязанностей начальников четей в опричнине подбирались испытанные приказные дельцы, способные сурово и беспощадно проводить финансовую политику. В опричной чети, распространившей сферу своего ведения на всю территорию опричнины, постепенно стали собираться все опричные доходы — как важнейшие прямые налоги, так и косвенные, и мелкие местные сборы. Только сборы Большого Прихода («ямские, приметные, за городовое дело деньги» и т. д.) некоторое время еще шли в этот «общеземский» приказ. В начале 1570-х годов, в связи с переломом в жизни «государева удела» и превращением его из «опричнины» во «двор государев», единая опричная четверть 60-х годов была разделена на две, причем зависимость их от опричного казначея была уничтожена.

Все большее и большее напряжение всех сил страны в борьбе за Ливонию и жестокий экономический кризис второй половины XVI в. повели к тому, что в опричнине — «дворе» была проведена сначала концентрация четвертей в руках одного лица, Андрея Арцыбашева, а затем ему поручено было и вéдение важнейшим общеземским финансовым приказом — «Большим Приходом». В этом случае все основ-

ные доходы обеих половин Московского государства — и «удельной» и «земской» — сосредоточивались в непосредственном заведывании опытного финансового работника — для изыскания и упорядочения средств к дальнейшему ведению изнурительных военных действий, последних попыток вернуть потерянное в борьбе за Ливонию.

«Земские» чети (может быть, в известной степени в виду чрезвычайно малого количества сохранившихся документальных данных) рисуются учреждениями значительно более скромными по своему значению, чем чети в «уделе государеве». Они более сохранили характер старых — областных центральных касс, выросших из ведомств «кормленых» дьяков. Сведения о них сохранились уже только от 1570-х годов, да и деятельность их, как территориальных приказов, поневоле должна была быть сокращена очень сильно после того как огромная часть государства попала в «государев удел», а за «земщиной» оставались преимущественно окраинные места и сильная чересполосица в центральных уездах, не говоря уже о том, что на этой территории действовали и другие территориальные приказы ранее четей и иным путем образовавшиеся, но в известной степени им аналогичные и параллельные.

Однако и земские и опричные чети одинаково носят в себе признаки, развившиеся из ведомств «кормленых» дьяков: судят и рядят неслужилое население своих областей, дают ему льготные и тарханные грамоты, собирают с него «кормленый окуп» и мелкие местные оброки и дани и предоставляют ему в оброчное держание разные угодья и земли. Наконец, можно думать, что и кадастровое описание в какой-то степени также находилось в ведении и руках четвертных дьяков.

Смерть Грозного и ликвидация его удельного «двора» повлекли радикальную смену бюрократического аппарата. Ряд лиц, как, например, А. Арцыбашев, хотя бы временно принужден был сойти со сцены. Братья Щелкаловы, наоборот, заняли место главных приказных воротил в соединенных вновь частях государства. «Большой Приход» отошел от сосуществования своего с «Дворовым четвертным приказом» и опять

стал вполне самостоятельным учреждением. «Дворовая четь» не сохранилась целиком; она вместе с «земскими» четвертями была заново перекроена. Этот неустойчивый характер областной организации четвертей держался в течение всего конца XVI в., и только в начале XVII столетия чети более или менее прочно отливаются в территориальные же приказы, носящие названия уже не по именам своих начальников — дьяков, а, правда, условно, — по областям, им подчиненным. Принцип личного «приказа» отдельным дьякам известных территориальных комплексов постепенно исчез.

---

11. Чети конца XVI — начала XVII вв.

В Московской приказной системе четверти или чети занимают определенное место среди высших финансовых учреждений; они прежде всего были кассами для сбора кормленого оброка с населения и затем раздачи его особому служилому слою — так называемым четвертчикам. Вторая функция четвертей — судебно-административная. И, наконец, третья специфическая черта приказа-четверти — это не всеобщность, а строгая территориальность, т. е. четверти ведали не специальными налогами по всему пространству Московской земли, а только определенными местностями, и очень часто кроме своих основных статей дохода также взимали и другие налоги.

Эти черты приказов-четвертей проходят отчетливо за все первые полвека их существования. Важность и значение четвертей для государственного механизма вполне понятны: от правильности их работы зависело удовлетворение жалованьем служилых людей, т. е. как раз того общественного класса, который являлся командующим в XVI в. и на котором лежала вся тягота напряженнейшей внешней борьбы: вместе с поместной избой чети явились (для высшего слоя этого класса), так сказать, основой их материального быта.

Наблюдение за историей четвертей в этот хронологический период показывает, что Московское правительство не мыслило четверти чем-то отлившимся и замкнутым. Наоборот, чети — эластичная и гибкая организация; одни «городы» сменяются в той или иной чети другими, калейдоскоп имен заведующих ими дьяков на первый взгляд ослепляет исследователя, и оказывается чрезвычайно затруднительным из отдельных отрывочных сведений хоть несколько уяснить основную линию развития того или иного «четвертного приказа» — от ведомства определенного «кормленого дьяка» до более или менее сложившегося в конце века приказа с территориальным наименованием.

В истории четвертей можно проследить три этапа: во-первых, их рождение из ведомств «кормленых дьяков» через осложнение контрольной по наместничьему управлению деятельности последних присоединением новых обязанностей по сбору кормленого оброка и управлению откупившимися от кормленщиков волостями. Во-вторых, эпоха 1565—1584 гг., т. е. время действия опричнины царя Ивана. И, наконец, третий этап — конец XVI и начала XVII в., когда чети принимают более или менее устойчивую номенклатуру. Этот третий этап и послужит предметом настоящего очерка.

Но прежде чем перейти к нему, позволю себе несколько осветить второй период, так как только тогда станет несколько яснее и то, что предлагается вниманию читателей.

Чети к началу опричнины еще не совсем точно определились в своих главнейших чертах, более того, из существующих источников мы знаем только одну четь, именно ту, что заведывала, между прочим, Каргополем (почему и названную нами чисто условно «Каргопольской»). Опричный двор царя, «поимав» на себя «кормленым окупом» ряд волостей, естественно должен был перевести в свое заведывание и те центральные территориальные приказы, которые этот окуп собирали. И мы видим, что Каргопольская четь действительно вошла в число опричных приказов, став при этом в зависимость от опричного казначея. Это последнее становится по-

нятным из двух соображений; во-первых, первоначально общая система управления в опричнине была задумана Грозным в виде значительно более упрощенной системы «удельного» двора с казначеем и дворецким во главе, а во-вторых, опричнина должна была, повидимому, пополнить царскую оскудевшую казну, особенно ввиду огромных трат на военные нужды. Поэтому необходима была наибольшая концентрация доходов, а вместе с тем и наибольшая централизация в управлении сбором их.

Через несколько лет в опричнине вырастает кроме названной нами Каргопольской чети еще и Двинская, затем обе они были слиты в одну; в руках одного дьяка Андрея Арцыбашева с четями был объединен и Дворовый Большой Приход (в конце 1570-х и начале 1580-х годов). А когда и этих средств оказалось недостаточно, произошла еще новая концентрация, и Андрей Арцыбашев получил в заведывание и Земский Большой Приход. Таким образом опричному дьяку подчиняется в конце царствования Грозного в сущности весь главнейший финансовый центральный аппарат.

В земщине также с 70-х годов XVI в. уже заметны по сохранившимся документам чети — это 1) четь Андрея Щелкалова, 2) четь его брата Василия и 3) четь Игнатия Зубова, известная в 1580 г. по грамоте в Углич. Игнатий Зубов в это время был начальником Поместного приказа.

Смерть Грозного принесла ликвидацию его опричного двора, но, как известно, не ликвидацию опричных порядков. Можно наблюдать при этом определенную смену лиц в приказной среде. Так, чети и Большой Приход, в опричнине бывшие в руках у Арцыбашева, уходят от него. Наступает третья и последняя фаза в истории приказов-четвертей — территориальная.

Надо отметить, что кроме четвертей Новгородско-Нижегородской, Устюжской, Галицкой и Владимирской в документах начала XVII в. (до падения Шуйского) попадаются указания на ряд других, иногда безусловно временных, эфемерных, можно сказать, четвертных приказов. Так, в 1610 г. 7 мая, за

прописью дьяка Филиппа Голенищева (начальника Большого дворца, очень близкого к царю) отправлена была грамота воеводе г. Романова Ф. Ив. Михайлову, в которой приказывалось ведать г. Тотьму, приняв дела и недоборы за 117 и 118 гг. у Кузьмы Строганова и подьячего Дружины Степанова, и править на тотмочах недоборы «нещадно черезо весь день», «да те деньги и что возьмеш каких денег же у Кузьмы да у подьячего у Дружины прислал[б] к нам к Москве в Темскую четь с целовальники».[1] Других сведений об этой чети нам не удалось узнать. Тотьма едва ли выделялась в особую четь и здесь в том случае, повидимому, название употреблено вместо Устюжской четверти, в приказе которой Тотьма впоследствии и ведалась. В 1605 г. упоминается «Суздальская четь»: 15 марта Шуйский городовой приказчик взял с Покровского девича монастыря с посошных людей по их приговору на свой обиход «на свечи и на чернила и на пищую бумагу и на дрова и дьяком на подмогу и избному сторожю на поем» с сохи по 4 гривны по грамотам указным из Большого Приходу и из четверти из Суздальской.[2] Смеем думать, что это название опять-таки было употреблено вместо Галицкой чети, где Суздаль и Шуя ведались в XVII в. В таком случае можно сделать следующее наблюдение над историей территориальных названий четей: они и в начале XVII в. еще далеко не установились и часто территориальное название четь получала по тому «городу», куда направлялась определенная грамота. Из одной и той же чети могли выходить документы, называющие ее различным территориальным наименованием.

Как на пример настоящего приказа, временно промелькнувшего в начале XVII в. и затем исчезнувшего, можно привести сведения о «Важском приказе или четверти». О нем имеем несколько известий. Так, в 1605 г. 24 декабря в этот приказ взяты были оброк и дань с вотчины Герасима Шенкурского

---

[1] С. Шереметев. Из архива Михалковых, стр. 19—20.
[2] ЛОИИ, Архив Романченко.

в Важском[1] уезде окольничим Мих. Игн. Татищевым и дьяками Ив. Шипиловым и Ив. Федосьевым.

Затем в 1607 г. 12 февраля старец Гедеон, отправившись со святой водой к царю Василию, тщательно записал свои расходы и, между прочим, конечно, издержки и на «поминки» приказным людям; в его «памяти» читаем: «... да отписи в Наугороткой четверте гривну, дал Ваского приказу дияку Илье Уварову 3 рубли денег да ему же калач дал 10 денег... дал [в]Ваской Четверте отписей 5 алтын».[2] Наконец, в том же 1607 г. 11 марта на Вагу была отправлена грамота с приказанием дать сведения «сколько с Ваги и с которого стану и скольких вытей или сошного письма порознь по станом Бажане каких денежных доходов до Борисова владенья платили в четверть дияку Андрею Щелкалову и сколько после того с Ваги каких доходов платили Борису; и подлинную бы есте Борисову указную грамоту о том... прислали бы естя к нам к Москве тотчас для нашего дела. А велел бы естя тое отписку и указную Борисову грамоту отдати в приказе околничему нашему Ивану Федоровичю Колычову да дьяку нашему Илье Елчину».[3] Вполне ясно, что дьяк «Илья Уваров» памяти старца Гедеона и дьяк «Илья Елчин» одно и то же лицо (Илья Уваров сын Елчин). Таким образом известен и начальственный состав этой «Ваской четверти». Здесь последнее наименование приказа («четвертью») едва ли не местное, идущее снизу, особенно если вспомнить, что весь Важский уезд делился на четверти. Уловима и внешняя история высшего заведывания Вагою в XVI в. (дьяк И. Ногугородов, затем Ив. Висковатов, затем часть в опричнине, часть в Казанском и Мещерском дворцах и далее в чети Андрея Щелкалова; затем у Бориса Годунова в вотчине, наконец, вновь в Казанском дворце. Это была богатейшая волость, к которой жадно тянулись все и Годуновы и Шуйские. Временное образование

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 424.

[2] РИБ, XXXV, № 61.

[3] Там же, № 63; АИ, II, № 348.

особого приказа, где сидели окольничьи (Татищев при Самозванце и Колычов при Шуйском) показывают, что сбор доходов с нее особенно заботил лиц непосредственно сидящих на московском троне. Вага вскоре была отдана в вотчину царскому брату кн. Д. И. Шуйскому и опять ушла из царского обихода, а «приказ Важский» или «четверть» — исчезла.

С крушением в 1584 г. опричного строя чети дьяка Андрея Арцыбашева перешли отчасти в заведывание А. Як. Щелкалова, будучи присоединены к его собственной старой «земской» четверти.

Относительно управления Андреем Щелкаловым, как четвертным дьяком, различными местностями Поморья сохранилось довольно много документов, вплоть, почти, до самой опалы «великого дьяка» в 1594 г.[1] Но кроме этих новых поморских областей, а также прежних Вятки и Перми, есть сведения о ведавшихся в четверти старшего из братьев Щелкаловых и ряда других местностей Московского государства. Так, в 1585 г. суздальским приказным людям П. Ф. Колычеву и Аф. Радкову было приказано беречь «чтоб монастырских крестьян нихто не обидил и в монастырские вотчины наши посланники никто не вьезжал а хто учнет монастырские вотчины [!] и монастырским крестьяном продажи учнут делати, и... о том отписывали б... на Москву в приказ дияка... Ондрея Щелкалова».[2] 11 июля 1590 г. последний подписал также указную грамоту в Торжок, а в 1589 г. — грамоту

---

[1] Архимандрит. Досифей. Описание Соловецкого монастыря, ч. I, стр. 58 (прил.); он же, ч. III, стр. 56 (четь А. Щелкалова); С. М. Середонин. Соч. Дж. Флетчера, стр. 256. — Другие сведения о грамотах на Двину за подписью А. Щелкалова — 30 мая 1585 г. (Рукоп. ГПБ, Q. IV. 113а, стр. 370), 11 сентября 1593 г. (там же, стр. 351, упоминается «приказ» дьяка), 17 ноября 1593 г. (там же, стр. 360). 3 июня 1585 г. дана была жалованная грамота Терским, Ионойским, Елконским и другим лопарям, по которой им приказывалось самим привозить дань «в Москву в Приказ дьяка... Ондрея Щелкалова ежегод»; в 1599 г. 23 декабря она подписана дьяком Ив. Вахромеевым (Чтения, 1883, кн. 2, смесь, стр. 7—8).

[2] «Описание актов гр. А. С. Уварова», отд. I, № 59.

в Тверь о ненарушении тарханных привилегий новоторжского Воскресенского монастыря; в Тверь дьяком была отправлена грамота и в 1590 г. 2 сентября 1584 г. «приказ» А. Щелкалова послал грамоту в другую тверскую волость — Кимру; есть сведения, что в 1587 г. ему были подведомственны города Дорогобуж и Можайск, а, возможно — и Тула (1585 г.).[1] В том же 1587 г. А. Щелкалов подписал подтверждение тарханной грамоты 1577 г. Никольской-Тихоновской пустыни в г. Лухе, а в 1593 г. в его четверть идет оброк с означенного монастыря.[2] Существуют определенные указания, что в 1590, 1591, 1593 и 1594 гг. в чети А. Я. Щелкалова ведался Новгород с уездом и пятинами; наконец, около 1594 г. есть данные о ведомстве в этой четверти и Сибири.[3]

Перечисленными выше сведениями не исчерпываются, конечно, все документальные данные о территориальном составе четвертного приказа Андрея Яковлевича Щелкалова. Составлять полный список городов, ведавшихся в его чети, нам и не представлялось нужным, точно так же, как и устанавливать точные хронологические даты, когда та или иная область стала ведаться в этой четверти (впрочем, этого и невозможно сделать для всех городов благодаря скудости источников). Интересно только отметить, что, повидимому, на

---

[1] Там же, № 71; АЭ, I, № 344; Рукописи ГПБ Q. IV. 113а, стр. 1665, 1670 и 1673; С. М. Середонин, ук. соч., стр. 200. — О Дорогобуже — см. РИБ, II, № 39; О Туле — см. «Список с грамоты царя Федора Ивановича Тульскому осадному голове о пожаловании мельницы тульскому монастырю Иоанна Предтечи 1585 г. января 30» (Чтения 1895 г., кн. II, смесь).

[2] «Описание Николаевского Луховского Костромской епархии третьеклассного монастыря», стр. 47—48 и 51—52.

[3] Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, прил., стр. 37—43; П. И. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, стр. 238—240; Амвросий. История российской аерархии, ч. III, стр. 154—176. О Сибири: РИБ, II, № 56; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки (прибавл. к стр. 15—17), стр. 97; Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства, ч. I, стр. 268, прим. («В приказ к дьяку к Ондрею Щелкалову» приказано отписать с Тары в 7102 г.).

долю ее ведения досталась огромная масса земель Московского государства — все северное Поморье от Новгорода до Перми и Вятки, Сибирь и часть замосковных и заоцких городов: тверские, Дорогобуж, Тула, Суздаль.[1] Некоторые из этих городов, именно ведавшиеся «в земском», вероятно подчинялись чети А. Щелкалова и ранее, другие обломки «Дворовой четверти» — были присоединены к ней после ликвидации опричнины, т. е. по смерти царя Ивана.

Наряду с четью А. Щелкалова в начале царствования Федора Ивановича существовали также и другие чети; дьяков — Василия Щелкалова брата Андрея и Дружины Петелина.

Четверть Вас. Як. Щелкалова — «земская» четь времен Ивана IV. Кроме ведавшихся в ней уже тогда городов (Ярославля, Белоозера) эта четь, по документам, ведала в 1585 г. Галич и Вологду: в последней кн. Ив. М. Вадбольскому и дьяку Федору Александрову было приказано отмерить Кириллову монастырю пустое место, старые хоромы на нем продать на слом «с наддачею» и прислать деньги «в четверть дьяка нашего Василья Щелкалова».[2] Вологда ведалась этой четью еще в 1598 и 1599 гг.[3] Круг областей, подчиненных Василию Яковлевичу, вероятно, был значительно меньше, чем у его брата Андрея. Но с опалою последнего в 1594 г. Василий перешел на его место в Посольский приказ и соединил в своих руках обе четверти. Так, например, 31 января 1595 г. хлыновскому городовому приказчику было предписано отме-

---

[1] Интересно, в качестве какого дьяка — четвертного или разрядного (хотя официально им уже не был в это время) — отправил А. Щелкалов в 1592 г. во Владимир какую-то «грамоту о стрельцах»? (К. Тихонравов. Владимирская стрелецкая слобода). — О Поморье см.: Макарий, еп. архангельский и холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре, стр. 29—30. — В 1591 г., монастырь платил за все пошлины (торговые) «в четверть дьяка нашего Андрея Щелкалова».

[2] АЭ, I, № 236; ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 83 и об. (другой список: Архив ЛОИИ, № 112, отд. V). — В 7107 г. Вас. Щелкалов отправил грамоту бортникам Троицкого городища с. Ветлуги, Галицкого у. (А. А. Федотов-Чеховской, I, № 99, стр. 317).

[3] АЮ, № 210—IV; РИС, V, стр. 241.

рить вятскому Успенскому монастырю земли, записав их в книги: «да те книги... прислал бы еси к Москве в Посолской и Четвертной приказ к дьяку нашему к Василью Щелкалову за своею рукою...».[1] От того же 1595 г. известны грамоты Вас. Як. Щелкалова, отправленные на Двину, а в феврале 1595 г. — марте 1596 г. его четь посылала указы и в Сибирь.[2]

Но это объединение четвертных приказов в руках Вас. Щелкалова продолжалось недолго. За его личною «четью» остались, повидимому, лишь некоторые города (как, например, Вологда, Галич, может быть, Ярославль), большая же часть их из бывшей чети его брата разошлась по новым приказам — четвертям дьяков Ивана Нармацкого, Постника Дмитриева и Ивана Вахромеева. Уже в июне 1596 г. появляется четь последнего, ведающая Сибирь,[3] а поморские места и новгородские подчинились четверти первых двух из поименованных выше лиц. Вскоре обе последние «чети» вновь соединились в одну,

[1] Акты Успенского монастыря, № 8.

[2] О Двине см. Архив ЛОИИ, № 112, отд. V; о Сибири: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки (прибавл. к 15—17, стр. 97); РИБ, II, № 42 (Тюмень, 1596); Г. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 285 (Тара, 10 февраля 1595 г.: наказ новому тарскому воеводе кн. Ф. Б. Елецкому — вся казна идет «в Посольской и в Четвертной приказ к Дьяку Василью Щелкалову»); там же, стр. 290 (грамота ему же 26 июня 1595 г. с требованием отписать «про всякие про тамошние вести»), подписал подьячий Ивашко Васильев; там же, 26 августа 1595 г., стр. 297.

[3] О Сибири в Чети Ив. Вахромеева: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки (прибавл., стр. 97); РИБ, II, №№ 59 и 60 (Пелым, июнь 1596 г.), № 61 (Пелым, сентябрь 1597 г.); Г. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 336 и 340 (постройка города в Верхотурье, декабрь 1597 г., по приказу за подписью Ив. Вахромеева); АИ, II, № 3 (Верхотурье, сентябрь 1598 г.); Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. III (Сургут, август 1596 и май 1597 г., стр. 210). — Со второй половины 1599 г. Сибирь уже в Казанском и Мещерском Дворце: Г. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 248, 343 и 353 (Верхотурье, июнь 1599 г. — ноябрь 1600 г.); там же, стр. 374—389 (Мангазея, 1600—1601 г.); Н. Н. Оглоблин, ук. соч., стр. 214 (Сургут, 1602 г.). — Томск в 1604 г. построен по приказу того же Дворца (П. М. Головачев. Томск в XVII в., стр. 24).

«Новгородскую». Но прежде чем говорить об этом фазисе в истории сложения четей подробно, необходимо разобрать еще сведения о других четях и четвертных дьяках, известных во второй половине 80-х и первой половине 90-х годов XVI в.

Мы видели, что Устюг и Соль Вычегодская, как опричные волости ведались в Дворовой чети А. Арцыбашева. По смерти Грозного они не вошли в состав чети А. Я. Щелкалова, а перешли в ведомство дьяка Дружины — Фомы Пантелеевича Петелина. Последний в 1584—1590 гг. регулярно давал отписи Коряжемскому монастырю в Соли Вычегодской и вычегодским уездным людям в том, что они уплатили в его Четверть государевы подати,[1] а в Устюжском уезде производил суд по земельным тяжбам, причем за его подписью тяжущиеся получали «судные списки».[2] Основным приказом его в это время был Казанский дворец.

Если прибавить к этому сведения, что четверть Дружины Петелина в 1590 и 1595 гг. ведала городами Торопцом и Юрьевым польским, то, кажется, это будет все, что знаем мы о «чети» Дружины Пантелеевича.[3] Но с нею связан один любопытный эпизод приказных взаимоотношений Московского государства, давший повод одному из иностранных писателей о московских делах (Флетчеру) неточно изложить положение современных ему приказов-четвертей, а последующим исследователям, за Флетчером, — превратно истолковать его неверные данные.

В своем знаменитом перечислении четвертей английский посол говорит: «Третья четверть — Поместная, как принадлежащая этому приказу... Ею заведывает в настоящее время

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», №№ 31, 32, 33, 34, 35, 36; АЭ, I, №№ 343, 349.

[2] В. П. Шляпин. Акты велико-устюжского Михайло-архангельского монастыря, ч. I, № CXIX, стр. 147.

[3] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 142; «Памятники дипломатических и торговых сношений России с Персией», I, стр. 303 и 304. — Торопчане еще в 1574 г. платили, повидимому, подати в какую-то «четь» — «дворовую» или «земскую» сказать невозможно.

Елеазар Вылузгин. Жалованье его 500 рублей в год. Четвертая называется Казанским Дворцом, так как она присоединена к приказу, управляющему царствами Казанским и Астраханским, равно как и другими городами, лежащими по Волге. Теперь ею управляет некто Дружина Петелин, человек весьма уважаемый между русскими за его ум и расторопность в делах правительственных. Жалованья его 150 руб. в год».[1]

В приведенных словах Дж. Флетчера отчетливо проведено различение четей Ел. Вылузгина и Др. Петелина, и исследователь сочинения Флетчера С. М. Середонин нашел русские документальные известия для всех четей, кроме чети Вылузгина — английское свидетельство о ней оставалось единственным.[2] Впрочем, С. М. Середонину удалось, по его мнению, найти косвенное указание на четверть Ел. Вылузгина — в деле о раздаче жалованья послам в Персию кн. Тюфякину-Оболенскому и дьяку Семейке Емельянову в 1595 г. Насколько правильны соображения Середонина?

Позволю себе изложить обстоятельства отправки послов Тюфякина и Емельянова (к сожалению, приходится пользоваться печатным текстом «дела», без указания на почерки лиц, делавших пометы на изучаемых ниже документах, что, конечно, должно сильно ослаблять категоричность выводов).[3]

Отъезжающие в Персию в 1595 г. кн. В. В. Тюфякин и дьяк С. Емельянов просили о выдаче им воспомоществования на дорогу: особых «денег на подмогу» и «государева жалованья», четвертного — годового, так как на последнее имели право (как четвертчики). Боярская дума приговорила дать обоим послам просимое, но дьяк оказался недоволен (он получил по приговору 100 р. «жалованья» и 150 р. «подмоги») и

---

[1] Дж. Флетчер. О государстве Русском. Всеобщая библиотека, СПб., 1911.

[2] С. М. Середонин, ук. соч., стр. 253—254 и 257—258; — впрочем, кажется, С. М. Середонин несколько сомневается в правильности своего вывода — ср. вторую половину, стр. 259.

[3] «Памятники дипломатических и торговых сношений России с Персией», I, стр. 334—338.

бил челом вторично, заявив: «И по моей, холопа твоево, мере того твоево жалованья и много, только ныне для такие дальние посылки поднятися тем и прокормитися невозможно, потому что у меня, холопа твоево, в твоей государевой опале, по моей вине, животишка все взяты без остатка. . .»; бедственное положение дьяка усугублялось тем, что он потерял, очевидно за свои деяния в бытность дьяком в Новгороде, где его и постигла государева опала,[1] всякую кредитоспособность, так что в долг ему в Москве никто не желал поверить; ввиду всего этого Семейка и просил «и вперед на другой год свое государево жалованье вели дати — а двема, государь, годы ис Кизылбаш не сходити. . .». На этой челобитной Емельянова и была поставлена «любопытнейшая», по словам С. М. Середонина, помета: «Об одних о подможних послати ко князю Ивану, а к Елизарью. . .». Помета вызвала довольно путаную переписку между приказами и дала возможность С. М. Середонину видеть в ней указание на четверть Елизара Вылузгина.

Кем могла быть сделана эта помета? Очевидно, лицом, выслушавшим приговор боярской думы, так как последний в сущности в помете и заключается, и дальнейшие шаги В. Щелкалова — «памяти» — были только исполнением, развертыванием, так сказать, в указы этого записанного наспех, может быть, по обычаю, стоя, думным посольским дьяком, постановления бояр. Но удовлетворить просьбу проворовавшегося дьяка только в отношении его одного, конечно, не представлялось возможным для боярского совета: это значило бы смертельно оскорбить родовитого князя Тюфякина. И вот В. Як. Щелкалов, вероятно также по боярскому приговору, послал грамоты по приказам о выдаче денег обоим послам. Во-первых, он вежливо напомнил «судье» Большого Прихода боярину кн. Ивану Вас. Сицкому: «Жалованья на подмогу вы, бояре, приговорили им дати: князю Василью Тюфякину триста рублев, диаку Семейке Емельянову жалованья на под-

---

[1] Об опале на дьяка Сем. Емельянова см.: Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, прил., стр. 37—41.

могу двесте рублев. И боярину князю Ивану Васильевичу Ситцкому велети им то государево царево и вел. кн. Федора Ивановича всея Руси и жалованье на подмогу князю Василью и дьяку Семейке дати. Дияк Василий Щелкалов». «Подмога», благодаря челобитью Емельянова, была увеличена хотя дьяк и не просил об этом, а просил лишь об одном четвертном жалованье. Начальник Большого Прихода, кн. Сицкий, и должен был, как обычно в таких случаях,[1] «велеть» подчиненному ему дьяку Ждану Порошину «дать» послам подможные деньги. Несколько иначе дело обстояло с четвертным жалованьем. «Память» В. Я. Щелкаловым была послана к дьяку Поместной избы Елиз. Дан. Вылузгину, которого С. М. Середонин, на основании указания Флетчера, заподозрел в ведении особою «четью». Но, думается, подобное положение неосновательно, и Ел. Вылузин нужен был Щелкалову и боярам именно как поместный дьяк, а не как четвертной. Память Щелкалова такова: «...бояре приговорили: для кизылбашские службы князю Василью дати жалованье четверток на два года, на 104-й год да на 105-й год. И дьяку Елизарью Вылузгину князю Василью Тюфякину для кизылбашские посылки государево жалованье на 104-й и на 105-й год оклад его сполна велети дати. Дьяк Василий Щелкалов». Память касается одного только кн. Тюфякина-Оболенского, но на приведенной выше памяти Вас. Щелкалова судье Большого Прихода кн. И. В. Сицкому есть помета, что четвертное жалованье было выдано в увеличенном размере обоим послам; таким образом, отсутствие упоминания Семейки Емельянова в памяти Ел. Вылузгину заставляет лишь предполагать существование особой, специально по поводу дьяка, памяти Щелкалова тому же Вылузгину. Для чего было необ-

[1] О «подмоге» из Большого Прихода см., напр., «Память» Щелкалова относительно отправляемого в Персию кречатника В. Черноцова в 1597 г. («Памятники дипломатических и торговых сношений России с Персией», I, стр. 389—390); — также в 1591 г. относительно уезжавших в Иверию иконописцев (С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1 (1578—1613 гг.), стр. 26.

ходимо посольскому дьяку посылать памяти дьяку Поместной избы Елиз. Вылузгину? На это можно ответить, приняв во внимание два обстоятельства: 1) все документы, над которыми сейчас делаем мы наблюдения, сохранились до нашего времени в посольском архиве и, более того, в посольском «деле», 2) на памяти Елиз. Вылузгина о кн. Тюфякине стоит помета: «О жалованьи послати к Дружине, а о подмоге ко князю Ивану». Первое обстоятельство показывает, по нашему мнению, что Вас. Як. Щелкалову документы возвращались обратно при тех или иных справках из соответствующих приказов, а второе — какого характера были эти справки — указывалось из какой именно чети надлежит выдать челобитчикам четвертное жалованье. Если вчитаться в память Вылузгину, то следует заключить, что от этого дьяка Вас. Щелкалов желал получить и еще одного характера сведения: Елиз. Вылузгину предписано было «велети дати» сполна «оклад» кн. Тюфякина — какой оклад? «жалованья»? Едва ли не будет правильнее думать, что выписку из хранившихся в Поместном приказе «вотчинных книг», где записывались вотчины и поместья служилых людей и их поместный «оклад». Что при экстраординарной выдаче четвертного жалованья в московской приказной практике справлялись с тем, каков земельный поместный «оклад» получающих деньги — можно найти документальные свидетельства: так, например, в 1576 г. по справке памятями в Поместном приказе давали жалованье служилым людям путивльцам и рылянам, причем были сделаны даже сравнительные таблицы поместного и денежного окладов; в 1577 г. бояре приговорили не давать «проезжаго жалованья и за изроны» тульским, мещерским и рязанским станичникам, так как «поместья за ними большие статьи, а денежное жалованье головы емлют годовой оброк из чети. . .»; в том же году дача малопоместным и беспоместным рылянам и путивльцам была произведена следующим образом: боярская дума приговорила выдать им денежное жалованье лишь по справке у дьяков Поместной избы А. Мясного и Богд. Ксенофонтова; последние прислали выпись о поместных складах жалуемых в тот при-

каз, который выдал дело и думный дьяк которого докладывал, очевидно, боярам (в Разряд — дьякам В. Щелкалову и А. Арцыбашеву), и лишь после нового доклада Щелкалова и Арцыбашева боярам о выписи было постановлено затребовать для выдачи деньги из Большого Прихода в Разряд.[1] Связь денежного оклада с поместным видна и в деле о назначении жалованья из Новгородской четверти детям боярским рязанского архиепископа в 1604 г.[2] Наконец, есть документ, восполняющий как бы недостающую нам «память» дьяку Дружине Петелину из Посольского приказа о выдаче четвертного жалованья в 1595 г. кн. Тюфякину и дьяку С. Емельянову и в то же время указывающий, что поместный дьяк должен был дать со своей стороны необходимые сведения: 27 июня 1599 г. из Разряда в четверть была отправлена следующая память — «По г. ц. и в. к. Бориса Федоровича в. Р. указу памет дияку Василью Маркову. Государь царь и в. к. Борис Федорович в. Р. пожаловал рословца Константина Федорова сына Маслова, велел ему довати своего государева денежново жалованья из четверти по 6 рублев на год, а 107-го году июня в 22 ден на челобитной его помета дияка Елизарья Вылузгина. И по г. ц. и в. к. Бориса Федоровича в. Р. указу дияку Василию Маркову г. ц. и в. к. Бориса Федоровича в. Р. денежного жалованья давати рословцу Костентину Федорову сыну Маслову из четверти по 6 рублев на год, да и в книги его в четвертные велети написати. А у грамоты припис дияка Истомы Кортошова. А правил грамоту Иван Аврамов».[3]

К. Ф. Маслов был далеко не последним в своем дворянском обществе: его выбрали все рославльцы излюбленным «судным» головою (губным старостой?), много лет служил он также в качестве командира дворянского отряда — «сотенным головою»; наконец, Маслов обладал и хорошею поместною дачею (350 частей), каковую усердно и пополнял, под-

---

[1] АМГ, I, №№ 16, 19, 21.

[2] АМГ, I, № 41.

[3] Ф. И. Маслов. Масловский архив, вып. 1, № 73.

бирая освободившиеся поместья своих земляков. Его поместный оклад вполне соответствовал окладам четвертчиков, но среди последних он почему-то не значился. Маслову пришлось, видимо, лично напомнить челобитной, что он мог бы получать деньги «из чети», и поместный дьяк, по приказу Разряда, сделал помету на просьбе, а затем по распоряжению того же Разрядного приказа четь дьяка В. П. Маркова и внесла челобитчика в число своих четвертчиков.

Итак, московская практика показывает, что с Поместным приказом справлялись при назначении денежных выдач из чети и притом именно как с учреждением, ведавшим земельное обеспечение жалуемых. Поэтому и в деле о послах в Персию 1595 г. мы усматриваем не косвенное указание на четь Елиз. Вылузгина, а осуществление именно только-что указанного порядка. Показание Флетчера остается пока относительно этой чети одиноким. Но можно указать, как произошла эта, по нашему мнению, ошибка в сочинении иностранца-англичанина.

Уже С. М. Середонин отметил, что за подписью Ел. Дан. Вылузгина известна грамота 1590 г. в Соль Вычегодскую, грамота, которую никак нельзя считать вышедшей из Поместного приказа.[1] Точно так же тот же дьяк 19 июля 1590 г. подписал указ в Дмитров, Кимру, Углич, Городец, Устье, Каргополь и Турчасово о невзимании пошлин с соли и товаров, принадлежащих Кирилло-Белозерскому монастырю, когда монастырь повезет их для собственных нужд,[2] а 3 марта 1591 г. скрепил грамоту на Устюг таможенным целовальникам о ненарушении льгот Сийского-Антониева монастыря, который сам платил «за все пошлины» в четверти Андрея Як. Щелкалова.[3] Все три грамоты никак не могли выйти из Поместного приказа и безусловно касаются «четвертных»

---

[1] АЭ, I, № 349.

[2] А. А. Гераклитов. Грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. Саратов, 1914.

[3] Макарий, еп. архангельский и холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. М., 1878, стр. 29—30.

дел: в них, таким образом, можно видеть указание, что дьяк Вылузгин действительно заведывал какою-то четью. Более того, от 30 августа 1587 г. сохранилась расписка Елиз. Вылузгина в приеме «в Четвертной приказ» ямчужных денег с посада Соли Вычегодской, владений монастырей Прилуцкого и Архангельского, с «баканьяго» села Заборья и с черных деревень, приписанных оброком к Устюгу;[1] 25 января 1590 г. тот же дьяк дал расписку в получении судных пошлин с вычегжан;[2] наконец, С. В. Рождественский привел любопытное сведение из дел Соловецкого монастыря; «В 1589 г. монастырь, жалуясь на отсутствие вотчин, просил разрешения купить на Устюге Великий двор и пристань; разрешение было дано с приказом записать купчие в книги и прислать их в Четверть дьяка Елизара Вылузгина».[3] Кажется этих данных достаточно для того, чтобы считать дьяка Вылузгина сидящим не только в основном своем приказе, Поместной избе, но и в Чети. Но дело осложняется одним обстоятельством. Те местности, куда посылались грамоты за приписью Елиз. Вылузгина и с которых он собирал доходы — ведались до этого времени и после четью другого дьяка — Дружины Петелина. Так, Коряжемский монастырь в Сольвычегодском уезде и сольвычегодские жители платили в эту последнюю четь деньги в 1586, 1587, 1588, 1591 гг. — в чем и сохранились дьячьи расписки Дружины Петелина,[4] — как будто две чети берут в одно и то же время, в одних и тех же местностях, одни и те же сборы. Дело разъясняется другими сохранившимися «отписями» Елиз. Вылузгина: в них он говорит, что деньги собирал он не в свою четь, а в чужую, именно Дру-

[1] Д. Прозоровский. Опись древних рукописей, хранящихся в музее и. Русского археологического общества, № 771, стр. 103—104.

[2] Там же, № 78, стр. 104, стлб. 2.

[3] С. В. Рождественский, ук. соч., стр. 142. — Повидимому, здесь пересказ акта (из «Сб. грамот Соловецкого монастыря», л. 101) не совсем точен: в подлиннике вероятно было сказано: «в четверть к дьяку нашему к Елиз. Вылузгину», — это для нас существенно.

[4] См. ниже, ч. III, «Документы», №№ 31, 32, 33, 34, 36.

жины Петелина.[1] Видимо, мы имеем дело с временным замещением одного дьяка другим. Наблюдения над деятельностью дьяка Дружины Петелина показывают, что дьяк был очень занят различными делами, далекими от его непосредственных обязанностей заведующего Казанским дворцом и четью; на время этих отвлечений от его прямых занятий, как можно думать, и падают документы, подписанные Елизарием Вылузгиным. Так, Дружина Петелин много раз уезжал из Москвы в качестве посла: с 22 ноября 1584 г. по 4 апреля 1585 г. — в Польшу; туда же с 28 июня по 1 октября 1586 г.; на избирательный сейм в Варшаву — с 11 июля по 20 сентября 1587 г.;[2] в 1590 г. он ездил на переговоры со шведскими уполномоченными на р. Плюсу;[3] много раз участвовал он и в текущей дипломатической работе, при приемах послов, в ответных комиссиях и т. д.: например в 1583—1584 гг. он встречал Боуса;[4] в августе 1588 г. отвечал крымским послам,[5] в мае—июне 1590 г. — персидским, а в феврале — марте 1593 г. — польским.[6] Как раз во время пребывания в Москве Флетчера (1588 г. — весна 1589 г.) Дружина Петелин был очень занят в деле устройства патриаршего престола — в июле 1588 г. он вместе с А. Я. Щелкаловым вел переговоры с приехавшим константинопольским патриархом Иеремией, а в январе 1589 г. участвовал в торжествах наречения митрополита Иова патриархом.[7] Едва ли участие дьяка, повидимому большого дельца, испытанного, как видно, в дипломатических делах,

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 35; Д. И. Прозоровский, ук. соч., № 78, стр. 104, стлб. 1.

[2] Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г., стр. 5—7, 11—13, 16—23.

[3] Н. М. Карамзин, ук. соч., X, прим. 187.

[4] Сб. РИО. 38, стр. 82, 85, 129, 134.

[5] В. И. Савва. О посольском приказе в XVI в., вып. 1, стр. 399.

[6] Там же, стр. 400.

[7] А. Я. Шпаков. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Прил., ч. I, стр. 105 и 111—112; ч. II, стр. 31 и 135—136; РИ. II, № 103. То же в «Щукинском сборнике», III, стр. 324—343: «Об избрании патриарха Иова» (рукопись XVI в.).

могло ограничиться в деле учреждения патриаршества только приведенными случаями, тем более, что он в это время был, видимо, думным — в октябре 1589 г. объявлял приговор царя по местническому делу кн. П. Борятинскому (причем и самое дело разбиралось также Др. Петелиным, т. е. он отправлял обязанности дьяка Разряда).[1] Поэтому для того, чтобы нести обязанности свои, как начальника чети и Казанского дворца, ему оставалось и в 1588—1589 гг. очень мало времени; дьяк Поместного приказа Е. Д. Вылузгин и заменял, по всей видимости, Дружину Петелина по управлению его четью во время пребывания в Москве Флетчера: подобное, как видели мы только-что, практиковалось этими дьяками и до приезда английского посла и потом, в особо экстренных случаях.

При таком положении дела вполне понятна ошибка Флетчера в описании четей: из известных и существовавших в его время трех приказов он сделал четыре; по всей видимости его ввело в заблуждение прежде всего самое наименование приказов четвертями — наименование, заставившее предположить, что их должно быть обязательно четыре (Флетчер счел необходимым перевести это слово своим соотечественникам как «тетрархии»); для англичанина, писавшего по сообщениям своих русских знакомцев, было, видимо, непонятно, как это в учреждении, носящем определенное название «чети дьяка Др. Петелина» распоряжается, однако, другое лицо, также вероятно думный дьяк особого приказа, — Е. Д. Вылузгин. Нечто подобное он уже изобразил при описании взаимоотношений В. Я. Щелкалова и Сап. Аврамова,[2] но во втором случае отношения дьяков были, конечно, гораздо сложнее, а мысль, что «тетрархий» должно быть обязательно четыре, подсказала ему необходимость сочинить особую четь Е. Вылузгина.[3]

---

[1] Карамзин, ук. соч., X, прим. 456; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 493—494. — Н. П. Лихачев почему-то на основании этого случая считает Др. Петелина вторым разрядным дьяком.

[2] Д. Флетчер. О государстве Русском, изд. 1906 г., стр. 36.

[3] Есть одно позднее указание на «четь» Е. Вылузгина, не противоречащее высказанным выше заключениям: в 1615—1616 гг. служилый

Итак, по русским источникам можно говорить о существовании в 1588—1590 гг. только трех четей: Андрея Щелкалова, Вас. Щелкалова и Дружины Петелина. В 90-х годах эти четверти пережили ряд изменений как со стороны своего состава, так и в начальственном персонале. В XVII в. они вступили уже с территориальными наименованиями, хотя еще прочно не установившимися.

Попробуем в кратких чертах наметить дальнейшую внешнюю историю четей в конце XVI в.

Мы уже видели, что после опалы Андрея Щелкалова его четью стал заведывать его брат Василий, занявший и в Посольском приказе место Андрея, и что это объединение не было длительным. Из обеих четей Щелкалова образовалось три. Во-первых, сам Василий сохранил в своем «Посольском и четвертном приказе» некоторые местности — такова, например, Вологда и, видимо, Галицкие места.[1] Во-вторых, как мы уже упоминали, Сибирь, ведавшаяся еще братом Василия Андреем в его четверти, а затем с 1594 г. управлявшаяся в объединенной чети младшего Щелкалова, в 1596 г. оказалась подчиненной особой чети дьяка Ивана Вахромеева, которая в конце того же года посылала грамоты еще в Устюжну,

---

человек Дан. Дан. Шенкурский бил челом о справе за ним отцовского четвертного жалованья и поместья — «и грамота на поместейцо и про оклад и ныне у меня, а что меня пожаловал денежным оброком отца моего, и той, государь, подписной за Васильевою пометою Янова и отпуску, что послана в Четверть память, в Разряде не сыщут, а в четверти в Устюцкой, что была у дияка у Елизарья Вылузгина, книги и памети в разоренье утерялись». Справкой в Поместной избе была подтверждена правильность указаний Шенкурского о поместье отца, записанного за ним в книгах 7104 (1595—1596) г. Тогда же, вероятно, т. е. до 7104 г., поверстан был отец челобитчика и жалованьем из «Устюцкой» чети.

[1] Грамоту 25 марта 1585 г. (АЭ, I, № 236) из чети В. Щелкалова в 1600 г. подписал разрядный дьяк Семен Чередов (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, по указателю); возможно, что он продолжал сидеть в чети своего начальника, бывшего думного разрядного дьяка В. Щелкалова — и сюда его служба по обоим приказам (чети и Разряду), когда Щелкалов, покинув Разряд в 1594 г., стал думным посольским дьяком. Иначе это подтверждение грамоты Чередовым необъяснимо.

в марте 1597 г. — в Колу, а также в Тверь и Торжок.[1] Наконец, в-третьих, основная масса поморских земель стала ведаться в особой чети, будущей «Новгородской» — дьяков: думного, — Ивана Алексеевича Нармацкого и Постника Дмитриевича Лодыгина.[2] Эта четверть в 1595—1596, 1598—1599 гг. управляет Новгородом с пятинами,[3] посылает грамоты на Двину (1595 июль — 1599 г.),[4] в Каргополь (1596—1597 гг.),[5] подтверждает в 1599 г. грамоту, посланную А. Щелкаловым в 1586 г. на Вятку (в Хлынов);[6] в январе 1599 г. Нармацкой подтвердил грамоту А. Щелкалова по поводу спора 4 крупных северных монастырей — Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Архангельского и Николо-Корельского, из которых двое последних пожелали выписаться из монастырского промыслового складства.[7] От 25 августа 1595 г. до 3 марта 1599 г. эта

---

[1] АЭ, I, № 367 (скрепил подьячий Безсонко Ильин; Устюжна в 1583 г. была вотчиной царицы — старицы Леониды, вдовы царевича Ивана Ивановича — АЭ, I, № 320); ДАИ, I, № 140; П. Н. Милюков, ук. соч., стр. 24, прим. 2. — Не можем сказать, как перешли Тверь и Торжок в четь Ив. Вахромеева — прямо ли из чети Андрея Щелкалова (и тогда, очевидно, четверть Ив. Вахромеева была образована вновь сейчас же по уходе с политической арены А. Я. Щелкалова, когда остальные земли чети последнего перешли к его брату Василию), или же прошли, подобно другим местностям, через «приказ четвертного и посольского дьяка» Вас. Щелкалова. Последнее, по нашему мнению, вероятнее.

[2] О фамилии дьяка Постника Дмитриева см.: Н. П. Лихачев. Библиотека и архив, прил., стр. 34—35. — В конце 1601 г. Постн. Лодыгин — думный дьяк (Ю. Н. Щербачев. Русские акты Копенгагенского государственного архива», № 77); Ив. Нармацкой думным дьяком был еще в 1597 г. — Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 512, прим. 2.

[3] А. А. Федотов-Чеховской, I, № 86 (стр. 245—247); I, № 141; П. Иванов. Описание, стр. 238—240; ДАИ, I, № 147; АЭ, I, № 300.

[4] АЭ, I, №№ 323, 364 (подьячий Меншик Иванов); РИБ, XII, А — XXIII; РИБ, XIV, А — LXXIV и др.

[5] К. А. Докучаев-Басков. Строкина пустынь и ее чернецы (опыт исследования жизни монашествующих), стр. 66—69. Архив ЛОИИ. Сб. № 112, отд. IV, № 20, стр. 763—766.

[6] АЭ, I, № 305.

[7] РИБ, XIV, А — LXXIV.

четь посылает грамоты в Нижний Новгород,[1] 17 января 1596 г. за приписью дьяка П. Д. Лодыгина отправлена грамота таможенным головам в Балахну.[2] В 1595 г. в четь Ив. Нармацкого («Новую») шли все судовые пошлины с проходящих по Волге судов (видимо, в пределах Нижегородского края): так, 18 июля 1595 г. была дана жалованная грамота костромскому Ипатьевскому монастырю, что с их монастырского судна, «как поидет... судно... на низ в Тетюши с товары, а снизу вверх с рыбою», «...емлют...за всякие пошлины в нашу казну на Москве в приказ дьяка нашего Ивана Нарматцково на год по сту рублев»; 22 июля о том же была послана грамота «с прочетом» в Юрьевец Поволж-

---

[1] А. К. Кабанов. Материалы по истории Нижегородского края, вып. 3, №№ 63 и 65 (стр. 80—81, 82—83). — Из документов, опубликованных А. К. Кабановым, ясно восстанавливается история центрального заведывания Нижним Новгородом: в 1542 г. Нижний Новгород в приказе (видимо «Нижегородского») дворецкого кн. Ив. Ив. Кубенского (№ 19, стр. 25); с учреждением Казанского дворца, «Нижегородский» был с ним видимо соединен, и в 1560—1562 гг. грамоты в Нижний посылались от «боярина и дворецкого казанского и нижегородского и мещерского Мих. Ив. Волынского» (№ 15, стр. 18, № 21, стр. 35), впрочем в 1562 г. еще упоминается и просто «Нижегородской дворец» (№ 16, стр. 19); в 1565—1566 гг. — в Казанском дворце у дьяков Петра Шестакова сына Романова и Ив. Никиф. Дубенского (№№ 25, 26, 28, 30 — «судья», «дворецкий», в Казанском дворце боярин Сем. Вас. Яковля?) В Казанском дворце Нижний Новгород ведался и тогда, когда начальником этого приказа сделался Андрей Як. Щелкалов, но не в его чети: грамоты с июля 1580 по 17 февраля 1587 г. (№№ 36, 42, 45, 51) подписаны А. Щелкаловым и вышли из Казанского дворца; с уходом Щелкалова из Казанского дворца, где его сменил Др. Петелин, также ведавший четью (см. стр. 394), Нижний Новгород, повидимому, был перечислен в число городов чети А. Щелкалова, а затем вместе с нею перешел к Вас. Щелкалову и, наконец, попал в четь Ив. Нормацкого и П. Лодыгина (№№ 63 и 65). Такая связь с лицом А. Щелкалова для Нижнего (и может быть Балахны? — прил. 8) очень интересна. Любопытно, что то же, по всей видимости, было и с Пермью — См. еще «Дипломатические сношения России с Персией», I, стр. 340—341 (май 1597 г.).

[2] А. К. Кабанов, ук. соч., № 68, стр. 86.

ский житничьему ключнику и в Юрьевец и на Плесо таможенным целовальникам и откупщикам.[1]

Четверть дьяков Ив. А. Нармацкого и Постника Дм. Лодыгина была, видимо, заново выкроена в 1595 г. из прежней объединенной, так сказать, чети В. Я. Щелкалова и потому носит в документах название «Новой» (1597 г.); когда в сентябре 1599 г. она уступила место «Новгородской» (территориальное наименование), то эта последняя некоторое время (1600 и 1601 гг.) продолжала называться «новоприбылой».[2]

На конец 1599 г. приходится последний передел территорий прежних дьячих «четвертных приказов», и в XVII в. вступили они, как чети Новгородская, Устюжская, Галицкая и Владимирская. Но прежде чем говорить об этом последнем фазисе в истории четвертей (XVI в.), необходимо несколько вернуться назад к судьбам четверти Дружины Петелина, из которой выросла впоследствии четь Устюжская.

---

[1] С. А. Шумаков. Обзор, вып. 4, стр. 162, №№ 486 и 487.

[2] А. Кабанов, ук. соч., № 84 (стр. 99—101). — Таким образом «Новая» четь действительно существовала в XVI в., но это было лишь другое именование чети Ив. Нармацкого, а затем Новгородской или Нижегородской. С позднейшей «Новою четью» или «Кабацкой» она не имела ничего общего, так как Кабацкая четверть была учреждена в 1619 г. (С. Б. Веселовский. Две заметки о боярской думе, стр. 307). — Мнение, что «Новая» четь, какую мы знаем в XVII в., ведет начало с 1597 г., пошло, повидимому, от глухой ссылки Гавр. Успенского (Опыт повествования о древностях русских, ч. 1) и статьи Г. Ф. Миллера о приказах в XX томе «Древней Российской Вивлиофики». Его держатся, напр.: Неволин (Соч., VI, стр. 174, 175), И. Н. Вернер (ук. соч., вып. 2, стр. 144), С. М. Середонин (ук. соч., стр. 249, 259), В. О. Ключевский.

По опубликованной С. К. Богоявленским «Описи дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г.» видно, что в XVII в. хранились еще следующие документы, чети Ив. Нормацкого и П. Лодыгина: 1) Книга приходная и расходная 105 г., за приписью Ив. Нормацкого, «а досталь без приписи»; 2) Сметный список 107 г. за приписями дьяков Ив. Нармацкого и П. Дмитриева: 3) Роспись и список с платежных отписей Двинского у. мезенских волостей 105 г. (стр. 13, 16). — Подьячим в чети в августе 1595 г. отмечен Назарко Ильин (А. Кабанов, ук. соч., № 63).

Четь эта ведала, как мы знаем, Соль Вычегодскую, Устюг, Юрьев Польский, Торопец — еще в 1595 г. В этом году и дьяк Дружина еще сидел в своем основном приказе, Казанском дворце. Вскоре, однако, он покинул оба приказа, которые и были разделены: в Казанском дворце его сменил известный по событиям смутного времени дьяк Афанасий Власьев, а в чети сели самостоятельные дьяки: Семейка Протасьевич Сумороков, когда-то сотрудник Андрея Арцыбашева по Дворовой чети и Дворовому Большому Приходу в 1582—1584 гг.,[1] и товарищ того же Арцыбашева по службе в Новгороде Великом в конце 80-х и начале 90-х годов — дьяк Семейка Емельянов.[2] Сведения о деятельности этих дьяков имеются, причем есть новые указания на ведавшиеся у них в чети области: так, в 1597 и 1598 гг. Сумороков судит земельную тяжбу между Архангельским устюжским монастырем и крестьянами дер. Льняниковской, причем понятыми выступают и устюжане и вычегжане, межевые списки приказано отсылать «в Четверть дьяка нашего Семейки Сумарокова»;[3] сольвычегодский Коряжемский монастырь платил ему же подати в 1597 г.;[4] наконец, есть данные, что Сумороков ведал Соль Вычегодскую еще в марте 1599 г.[5] Относительно других местностей этой чети известно, что дьяки Сумороков и Емельянов в 1596 и 1597 гг. собирали деньги «в Четвертной приказ» с Ипатского монастыря, следовательно, у них ведалась и Кострома,[6] а в августе 1599 г. Сумороков послал приказ губному старосте в Переяславль Залесский по поводу челобитья

[1] В 90-х годах С. Сумороков служил в «приказных людях» в Нижнем Новгороде — «Памятники дипломатических сношений России с Персией», I, стр. 178, 182 (1593 г.); АИ, I, № 230 (1591 г.); М. А. Дьяконов, Акты, вып. 2, № 30 (1592—1593 гг.).

[2] С. Емельянов служил вторым дьяком в Новгороде, где проштрафился и попал в опалу; архимандрит Амвросий. История Российской иерархии, ч. III, стр. 157, 211 (1588—1590 гг.).

[3] РИБ, XIV, Б, № V.

[4] См. ниже, ч. III, «Документы», № 41.

[5] И. Сенигов. Памятники земской старины, стр. 5.

[6] АЮ, № 216, I и III.

Симонова монастыря о спорном перевозе.[1] Большею частью С. Сумарокову пришлось вести дело единолично, так как его товарищ С. Емельянов, прослужив едва год с небольшим (с 1596 г.), в апреле—мае 1597 г. был отправлен послом в Персию, где и умер осенью того же года.[2] Подьячим в чети отмечен Парфенко Кузьмин.[3]

В сентябре 1599 г., как уже было сказано, три чети (кроме, повидимому, небольшой Вас. Як. Щелкалова, который управлял ею до самой опалы [4] своей в 1601 г.) сменили дьячий состав, изменив и состав территории. Место дьяков Ив. Нармацкого и Постн. Дмитриева заняли: приказный «судья» окольничий Мих. Мих. Салтыков и дьяки: первый Ив. Вахромеев и Богдан Иванович Змеев.[5] Эта четь, носящая наименование «Новгородской», получила некоторые местности от бывшей чети Суморокова и Емельянова (так, в Новгородской чети ведалась в сентябре 1599 г. Соль Вычегодская), посылала указы во все Поморье, попрежнему именовалась «Новой», «Новоприбылой», а, несколькс позднее — в 1606 г., ввиду, вероятно, огромности территорий — «Большой», и изо всех четей — первая, видимо, управлялась думным чином (не думным дьяком).

Четверть Суморокова и Емельянова, владевшая Устюгом (и поэтому родоначальница будущей «Устюжской»), несколько уменьшившаяся, как только-что мы видели на примере Соли Вычегодской, переменила дьячий состав несколько ранее Новгородской, в марте—июне 1599 г. Ее начальником сделался дьяк Василий Петрович Марков, повидимому, один, на долгое время — по крайней мере до декабря 1607 г. Наконец, прежняя четь Ивана Вахромеева, перешед-

---

[1] См. ниже, ч. III, «Документы», № 44.

[2] «Памятники дипломатических сношений России с Персией», I, стр. 389—390 и 426—427.

[3] АЮ, № 216.

[4] Об опале см.: С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 232.

[5] О фамилии дьяка Богд. Иванова — «Змеев» — см. Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 517, прим.

шего первым дьяком в Новгородскую четверть в сентябре 1599 г., еще до этого события потеряла Сибирь, а с уходом Вахромеева, вероятно, и поморские земли, как Кола, были причислены к Новгородской четверти. Кто был его непосредственным преемником — точно не знаем; видимо — дьяк Богдан Власьев, в 1601 г. заведывавший Тверью и сидевший во Владимирской четверти.

Начальная история образования Новгородской четверти интересна еще тем, что неминуемо приходится решать вопрос об отношении ее к «Нижегородской чети»; впоследствии в XVII в. термины эти стали равнозначущими (Новгородская четь = Нижегородская четь) и употреблялись безразлично по отношению к одному и тому же приказу.[1] Однако только путем ряда наблюдений можно притти к тому же выводу относительно начала XVII в., причем интересно, что название «Нижегородской» четь стала носить лишь при преемнике Салтыкова в четвертных «судьях» — кн. Туренина. Причина двойственности названия коренится, видимо, в особенностях старинного центрального управления Нижним. Когда-то существовал особый «Нижегородский дворец», затем объединенный с «Казанским дворцом». Андрей Яковл. Щелкалов, покинув заведывание Казанским дворцом, оставил за собою управление некоторыми местностями из ранее подчиненных Казанскому дворцу, в качестве своих «четвертных» земель — таковы Пермь, Нижний; последний, как имевший когда-то, может быть еще со времени удельного присоединения к Москве, свой особый «Дворец», сохранял в четверти А. Щелкалова некоторую обособленность в управлении, при преемниках могущественного дьяка видимо растворившуюся

[1] См. напр.: АЭ, II №№ 60, 72, 87 («Новгородская» четь); ср. Приходо-расходную книгу Нижегородской чети 123 (1615 г.), где перечислены местности, ведавшиеся безусловно в Новгородской чети: Вологда, Двина, Каргополь, Пермь, Вятка, части незанятой шведами Новгородской области (Обонежская пятина), Пустозерск, Кола, Вымь Яренская и т. п.; так же Нижний Новгород, Арзамас — РИБ, XXVIII, «Приходо-расходные книги московских приказов», I.

в приказной практике, но выплывшую впоследствии в удвоении названия всей четверти.

Как бы то ни было, в марте 1601 г. Новгородская-Нижегородская четверть сменила состав заведующих лиц: 31 марта нижегородский воевода кн. Ф. Андр. Звенигородский получил указ из «Новоприбылой» чети от кн. Мих. Самсоновича Туренина и дьяков Ивана Салманова и Павла Матюшкина, за справою подьячего Ивашки Курбатова (знаменитого впоследствии Ив. Тарас. Грамотина),[1] а в сентябре того же года те же лица распоряжаются на Белоозере из Нижегородской чети, причем в прошлом 108 г. всем ведала четь М. М. Салтыкова.[2] В январе 1602 г. эта четверть послала указ в Арзамас губному старосте по поводу совращения мордвином Ваською Ардатовым своих холопов из христианства в язычество; обыскной список приказывалось прислать «к Москве в Нижегородскую четверть к князю Михаилу Самсоновичу Туренину, да к дьякам нашим к Ивану Салтыкову, да к Павлу Матюшкину».[3] В ноябре того же 1602 г. этот состав четвертной администрации еще требовал от приказных людей на Белоозере, Гаврилы Потапова сына Викентьева и подьячего Ив. Малыгина, присылки в Нижегородскую четь таможенных денег и книг;[4] но очень скоро вслед затем, видимо в конце 1602 г. или начале 1603 г., Гаврила Викентьев бьет челом в Нижегородской чети уже новому дьяку Петру Желябужскому, который сидел в чети еще 20 июня 1604 г., когда по его указу к нему должны были явиться, «как летняя служба минетца», два служилых арзамасских мордвина, поспоривших о «заложенном человеке».[5]

Вторым дьяком при нем был Федор Янов, о чем мы заключаем из указанной Н. П. Лихачевым грамоты за подписью

---

[1] А. К. Кабанов, ук. соч., № 84 (стр. 99—101).

[2] АЭ, II, № 18.

[3] «Сын Отечества», 1839, кн. IX, стр. 93—95.

[4] АЭ, II, № 22 (подьячий Васька Семенов).

[5] ГПБ, Рукописи СПБ. дух. акад., А I/17; Д. Я. Самоквасов, II, стр. 124.

этого дьяка от 16 января 1604 г.,[1] затем ставший в ней видимо первым дьяком, сменив Желябужского, и продолжавший сидеть в качестве такового некоторое время, может быть и при Лжедимитрии (грамота 12 июня 1605 г.).[2] Однако вскоре, при том же царе Дмитрии Ивановиче, нижегородский Амвросиев-Дудин монастырь бил челом опять перед старым дьяком Петром Желябужским и его товарищем Алексеем Аргамаковым.[3] Переворот кн. Вас. Ив. Шуйского ввел новых лиц в управление четью: с 1606 г. мы видим начальником в ней знаменитого Григория Елизарова, автора «Новой Повести о преславном Российском царстве», ушедшего после падения Шуйского от поляков из Москвы к Троице,[4] «вторыми» дьяками — Нечая Федорова (июль 1606 г. — март

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, указатель, стр. 92; так же 1693 г. февраля 23, АЮ, № 209/XII.

[2] АЭ, II, № 38. — Тарханная грамота Сийскому монастырю 14 сентября 1605 г., по которой монастырь ведается в Новгородской чети (дьяк не обозначен), подписана Богданом Сутуповым (Макарий, еп. архангельский и холмогорский, ук. соч., стр. 38—40). Дьяк Ф. Янов посылал из Новгородской чети в 1605 г. грамоты на Вологду (ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, № 373).

[3] А. К. Кабанов, ук. соч., стр. 105—106, № 93. — «Товарищ» П. Желябужского, дьяк Алексей Аргамаков, по всей видимости бывший подьячий той же чети в 1600 г. — См.: ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, л. 470 об.

[4] АЭ, II, № 54, 56, 60, 70, 72, 78, 87, 107. — О Григории Елизарове см.: С. Ф. Платонов, Соч., III, прим. 195 и 200; Соч., II, стр. 466; — Н. П. Лихачев указывает в мае 1609 г. в Новгородской чети еще двух дьяков: Василия Осиповича Янова, впоследствии в ноябре 1610 г. служившего Сигизмунду и Томилу Обухову («Разрядные дьяки, стр. 530). — Но это по всей видимости тушинские деятели — ср. С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 400; Макарий, еп. архангельский и холмогорский, ук. соч., стр. 42—43 (Григ. Елизаров и Нечай Федоров в Новгородской чети 18 июля 1606 г.). — О Григории Елизарове в Новгородской чети, см. его грамоту 2 июня 1607 г. в Арзамас (С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты, I, № 223); РИБ, XIV, А — CIV («Г. Елизаров и А. Иванов в Новгородской четверти 26 февраля 1610 г.»). — АЭ, I, №№ 305, 350.

1607 г.), бывшего ранее дьяком в Казанском дворце,[1] а затем — Андрея Иванова (с мая 1607 г.), после ухода Елизарова осенью 1610 г., занявшего его место в четверти и 4 декабря получившего на этот «уряд» «лист» от Сигизмунда.[2]

Дальнейшая история дьячего состава в Новгородской чети, история дьяков того времени, когда у разных московских правительств существовало несколько одноименных приказов — уже выходит за пределы нашей темы.

Четверть, управлявшая Устюгом Великим и в июне—июле 1606 г. определенно называвшаяся в грамотах «Устюжской», продолжала неизменно оставаться в заведывании дьяка Василия Петровича Маркова и при Самозванце и при Василии Шуйском.[3] 7 июня 1606 г. из этой чети была выдана земская уставная грамота посаду г. Шуи, а 31 декабря 1607 г.

---

[1] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 514.

[2] Об Андрее Иванове см.: П. Г. Любомиров. Очерк, стр. 286—287. — Подьячие в Новгородской чети: 1604 г. — Лукьян Кузьмин, Вас. Семенов (тот же, что и в Нижегородской чети в 1602 г.; АЭ, II, № 22) и 1605 г. (А. К. Кабанов, ук. соч., № 93), Ив. Болотников, Гаврило Постоев, Владимир Дьяков (Л. М. Сухотин. Четвертчики, стр. 2, 19, 22, 25, 26, 41). — «Уряды» в Новгородскую четь давались Сигизмундом направо и налево: так, 11 сентября 1610 г. «лист на уряд» получил Степан Соловецкий (С. Ф. Платонов, Соч., III, стр. 443, 445), 4 октября того же года старые слуги короля — дьяки Евдоким Витовтов и Василий Юрьев (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 539—540) и, наконец, был утвержден прежний дьяк чети А. Иванов (П. Г. Любомиров. Очерк, стр. 286—287). После пожара 1626 г. из чети были вынесены следующие документы за эти годы: 1) Приходная книга 115 г. («с рядку с Колываки») за приписью дьяков Григ. Елизарова и Нечая Федорова, 2) Приходные и расходные книги 119 г. за приписью дьяка Андрея Иванова, 3) Нижегородский и Арзамасский сметные списки 116 г., 4) Нижегородский сметный список 117 г., 5) Нижегородские сметные списки 118 г., Нижегородские счетные списки 117 и 118 гг., 6) Кольский сметный список 118 и 119 гг., 7) Кайгородские сметные списки 117 и 119 гг., 8) Нижегородский сметный список 119 г. и 9) Пермский, Усольский и Кайгородский списки 119 г. («Чтения», 1905, кн. I, Смесь, стр. 13, 16, 17).

[3] А. М. Гневушев. Акты времени царя Василия Шуйского, стр. XVI.

Вас. Марков отправил грамоту к Соли Вычегодской относительно порядка и способов снабжения верхотурских служилых людей хлебным запасом.[1]

В январе 1608 г. Устюжская четь вместе с Галицкой ведается одним новым дьяком — Герасимом Мартемьяновым.[2]

---

[1] «Наместничьи, земские, губные и уставные грамоты Московского государства, стр. 147—153; Д. Прозоровский. Опись, № 83, стр. 106.

[2] П. Г. Любомиров. Очерк, стр. 290. — Известное перечисление приказов 1610—1613 гг. (АИ, II, № 335) называет, согласно общепринятому мнению, Устюжскую четь «новоприбылной»: «Четверть Новгородская, четверть Володимерская, четверть Ярославская, четверть Галицкая, новоприбылная четверть Устюжская, а в них по дьяку». Но, во-первых, четь Устюжская засвидетельствована именно как таковая уже в 1606 г., а ее дьяк Вас. Марков сидел в ней еще с 1599 г., во-вторых, толкование этого места может быть двояким, если не следовать расстановке знаков препинания, сделанной издателями; «новоприбылной» в таком случае можно считать с одинаковым основанием и четь Галицкую, последнее даже более вероятно, так как Галицкая четь действительно образовалась из чети Вас. Щелкалова, которая, как мы видели, несколько раз изменялась в своих размерах, и потому с бо́льшим правом может быть названа «новоприбылной». Во всяком случае, документ этот («Записка о приказах», АИ, II, № 355) должен явиться предметом особого исследования, которому здесь, в схематическом очерке внешней истории четей главным образом XVI в., нет места. Не с Устюжской ли четью связывается следующий чрезвычайно любопытный документ от 7 мая 1610 г., за приписью дьяка Филиппа Голенищева: воеводе г. Романова Фед. Ив. Михайлову было назначено ведать Тотьму, сдав все дела и имущество новому романовскому воеводе Оксентью Дашкову, на Тотьме принять дела и недоборы за 117 и 118 гг. у Кузьмы Строганова и подьячего Дружины Степанова и править на тотмичах недоборы «нещадно черезо весь день» на ночь отправляя недоимщиков с правежа в тюрьму — «да те деньги, и что возьмешь каких денег же у Кузьмы да у подьячего у Дружины, прислал бы к нам к Москве в Тотемскую четь с целовальники. . .» (С. Д. Шереметьев. Из Архива Михалковых, стр. 19—20). Это известие о новой чети в высшей степени интересно и может быть сопоставлено с упоминаемым в декабре 1605 г. каким-то «Важским приказом», которым заведывал окольничий Мих. Игн. Татищев (Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки, стр. 424, прим.): оба упоминания встречаются в актах, кажется, по одному разу и оба приказа, как кажется, строго местные, специальные. Но характер образования «Важского приказа» улавливается скорее: по всей видимости это контора по управлению Вагою, областью

Четверть Вас. Як. Щелкалова, ведавшая между прочим Галичем Мерским и таким образом бывшая предшественницей чети «Галицкой», в 1601 г. ушла от «великого дьяка» в связи с его опалою. На его место в чети сел дьяк Андрей Семенович Алябьев, а в качестве «второго», кажется, дьяк Третьяк Григорьевич Корсаков; Алябьев сидел в чети при Самозванце (январь 1606 г.), но при Вас. Шуйском был сменен, уступив место сначала дьяку Михаилу Петровичу Богичеву с «товарищами» Федором Баскаковым и Григорьем Мартемьяновым (январь 1607 г.), а затем знакомому уже нам бывшему дьяку Новгородской четверти Петру Желябужскому (март 1607 г.), пока в июле 1607 г. четверть Галицкая не была соединена в отношении управления с Новгородской в руках дьяка Григория Елизарова.[1] Однако менее чем через год, в январе 1608 г., четь попадает к дьяку Герасиму Мартемьянову, ведавшему также и Устюжской в это время.[2]

Наконец, последняя четверть, образование которой можно вести с первых лет XVII в. и корни которой уходят безусловно

когда-то бывшей в чети А. Щелкалова, и затем пожалованной во владение Б. Ф. Годунову, и в XVII в. Вага ведалась во Дворце. Тотьма при Годунове была во владении у Дм. Ив. Годунова, затем в Устюжской чети. Таким образом, или здесь «приказ», подобный «Важскому», или в Устюжской чети, лишь ошибочно названной, в 1610 г. сидел верный слуга царя Василия, «его злой шептун», дьяк Ф. Голенищев.

[1] Л. М. Сухотин. Четвертчики, стр. 4, 5, 6, 7. — О Третьяке Корсакове — см. там же, стр. 5, 19; АЭ, II, № 39; С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг.», № 119, I—VII; «Описание Макарьева Унженского костромской епархии третьеклассного мужского монастыря», «Приложения», № I (ср.: там же, стр. 73, о ведомстве монастыря в Галицкой чети); АЭ, II, № 77. — Подьячими по перечисленным актам за это время в чети были: Варлам Поздеев, Ив. Федоров, Дейко (или Демко) Витовтов, Ив. Афанасьев. — В Галицкой чети, кроме перечисленных в своем месте городов, ведавшихся когда-то Вас. Щелкаловым, в 1606 г. можно отметить еще Чухлому (С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений..., № 119, IV); с другой стороны, в Новгородскую четь ушло Белоозеро. О чети при дьяке Мих. Петр. Бегичеве — см.: А. А. Федотов-Чеховской, ук. соч., I, № 90. Подьячим значится Богдашко Кондратьев?

[2] П. Г. Любомиров. Очерк, стр. 290.

в XVI в. — это четверть Владимирская. Как можно думать, образовалась она из чети дьяка Ивана Вахромеева, ушедшего в 1599 г. в Новгородскую четверть первым дьяком. Его старая четверть, как мы видели, не сохранилась вполне: Сибирь ушла в Казанский дворец, северные волости — в Новгородскую четь, остальные местности составили, повидимому, круг ведомства Владимирской чети. Так, в 1601 г. в Тверском уезде, которым когда-то ведал Ив. Вахромеев, земли на оброк даются и деньги с них платятся в четверти дьяка Богдана Власьева.[1]

От 7100 (1601—1602) г. сохранился, к счастью, черновой отрывок сметы этой четверти, вполне позволяющий отожествить ее с Владимирской четью времени царя Михаила; по этому документу города, ведавшиеся в чети Богд. Власьева — Тверь, Калуга, Воротынск, Путивиль, Торжок, Тула, Лух, — все находятся в числе городов Владимирской чети по древнейшей сохранившейся приходо-расходной книге этого приказа (122-го, т. е. 1613—1614 гг.).[2]

Относительно Твери, Торжка, Тулы и Луха нам известно, что эти города когда-то ведались в чети Андрея Щелкалова; таким образом как-будто, можно говорить об образовании Владимирской четверти из чети Андрея Щелкалова, с переходной ступенью в виде чети Ивана Вахромеева.

Кроме этих, несомненно идущих из XVI в. четвертей (Новгородской, Нижегородской, Устюжской, Галицкой и Владимирской), мы имеем сведения еще и о Костромской четверти в 1603—1604 гг., а от 1610—1611 гг. — по известной записке о приказах — еще и о Ярославской.[3] В XVII в. эти обе чет-

---

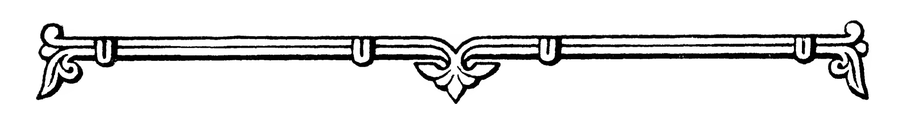
[1] АЭ, II, № 15.

[2] С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений..., № 118; РИБ, XXVIII. — В чети в 122 г., кроме того, ведались города: Владимир (вероятно и при дьяке Богд. Власьеве), Торуса, Боровск, Волок, Болхов, Орел, Михайлов, Пронск, Донков, Невель, Краповка, Переяславль-Рязанский, Старая Рязань, Перевитск, Ростиславль, Ряжск, Зарайск, Дорогобуж, Чернигов, село Стружон, Ржева Пустая, Сапожок, Верея.

[3] АИ, II, № 355 — Л. М. Сухотин. Четвертчики, стр. 3.

верти видимо покрывали друг друга; как было в предшествующее время — данных нет.

Подводя итоги, мы видим, что весь третий период во внешней истории четей наполнен их ломкой и перекройкой. Как-будто после Грозного вновь торжествует в этих местно-территориальных учреждениях начало личного приказа. Надо полагать, что подобное обстоятельство вытекало из того, что четь, во-первых, — прежде всего контрольный аппарат над действиями провинциальных властей, а во-вторых, — касса, куда должны стекаться доходы на содержание былых кормленщиков. Необходимость увеличить жалованье или наплыв почему-либо случайных людей-четвертчиков заставлял итти на известные комбинации с этими, еще не совсем потерявшими характер старых ведомств кормленых дьяков, учреждениями. Но в них заметна уже к началу XVII в. внутренняя напряженная работа по организации делопроизводства — заведение приходо-расходных книг, книг кормленых, списков, расписание и прикрепление определенных четвертчиков к определенным четям. Обо всем этом имеются (для времени до 1610 г.) крайне скудные данные, анализ которых составил бы задачу особого исследования.



Часть третья

ДОКУМЕНТЫ

1. 1538—1539 гг. — «Запись» Гаврилы Михайлова сына Плешкова старосте Алимпию и Куростровской волости Двинского уезда в приеме для отвоза в Москву разных податей и поминков.

Се яз Гаврило Михайлов сын Плешков взял есми у старосты у Алумпея и у волости у Куростровской с полупятыдесять сох с сохою дань великаго князя вести к Москве по книгам сполна: белошную дань и горностали и обежную дань и ямские деньги и поральские и заморской оброк и вытные деньги и великаго князя и бояром и диаком поминок по три деньги. А пищальных денег есми у волости не взял; а бити ми челом о тех денгах великаму князю по грамоте по пищальной; а что в том мне учинится убытка, и волости Куростровской свою доль сьимати им с меня, а мне сказать им по хрестному целованию. А та мне дань великаго князя сполна отдать на Москве великаго князя казначеем по книгам. А взял есми у них найму по четыре деньги на сошку. А пошнут даньщики земьское дело делать, и мне Гаврилу з земьскими дело всякое дело делать содного; а не учнут дела делать и что волости Куростровской в том доспеется, и мне Гаврилу то сьимать с волости те убытки. А на то послуси: Сидор Иванов сын Малас да Степан Левонтеев сын Бутаков

А запись писал диак святого Дмитреа Давыдец Михайлов сын лета 7047.

На обороте:

По сей записи яз Гаврило взял у старосты у Алунпея пищальных денег полпятидесят алтын денег да две денги.

По сей записи яз староста Алумпей заплатил за волось за Куростровскую досталь пищальных денег и с ростом и з докладною Гаврилу Плешкову.

Архив ЛОИИ, «Куростровские столбцы», № I.

2. 1551 г. декабря 11. — «Отпись» («запись») Василия Никитина сына Попова в том, что он «отписался» у писцов Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова своими «неописными и безданными» угодьями на р. Золотице и поступился затем частью их Василию Шкулю.

Се аз Василей Никитин сын Попов дал есми отпись Василью Омельянову сыну Шкулю в том, что яз отписался у писцов на Москве у Якова Ивановича Сабурова и у Ивана Андреевича Сабурова и у Ивана Андреевича Кутузова пожнями [мн?]е неописными и безданными на Золотице реки и на Золотице озере и на Быкове ручью и за Пушкозером и на Сенных ручьях на двух; и яз их ему тех пожен и его доли сступился по его купчим и закладным, чем он владел. А давати ему с тех пожен 6 московок, в ту две гривны, по писцове грамоте, чем писцы Василья оброчили по новым книгам, з данью вместе. А на то послуси: Иван Федоров сын Тархан да Михайло Огафонов сын Долгошея. А запись писал Прошко Иванов сын Власова лета 7060-го декабря в 11 день. А позади пишет: К сей записе Васьян руку приложил.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV. 113/а лл. 401 об. — 402.

3. 1553 г. августа 8. — «Оброчная грамота», выданная Каргопольскими писцами Я. И. Сабуровым и И. А. Кутузовым Григорию Никитину сыну Сидорову на земли в Турчасовском «уезде»

По цареву и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии слову и по наказному списку Каргопольские писцы Яков Иванович Сабуров да Иван Ондреевичь Кутузов с товарищи дали на оброк Григорью Никитину сыну Сидорова в Турчасовском уезде на речке на Пушке двор и с пожнями по Шидровской ручай и по Чишнемской наволок и Пушка река и островок Жегжичен на море против Кеги речки. А давати ему с того двора и с пожен и с Пушки реки и с острова оброку з году на год царю и великому князю в казну полтретьятцать алтын. А дать ему тот оброк впервые лета 7000 шездесят вытораго на Рожество Христово з данью вместе. Да Григорью же Никитину дали на оброк на реке на Золотице у погоста две мельницы, отца его поставление; а давати ему с тех з дву мельниц оброк з году на год в цареву великаго князя казну гривна. А дати ему тот оброк впервые лета 7000 шездесят втораго на Рожество Христово з данью вместе. К сей оброчной грамоте писцы Яков Иванович Сабуров да Иван Ондреевичь Кутузов печать свою приложили. А оброчная грамота дана лета 7000 шездесят перваго августа в 8 день. А позади пишет оброчные грамоты: Алексей Скорятин руку приложил.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV. 113/а, лл. 303—303 об.

4. 1553 г. сентября 25. — Грамота Каргопольских писцов Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова в Золотицу Григорию Никитину, Никите Павлову и Юрию Васильеву о ведении и отдаче на оброк пустых варниц и тонь на берегу Белого моря.

По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слову и по наказному списку от Каргопольских и от Турчасовских писцов Якова Ивановича Сабурова да Ивана

Ондреева Кутузова с товарыщи в Турчасовском уезде в волостьку в Золотицу Григорью Никитину да Миките Павлову да Юрью Васильеву. Как к вам ся грамота придет, и вы бы по цареву и великого князя приказу ведали и берегли от Двинского рубежа по морскому берегу до Чишменские нос сорок одна варница пустых да пять мест варничных да одиннатцать тонь пустых; и которыи люди в тех варницах пустых захотят свои црены соль варити и на пустых местех на варничных — варницы и црены ставити и на тонях своими неводы рыбу ловити и вы тем людем велели бы в тех пустых варницах соль варити и на пустых местех варницы ставити и на тонях рыбу ловити, а сказывали бы есте им оброк с пустые варницы по четыре гривны, а с пустого места с варничного — по десяти алтын, а с тонь рыбных оброку по старине. Хто в тех варницах и на тех местех учнут соль варити и на тонях рыбу ловити, и те бы люди лготные и оброчные имали у нас у писцов. К сей грамоте писцы Яков Иванович да Иван Ондреевичь печати свои приложили. Писана в Турчасове лета 7062-го сентября в 25 день. А позади пишет: Алексей Скорятин руку приложил.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV. 113/а, лл. 481 об. — 482 об.

5. 1553 г. сентября 26. — «Оброчная грамота», выданная Каргопольскими писцами Я. И. Сабуровым и И. А. Кутузовым Григорию Никитину сыну Сидорову на мельницу, ез и тоню на реках Пушке и Золотице.

По цареву великаго князя Ивана Васильевичя всеа Русии слову и по наказному списку Каргопольские и Турчасовские писцы Яков Иванович Сабуров да Иван Андреевичь Кутузов с товарищи дали на оброк Гриде Никитину сыну Сидорова, что у его двора у варничного на реке на Пушке, мельницу да на реке на Золотице против его ж мельницы езишко да на усть реки Золотицы ж тоню новую на Каменнной корги. Давати ему царю великому князю в казну оброку з году на

год с мельницы алтын, а с езишку за рыбную ловлю — алтын, а с тони за рыбную ж ловлю — полтретья алтына. А дати ему тот оброк впервые лета 7000 шестдесят втораго з данью вместе. К сей оброчной грамоте писцы Яков Иванович Сабуров да Иван Ондреевичь Кутузов печати свои приложили. А оброчная дана лета 7062-го сентября в 26 день.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV 113/а, лл. 303 об.—304 об.

6. 1555 г. марта ... — Грамота «с прочетом» белозерскому выборному старосте Ивану Медведеву с целовальниками о невзимании с вотчин Кирилло-Белозерского монастыря ямских и приметных денег.

Список з государевы грамоты. От царя и великого князя Ивана Васильевичя всеа Русии на Белоозеро выборному старосте Ивану Медведеву да целовальником Васюку Живлеку с товарищы. Били нам челом пречистые богородицы Успения Кирилова монастыря игумен Семион з братьею, что их монастырьские села и деревни в Белозерском уезде, селцо Романова Слободка з деревнями, да сельцо Павловское з деревнями, да сельцо Санниково з деревнями, да сельцо Троецкое з деревнями, да сельцо Офимьино з деревнями, да сельцо Кивуй з деревнями, да сельцо Вашкуй з деревнями, да сельцо Рукино з деревнями, да сельцо Колкач з деревнями, да селцо Сизма з деревнями, да с Вашпанских Шубоцкого стану с четырех деревень, — и оне с тех своих сел и деревень платят ямские деньги и приметные на Белеозере приказщиком городовым; и нам бы игумена Семиона з братьею пожаловати, велети сь их монастырьских сел и деревень вперед имати ямские и приметные деньги у своей казны на Москве в Большой Приход. И мы велели вперед с монастырьских сел и деревень имати ямские и приметные деньги на Москве в Большем Приходе диаку своему Угриму Лвову. И вы б с монастырьских сел и деревень, которые в сей грамоте писаны,

наших ямских и приметных денег не имали по сей нашей грамоте. А прочет сю грамоту отдали бы есте монастырьскому приказщику и он ее у себя держит вперед и иных для наших выборных старост или приказщиков городовых. Писана на Москве лета 7063 марта в ... день. Позади грамоты пишет: Царь и великий князь всеа Русии.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А II/47, лл. 461 об.—462 об.

7. 1555 г. марта ... Грамота «с прочетом» на Вологду выборному старосте Ивану Львову с целовальниками о невзимании с вотчин Кирилло-Белозерского монастыря ямских и приметных денег.

Список з грамоты. От царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руси на Вологду выборному старосте Ивану Лвову да целовальником Харе Ермолову с товарыщи. Бил нам челом Успенья пречистые богородицы Кирилова монастыря игумен Семион з братьею: что их монастырьские села и деревни в Вологодцком уезде, сельцо Михайловское з деревнями да сельцо Чашнеково з деревнями на Перевозе да сельцо Митрохово з деревнями да сельцо у Спаса на Брусничнике з деревнями да в Сямьском стану деревни и починки да в Городцком стану на реке на Вологде сельцо Михайлецово з деревнями, и они де с тех своих сел и деревень платят ямские деньги на Вологде приказщиком городовым; и нам бы игумена Семиона з братьею пожаловати, велети сь их монастырьских сел и деревень впредь имати ямские и приметные деньги у своей казны на Москве в Большей в Приход. И мы велели впредь с монастырьских сел и деревень имати ямские и приметные деньги на Москве в Большой в Приход дьяку своему Угриму Лвову. И вы б с монастырьских сел и деревень, которые в сей грамоте писаны, наших ямских и приметных денег не имали по сей нашей грамоте. А прочет сю грамоту отдали бы есте

монастырьскому приказщику, и он ее у себя держит впредь иных для наших выборных старост или приказщиков городовых. Писано на Москве лета 7063 г. марта в ...

Архив ЛОИИ, «Акты Белозерские»; другие списки: там же, Сб. № 112, отд. IV, № 30; ГПБ, Q. IV. 113/а, лл. 566 об.—567 об. Печатается по списку ГПБ.

8. 1555 г. мая 16. — «Оброчная грамота», выданная писцами Я. И. Сабуровым и И. А. Кутузовым Василию и Тереху Никитиным детям Поповым на пожни на р. Золотице в Турчасовском стане.

По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слову и по наказному списку Каргопольские писцы Яков Ивановичь Сабуров да Иван Андриевичь Кутузов с товарыщи дали на оброк в Турчасовском стану на мори сверх Золотицы реки пожни не писмяные и не тяглые от Нижные Падны да до Золотичь-озерка по обе стороны Золотицы реки и около Зо[ло]тиц-озерка да на Середнеи реке, да на Быкове ручью, да за Пушкоозерком, да на Сенных ручьях на дву, да на Пашковском озерке и около Пашковского озерка, да поженка Ивановская Косова под Порандиною горою на Золотице же реке Васюку да Тереху Микитиным детем Попова, а владели [1] теми пожнями без даной и без оброку золотичане же Григорей Микитин да Юшко Васильев да Микита Павлов да Васюк Шкул да Ивашко Тархан да Куземка Оганя да Гридка Учан, а писцом тех пожен не сказали и писцов обвели, — оприч тех пожен обведенных же, что даны на оброк же Юшку Васильеву да и опричь тех пожен, что даны на оброк посадцким людем двунатцати человеком золотичанам же; и в те пожни Васюку да Тереху у них не вступатца. А давати им с тех пожен оброку з году на год в цареву и великого князя в казну по две гривны на год. А давати тот им оброк впервые, как учнут по каргопольским по новым книгам дань имать. К сей оброчной грамоте писцы Яков Ивановичь Сабуров да Иван Ондрие-

[1] *В рукописи:* «владети».

вичь Кутузов печати свои приложили. А оброчная дана лета 7063-го маия в 16 день.

Ся грамота приказщику Осюте явлена.

А позаде пишет: Алексей Скорятин руку приложил.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV. 113/а, лл. 436 об.—437 об.

9. 1555 г. августа 6. — Послушная грамота крестьянам разных сел и деревень Масленской волости Вологодского уезда, пожалованных в вотчину Кирилло-Белозерскому монастырю.

Список з государевы грамоты. От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Вологоцской уезд в Масленскую волость в деревни и в починки, что отписал на меня царя и великого князя у Кирилова монастыря старцов Давыд Макаров да подьячей Митя Мякишев по описи Шарапа Пушечникова да его же Давыда Макарова, в Вологоцком уезде, в Масленской волости, от села от Сизмы, и которые деревни и починки отписал у них Иван Глухов, что сказывали Масленские волости крестьяне — ставили их старцы Кирилова монастыря на моих царевых и великого князя лесех Масленские волости; в деревню в Березник, в деревню Исакову, в деревню Слудицу, в деревню в Погорелку, в деревню в Федяйцеву, в деревню в Малчанцову, в деревню в Жюкову, в деревню Лисью на Камешнике, в починок в Плоской, в починок в Притыкин, в починок Фомин, что называли Масленские волости крестьяне Сыроежиным, в починок Давыдов, в починок Кузнецов, в починок Окулов; да в деревни и в починки, что ставили старцы Кирилова монастыря после Тимофеева писма Карамышева к своим же селом и к деревням: в деревню в Филимонцево, что называли тое деревню Масленские волости крестьяне Якутиным, в деревню Лом Харламов, в деревню Паново, в починок Сенкино займище, в Гаврилкову розпашь, в починок Ворыпаев, что называли его Масленские волости крестьяне Шаталовым, в починок Михайлов, что называли его Масленские волости кре-

стьяне Розвалихою, в починок Стафуров, в починок Нятинин Шубин, в починок Бабин, в починок Тимачев, в починок Орефин, в починок Окарачкин, в починок Неелов, что называли его Масленские волости крестьяне Ельцовым, в починок в Блудиху, в починок в Столбов, в починок в Суровцов, в починок Крутец, в починок Дупелиной, в починок Горбатой, в починок Березник, в починок Тороканов, в починок Оксенов, в починок Поздеев, в починок Запрудной, в починок Вавулин, в починок Полоносов, в починок Черницын, в починок Данила Багатырева, в займище на речке на Ратче, в починок Лукин, в починок Носков, в починок Кремлиху, в починок Иванка Бородатого, в починок Русина Долгово, в починок в Бючной, в починок в Митин Камень; да в деревни, в которые старцы Кирилова монастыря выменили у волостных крестьян Масленские волости на свою куплю на полдеревни Евсюково да заосечные починки, которые ставили на заосечных лесех к реке к Маслене: в деревню Карпово, в деревню в Дылянцево, в деревню Орефину, в деревню в Дудомехово — всем крестьяном, которые в тех деревнях и в починкех живут. Пожаловал есми теми деревнями и починки и займищи пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Матфея з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумен будет, дал им те деревни и с починки и займищи в дом пречистые богородицы и чюдотворцу Кирилу впрок монастырю со всем с тем, что к тем деревням и к починком и к займищем исстари потягло, опричь большего лесу дикого: тому есми им большему лесу указу еще не учинил. И вы бы, все крестьяне, которые живут в тех деревнях и в починкех, Кирилова монастыря игумена Матфея з братьею, или кто по нем иный игумен в том монастыре будет, слушали и пашню на них пахали, где собе они учинят, и оброк им платили, чем вас изоброчат. Писан на Москве лета 7063 августа в 6 день.

Позади грамоты пишет: царь и великий князь всеа Русии. На ставех припись диака Угрима.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. окад., А I/17, лл. 9 об.—11; А I/16, лл. 326 об.—328 об.

10. 1556 г. июля 9. — Грамота в Бежецкий Верх земским властям Полянской, Шипинской и Козьмодемьянской волостей с извещением об откупе тамги в Веси Егонской Трофимом Сапыревым с товарищами.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Бежецкой Верх в Полянскую волость Басаке Дуркову да в Шипинскую волость Останке Ильину сыну Жехова да в Козмодемьянскую волость целовалнику Пахомку Ермолину да земскому дьяку Сенке Афанасьеву сыну Весскому. Откупили у наших казначеев у Федора Ивановича Сукина да у Хозяина Юрьевича Тютина в Бежецком Верху в Городецком уезде в монастырском селе в Веси Егонской тамгу и пуд и померное Трофимко Сапырев с товарыщи от лета 7065-го октября от 15-го числа от святаго мученика Лукьяна прозвитера до лета 7066-го октября до 15-го числа до святаго мученика Лукьяна прозвитера на год. И о чем к вам те таможники Трофимко Сапырев с товарыщи учнут приходити о управе о таможных делах, и вы б их в том росслушивали и управы бы еси им чинили по их по таможной по уставной грамоте; а кто им не учнет таможных пошлин платити, и вы б им на тех людей давали своих приставов да велели бы есте на них таможные пошлины доправливати по их по таможной по уставной грамоте, а доправливая велели бы есте отдавати таможником Трофимку Сапыреву с товарыщи. А на кого перед тобою те таможники в таможном деле в протаможье доведут, и вы б им на тех людех и протаможье доправливали по два рубля на человеке: рубль бы есте того протаможья имали на меня царя и великого князя, а другой рубль велели бы есте отдавати таможником Трофимку Сапыреву с товарыщи. А в чем вам невозможно межь ими управы учинити, и вы б их велели давати на поруки да учинили им срок, обоим истцом, стати на Москве перед нашими казначеи перед Федором Ивановичем Сукиным да перед Хозяином Юрьевичем Тютиным и мы тому велим указ учинити. А что тех протаможных денег на меня царя и великого князя в год

зберете, и вы б те деньги писали у себя на список своими руками да тот бы есте список и деньги прислали с теми с таможники с Трофимком с Сапыревым к нам на Москву к казначеем нашим как они поедут к Москве к своему сроку с нашими с таможными деньгами, а сами б есте теми нашими протаможными деньгами не корыстовалися. А учнете теми нашими деньгами корыстиватися, а в том на вас доведут, и вам от меня от царя и великого князя быти в великой опале, а те деньги на вас велети взяти вдвое. Писана на Москве лета 7064-го июля в 9 день.

А у подлинные грамоты назади написано: царь и великий князь всеа Русии.

Да на склейке написано: Третьяк Митрофанов. Печать у грамоты черная.

ГИМ, Собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 595—596 об.

11. 1557 г. до 6 декабря. — Грамота земским властям Двинской земли о сборе и присылке в срок разных податей казначеям Ф. И. Сукину и Х. Ю. Тютину и дьякам Василию Мелентьеву и Дружине Лазареву.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии на Двину, на Верхнюю половину, Василью Степанову сыну Настасьина да Василью Губанину и старостам и целовальником и сотцким и десятским и всем луччим людем и середним и молодым; да на Нижнюю половину, на Колмогоры, Олександру Омосову сыну Соломбалского да Филипу Родивонову и старостам и целовальником и всем лутчим людем и середним и молодым, посадцким и становым и волосным; да в Двиньской уезд на Пенегу на Большую; да на Пенегу на Малую старостам и целовальником и всем людем тех волостей. Послали есмя к вам с сею грамотою недельщика Гаврила Железникова, а велели есмя ему Верхней половины

и Нижней посадских лутчих людей и середних и молодых и становых и волосных, старост и сотцких и десятцких и всех волосных лутчих людей в своей дани подавати на поруки з записьми, что вам наша дань по книгам и по сей нашей грамоте собрати на Николин день на осенней всю сполна без недобору. И как к вам недельщик Гаврило Железников с сею нашею грамотою приедет, и вы б з Двины, с посадов, с обеих половин, и станов и с волостей с черных и с церковных и с манастырских и з своеземцевых, и с Пенег с обеих, собрали нашу дань по книгам, по новому письму Ивана Петровича Заболотцкого с товарищи, и по сотным грамотам на нынешнее лета 7060 шестаго, с семидесят да з дву сох больших да с четырех сошек малых с полуобжею, опричь тех, которыя изо льготы вышли лета 7060 шестаго и лета 7060 пятаго, за белку и за горностали и обежную дань и ямские деньги и за поральскую белку и за морской оброк с рек с Терские стороны и с варниц оброк и с тонь морских и с пустошей и с пожен и всякие оброки, шестьсот рублев да восмдесят рублев да два рубля и семь алтын без деньги, да и пищальные деньги да и загубьской оброк со всее Двинские земли сполна без недобору. Да по книгам же Ивана Петровича Заболотского с товарищи собрали бы есте з Двины, с обеих половин, с посадов и станов и с волостей и с Пенег на нынешнее лета 7060 шестой год за нашь посыпной хлеб, за сто за шестьнатцать четвертей ржи, да за двесте за тритцать да за две четверти ячмени, за рожь и за ячмень деньгами по той цене, как у вас нынешнего году хлеб купят. Да со всее ж Двинские земли, с обеих половин, с посадов и станов и с волостей и с Пенег, со всех сох с черных и с церковных и с манастырских и своземцевых, собрали бы есте за посошные люди и за городовое и за засечное дело з большой сохи по полутора рубля да за [е]мчюгу по полтине с сохи да приметных денег по полуполтине с сохи на нынешней лета 7060 шестой год. А собрав нашу дань по книгам и по сотным грамотам, за белку и за горностали и ямские и пищальные деньги и за хлеб деньгами и с варниц оброк и с тонь и с рыб-

ных ловль и мелких оброков и за посошные люди и за городовое и за засечное дело и приметные денги и за емчюгу, и казначееву и дьячу и подьячих пошлину по сей нашей грамоте сполна без недобору, привезли бы есте к нам на Москву и отдали казначеем нашим Федору Ивановичу Сукину да Хазяину Юрьевичу Тютину да дьяком Василью Мелентьеву да Дружине Лазареву на Николин день на осенней однолично без всякого переводу, вместе, а не порознь. А которые будут люди посадские и волосные в нашей дани и в ямчюжных и в посошных и в приметных деньгах и в посыпном нашем хлебе учнут ослушатись, и мы на тех ослушников дали вам приставством того ж Гаврила Железникова, а велели есмя, на тех ослушникех те недоплатные деньги доправливая, вам отдавати сполна. А над Гаврилом бы есте берегли того накрепко: на которых ослушникех учнет те недоплатные деньги правити, и у тех бы людей однолично посулов не имал, чтоб наше казна вся сполна без недобору на срок на Николин день на осенней к Москве поспела. А не будет та наша казна вся сполна на срок на Николин день на Москве и мне велети взяти на вас та своя казна, недоплатные деньги, вдвое без отдачи. А учнет Гаврило у тех ослушных людей от правежу у кого ни буди чего посулы и поминки имати, и Гаврилу от меня царя и великого князя быти кажнену. Да в книгах же в писцовых написано, в Верхней половине и вь Емецком стану и в Нижней половине и в Пенегах даваны деревни пустые и починки и пустоши на льготу на пять лет до лета 7060 шестаго, а тем деревням и починком и пустошам послали есмя к вам книги, перечень с книг писма Ивана Петровича Заболоцкого с товарищи, и вы б с тех деревень и с починков и с пустошей со льготных собрали нашу дань за белку и за горностали и ямские и пищальные деньги и за посыпной хлеб деньгами сполно без недобору на нынешнее лета 7060 шестой год по книгам и по сотным и по лготным по их грамотам; и за посошные люди и за городовое и за засечное дело по полутора рубля с сохи, а за ямчугу — по полтине с сохи, а приметных денег — по полуполтине с сохи.

Запись на обороте: Дани всякие с сохи по рублю и по 2 денги, опрично хлеба.

Архив ЛОИИ, «Куростровские столбцы», № 4 (современный список).

12. 1560 г. сентября 11. — «Оброчная грамота», выданная Каргопольским писцом Н. Г. Яхонтовым Григорию Никитину сыну Сидорову на земли в Турчасовском стане по берегам Белого моря, с обязательством уплачивать оброк в Москве дьяку Ивану Михайлову.

Список с оброшные. По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказу. Никита Григорьевич Яхонтов с товарищи дали на оброк на морском берегу на Двинской стороне Григорью Никитину речку Шидроеву да морскую губу Пушлахту да на море круг острова Жегжилина корги морские. И Григорью в той речке и в морской губе и круг острова рыба ловити и нерпу бити, а оброку ему с того давати в государеву казну з году на год по гривне. Дати ему тот оброк впервые на Стретеньев день на зимней лета 7069-го, а присылати ему тот оброк к Москве к цареву и великого князя дияку к Ивану к Михайлову ежегод с наместничим с отку[п]ным оброком вместе. К сей оброчной грамоте Никита Григорьевич Яхонтов печать свою приложил лета 7069-го сентября в 11 день. Истома Евской.

Список XVII в. ГПБ, Q. IV. 113а, лл. 304 об.—305; другой список там же, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 1175 об.—1176.

13. 1563 г. — «Зарядная мировая запись» приказчиков князей М. Ф. и А. И. Прозоровских с Симоновым монастырем о прекращении торга в вотчине Прозоровских, Старом Холопье «у Бориса и Глеба» на р. Мологе.

Се яз Иван Федоров сын Певнев да яз Русин Борисов сын, княж Михайловы Федоровича Прозоровского приказчики, да яз Зеленой Ортемьев сын, княж Олександров Ивановича

Прозоровского приказщик: что царь государь княз великий Иван Васильевич всея Русии пожаловал пречистые богородицы Симанова монастыря архимандрита Филофея з братьею, или хто по нем у пречистые богородицы на Симанове иные архимандриты з братьею будут, в лете сем тысящ шестьдесят пятом году дал им вь их монастырском селе в Веси Егонской на реке на Мологе в Петрово говейно петровской торг на откуп по вся дни во все годы торговати, а туто у них был торг истари, а тамги им с того торгу царю государю давати з году на год октября пятого на десять числа на святого мученика Лукъяна прозвитера за все таможенные пошлины на Казенной Дворец царевым и великого князя казначеем по тритцати рублев и по пяти рублей на всякой год впрок без наддачи; и мы, яз Иван Федоров сын Певнев да яз Русин Борисов, княж Михайловы Федоровича Прозоровского прикащики, да яз Зеленой Ортемов сын, княж Олександров Ивановича Прозоровского приказщик, в шестьдесят седмом году при архимандрите Макарье з братьею в Петрово говейно петровской весь торг и по иным празником торги перевели и учинили в государей своих водчине у Бориса и Глеба на Старом Холопье, лавки ставили и торги чинили и гостем и всяким торговым людем со всяким товаром, углечаном и ерославцом и костромичом и всяким приезжим людем торговати у государей своих в вотчине давали и в Весь Егонскую торговати не пропущали. И в лете сем тысящ шестьдесят осмом году архимандрит Макарей з братьею о том нашем торгу и о своей недоборной веской тамге били челом царю государю великому князю на нас, и царь государь приказал казначеем своим Федору Ивановичу Сукину да Хозяину Юрьевичу Тютину дати на нас архимандриту Мокарью з братьею неделщика в том нашем торгу и вь их недоборной веской тамге; и казначей Федор Иванович Сукин да Хозяин Юрьевич Тютин дали на нас неделщика Дружину Лазарева в том нашем торгу и в веской недоборной тамге, на поруки нас передавали и посрочил нам стати перед царевы и великого князя казначеи, перед Федором Ивановичем Сухиным да перед Хозяином

Юрьевичем Тютиным на Москве. И мы став на Москве за поруками и не ходя перед царевы великого князя казначеи на суд на добили есмя челом Симонова монастыря архимандриту Макарью з братьею в том торгу и в той в веской недоборной тамге бояриному царя великого князя князем Дмитреем Ондреевичем Куракиным и с вескими таможники, с Ивонею с Ивановым да с Митею з Боняковым да с Васильем с Онтуфьевым и в товарищев их место Веского села, в том нашем торгу и вь их веской недоборной тамге и вь их московской волоките и в проести помирилися и запис есмя меж себя мировую в шестьдесят осмом году написали в семидесят рублех в заряде и положили на Москве за третьего, за пречистенского ключаря за Устина Григорьева сына, в том, что вперед нам или по нас у государей у наших в вотчине у Бориса и Глеба на Старом Холопье на реке на Мологе, в Петрово говейно о петровском торгу и по иным празником и по вся дни во все годы вперед не торговати всяким товаром и лавок не ставити и торгу не чинити и торговых людей со всяким товаром к себе в государей своих вотчину не примати и с ними не торговати, чтоб в том нашем торгу веской тамге убытка не было; а учнем мы или по нас иные которые государей наших прикащики и приказные люди и хрестьяне будут в государей наших в вотчине, у Борис и Глеба на Старом Холопье на реке на Мологе, вперед во все годы торговати всяким товаром в Петрово говенье о петровском торгу и по иным празником и по вся дни во вся годы, или лавки ставити и торги чинити и торговых людей со всяким товаром примати и с ними торговати и с иными людми торговать давати и в Весь Егонскую торговых людей с товаром не пропущати, ино на нас взяти веским таможником Ивоне Иванову да Мите Бинякову да Василью Онтуфьеву с товарыщи по той записи заряды семдесят рублев денег. И после тое нашей мировые зарядные записи в лете сем тысящ шестьдесят девятом году бил челом государь нашь, князь Михайло Федорович, царю государю великому князю о таможной грамоте на тот свой торг на Старой Холопей на реце на Мологе, а окупу

было ему с того торгу на всякой год дать по три рубли на год, и царь князь велики велел казначеем своим государю нашему князю Михаилу таможенную грамоту дать «с ожем» — «оже будет веской тамге не будет убытка от того торгу Старого Холопья», — а тамги велел взяти по три рубли на год. И мы, княж Михайловы Федоровича Прозоровского приказщики, яз Иван Певнев да Русин Борисов, да княж Михайловы ж крестьяне Соболя Васильев сын Листеневского да Митя Григорьев сын Повалинского да Иван Тарасов сын Буносовского да целовалник Ерема Драчов, да княж Олександров Ивановича Прозоровского приказщик Зеленой Ортемов сын да княж Олександров же крестьянин Иван Скоморохов и своими товарищи, которые мы все нынеча в челобитной веских таможников писаны и в цареве великого князя в нынешней грамоте, по которой нас грамоте велено на поруки передавати Ширяю Лопакову в том, что мы через зарядную свою мировую запис веских таможников в лете сем тысящ шестьдесят девятом году и в лете сем тысящ семдесятом году в Петрово говенье и о петровском торгу и по иным празником, как в Веси всяким людем сьезд живет, торговати углеченом и ерославцом и костромичам и иных городов и волостей всяким людем тот веской петровской торг перевели в государей своих вотчину к Борису и Глебу на Старой Холопей, лавки в те оба года ставили и торги чинили и торговых людей со всяким товаром торговать к собе приимали и с ними торговали и иным людем торговать давали и в Весь Егонскую их торговать не пропущали, — и в лете сем тысящ семдесят первом году пречистые богородицы Симанова монастыря архимандрит Феоктист з братьею били челом царю государю на нас в нашем торгу, что в государей наших вотчине торговати есмя у Бориса и Глеба на Старом Холопье на реке на Мологе и по иным празником и по прежней нашей зарядной записи в семидесят рублех веских таможников Ивони Иванова да Мити Бенекова да Василья Онтуфьева с товарищи да в веском таможном недоборе дву годов в сороце рублех и в пяти рублех без четверти и в таможнико-

вых Ивони Иванова да Мити Бенякова да Василья Онтуфьева с товарищи в московской волоките и в проести в пяти рублех с четвертью, и грамоту царя государя великого князя на Бежетцком Верху сына боярского на Ширяя Ондреева сына Лопакова имя взяли. И велел нас царь государь по своей царской грамоте Ширяю Лопакову Веского села таможников Ивони Иванова да Мити Бенякова да Василья Онтуфьева с товарищи по прежней нашей мировой, по зарядной записи в семидесят рублех и в нашем торгу и в веском таможном недоборе, в таможном недоборе в дву годех в сороце в пяти рублех без четверти и таможниковых Веского села Ивони Иванова да Мити Бенякова да Василья Онтуфьева с товарыщи в московской волоките и в проести в пяти рублех с четвертью, дати нас на поруку з записью. И Ширяй нас на поруку з записью дал и учинил нам в том деле срок стати на Москве перед царевы государевы великого князя дияки, перед Меншим перед Мелентьевым да перед Иваном Булгаковым, в лето сем тысящ семдесят перваго, заговенье Петрова поста в первую середу. И мы на тот срок, княж Михайловы Федоровича Прозоровского приказщики, яз Иван Федоров сын Певнев да Русин Борисов и во княж Михайловых крестьян место Соболя Васильева сына Листенского да Микиты Григорьева сына да Ивана Тарасова сына да Еремы Драчева с товарищи, да яз княж Олександров Ивановича Прозоровского приказщик Зеленой Ортемов и во крестьян княж Олександровых место Ивана Скоморохова с товарыщи, на тот срок на Москве перед царевыми великого князя дияки перед Меншим Мелентьевым да перед Иваном Булгаковым за поруками стали, и не ходя в том деле на суд перед царевы государевы дияки перед Меншово Мелентьева да перед Ивана Булгакова в том деле, по зарядной записи в семидесят рублех и в нашем торгу и в таможном в дву годех Веского села недобору в сороце в пяти рублех без четверти, и веских таможников Ивони Иванова да Мити Бенякова да Василья Онтуфьева с товарыщи в московской волоките и в проести в пяти рублех с четвертью пречистые богородицы Симанова

монастыря архимандриту Феоктисту з братьею добили челом и во крестьян место государей своих, тех, которые с нами в веских таможников жалобнице писаны и в цареве государеве, грамоте, по которой нас грамоте Ширяй Лопаков давал на поруки, и грамоты государя своего княж Михайловы Федоровича таможенные обе, старую и новую, царя государя великого князя дьяком Меншому Мелентьеву да Ивану Булгакову без суда отдали, и торг свой отказали в государей наших вотчине и тамгу три рубля с того своего торгу заплатили в царя великого князя казну лета сем тысящ семдесят второго и запис на собя, или по нас на иныи приказщики и приказные люди и крестьяне в государей наших вотчине будут, дали архимандриту Феоктисту з братьею, или по нем у пречистые богородицы на Симонове иные архимандриты з братьею будут, в том, что вперед мне Ивану Федорову сыну Певневу да Русину Борисову и государя нашего крестьяном Соболю Васильеву сыну Листневского да Мите Григорьеву сыну Повалинского да Ивану Тарасову сыну да Ереме Драчову с товарыщи да княж Олександрову Ивановича приказщику мне Зеленому Ортемову и государя нашего крестьяном Ивану Скоморохову с товарыщи, которые мы все в веских таможников жалобнице писаны и в цареве великого князя грамоте, по которой грамоте нас Ширяй Лопаков давал на поруки, или по нас вперед наших государей приказщики и приказные люди и крестьяне иные будут туто в государей наших во всей вотчине, что нам вперед в государей наших вотчине у Бориса и Глеба на Старом Холопье, вверх по Мологе реке и вниз по Мологе реке, в Петрово говенье и о петровском торгу и о Борише дни и по вся праздники и по вся дни во все годы не торговати и лавок на тех торгах не ставити и кабаков и торгов не чинити и всяких торговых людей со всяким товаром торговати не приимати водяным путем и сухим и с ними не торговати и с иными им с приезжими людми и с прохожими торговати не давати во всей государей наших вотчине в Ерославском уезде, опроче дву сел государей наших Рожественого и Прозорова, а в тех дву

селах государей наших торговати одинова в год по все годы: в Рожественом на Рожество Христово декабря в двадесят пятый день, а в Прозорове на Михаила арханила день ноября в осмый день; а в Весь нам Егонскую торговых всяких людей торговати пропущати. А учнем мы, яз Иван Федоров сын Певнев да Русин Борисов сын княж Михайловы Федоровича приказщики и государя нашего крестьяне Соболя Васильев да Митя Григорьев да Иван Тарасов да Ерема Драчов с товарыщи да княж Олександров Ивановича приказщик Зеленой Ортемов да государя нашего крестьяне Иван Скоморохов с товарыщи, которые мы все в веских таможников жалобнице писаны и в цареве и великого князя грамоте, по которой грамоте Ширяй Лопаков давал нас на поруку, или по нас у государей наших иные приказщики и приказные люди и крестьяне будут, в государей наших вотчине у Бориса и Глеба на Старом Холопье и вверх от Старого Холопья по реке по Мологе и вниз по Мологе реке и во всей государей наших вотчине в Ярославском уезде лавки ставити и кабаки и торги чинити и гостей и всяких торговых людей в Петрово говейно о петровском торгу и о Борише дни и по вся празники и по вся дни вперед во все годы со всяким товаром к собе на те торги приимати и с ними торговати и иным приезжим и прохожим людем с ними торговати давати или не учнем всяких торговых людей со всяким товаром в село в Весь Егонскую торговати пропущати или назад всякие торговые люди со всяким товаром из Веси из Егонские поедут на низ рекою Мологою, а мы, государей своих приказщики и государей наших крестьяне и все мы, которые в сей записи писаны, или вперед которые по нас у государей у наших иные приказщики и приказные люди и крестьяне будут во всей государей наших вотчине, у Бориса и Глеба на Старом Холопье и вверх по Мологе реке и вниз по Мологе реке о Борише дни и по вся празники и по вся дни и во всей государей наших вотчине в Ерославском уезде учнем лавки ставити и кабаки и торги чинити и торговых людей всяких со всяким товаром приимати и с ними торговати давати и монастырской веской тамге

в тех государей своих торгех каков убыток учиним, — ино на нас, на мне на Иване на Федорове сыне Певнева да на Русине на Борисове на княж Михайловых Федоровича приказщиках да на государя нашего крестьянех на Соболи на Васильеве сыне Листенского да на Мите Григорьеве сыне Повалинского да на Иване на Тарасове сыне Буносовского да на целовалнике на Ереме на Драчове с товарыщи да на мне на княж Олександрове Ивановича приказщике на Зеленом Ортемове да на государя нашего крестьянех на Иване Скоморохове с товарыщи, которые мы все в веских таможников жалобнице писаны и в цареве государеве великого князя грамоте, по которой нас грамоте Ширяй Лопаков давал на поруки, или по нас вперед государей наших иные приказщики и приказные люди и крестьяне будут в той во всей государей наших вотчине, ино на нас по сей по зарядной записи Симонова монастыря архимандриту Феоктисту з братьею, или по нем иные архимандриты з братьею у пречистые на Симанове будут, взяти полтораста рублев денег заряды, а торгов таке государем нашим и нам и иным государей наших приказщиком и приказным людем и крестьяном в государей наших вотчине на Старом Холопье и вверх Старого Холопья по Мологе реке и вниз по Мологе реке и во всей государей наших вотчине в Ерославском уезде однолично не чинити и вперед им не быти, опроче дву сел государей наших Рожественого и Прозорова; и в тех дву селах государей наших торговати одинова в год во все годы: в Рожественом на Рожество Христово декабря в двадесят пятый день, а в Прозорове на Михайлов арханьила ноября в осмый день. А что наша прежняя зарядная мировая запис в семидесят рублех в той ж веской тамге и в нашем торгу с вескими таможники с Митею з Беняковым да с Васильем с Онтуфьевым с товарыщи, при архимандрите Макарье положили есмя за третьево за пречистенского ключаря за Устина, и тое есмя запис меж собя нынеча новою сею записью поцернили и вперед та наша запис меж нас не в запис; а не выняли есмя ее у третьево и не изодрали потому, что третей нашь ключар

Устин постригся и на Москве его нет; и вперед та наша запис у кого меж нас явитца, и та запис меж нас не в запис. А на то послуси: Микита Семенов сын Таратин да Иван Третьяков сын Ростовец да Григорей Исаков сын Харитонова да Павел Родивонов сын Петрова да Петр Иванов сын Ондреева. А запис писал Ивашко Дмитреев сын Зеновьева лета 7000 семдесят первого.

На обороте:

К сей записи яз княж Михайлов Федоровичя прикащик Иван Федоров сын Певнев и в товарищев своих место и во хрестьян государей своих, которые в сей записе писаны, руку приложил.

К сей записи княж Михайлов Федоровича прикащик яз Русин и вь товарищов своих и во крестьян государей своих место, которые вь сей записи писаны, руку приложил.

Послух Никитка Семенов сын Таратин руку приложил. Послух Иванец Ростовец руку приложил. Послух Петрок руку приложил. Послух Гриша Исаков руку приложил. Послух Павел руку приложил.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Углицкий у., № 12860/27.

14. 1564 г. ноября . . . — Оброчная, выданная писцом Ф. И. Колычевым Михаилу Ананьину на две пустые половины деревень в волости Лозе, Белозерского уезда, бывшие ранее в поместьях за князьями Андомскими.

Лета 7073-го ноября в. . . день по цареве и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте белозерской писец Федор Иванович Колычев с товарыщи в Белозерском уезде в волости в Лозе дали на оброк Мишке Ананьину полдеревни Микитинской да полдеревни Яковлевской пусты; а были те две полдеревни за князем Иваном, да за князем Васильем, да за княж Ивановыми детми Андомскими в поместье. И Мишке Ананьину на тех дву полудеревнях жити и пашня

роспахати и поля огородити и во дворех хоромы новые ставить, а старые починити, и крестьян назвати. А оброку ему давати с тех дву полудеревень з году на год по полтине, да пошлин пять денег, а ямские деньги по книгам; а оброк ему с пошлины привозити на Москву и отдавати в Помесную избу царевым и великого князя дьяком, Путилу Михайлову с товарыщи, на срок на Рожество Христово ежегод беспереводно по книгам сполна. А дати ему тот оброк с пошлины впервые на срок на Рожество Христово лета 7074-го; а на которой срок не привезет он оброку на Москву и не отдаст по книгам сполна — и тот оброк на нем и на его порутчиках взяти вдвое и сь ездом. К сей оброчной Федор Иванович печать свою приложил. Приписал подьячей Иван Леоньтев.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/16 лл. 722 об.—723 об.

15. 1565 г. апреля 12. — Грамота «с прочетом» из приказа Большого Прихода костромскому городовому приказчику Григорию Салманову о праве Ипатьевского монастыря держать перевоз на р. Костроме.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии на Кострому городовому прикащику Григорию Салманову или кто по тебе на Костроме иные городовые прикащики будут. Бил нам челом с Костромы от живоначалные Троицы Еупатьева монастыря игумен Васьян з братьею, а сказывает, что-де на реке на Костроме под Еупатьевым монастырем перевоз, а пожаловал-деи тем перевозом к Еупатью святому на темьян прадед наш князь великий Василей Васильевич, а оприч-де их монастырского перевозу на реке на Костроме иного перевозу не было, а ныне-деи на реке на Костроме выше и ниже их монастырского перевозу перевозятца костромичи городцкие и приезжие всякие люди. Да положил перед нами игумен прадеда нашего великого князя Василья Васильевича грамоту, и в грамоте написано, что перевоз на реке на Костроме дан на темьян в Еупатьев монастырь по

челобитью Еупатьевского игумена Феогноста, и костромичем городецким и всяким приезжим людем на реке на Костроме велено перевозитись на монастырском перевозе под Еупатьевым монастырем, а опричь того перевозу выше и ниже перевозитись не велено никому. И как х тебе ся наша грамота придет и ты б велел на Костроме в торгу кликати не по один день, чтоб опричь монастырского Еупатцкого монастыря перевозу на реке на Костроме судов не держали и костромич и всяких приезжих людей не перевозили нихто, а перевозилися б под Еупатьевым монастырем на монастырском перевозе по нашей прежней жаловальной грамоте. А которые люди учнут ослушатись и учнут мимо монастырской перевоз на реке на Костроме перевозити, и ты б у тех людей суды имал на меня царя и великого князя, а их давал на поруки, а за поруками срочил им стати перед нами на Москве и мы им велим указ свой чинить. А прочитая сю грамоту отдал бы еси игумену Васьяну, и он ее держит иных для наших городовых прикащиков. Писан на Москве лета 7073-го апреля в 12 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

Диак Иван Булгаков

печать черного воску.

Подтверждение:

1623 г. июня 26. — Лета 7131-го июня в 26 день мы великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и отец наш государев великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии сее грамоты слушав указали по нашему государскому уложенью переписать вновь на наше государское имя, а сее жаловалную грамоту указал, подписав на наше же государское имя, отдати Ипацково монастыря архимариту Пафнотью з братьею вперед для спору вотчинных земель и всяких вотчинных крепостей, а о всем указали ходити по тому, как в нашей в новой государской жаловалной грамоте нынешнего

131-го году написано. А подписал государев царев великого князя Михаила Федоровича всеа Русии диак Прокофей Пахирев.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5062/95.

16. 1568 г. мая 24. — Грамота Ивану Мичурину в Соль Галицкую о производстве сыска по делу о спорной мельнице Симонова монастыря.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии к Галицкой Соли Ване Петрову сыну Мичюрина. Бил нам челом Симонова монастыря богомолец наш архимандрит Феоктист з братьею, а сказывает: в Галицком де уезде у Соли у Галицкой отца нашего великого князя Василья Ивановича всеа Русии и мое царево и великого князя жалованье их монастырьское сельцо Борисовское з деревнями, а деревни де у того сельца по обе стороны реки Вексы; и они-де на той речке на Вексе межь манастырских деревень поставили на своей земле мельницу для монастырьские усольские службы, а иные де мельницы стоят на той же речке на Вексе болше тритцати лет, а нынеча де им чюхьламским крестьянам по их челобитью дана наша грамота к Ивану Иванову сыну Лугвицыну, а велено-де ему та их монастырьская мельница, что на реке на Вексе, по нашей прежней грамоте сыскати да сыскав очистити, и нанече-де Иван Лугвицын тое монастырьскую мельницу велит сметати; и нам бы их пожаловати, той мельницы метати не велети. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал, на чьей земле та монастырьская мельница стала, и сколь давно, и почему ту мельницу ныне Иван Лугвицын хочет сметати, и которые наши земли х той мельнице пришли, и порух каких нашим селам или деревням и угодьям от той мельницы нет ли; о том бы еси о всем сыскал подлинно да нам отписал, а мельницы до нашего указу метати не велел. Писан на Москве лета 7076-го маия в 24 день.

Царь и великий князь всеа Русии.

У той же грамоты припись дьяка Андрея Васильева.

Справка подьячего Истомы Евскаго.

У той же грамоты печать черная.

ГИМ. Моск. синод. библ., № 58, лл. 763—764; подлинник: ГБИЛ, Собрание актов И. Д. Беляева, № 137 — см. Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей. СПб., 1894, стр. 103.

17. 1568 г. ноября 24. — Память из приказа Большого Прихода в Поместный приказ дьякам Путилу Нечаеву и Василью Степанову о вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря, розданных детям боярским княгини Евдокии Старицкой.

Список с списка ж. Лета 7077-го ноября в 24 день память царя и великого князя дьяком Путилу Михайлову да Василью Степанову. Бил челом царю государю и великому князю Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею, а сказал, что их монастырьская вотчина в Белозерском уезде в Городецком стану на Мауриных горах деревня Кнутово и иные деревни, а сошного-де в них писма было полтретьи сохи; и тое-де их вотчину деревню Кнутово отписал Михайло Колычов и роздал-де тое землю по дворы княжи Володимеровы Ондреевича матери княгине Евдокее детям боярским, а ныне-деи белозерские выборные старосты правят на их крестьянех ямские деньги и всякие подати по сошному писму сполна. И дьяком Путилу Михайлову да Василью Степанову из белозерских ис писцовых книг Михайловых Колочева отписных книг выписать, что в той деревне в Кнутове было, и в иных деревнях, порозно четвертные пашни добрые и середние и худые земли и сена и лесу и всяких угодей, и сошного писма, и по скольку четвертей кладено в соху, — то все велети выписати подлинно, порозно, да ту выпись прислати в Большей Приход к дьяком к Ивану Булгакову да к Парфенью Родионову за своею приписью. А у подлинные припись дьяка Парфенья Родионова.

Список XVII в. ГПБ Рукоп. СПб. дух. акад., А. I/16. л. 42 об.

*18. 1569 г. августа 26. — **Жалованная грамота из опричного Четвертного приказа Кирилло-Белозерскому монастырю на вновь приобретенные земли и угодья «в Каргопольском уезде в Турчасовском стану у моря» и на двор в Турчасове.***

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми Кирилова монастыря игумена Кирила з братьею, что на Белеозере, или хто по нем в том монастыре иный игумен будет. Били мне челом богомолец наш игумен Кирил з братью, как мы были в своей богомолье в Кирилове монастыре, а сказывают, что-деи по нашему докладу купили они в Каргопольском уезде в Турчасовском стану у моря на усть реки Золотицы усолье черные земли, и подле моря пожни, и варничные места, и морские тони, и рыбные и нерпяные ловли, и реку Золотицу; а иные-деи угодья морские, на том же берегу варничные места и пожни и дворы в том же погосте, тутошние жилцы давали пречистые богородицы в Кирилов монастырь свои купли, черные земли, за вклад в вечной поминок по собе и по своих родителех; и с тех-деи усолей у моря наших пошлин емлют с пуда по полуденге по писму писца нашего Никиты Яхонтова с товарыщи; а прежде-деи сего в Каргопольском уезде и в Турчасовском присуде у моря, где соль варят, тое нашие пошлины по полуденге с пуда на нас не имали, а имали-деи преж сего на нас нашу пошлину с црена по сороку алтын, а с-ыного по рублю, а с-ыного по дватцати алтын; как ныне на нас емлют на Двинском берегу и на Корелском подле моря; а иные-деи наши пошлины на реке на Онеге под Порогом и в Порозех и в Турчасове и в Каргополе и во всех городех с тое монастырские соли пошлину емлют на них, как и на иных на торговых людех, где учнут они продавати ту соль, в котором городе, и у моря в Золотице, где ту соль варят; и дань нашу и оброк дают по писцовым книгам сполна ж с тамошними крестьяны вместе; и иные-деи всякие волостные розметы тянут с волостными людми ровно; да им же-деи дал в Кирилов

монастырь за вклад торговой человек Степан Григорьев сын Мясник двор свой черной в Турчасове; и нам бы их пожаловати, те земли в Каргополском уезде в Турчасовском стану у моря на усть реки Золотицы и подле моря пожни и варничные места и морские тони и рыбные и нерпяные ловли и реку Золотицу и угодья морские, на том же берегу варничные места, и пожни и дворы, что даваны за вклад, велети к монастырю держати, а пошлин с соли с пуда по полуденге по книгам писца нашего Никиты Яхонтова имати не велети; а что дал Степан Григорьев сын двор свой в Турчасове за вклад, и нам бы тот двор велети обелити. Да положили на Москве у сыску у книг купчие, по которым они земли и всякие угодья купили в Каргопольском уезде и в Турчасовском стану х Кирилову монастырю, и даные на те земли, которые земли давали им за вклад в вечной поминок по душам; и в купчих и в даных написано: В купчей Василья Григорьева сына Никитина: Продал Василей Григорьев в Кирилов монастырь игумену Кирилу з братьею, или хто по нем иный игумен будет, угодье отца своего Григорья и свое в Золотице реке и в Пушлахте в лесех и на морском берегу пожни свои и варницы и варничные места и лес, чем отец его Григорей и он владел, а в дани те угодья по Яковлеву писму Сабурова и в оброке по Микитину писму Яхонтова, по морскому берегу и в губе и в Пушлахте лесы и варницы и варничные места, и пожни и припаши и с росчистми новыми, с морскими тонями на Дуракове и на Уг-наволоке, и в Перть-наволоке, и в Подсосной на усть Золотицы, в реке в Золотице понижe мелницы кол, рыбу ловят, и с озерскими ловищи и с речными тонями и с лешими ухожеи и с путики, и с варницами и с варничными месты, с трубами и с онбары и с лешими заводы, и все угодья отца своего и свои, куды ходила коса и соха и топор, и двор в Золотице волости; да в Золотице реке рыбную ловлю и с волощаны на устье неводы ловят, и по Золотице реке вверх лесы и пожни на Павне речке, и выше Павны на Золотице Фарафоновские пожни, и в волости Михайловское дворище Костылевское, сено косят на горе до лесу и к реке до дороги

сверху, в межах с Терентьем с Ыгумновым, да и Лукина гора и Левковское место до дороги ж щербиною в межах, и Онаньинское дворище на горе против Григорьева двора да против Николы Чюдотворца, на горе Петрушинское дворище в межах с Терентьем с Ыгумновым, да за Золотицою рекою на Двинской стороне на устье тоня да на Перть-наволоке тоня ж, да и пожни, сено косят по морскому берегу и по горам, починки и дворище, от Курженицы реки и до Костина наволока и до Кислые губы х Курженицам едучи, сено косят, болотцо, да х Курженице речке едучи, остожье на наволоке, да по Курженице реке от моря по обе стороны пожни да и на Курженском дворище у озера и около озера по горам и по раздольям пожни, сено косят, и озеро Курженское, рыбу ловят, и подле моря и по горам от реки от Курженицы и до другие реки Курженицы пожни; да в Лопалохте колодяз соляной с трубами, две варницы, да не доехав Лопалохотцких варниц остожье пожня, и проехав Лаполохотцкие варницы, а не доехав Юрьевские варницы, пожни четыре остожья; да против Лежневского варничного места в горе по лесом чищи, да и Костылевское дворище на горе и по раздолиям и по розчищам пожни, сено косят, и проехав Лополахту по обе стороны на Уг-наволоке пожни и тоня, да на Уг-наволоке в горе два остожья, сено косят, да против Уг-наволока остров Жегжично, косят на нем сено, и нерпяные ловища; да не дошед Климовы тони пожни два остожья, да за Кегою рекою по морскому берегу пожни до Костина наволока и до Кислые Губы; да в Дуракове становище две тони, сидят на коргах; да в Дуракове ж две варницы пустые розволялись и двор варничной пуст; да на Михалице две варницы пустые, двор варничной, все обвалялось; да от волости от Золотицы к Орлову в Нерли ж губе против Соловетцкие тони в горе росчисти с Никитою с Павловым, Никите косят два жеребья, а Кирилову монастырю треть; да против корги Соловетцкие тони Кунеховское дворище, сено косят; да у Соловетцкие же тони середние на морском берегу у Попкова ручья Самаренские пожни; да в Пушлахте в губе двор да у двора мелница да за

прудом толчея да двор конюшенной, да у двора в Пушлахте четыре варницы с колодязям и с трубами, да в губе на корге варница; да на островку варница; да в Пушлахте в губе тоня рыбная, ловят селди неводом и не в одном месте; да в Пушлахте ж с Онежские стороны от двора около губы и до Чишнемского наволока на десяти верстах подле моря пожни и варничные места; и на том берегу̀ в Шидрове четыре варницы с колодязем и с трубами; да на Шидровской речке по наволакам пожни да закол; и в Кумжи ловят в осень; да по Двинскую сторону к Золотице реке от Пушлахты от двора до Орлова-наволока пожни с волощаны в межах, чем отец его Григорей владел изстари; да в Орлове-наволоке Горбуновское дворище; да от моря по Пушке по реке по обе стороны до Долгова озера и около Долгова озера пожни одного Василья, и выше Долгова озера по Пушке же реке пожни до Пушка-озера до Болшого и на усть реки сверху и по Сенному ручью и за горами с волощаны в межах, и на Поташове ручью с Шкулем в межах; и владети теми угодьи Кирилова монастыря игумену Кирилу з братьею в веки без выкупа; а взял он на том угодье на всем у игумена Кирила з братьею восемьсот рублев. А в купчей лето написано: «Семь тысеч семдесят шестаго июня в девятый надесять день». Да в даной Василья Потапьева сына Костылева написано: «Василей Потапьев дал в дом пречистой богородицы Кирилу чюдотворцу игумену Кирилу з братьею в Кирилов монастырь вкладу двор свой в Золотице в волости у Николы чюдотворца на погосте, а в межах с верхнюю сторону с Федором с Торутою, а с нижнюю сторону с Сенкою с Мехрежаниным, да и огород за двором и подле двор с верхнюю сторону огород же, а стоит тот двор на Нечаевской земле Крюкова да на Ершовской земле Кощеева; да пожни свои росчисти в Лопалохте от Григорьевских варниц з Двинскую сторону против бывшей Соловетцкой тони в лес шесть остожишок да за Красным Бором на истоке четыре остожища за пять рубля». А в даной лето написано: «Семь тысяч семдесят семаго ноября во второй день». Да в даной Никиты Павлова сына Золотичанина написано: «Ни-

кита Павлов сын дал в дом пречистые богородици в Кирилов монастырь игумену Кирилу з братьею, или хто по нем иный игумен будет, в волости в Золотице вкладу за собя и за свою жену двор свой со всеми хоромы на берегу; да против того ж двора и против Шкулева двора берег да полянка до лесу; да в Орлове-наволоке поллуга, свою пожню, что он косил з Григорьем с Никитиным по̑ годом в водной луке; да на Лопалохте на дву ручьях пожни чищаники, что он сам косил; да мелницу верхнюю повыше Григорьева забору рыбного, что он купливал у Григорья у Никитина; а дал он тот вклад за полтораста рублев». А в даной лето написано: «Семь тысеч семдесят семаго апреля в третий день». Да в даной ж Кузмы Федорова сына Огани и сына его написано: «Кузма Федоров сын да сын его Василей дали вкладу пречистой богородици и преподобному Кирилу чюдотворцу в дом игумену Кирилу з братьею двор свой в Золотице у Николы чюдотворца на погосте подле Гридин двор Лодыгин с верхнюю сторону; да пожни свои на Золотице реке, Безгодкова-наволока половина, с Шкулем вместе, что купливал у Ивана у Слансеева; да Карповскую чищанину на том же Безгодкове-наволоке за тринатцать рублев». А в даной лето написано: «Семь тысеч семдесят семаго». Да в купчей Гаврила Семенова сына Мохнаткина написано: «Продал Гаврила каргополец в Кирилов монастырь игумену Кирилу з братьею, или хто по нем иный игумен будет, угодье свое в Каргополском уезде на море в Золотице реке, что он купил у Слоты у Иванова сына у Темникова, двор новой и с огороды; да усолье шесть варничных мест, две варницы в Лопалохте, три варницы в Золотице реке на устье, варница в Хай-наволоке — и с колодязи и с трубами и с варничными и з дровосечными избушки и с пожнями и с новыми росчисти и с водяными ловищи и с лешими путики, и куды ходил плуг и соха и коса и топор, и половину тони в Уг-наволоке, что тоня с Шкулем вместе, и что к тому угодью изстари потягло, чем Слота владел; да пожен морских поллуга с шестою долею на море; да по реке по Золотице оброчные пожни и по реке по Выге; а взял он у игумена

у Кирила з братьею на том дворе и на всем усолье и на пожнях и на всем угодье сто рублев и четырнатцать рублев денег; а продал в веки без выкупа». А в купчей лето написано: «Семь тысеч семдесят семого». А в писцовых книгах Якова Сабурова с товарыщи семь тысеч шестьдесят четвертого и в Никитиных книгах Яхонтова с товарыщи семь тысеч семдесятого написано: «В Турчасове на посаде во дворе Степанко Григорьев». И с того двора по Яковлевым книгам Сабурова дани и ямских денег и за городовые и за засечные и за емчюжное дело и всяких пошлин и пищалных денег на год три алтыны и пол-трети денги, а по Никитиным книгам Яхонтова за наместнич доход и за присуд оброку и пошлин двенатцать алтын з денгою, всего пятнатцать алтын и полчетверты денги. А дворы Григорья Никитина, что на усть реки Золотицы: «Во дворе половничеет церковной дьяк Понкратко Иванов, а в другом дворе Григорей Никитин». И с тех дворов по Яковлевым книгам Сабурова дани и ямских денег и всяких податей и пищалных денег на год пять алтын без дву денег, а по Никитиным книгам Яхонтова с одного двора з Григорьева за наместнич доход и за присуд оброку и пошлин шесть алтын и четыре денги; да к тому ж двору сена косят на морском берегу у Корженского дворища и у Корженского озера и по Корженцом и Костылевское дворище и Лежневская росчисть, а ставитца сена восмьдесят пять копен, а оброку с того сена четырнатцать алтын з денгою; с речки Сыдровы да с морской губы с Пушлахты да с острова з Жегчина аброку за рыбную ловлю да за нерпу у Григорья у Никитина гривна да пошлин полторы денги. А в книгах писма Якова Сабурова те пожни и речка Сыдров не написана. Да в тех же Яковлевых книгах Сабурова написано на море на усть Пушки реки с варничного двора и с пожен по Шиндоровской ручей и по Чешименской наволок и с реки с Пушки и с острова з Жегчична, что против речки Кеги, у Григорья у Никитина оброку дватцать пять алтын. А в книгах писма Никиты Яхонтова с того двора и с пожен написан тот же оброк да пошлин з дворовова оброку

полтретьи денги. Да в писцовых же книгах Якова Сабурова написано: «На реке на Золотице з Золотицкого езу у Григорья у Никитина за рыбную ловлю шесть денег, да с мелницы на мереже на усть Пушлахты речки аброку шесть денег; да с тони, что по морскому берегу в Уг-наволоке, да с тони, что на Перть-наволоке в Сатаницах, а оброку с них дватцать два алтына, да с тони, что на усть Золотицы реки оброку за рыбную ловлю за семожью полтретья алтына, да з дву тоней не доехав Горболуды, а оброку дватцать два алтына». А в писцовых книгах Никиты Яхонтова те тони не написаны. Да в писцовых же книгах Якова Сабурова написано: «В Пушлахотцкой губе у Ржавца варницою варит Григорья Никитина». А по Никитиным Яхонтова книгам та варница перенесена к двема варницам, что на реке на Пушке. Да в Пушлахотцкой ж губе Григорей жа Никитин варит варницою ж. А по книгам писца Никиты Яхонтова та варница перенесена в Мокрую губу. Да на реке на Пушке Григорей жо Никитин варит двема варницами, да на Три-корге Григорей жо Никитин варит варницою. А по Никитину писму Яхонтова та варница перенесена под Чишна-наволоком. А оброку с них по писцовым книгам Якова Сабурова на год по дватцати по пяти алтын с варницы да казначеевых пошли по четыре денги да дьячих по четыре ж денги. А оброку с тех варниц по писцовым книгам Никиты Яхонтова на год с пуда по полуденге. Да в писцовых же книгах Якова Сабурова написано: «На усть реки Золотицы в дворе Никита Павлов, а дани и ямских денег и всяких доходов и пищалных денег на год с того двора два алтына и две денги». А за наместнич доход и за присуд оброку и пошлин по писцовым по Никитиным книгам Яхонтова с того ж двора семь алтын с полуденгою, всего девять алтын и полтрети денги. Да в Никитиных же книгах Яхонтова к тому ж двору написано против того двора и против двора Шкулева берег да полянка до лесу, сена косит на морском берегу и у двора и на речке на Пушке и на чищанинах на Лопалсхте на дву ручьях пятьдесят копен, а оброку с того сена девять алтын з денгою. Да по Яковлевым же книгам

Сабурова на усть Золотицы реки с мелницы Никиты Павлова, что купливал у Григорья у Никитина, оброку десять денег. А в Никитиных Яхонтова книгах та мелница не написана. А что в Микитиной ж Павлова даной написано, дал Никита в Кирилов монастырь в Орлове-Наволоке пол-луга свою пожню, что косил з Григорьем с Никитиным по годом в одной луке, и та пол-луга в писцовых в обоих книгах не написана. Да в Яковлевых же книгах Сабурова написано: «В Золотице ж во дворе Гаврило Мохнаткин, а купил его у Слопы у Темникова; а дани и ямских денег и всяких пошлин и пищалных денег с того двора на год два алтына и две денги, да за наместнич доход за присуд оброку семь алтын с полуденгою, всего девять алтын и полтрети денги; да две варницы в Лопалохте да три варницы в Золотице реке на устье, да в Хайнаволоке варница ж; и всего шесть варниц, а оброку с тех варниц на год по дватцати по пяти алтын с варницы, да казначеевых пошлин с варницы по четыре денги да дьячьих и подьячих пошлин по четыре ж денги с варницы; на море же в Золотице с пожен по реке по Золотице и до Золотицкого озерка, и на Золотицком озере и по реке по Выге и до Выгаозеро и на Выго-озерке и по лешим рекам и по ручьям и по сечищам и за Бадогиным двором и под Вахрушевою горою и по Золотице вверх Вахрушевской наволок с причистию и за Парандиною горою Истязенские поженки Икосово и за Березовою горою Лыткинские и Стефановское Кнутаревых, и з дву наволоков, что на Конакее, да Бучневские росчисти да з дву наволоков Бучневских, что вверх Выгу реку, что бывали те пожни Васюка да Тереха Никитиных детей Попова золотичана ж и Юшка Васильева, а оброку и пошлин с тех пожен на год пять алтын». А тот двор Гаврило Мохнаткина и пожни и варницы в писцовых книгах Никиты Яхонтова не написаны. А что в даной Куземки Федорова сына Огани да сына его Васки написано дали они в Кирилов монастырь вкладу двор свой в Золотице у Николы на погосте и пожни и чищанину, да в Васюкове Костылева даной написано дал он в Кирилов монастырь двор свой в волости в Золотице у Николы на по-

госте и пожни и остожишка, и те дворы и пожни и остожишка Куземки Федорова и сына его Васки и Васки Костылева в писцовых книгах Якова Сабурова и Никиты Яхонтова не написано.

Да и грамоту нашу жаловалную, какова им дана лета семь тысеч четыредесят перваго на их монастырские Белозерские и на Вологодцкие села и деревни, перед нами клали.

И яз царь и великий князь Кирилова монастыря игумена Кирила з братьею, или хто по нем иный игумен будет, пожаловал теми купли, что они купили в Кирилов монастырь, земли и пожни и варничные места и тони и рыбные и нерпяные ловли и всякие угодья, и те угодья и дворы, что им давали в Кирилов монастырь за вклад, в Каргополском уезде, а в сей грамоте имены писаны, велели им держати за Кириловым монастырем по купчим их и по даным грамотам со всем по старине, что к тем двором и к угодьям изстари потягло, и вступатися у них не велел ни во что. А которые варницы по Яковлеву писму Сабурова и по Микитину писму Яхонтова написаны за Григорьем за Никитиным и за Гаврилом за Мохнаткиным, а купили их игумен Кирил з братьею х Кирилову монастырю, что продал Васка Григорьев сын Никитина в Пушлахотцкой губе у Ржавца с варницы, что перенесена к двем варницам на реке на Пушке, да с варницы ж, что перенесена в Мокрую губу, да з дву варниц, что на реке на Пушке, да с варницы, что на Пуш-корге, да з дву варниц, что продал Гаврило Мохнаткин в Лопалохте, да с трех варниц, что в Золотице реке на устье, да с варницы, что в Хай-наволоке, и с тех с одиннатцати варниц по книгам писцов наших Никиты Яхонтова пудовые пошлины с пуда по полуденге имати есми не велел, а давати с тех одиннатцати варниц в нашу казну по Яковлевым книгам Сабурова оброку с варницы на годы по дватцати по пяти алтын да казначеевых пошлин по четыре денги да дьячих и подьячих пошлин по четыре ж денги. А с поморских с Пушлахотцких и з Золотицких дворов и с пожен и с мелниц и с рыбных ловель и со всяких уго-

дей давати им в нашу казну в Четвертной приказ дань и оброк по книгам писцов наших Якова Сабурова и Никиты Яхонтова с товарыщи. А что дал в Кирилов монастырь Степан Мясник двор свой черной в Турчасове, и яз царь и великий князь Кирилова монастыря игумена Кирила з братьею пожаловал, с того двора нашей дани и ямских и пищалных денег и за наместнич доход и за присуд оброку и всяких пошлин имати на них не велел, и с черными людми не тянути им ни во что. А хто у них в том дворе и на море в Пушлахте и в Золотице у варниц и у мелниц и у рыбных ловель и в лешних дворех учнут жити монастырских слуг и крестьян, и наши наместницы Каргополские и волостели и их тиуны тех их людей не судят ни в чем опричь одного душегубства, ни кормов своих у них не берут и не всылают к ним ни по что, а праведчики и доводчики поборов своих на них не берут, ни пятна на них не емлют, и не въезжают к ним ни по что. А ведает и судит тех своих людей игумен з братьею сами во всем, или кому прикажют. А случитца суд сместной тем их людем з городцкими людми или с волостными или с становыми, и наместницы наши Каргополские и волостели и их тиуны судят, а игумен з братьею или их приказщик с ними ж судит. А прав ли будет или виноват монастырской человек, и он в правде и в вине игумену з братьею или их приказщику; а наместницы наши и волостели и их тиуны в монастырского человека не вступаютца ни в правого, ни в виноватого. А прав ли будет или виноват городцкой человек или волостной или становой и он в правде и в вине наместником и волостелем и их тиуном, а игумен з братьею и их приказщик в городцкого человека и в волостного и в станового не вступаютца ни в правого, ни в виноватого. А кому будет чего искати на их на монастырском приказщике, ино их сужю яз царь и великий князь или мой боярин введеной. А кто по них и по их людей по монастырских по Каргополских взведет моего царева и великого князя пристава, и он пишет им один срок в году зиме за неделю до великого мясного заговеина, а опричь того сроку иных сроков на них не наметывают; а кто на них накинет срок силно не

по тому их сроку, и яз им к тому сроку ездити не велел; а кто на них и безсудную возмет не по тому их сроку, и та безсудная не в безсудную. Також есми их пожаловал, боярские люди, ни иные люди никоторые, кь их монастырским людем на пиры и на братчины незваны не ездят и не ходят; а кто к ним придет пити незван, и они того вышлют вон безпенно; а не поидет вон, а учнет у них пити силно и учинитца у них туто какова гибель, и тому та гибель платити вдвое без суда и без правды.

Також есми их пожаловал, наши князи и бояре и воеводы ратные и всякие ездоки у них не ставятца ни кормов ни подвод ни проводников у них не емлют; а кому у них лучитца стати, и он себе у них корм свой и конской купит по цене, как ему продадут. А кого яз царь и великий князь пожалую, дам ему свою грамоту жаловалную на грамоты, а на сю мою грамоту грамоты нет. Дана грамота на Москве лета 7070 седмаго августа в 26 день.

На обороте:

Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии.
Диак Курган Лапин.

Подтверждения:

1599 г. марта 4. — Божиею милостию мы великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и сын наш царевич князь Федор Борисович всеа Русии по сей грамоте Кирилова монастыря игумена Корнилия з братьею, или хто по нем в том монастыре иный игумен будет, пожаловал, сее у них грамоты рудити не велели никому ничем, а о всем велели ходити по тому, как в сей грамоте писано. Лета 7107-го марта в 4 день. А подписал государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии диак Андрей Арцыбашев.

1677 г. сентября 21. — 186-го сентября в 21 день великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич

всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец указал на сей жалованной грамоте написать свое великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца повеление и о всем указал быть как в сей жалованной грамоте написано, кроме тех статей, которые в Уложенья отставлены. Диак Филип Артемьев.

Печать вислая.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Каргопольский у., № 5911/4; Список: Архив ЛОИИ. Сб., № 112, отд. IV, № 58.

19. 1573 г. июля 30. — Жалованная тарханная подтвердительная грамота, выданная из Большого Прихода московскому Новодевичью монастырю на рыбные ловли и деревни в Обонежской пятине, Введенском погосте, по р. Ояти с притоками.

Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми богомолицу свою пречистые Одегитрея Нового манастыря девича, что на Москве за посадом, игуменью Евникею с сестрами или по ней игуменьи и строители у пречистые Одегитрея манастыря будет. Била мне челом игуменья Евникея с сестрами о том, что была у нее с сестрами до пожару наша жаловалная грамота, что пречистые Одегитрия манастыря вотчина в Великом Новегороде, в Обонежской пятине, в Введенском погосте, на Ояти, а в ней рыбные ловли, а на те-деи рыбные ловли была моя царя и великого князя жаловалная тарханная грамота от всех наших податей и та-деи наша грамота у игуменьи Евникее с сестрами в 79-м году в Крымского царя приход на Москве згорела. И яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии Нового Девичья манастыря игуменью Евникею с сестрами пожаловал, велел ей дати грамоту на рыбные ловли такову ж, какова у нее была преж сего и в Крымского царя приход на Москве та грамота згорела. И игуменья Евникея с сестрами в Большом Приходе перед дияки перед Степаном Лихачевым

да перед Тимофеем Матвеевым с тое жаловалные грамоты, которая у нее в приход Крымского царя згорела, положила список и ся грамота дана с того списка, как в нем писано. «Пожаловал есми игуменью Евникею с сестрами, или по ней игуменья или строитель будет, в своей вотчине в Великом Новегороде в Обонежской пятине своими государя царя и великого князя рыбными ловлями и оброчными на Свери на реке на Свирском устье у Ладожского озера Настасьинскими Ивановы жены Григорьева да Федоровскими да Семеновскими Десничковых да Марфинскими Бабкина да Максимовскими Доможирова, на реке на Паше колом Кунвасарским, в своей великого государя царя и великого князя Настасьинские волости, с Отинским манастырем по половинам, и сетною ловлею, да за Свирским островом и за Ромесовыми котечными ловлями Настасьиньские ж, да на Пашской губе на чистых водах Настасьиньские ж волости ловлями кероводными и сетьими да потрескотечными ловлями да в Ченбе в Нетнуском двемя тонями, Настасьинские ж волости, да на Пашской губе и в Ченбе и в Нетнуском станы и ловлями Пашского погоста вопче с Отинским манастырем да своеземцы; да на другой стороне Сверского устья по Конденжским тремстам ловлям и Федоровскими Десничкова сетными котечными, вопче со владыкою да с Отинским манастырем, да на усть Свери Кунвасарскою тонею, был до письма кол, стал пуст, нарядили ту тоню после писма, выше тою тонею Венейгою, до писцов был кол, а нарядили ту тоню после писцов, да выше того колом Палдинским, на Настасьинскую волость было на четвертой год пол-кола, да в том же колу Максимовскую Доможирова четью да выше того в Патрушинском колу Марфинские Лукины Бабкина да Семеновскою Бабкина шестою долею, да в том же колу Настасьинским девятым жеребьем ежегод, да выше того в колу сухол Сверицы Настасьинскими трема четми ежегод; да на другой стороне реки Свери в Сверском колу Настасьинские волости пятью жеребьи, да выше тех колов на Габанове Настасьинские волости нижнею тонею всею, да выше того на Габанове ж в Никольской тоне третью нево-

дом Настасьинские волости да Лукинскою Бабкина полушестиною тони, да выше того Оятцким наволоком, Настасьинские волости половина наволока в семи тонях, да выше того полуколом Ворсовом, да выше того кола в острову усть Ояти реки, под тем островом до Настасьинские волости, половиною сетными ловлями, да выше того в Алжинском колу Настасьинские волости в четверти двема жеребьи, что вопче с Федоровскими Десничкова, да в другой четверти, что вопче со владыкою, Семеновскими Бабкина трема жеребьи, да выше того на Левкине водною ловлею Настасьинские волости да Семеновскими Бабкина двема третьими, а владыка в той же тоне шестая доля, шестой жеребей через год, а Авраму шестая ж доля; да в Яганском колу полутрети четвертми, да выше того колом Кривцом да в Сяднегине водною ловлею, Настасьинские волости четвертью, да выше того в Уямги во владычне колу Настасьинские волости на осмой год десятая рыба, да Семеновскою Бабкина в два года десятая рыба, да в том же колу Офимьинскую Горошкова четвертью, да выше того на Райгачи в неводной ловле Настасьинскою шестым жеребьем, да в Корельской речке да в Руне речке в колу Семеновскою Бабкина на другой год четвертью во владычне половине, да на Свири жь в Шедкуйских тонях Федоровскою Домажирова в Елинской тоне четвертью же годов. Да игуменью же Евникею с сестрами, или по ней в том манастыре игуменьи или строители будут, пожаловал есмы тех для рыбных ловель на пристанище своими царя и великого князя деревнями в Обонежской пятине в Веденском погосте на Ояти, что были в поместье за Юрьем да за Никитою, да за Яковом да за Иваном за Олферьевыми детми Белеутова, Настасьинские Ивановы жены Григорьева Оятцкие волости деревнею на Ояти Егорья святаго, деревнею Пинегорская поповская, деревнею на Ояти Смотрицкая, деревнею на Ояти, деревнею на Ояти же, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж, деревнею Гунгоево, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж. деревнею на Ояти ж, деревнею Чмутовскоою на Ояти, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж, де-

ревнею на Ояти ж, деревнею Струсичево, деревнею на Ояти ж Харитоновскою, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж против Ключникова двора Костинская Биричева, деревнею на Ояти ж Новосельцово, деревнею на Ояти ж, деревнею на Ояти ж Кузнецовскою, деревнею на Ояти ж Лососкиным починком Новым, стал после писма; да в Обонежской же пятине в Веденском погосте на Ояти Настасьинские ж Оятцкие волости, что были в поместье за Васильем за Востинским, деревнею на Векшинги речке, починком Старым на Векшинги ж речке, деревнею на Векшинге ж речке, починком на Векшинги ж речке, починком на Векшинги ж речке, починком Новинка, стал после письма, деревнею на Векшинги ж речке, деревнею на Векшинги ж речке, деревнею на Векшинги ж речке, деревнею на Ояти, деревнею на Ояти ж в опчей деревне; да Федоровскими да Колмаковскими поместьем Скобельцыных, Настасьинские ж Оятцкие волости деревнею на Сермаксе у часовни, деревнею на Сермаксе ж, деревнею на Сермаксе ж, островом Корнаничи; да Неустроевского поместья Скобелцына да его детей Ивановским да Семеновским в Веденском погосте на Ояти деревнею Марфинскою Лукина Бабкина, что были Оятцкие ж волости, деревнею на Сермаксе пониже часовни, деревнею Плешковскою на Сермаксе, деревнею на Сермаксе на устье Ояти, деревнею что был починок Старой на устье Ояти, деревнею на Сермаксе, да Семеновскою Бабкина Оятские ж волости деревнею на Сермаксе; да Юрьевским поместьем Скобелцына да его детей Андреевским да Китаевским Настасьинские ж Ивановы жены Оятцкие ж волости, деревнею на Ояти Золотухиною да Юрьевскою ж Скобелцына деревнею Большим двором Оятцкие ж волости, со всем с тем, что к тем рыбным ловлям и тоням и колом и х котечным и к сетным ловлям и к деревням и к починкам изстари потягло, своим царя и великого князя оброком, что с тех рыбных ловель в нашу казну оброку шло, и з доходом и з денежным доходом и с хлебным и с мелким доходом и своею царя и великого князя обежною данью. И хто у них в тех деревнях учнут

жити священников и диаконов и диачков церковных и слуги, людей манастырских и крестьян и тем их слугам и людем и крестьяном не надобет моя царя и великого князя обежная дань, ни ямские деньги, ни посошная служба, ни иные которые пошлины, ни пятно, ни явка, ни наместников наших ноугородцких и пригородцких и дворецких и конюших наших ноугородцких, ни волостелин корм, ни тивунов их, ни праветчиков побор, ни довотчики к ним не въезжают ни по что, ни к сотцким, ни к десятцким, ни к черным людем ни в какие протори ни в розметы, и города не делают, ни мостов не мостят и на яму с подводами не стоят. А наместницы наши ноугородцкие и волостели их и тиуны не судят их ни в чем; а учинитца у них в тех деревнях душегубство или хто их убитою головою подкинет, а обыщют душегубца, ино наместником веры два рубля; а учинитца у них душегубство безхитростно: кого гром убьет, или хто з древа убьетца, или кого в лесе древо убьет, или зверь съест, или озябнет, или возом сотрет, или в воде утонет, или утопленник водою приплвет, или иным которым делом, а не хитростию, — ино наместником ноугородцким и пригородцким и дворецким и конюшим ноугородцким и волостелем продажи нет, а тивуну их одна гривна явленая. А ведает и судит их игуменья с сестрами тех своих людей и крестьян сами во всем или кому прикажут; а случитца суд сместной тем их людем и крестьяном з городцкими людми с ноугородцкими и с пригородцкими или с волостными или з дворцовыми или с конюшими, и наместницы наши ноугородцкие и пригородцкие и дворецкие и конюшие наши ноугородцкие и пригородцкие и волостели их и тивуны судят, а игуменья с сестрами или их приказщики с ними ж судят; а прав ли будет, виноват ли манастырской человек, и он в правде и в вине игуменье с сестрами или их приказщику, а наместницы наши ноугородцкие и пригородцкие и дворецкие и конюшие и волостели их и тивуны в манастырского человека не вступаютца ни в правого человека, ни в виноватого. А кому будет дело до их священников, диаконов и дияков церковных, или чего

искати на их прикащикех и на слугах манастырских, ино сужу яз царь и великий князь или мой дворетцкой московской Большого Дворца. Также есми их пожаловал, кому будет до их попов и до их людей и до крестьян какое дело, и тот по них шлет моего царева и великого князя даного пристава одного, которой им дан, и он пишет один срок в году на Рожество Христово, а опричь того срока на них иных сроков не наметывают; а хто их опричь того даного пристава даст на поруку и срок на них накинет силно, не по тому по их сроку, и яз им х тому сроку ездити не велел. А хто на них безсудную возмет, а та безсудная не в безсудную, а пристав езду лишен, опричь тех людей, что есми своим бояром приказал на Москве обыскивати лихих людей, татей, разбойников и на которых будет слово лихое возмолвят в татбе и в розбое, ино яз сам царь и великий князь по тех людей пошлю, а сужу яз царь и великий князь или мой дворетцкой Большого Дворца. А боярские люди и иные кто ни буди к манастырским священником и к людем и ко крестьяном на пир и на братчины незваны не ходят; а хто к ним на пир и на братчины придет пити незван, и они того вышлят вон безпенно; а не поидет вон, а учнет пити сильно и учинитца у них какая гибель и тому та гибель платити вдвое без суда и без правды. Также есми их пожаловал в Ноугородцкой земле и в Московской земле и во всех городех Московские земли ямщиком на ямех и всяким гонцом у их попов и диаконов и у их слуг и людей и у крестьян подвод и проводников не имати; а хто у них возмет сильно через мою грамоту, и тому от меня царя и великого князя быти в продажи и в казни. Так же у них наши князи и бояре и воеводы ратные и всякие ездоки в их деревнях ни у кого силно не ставятца, ни кормов, ни проводников у них не емлють. Также есми их пожаловал, что у них у храмов священников их учнут служити, и те их священники архиепископу Ноугородцкому дани ни иных ни которых пошлин не дают, и десятилники и заезщики к ним не ездят ни по что. Также есми их пожаловал, не велел есми на их крестьянех тех деревень своих царя и великого князя повозов и

иных никоторых дел розметных розметывати. А что их свещенники и люди и крестьяне манастырские в Новегороде и в Ноугородцком уезде, в котором пригороде не буди, и по рядом купят что ни буди в манастырь или что манастырское продадут в Новегороде или в коем пригороде ни буди и по рядом купят или повезут повоз в Новгород и в которой город ни буди или лете поидут в судех водою к Ноугороду или к морю для соли с товаром с каким ни буди и в которой город водяным путем в судех ни поидут, и они Ладожского порога волостелем и теглецом и повенетцким и выгозерским волостелем мыта и тамги и явки, ни померного, ни весщаго, ни по рекам перевозов, ни мостовщины и иных никоторых пошлин не дают. А кому дам свою грамоту жаловалную на грамотчики, а на сю мою грамоту грамоты нет. А кому явят сю мою грамоту, и они не дают с нее ничего. А дана была им та грамота, которая у игуменьи у Евникеи с сестрами в Крымского царя приход на Москве згорела в лете 7057-го ноября в двадесят вторый день. К сей грамоте царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии велел печать свою приложити лета 7081-го июля в 30 день.

ГБИЛ, Собрание актов И. Д. Беляева, № 153.

20. 1573—1574 гг. «Опросные речи» («опросная память») «старцев» Ильи, Антониево-Сийского монастыря, и Германа, Николо-Корельского монастыря, перед писцом Василием Дементьевым сыном Агалиным и подьячим Степаном Федоровым сыном Соболевым о причинах запустения Варзужской волости Двинского уезда.

Список с опросной памети. Лета 7082 спрашивали государевы царевы и великого князя писцы Василей Дементиев сын Огалина да подьячей Степан Соболев у Троицкого старца Сейского монастыря у Или да у Никольскаго старца у Германа Корельского монастыря с устья з Двинскаго: «Скажите,

старцы, по своей черной ризы про Вар [зуж] скую волость и про угодья от Пороские ямы от волости за три версты и вниз по реке до морского устья Варзуге реке и по морскому берегу рыбные тони и сенные покосы и всякие угодья от Умбские межи от речки Оленицы, а в Мурманской конец до речки до Пялицы, чьи то угодья истари, тони и речки и леса и пожни и всякие угодья, и почему те[м] двиняне ныне владеют, и в реке в Варзуге у Пороских ямь забор преж сего бывал ли, и в волости в Варзуге отчего дворы и луки и варницы и мельницы запустели, и куды с тех дворов люди розошлися и в котором году, и хто пустых дворов хоромы розвозил, и отчего государева таможная пошлина и жемчюжная десятина залегла. Да в Мурманской конец по морскому берегу речки и тони, речка Пулонга, да речка Бабья, да речка Снежница, да речка Сосновка, да речка Лиходеева, и меж тех речек всякие рыбные ловли и луки, чьи то истари было и хто теми угодьи, ныне владееть. И троецкий старец Илья да никольской старец Герман сказали по чернечеству: «Мы, господине, зазнали за одиннацать леть, что тою рекою Варзугою и до морского устья и берегом от Оленницы и до Пялицы всеми угодьи варзужане владели и до межеванья князя Григорья Вяземскаго да Басенка Федурина, а у Пороских ямь у варзужан забора не было; был, господине, забор у варзужан выше волости. И после, господине, межеванья и отводу князя Григорья Вяземскаго да Басенка Федурина теми всеми угодьи промышляли двиняне, от Порожские ямы до устья и морскимь берегом по обе стороны реки Варзуге, от речки Оленницы да до Пялицы, а забор, господине, на ямы ниж волости держали двиняне. А в Мурманской конец, от речки от Пялицы, про те, господине, речки нам неизвесно, за кем те речки были и хто ныне теми речками владееть. А про Варзускую, господине, волость слышели есми слухом: запустела от гладу и от мору и от Басаргина правежу. А про дворы, господине, неизвесно нам, хто Варзуские волости дворы секл и розвозил, занеже, господине, мы живем далече от Варзуские волости за морем за Большим Голомянем. То, господине, наши речи скажем по

своей черной ризы. А опросные речи писал в Варзуге умбской диячек Петелка Лукиянов.

Список XVI в. Архив ЛОИИ, «Акты Сийского монастыря», № 427.

21. 1574 г. «Платежница» с Пустоозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева, выданная из приказа Большого Прихода Пустоозерскому данщику Третьяку Асеневу.

Книги платежница поморские Пустозерские волости с книг писма и дозору Василья Огалина да подьячего Степана Федорова лета 7082-го, а збирати по ней государеву дань на два года на 85-й да на 86-й год данщику Третьяку Асеневу. л. 1

Волость Пустоозеро, а в волости церковь Преображение Спасово с трапезою, а у церкви поп Петр да дьячок Карпик Федоров да пономарь Марко; да другая церковь с трапезою Введение пречистые, а у церкви поп Карп да дьячок И[ван] л. 1 об
Никанов да пономарь Лука: да церковь с трапезою ж Никола чюдотворец, а у церкви черной поп Фефан; да [на] погосте келья, а в ней стар[ец] Леванид да проскурник Иван Тихой. А государевы царевы и велико[го] князя милостыни годовые руги и тем попом и дьячком и пономарем по т[ри] [ру]бли с полтиною на год, а емлют те денги из царевых и великого князя данных денег у пустозерских данщиков по старине по государеве цареве и великого князя жаловалной грамоте.

В волости ж в Пустеозере дворы оброчные: дв. Илейка л. 2
Труфанов, дв. Борис Офонасов сын Галева, дв. Васка Иванов сын Сухорукова да Ивашко Михайлов сын Тянутова да Степанко Иванов сын Неворохова, дв. Офоня Якимов сын Шалавина, дв. Иванко Иванов сын Полубес да Гаврилко Суханов да сын его Митя, дв. Иванко Иванов сын Дедевуля да сын его Васка да Никитка Ерофеев сын Ярцова да Васка Онтонов сын Спицына, дв. Тренка Иванов сын Асенева, да сын его л. 2 об
Шумко да у него ж живет новокрещен нагайской Михалко Тулунтаев, дв. Игнашко да Ерасимка Ивановы дети Ряженова

да Игнашковы дети Сенка да Силка, дв. Карпик Федоров сын
Шехирев, дв. Исачко Никитин сын Рюминской, дв. Якуш На-
заров сын Широкого да Поздейко Кутья да Рышка Нечаев,
дв. Якуша Елисеева сына Щелкунова вологженина, а в нем
л. 3 дворник его Ониска Иванов сын, дв. Аврамко Иванов сын
Лагунов да пасынок его Кирилко, дв. Онтонко Кутин да пасы-
нок его Оникийко, дв. вдова Марьица Савина дочь, а Лари-
воновская жена Дудина, дв. Иванко Псковитин, дв. Гриша
Васильев сын Дитятев да Фомка Онаньин сын Перекрасов да
Митка Югритин да сын его Левка, дв. Васка Воробьев, дв.
3 об. Михалко Иванов сын, дв. Суханко Левонтьев да сын его
Омелка, дв. вдова Анница Воробьева да сын ее Федко, дв.
Филка да Данилко Онаньины дети Перекрасова да Филкин
сын Савко, дв. Семейка Григорьев сын Булгаков да Ефремко
Петров сын Юголев, дв. Силка Власов сын, дв. Ондрюша
Обакумов сын да дети его Ондрюша да Никифорко, дв. Гриша
Осеев сын да Пашко Нестеров сын да Гришины пасынки Сенка
л. 4 да Оксенка Григорьевы ж дети, дв. Гриша Михайлов сын
скорняк, да Мокейко Столбов, дв. Левонтейко Мартьянов сын
да дети его Иванко да Зеновка, дв. Малафейка Савельев сын
Бирьков да дети его Ивашко да Левошка, дв. Омелка да Сенка
Минины дети Кишкина, дв. Неронко Ильин сын Олександрова
да сын его Ларка, дв. Федко Кожева да дети его Исачко да
Матюшко, дв. Перша Казибердеев новокрещен нагайской, дв.
Васка Парфенов сын Пузда, сын его Федко, дв. Дениско Са-
4 об. вельев сын Шепшегин да Васка Борисов сын Стоилов, дв. Зе-
новка Ерофеев сын да дети его Ортемко да Якушь, дв. вдова
Варварица Никонова дочь, а Мекотинская жена, да дети ее
Филка да Васка да зять ее Тиханко Юрьев сын Литвин, дв.
Ермолка да Ивашко да Гриша Софроновы дети Селезнева да
Ермолкин сын Степанко, дв. Федка Ерша кулоянина, а в нем
л. 5 дворник его Пашко Сурначеев да пасынок его Ивашко, дв. Он-
тонко Парфенов сын Копыл да Мартюшка Полушкин, дв.
Степанка Михайлов сын Шадов да дети его Митка да Лучка
да Левка, дв. Иванка Никонов сын, дв. Гриша Левонтьев сын
Шевел да дети его Якуш да Клишко, дв. Сергейко Ильин сын

Дубровина да Филка Иванов сын Неворохов, дв. Игнаш Левонтьев сын скорняк да сын его Мишка да Игнаш Калинин сын волочанин да Дениско Пономарев да Хляба Четочник, дв. Оска Иванов сын Меншикова да Илейка Ортемов сын, дв. Офонка Яковлев сын, дв. Васка Рожечник, дв. Ондрюша Туч- л. 5 об.
ков, дв. Ондрюша да Онтипко Дмитреевы дети да зять их Куземка Фомин сын да Ивашко Сереин да Ларионко Игнатьев, дв. Федко Протасов сын Бахарев да сын его Гаврилко, дв. Спирко Семенов сын, дв. Куземка да Лучка Клементьевы дети, дв. Пашко Иванов сын кузнец, дв. Онтонко Семенов сын да сын его Ивашко да Якуш Фомин сын да Филка Григорьев сын, дв. Юшко Логинов да племянник его Федко Иванов, дв. Силка Лукин да Никонко Иванов да Сенка Перфиров, дв. Ортемко Пахомов, дв. Оникейко Юрьев сын, дв. Самылко Дукин л. 6
сын да Мишко Норыгины, дв. Титко Иванов сын Кутина, дв. Фролко Фомин, дв. Никитка Норыга да сын его Мишка, дв. Мишка Кондратьев да Черняйко Яковлев сын, дв. Онисимко Рыжко да Гриша Осипов сын, дв. Онцыфорко Захаров сын да дети его Ивашко да Офонка да Федко да Степанко, дв. Бориско Семенов сын, дв. Ондрюша Петров сын да сын его Костя, дв. Иванко да Якунка Лазаревы дети, дв. Приез- л. 6 об.
жейка Семенов да Васка Петров сын, дв. Ондрюша Максимов сын Кит, дв. Гриша Пахомов сын Тучков, дв. Федко Дмитреев сын, дв. Осипко Дмитреев сын, дв. Пашко Молчанов, дв. Марко Кузмин сын да сын его Володка, дв. Архипко Онтуфьев сын да зять его Захарко Дмитреев сын, дв. Матушка Офонасьев сын да зять его Степанко Иванов сын Верткова, дв. Федко Иванов сын Медведева, дв. Тимоха Спиридонов сын Кривая Горница да дети его Гриша да Мартынко да зять л. 7
его Ерасимка Яковлев сын да зять же его Онтропко Клеметьев сын, дв. Куземка Григорьев сын Ильина да сын его Кирилко, дв. Федко Дементьев сын Кожа да Куземка Васильев сын, дв. Сава Сиров сын да сын его Нестерко, дв. Никулка Яковлев, дв. Федко да Савка Юрьевы дети Попова, дв. Евсейка Кирилов сын Чернышева да Оверкейко плотник, дв. Бахар Протасьев сын да дети его Ондрюша да Матюша, дв. Митка

л. 7 об. Клементьев сын да Клементейко его сын, дв. Максимко Григорьев сын Завьялова, дв. Михалко Селиванов сын да сын его Павлик, дв. Игнашко Полуянов сын да сын его Яшко да Чаща сапожник, дв. Ондрюша Иванов сын.

И всего девяносто два двора, а людей в них сто девяносто три человека.

Да в Пусте ж озере дворы тяглые безпашенные, а в них живут царевы и великого князя пермяки крещеные на тяглой земле:

л. 8 Дв. Ондрюша Степанов сын Мухи [н] да брат его Осипко Рычко да Фомка Тимофеев, дв. Иванко Сумороков, дв. Никитка Ерофеев сын Ярков да Куземка Ечев, дв. Иванко да Гриша Васильевы дети Ушакова, дв. Иванко да Гриша Ильины дети Сереина, дв. Иванко да Ондрюшка Гавриловы дети, дв. Сенка Григорьев сын Кока, дв. Якушь Юрьев сын, дв. Назя Денисов сын, дв. Оникийко да Гриша Матвеевы дети
л. 8 об. Стечкина, дв. Онишка да Тимошка Хабаровы дети, дв. Степанко Данилов сын Курьин, дв. Ивашко Глебов сын Июдин да сын его Сидорк, дв. Степанко Иванов сын Суморокова, да Конянко, дв. Ермолка Глебов сын Июдин да зять его Федко Петров сын, дв. Петрок Власов сын Задорина, дв. Иванко Власов сын, дв. Гаврилко да Максимко Власовы дети, дв. Павелко Яковлев сын да сын его Софронко, дв. Игнашка Дементьев сын, дв. Сергейко Салтыков, дв. Лучка да Ондрюшка Ивановы дети Филипова, дв. Шарапко Сумороков, дв. Сенка
л. 9 Сумороков, дв. Федко да Митя Сумароковы, дв. Андрюша да Павлик да Нечайко Кандратьевы дети, дв. Оноско Юмшанов сын да сын его Ефимко, дв. Логинко Козлов, дв. Голубка Панков сын, дв. Тараско Обакумов сын да сын его Кандратко, дв. Карманко Иванов сын Гавшова, дв. Офонка Васильев сын Ушакова, дв. Поздейко Васильев сын, дв. Федка Кухнов, дв. Хобарко Кухнов да дети его Лучка да Якунка да племянник его Митка Иванов сын, дв. Ефимко Кухнов да сын его
л. 9 об. Фомка, дв. Васка Кухнов да Харка немнюженин, дв. Ботейко Песков сын да сын его Васка, дв. Павлик Яковлев сын, дв. Михалко Семенов сын Юропан, дв. Борак Обакумов да

дети его Лучко да Гриша да племянник его Созонко Денисов сын, дв. Тупка Юропанов сын да сын его Ивашко, дв. Иванко да Шумко Кузмины дети Захарова, дв. Якуш Васильев сын Ушакова да сын его Ермолка, дв. Левка Олексеев сын Браткова, дв. Тыртыга Козаков сын да Гриша Рычков, дв. Иванко л. 10
Иванов сын да Гриша Кузмин сын Гавшова, дв. Оска Левонтьев сын да дети его Васка да Прокофейко, дв. Иванко Осипов, дв. Игнашко Яковлев сын Сумороков да Чюрган Поилов, дв. Матюшка Тимофеев сын, дв. Иванко Июдин.

И всего пятдесят два двора, а людей в них восмьдесят девять человек.

И обоего в волости в Пустоозере дворов царевых и великого князя тяглых, а непашенных руских и пермятцких сто сорок четыре дворы; а людей в них русаков и пермяков двести восмьдесят два человека.

А по Якимову писму Романова лета 7072-го в Пустоозере л. 10 об
на посаде написано девяносто семь дворов, а людей в них двесте тритцать человек, а давали они преж сего царю и великому князю в казну с тех своих дворов и з животов и с промыслов и с тонь морских и с речных и с рек и с озер за рыбную ловлю по осмидесят рублев на год. А ныне по Васильеву писму Агалина да подьячего Степана Соболева лета 7083-го году вново прибыло перед Якимовым писмом Романова л. 11
сорок семь дворов, а людей в них прибыло шездесят девять человек, а промыслу у них в угодьях нет никоторых, кормятца о старых жилцах, наимуютца у них по их промыслом. А оброку на них приложено вново перед Якимовым писмом Романова с товарыщи пять рублев на год.

И всего им вперед давати царю и великому князю в казну дани и оброку старых и с новоприбылых дворов и с животов и с промыслов и с рек и с озер и с тонь моркких и с речных за рыбную ловлю и со птичьих и со звериных ловищь и со всяких уго- л. 11 об
дей по осмидесят по пяти рублев в год. Да они же дают с своих угодей с рек и с тонь морских и с речных царю и великому князю в казну с улова десятую рыбу семгу чем хто ни уловит, а в откупу та десятая рыба семга с Пустозерскою тамгою

вместе. А дают они тамги и за десятую рыбу семгу откупу по сту по тритцати рублев на год.

л. 12 Да Пустозерской ж данщик Петр Вислоухов да целовалники Якуш Шалакуша да Кирилко Кузмин збирают царя и великого князя дани с Югорские самоеди по шти сороков соболей на год.

Да в Пустозерской ж уезд на морские островы приходят двиняне, устюжане и пеняжене да на море промышляют, бьют зверь моржа, а царю и великому князю в казну дают с того своего промыслу десятую кость, зуб лутчей, а емлют у них тое десятину Пустозерские целовалники.

12 об. А которые люди прихожие казаки, а ходят на морской промысл и в Югру з гостьми, и Пустозерской данщик емлет с них на государя явки по две денги с человека.

Да в Пустозерской ж волости дворишка, а в них живут нищии, питаютца о мире: дв. Ульянка Верткова, дв. Тимошка Ерасимов, дв. вдова Порасковица Бахарева, дв. Ромашка пономарь, дв. Макарко Тучков; и всего пять дворишков, а людей в них нищих пять человек, и угодья у них никакова промыслу нет, питаютца о мире.

л. 13 А се угодья Пустозерские волости жилцов русаков и пермяков, всей волости реки и речки и тони и озера от Усть-Цылемские межи от речки от Мыслы: река Печера, речка Шапкина, речка Лаписа, тоня на Челп-острове, речка Сулома, речка Сува, тоня Щелейкина по конец Юропонова шару, тоня Бородатая, тоня Мясникова, тоня Здирки, тоня Ловетцкой остров, тоня Матерок по конец Ловетцкого острову.

13 об. Да их же угодья на морском берегу тони, рыбные ловли, от усть Печеры реки в морской конец в Болвановской губе; тоня Крестовая, тоня Прилучкая, тоня Носовая, тоня Дрестьва.

И всего река да четыре речки да одиннатцать тонь, а ловят в тех реках и на тонях красную рыбу семгу всею волостью.

Да их же угодья река Уса да Пустоозеро, что по дворы, а ловят в реке и в озере белую рыбу всею ж волостью.

Да на морском берегу от Пустозерских тонь в морской конец тоня самоедцкая окологородные Самоеди, а ловят на л. 14
ней Пустозерские волости жилцы красную рыбу семгу всею волостью; а обороку им давати царю и великому князю в казну по шти рублев на год, а с улова десятая рыба семга, чем хто сколко ни уловил, по тому ж, как было преж сего; а межа той тоне в морской конец с церковными тонями, с мелкою тонею, речка Ковалиха. А межная речка Ковалиха —
то у них вопче. А от церковных тони до речки до Ковалихи л. 14 с
тонь нет.

А се угодья Пустозерских жилцов Пермятцкие ухожее сторонние речки виски,[1] хто чем владеет изстари, оброчные по Якимову писму Романова с товарыщи. А падут те речки устьи в реку в Печеру, а живут они в тех ухожеях в сараех, лете выезжая из Пустозерские волости ловят белую рыбу про свою нужу.

В Великой виске с верхнего конца вниз по виске сарай
Якуша Дмитреева сына, сарай Тораска Обакумова да сына л. 15
его Кондратка да Илейки Денисова, сарай Борака Обакумова сына з детьми да Пашка Денисова, сарай Ивашка да Якушка Глашевых детей, сарай Корнилка да Ондрюши да Степанка Гавшевых, сарай Васки Михайлова, сарай Гаврилка Власова, сарай Ботейка Пескова да сына его Васки, сарай Петрока да Ивашка да Максимка Власовых детей Задорина, сарай Ивашка да Шумка Кузминых детей, сарай Осипка Истомина,
сарай бывал Илейки Кузмина, а ныне владеют те ж пермяки, л. 15 с
которые в тех сараех живут. И всего двенатцать сараев. А угодья тех сараев: тоня на острову против Морхины речки на реке на Печере, тоня Крестовая против Тош-виски, тоня Наши на усть-Сувы реки на верхней стороне, да на Сувском шару[2] рыбная ловля. А на тех на всех тонях и в речке

[1] Виска — небольшая речка, вытекающий из озера проток, а также ручей или проток, соединяющий озеро с рекой или два озера.

[2] Шар — общее название проливов у берегов Новой Земли и между островами в устье р. Печоры и вообще у Мезеньского побережья.

в Великой виске ловят они белую рыбу, оброку они дают по
л. 16 рублю и по шти алтын и по четыре денги на год.

На Сувском шару речка Воер-виска, а в ней сарай
Ивашка да Гриши да Степанка Осифовых детей; ловят белую
рыбу, а оброку они дают по алтыну на год.

На Михалеве острову с верхнего конца вниз по реке по
Печере сарай Иринки Никитины дочери, а Сметанинския
жены, сарай Федка Протасова, сарай Митки да Якушка Кли-
мовых детей да Климка Ефремова, сарай Степанка Михай-
16 об. лова, сарай Бахора Протасова з детми. Всего пять сараев.
А угодья тех сараев: тоня за Сухим шаром против Лабаскова
острова на материке. Да они ж ведают с великовичаны на
Сувском шару рыбную ловлею белые рыбы, а оброку они дают
по полуполтине на год.

На Нижнем Пелысцы с верхнего конца вниз по Печере
сарай Офонки да Иванка да Гридки Ушаковых, сарай
Поздейки да Якуша Ушаковых, сарай Логинка Колова, сарай
Хабарка Степанова да дети его Оникейка да Тимошки да
л. 17 Лучки да Якуша да Степанка, сарай Федка да Ондрюшки
да Васки Степановых детей, сарай Рычков да Ефимков Сте-
пановых детей. Всего шесть сараев. А угодья тех сараев:
речка Вежа-виска да тоня против Пылемца за Печерою, тоня
на носу против Верхнего Пылемца. А ловят белую рыбу,
а обороку они дают по дватцати алтын на год.

Против Усть-Печерского шару за рекою сарай Сенки да
Максимка Завьяловых детей, а промысл их на реке на Печере,
17 об. ловят белую рыбу; оброку они дают по два алтына на год.

В Матер-виске пермятцкие жилища с верхнего конца
вниз по виске Левки Браткова; сарай Степанка да Митки да
Федка да Сенки да Иванка Сумороковых, сарай Носка Семе-
нова, сарай Ондрюши да Павлика да Нечайка Конюшевых,
сарай Шарапка Дмитреева, сарай Сенки Завьялова[с] братьею.
л. 18 И всего шесть сараев. А угодья их: речка Матер-виска, тоня
на песку усть виски, тоня за шаром усть Курну Пустынные
избушки. А ловят в речке и на тонях белую рыбу, а оброку
они дают по дватцати алтын на год.

Под Ижорскими горами над рекою над Печерою сараи Игнаша Чипы, сарай Шарапка Дмитреева, сарай Носков Юмшанова да Ондрюши Канушева з братьею. И всего три сараи. А угодья их: против сараев за рекою за Печерою тоня да речка Говкурья. А ловят в речке и на тоне белую рыбу, а оброку они дают по шти алтын на год.

На Тугурдеи острове сарай Онишки да Гриши Матвеевых л. 18 о
детей Стечкина да Пашка Яковлева, сарай Сергейка да Степанка Сальтонковых детей, сарай Лучки Бедового з братьею да Корепанка Левонтьева, сарай Игнаши Останкова. И всего четыре сараи. А угодья их: речка Кетим-виска, тоня повыше сараев на голове, тоня против острова нижнего конца. А ловят в речке и на тонях белую рыбу; оброку они дают по осми алтын на год.

Усть Пустозерские виски сарай Бориска Семенова сына л. 19
Хромого да Пайка Буторина, сарай Ивашка да Якушка Лазаревых, сарай Онтонка да Юшка Логиновых детей, сарай Марка Кузмина да Силки да Самылка Лукиных, сарай Ромашка Борисова. И всего пять сараев. Ловят усть виски до шару белую рыбу; оброку они дают по полуполтине на год.

Против Тел-виски на шару на матерой стороне с верхнево конца вниз по шару сарай Полушки да Мартюшки Полуяно- л. 19 с
вых детей да пасынка его Иванка, сарай Ондрюши Максимова, сарай Михалка Селиванова да Матюшки Тимофеева. И всего три сараи. А угодья их: речка Тел-виска да речка Митина виска да речка Малая Тел-виска.[1] А в тех во всех речках ловят белую рыбу; оброку они дают по десяти алтын на год.

В Самоедцкой виске сарай Гридки Ильина, сарай Ивашка Ильина. А угодья у них: речка Самоедцкая виска, Ловят л.
белую рыбу; оброку они дают по гривне на год.

На реке на Печере речка виска Сухая, а в ней сарай Никитки Улятина. А ловят в речке в Куе красную и белую рыбу, а оброку они дают по рублю на год.

[1] в рукописи: «Тевлиска».

В речке в Куе сарай Курьи Югритина да сарай Степанка Курьина сына. И всего два сарая. А промысл их: в речке в Куе ловят белую рыбу, а оброку они дают по два алтына на год.

20 об. В Поилове шару против Ловетцкого острова сарай Тимошки Молчанова, сарай Ермолки Юдина. Всего два сарая. А ловят белую рыбу на Ловетцком острову; оброку они дают по две гривны на год.

На реке на Печере в Соломанном шару в Верхнем сарай Мартюшкин да Левки да Сенки Першиных. А ловит усть того шару красную и белую рыбу, а оброку они дают по две гривны на год.

л. 21 В Нижнем Соломянном шару сарай Филки Онаньина да Тимошки Герасимова, сарай Онцыфорка Захарова з детми да Иванка Давыдова. Всего два сарая. А промысл их: ловят красную и белую рыбу, а оброку они дают по дватцати алтын на год.

В Осколкове шару сарай Осколков да сына его Васки, сарай Павлика да Васки Останковых детей, сарай Кимли да Мишка Куревиных детей. Всего три сараи. А угодья их: на реке на Печере ловят красную и белую рыбу, да тоня на
21 об. Чюмаеве острову, тоня повыше Гавшева шару на песку, тоня на Юропанове острову. А на тонях ловят белую рыбу, а оброку они дают по десяти алтын на год.

В Глубоком шару сарай Гридки Пахомова з детми, сарай Кобяков да Илейкин. Всего два сарая. Ловят красную рыбу и белую на шару, а оброку они дают по десяти алтын на год.

В Мернове курье сарай Игнаша Чипы да Иванка Июдина да сына его Сидка, сарай Павлика Браткова. Всего два сарая. Ловят белую рыбу; оброку они дают по пяти алтын на год.

В Курье-волочке сарай Поздейка Ушакова з братьею, сарай Хабарка Кухнова з детми, сарай Логинка Козлова.
л. 22 Ловят белую рыбу. Всего три сараи, а оброку они [дают] по гривне на год.

На Чахове-волочке два сарая Рычка да Федка Кухновых. Ловят белую рыбу, а оброку они дают по две гривны на год.

В Подперечном шару у моря сарай Павликов Стечкова. Ловит белую рыбу, а оброку они дают по десяти денег на год. л. 22 об.

Речка Косомкина виска, в ней сарай Норыгин, а оброку они дают по алтыну на год.

В Волочковской губе виска Перебой, в ней пруд Игнаши Чипы да Федка Суморокова з братьею. Ловят белую рыбу, а оброку они дают по пяти алтын на год.

В Чимабоиле Изря-виска, а в ней пруд Игнаши Чипы да Федка Сумарокова з братьею да Хабарка Кухнова. Ловят белую рыбу, а оброку они дают по пяти алтын на год. л. 23

Хабарка да Рычка да Ефимка да Федка Кухновых детей прудишко Тундрятное, прудишко Сынузявис, прудишко за тундряю Кеживес, прудишко Онтом-виска, прудишко Звягов, прудишко Игос. И всего шесть прудишков. Ловят белую рыбу, а оброку они дают по рублю на год.

А се оброки и мелкие сенные покосы Пустозерские же жилцов оброчные же по Якимову писму Романова. л. 23 об.

На шару на островку против Кривого наволока сенные покосы Степанка-Суханка Левонтьева сына да сына его Омелки; оброку они дают по пяти алтын на год.

На Пустозерском шару наволок повыше Пустозерские волости на Пустозерской ж стороне Михалева присада с вер[х]него конца вниз опротив Ляч-виски до старые межи до Михалевы огороды да против Нюрбул-ви[с]ки за шаром л. 24
Куземки Григорьева да Ивашка да Шумки Кузминых детей Захарова; оброку они дают по десят алтын на год.

За Печерским шаром Кривой наволочек с верхнево конца от первого Полонца да вниз до зимние дороги сенные покосы Федка, да Сенки, да Степанка, да Митки, да Иванка Суумороковых, да Шарапка Дмитреева, да Павлика да Ондрюшки да Нечайка Конушевых, да Игнашка Яковлева, да Носка Юмшанова, а оброку они дают по четырнатцати алтын на год. л. 24 об.

На Печерском шару пониж Пустозерские волости от верхнего подъема от нижнего конца да вниз по шару по зарецкой стороне до Митинские виски да по Пустозерской стороне по нижнему концу Щелейки нижнего коньца подъема по обе стороны шару сенные покосы Офонки Яковлева, да Третьячка Иванова, да Шевелка Левонтьева, да Герасимка Яковлева, да Архипка Онтушева, да Иванка Никонова, да Миронка
л. 25 Александрова, да Филки Мякотина, да Михалка Иванова, да Васки Воробья, да Марьицы Савельевы дочери; оброку они дают по полуполтине на год.

На Печерском шару пониж Пустозерские ж волости от усть Лазаревы виски вниз островок да против того ж островка а от верхнево конца вниз по матерой стороне по конец подъем-
25 об. ной щели до верхнего конца сенные покосы Хабарка Степанова з детми да Рычка да Ефимка Степановых детей да Федка Степанова з братьею; оброку они дают по десяти алтын на год.

На Пустозерском шару от усть Пустозерские виски за шаром прямо да вниз по шару и верхней подъем весь до прилука сенные покосы Гридки Васильева да Тимошки Спиридонова да Онтонка да Юшка Семеновых детей да Степанка Шадова да Марка Кузмина да Силки да Самылки
л. 26 Лукьяновых детей, оброку они дают по дватцати алтын на год.

На Печерском шару против волочка за шаром Поперечной шар да вниз по шару по обе стороны до Тош-виски да от Поперечного шарку по Пустозерскому по Большому шару по зарецкой стороне вверх до зимника сенные покосы Игнашки Ряженого з братьею, да Герасимка Максимова Бздячего, да Иванка Давыдова, да Бориска Семенова сына Хромого; оброку они дают по десяти алтын на год.

На Середнем шару пониж Пустозерские волости на Болшом
26 об. острову с верхнего конца островок вниз до песку, что против Кетинского волочка, сенные покосы Онишки да Гришки Стечкиных да Ондрюши да Онтипки Микитиных детей; оброку они дают по шти алтын на год.

От ручья от Сумороковы межи вверх до Пановы-курьи и по Панове-курьи до Лар-виски да по Захребетью зимнею дорогою, что за Печеру ходят, да против Пановы-курьи на верхнем конце Нербур-виска да от Небур-виски вниз наволок против Сумарокова стану сенные покосы Поздейка Ушакова з братьею, да Корнилка Гавшова, да Логинка л. 27
Козлова, да Петрока Задорина з братьею, да Архипка Онтонова сына; оброку они дают по дватцати алтын на год.

Над речкою над Пылемцом да против сарая поженка за Печерою за Болшим шаром сенные покосы Поздейка Ушанова, а оброку они дают по десяти денег на год.

Вверх по Печерскому шару на Быстром плесе по Пустозерской стороне сверх шару от полоя да вниз до Явол-виски л. 27
и до Яволского озера сенные покосы Ивашка Васильева сына Дедевули да Васки Спицына; оброку они дают по гривне на год.

На Середнем шару Григорьев наволок по обе стороны Keприм-виски сенные покосы Ивашка Полубеса да Зеновка Ерофеева да Кобячков да Федка Бахарева; оброку они дают по четыре алтыны на год.

На Середнем шару за рекою против Болшого островка л. 28
против Поперечного шарку с верхнего конца вниз до Кетинского волочка сенные покосы Лучки Филипова з братьею; оброку они дают по осми денег на год.

На Середнем шару на острову да от острова по зашарью вверх по шару да конец пожен Бачюринской наволок сенные покосы Матюшки да Бориска Офонасьевых детей Галева да Корепанка Левонтьева; оброку они дают по четыре алтыны на год.

По Середнему шару вверх по Лаба-виске да от Люба- л. 28
виске до головы наволок Тырдиги Казакова да Левки Браткова; оброку они дают по алтыну на год.

В Пустозерском шару Усакова присада от Лар-виска наволок до Быстрого плеса Барачка да Тараска Обакумовых детей, да Федка Протасова, да Ирихи Ивановские жены

Левонтьева сенные покосы; оброку они дают по четыре алтыны на год.

л. 29 От усть Пустозерские виски по Пустозерской стороне Пустозерского шару да вниз по шару до верхнего конца островка, что против Мишуковы виски, сенные покосы вдовы Анки Воробьевы жены Яковлева да сына ее Федка половина, а другая половина Игнаши Иванова сына Охлокова; оброку преж того шло с тех сенных покосов по четыре алтыны на год; и вперед над тем над старым оброком наддали оброку два алтына и четыре денги; и всего им вперед давати оброку и с наддачею по две гривны на год.

29 об. На речке на Пылемце вверх до олховых кустов, а вниз до ручья понижь перелоя до виски за шаром, да за Печерою против сарая, виска сенные покосы Логинка Козлова; оброку они дают по алтыну на год.

На Середнем шару за Мишуковым озером на матерой стороне против Матюшкина островка в шарку от озера от земьней дороги вниз до Сухой виски сенные покосы Силки да Самылка Лукьяновых детей; оброку им давати по пяти алтын на год.

л. 30 От Сухого шару по Курбуи-виски да по Курбуи-озерку до волочка до Середнего шарку сенные покосы Федка Дмитреева; оброку они дают по три денги на год.

Да промеж тех сенных покосов источки-полонцы вешнею водою наливаются, а ловят в них белую рыбу всею волостью Пустозерскою про свою нужу.

По морскому берегу от Самоедцкие тони в морской конец
30 об. рыбные ловли речки и тони церковные спаские и пречистенские и николские, что в Пустоозере: тоня Мелкая, тоня под Толстою тундрою, речка Еровая, речка Ивова. И всего две тони да две речки, берег промеж тех тонь и речек до Романовские избушки. А владеют теми речками и тонями и морским берегом Пустозерские волости спаские и пречистенские и николские попы и дьячки церковные и пономари безоборочно по государеву цареву и великого князя жаловалной грамоте.
л. 31 А меха им в морской конец по Романовскую избушку,

а под Романовскую избушку тоню ведают з двиняны по годом.

Да церковные ж угодья сенные покосы вверх по Печерскому шару по Пустозерской стороне по Явол-виске да пониж Явол-виски от Сартакава озера от волочка да вверх по Яволвиске по нижнею сторону Яволского озера да против Яволвиски на островку сенные покосы; а владеют теми покосы попы и церковные дьячки и пономари безборочно.

По морскому ж берегу от церковных тонь и от Раманов- л. 31 с
ские избушки от межные вопчие тони в морской конец тони:
тоня Чайчин-остров, две тони Чайчинские, тоня Погорелка
тоня усть речки Олексеевки, тоня Цывиливка, тоня усть Черной речки, тоня Гуляй, тоня усть речки Камбалницы, тоня
усть речки Сергеевки, тоня Бачюрка, тоня Неровка, тоня
Шушпаниха, тоня против Великие речки, тоня Подрезиха,
тоня на Варандее острову. И всего семнатцать тонь. А по
Якимову писму Романова с товарыщи их писма с книг в сот- л. 32
ной написано: владеют теми тонями двиняне и пеняжене,
а владеют они теми тонями и морским берегом от межные
тони от Романовские избушки по Варандей остров изстари по
государеве цареве и великого князя по оброчной грамоте.
А давали они преж сего царю и великому князю в казну с тех
тонь оброку по шти рублев на год. Да сверх того они ж давали
царю и великому князю в казну с тех же тонь с улова десятую л. 32
рыбу семгу чем хто ни уловит. А в откупу та десятая рыба
с пустозерскою тамгою вместе.

А пустозерские таможники Третьяк Коровин с товарыщи
и целовальники сказали про ту десятую рыбу, что у них
в волости теми тонями владеют двиняне и пеняжене, а в государеву казну за ту десятую рыбу оброку не дают тому
десят лет, а про оброк не ведают же — дают ли они государю
в казну с тех угодей по шти рублев на год, что в книгах
написано; а сказали, что учали двиняне и пеняжене тот
оброк платити в Четверть дьяка дружины Володимерова,
как Двиньская земля приписана была к государеве оприч- л. 33
нине.

А се оброки мелкие рыбные ловли и сенные покосы Пустозерских же жилцов пермяков и русаков, а оброчили их теми угодьи писцы Василей Третьяков сын Агалин да подьячей Степан Соболев лета 7083-го, а преж сего с тех угодей оброк не бывал, оброчалис ново; а дати им тот оброк с тех своих оброчных угодей с рыбных ловель и сенных покосов на нынешней восмьдесят третей год.

33 об. Дано на оброк Спирку Семенову сыну Тонкие Портки да Пашку Сурачееву да Онтонку Копылу сенные покосы Пянтиннаволок и с присадою на Середнем шару; оброку им давати по десяти алтын на год.

Дано на оброк Куземке да Лучке Клементьевым детем сенные покосы на Пустозерском шару на Зарецкой стороне против Явол-виски да от против Явол-виски по шару вверх до болших кустов до Логовой пожни, а оброку им давати по пяти алтын на год.

л. 34 Дано на оброк Ермолке Глебову сыну Юдину да Федку Молчанову сыну да Чюргану Поилову на реке на Печере в Мяздрине шарку Карбочер-височка, а падет из озерка из Пустого; и им тою вискою и с озерком владети, а оброку им давати по гривне на год.

Дано на оброк Карпику Федорову сыну Шехиреву поженка на Пустозерском шару против волочка на Зарецкой стороне усть Поперечного шару да от Поперечного шару вниз да
34 об. против устья Пустозерские виски пустое место нечищено; оброку ему давати по алтыну на год.

Дано на оброк Федку Суморокову з братьею в Волочковской курьи Летей-виска, прудишка; а преж сего бывало то угодье их же, а лежало впусте; оброку им давати по две гривны на год.

Дано на оброк Фомке Тимофееву сыну Переславцова Наик-виска в Подукове курьи против Ловетцкого острова; межа тому месту вверх по Печере плесо, а вниз
л. 35 тое курьи половина плеса; ловити ему на том месте белая рыба, а оброку ему давати по гривне на год.

Дано на оброк Сергейку Ильину сыну Дубровина на Пустозерском шару Ворон-виска вверх по Логиновской курьи обе стороны, а вниз по Быстренскому плесу по перелою; на том ему месте ловити рыба и сена косити, а оброку ему давати по четыре алтына на год.

Дана на оброк Спирке Семенову сыну Дуракова да Они-
кейку Юрьева сыну Тонким Порткам Лосинец-песок, рыбные л. 35 о
ловли вверх по Печере реке до Лябас-речки, а вниз по Печере
до Язевы-курьи, плесо по обе стороны Печеры реки; ловити
им в тех местех белая рыба; оброку им давати по десяти
алтын на год.

Дано на оброк Ивашку Кузмину сыну Книеву рыбная ловля на речке на Печере повыше Моргины реки, а пониж Щучьи реки Сарни-виска; ловити ему на том месте белая рыба; оброку ему давати по десяти денег на год.

Дано на оброк Петрушке Власову сыну рыбная ловля на л. 36
реке на Печере повыше Савушина острову по Верхней изголови
шарок Васахал за Печерою, а в том шарку к Васахале-височка,
рыбная ловля; оброку ему давати по десяти денег на год.

А сь Югорские самоеди и с-ыных самоедцких земель с самоедцав збирати Третьяку Асеневу с целовалники в тех годех в 85-м и в 86-м году на государя явки по соболю с человека по лутчему вправду по государеву по крестному целованью по тому ж, как было преж сего по прежним государевым грамотам и по наказом. А прежние данщики збирали тех явочных соболей по шти сороков на год.

Самоедь Пустозерская царева и великого князя тяглая л. 36 о
некрещеная.

А живут они около Пустозерские волости верст по сту и
по двесте и болши в чюмах на тундрах: в чюме Понда да
дети его Теда да Адеи да Тос; в чюме Хумбулей да дети его
Тонарта да Пенд да Вадя; в чюме Некуи да племянник его
Мырня; в чюме Сесюй да Недобруй; в чюме Ол да племян-
ник его Иючол; в чюме Хан да сын его Пупта; в чюме
Хочема да сын Хыра; в чюме Монг да пасынок его Опода: л. 37
в чюме Юдярей да племянник его Томга да Елю; в чюме

Ханзара да Сеча да Мылк; в чюме Чарка да брат его Икича; в чюме Пару да брат его Сопода; в чюме Хуса да Пуд да Хау; в чюме Сапма да Хаика да Мака; в чуме Мырик да сын его Вингна; в чюме Ваида да племянник его Хабеи; в чюме Юрьисеи да Теля да Сапма; в чюме Ямеи да сын его Морко да племянник его Пенка; в чюме Харма да Мякота да Ларья.
37 об. И всего девятнатцат чюмов, а людей в них самоеди некрещеные сорок девят человек. А промысл их: на лесу и по тундрам звери бьют да у пустозерцов олени пасут, тем ся и кормят. А давали они преж сего царю и великому князю в казну дани по Якимову писму Романова да Никиты Пятунина с сорока с пяти человек луковую дань с сорока с пяти луков, а с лука по два песца белых, а не будет песцов, и они давали деньгами по алтыну за песец; итого всего они давали
л. 38 преж сего царю и великому князю в казну дани по Якимову писму Романова с сорока с пяти луков по девяносту песцов белых, а деньгами за песцы по два рубля и по дватцати по три алтыны и по две денги на год. А вперед им давати царю и великому князю в казну дани с сорока з девяти луков, а за лук по тому ж, как было преж сего по два песца белых на год; итого девяносто восмь песцов; а не будет песцов, и им давати за песец по тому ж [по] алтыну за песец; итого два рубля и тритцать один алтын и две денги на год. И прибыло
38 об. по Васильеву писму Огалина да подьячего Степана Федорова перед Якимовым писмом Романова государевы дани за четыре луки восмь алтын. А ровнятися им в тех царевых и великого князя податех промеж собя самим по своим животом и по промыслом. А платити им та дань пустозерским данщиком, хто учнет в Пустоозере государеву дань вперед збирати, а пустозерским данщиком ту самоедцкую дань собрав отво-
л. 39 зити к Москве с пустозерскою данью вместе.

Волостька Цылемская слободка против усть Цылмы реки за рекою за Печерою, а в ней церковь с трапезою Никола чюдотворец; на погосте ж дворы нетяглые: дв. черной поп Ондреян; дв. церковной дьячок Сенка Максимов сын Неворохов; в келье пономарь Исачко; в келье Иванко Корела.

В Усть-Цылемской ж волостьке дворы тяглые, а в них
живут царевы и великого князя крестьяне на тяглой земле:
дв. Иванко Федоров сын Калинин, дв. Кирилко Иванов сын, л. 39 с
дв. Тараско Иванов сын, дв. Федко Мартемьянов сын Хворо-
стина, дв. Федосейко Омельянов сын Небученого, дв. Гриша
да Терех Горяевых детей, дв. Сенка Павлов сын Дуркин, дв.
Тирка да Худячко Омельяновых детей, дв. Степанко Иванов
сын Толстого, дв. Иванко Дмитриев сын Ластока да сын его
Иванко, дв. Гриша Горбатой да Федко Калинин да Игнашко
Юрьев сын, дв. Климко Галахтионов сын, дв. Фофанко Кона-
нов сын Нечаевской, дв. Демка Есипов сын да пасынки его
Ондронко да Елизарко Игнатовы дети, дв. Ташко Семе- л. 40
нов сын Онищева, дв. Кипреянко Михайлов сын Чюпра.
И всего шестнатцать дворов, а людей в них дватцат три чело-
веки.

А по Якимову писму Романова лета 7072-го написано
в Усть-Целемской волостьке четырнатцать дворов, а людей
в них написано девятнатцать человек; а давали они преж
сего царю и великому князю в казну с тех своих дворов по
гривне з двора на год итого рубль и тринатцать алтын и две
денги на год. А ныне по Васильеву писму Агалина да подья- л. 40 о
чего Степана Соболева лета 7083-го году вново прибыло
перед Якимовым писмом Романова два двора, а людей в них
прибыло четыре человеки, а оброку на них приложено вново
перед Якимовым писмом Романова с товарыщи две гривны
по две гривне на двор. А вперед им давати царю и великому
князю в казну дани по тому ж, как было преж сего по гривне
з двора на год, итого полтора рубля з гривною. л. 41

А се угодья Усть-Целемские волости жилцов по реке по
Печере рыбные ловли и тони и речки и сторонние, которые
падут устьи в реку в Печеру: тоня по конец Денисовы речка
Лая, тоня на Новом песку, тоня на Шихе песку, тоня на
острову против Николы-чюдотворца, тоня устьи Зевы-реки,
тоня на Белой слуде, тоня Климовская, тоня на Камбалем-
ском песку по другой стороне с нижнего конца вверх по реке л. 41 с
по Печере от Пустозерские межи от реки от Мылы, тоня

Балевская на Мелком песку, тоня на Тюфякове песку, тоня по конец Чюхчины горы верхнего конца, тоня на Чирцове песку, тоня на Болвановском песку, да река Цылма по Косму, да речка Ероса да речка Косма да речка Пежма да речка Ижма до Великие пожни. И всего четырнатцать тонь да шесть речек. А ловят на тех на всех тонях красную рыбу семгу, а в речках ловят белую рыбу да бобры бьют всею Усть-
л. 42 Цылемскою волостью жилцы, а владеют они волостные люди во всяких угодьях двема долями, а третьею долею во всех угодьях владеют тутошние слободки слободчик Иванко Ластька по государевым жаловалным грамотам. А давали они преж сего царю и великому князю в казну с своих промыслов и с тонь с речных и сторонних речек за рыбную ловлю и с леших угодей и с ухожеев и звериных и со птичных и з бобровых ловищь и с кречатьих седбищь и со всяких
42 об. угодей по шти рублев на год. А вперед им давати оброку царю и великому князю в казну с тех своих со всех угодей по тому ж, как было преж сего, по шти рублев на год.

Да в той ж Целемской слободке хлебные пашенки позаде дворов их в капустных огородишках их же новые розчисти всею волости пашенки пять чети; и они те пашенки в-ыной год пашут, а в-ыной год и не пашут, потому, что морозом
л. 43 убивает. Да их новые розчисти, а на тех розчистях косят они сено. А давали они преж сего царю и великому князю в казну с тое пашенки и сенных покосов оброку по рублю на год. А вперед им давати оброку царю и великому князю в казну с тое пашенки и сенных покосов по тому ж, как было преж сего, по рублю московскому на год; а розводити им тот оброк промеж себя самим по своей пашне и по сенным покосом, хто сколко пашет и косит. Диак Степан Лихачев

По листам:
Диак Степан Лихачев

На л. 43 об. скрепа тем же почерком, которым написана вся «Платежница»:

С писцовыми книгами справливал подьячей Тренка Десятого.

Подлинник. Архив ЛОИИ. Собрание рукописных книг, № 1174.

22. 1576—1577 гг. — «Запись» подьячего Большого Прихода Павла Морышкина Троице-Сергиеву монастырю на сельцо Давыдовское Московского уезда, полученное им от монастыря «до своего живота».

Се аз Павел Иванов сын Марышкин, что взял есми у Троицкаго Сергиева монастыря архимарита Ионы и келаря старца Еустафия Головкина и казначея старца Паисия Мичюрина и старца Варсунофья Якимова и у всех старцов соборных Троицкую Сергиева монастыря вотчину в Московском уезде селцо Давыдовское з деревнями, до своего живота тою вотчиною владети и пашня пахати и в том селце живучи до своего живота двор монастырской поставити и пашня роспахати и крестьян назвати в деревне и деревни поставити, живучи при своем животе, в сельце в Давыдовском и в деревнях всяким угодьем, лугами и пожнями и лесы владети. И как меня бог пошлет по душу и то сельцо Давыдовское з деревнями и со всеми угодьи в дом живоначальные Троицы и с хлебом стоячим и земленым и со всем животом, что в той вотчине; и до того селца и деревень жене моей и детем моим и роду и племяни моему дела нет; и того селца и деревень не продать никому, ни по душе, ни в приданые не отдать, ни заложити, — велети отказати то селцо з деревнями в дом живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимариту з братьею, которой архимарит в том монастыре будет. А отпись писал Жданец Зиновьев сын Гаврилова лета 7085-го. А назади на отписи пишет: К сей отписи Павел Морышкин руку приложил.

ГБИЛ. Собр. рукоп. Троице-Сергиевой лавры, сб. грам., № 530, л. 54 об.

23. 1577 г. августа 19. — Грамота «с прочетом» из Дворовой Четверти дьяков Андрея Клобукова и Василия Колударова о невзимании податей с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря сельца Куности-Покровского с деревнями

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Белоозеро городовым прикащиком Леонтью Ошанину да Олаю Нелюбову, или вперед иные городовые прикащики или денежные зборщики на Белеозере будут. В памяти за приписью дияка нашего Богдана Ксенефонтьева написано: в нынешнем в 85 году апреля во 2 день пожаловали есмя Успения пречистые богородицы Кирилова монастыря игумена Козму з братьею против белозерские их вотчины деревни Березникова да деревни Конановы, что у них взято под ямские слободы, в Белозерском же уезде из оброчных ис черных волостей сельцом Куностью-Покровским з деревнями и с мельницею, что была вотчина Якова Гневашова, и денежной оброк, что наложен за вотчинников доход с того сельца и з деревень, велели есмя сложити; а в Белозерской платежнице, что положил у счету в прошлом в 84-м году ты, Белозерский городовой прикащик Левонтей Ошанин, написано: в Белозерском уезде селцо Куность з деревнями в вотчине было за Яковом за Гневашовым с племянники его с Гордеем да с Тимофеем полосмы выти, да сена за мерою осталого 675 копен, и с вытей оброку и пошлин 7 рублев и 30 алтын 10 денег, да з сена оброку и пошлин 3 рубля и 19 алтын полторы денги; в Куности же с мельницы оброку и пошлин 25 рублев и 17 алтын полчетверты деньги. И как вы, городовые приказщики, или после вас иные городовые приказщики будут, з Белаозера с посаду и з Белозерского уезда учнете збирати за наместнич и их пошлинных людей доход и за присуд оброчные и пошлинные деньги, и вы б с того селца с Куности з деревнями и с мельницы оброчных и пошлинных денег на нас не имали, и крестьян того селца и деревень ни в каких делех не ведали и не судили ни в чем, а ведают то селцо Куность з деревнями всякими доходы, и

крестьян того селца и деревень судят, Кирилова монастыря богомолец наш игумен Козма з братьею по нашей грамоте.

А прочтет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово отдали б естя ее игумену Козме з братьею и оне ее держат у себя для иных городовых приказщиков и наших посланников.

Писан на Москве лета 7085-го августа в 19 день.

На обороте: Царь и великий князь всеа Русии.

Диак Василей Колударов.

Печать черная, прикреплена к грамоте.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Белозерский у., № 853/152.

24. 1577 г. октября 8. — Грамота из Дворовой Четверти дьяка Андрея Шерефединова на Двину с требованием немедленно собрать все подати и выслать их в Четверть.

...дело и за поральскую белку и за морской оброк с Терньские стороны и з церковных земель за обежную дань и за посопной хлеб и всякие оброки и с пожен и с пустошей и с непашенных дворов и с новых припашей и за рыбные ловли с рек и озер и с тонь морских и загубской оброк и казначеевы и диячие и подьячих и анбарные и пищальные и кормовые денги и за мытные и судовые и людцкие и семожные и пудовые и пятинные и померные и подъемные и рукознобные и свальные и привязные и з гостина двора, поворотные и банные и таможные и явочные пошлины и за десятую рыбу оброчные денги по окладом и верного бранья на нынешней восмьдесят шестой год против прошлого восмьдесят пятого году все сполна, без недобору часа того. А собрав бы естя те наши всякие четвертные доходы все сполна, привезли к нам на Москву в Четверть к дьяку нашему к Ондрею Шерефединову в той ж день по Дмитрееве дни Селунского нынешнего восмьдесят шестаго году однолично безпереводно, не до-

жидая по себя пристава. А будет которые четвертные доходы по вашему сыску прибудут ис пуста в жило, и вы б и те прибылые доходы збирали на нас в правду по нашему кресному целованью да те прибылые доходы и которые неокладные пошлины привезли к нам на Москву на тот же срок. А не зберете тех наших наместничих и волостелинных оброчных и дани и ямских денег и всяких доходов против прошлого восмьдесят пятого году по окладу всех сполна и к нам на Москву на тот срок в той ж день по Дмитрееве дни Селунского не привезете, и нам по вас послати ис прогонов и велети на вас те наши всякие доходы доправити и прогоны взяти вдвое, а самим вам от нас быти в казни. А грамоту б есте меж себя по станом и по волостям посылали не издержав ни часу. Да послали есмя в Двинской уезд в волость в Варзугу к данным целовальником и к старостам и к сотцким и к пятидесятцким и к десятцким и ко всем крестьяном нашу грамоту о таможных и о рыбных и о волостелиных откупных оброчных денгах на нынешней восмьдесят шестой год, велели им, собрав денги, привести к нам на Москву на Филипова заговейно, — и вы б ту нашу грамоту в Варзугу к данным целовальником и к старостам и ко всем крестьяном отослали часа того с кем будет пригоже, не издержав ни часу; а с кем именем отошлете, и вы б о том к нам отписали. А не отошлете тое нашие грамоты в Варзугу часа того и у себя ее задержите и варзужские крестьяне с нашими оброчными денгами для того к нам на Москву на срок, которой у них в грамоте писан, не приедут, и нам те оброчные денги и с прогоны велети взяти на вас. Писан на Москве лета 7086 октября в 8 день.

Печать черного воска.

Внизу грамоты написано: Привез сее грамоту государев посланник Семейка Домнин октября в 27 день.

На обороте по склейкам: Ондрей Арцыбашев.

Начало не сохранилось. Архив ЛОИИ, «Куростровские столбцы», № 6.

25. 1578 г. марта 30. — Грамота «с прочетом» в Галицкую Соль Ивану Мичурину о невзимании с отданных на оброк варниц Симонова монастыря таможенной и помытной пошлин, согласно старой монастырской жалованной грамоты.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Галицкую Соль Ивану Мичюрину. Бил нам челом пречистые богородицы Симонова монастыря богомолец наш архимарит Гермоген з братьею, а сказал: у Соли де у Галицкой пять варниц монастырских и на те де варницы дана им наша жаловалная грамота, что с пуда и с помытни нашей тамги не давать, и тех де варниц запустело три варницы лет з двенатцати и ныне де у них тех варниц пустых просят на оброк посадцкие люди Истомка Фомин сын Кузнецов да Михалко Есипов сын Швелев, а хотят поставить варницу на монастырьской земле, а засол к той варнице хотят привести с нашей земли; и которые оне варницы дадут на оброк да и грамоту нашу жаловалную на те варницы архимандрит Ермоген перед нами клал, и нам бы их пожаловати с тех варниц с пуда и с помытни тамги имати не велети. И мы, выслушав нашей жаловалной грамоты, архимандрита Ермогена з братьею пожаловали, тое грамоты рудити не велели, а велели у них ходити о всем по тому, как у них в нашей жаловалной грамоте писано. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б с тех варниц, которые оне ныне дадут на оброк, с пуда и с помытни пошлины не имал по нашей жаловалной грамоте. А прочет сю грамоту отдал бы еси ее архимандриту или его слуге для наших прежних приказных людей. Подлинная грамота писана на Москве лета 7086 году марта в 30 день.

У подлинные жаловалные грамоты назади написано: Царь и великий князь всеа Русии.

Да у той же грамоты припись дьяка Василья Щелкалова.

А печать черная.

ГИМ. Моск. синод. библ., Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 701 об.—702 об.

26. 1578 г. мая 11. — Грамота из Дворовой Четверти дьяков Андрея Арцыбашева и Алексея Исакова Каргопольским данным старостам и целовальникам о даче на оброк Кирилло-Белозерскому монастырю рыбных ловель по р. Онеге и внесении оброка за них вместе с данью.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Каргополе данным старостам и целовальником. Бил нам челом Успенья пречистые Кирилова монастыря игумен Козма з братьею, а сказывает: в Каргополском-де уезде на реке на Онеге, повыше Корелского Белово острова, рыбныи ловли, а прежде того на том месте рыбные ловли не бывали и оброку с тех рыбных ловель в нашу казну не платит нихто; и нам бы Кирилова монастыря игумена Козму з братьею пожаловати, велети те рыбные ловли дати на оброк. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б те рыбные ловли Кирилова монастыря игумену Козме з братьею на оброк дали, а оброку б есте на те рыбные ловли положили на год по две гривны. А как те рыбные ловли Кирилова монастыря игумену Козме з братьею отдадите, и вы б те рыбные ловли написали у себя в книги, сколько тех каких рыбных ловель на тот оброк отдадите, и тот оброк с тех рыбных ловель имали вы, данные целовальники, и привозили к нам на Москву в Четверть дияком нашим Ондрею Арцыбашеву да Олексею Исакову з даными деньгами вместе. Писан на Москве лета 7086 маия в 11 день.

На обороте:

Царь и великий князь всеа Русии.
Дияк Ондрей Арцыбашев.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Каргопольский у., № 5915/8. Списки: ГПБ, Q. IV. 113/а., лл. 487—488; Архив ЛОИИ, Сб. № 112, отд. IV, № 79.

27. 1578 г. июля 16. — Грамота на Белоозеро Федору Пантелееву с приказанием произвести обыск о спорных вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря.

Список. От царя и великаго князя Ивана Васильевича на Белоозеро Федору Пантелиеву. В памяти за приписью дьяка нашего Андрея Мясново написано: бил нам челом Успения пречистые богородицы Кирилова монастыря игумен Козма з братьею — в нынешном восмьдесят шестом году пожаловали есмя их против вологоцкие вотчины в отмен селом Мегрою, что было за Иваном Выротковым в придаче, и то село Мегра от детей боярских и от белозерцов и от вотчинников — от Григорья от Гневашева з братьею, землю и лес и покосы изобижено и ставили де на мегорской земле деревни починка; и как де писали Белоозеро писцы Юрье Морозов с товарищы и по челобитью мегорских крестьян сыскал[и] по обыску землю и угодья, от их вотчины отписали на нас, и после де того те де дети боярские тою землею завладели; да к тому же де селу к Мегре погостец деревня Чалекса истари де тянула судом и всякими доходы с селом с Мегрою, и как де оне били челом о селе о Мегре и ту де деревню погостец Челяксу в челобитной прописали невведы, и нам бы их пожаловати велети про ту землю и про деревню погостец Чалексу сыскати. И как к тебе ся наша грамота придет и ты б тотчас взял с собою старост и целовальников и людей добрых сколько пригоже, в Белозерской уезд в то село Мегру и в погостец Чалексу ехав да около того села и около погосца и Чалексы версты по две и по три и по пяти и по шти, по десяти и по пятнатцети и больши того обыскали игумены и попы и дьяконы по священству, а старостами и целовальниками и всеми крестьяны по нашему кресному целованью, прежь сего та деревня погостец Чалекса к селу к Мегре, как было за Иваном Выротковым, была ли приписана или не была? И будет та деревня погостец Чалекса была приписана к селу к Мегре, и давно ли ее от того села отписали на нас и ведают в черных волостех, и наши черные во-

лости от того погосца сколь далече? И сыскав бы есь про то, да в том погосце Чялексе переписал дворы и во дворех людей, кои имяны и сколько в том погосце четвертные пашни и вытей, да тот бы есть обыск и переписи все и книги за обыскных людей руками и за своею приписью и за печатью прислать к нам к Москве велел отдати в Четверть дьяка нашего Василья Щелканова чяса того не дожидаяся по себя в том пристава ис прогонов. Писано на Москве лета 7086 июля в 16 день.

А на затылке пишетца: Царь и великий князь всеа Русии. На ставе: Дьяк Сапун Аврамов.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/16, лл. 813—814 об.; Архив ЛОИИ, «Акты Белозерские», кор. I, № 19.

28. 1580 г. января... — Грамота из Земской Четверти дьяка Игнатия Зубова в Углич князю Дмитрию Шелешпанскому об отводе Кирилло-Белозерскому монастырю нового места под монастырский соляной амбар и выпись из книг князя Дмитрия Шелешпанского и Михаила Заломаева Кирилло-Белозерскому монастырю на новое место под соляной амбар в Углече, на посаде.

I. Список з грамоты. От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Углеч князь Дмитрею Шелешпанскому. Писали есмя к тебе преж сего по челобитью Кирилова монастыря игумена Козмы з братьею, что-де у них на Углече на Волге на берегу анбар соляной, а тот-де их анбар в весне полая вода понимает, а на Углече-де на посаде у Егорья Великого на площади место лежит пусто, а наших податей с того места в нашу казну не платит и не владеет нихто; и нам бы игумена Козму з братьею тем пустым место пожаловати против того места, на котором месте ныне анбар стоит; и писал еси к нам, что ты на Углече на посаде многими людми посацкими про то пустое место, что на площеди, у торгу сыскивал, белое ли то место или черное, дворовое ли

или лавочное — и про то не ведает нихто, какое то место, а лежит давно пусто; а вдоль того места 15 сажен, а поперег того места 7 сажен. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б то пустое место отдал Кирилова монастыря игумену Козме з братьею и в книги бы еси за Кириловым манастырем то место написал; а то бы еси их старое место отписал на меня царя и великого князя. А станет хто о том месте бить челом и прошати то их старое место на оброк, и что станут давати с того места оброку, и ты б о том о всем отписал к нам на Москву в Четверть дьяку нашему Игнатью Зубова. Писан на Москве лета 7088-го генваря в... день.

А по ставом у грамоты припись: Диак Истома Евьского.

II. Список с книг. Лета 7088-го по государеве цареве и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамотам князь Дмитрей Шелешпалской записал в книги царьского богомолья Кирилова монастыря игумену Козме под анбар место на Углече на площеди, 15 сажен вдоль, а 7 сажен поперег, от Волги реки к Егорью Страстотерпцу, противо крупяново ряду, место пустое, нетяглое.

А выпись писал углецкой диачек Девятка Малафеев.

Припись: Князь Дмитрей. Михайло Заломаев.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А I/17, лл. 470—471.

29. 1580 г. мая 28. — Грамота «с прочетом» в Галицкую Соль Ивану Мичурину об отказе Троице-Сергиеву монастырю мельниц на р. Костроме.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии к Галицкой Соли Ивану Мичюрину. Бил нам челом богомолец наш Троецкой Сергиева монастыря архимарит Иона з братьею, а сказали: у Галицкие де Соли на реке на Костроме мельница за Яковом за Толстоуховым на оброке, а оброку он с тое мельницы платит в нашу казну по сороку алтын, да с новые мельницы, что на той же реке на Костроме

поставлена у Якова ж у Толстоухова, а оброку он с тое новые мельницы в нашу казну платит по полутора рубли, и нам бы архимарита Иону з братьею пожаловати, велети тое мельницу дати им на оброк из наддачи, а надачи оне над старым оброком наддают в нашу казну рубль и всего им старого оброку и с новою наддачею платить в нашу казну в Четверть дьяку нашему Василью Щелкалову по три рубли по двatьцати по три алтына по две деньги ежегод безпереводно; а запись поручная в том оброке по архимарите по Ионе з братьею в нашу казну взяти на Москве. И как тебе ся наша грамота придет и ты б Якову Толстоухову отказал, тою мельницею владети не велел, а велел тою мельницею владети архимариту Ионе з братьею. А прочет бы есте сю грамоту и списав с нее противень, отдал ее архимариту Ионе з братьею или их слуге, которой с сею грамотою приедет, и они ее держат для прежних приказных людей. Писано на Москве лета 7088-го мая в 28 день.

Подписана грамота: Царь и великий князь всеа Руси. Припись дьяка Василья Щелканова. Печать у грамоты на черном воску.

ГБИЛ. Сб. Троице-Сергиевой лавры, № 528, лл. 536 об.— 537 об.; подлинник в грамотах Коллегии экономии, Галицкий у., № 3377/630 — Ср. С. А. Шумаков. Обзор Грамот Коллегии экономии, вып. 4, стр. 186.

30. 1581 г. августа 24. — Грамота из Дворовой Четверти дьяков Андрея Арцыбашева и Тимофея Федорова (сына Волка) на Двину с требованием немедленно собрать все подати и выслать их в Четверть.

...и верного бранья на нынешней девятьдесятой год против прошлого восьмдесят девятого году все сполна без недобору часа того. А собрав бы естя те наши всякие доходы все сполна, привезли к нам на Москву в Четверть к дияком нашим к Ондрею Арцыбашеву да к Тимофею Федорову на

Дмитреев день Селунского нынешнего девятьдесятого году однолично безо всяково переводу, не дожидая по себя пристава. А будет которые четвертные доходы по вашему сыску прибудут ис пуста в жило, или изо льготы выдут, и вы б те прибылые доходы збирали на нас в правду по нашему крестному целованью да те прибылые доходы и которые неокладные пошлины привезли к нам на Москву на тот же срок. А не зберете тех наших наместничих и волостелиных оброчных и дани и ямских денег и всяких доходов против прошлого восмьдесят девятого году всех сполна и к нам на Москву на тот срок на Дмитреев день Селунского не привезете, и нам по вас послати ис прогонов и велети на вас те наши всякие доходы доправити и прогоны взяти вдвое, а самим вам от нас быти в казни. А грамоту б есте меж собя по станом и по волостям посылали сами, не издержав ни часу. Да послали есмя в Двинской уезд в волость Варзугу к данным целовалником и к старостам и к сотцким и к пятидесятцким и к десятцким и ко всем крестьяном грамоту о таможных и об рыбных и о волостелиных откупных оброчных денгах на нынешней ж девятьдесятой год, велели им, собрав денги, привести к нам на Москву на Дмитреев день Селунского, — и вы б ту нашу грамоту в Варзугу к данным целовалником и к старостам и ко всем крестьяном отослали с кем будет пригоже, не издержав ни часу; а с кем имянем отошлете, и вы б о том к нам отписали. А не отошлете тое нашие грамоты в Варзугу часа того и у себя ее задержите и варзуские крестьяне с нашими оброчными денгами для того к нам на Москву на срок, которой у них в грамоте писан, не приедут, и нам те оброчные денги и прогоны велети взяти на вас. Писан в Старице лета 7089 августа в 24 день.

На обороте по сставам: «. . . Федоров».

Внизу: Правил подьячей Офонька Варламов.
Печать черная восковая.

Начало не сохранилось. Архив ЛОИИ, «Куростровские столбцы», № 9.

31. 1586 г. апреля 16. — Отпись дьяка Дружины Петелина в приеме в Четвертной приказ податей со слободок Коряжемского монастыря, Сольвычегодского уезда.

Сьем с отписи слово в слово. Лета 7094 априля в 16 день государев царев и великого князя дияк Дружына Петелин взял в государеву цареву и великого князя казну в Четвертной приказ Соли Вычегоцкие с уезду Николы-Корежемского монастыря слободок ямских и приметных денег и за посошные люди и за городовое и за засечное и за ямчюжное дело пять рублев и шесть алтын пять денег. Денги платил старец Никифор. Дияк Дружына Петелин.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 34, акт 1-й.

32. 1587 г. февраля 4. — Отпись дьяка Дружины Петелина в приеме в Четвертной приказ разных податей с черных деревень Пачеозерского стана, Сольвычегодского уезда.

Сьем [с] сьема слово в слово. Лета 7095-го февраля в 4 день государев царев и великого князя диак Дружына Петелин взял в государеву цареву и великого князя казну в Четвертной приказ с Вичегоцкие Соли с уезду с Пачеозерского стану с черных деревень с четырех сох с четвертью и с полчети и с пол-пол-полчетверти сохи и за во[ло]стеленых пошлинных людей доход и за присуд оброку и пошлин на нынешной 95 год семдесят шесть рублев и восмь алтын полчетверти денги; дани и запросу и ямских и приметных и пищальных денег и за ростовую белку и за посошный хлеб и с сена оброку восмьдесят один рубль и шесть алтын полчетверты денги; да водяного мыту и пятна и за отъезд и за приезд и за выводную куницу и за новоженой убрус четыре рубля и пятнадцать алтын по[л]пяты денги; да таможные пошлины шесдесят три рубли и дватцать алтын полчетверты денги; да за мытные пошлины семь рубляв две денги; да с Пачеозерского с погоста с непашенных бобыльских с семи

дворов оброку дватцать три алтына две денги, з двора по гривне. Денги платил пачеозерец Тимошка Суботин. Припись у отписи: Диак Дружына Петелин. А сьем писал у Соли диячек земской Митька Парфеньев сын Хромово.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 35.

33. 1587 г. февраля 20. — Отпись дьяка Дружины Петелина в приеме в Четвертной приказ податей с вотчины Коряжемского монастыря, Сольвычегодского уезда.

Сьем с отписи слово в слово. Лета 7095-го февраля в 20 день государев царев и великого князя дияк Дружына Петелин взял в государеву цареву и великого князя казну в Четвертной приказ Соли Вычегоцкие с уезду Окологородного стану Николы чюдотворца Коряжемского монастыря с полполтрети сохи дани и запросу и пищальных денег осмнатцать алтын по[л]торы денги; да с Никольских же Коряжемсково монастыря слободок с полуторы сохи ямьских и приметных и за посошные люди и за городовое и за засечное и за ямчюжное дело на нынешней 95-и год пять рублев и шесть алтын пять денег. Денги платил Коряжемского монастыря старец Никифор. Дияк Дружына Петелин.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 34, акт 2-й.

34. 1588 г. февраля 10. — Отпись дьяка Дружины Петелина в приеме в Четвертной приказ разных податей с вотчин Коряжемского монастыря, Сольвычегодского уезда.

Сьем с отписи слово в слово. Лета 7096-го февраля в 10 день государев царев и великого князя диак Дружына Петелин взял в государеву казну в Четвертной приказ Вычегоцкого уезда с Окологородного стану Николы чюдотворца Коряжемского монастыря з деревень з жывущего с полусохи оброку и пошлин на нынешной 96-й год шесть рублев и дватцать восмь алтын полшесты деньги; да дани и ямских и

приметных и пищальных денег и с сена оброку три рубля и девятнатцать алтын четыре деньги; с Окологородного ж стану с Николы чюдотворца Коряжемского монастыря з жывущего с пол-полтрети сохи дани и запросу и пищальных денег осмнатцать алтын полтретьи деньги; да с Пачеозерского стану с Никольских же деревень Коряжемского монастыря з жывущего с четверти сохи оброку и пошлин четыре рубля и четыре алтына полчетверты деньги да дани и ямских и приметных и пищальных денег и за посопный хлеб и с сена оброку четыре рубля и тринатцать алтын с полуденьгою; да [с] слободок с полуторы сохи ямских и приметных денег и за по[со]шные люди и за городовое и за засечное и за емчюжное дело пять рублев и шесть алтын пять денег. И всего с Коряжемского монастыря дватцать четыре рубли, дватцать четыре алтына пять денег. Деньги платил Коряжемского монастыря старец Герасим. Диак Дружына Петелин.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 48.

35. 1589 г. декабря 17. — Отпись дьяка Елизарья Вылузгина в приеме в Четверть Дружины Петелина оброка и пошлин с вотчин Коряжемского монастыря.

Сьем с отписи слово в слово. Лета 7098-го декабря в 17 день государев царев и великого князя диак Елизарей Данилов сын Вылузгин взял в государеву казну, в Четверть дияка Дружины Петелина, с Усольского уезда с Окологородного стану Николы Чюдотворца Коряжемского монастыря з деревень, с полусохи, оброку и пошлин на 98-ои год шесть рублев и дватцать восемь алтын полшесты деньги, да дани, ямских и приметных и пищальных денег и с сена оброку — три рубля и деветнатцать алтын четыре деньги; с Окологородного же стану з деревень, с пол-полтрети сохи, дани и запросу и пищальных денег — осмнатцать алтын потретьи деньги; да с Пачеозерского стану з деревень, с четверти сохи, за во[ло]стелин доход оброку и пошлин — четыре рубля и четыре

алтына полчетверты деньги, да дани и запросу и ямских и приметных и пищальных денег и за посопной хлеб и с сена оброку — четыре рубля и тринатцать алтын с полуденьгою; да [с] слободок, с полуторы сохи, ямских и приметных денег и за посошные люди и за городовое и за засечное и за ямчюжное дело — пять рублев и шесть алтын. И всего с Коряжемского монастыря данных и оброчных денег дватцать четыре рубли и дватцать три алтына пять денег. Платил деньги Коряжемского монастыря старец Герасим. Диак Елизарей Вылузгин.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 53.

36. 1591 г. марта 13. — Отпись дьяка Дружины Петелина в приеме в Четвертной приказ разных податей с вотчин Коряжемского монастыря, Сольвычегодского уезда.

Сьем с отписи слово в слово. Лета 7099 марта 13 день государев и великого князя дияк Дружына Петелин взял в государеву казну в Четвертной приказ с Вычегодцкие Соли с посаду на 99-й год Николы чюдотворца Коряжемского монастыря з дворов и с полянок и с анбаров с четверти сохи оброку и пошлин и дани и запросу и за поминочные за черные соболи и ямских и приметных денег и за всякие подати пятнатцать рублев; да с Окологородного стану з деревень с полусохи оброку и пошлин и ямских и пищальных денег и дани и с сена оброку десять рублев и пятнатцать алтын полторы деньги; да с Окологородного ж стану з деревень с пол-полтрети сохи дани и запросу и пищальных денег осмнатцать алтын полтретьи деньги; да с Пачеозерьского стану з деревень с четверьти сохи оброку и пошлин и дани и ямских и приметных и пищальных денег и за посопной хлеб и с сена оброку восмь рублев и семнатцать алтын четыре деньги; да [с] слободок с полуторы сохи ямских и приметных денег и за посошные люди и за городовое и за засечное и за ямчюжное дело пять рублев и шесть алтын пять денег. И всего Коряжемьского монастыря с Вычегоцкие Соли с посаду и с уезду тритцать девять рублев и дватцать

четыре алтына пять денег. Платил деньги Коряжемского монастыря старец Герасим. Диак Дружына Петелин.

Архив ЛОИИ, Акты «Коряжемского монастыря», № 64.

37. 1594 г. июня 22. — Грамота «с прочетом» из Четверти дьяка Василия Щелкалова в Вологду о придаче Антониеву Сийскому монастырю к монастырскому двору двух дворовых мест.

От царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси на Вологду Дмитрею Юрьевичю Пушечникову да дьяку нашему Федору Александрову. Бил нам челом Сийского монастыря игумен Петирим з братьею, а сказал: в нынешнем-де во 102-м году в великую суботу згорел-де у них на Вологде двор их монастырской со всем монастырским запасом, а запасов-де у них было на семьсот рублев, а згорел-де тот их двор от посадцкого человека двора, а промеж-де их и Соловецкого монастыря двора посадцких людей было четыре двора черных и три места отданы для простору к Соловецкому двору; а подле-де их двора место черное посадцкого человека Михайла Солоденина, а по другую сторону двор посадцково человека Ивашка Солодянина. И нам бы его игумена Питирима з братьею пожаловать, велети б им те два места дать к их монастырьскому двору. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы те два места Михалково и Ивашково велили дать Сийского монастыря игумену Петериму з братьею к их монастырьскому двору, а Михалку бы естя и Ивашку велели дать под дворы места против того в-ыном месте, где будет пригоже. А будет Михалко и Ивашко учали на тех местех хоромы ставити, и вы бы им с тех мест велели хоромы перенести на те места, где им места под дворы дадите. А которой лес учнут на Вологду проводити Сийского монастыря старцы или слуги для дворовые ставки, и вы бы с того лесу пошлин имать не велели. А прочет бы естя сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово держали у собя, а сю нашу грамоту отдали Сийского монастыря игумену Петериму з

братьею и он ее держит у собя для наших и иных приказных людей. Писана на Москве лета 7102 года июня в 22 день. А припись у грамоты государева дияка Василья Щелкалова.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Вологодский у., № 2627/56—1.

38. 1594 г. июля 31. — Грамота «с прочетом» из приказа Большого Прихода на Кострому, в Кинешемский уезд, на Солдогу и на Балахну таможенным головам и другим должностным лицам о невзимании пошлин с судна Троице-Сергиева монастыря, которое ходит за рыбой в Тетюши.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии на Кострому в Кинешемской уезд, на Солдогу, на Балахну таможным и мытным головам и целовалником и откупщиком. Бил нам челом Троецкой Сергиева монастыря архимарит Кирил з братьею, а сказал: наше-деи жалованье дано им на монастырской обиход на реке на Волге в Тетюшах рыбная ловля, и по тое-де рыбу ходит у них монастырское судно, и вы-деи, таможенные и мытные головы и целовалники и откупщики, правите с того их монастырского судна и с рыбы наши таможные и мытные пошлины и с людей головщину и с шестов посаженное и для-деи того судна их не пропущаете. И нам бы Троецкого Сергиева монастыря архимарита Кирила з братьею пожаловати, с того их монастырского судна, которое они посылают в Тетюши по рыбу на монастырской обиход, наших таможных и мытных и с людей головщины и с шестов посаженного имати не велети. И как Сергиева монастыря судно рекою Волгою на низ по рыбу в Тетюши и вверх с рыбою поидет, и вы б на Костроме и в Кинешемском уезде на Солдоге и на Балахне с того монастырского судна и с рыбы наших таможных и мытных пошлин и с людей головщины и с шестов посаженного не имали и не задерживали бы есте того их монастырского судна нигде никоторыми делы. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово отдали б есте ее Троецким Сергиева

монастыря старцом или слугам, которые на том судне будут, для иных наших таможных голов и целовалников и откупщиков. Писан на Москве лета 7102-го июля в 31 день.

На обороте:

Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии.
Правил подьячей Михалко Нечаев.
Печать прикладная, черная.

ЦГАДА. Грамота Коллегии экономии, Костромской у., № 5131/3643.

39. 1595 г. июля 18. — Жалованная грамота «с прочетом» из «Нового приказа» дьяка Ивана Нормацкого Ипатьевскому монастырю о невзимании таможенных и других пошлин с принадлежащего монастырю судна.

Се яз царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии пожаловал есми живоначалные Троицы Ипатцкого монастыря, что на Костроме, строителя Гурья Ступишина з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумены и строители будут, что они били челом, а сказали, что их монастырьское судно, в длину 18 сажен, ходит на низ сь их монастырьским товаров, а на низу-деи они тот товар продают да на те денги покупают на монастырьский обиход ниже Казани в Тетюшах рыбу осетрину длинную и всякую бочечную рыбу и с тою-де рыбою то их монастырьское судно ходит вверх; и в Тетюшах-деи, и в Казани, и в Нижнем Новегороде, и в Юрьевце, и на Кинешме, и на Балахне, и на Плесе, и на Костроме, и на Москве на рыбном дворе и в важне, они с того судна таможенные пошлины и проезжие и посаженные и с людей головщину платят сполна; на них-деи в тех городех тех всяких таможенных пошлин емлют лишек и судно-деи их монастырьское в тех городех задерживают; и нам бы их Ипатцкого монастыря строителя Гурья Ступишина з братьею пожаловати, как поидет их монастырьское судно вниз в Тетюши с то-

варом, а вверх с рыбою, с того б их монастырьского судна посаженные пошлины и с товаров и с рыбы таможенных всяких пошлин и с людей головщины в Тетюшах, и в Казани, и в Нижнем Новегороде, и в Юрьевце Поволском, и на Кинешме, и на Балахне, и на Плесе, и на Костроме и на Москве на рыбном дворе и в важне, имати не велети. И яз царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии Ипатцкого монастыря, что на Костроме, строителя Гурья Ступишина з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумены и строители будут, пожаловал, как поидет их монастырьское судно на низ с товаром и с низу с рыбою, и с того судна посаженного и с товаров и с рыбы таможенных и всяких пошлин и с людей головщины в Тетюшах, и в Казани, и в Нижнем Новегороде, и в Юрьевце в Поволжском, и на Кинешме, и на Балахне, и на Плесе, и на Костроме и на Москве на рыбном дворе и в важне имати не велел. И наши бояре и воеводы, и дьяки, и всякие приказные люди, и таможенные головы, и целовальники, которые будут в Казани, и в Тетюшах, и в Нижнем Новегороде, и в Юрьевце в Поволжском, и на Кинешме, и на Балахне, и на Плесе, и на Костроме, и на Москве на рыбном дворе и в важне, как поидет то их троетцкое Ипатцково монастыря судно мимо тех городов на низ с товары, а с низу ис Тетюш, вверх с рыбою, и оне в тех городех с того судна посаженного, и с товаров и с рыбы таможенных и всяких пошлин, и с людей головщины, не емлют и пропущают то судно мимо тех городов без задержанья по сей нашей жаловалной грамоте. А емлют с того их монастырьского судна за всякие пошлины в нашу казну на Москве в приказе дияка нашего Ивана Нарматцково на год по сту рублев. А прочитая сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово отдают ее Ипатцкого монастыря старцу или слуге, которым у них на том судне приказано будет, и оне держат ее у себя вперед для иных наших бояр и воевод и всяких приказных людей. К сей грамоте яз царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии велел печать свою приложить. Лета 7103-го июля в 18 день.

На обороте:

Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии. По[д]писал государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии дьяк Иван Нармацкой.

Печать красная вислая на красном шнурке.

Подтверждения:

1613 г. ноября 30. — Лета 7122-го ноября в 30 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии сее грамоты слушав живоначалные Троицы Ипатцкого монастыря, что на Костроме, архимарита Кирила з братьею, или хто по нем в том монастыре иный архимарит и братья будут, пожаловал, велел им сю жаловалную грамоту подписати на свое царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя и сее у них грамоты рудити не велел никому ничем, а велел им ходити о всем по тому, как в сей жаловалной грамоте писано. А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии диак Иван Иванов сын Болотников.

1623 г. июня 26. — Лета 7131-го июня в 26 день мы, великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии самодержец и отец наш великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московской и всеа Русии, сее грамоты слушав указали по нашему государеву уложенью переписати вновь на наше государское имя, а сее жаловалную грамоту подписав на наше ж государское имя отдати Ипацкого монастыря архимариту Пафнотью з братьею впред для спору вотчинных земель и всяких вотчинных крепостей, а о всем указали ходити по тому, как в нашей в новой государской жаловалной грамоте нынешнего 131-го году написано. А подписал государев царев и великого князя Михаила Федоровича всея Русии дияк Прокофей Пахирев.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5135/168.

40. 1595 г. июля 22. — Грамота «с прочетом» из приказа Большого Дворца в Юрьевец-Поволжский житничному ключнику Федору Петелину и Юрьевецким и Плесским таможенным целовальникам и откупщикам о невзимании с судна Ипатьевского монастыря таможенных пошлин на основании жалованной грамоты, выданной монастырю из «Нового приказу» дьяка Ивана Нормацкого.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии вь Юрьевец Поволской житничному ключнику Федору Петелину да в Юрьевец ж и на Плесо таможным целовальником и откупщиком. В приказ Большого Дворца к боярину и дворетцкому нашему к Григорью Васильевичу Годунову прислана память из Нового приказу за приписью дияка Ивана Норматцкого, а в памяти написано: пожаловали есмя живоначалные Троицы Ипатцкого монастыря, что на Костроме, строителя Гурья Ступишина з братьею, или хто по нем в том монастыре иные игумены и строители будут, по их челобитью, что их монастырьское судно, в длину 18 сажен, ходит на низ сь их монастырьским товаром, а на низу-де они тот товар продают да на те денги покупают на монастырьской обиход ниже Казани в Тетюшах рыбу осетрину длинную и всякую бочечную рыбу; и с тою-де-рыбою то их монастырьское судно ходит вверх; и с того их монастырьского судна, как то судно поидет на низ с товаром, а с низу вверх с рыбою, посаженного и с товаров и с рыбы таможенных и всяких пошлин и с людей головшины в Тетюшах, и в Казани, и в Нижнем Новегороде, и в Юрьевце, и на Кинешме, и на Балахне, и на Плесе, и на Костроме, и на Москве на рыбном дворе имати не велели; и наша жалованная грамота им дана. И как к вам ся наша грамота придет, а как поедет Троецкого монастыря судно, в длину 18 сажен, на низ в Тетюши с товары, а с низу вверх с рыбою, мимо Юрьевца Поволского, и вы б с того судна посаженного и с товаров и с рыбы таможенных и всяких пошлин и с людей головщины не имали и пропущали то судно мимо Юрьевец и Плесо без задержанья по нашей жа-

ловалной грамоте, какова дана за приписью дияка нашего Ивана Нарматцкого. А прочетчи бы есте сю нашу грамоту и списав с нее противень взяли себе, а сю нашу подлинную грамоту отдали б есте назад Ипатцкого монастыря старцом или слугам для иных наших приказных людей и таможенных целовалников и откупщиков, которые в Юрьевце и на Плесе вперед будут. Писан на Москве лета 7103-го июля в 22 день.

На обороте: Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии.

Справил подьячей Герасимко Мартемьянов.

Печать черная.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5134/167.

41. 1597 г. февраля 28. — Отпись дьяка Семена Сумарокова в приеме с Коряжемского монастыря в Четвертной приказ всяких четвертных доходов.

Лета 7105-го февраля в 28 день по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу государев царев и великого князя Федора Ивановича всеа Русии дьяк Семейка Сумороков взял в государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии казну в Четвертной приказ с Вычеготцкие Соли с посаду Николы Чюдотворца Коряжемского монастыря з дворов и с полянок и с анбаров с чети сохи оброку и пошлин и дани и запросу и за поминочные за черные соболи и ямских и приметных денег и за всякие подати на 105-й год против 104-го году четырнатцать рублев и двенатцать алтын две деньги. Да им же зачтено за сибирские запасы дватцать один алтын. Да с Окологородного стану Николы ж чюдотворца Коряжемского монастыря з деревень с полсохи и с пол-полтрети сохи за наместничь и их пошлинных людей доход и за присуд оброку и пошлин и дани и запросу и за поминочное, за черные соболи, и ямских и приметных и пищальных денег и всяких доходов и с сена оброку на 105-й год десять рублев и десять алтын три деньги.

Да им же зачтено за сибирские запасы рубль и пятнатцать алтын четыре деньги. Да с Пачеозерского стану Николы ж чюдотворца Коряжемского монастыря з деревень с четверти сохи за волостелин и их пошлинных людей доход и за присуд оброку и пошлин и дани и запросу и ямских и приметных денег и за ростовую белку и за посопной хлеб и с сена оброку на 105-й год восм рублев и тринатцать алтын четыре деньги. Да им ж зачтено за сибирские запасы дватцать один алтын. Да с Никольских же Корежемского монастыря слободок с полуторы сохи ямских и приметных денег и за посошные люди и за городовое и за засечное, за емчюжное дело да новоприбылого доходу у крестьянина у Левки у Васильева сына Кучина по оброчной грамоте Рудака Черткова Окологородные волости Велегодцкого Заостровья с пожни с Мужихи да с пожни с Козлихи оброку на 105-й год пять рублев и одиннатцать алтын пять денег. И всего с Коряжемского монастыря взято всяких четвертных доходов и с новоприбылыми доходы тритцать восмь рублев и пятнатцать алтын. Платил деньги Никитин человек Строганова Павлик Ортемьев. Да им же зачтено за сибирские запасы два рубля и дватцать четыре алтыны две деньги. А взяты те деньги ис Четверти дьяка Ивана Вахромеева. И обоего и з зачетными денгами сорок один рубль и шесть алтын. Семейка Сумороков.

На обороте: Справил подьячей Парфенко Кузмин, а приход имал и в росход давал Григорей Остапов.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 93.

42. 1597 г. мая 21. — Грамота из Четверти дьяка Елизарья Вылузгина выборным земским судьям Комарицкого стана Устюжского уезда о доправке на бывших земских властях оброчных денег и присылке всех недоимок в Четверть.

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Устюжский уезд Комаритцкого стану выборным земским

судьям Федулку Костентинову сыну Щапову с товарыщи. В нынешнем 105-м году в Четверти перед [д]ьяком нашим перед Елизарьем Вылузгиным Комаритцкого стану Нижнего конца прошлого году судья Дмитрейко Рудовщиков от вас от земских судей положил сыску вашего список про островок и про пожни Комаритцкого ж стану з Двины Покрова святей богородицы Телегова манастыря. И по нашему указу диак наш Елизарей Вылузгин по вашему обыскному списку приговорил Комаритцкого стану островом, что на реке на Двине против Борисовские пустоши, да песочком, что к тому ж острову присадило за Двиною рекою, что против Рогачева полая, конец Масенина острова, и с курейкою да поженкою Онкудиновою да поженкою, что в Мадееве острове Паршакова, что против манастыря за Двиною рекою, владети Устюжского уезда Камаритцкого стану з Двины Покрова святей богородицы Телегова манастыря игумену Мисаилу з братьею по старым крепостям, а оброку ему платити по осми алтын на год. А с поженки с Онкудиновой да с поженки, что в Мадееве острову Паршакова, что против манастыря за Двиною рекою, оброчные денги игумену Мисаилу платити Комаритцкого ж стану Нижнего конца крестьянину Малцу Шевелеву попрежнему, как старцы тому крестьянину Малцу Шевелеву с тех пожен оброку платили. А на прошлые годы з девяносто третьяго году по сто третей год приговорил взяти прошлых годов на земском судье и на целовальникех по отписям, которые отписи перед вас перед судей на прошлые годы игумен Михайло клал, потому что тот земской судья и целовальники с тех пожен оброчные денги имали, а в нашу казну не платили да теми денгами корыстовались сами. А на сто третей и на сто четвертой и на нынешней 105-й год оброчные денги Телегова манастыря на игумене на Мисаиле взяти по осми алтын на год. И тех оброчных денег на прошлые годы по сто третей год Телегова манастыря игумен Мисайло в нашу казну в Четверти диака нашего Елизарья Вылузгина заплотил половину, два рубля и пять алтын две денги, а на сто третей и на сто четвертой и на нынешней 105-й год оброчные денги

взяты на игумене на Мисаиле сполна, дватцать четыре алтыны, и отпись ему в тех в оброчных денгах дана. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на прошлом на земском судье, на Олешке на Изосине, да на целовальникех, на Тишке на Шунгине, да Юшке на Романове, да на Перше на Ворыпаеве, да на Фетке на Волоките, да на Окинке на Плавине, да на Баженке на Быкове, доправили наших оброчных денег другую половину, два рубля и пять алтын две денги, а доправя те наши оброчные денги прислали б есте к нам к Москве в Четверть диака нашего Елизарья Вылузгина часа того.

Писан на Москве, лета 7105-го маия в 21 день.

На обороте:

Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии.

Справил диак Елизарей Вылузгин.

Правил подьячей Наумец Григорьев.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Устюжский у. № 13184/56.

43. 1598—1605 гг. — Отписка белозерских приказных людей Гаврилы Викентьева и подьячего Ивана Малыгина об исполнении указа из Нижегородской четверти по спорному делу монастырей Кирилло-Белозерского и Воскресенского девичья.

Список со списка ж. Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии холопи твои Гаврилко Векентьев да подьячей Иванко Малыгин челом бьют. По твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте из Нижегороцкие чети за приписью твоего государева дьяка Петра Желябушского велено нам, холопем твоим, в Белозерском уезде около селца Маурина з деревнями сыскати всякими людми всякими сыски накрепко и старожилцы тутошними и околними крестьяны, луг Мартемьянов наволок того ли селца Маурина з деревнями или Кирилова монастыря купленой и Воскресенского девича монастыря у игуменьи у Ефимьи с сестрами досмотрети твоие государевы

царевы и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловалние грамоты, тот луг Мартемьянов наволок у них в твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в жаловалной грамоте к селцу Маурину з деревнями написан ли, или будет у них на тот наволок есть какие крепости даные или купчие? Да будет в сыску скажут, что тот луг Мартемьянов наволок не того селца Маурина и в твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловалной грамоте Воскресенского девича монастыря у игуменьи у Еуфимьи с сестрами не написан и купчие у них и иных никаких крепостей на тот наволок нет, а Кирилова монастыря у строителя Иосифа на тот луг Мартемьянов наволок крепости какие или купчие есть, и нам, холопем твоим тем Мартемьяновым наволоком велети владети Кирилова монастыря старцем по прежнему, а игуменье Еуфимье с сестрами в тот наволок вступатись не велети; а будет, государь, по сыску тот наволок села Маурина и в твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловалной грамоте у игуменьи у Еуфимьи с сестрами тот наволок написан, или крепости какие есть на тот наволок, и нам холопем твоим тем наволоком велеть владеть Воскресенского девича игуменье Еуфимье с сестрами, а Кирилова монастыря старцем вступатись не велети. И по той твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте мы, холопи твои, в Белозерской уезд посылали белозерского розсылщика Архипа Ермолова и около того селца Маурина з деревнями велели сыскати всякими людми всякими сыски накрепко и старожилцы тутошными и околними крестьяны; и Воскресенского девича монастыря у игуменьи у Ефимии с сестрами твоее государевы царевы и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловалние грамоты мы, холопи твои, досматривали. И в твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловалной грамоте у игуменьи у Еуфимьи тот луг Мартемьянов наволок к селцу к Маурину з деревнями не написан и крепости никакие на тот луг Мартемьянов наволок, даные и купчие, игу-

менья Еуфимья с сестрами нам, холопем твоим, не сказала; а Кирилова, государь, монастыря строитель Иосиф на тот Луг на Мартемьянов наволок крепость купчую перед нас, холопей твоих, за руками присылал, и мы холопи твои, тое крепости и купчие досмотрели и велели с них написати списки слово в слово и велели те списки с крепости и с купчие перед собою справити и те, государь, обыски и Кирилова монастыря с крепостей и с купчих списки за моею, холопа твоего, Гаврилковою печатью и за моею, холопа твоего, Иванковою и за обыскных людей руками послали к тебе, государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии, к Москве в Нижегороцкую четь к твоему государеву дьяку к Петру Желябужскому; а бес твоего государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу тем лугом Мартемьяновым наволоком Кирилова монастыря старцам и Воскресенского девича монастыря игуменье Еуфимье с сестрами владети велети не смели. И о том государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии как укажешь.

Список XVII в. ГПБ, Рукоп. СПб. дух. акад., А, I/16, лл. 1137 об.—1140.

О датировке грамоты.

Ср.: М. Горчаков. О поземельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. СПб., 1871, Приложения, стр. 31—32. — Грамота на Белоозеро Гавриилу Потаповичу Викентьеву за приписью дьяка Ив. Салманова, с приказанием не нарушать жалованной грамоты во владениях патриарха Иова. 1602 г. 8 июля.

44. 1599 г. августа 1. — Грамота «с прочетом» из Четверти дьяка Семена Сумророкова в Переяславль-Залесский о невзимании перевозных денег и неизбрании верных целовальников к перевозу в вотчине Симонова монастыря в селе Бутакове.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Переславь Залеской губному старосте Мордвину Болшему. Бил нам челом пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрит Иона з братьею, а сказал: в прошлом-де во

105-м году бил-де челом государю блаженные памяти царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии прежней симоновской архимандрит Макарей з братьею что-де у них в Переславском уезде их монастырьская вотчина село Бутаково на реке на Нерли и под тем-де их селом на реке на Нерли монастырьской перевоз; и вы-де тот их монастырьской перевоз о[т]писали на государя блаженныя памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, а оне-де тем перевозом владеют по даной грамоте и грамота-де им блаженныя памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии дана — в тот у них перевоз вступатись никому не велено; да и даную на тое монастырьскую вотчину и блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоту на перевоз архимандрит Макарей в Четверти перед дияком нашим перед Семейкою Сумороховым клал; а в даной написано: «Лета 7065-го Аграфена Иванова жена Григорьевича Морозова дала в дом пречистые богородицы честнаго и славнаго ея Успения Симонова монастыря по своем муже Иване, во иноцех Ионе, да по своем сыне Семене и по всему своему роду, душам их на поминок, впрок без выкупа по духовной грамоте мужа своего Ивана в Переславском уезде в Николском стану вотчину село Бутаково, а к нему девять деревень с лесы и с луги и с пожнями и с селищами и с пустошми и со всякими угодьи; а землю и угодья того села и деревень и селищ и пустошей написано мужа ее в-Ыванове купчай Морозова по обе стороны реки Нерли до по реку по Нилу, да по реку по Куницу»; а перевоз на реке на Нерли в селе Бутакове в даной грамоте не написано; а блаженныя памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии [в] жаловалной грамоте написано: «В 65-м же году бил челом государю блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии пречистые богородицы Симонова монастыря архимандрит Филофей з братьею Переславского уезду Рогозинские слободы на ямщиков, что они их монастырьские вотчины села Бутакова на реке на Нерли в перевоз вступаютца

и перевозити на том перевозе их монастырским перевозщиком не дают, и по их челобитью дана им государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамота в Переславской уезд Рагозинские ямские слободы к старосте и ко всем охотником, а по той грамоте в тот их монастырьской перевоз вступатись не велено»; и по тому его архимандричью Макарьеву челоби[ть]ю во 105-м году маия в 30 день дана государева блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии другая жаловалная грамота в Переславль к вам, губным старостам, и к тебе Мардвину да к Юрью Шилову и на том их монастырском перевозе, что под их монастырскою вотчиною под селом Бутаковым з деревнями на реке на Нерли, верным целовалником быти и перевозных денег збирати и в перевоз вступатись не велено, а велено тем перевозом владети Симанова монастыря архимандриту Макарею з братьею, или в том монастыре хто по нем иный архимандрит будет, по прежнему по тому ж, как оне наперед сего тем перевозом владели; и нам бы Симонова монастыря архимандрита Иону з братьею по тому ж пожаловати, в тот у них монастырьской перевоз вступатись и перевозных денег впред на нас збирати и прежних жаловалных грамот рудити не велети. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б прежних жаловалных грамот блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и сына его государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии Симонова монастыря архимандрита у Ионы з братьею не рудил, о всем у них ходил по тому, как у них в прежних жаловалных грамотах написано, и целовалников на тот перевоз не выбирати и ведати и перевозных денег збирати на нас вперед не велел, а велел тем перевозом попрежнему владети Симонова монастыря архимандриту Ионе з братьею. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее противень слово в слово отдал бы еси ее назад Симонова монастыря архимандриту Ионе з братьею, и оне ее держат у себя впред для иных наших приказных людей. Писан на Москве лета 7107-го августа в 1 день.

У подлинной грамоты назади написано: Царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии. Да у той же грамоты припись дьяка Семейки Сумарохова. А подлинная грамота за черною печатью.

ГИМ, Собр. рукоп. Симонова монастыря, № 58, лл. 455—457 об.

45. 1600 г. до 8 июня. — Грамота из Четверти окольничего М. М. Салтыкова и дьяков Ивана Вахромеева и Богдана Иванова в Вятку (Хлынов город) о даче на оброк вятчанину Тимофею Плишкину покоса по р. Вятке.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Вятку в Хлынов город городовому приказщику Федору Рязанцову. Бил нам челом вятчанин Хлынова города Чепецкого стану крестьянин Тимошка Ондреев сын Плишкин, а сказал: за рекою де за Вяткою повыше Чепецкого устья вверх по Вятке на левой стороне сенного покосу копен на 10 и около-деи того покосу черной лес, а с нижнюю-деи сторону межа с тотарскою пожнею от заозерцов, а с верхнюю сторону по Пихтовое озерко; и тот-деи покосец отимает у нево тотарин каринской князь Кулыш Матвеев силно; а оброку-деи с нево в нашу казну не идет ничево; а преж-деи тово та пожня была его Тимошкина; и нам бы его Тимошку пожаловати, велети про ту его пожню сыскати да по сыску дать на оброк ему Тимошке. И будет так, как нам Тимошка Плишкин бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про ту пожню сыскал всякими сыски накрепко, будет тою пожнею каринской тотарин князь Кулыш владеет самовольством безоброчно, а преж сего будет была та пожня за ним за Тимошкою, и ты б ту пожню дал на оброк ему Тимошке, а оброку б еси ему с тое пожни велел платить смотря по земле и по угодью, как бы нашей казне было прибыльнее; да в том бы еси по нем по Тимошке взял поруку з записью, что ему с тое пожни оброк в нашу казну платить ежегод бесспереводно, чем его изоброчишь; да и в оброчные б еси книги

ту пожню написал за ним за Тимошкою на оброке; да тое оброчные денги присылал бы еси к нам к Москве в Четь околничего нашево Михаила Михайловича Салтыкова да диаков наших Ивана Вахромеева да Богдана Иванова с ыными нашими з данными и с оброчными деньгами вместе. Писан на Москве лета 7108-го. . .[1]

На обороте: Царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии.

Диак Богдан Иванов. Правил Васка Семенов.

Грив. . .[1]

108 г. июня в 8 день подал грамоту Тимофей Ондреев сын Плешкин.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Вятский у., № 14174/11.

46. 1600 г. июня 30. — Грамота «с прочетом» в Галич губному старосте Михаилу Цыгорову о владении попрежнему Троице-Сергиевым монастырем пустошью Поповою Слободкою с угодьями.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Галич губному старосте Михаилу Цыгорову да городовому приказщику Петру Перелешину. Бил нам челом живоначальные Троицы Сергиева монастыря богомолец архимарит Кирил з братьею, а сказали: били-де они нам челом в прошлом во 107-м году о пустоши о Попове Слободке и о угодьях, что к ней было изстари преже сего, и мы их пожаловали, велели им дати нашу грамоту к приказным людем в Галич к Бражнику Кайсарову да к Соли Галитцкой к Ивану Коротневу; и по нашей-де грамоте Бражник Кайсаров и Иван Коротнев

[1] *Вырвано.*

с старосты и с целовалники и с сторонними людми с попы и з диаконы и со многими околними людми и з старожилцы тое пустошь, сыскав по старым межам, отделили со всеми угодьи к Попове слободке по рубеж, по реку по Вочю по берег по Гавриловскую лаву, и того-де отводу своего книгу за своими и за старожилцов и за отцов их духовных руками к нам к Москве в Четь печатника нашего и посолского диака Василья Яковлича Щелкалова прислали; и в нынешнем-деи в 108-м году били нам челом ложно Вотцкие волости крестьяне, староста Ондрюшка Иванов да Якушка Еремеев да Юшманко Ондреев и во всех Вотцкие волости крестьян место, а назвали тое троетцкую землю Поповы Слободки крестьяне своею землею Вотцкие волости; и по тому-де их ложному челобитью дана им наша грамота к Соли Галитцкой к городовому приказщику к Федору Сухонину, а велено ему по нашей грамоте тое спорную землю, сыскав старожилцы многими сторонними людми, розвести по старым межам; и Федор-де Сухонин, норовя Вотцкие волости крестьяном, ездил на ту спорную землю с теми Вотцкие волости крестьяны, а троетцких слуг и крестьян и старожилцов, которые были на отводе на межах з Бражником Кайсаровым и с Ываном Коротневым, и тутошних околних людей не имал и отвел тое спорную землю Поповы Слободки к Вотцкой волости с теми ж Вотцкие волости с крестьяны воровством по посулом, норовячи Вотцкие волости крестьяном, и на ту-де землю Вотцкие волости крестьяном по своему воровскому разделу и выпись дал; и нам бы богомолца своего архимарита Кирила з братьею пожаловати, прежние наши жаловалные грамоты, какова им на Попову Слободку за приписью печатника нашего и посолского диака Василья Яковлича Щелкалова дана, рудити не велети, а велети б та троетцкая вотчина ведати по прежним межам, по отделным книгам Бражника Кайсарова да Ивана Коротнева, каковы они отделу своего книги прислали к нам к Москве в Четь печатника нашего и посолского диака Василья Яковлича Щелкалова за своими руками и, которые люди с ними на отделе

были на межах, за их руками. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по прежним отводным книгам и по межам по прежним Бражника Кайсарова да Ивана Коротнева, как старожилцы и сторонние люди отвели Попову Слободку Вотцкие волости с черною землею тое Поповы Слободки крестьяном землею и луги и всякими угодьи по реку по Вочю и по Гавриловскую лаву велел владети по прежнему а Вотцкие волости крестьяном по Федоровым Сухонина межам и по отводным книгам владети не велели, потому, что он, Федор, приезжал с однеми Вотцкие волости крестьяны, а сторонних старожилцов и околних людей с ним не было, что б нам вперед живоначалные Троицы Сергиева монастыря богомолец наш архимарит Кирил з братьею о том не бил челом. А прочет сю нашу грамоту и списав с нее список отдали бы есте архимариту Кирилу з братьею и они ее у себя держат вперед для иных наших губных старост и приказщиков городовых. Писан на Москве лета 7108-го июня в 30 день.

На обороте: Царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии.

Дияк Семен Чередов. Справил Левка Маркелов.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Галицкий у., № 3393/63.

47. 1601 г. марта 5. — Отпись дьяков Ивана Вахромеева и Богдана Иванова о приеме в Четверть «своего приказу» разных податей с вотчин Коряжемского монастыря, Сольвычегодского уезда.

Лета 7109 марта в 5 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу диаки Иван Вахромеев до Богдан Иванов взяли в государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии казну в Четь своего приказу с Вычеготцкие Соли с посаду Николы чюдотворца Коряжемского монастыря з дворов и с полянок с чети

сохи оброку и дани и за всякие подати на 109-й год пятнатцать рублев да с уезду Николы ж чюдотворца Коряжемского монастыря за наместничних пошлинных людей доход и за присуд оброку и пошлин и дани и запросу и за поми[но]чные за черные соболи и ямских и приметных денег и с сена и новоприбылого оброку и Кузминского полуострова с притеребы и всяких доходов с Окологородново стану с полусохи и с пол-пол-полтрети сохи двенатцать рублев и дватцать алтын четыре денги; с Пачеозерского стану с чети сохи — девять рублев и восмь денег; с Вилеготцкие волости с полуторы сохи — пять рублев и шесть алтын пять денег; да новоприбылого оброку с пожен, что у них вопче с Петрушкою Рудаковым, с пожни в Вилегоцкой волости в Заостровье, против Воротихинские деревни, оброку шесть рублев и четыре алтыны полторы денги. И всего сорок семь рублев и тритцать три алтыны с полуденгою. Платил того ж монастыря старец Осиф. Диак Иван Вахромеев.

На обороте: Справливал Васька Семенов.

Архив ЛОИИ, «Акты Коряжемского монастыря», № 125.

48. 1601 г. июля 7. — Грамота из «Четвертного приказа» («Чети») дьяка Богдана Власьева крестьянину Троице-Сергиева монастыря села Борисоглебского Тверского уезда Евдокиму Овдокимову на откуп в том же себе тамги с еженедельного местного мелкого торга.

Лета 7109-го июля в 7 день по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу диак Богдан Власьев дал тамгу в откуп ново, впервые, во Тверском уезде живоначалные Троицы Сергиева монастыря в селе Борисоглебском того ж села крестьянину Овдокимку Овдокимову августа с 1-го числа 109 году по сентябрь по 1-ое число 111-го году. А торговати в том селе в неделе один день по пятницам; а откупу у него тое тамги и с пошлинами взяти в государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича

всеа Русии казну в Четвертной приказ на срок марта в 1 день 111 году два рубли з гривною. А торговати на том торгу хлебом и всяким сьесным товаром, и сермяжными сукны, и холсты, и мелкою животиною, и птицы, и лесом: бревны и доски и обручми и лыки и мочалы и всякою мелочью. А тамги с того товару имати: со пшеницы, со ржи, с овса, сь ячмени, с солоду, с конопел, з гречи, со пшена, з гороху, з заспы, с толокна и со всяково жита с четырех чети московских по две денги, а будет болши или менши четырех чети, и ему имати померное по розчету; а з животины: с пяти свиней, с пяти баранов и з десяти гусей, з десяти зайцев, с пятинатцати поросят, с пятинатцати утят, с пятинатцати тетеревей, с пятинатцати сыров, с пятисот яиц — по полуторе денги; а хто тех товаров привезет болши или менши, и ему имати по розчету. Да таможнику ж имати тамги: з двои колес — денга, с сукна с сермяжново з доброво — две денги, а с середнево — денга, а с худова — полденги, с холста з доброво — денга, а с худово — полденги, с кожи с сырые — полденги, с масла з горшка с болшово — денга, а с меншова — полденги, з досок с воза — полденги, з дватцати тесниц — денга, з драниц с воза — денга, а с обручей и с лыка и с мочал и с хомутин — с девяти десятое. А имати та вся пошлина со всяких людей, оприч тарханщиков, а тесноты и продажи в той тамге отнюд никому ни в чем не чинити. А как он Овдокимко свой откупной год отдержит, и ему Овдокимку та тамга отказати в Чети диака Богдана Власьева до своего откупново сроку за месяц; а не откажет тое тамги до своего откупново сроку за месяц, и ему та тамга и вперед за собою держати в откупу из наддачи, а наддачи — что государь царь и велики князь Борис Федорович всеа Русии укажет; а на лишний месяц сверх году заплатити ему откупу по рощету.

Скрепа: Дияк Богдан Власьев.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Тверской у., № 12565/72.

49. 1602 г. октября 10. — Грамота из Новгородской четверти в Великий Новгород о получении в Четверти присланных туда сметного списка и денежных доходов за 7110 г. и таможенных недоимок за 7109 г.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в нашу отчину в Великий Новгород воеводе нашему князю Василью Ивановичю Буйносову-Ростовскому да дьяку нашему Фторому Поздееву. Писали есте к нам и прислали с подьячим с Пятым Киршиным нашим ноугоротцким денежным доходом сметной список 110-го году и наших ноугоротцких доходов две тысечи семдесят шесть рублев и шеснатцать алтын полшесты деньги да что доправлено на таможенном голове на Якиме Родивонове да на Маковее на серебрянике и на целовальникех недоборных таможных денег 109-го году сто тритцать семь рублев одиннатцать алтын полшесты деньги, и те деньги в нашу казну в Ноугоротцкую четь околничего нашего Михайла Михайловича Салтыкова да дьяка нашего Федора Янова у подьячево у Пятово Киршина взяты сполна. Писан на Москве лета 7111-го октября в 10 день.

На обороте: Правил Томилко Бровкин.

Малая черновосковая печать.

В нашу отчину в Великий Новгород воеводе нашему князю Василью Ивановичю Буйносову-Ростовскому да дияку нашему Фторому Поздееву.

Помета: 111-го октября в 27 день привез подьячей Пятой Киршин.

Архив ЛОИИ, Собр. Н. П. Лихачева, картон 103, № 39

50. 1602 г. декабря 15 — 1603 г. января 3. — Дело Новгородской Приказной избы о расходах меда при проезде датского королевича Иоганна и о недоборах налогов с Новгородской земли в 7110 г.

I. 1602 г. декабря 15. — Грамота из Новгородской четверти в Великий Новгород о даче подробных сведений о количестве меда и добытого из него воска, израсходованных при проезде королевича Иоганна.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в нашу отчину в Великий Новгород воеводе нашему князю Василью Ивановичю Буйносову-Ростовскому да диаку нашему Фторому Поздееву. Писали есте к нам, что в нашей казне в Великом Новегороде от медвяных ставок, которой мед ставлен был во 110-м году для датцких послов и ис купленово меду, выбито из вощин пять пуд и восмь гривенок с полугривенкою воску, а что у королевичева обиходу от медвяных ставок из вощин выбито воску — и того в вашей отписке к нам не писано, в том же ли числе королевичева обиходу воск или особно, и будет особно, и сколько того воску пудов и где ныне тот воск. И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы тот воск, что ни есть в нашей казне в Великом Новегороде, прислали к нам к Москве с нарочным гончиком тотчас и о том отписали к нам имянно сколько пудов воску к нам пошлете, а велели тое отписку и воск отдати в Ноугородцкой чети околничему нашему Михайлу Михайловичю Салтыкову, да диаку нашему Федору Янову. Писан на Москве лета 7111-го декабря в 15 день.

На обороте: Правил Томилко Бровкин.

В нашу отчину в Великий Новгород воеводе нашему князю Василью Ивановичю Буйносову-Ростовскому да дияку нашему Второму Поздееву.

Помета: О воску.

II. 1603 г. января 3. — Отписка (черновая) Новгородского воеводы кн. В. И. Буйносова-Ростовского и дьяка Второго Поздеева в Новгородскую четверть о меде и воске, израсходованных при проезде королевича Иоганна, и с объяснениями о причинах задержки отсылки новгородских доходов.

Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холопи твои Васка Ростовской Буйносов да Фторышка Поздеев челом бьют. В твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте писано к нам, холопем твоим: в нынешнем во 111-м году генваря[1] в 2 день писали мы к тебе, к государю, что в Великом Новегороде в твоей государеве казне от медвяных ставок, которой мед ставлен был во 110-м году для датцких послов и из купленово меду выбито из вощин пять пуд и восмь гривенок с полугривенкою (меду)[2] воску, а что у королевичева обиходу от медвяных ставок из вощин выбито воску — и того (в твоей) в нашей холопей твоих, отписке (к тебе к государю) не написано, в том же ли числе королевичева обиходу воск или особно, и будет особно, и сколько того воску пудов и где ныне тот воск; и нам бы, холопем твоим, тот воск, что ни есть в твоей государеве казне в Великом Новгороде прислати к тебе, к государю, к Москве с нарочным гончиком тотчас и о том бы (отписати) к тебе, к государю, имянно отписати, сколько пудов воску к тебе, к государю, пошлем, а велети б тое отписку и воск отдати в Ноугородцкой чети твоему государеву околничему Михайлу Михайловичю Салтыкову да твоему государеву дияку Федору Янову (И по твоей государеве). И мы, холопи твои, писали к тебе, к государю, вместе с сметным списком 110 году, что в твоей государеве казне в Великом Новегороде от медвяных ставок воску, которой мед ставлен был (в Великом) во 110-м году для датцких послов, два пуда с полугривенкою да (в твоей же государеве казне)

[1] *Исправлено из* «декабря».

[2] *Поставленное здесь и далее в круглых скобках в рукописи зачеркнуто.*

что выбит ис купленого меду из вощины — три пуды восмь гривенок, а куплен, государь, тот мед (для датцкого) ...[1] (та)можные деньги да з денежново двора да с Олонца и з Заонежских погостов данные деньги и с пятин ямские и пищальные и оброчные и присудные деньги. И таможным, государь, (многим) иным пошлинам срок Семен день а в Новегороде, государь, из Большие тамги приносят таможные деньги в твою государеву казну по месяцом; а таможные, государь, головы и целовальники сказывают, что перед прошлыми годы ставитца недобор великой. А на денежном, государь, дворе большая прибыль тебе, государю, из гнезд, а гнезда (деи), государь, на денежном дворе не деланы ж; а головы, государь, и целовальники сказали, что зимою из гнезд серебра выделывати нелзя, а ныне-деи на твой государев на денежной двор торговые люди серебра в дело (не) несут мало, а твои-де государевы пошлины збирати не с чего. А из пятин, государь, губные старосты твоих государевых денежных доходов в Новгород не присылывали и с Олонца и з Заонежских погостов крестьяне с твоими государевыми данными деньгами рожественского сроку (и по ся место) генваря по 1 число в Новгород не бывали. И мы, холопи твои, в пятины к губным старостам писали вдругие, а велели им твои государевы (ноуго) денежные доходы, что у них в зборе, прислати в (нов) Великий Новгород (в твою государеву казну) с целовальники тотчас, а (з) досталные оброки (ми) велели (государь) им збирати немешкая (ж) и быти с теми деньгами и с книгами к счету в Новгород (часа ж того) вскоре. А на Олонец, государь, и в Заонежские погосты послали (государь) мы холопи твои (приставов) подьячего Семейку Шолыгина да Леву Третьякова генваря 1 дня, а велели им тех погостов старост и целовальников и крестьян с твоими государевыми з данными деньгами рожественского сроку выслати в Новгород часа того; а будет у них те деньги не собраны или (которые) будет

---

[1] *Далее нехватает одного или нескольких сставов.*

и собраны да не сполна, и мы (государь на них), холопи твои, те деньги на них велели (правити) доправя (по тому) ж выслати (в Но велели им с теми твоими государевыми деньгами быти в Новгород) в Новгород тотчас. (И) А как, государь, из пятин губные старосты твои государевы (Ноугородцкие) денежные доходы (пришлют) в Новгород пришлют и с Олонца и из Заонежских погостов приставы (и) старост и целовальников с твоими государевыми з данными деньгами рожественского сроку (приедут) вышлют и из таможни иные твои государевы всякие денежные доходы в зборе будут, и что, государь, будет тех денежных доходов по твоему государеву указу за ноугородцкими розходы, без которых быти нелзя, останетца, и мы, холопи твои, те твои государевы ноугородцкие денежные доходы (денги по твоему государеву указу пришлем) к тебе, государю (тотчас) пришлем.

Такова грамота послана к государю в Ноугородцкую четверть з земцом с Офонею Сольским генваря (1) 3 день.

III. 1603 г. января 3. — Отписка (черновая) Новгородского воеводы кн. В. И. Буйносова-Ростовского и дьяка Второго Поздеева в приказ Большого Дворца о количестве воска «выбитого» из вощины меда, взятого из митрополичьей новгородской казны.

Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии холопи твои Васка Ростовской Буйносов да Фторышка Поздеев челом бьют. В прошлом, государь, во 110-м году по твоей государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте за подписью твоего государева дияка Офонасья Власова да по другой твоей государеве грамоте за приписью твоего государева дияка Смирнова Васильева взято на митрополиче дворе для датцкого Ягана королевича на медвяные ставки двесте дватцать шесть пудов с четью пресного меду; и из того, государь, меду из вощины выбито воску девять пудов и шестнатцать гривенок; и тот, государь, воск в Великом Новегороде в твоей государеве казне, а в Софейскую, государь, казну без твоего государева указу того воску отдати не смеем.

Такова грамота послана в приказ Большого дворца с земцом с Офонею Сольским генваря в 3 день.

Архив ЛОИИ, Собр. Н. П. Лихачева, картон 103, № 42.

51. 1607 г. августа 22. — Грамота «с прочетом» из Новгородской четверти в Вологду о владении Глушицким монастырем «дворцом» Кабаном и рыбными ловлями и угодьями по р. Сухоне.

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии на Вологду Поспелу Елисеевичю Изволскому да дьяку нашему Рахману Воронову. Бил нам челом Вологотцкого уезда Глушитцково монастыря игумен Захарей з братьею а сказал: в Вологотцком уезде Глушитцково монастыря вотчина по даче блаженные памяти великого князя Ондрея Васильевича и великого князя Василья Ивановича всеа Русии и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на речке на Сухоне тони рыбные ловли и промеж теми тонями луги сенные покосы по обе стороны реки Сухоны на усть Пачкаса реки и дворец поставлен на лугу на Костентинове наволоке, а ставил-де тот дворец Глушитцкового монастыря старец Елисей, прозвище Кабан, для рыбные ловли и сенных покосов. И в нынешнем во 115-м году маия в 16 день бил нам челом Иван Нелюбов, а сказал: в Вологотцком уезде в Бохтюской волости пустошь Кабаново лежит в порозжих землях, а в поместье и в вотчину не отдана никому и к нашим к дворцовым селам и к черным волостям и к ямским слободам не приписана, а владеют ею Глушитцкова монастыря старцы, а в писцовых и в дозорных книгах за тем монастырем и в жаловалных и монастырских грамотах не написана; и по его Иванову челобитью послана к вам наша грамота, а велено вам сыскати: в Вологотцком уезде в Бахтюской волости пустошь Кабаново в порозжих ли землях, в поместье и в вотчину и на оброк кому не отдана ли, и к нашим к дворцовым селам и черным волостям и к ямским слободам не приписана ли; и будет в порозжих землях, а владеют ею Глушитцково

монастыря старцы, а за ними будет та пустошь в писцовых и в дозорных книгах и в жаловалных грамотах у них не написана, и та пустошь велено отдать Ивану Нелюбову на оброк на 5 лет, а оброк положить смотря по пашне и по угодью; и вы писали к нам к Москве и прислали в Ноугородцкую четь про пустошь Кабаново сыскной список; и в сыску написано: в Бохтюской волости пустоши Кабана нет, а есть на реке на Сухоне на усть Пучкаса реки против деревни Шоры за Сухоною на лугу поставлен дворец Кабан на монастырском лугу, а владеют тем дворцом Кабаном Глушитцково монастыря игумен и старцы для рыбные ловли и сенных покосов, а пашни у того дворца нет. Да положил Глушитцково монастыря игумен Захарей з братьею в Ноугородцкой чети перед дияком нашим перед Ондреем Ивановым на тот дворец на Кабан жаловалную грамоту да духовную чюдотворца Деонисья и сотную с писцовых книг Тимофея Карамышева. А в жаловалной грамоте написано: Князь великий Иван Васильевич всеа Русии Глушитцково монастыря игумена Антонья з братьею, и хто по нем в том монастыре иный игумен будет, пожаловал дал в монастырь тони на реке на Сухоне Куздан да Паду вилича [!] да Варжу, а по обе стороны подошли луги Глуштцкова монастыря, а на государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии и царя и великого князя Бориса и на наше царьское имя та у них грамота подписана. А в сотной с писцовых книг Тимофея Карамышева с товарыщи 7052-го году написано: в Вологотцком уезде в Бохтюской волости Глушитцково монастыря у Сухоны реки на берегу на Усть Пучкаса дворец монастырской, а в нем живет старец для рыбные ловли и сенных покосов, Глушитцково ж монастыря ез на реке на Сухоне под деревнею под Шорою, а повыше тово другой ез на Сухоне ж в устье от Кубенсково озера. А в духовной чюдотворца Деонисия написано: на реке на Сухоне пожни Вострой да Костянтиновской да Семеновской наволок на броду на посаде, да на Пучкасе Шебуничинские пожни половина наволока

Бoярикова. И нам бы его игумена Захарья з братьею пожаловати, того монастырьсково дворца Кабана и угодей, рыбных ловель и сенных покосов, отимати у них не велети. И будет так, как нам Глушитцково монастыря игумен Захарей з братьею бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б монастырьским дворцом Кабаном и угодьи по реке по Сухоне, рыбными ловлями и сенными покосы, велели владети Глушитцково монастыря игумену Захарью з братьею по прежним жаловалным грамотам и по сей нашей грамоте и по писцовым книгам по прежнему, а Ивану бы естя Нелюбову отказали, монастырским дворцом Кабаном и монастырьскими угодьи, рыбными ловлями и сенными покосы владети ему не велели.

А... [прочет]. Писан на Москве лета 7115-го августа в 22 день.

На обороте: Дияк Ондрей Иванов. Справил Васка Бухарев.

Подтверждения:

1614 г. января 9. — Лета 7122-го генваря в 9 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии сее грамоты слушал, а выслушав пречистые богородицы Глушитцково монастыря игумена Саватея з братьею или в том монастыре иный игумен и братья будут пожаловал, велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии имя и сее грамоты у них рушити никому ничем не велел, а велел у них ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано. Диак Павел Матюшкин.

1684 г. августа 28. — Лета 7192-го августа 28 дня божиею милостию мы великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы сее жалованные грамоты слушав пожаловали Вологодцкого уезду Покрова пресвятые богородицы Глушитцкого монастыря игумена Пахомия з братьею, велели им сю жалованную грамоту подписать на наше великих государей царей и великих князей всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев имя и в Вологоцком уезде в Бохтюской

волости на Сухоне реке пустошью Кабаном владеть по сей жалованной грамоте и по писцовым книгам. Дияк Тимофей Литвинов.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Вологодский, у., № 2639/68.

52. 1607 г. августа 30. — Грамоты «с прочетом» из Четверти дьяка Василия Маркова о невзимании четвертных доходов, кормовых и поворотных денег с крестьян вотчины патриаршего Новинского монастыря, сел Куликова и Трестина, Костромского уезда.

От (царя и великого) князя Василья Ивановича всеа Русии на Кострому Ивану Самойловичю Салманову. Бил нам челом отца нашего и богомольца Ермогена, патриарха Московского и всеа Русии, Новинского монастыря Костромского уезда сел Куликова и Трестина крестьянин Нефедко Фадеев и во всех крестьян место, а сказал: доправили-деи на них в прошлом во 114-м году Костромские губные старосты Долмат Кафтырев да Селянин Деглин на прошлые на 113 год, да на 114 год доправил Василей Миронов кормовые и поворотные денги мимо нашу жаловалную тарханную грамоту, а преж-деи сего по их челобитью о тех кормовых и поворотных денгах послана наша грамота, а велено Федору Аристову про те кормовые и поворотные денги сыскати, по чему на них те кормовые и поворотные денги иманы, против старых платежных книг; и Федор-деи Аристов сыскивал и в платежных книгах платежу их не сыскал, что они преж того кормовых и поворотных денег не плачивали; а на нынешней на 115 год костромские губные старосты Иван Зубатого да Игнатей Ивашев кормовых и поворотных денег на них правят мимо нашу жалованную тарханную грамоту; и нам бы их пожаловати, тех кормовых и поворотных денег имати не велети. И нынешнего ж 115-го году августа в 5 день патриарх Ермоген прислал в Четь к дьяку

нашему к Василью Маркову царя Бориса жаловалную грамоту 107-го году за подписью дьяка нашего Василья Нелюбова, а на наше царево и великого князя Василья Ивановича всеа Русии имя та жалованная грамота подписана ж в нынешнем во 115-м году апреля в 25-м числе, а подпись дьяка нашего Никона Олексеева, а в грамоте написано: бояре наши и по городом наместницы и волостели и их тиуны патриарших монастырей архимаритов и игуменов и свещенников и старцов и всяких его приказных людей и патриарховых крестьян и монастырей его слуг и крестьян не судят ни в чом, оприч душегубства, и кормов своих не емлют и подымново и поворотново не платят. И мы отца своего и богомольца Ермогена, патриарха Московского и всеа Русии, Новинского монастыря Костромского уезда села Куликова и Трестина крестьян Нефедка Фадеева с товарыщи пожаловали, своей царские жаловалные грамоты рудити не велели, Новинского монастыря с вотчины на крестьянех наших четвертных доходов, кормовых и поворотных денег, на нынешней на 115 год и вперед имати не велели. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б отца нашего и богомольца Ермогена, патриарха Московского и всеа Русии, Новинского монастыря с вотчины на крестьянех, наших четвертных доходов з дворов поворотных и с сошново писма кормовых денег на нынешней на 115 год и вперед не правил. А прочет сю нашу грамоту отдал бы еси ее пречистые Новинского монастыря крестьяном Нефедку Фадееву с товарыщи и они ее у себя держат вперед для наших посланников и иных костромских приказных людей. Писан на Москве лета 7115-го августа в 30 день.

На обороте: Диак Василей Марков.

На Кострому Ивану Самойловичю Салманову.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Костромской у., № 5158/191.

53. 1610 г. июня 21. — Грамота из Галицкой четверти в Галич И. И. Колемину о невзимании с вотчины Симонова монастыря денег «за посошные люди и за подводы с телегами».

От царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии в Галич Ивану Ивановичю Колемину. Бил нам челом Симонова монастыря архимарит Филофей з братьею, а сказали: по нашему указу правишь ты сь их манастырские вотчины за посошные люди и за подводы с телегами денгами, а на Москве-де сь их вотчины лошади взяты ж; а та их монастырская вотчина от воров и от литовских людей запустела; и нам бы их пожаловати, с тое их манастырские вотчины вдругие за подводы и за посошные люди денег имати не велети. А в Галитцкую четверть к диаку нашему к Михаилу Бегичеву в памяти за приписью диака нашего Истомы Корташева написано: Симанова монастыря с вотчины лошади взяты на Москве. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Галитцкого уезда Симанова манастыря с вотчины со крестьян за посошные люди и за лошади денег не правил. Писан на Москве лета 7118-го июня в 21 день.

На обороте: Справил Климко Козодаев.

Печать.

ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии, Галицкий у., № 3413/83.

54. 1617 г. января 31. — «Выпись с памяти о четвертной пашне» Троице-Сергиева монастыря.

Выпись с памяти, какову паметь клали в Поместном приказе в прошлом во 125-м году Троицы Сергиева монастыря архимарит Деонисий да келарь старец Аврамей Палицын за приписью диака Елизарья Вылузгина о троецких вотчинах по кольку чети велено в соху положить. И 108-го году декабря в 4 день написано: по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу диаком Ондрею

Арцыбашеву да Василью Нелюбову. В 107-м году декабря в 21 день в приказ Болшого Приходу к ним к диаком послана память ис Помесного приказу за приписью диака Ивана Ефанова: пожаловал государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии Сергиева монастыря архимарита Кирила з братьею и хто по нем иные архимариты и братья будут, велел Троецкую Сергиева монастыря вотчину в Московском уезде монастырскую и крестьянскую пашню, живущую и пустую, положити в сошное писмо против помесных земель добрые земли по осмисот чети в соху, а середние по тысече чети, а худые по тысече по двесте чети. И велел государь тое монастырскую пашню живущую и с тем, что пашут детеныши на монастырь, в Московском уезде и в-ыных городех обелить и из сошнова писма выложить, да и впредь с тое монастырские пашни всяких своих государевых податей и посохи имати государь не велел. А крестьянские пашни и служни со всее, которую пашню крестьяне и служки пашут на собя, посошные люди и денежные доходы и всякие мелкие розметы по сошному розводу велел государь имати по прежнему. И они диаки тем монастырским землям в Поместной приказ прислали платежницу с писцовых книг розных писцов, что в тех монастырских землях пашни, и что пашут детеныши на монастырь, и которую пашню на монастырь крестьяня пашут на себя, росписати против писцовых подлинных книг порознь. И в Помесном приказе выписано ис писцовых книг те монастырские земли во всех городех, что в котором городе сошного писма в монастырской, в крестьянской пашне в живущем и в пусте порознь и тому послана к ним с книг платежница с сею памятью за диячьею приписью.

И Троецкой Сергиева монастыря архимарит Дионисей да келарь старец Аврамей Палицын государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всеа Русии били челом, чтобы их государь пожаловал по памяти, Троицких Сергиева монастыря вотчин о сошном писме велел свой государев указ учинить.

И генваря в 31 день указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии вотчину Троицы Сергиева манастыря в Московском уезде и в-ыных городех крестьянскую пашню, и что служки на себя пашут, живущую и пустую, велел положить в сошное писмо против боярских и дворянских и детей боярских вотчинных земель добрую и середнюю и худую землю в ряд, без наддачи, по осмисот чети в соху, а манастырскую пашню в Московском уезде и в-ыных городех велел обелить и из сошнова писма выложить по прежней памяти.

У подлинной пишет: Диак Герасим Мартемьянов. Справа подьячего Михаила Гороздинцова.

ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии, Московский у., № 14385/1, глава 163, озаглавленная: «Выпись с памяти о четвертной пашне».

Дополнение

ПЕРЕПИСКА ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА С ОПРИЧНЫМ ДУМНЫМ ДВОРЯНИНОМ ВАСИЛИЕМ ГРЯЗНОВЫМ[1]

I. 1574 г. Письмо царя Ивана IV опричному думному дворянину Василию Григорьевичу Грязному Ильину, захваченному в плен крымскими татарами.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии Василью Григорьевичю Грязному Ильину. Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон — ино было, Васюшка, без путя середи крымских улусов не заезжати; а уже заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за заицы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрочон умеют ловити да так не говорят, дошедши до

[1] Издана П. А. Садиковым в статье «Царь и опричник», Сборн. «Века», Пгр., 1924 (по тексту, сохранившемуся в «Крымских посольских книгах», № 14, лл. 214 об. — 217 и 241—254 об. ЦГАДА).

чюжеи земли, да пора домов. Только б таковы крымцы были, как вы жонки — ино было и за реку не бывать, не токмо что в Москве. А что сказываешьс[я] великой человек — ино что по грехом моим учинилиос[ь] (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. И мы того не запираемся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим, а доселева такие по пятидесят рублев бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили; а Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысячь рублев не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублев лутчи, а за сына за Дивеева дочерь свою дал, а нагайскои княз и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на ково меняти Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было: а то в нынешнее время неково на Дивея меняти. Тебе, вышедчи ис полону, столко не привесть татар ни поимат, сколко Дивей крестьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для крестьянства на крестьянство: ты один свободен будешь да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да неколко сот крестьян лутчи тебя пленит, что в том будет прибыток? Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То крестьянству не пособити — разорить крестьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп и мы тебя тем пожалуем. А будет станишь за гордость на крестьянство-ино Христос тебе противник.

На обороте. Дияк Ондрей Иванов.

II. 1576 г. Первое письмо опричного думного дворянина Вас. Григ. Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена.

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии бедной холоп твои полоняник Васюк Грязной плачетца. Писал еси, государь, ко мне холопу своему, кое было мне бес путя середи крымских улусов не заезжати, а заехано-ино было не по объездному спати; да яз же, деи, чаял, что в объезде с собаками гоняти за заицы, ажно меня самово в торока как заица ввязали; так такожь, деи, яз чаял какозо за кушеньем стоячи у тебя, государя, щутити; да яз же, деи, говорил, кое, деи, пора моя. Да в твоей ж государеве грамоте писано, что яз за себя Дивея сулил, а сам ся сказывал великим человеком, и мне б памятовать свое величество. И яз, холоп твой, ходил по твоему государеву наказу, велено мне, государь, было и на Миюс ходити и на Молочные Воды языков добывати, которые бы ведали царево умышленье, кое бы тебе, государю, безвестну не быти только вестей не будет ни от которых посылок. И мне было, холопу твоему, посылати некого; а ково ни пошлю, и тот не доедет да воротитца да приехав солжет: где ни увидит какой зверь да приехав скажет — «люди». И мне было, холопу твоему, как с ложною вестью к тебе, ко государю, посылати, а солгав да к тебе, ко государю, мне было, холопу твоему, с чем появитца? А того слова не говаривал, кое пора, деи, моя; а которые говорили, те и бегали с Молочных Вод да потеряв твое государево дело да опять воротились. А только б яз, холоп твой, по объездному спал, ино было, государь, до Молочных Вод не доити; да и назад уж был сходил, уж был того дни на Кмолшу на стан, коего дни меня, холопа твоего, взяли татареве, а подстерегли тут таки, государь: мояж была. Да послал Василья Олександрова с товарыщи сторожеи гоняти, а яз стал в долу с полком, а Василью приказал: «Любо, реку, учнут тебя гоняти, и ты, реку, к нам побежи». И как Василей учал гоняти сторожеи — ино Василья встретили татарове да

почали гоняти. И Василей побежал мимо меня, и яз, холоп твои, и молыл Василью так: «Пора напустить?!» и, кинувшись встречю, Василья стнял, надеючись на полк, да сцепился с мужиком. А полк весь побежал, и рук не подняли! Да чтоб, милостивый государь, от многих людей — ино толко было двесте восемдесят человек татар и с мурзами, от болших людей на Карачекре отбились да ещо у них побили и поранили многих! А тут и рук не подняли, а было сто пятнатцать ручниц, а меня, холопа твоего выдали! И меня, холопа твоего, взяли нолны з двема седлы защитясь, уж мертвово взяли; да заец, государь, не укусит ни одное собаки, а яз, холоп твои, над собою укусил шти человек до смерти, а дватцать да дву ранил; тех, государь, и ко царю принесли вместе со мною. А в Крыме что было твоих государевых собак изменников и божиим милосердьем за твоим государевым счастием, яз, холоп твой, всех перекусал же, все вдруг перепропали, одна собака остался — Кудеяр, и тот по моим грехом [1] маленко свернулся, а вперед начаюс на милость божию, толко бог грехов не помянет, и того тут не будет же. А коли меня, холопа твоег[о], ко царю принесли толко чють жива, а о чем меня царь спрашивал и яз что говорил лежа перед царем, и яз, холоп твои, написав да х тебе, ко государю, послал с Офонасьем, а иные речи Офонасей сам да и все слышели, а Нагаи толмачил твой государев толмачь. А шутил яз, холоп твои, у тебя, государя, за столом тешил тебя, государя — а нынече умираю за бога да за тебя ж, государя, да за твои царевичи, за своих государей. И за тех изменников царь хотел казнити. Да ещо бог [2] дал на свет маленко зрети да твое государево имя слышети да опят царь розгодал да молыл: «Тот, деи, свое чинит, своему государю служит», да меня холопа твоего, отодал в Манкуп город да велел крепити да мало велел ести давати: толко б не твоя государьская милость застала душу в теле — ино было з го-

---

[1] Зачеркнуто: «моим».

[2] «Бог» *повторено и зачеркнуто.*

лоду и с наготы умерети. А нынече молю бога за твое государево здоровье и за твои царевичи, за свои государи; да ещо хочю у владыки Христа нашего бога, чтоб шутить за столом у тебя, государя, да не ведою, мне за мое окоянство видат ли то: аще не бог да не ты поможешь — ино некому. Да в твоей ж государеве грамоте написано, кое ты пожалуешь выменишь меня, холопа своего, и мне приехав к Москве да по своему увечью лежать — ино мы, холопи, бога молим, чтоб нам за бога и за тебя, государя, и за твои царевичи, а за наши государи, голова положити: то наша и надежда и от бога без греха, а ныне в чом бог да ты, государь, поставишь. А яз, холоп твой, не у браги увечья добыл ни с печи убился, да в чом бог да ты, государь поставишь. А величество, государь, што мне памятовать? — Не твоя б государскоя милость, и яз бы што за человек? Ты, государь, аки бог и мала и велика чинишь. И царю есми сказывал: «Яз молодой человек». А Дивея, государь, яз за себя не суливал, хотя б и по моей мене была мена, и яз бы так не молвил: кое даст государь, за меня мену, то, государь, в божие воле да в твоей государеве. А писал, государь, яз, холоп твой, о Дивее того для, чтоб тебе, государю, известно было царево умышление, при послех; и он мурзу прислал да велел был мне, холопу твоему, писати и приказывати о чем ум весть не подъимет, а про Дивея молвил: «Велел, деи, был царь тебе о Дивее писати; а ныне Дивей царю не нужен: у Дивея, деи, три сыны и меншой Дивея лутчи — вот, деи, послы их знают». И яз, холоп твой, говорил сколко бог вразумил: милостивый государь, спроси послов, как ся что деяло, а Нагаи толмачил. Да как, государь, отпустя послов, а меня холопа твоего, велел повести в село в то ж, где яз тогды сидел, да как против царева двора, и царь выслал Зелдала-агу с саблею да и с чернилы и з бумагою да говорил тогды так: «Пиши, деи, о Дивее, царь велел тебе говорити. Толко, деи, не станешь писать, и тебе, деи, уж же быти кажнену; то, деи, уж ты меж нас ссору чинишь; а толко, деи, напишешь, а брат, деи, нашь, а ваш государь, так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет —

ино, деи, меж нас и доброе дело сстанетца». И яз, холоп твой, о том и плакал и бил челом и под саблю ложился, а говорил: «Коли царю надобен Дивей и царь о нем о чом сам не пишет? А мне как холопу писати ко государю о таком о великом деле: яз волоса Дивеева не стоен». И он, государь, опят ко царю ходил да вышедши молвил так: «Царь, деи, тебе велел говорити: Не станешь писати, и тебе уж жо быти кажнену. И ты, деи, которое любишь: то ли, кое уж жо умерети, или то, кое меж нас будет доброе дело? А мне, деи, о том писати сором потому, кое ево у меня ис полку взяли; яз, деи, потому перед послы не велел о том говорити». И толко б не было такова слова, и яз бы не дерзнул так писати для своей головы, хоти б и умерети. А то, государь, яз, холоп твой, писал для того, кое бы тебе, государю, было известно царево умышление, а не для того, кое бы ты, государь, дал за меня Дивея; хоти б, государь, яз, холоп твой, сам того не разумел, и яз то помню: которые из Литвы сулили за себя мену, ино каково с им сставало. А о своей голове яз, холоп твой, тебе, государю, бил челом, чтоб ты, государь, милость показал промыслил моею бедною головою, как тебе, государю, бог известит для крестьянские веры, а не для того, кое бы за меня Дивея дал. Да ко мне ж, холопу твоему, писано: толко стану на крестьянство за гордость — ино мне Христос противник. Ино мне, холопу твоему, то ли видети, кое от тебя, от государя, писано жестоко и милостиво да так учинить: ино дана душа богу да тебе государю да твоим царевичам, а нашим государем, а буди воля божия да твоя государева отныне и до века, да и сподобил был бог умерети за вас государей. Да ещо вдунул душу бог в мертвеное тело, ино бы, государь, и на конец показати прямая службишко. Да покажи милость бедному своему полонянику и богомолцу, пришли милостыню, не дай умерети з голоду, а хлеб дорог — по три тысячи батман — да и не добудут купити, а животина вымерла и лошади повымерли и мертвова ести не добудут. А сижю в пустом городе в кадомах — выработат нелзя и не у кого. А твое государево жалованье — и яз долг платил,

а иное кое чего для отдал добра для. А царь мало кормит; а взять, государь, есть кому, а кормить некому: толко б не твоя государева милость, ино умерети з голоду и с наготы. А тогда потому, милостивый государь, писано неисправно: яз был тогды при смерти, а не писать яз, холоп твои, не смел такова слова. А в милости и во всем ты, государь, волен: яз, ведь, холоп твой, телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душею у бога да у тебя, государя, и мне что слыша, как тово не писати? А в том волен бог да ты, государь: делаешь так, как годно богу да тебе, государю. А ныне вести х тебе, ко государю, потому не писал — скажет тебе, государю Иван Мясоедов; а преж того есми послал к тебе, ко государю, две грамоты сего лета о Вознесеньеве дни, а третюю грамоту о Покрове. А вперед, государь, надеюс на милость божию, кое ты, государь, безвестен не будешь, хотя мне и умерети за бога да за тебя, государя, и за твоих царевичей. И мне то не страшит, а страшно мне твоя государева опала. И яз, холоп твой, о том тебе, государю, плачюс, чтоб ты милость показал свой царской сыск учинил то ся как деяло и чего для: хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы тебе, государю, известно было в правду.

III. 1576 г. Второе письмо опричного думного дворянина Вас. Григ. Грязного-Ильина царю Ивану IV Васильевичу из крымского плена.

Государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии холоп твой бедной полоняник Васюк Грязной челом бьет. Присылал, государь, ко мне, холопу твоему, царь чеуша Крылова, и чеушь, государь, мне говорил: Царь, де, велел сказати: «Яз, деи, не посылаю к брату своему своего гонца да толмача великого князя, а гонца, деи, великого князя здеся оставливаю, потому, кое князь велики моево татарина Шигая оставил. А хочет послать з добром: хочет, деи з братом своим помиритца». И яз, холоп твой, говорил так: «Дасподи, государи здоровы были на многие лета, а междю

б их, государей, была любовь и братство. Мы, холопи, о том бога молим». И он молыл так: «Царь, деи, был и хотел отпустити Ивана, ино деи, те били челом о том, которых царь посылает своих, штоб царь не отпущал Ивана, блюдась тово, что вашь государь засаживает у себя. А царь, деи, всех отпущает — и послов и гонцов». И яз, холоп твой, говорил: «То, реку, ведает бог да государи, межю собою как хотят, так делают, а нам бы, их холопем, видеть такое б меж их, государей, любовь и братство». И он говорил так: «Царь тебя велел спросити: Ты, деи, коли жил у своего государя, и ты тогды слыхал у государя, на чем брат нашь хотел помиритца со мною?». И яз, холоп твой, говорил: «Коли, реку, яз и у государя был, и яз, реку, и тогды не ведал ничего, а ныне, реку, сижю у царя в полону уж три годы в кадамах — вовсе уже в Манкупе два года — и мне, реку, почему ведати государево умышление?». И он учал говорити: «Царь, деи, тебя велел того для спросити, что царь хочет миритца со государем с вашим. И ты, деи, тово для скажи, на поминках ли, деи, или, деи, на Казани и на Асторохани? скажи, деи, ты таки правду царю». И яз, холоп твой, говорил: «Волон бог, а царь в моей голове, а мне, реку, царю как солгати? Слыхал, реку, есми от людей: государь хачивал на поминках помиритца. А о Казани и о Асторохани яз, реку, и дотолева царю сказывал, кое и поминать нечего, тому как сстатись, кое государю поступитца Казани или Асторохани?». И он, государь, с тем и поехал к царю. А в те поры, государь, был у меня твой государев орлянин сын боярской полоняник, Ондраганом зовут, Сопрыкин сын Труфонова. И яз ево с тем словом к Ивану послал. Мне, холопу твоему, что слыша и с чем ко мне царь присылает — тово к тебе, ко государю, как не писать тово для, чтоб тебе, государь, известно было? Да здесь, государь, говорят люди: царю, деи, самому никуды не хаживать, потому блудетца, деи, турского нынешнего царя — хочет, деи, на ево место прислати инова царя турской царь, тестя своего асtороханского царевича,а прямых и вестей ещо нет. Да прислал, государь, ко мне, холопу твоему, в Манкуп

царь изменника твоег[о] Кудеяра спрашивать о том: «Велел, де, яз тобе писать к своему государю о своем деле. И ныне гонец здес; тебе государь что отписал?» И яз, холоп твои, Кудеяру ничево не сказал, ни грамоты, ни слова, а говорил есми: «Ты, реку, Кудеяр — изменник божей да государев: тобе мне как сказать? Але, реку, у царя оприче тебя людей нет?» И Кудеяр ко мне приступал накрепко, а говорил так: «Царь, деи, не хочет гонца отпустити, коли, деи, ты не скажешь ничево». И яз, холоп твой, таки одно ему говорил: «Ты, реку, — изменник; как мне с тобою говорить?» А в те поры, государь, был у меня твой государев сын боярской поляник Федор Толочанов — при нем ся деяло. Да после тово, государь, яз посылал ко царю челобитную, а написал так в челобитнои: «Государю царю волному человеку бедной полоняник твой Васюк челом бьет. Присылал еси, государь, ко мне изменника государева спрашивать о своем деле — и мне, государь, с-ызменником как говорить? А о чем еси мне велел писат ко государю — и сказывают о том на меня, на холопа своего, государь, опалу свою положил, что яз, холоп ево, писал о таком о великом деле, а не против своее меры. А то, реку, есми слышел же, что государь царь православный меня, холопа своего, велел окупати денгами, толко ты, волной человек, меня пожалуешь не уморишь в кадамах, дашь на окуп. Да говорил, реку, мне волной человек, от тебя Кудеяр: Толко, деи, ты не скажешь ничево, и царь, де, не хочет гонца отпустити великово князя». И царь, [де], государь, про то слово Кудеяру с кручиною посмеялся, а говорил: «Деи, яз, деи, тебя, Кудеяр, не хотел послать и ты, де, ся сам назвал. А яз, деи хотел послать чеуша Крылова». А к Ивану посылал тое челобитную и Иван ее смотрил же, государь, тое челобитную толды, коли ко царю несли. И царь, государь, сказывают велел перед собою тое челобитную прочесть да мне велел отказать: «Яз, деи, к тебе Кудеяра не хотел послать — послал, де, был чеуша Крылова, и Кудеяр, деи, сам назвался. А то, тебе Кудеяр неподелно говорил, кое мне гонца не отпустити: коли, деи, меж нас ссылки не будет — как же межь нас

доброму делу быти?» Коли ты, милостивый государь, меня, холопа своег[о], послал на свою царскую службу, и яз, холоп твой, перед тобою, государем, бога молил и пречистую богородицу, чтобы мне за тебя, за государя, и за твои царевичи, за свои государи, голова положити, а ты б, государь, и с своими царевичи на своих государствах здоров был на многие лета, а недруг бы твой на твою государеву землю не шол — ино, милостивый государь, божиим милосердием и твоим государским счастием по се время недруг твой не бывал. А вперед, государь, о том же плачюсь перед создателем, чтоб твоег[о] недруга бог не допустил, а ты б, государь, и з своими царевичи здоров был на многие лета.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Акты, относящиеся к истории Западной России, III. СПб., 1848, № 58. Вестовые отписки Оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского польскому королю Генрику и литовским радным панам о московских делах, стр. 164—177.

Акты, относящиеся к истории земских соборов. Под редакцией Ю. В. Готье. М., 1909.

Акты, Успенского монастыря. Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1906, вып. 2—3.

Амвросий, архимандрит. История российской иерархии, ч. III. М., 1811.

То же, ч. VI, М., 1815.

А. И. Андреев. О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1566 г. РИЖ, 1920, кн. 6.

А. И. Андреев. Колонизация Севера в XVI—XVII веках. — Очерки по истории колонизации Севера. Изд. Комитета Севера при Русском Географическом обществе, вып. 1, П., 1922.

А. И. Андреев. Отступные грамоты. (К истории крестьянского землевладения на Севере в XVI в.). Сб. статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Историческое обозрение, т. XXI.

А. И. Андреев, журн. «Дела и дни». Пгр., 1920, кн. 1. Рецензия на: С. А. Шумаков. Грамоты и записи.

А. М. Андрияшев. Материалы для исторической географии Новгородской земли, т. III. М., 1914.

Архив П. М. Строева. I. РИБ, XXXII, Пгр., 1915.

Архив П. М. Строева. II. РИБ, XXXV, Пгр., 1917.

Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, т. II. М., 1838, кн. IV.

Д. И. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I. М., 1887.

Н. Н. Бантыш-Каменский. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. М., 1862.

А. Барсуков. Род Шереметевых, ч. I. СПб., 1881.

С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. Очерки по истории колонизации Севера. Изд. Комитета Севера при Русском Географическом обществе, вып. 1. П., 1922.

С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, вып. 1 (1578—1613 гг.). Чтения, 1888, кн. III.

С. А. Белокуров. О посольском приказе. Чтения, 1906, кн. III, отд. IV.

И. Д. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. Чтения, 1846, кн. III.

И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. М., 1860.

М. М. Богословский. Несколько слов об одном проекте реформ XVI в. Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. I, вып. 1, 1898.

М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. М., 1909.

С. К. Богоявленский. Описи дел приказа Новгородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г. Чтения, 1905, кн. I.

С. К. Богоявленский. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. Чтения, 1912, кн. II.

Боярская книга 1556 г. Архив Историко-юридических сведений Н. В. Калачова. 1861, кн. III, отд. II, СПб. — М.

А. В—н. Грамоты и акты Вятского архиерейского дома. Труды Вятской архивной комиссии. 1907, вып. 2, отд. II, Вятка.

И. А. Вахромеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. I. М., 1896.

А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924.

В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1863.

То же, ч. II, СПб., 1864.

Ф. Вержбовский. Отношения России и Польши в 1574—1578 годах по донесениям папского нунция В. Лаурео. ЖМНП, 1882, VIII.

И. И. Вернер. О времени и причинах образования Московских приказов, вып. 1. М., 1907.

То же, вып. 2. М., 1908.

Н. И. Веселовский (см. «Памятники»).

С. Б. Веселовский. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Чтения, 1911, кн. IV.

С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I. М., 1914.

С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. М., 1915.

С. Б. Веселовский. Две заметки о Боярской думе. Сб. статей, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1911.

С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I, М., 1915.

То же, т. II, М., 1916.

С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936.

С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. Проблемы источниковедения. Сб. III, М.—Л., 1940.

М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. Киев, 1909.

М. Ф. Владимирский-Буданов. Христоматия по истории русского права. Вып. 2, изд. 4-е, Киев, 1909.

То же, вып. 3, изд. 4-е, Киев, 1908.

Г. А. Власьев. Потомство Рюрика, т. I. 3 части. СПб., 1906.

Военный Журнал, изд. Военно-учебным комитетом, 1852, I (см. Ливонский поход и т. д.).

Л. Воронцова. Два документа (XVI в.) из архива серпуховского Высоцкого монастыря. Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. II. Вып. 1, М., 1900.

Л. Воронцова. Рукописи серпуховского Высоцкого монастыря. Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества, т. II. Вып. 2, М., 1902.

А. А. Гераклитов. Грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. Саратов, 1914.

А. М. Гневушев. Акты времени царя Василия Шуйского. Чтения 1915, кн. II.

П. М. Головачев. Томск в XVII в. СПб., б/д.

А. В. Горский и арх. Леонид. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1879, ч. II.

М. Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871.

И. Я. Гурлянд. Акты Романовской ямской слободы 1587—1707 гг. Ярославль, 1901.

Дела Тайного приказа. Книга II, РИБ, т. XXII. СПб., 1908.

А. А. Дмитриев. Пермская старина, вып. 2. Пермь, 1890.

То же, вып. 5, Пермь, 1894.

То же, вып. 6, Пермь, 1895.

Ф. М. Дмитриев. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859.

М. В. Довнар-Запольский. Время царя Ивана Грозного. Русская история в очерках и статьях, т. II. М., б/д.

К. А. Докучаев-Басков. Строкина пустынь. Известия Общества изучения Олонецкого края, 1914, № 8, Петрозаводск.

П. Долгорукий. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1850.

Досифей, арх. Описание Соловецкого монастыря, ч. I. М., 1830.

То же, ч. III, М., 1833.

Древнейшая разрядная книга, М., 1902.

Древняя Российская Вивлиофика. 2-е изд., ч. XIV, М., 1790.

То же, т. XV, М., 1790.

То же, т. XX, М., 1791.

Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных (под ред. С. В. Бахрушина), М., 1909.

М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 2. Грамоты и записи. Юрьев, 1897.

М. А. Дьяконов. Власть московских государей. Литографированное издание. СПб., 1909.

М. А. Дьяконов. Городовые приказчики. ЖМНП, 1900, январь.

М. А. Дьяконов. Дополнительные сведения о московских реформах половины XVI века. ЖМНП, 1894, № 4.

М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. Изд. 4-е. СПб., 1912.

И. Н. Жданов. Сочинения, т. I, СПб., 1904.

И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Сочинения, т. I. СПб., 1904.

И. Е. Забелин. Опричный дворец царя Ивана Васильевича. Археологические известия и заметки, изд. Московского археологического общества, т. I, вып. 2, М., 1893.

К. Н. Зайцев. К вопросу о платежных книгах и платежницах. СПб., 1909. Труды студентов экономического отделения СПб. политехнического института, № 3.

А. И. Заозерский. К характеристике московской дипломатии XVII в. Сб. «Сергею Федоровичу Платонову», СПб., 1911.

Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея. Пер. Н. А. Белозерской. СПб., 1909.

Иаков, архимандрит. Извлечения из архивных книг и дел Кириллова-Белозерского монастыря. Древности. Труды Московского археологического общества, т. VIII. М., 1880.

П. И. Иванов. Описание государственного архива старых дел. М., 1850.

Исторический Архив, т. III. М.—Л., 1940 (см.: П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в.).

А. К. Кабанов. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов, вып. 3. Нижний Новгород, 1913. Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XIV.

Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Изд. 5-е, М., 1893, кн. III.

В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. II. М., 1906.

В. О. Ключевский. Боярская Дума древней Руси. М., 1909.

Книга Большому Чертежу. Изд. 2-е, Д. Языкова. СПБ., 1838.

Д. Ф. Кобеко. Дьяки Щелкаловы. СПб., 1908. Труды Русского генеалогического общества.

Д. Ф. Кобеко. Михаил Арасиакович Кайбулин, царь Астраханский. ЗВОРАО, т. XIII, вып. 4, СПб., 1901.

И. П. Крылов. Старица и ее достопримечательности. Изд. 2-е. Старица, 1915.

А. С. Лаппо-Данилевский. Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг. РИБ, XV, СПб., 1899.

Ф. Ф. Лашков. Исторический очерк Крымско-татарского землевладения. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 22, 1895.

Д. Лебедев. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881.

Ливонский поход царя Ивана Васильевича Грозного в 1577 и 1578 годах. Военный журнал, изд. Военно-учебным комитетом, 1852, № 1, 2, 3, 4, 5; 1853 г., №№ 5, 6.

Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки в XVI столетии. СПб., 1888.

Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894.

Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках (вып. 1 — Духовные и договорные грамоты; вып. 2 — Грамоты правые. СПб., 1895).

Н. П. Лихачев. Думное дворянство в боярской Думе XVI столетия. СПб., 1896. Сб. Археологического института, книга VI, СПб., 1898.

Н. П. Лихачев. Отрывок из расходных книг костромского Ипатьевского монастыря. СПб., 1898. Сб. СПб. Археологического института, 1898, кн. VI.

Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых. Летопись занятий Археографической комиссии, т. XI. СПб., 1903.

Н. П. Лихачев. Дело о приезде папского посла Антония Поссевина. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. 11, СПб., 1903.

Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев. Тысячная книга. Орел, 1911.

Хр. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. I. СПб., 1892.

М. К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1913.

И. Любименко. История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912.

П. Г. Любомиров. Очерк истории Нижегородского ополчения. Пгр., 1917.

Макарий, еп. архангельский и холмогорский. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. М., 1878.

А. Маркевич. О местничестве, ч. I. Киев, 1879.

Ф. И. Маслов. Масловский архив, вып. 1, 1569—1631 гг. Чтения, 1916, кн. 2.

Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губ. Отдел третий для Костромской и Полесской десятин Костромского уезда, XV—XVIII вв., вып. 5, М., 1912.

Местнические дела 1563—1605 гг. Собраны и изданы Н. П. Лихачевым. Отд. оттиск из VI тома сборника СПб. Археологического института. СПб., 1894.

В. Ф. Миллер. О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного. ЖМНП, 1913, VIII.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сб. Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1915.

Г. Ф. Миллер. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб., 1750, ч. I. (Новое издание: История Сибири, т. I. Л., 1937; то же, т. II. Л., 1941).

Г. Ф. Миллер. Московские старинные приказы. Др. Росс. Вивл., т. XX. М., 1791, изд. 2-е.

П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892.

Можайские акты. Сообщил архимандрит Дионисий. СПб., 1892.

Н. В. Мятлев. Челобитная Михаила Татищева. Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1907, вып. 1.

Н. В. Мятлев. Родословные разведки. Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1911, вып. 1—2.

Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Под редакцией А. И. Яковлева. М., 1909.

Начертание жития митрополита Филиппа. М., 1860.

К. А. Неволин. Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1859.

Ненокские акты. Из бумаг П. Ф. Кузьмищева. Архангельские губернские ведомости, 1851, № 40.

Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь в первой четверти XVII века, т. I, вып. 1. СПб., 1897; то же, вып. 2, СПб., 1910.

Новгородские летописи (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею, т. V. СПб., 1905.

Новое известие о России времени Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. Под редакцией А. И. Малеина. Л., 1934.

Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. III. Чтения, 1900, кн. III.

Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905.

Описание Макарьева Унженского Костромской епархии третьеклассного мужского монастыря. М., 1835.

Описание Николаевского Луховского костромской епархии третьеклассного мужского монастыря. М., 1836.

Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище, 1533—1551 г., вып. 6. Вологда, 1903.

Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 г. Доставлено И. К. Куприяновым. Изв. Археологического общества, т. III, вып. 1. СПб., 1861.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I, СПб., 1851; то же, т. X. СПб., 1871.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. СПб., 1891, т. I.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 4: Славяно-русский пролог, ч. 21 (под. ред. проф. А. И. Пономарева). СПб., 1898.

Писцовые книги Московского государства, под. ред. Н. В. Калачева, т. I. Отд. I, СПб., 1872; Отд. II, СПб., 1877.

С. Ф. Платонов, Сочинения. Т. I — Статьи по русской истории. СПб., 1912; т. II — Древне-русские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913: т. III — Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910.

С. Ф. Платонов. Иван Грозный, II. 1923.

Повесть некоего боголюбива мужа, списана при Макарье митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси... Москвитянин, ч. I, № 1, стр. 246—249.

Полное собрание русских летописей, издаваемых Архсографической комиссией, т. VI, ч. I. Софийская летопись, СПб.; то же, т. XIII, ч. I, СПб., 1904; т. XIII, ч. 2. СПб., 1906.

А. И. Пономарев, см. «Памятники».

Н. А. Попов. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря. Чтения, 1910, кн. II, стр. 92—132.

Д. Прозоровский. Опись древних рукописей, хранящихся в Музее Русского археологического общества. СПб., 1879.

Приходо-расходные книги Московских приказов. Кн. I, РИБ XXVIII, М., 1912.

Псковская первая летопись. ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.

Путешествие в Московию датского посланника Иакова Ульфельда в 1575 г. Чтения, 1883, кн. 2.

Разряды 1556 и следующих годов. Др. Росс. Вивл. Изд. второе, ч. XIII. М., 1790.

Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563. Витебская старина, т IV. Составил и издал. А. Сапунов. Витебск, 1885, стр. 27—70.

В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI века. Чтения, 1908, кн. I.

В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК, вып. XXXIII, Л., 1926, стр. 103—200.

М. Г. Рогинский. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. РИЖ, 8. П., 1922.

Родословная книга великого Российского государства. Временник Общества истории и древностей Российских, т. X. М., 1851.

С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

С. В. Рождественский. Филипп, митрополит. Русский биографический словарь, том Фабер—Цявловский.

Н. А. Рожков. Книги — записные вотчинные Поместного приказа. Исторические и социологические очерки, вып. 2. СПБ., 1906.

Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. I. П. — М., 1922.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографической Комиссией. Том второй. СПб., 1875.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачовым. РИБ, т. XVI. СПб., 1897.

Русский биографический словарь, том Павел—Петр (Илейка). СПб., 1902.

Русский Исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Редактор проф. Погодин. М., 1838, т. 2; то же, М., 1842, т. V.

И. С. Рябинин. Показание польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву 1574—1575 гг. Чтения, 1905, кн. I.

В. И. Савва. О Посольском приказе в XVI в., вып. 1. Харьков, 1917.

П. Саввaитов. Описание Великоустюжского, Архангельского и приписного к нему Гледенского монастырей. СПб., 1848.

П. Саввaитов, Н. и И. Суворовы. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни. Вологда, 1911.

Л. М. Савелов. Князья Ковровы. Сб. статей, посвященных М. К. Любавскому. СПб., 1917.

Л. М. Савелов. Князья Пожарские. Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1906, вып. 2—3.

А. А. Савич. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь, 1927.

П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. Исторический Архив, т. III. М.—Л., 1940.

Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. I. М., 1905; т. II М., 1909.

Сборник Грамот Коллегии экономии, т. I, П., 1922; т. II, Л., 1929.

Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР, вып. 28, Л., 1930.

В. Н. Седашев. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912.

Н. И. Селифонтов. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова, ч. I, СПб., 1901.

И. Сенигов. Памятники земской старины. М., 1905.

С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891.

П. Симсон. История г. Серпухова. М., 1880.

Синбирский сборник, т. I. М., 1844 (Разрядная книга 7067 г.).

И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 5—6.

Б. М. Соколов. Шурин Грозного, удалой боец Мамстрюк Темрюкович. ЖМНП, т. 46 (1845 г.).

С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Издание «Общественная польза». СПб., 1894, кн. 2.

Сочинения кн. Курбского, т. I, РИБ XXXI, СПб., 1914.

А. А. Спицын. Местное и областное управление на Вятке до XVIII века и «К истории вятских инородцев». Вятка, 1888.

Е. Д. Сташевский. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. Чтения, 1911, кн. I, отд. I.

Е. Д. Сташевский. К вопросу о том, когда и почему возникли чети? КУИ, 1908, № 12, ч. II.

Е. Д. Сташевский. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI века, вып. 1. Московский уезд. Киев, 1907.

В. Н. Сторожев. Десятни и тысячная книга XVI в. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 8, М., 1891.

В. Н. Сторожев. Четвертчики. ЖМНП, 1891, I.

Н. С. Стромилов. Александрова слобода. Слобода до Грозного Чтения, 1883, ч. II.

Л. М. Сухотин. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. Чтения, 1911, кн. 4.

Л. М. Сухотин. К вопросу об опричнине. ЖМНП, ноябрь 1911.

Л. М. Сухотин. Четвертчики Смутного времени. 1604—1617 гг. Чтения, 1912, т. 2.

Сын Отечества и Северный архив. Журнал словесности, истории и политики. 1839, кн. IX, СПб.

Ю. В. Татищев. Разрядно-местнический справочник. Летопись Историко-родословного общества в Москве, 1910, вып. 2—3.

Тетрадь дворовая. СПб., 1902.

А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.

К. Тихонравов. Владимирская стрелецкая слобода. Владимирские Губернские ведомости, 1854, № 41.

Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1926.

А. И. Тургенев. Historica Russiae Monumenta, 2, Petropoli, 1842.

Тысячная книга. Издание Н. П. Лихачева и Н. В. Мятлева. Орел, 1911

Ф. М. Уманец. Русско-литовская партия в Польше 1574—1576 года. ЖМНП, 1875, XII.

Гавр. Успенский. Опыт повествования о древностях русских, ч. I. Харьков, 1818.

А. А. Федотов-Чеховской. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860, т. I; то же, т. II, Киев, 1863.

А. М. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI веке. Литературный вестник, 1901, т. I, кн. 3.

А. Н. Филиппов. Учебник истории русского права, ч. I, изд. 4-е, Юрьев, 1902.

Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1911 (Всеобщая библиотека, №№ 120—121); то же, изд. 1906 г.

Д. Цветаев. Мария Владимировна и Магнус Датский. ЖМНП, 1878, III.

Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

С. К. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914.

С. Д. Шереметев. Из архива Михалковых. Старина и новизна, кн. XVII., М., 1914.

А. Шлихтинг (см. «Новое известие»).

В. П. Шляпин. Акты великоустюжского Михаило-архангельского монастыря, ч. I. Великий Устюг, 1912, ч. II, 1913.

А. Я. Шпаков. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912.

Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Перевод И. И. Полосина. М., 1915.

С. А. Шумаков. Материалы для истории Нижегородского края, вып. 1. Н. Новгород, 1898.

С. А. Шумаков. Угличские акты. М., 1899.

С. А. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 2. М., 1900.

С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и выписи, вып. 2. М., 1902.

То же, вып. 3, М., 1904.

То же, вып. 4, М., 1909.

То же, вып. 5, М., 1910.

С. А. Шумаков. Экскурсы по истории Поместного приказа М., 1910.

С. А. Шумаков. К истории московских приказов. Юридич. зап., 1911, вып. 2—3.

То же, вып. 3, М., 1912.

То же, вып. 4, М., 1917.

Ю. Н. Щербачев (см. Русские акты).

Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Первый выпуск, 1326—1569 гг. Чтения, 1915, кн. IV.

Щукинский сборник, т. III, М., 1904.

В. Эйгорн. Список с грамоты царя Федора Ивановича тульскому осадному голове о пожаловании мельницы тульскому монастырю Иоанна Предтечи 1585 г. Янв. 30. Чтения, 1895, кн. II.

А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. I. СПб., 1889; т. II, СПб., 1891.

А. И. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разряд. Чтения, 1898.

А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АЗР — Акты западной России
АИ — Акты исторические
АМГ — Акты Московского государства
АЭ — Акты Археографической экспедиции
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта
ДАИ — Дополнение к актам историческим
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
Ист. Арх. — Исторический архив
КУИ — Киевские университетские известия
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии
НПК — Новгородские писцовые книги
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства (ср. 169)
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИЖ — Русский исторический журнал
РИС — Русский исторический сборник
РОБАН — Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук
Сб. ГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей Российских
Юр. Зап. — Юридические записки
ГБИЛ — Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина
ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве
ГПБ — Государственная Публичная библиотека в Ленинграде
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
ЦГАДА — Центральный Государственный Архив древних актов
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
РОГПБ — Рукописное отделение Государственной Публичной библиотеки

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-Издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *М. М. Смирнов*
Технический редактор *Е. А. Максимова* Корректор *О. Г. Крючевская*

РИСО АН СССР № 3801. Подписано к печати 16/VI 1950. М-21723.
Печ. л. 37 1/8. Уч.-изд. л. 32. Бумага 60×92 1/16. Бум. л. 18,5.
Тираж 5000. Зак. 1243. Цена в переплете 28 р. 50 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 лин., 12.

Отпечатано с набора во 2-й типо-литографии Гидрометеоиздта, Ленинград, Прачечный пер., 6.